

КОЛЛЕКЦИОННАЯ ФАНТАСТИКА

Кристофер Сташефф

Чародей
раскрепощенный

* * *

Чародей
разгневанный

ЧАРОДЕЙ РАСКРЕПОЩЕННЫЙ
ЧАРОДЕЙ РАЗГНЕВАНЫЙ

К. СТАШЕФФ

4

ТОМ

Christopher Stasheff

The Warlock Unlocked

The Warlock Enraged

Кристофер Сташефф

Чародей раскованный

Чародей в ярости

Компания ГРИФ-Ф Лтд.

МОСКВА

1993

- С59 Сташефф К.
Чародей раскованный. Чародей в ярости. /Пер.
с англ. — М.: Компания ГРИФ-Ф Лтд., 1993.— Т.4
— 544 с. (Коллекционная фантастика).

Борьба за уникальную, сказочную планету
в восхитительном продолжении сериала
Кристофера Сташеффа.

Перепечатка как отдельных частей, так и всего
произведения в целом возможна только с разрешения
Компании ГРИФ-Ф Лтд. (Издательство ГРИФОН).

Чародей раскованный

Пролог

Первую свою обедню папа Иоанн XXIV отслужил на глазах у всего мира, следящего через ЗМТ камеры. Вторую он отслужил на рассвете следующим утром на глазах у кучки посвященных священнослужителей в небольшой капелле, примыкающей к его покоям. Нашлось не слишком много желающих вставать в пять утра, даже ради обедни, проводимой святым отцом.

После скудного завтрака — он воскресил причудливый древний обычай служить обедню на пустой желудок, вопреки всем лекциям своего врача о том, что делает с его желудком глоточек вина каждое утро — папа сел за стол встретить свой первый рабочий день на новом посту.

Кардинал Инчипио дал ему время, чтобы он смог устроиться поудобней, прежде чем войти самому с охапкой пластинок — микрофильмов.

— Доброе утро, Ваше Святейшество.

— Доброе утро, Джузеппе.

Папа Иоанн поглядел на толстый футляр, вздохнул и вытащил свой аппарат для чтения микрофильмов. — Ну, начнем. Что там у вас для меня?

— Нечто таинственное. — Кардинал Инчипио жестом фокусника извлек древний конверт. — Я думал вам захочется начать утро с капельки интригующего.

Папа уставился на пергаментный контейнер размером девять на двенадцать дюймов.

— Вы безусловно привлекли мое внимание. Во имя всех звезд, что это такое? Конверт?! — Папа,

нахмуясь, взял его. — Футляр для посланий. Такой большой? Он, должно быть, старый!

— Очень старый, — пробормотал кардинал Инчипио, но папа Иоанн его не слышал. Он с трепетом глядел во все глаза на размашистую, от руки, надпись:

*Вскрыть: Его Святейшеству, папе Иоанну XXIV
23 августа 3059 г.*

Папа Иоанн почувствовал, как у него мурашки побежали от основания шеи по спине и плечам.

— Оно ждало очень долгий срок, — сообщил кардинал Инчипио. — Его оставил д-р Энгус Мак-Аран, в 1954 г. И так как папа по-прежнему хранил молчание, он нервно продолжал. — Потрясающе, что кто-то сумел сохранить конверт, спрятанный в подземных хранилищах. Послание было герметически запечатано.

— Конечно. — Его Святейшество поднял взгляд. — Тысячу сто пять лет. Как он узнал, что я буду папой на данное число?

Кардинал Инчипио мог лишь развести руками. — Разумеется, разумеется, — кивнул папа, сердясь на себя. Этого знать вы не можете. Ну! Нет смысла сидеть тут, с трепетом созерцая его. — Он вынул перочинный ножик и разрезал клапан. Тот порвался со скелетным хрустом. Кардинал Инчипио, не удержавшись, охнул.

— Знаю, — папа с пониманием посмотрел на него. — Похоже на осквернение святыни, неправда ли? Но ему предназначалось быть вскрытым. — Он осторожно, едва касаясь, извлек содержащийся в конверте единственный лист пергамента.

— На каком оно языке? — выдохнул кардинал Инчипио. — В прошлом на международном английском. Переводчик мне не нужен. Даже в бытность кардиналом Калумой папа Иоанн находил иной раз время преподавать курс всемирной мировой литературы. Он быстро пробежал взглядом древнее, выцветшее письмо, а затем прочел его вновь очень медленно. Закончив, он поднял взгляд и уставился в пространство, его темно-коричневое лицо становилось все темней и темней.

Кардинал Инчипио обеспокоенно нахмурился. — Ваше Святейшество?

Взгляд папы переметнулся на него и на миг задержался на его глазах. Затем Его Святейшество распорядился: — Пошлите за отцом Алоизием Ювэллом.

Кувшин с грохотом упал на пол. Ребенок бросил быстрый испуганный взгляд на спрятанную в верхнем правом углу видеокамеру и начал собирать осколки.

В соседней комнате отец Ювэлл вздохнул. — Как я и ожидал. Он повернулся к ждавшему в глубине помещения медбрату:

— Идите уберите у него, хорошо? Мальчику всего восемь лет, он может порезаться, убирая сам.

Медбрат кивнул и вышел. Отец Ал с грустной улыбкой снова повернулся к головизору:

— В этом мире столько небьющихся материалов, а мы все равно предпочитаем сосуды из стекла. В некотором смысле, это успокаивает... Так же, как и взгляд мальчика на скрытую камеру.

— Как так? — нахмурился отец Лабарр. — Разве это не доказывает, что способности у него — магические?

— Не более, чем его умение заставить тот кувшин плавать в воздухе, отец. Видите ли, он не пользовался никакими магическими приемами — никаких мистических жестов, никаких пентограмм, даже ни одного волшебного слова. Он просто пристально посмотрел на кувшин, и тот поднялся со стола и начал парить в воздухе.

— Одержимость демоном, — нерешительно предположил отец Лабарр.

Отец Ал покачал головой. — Судя по вашим словам, его и озорником-то едва можно назвать; будь он одержим демоном, тот, безусловно, сделал бы его очень неприятным ребенком.

— Итак, — стал перебирать пункты по пальцам отец Лабарр. — Он не одержим демоном. Он не занимается магией, ни черной ни белой.

Отец Ал кивнул. — Значит у нас остается только одно объяснение — телекинез. Его взгляд на ЗМТ

камеру многое открыл. Откуда он мог узнать, что она там, раз мы ему не говорили, и она хорошо скрыта, встроена в потолок? Вероятно он прочел наши мысли.

— Телепат?

Отец Ал снова кивнул. — И если он способен к телепатии, то, вполне вероятно, способен и к телекинезу: пси-свойства кажутся достаются все разом. Он встал. — Конечно, еще рано составлять окончательное мнение, отец. Мне понадобится понаблюдать за мальчиком попристальней, и в этой лаборатории, и за ее пределами, но я не могу предположить, что обнаружу в нем нечто сверхъестественное.

Отец Лабарр осмелился, наконец, улыбнуться. — Его родители испытают огромное удовольствие, услышав это.

— Сейчас, наверно, — улыбнулся и отец Ал. — Но в скором времени они начнут понимать, какие их ждут трудности с воспитанием мальчика, владеющего телекинезом и телепатией и еще не научившегося контролировать собственные силы. Все же, им окажут помощь, возможно даже большую, чем им хочется. Телекинетики редки, а телепаты и того реже; во всей Земной Сфере найдется лишь несколько дюжин. И у всех, кроме двух из них, этот талант крайне рудиментарен. Межзвездное правительство понимает, что такие способности могут принести огромную выгоду и поэтому проявляет интерес ко всем, обладающим ими.

— Опять правительство, — с досадой воскликнул отец Лабарр. — Неужели оно никогда не перестанет вмешиваться в дела церкви?

— Берегитесь, отец — правительство может счесть, что вы нарушаете принцип отделения церкви от государства.

— Но что было естественней, чем привести его к священнику? — развел руками отец Лабарр. — Деревня эта маленькая. Земное правительство там представляет только магистрат, а ДДТ — вообще никто. Когда в присутствии мальчика предметы в доме начали летать, родители находились на грани паники. Что им оставалось делать?

— Естественно и мудро, — согласился отец Ал.
— Притом, что они знали, что тут мог быть замешан демон или, по крайней мере, полтергейст.

— Поэтому мы и позвонили своему архиепископу, а он, в свою очередь, в Ватикан?

— Именно так. И я нахожусь здесь. Но, как я сказал, у меня нет сомнений в том, что не найду, даже малейшего налета сверхъестественного. С этого момента, отец, дело перестает попадать под нашу юрисдикцию и переходит под юрисдикцию правительства...

— А кесарев ли этот мальчик? — возразил отец Лаббар.

Тихий, приглушенный звонок избавил отца Ала от необходимости отвечать. Он повернулся к экрану связи и нажал кнопку "принять". Экран мигнул, проясняясь, и отец Ал увидел через него палату Курии, в сотнях миль отсюда, в Риме. Затем эту сцену загрозило мрачноватое лицо под пурпурной скуфьей. — Сеньор Алеппи! — улыбнулся отец Ал. — Чему я обязан таким удовольствием?

— Понятия не имею, — ответил монсиньор. — Но удовольствие это должно быть и впрямь немалым. С вами, отец Ювэлл, желает поговорить Его Святейшество — лично.

Папа Иоанн XXIV прочел ему несколько строк следующего содержания:

11 Сентября 3059 г. /по Стандартному Земному Времени/, человек по имени Род Гиллоуглас начнет узнавать, что является самым могущественным кудесником родившимся со времен рождества Христова. Он проживает на планете известной ее обитателям под названием "Грамарий"...

— Потом даются координаты и все, — Папа поднял глаза от листа, — больше ничего кроме подписи. Он с негодующим видом бросил письмо на стол.

Отца Ала захлестнула радость. Он почувствовал себя словно арфа, продуваемая ветром. Всю жизнь он ждал этого мига, и теперь он настал! Наконец-то, настоящий кудесник! Наверно...

— Ваше мнение? — требовательно спросил Его Святейшество.

— Он представил какие-нибудь доказательства?

— Ни малейших, — с досадой бросил Его Святейшество. — Только прочитанное мной сейчас вам послание. Мы сверились с Банком Общедоступной Информации, но там не числится никакого “Рода Гэллоутласа”. Однако эта планета там есть, и координаты совпадают с данными Мак-Араном. Но ее открыли всего десять лет назад. — Он передал лист факса через стол отцу Алу.

Отец Ал прочел и нахмурился.

— Открытие приписывается некому Родни д'Арману. Не может ли это быть один и тот же человек?

Папа воздел руки.

— Почему бы и нет? Все возможно, у нас так мало сведений. Но мы проверили его биографические данные через БОИ. Он меньшей сын младшей ветви одного аристократического дома на большом астероиде под названием “Максима”. Он проделал небольшую, но разнообразную карьеру в космических службах, достигшую пика с поступлением в Почтенное Общество по Искоренению Складывающихся Корпоративностей...

— Чего?

— Думается я не смогу произнести это название еще раз, — вздохнул Его Святейшество. — Кажется это какое-то правительственное бюро, соединяющие в себе наихудшие черты изыскательства и шпионажа. Его агентам полагается разыскивать Потерянные Колонии, выяснить движается ли их правительство к демократии и, если нет, то ставить ее на путь, приводящий к развитию демократии.

— Фантастика, — пробормотал отец Ал. — Я даже не знал, что у нас есть такое бюро.

— Любое правительство, надзирающее за шестью десятками миров, обязано иметь организацию, занятую лишь присмотром за всеми другими. Его Святейшество говорил, основываясь на личном опыте.

— Значит, как я понимаю, этот Родни д'Арман открыл на "Грамарие" Потерянную Колонию.

— Да, но одному Господу известно какую, — вздохнул Папа. — Заметьте, листок БОИ ничего не сообщает нам об обитателях этой планеты.

Отец Ал посмотрел. И верно, все сведения о людях на планете укладывались в одно слово на нижней части страницы: **ЗАСЕКРЕЧЕНО**. За ним следовало короткое примечание, объясняющее, что планета изолирована для защиты ее обитателей от эксплуатации.

— Я бы предположил, что на ней довольно отсталая культура, — по жилам отца Ала пробежало волнение. — Настолько ли они отсталые, чтобы по-прежнему верить в магию?

— В самом деле отсталая. — Папа пригляделся к еще одной бумаге у него на столе. Мы сверились с собственным банком данных и обнаружили, что у нас есть сведения об этой планете — всего лишь очень короткое сообщение от катодианского священника по имени отец Марко Риччи, гласящее, что он сопровождал экспедицию некой группы называвшей себя "Романтическими эмигрантами". Она нашла не нанесенный на карту, похожий на Землю мир, члены ее засеяли земными биовидами большой остров и основали колонию лет четыреста-пятьсот назад. Отец Риччи попросил разрешения учредить там филиал ордена Св. Видикона Катоцкого, к которому, по-моему, принадлежите и вы, отец Ювэлл.

— Да в самом деле. — Отец Ал попытался ничем не показать своего недоумения: катодианцам полагалось быть не только священниками, но и инженерами. — Он получил разрешение?

Его святейшество кивнуло. — Тут сказано, что Курия так и не сумела сообщить ему эту новость. Примерно в то время пала межзвездная Избираемая Власть, и утвердилось Пролетарское Единоначальное Сообщество Терры. Как вам известно, одним из первых действий ПЕСТ была потеря Потерянных Колоний. Связаться с отцом Риччи не было никакой возможности.

— Ну, это обнаде... Я хочу сказать, это могло создать проблемы.

— Да, могло. — Папа навел на него сверкающий взгляд. — Возможно, у нас там существует еще одна отколовшаяся секта, называющая себя римско-католической церковью, но на много веков, утратившая с нами контакт. Трудно предсказать каких ересей они навывают за такой срок. — Он вздохнул. — Я надеялся какое-то время отдохнуть от подобных дел.

Отец Ал знал, что имел в виду папа. Как раз перед тем как его избрали на престол Св. Петра, кардинал Калума провел переговоры с архиепископом Потерянной Колонии под названием Бербанк, найденной лет двадцать назад. Они сумели довольно хорошо сохранить веру, за исключением одной твердо установившейся ереси: мнения, что у растений есть бессмертные души. Оно оказалось фундаментальным пунктом доктрины на Бербанке, поскольку вся планета сильно увлекалась ботанической инженерией с целью создания разума на хлорофилловой основе. Переговоры были довольно неприятными и закончились учреждением Бербанкской Церкви. Первым ее актом было отлучение Римской Церкви. Его Святейшество поступил менее круто: он просто объявил, что они сами себя отлучили и Бербанкская Церковь не может быть больше названа истинно римско-католической. Очень жаль, конечно. За исключением этого, они были вполне нормальными...

— Я буду осмотрителен, Ваше Святейшество, и доложу о том, что обнаружу.

— О? — Папа глянул на отца Ала совиным глазом. — Вы куда-то отправляетесь?

Отец Ал на миг уставился на него, а затем спросил: — “Зачем же вы послали за мной? ”

— Именно так, — вздохнул Его Святейшество. — Признаться я принял такое решение. — И это мучает меня, так как несколько не сомневаюсь, что именно его и добивался этот Мак-Аран.

Папа, нахмурясь, уперся взглядом в поверхность стола и продолжал, — Письмо, пролежавшее тысячу лет в подземном хранилище, приобретает опре-

деленную степень достоверности, особенно когда его составитель сумел точно предсказать тронное имя папы. Если Мак-Аран не ошибся в этом, то может быть он не ошибается и насчет этого “кудесника”? И независимо от того, действительно ли этот человек кудесник или нет, он может нанести огромный вред вере. Религию всегда было не слишком трудно подорвать с помощью суеверия.

— Ведь так искушает поверить, что можно управлять вселенной, сказав несколько слов, — пробормотал отец Ал.

— И слишком многие поддавшись такому искушению могут пасть. — Святой Отец стал еще мрачнее. — К тому же, всегда есть небольшой шанс действительно вызвать к жизни сверхестественные силы...

Отец Ал ощутил тень опасения папы. — Лично я предпочел бы скорее играть с водородной бомбой.

— Это принесло бы вред меньшему числу людей, — кивнул папа.

Папа Иоанн XXIV медленно, с достоинством грозовой тучи встал. — Итак. Возьмите с собой вот это, — Он протянул сложенный пергамент, — Это письмо, написанное моей рукой, указывает всем священнослужителям оказывать вам любую помощь, какая только потребуется. Прилагаю тысячу терм на помощь, какую я могу отправить вместе с вами. Летите на эту планету и найдите этого Гэллоутласа, где бы он ни был. Направьте его на путь господний, когда он откроет в себе дар кудесника или иллюзию его...

— Сделаю все, что в моих силах, Ваше Святейшество. — Отец Ювэлл, улыбаясь, встал. — По крайней мере, мы знаем, почему этот Мак-Аран отправил свое письмо в Ватикан.

— Ну конечно же! — Папа тоже улыбнулся. — Кто бы еще принял его всерьез?

ГЛАВА 1

Раздался грохот и звон разбитого стекла.

— Джефри! — с досадой воскликнула Гвен, — Сколько раз тебе надо повторять, что нельзя в доме заниматься фехтованием!

Род оторвал взгляд от написанной Гербренсисом “Истории Грамария” и увидел, как его младший сын, с испуганным и виноватым видом пытается спрятать за спину шпагу из ивового прута. Род вздохнул и поднялся на ноги. — Будь с ним терпелива, дорогая — ему всего три года.

— И ты виноват не меньше его, — обвинила его Гвен, — С какой стати такому малышу понадобилось обучаться фехтованию?

— Верно, дорогая, верно, — признал Род. — Мне не следовало тренировать Магнуса на глазах у Джефа. Но мы же сделали это лишь один раз.

— Да, но ты же знаешь, как быстро он хватается за любое военное искусство. Поговори с ним, а я пока попробую починить эту вазу.

— Ну, я же раньше не знал этого. Ну-ка, сынок. — Род опустился на колени и взял Джефа за плечи, тогда как Гвен принялась собирать осколки, складывая их друг с другом и пристально глядя на трещину, пока стекло под ее взглядом не расплавлялось, и трещина не исчезала.

— Ты знаешь, что это была любимая мамина ваза? — мягко спросил Род. Единственная стеклянная ваза какая у нее есть. А стекло здесь очень дорого. Магнусу потребовалось долго учиться изготавливать его. Мальчик проглотил ком в горле и кивнул.

— Мама может ее починить, — продолжал Род, — но ваза никогда уже больше не будет такой красивой, как раньше. Ты понимаешь, что сильно расстроил ее?

Мальчик снова сглотнул, лицо у него скривилось, а затем он уткнулся лицом в отцовское плечо и безутешно разрыдался.

— Ну-ну, нечего, — принялся тихо утешать его Род. — Все не так страшно, как кажется из моих слов. В конце концов она все-таки может ее починить. В этом плане у пси ведьм есть преимущество. Твоя мать умеет проделывать телекинез в мелком масштабе, но ты все-таки сильно набеда-курил, не так ли? Он отстранил Джефа на расстояние вытянутой руки. Мальчик шмыгнул носом и кивнул с несчастным видом. — А теперь, выше нос. — Род вытащил платок и вытер Джефу щеки. — Будь молодцом и пойдй скажи об этом маме. Джеф кивнул. Род повернул его лицом к Гвен, легонько хлопнул по спине, и стал смотреть на них со стороны.

Джеф поковылял к Гвен, постоял молча и дожидаясь, пока она закончила приваривать на место последний осколок, а потом пролепетал: — Прости мама. Я не хотел ее резать.

Гвен вздохнула, а затем сумела улыбнулась и взъерошила ему волосы. — Знаю, миленький. Это вышло случайно, и все же, ты разбил ее. Вот потому я и велела тебе фехтовать во дворе. Отныне ты всегда будешь заниматься своими мужественными упражнениями вне дома, хорошо?

Джеф кивнул с грустным видом: — Да, мама.

— И будешь теперь слушать маму?

— Ага... Но, мама! — протестующе заныл он. — Ведь дождик же!

Гвен кивнула. — Да я знаю, ты не мог выйти из дому. Но все равно, миленький, значит можно было порисовать.

Джеф состроил гримасу.

Гвен с укором взглянула на Рода.

Тот недоуменно пожал плечами.

Гвен поднялась на ноги и подошла к нему. — Сколько раз ты обещал ему научить рисовать замок со рвом? Уж его-то он стал бы рисовать и раз, и два, и тысячу раз! Неужели ты этого не сделаешь?

— Ах, да! — хлопнул себя по лбу Род. — Сегодня утром мне можно не заниматься исследованиями. Ну, лучше поздно чем никогда... Джеф, иди сюда...

Но взрыв визга и сердитой рутани привлек внимание родителей.

Из комнаты мальчиков появился Магнус, обнаруживший следы "преступления". Он стоял перед маленьким Джефом, махая перед его носом указательным пальцем и с высоты своего восьмилетнего жизненного опыта учил брата, — Нет, ты поступил скверно! Разбить подарок маме, что я так долго мастерил! Эх, Джефри, малявка. Когда ты только научился...

А пятилетняя Корделия ринулась защищать Джефа.

— Как ты смеешь винить его, раз сам выставил Джефа из его же комнаты...

— И мосей! — закричал Магнус.

— И его! Он мог играть там сколько влезет, ничего не повредив!

— Тихо, тихо! — охнула Гвен. — Малютка... И словно по сигналу из колыбели раздался плачь, состояясь с ревом сконфуженного Джефри.

— Ох, что за дети! — воскликнула раздосадованная Гвен и взяла на руки одиннадцатимесячного Грегори, в то время как Род вступил в спор с детьми. — Ну, ну, Джеф, ты не так сильно набедокурил. Магнус, прекрати! Бранить положено мне, а не тебе. И приказывать тоже, — добавил он себе под нос. — Делия, милочка, очень хорошо, что ты заступаешься за брата, — но не будь хорошей так громко, ладно?... Ш-ш-ш! Он обхватил их всех и прижал к своей груди.

На другой стороне комнаты Гвен тихо напевала колыбельную, и младенец снова успокоился. Род вторил ей, припевая:

— Дождик, дождик перестань! От полива ты устань!

— Ну, если ты действительно того хочешь, пап,
— Магнус выпрямился и принял на минуту серьезный вид.

— Нет, нет! Я не имел в виду... — Род глянул в окно. Барабанивший по нему дождь стих, пробился слабый солнечный луч.

— Магнус! — в тоне Гвен зазвучало грозное предупреждение.

— Я тебя просила вмешиваться в погоду?

— Но ведь папа хотел этого! — возразил Магнус.

— У меня просто сорвалось с языка, — признал Род. — Погода может быть такой, какой хотим мы, сынок. Но есть и другие люди, которым действительно нравится дождь. Да, он и нужен всем, особенно фермерам. Так что будь паймальчиком, верни его.

Магнус издал громкий вздох, осуждающий неразумных взрослых, и на миг сосредоточенно наморщился — и по стеклу снова тихо забарабанили капли дождя. Корделия и Джеффри приуныли. Они надеялись, что смогут выйти поиграть на двор.

— Странная у нас здесь погода в последнее время, — задумчиво произнес Род, подходя к окну.

— Действительно, — согласилась Гвен, присоединяясь к нему с Грегори на плече. — Не пойму как он это проделывает, мне понадобился бы целый час, чтобы удалить столько туч.

— Просто добавь к списку необъяснимых способностей нашего сына и эту. — Он оглянулся на Магнуса, коренастого мальчугана в тунике и рейтузах, державшего ладонь на рукояти кинжальчика. Волосы у него потемнели, став почти каштановыми, а утрата детской округлости в чертах лица подчеркивала сильный подбородок, который с наступлением зрелости придаст ему мужественное выражение.

— Но Род все еще видел в нем нежного и озорного вчерашнего ползунка. Странно, что способности сына уже превышали материнские и

отцовские. Род обладал лишь знанием и умом, да роботом-конем с компьютерным мозгом. Ничем иным похвастаться не мог.

Корделия была огнегривой и тоненькой, как фея. Плотное сбитое тельце златовласого Джефа, вероятно, превратится в сплошные мускулы. А у Магнуса, похоже, будет мускулистым, но худощавым.

И Грегори, темноволосый и круглолицый, не похожий на младенца своим спокойным и сдержанным поведением и очень редко улыбающийся, что тоже вызывало беспокойство Рода. Все дети настолько одарены, что могут довести до безумия самого Иова!

Раздался стук в дверь.

Гвен вопросительно подняла взгляд.

Род подошел к филенке, чувствуя как у него засосало под ложечкой. Стук означал беду. Вот тебе и спокойный денек дома!

Он открыл дверь и понял, что предчувствие его не обмануло. Там стоял Тоби-чародей, как всегда усмехающийся и веселый в ливрее королевского гонца. — Добрый день, Верховный Чародей! Как дела?

— Обыкновенно, как сажа бела, — улыбнулся Род. Иначе себя вести с Тоби он не мог. — Заходи, чего ждешь?

— Только на минутку, мне надо спешить, — Тоби вошел сняв головной убор. — Доброго тебе дня, прекрасная Гвендайлон, твоя краса нисколько не убывает!

— Дядя Тоби! — завизжали три радостных голоса, и три маленьких тельца врезались в него со всего разгона.

— Эге-гей, тпру, не так быстро! Как твои дела, мой ненаглядный Джеффри? Корделия, миленькая, ты еще похитишь у меня сердце! Хороший Магнус, хорошая новость!

— Что ты мне принес, дядя Тоби?

— Можно мне поиграть с твоим мечом, дядя Тоби?

— Тоби! Дядя Тоби! Ты можешь?

— Ну-ну-ну, дети, дайте бедному человеку хоть дух перевести! — Гвен тактично и деликатно отцепила от гостя свой выводок. — Прими, по крайней мере, пирог с элем, Тоби.

— Ах, боюсь, что не получится, дорогая Гвен-дайлон, — вздохнул Тоби. — Когда я сказал, что мне надо спешить, то говорил не просто так. Королева Катарина гневается, а король мрачнее тучи.

— О! — Гвен взглянула на Рода, и на ее лицо набежала тень. — Мне, конечно, не следует жаловаться. Ты пробыл со мной дома целую неделю.

— Боюсь, что мой титул обязывает к такой работе, — посочувствовал ей Род. — Круглосуточное дежурство и все такое. — И повернулся к Тоби. — Что произошло?

— Я знаю лишь, что меня вызвали и велели стонять к тебе, с поклоном от их величеств и с просьбой поспешать, как только можно. — Тоби склонил голову. — Мне только известно, что в Раннимид пребывает лорд Аббат.

— Да, между Церковью и Коронай что-то заварилось, не так ли? Ну, пусть Туан введет меня в курс дела.

— Значит, в Раннимид! — Тоби прощально поднял руку. — До новой встречи, прекрасная мать! — И его фигура заколебалась по краям.

— Тоби, — быстро, но твердо произнесла Гвен, и фигура юного чародея снова стабилизировалась. — Только не в доме, пожалуйста, — объяснила она. — А то мальчишки будут пропадать и возникать во всевозможных местах весь день и ночи!

— О! Да, я и забыл. Но приятно знать, что они меня уважают. Прощайте, дети. — Он надел головной убор и шагнул к двери.

— Дядя Тоби! — раздались три недовольных голоса, и дети бросились к своему другу. Тот сунул в руку кошель на поясе, украдкой взглянул на Гвен и быстро бросил детям пригоршню конфет. Затем юркнул за дверь, когда те кинулись бороться из-за добычи.

— Теперь они ни за что не станут есть! — вздохнула Гвен, придется мне подождать с обедом.

Род поднял голову при раскате грома. Из двери, за которой исчез юный чародей, подул прохладным воздухом. И снова повернулся к Гвен. — Да, что-то происходит.

Гвен покачала головой. — Но почему они сразу не позовут тебя раз знают, что заваривается такая крутая каша? Почему ждут пока не придет беда?

— Ну, ты же знаешь Катарину. — Она думает, что они с Туаном сами справятся, пока не настанет решающий момент. Вот тогда они и зовут меня для моральной поддержки.

— Не только. Необходимо и твое мнение, — напомнила ему Гвен. — Ведь если разобраться, столкновение предотвратил именно ты, а не они.

— Да, ну, нельзя же ожидать, что участник команды выступит в роли судьи. — Род нагнулся поцеловать ее. — Не раскисай без меня, милая. Я буду дома, когда смогу.

— Папа уезжает! — завизжала Корделия и воздух наполнили возбужденные голоса детей, побежавших к окну задней комнаты, выходявшему на конюшню, помахать на прощание отцу рукой.

Гвен схватила Рода за рукав, дождавшись пока вся троица скрылась из виду, прильнула к нему и прошептала: — Береги себя, милорд! Была бы возможность, я бы отправилась с тобой, охранять в пути!

— Почему? — нахмурился Род. — А! Из-за тех идиотов и их засад... Не беспокойся, дорогая. Меткость у них не лучше, чем намерения.

— И все же, сколько раз они пытались тебя убить, муж мой?

Род поджал губы. — Ну, давай посмотрим... — Он принялся считать по пальцам. — Сперва был кретин, выстреливший в меня на авось с колокольни в деревне. Когда это произошло, около года назад?

— Одиннадцать месяцев, — поправила Гвен. — За три недели до рождения Грегори.

— Значит одиннадцать месяцев назад. Он не понимал, что орбитная стрела не может тягаться в быстроте с роботом со встроенным родаром. И еще был тот, так называемый, “крестьянин”, выскочивший с лазером из сена на возу. Бедняга. — Он печально покачал головой. — Не сообразил, что ему следовало выбраться из сена прежде, чем нажимать на спуск.

— Ты поступил по — доброму вытащив его из огня и швырнув в пруд. И все же, его световое копье прошло всего на волосок от твоего тела.

— Да, но Векс во время шагнул в сторону. Был еще тот часовой у замка Туана. Сэр Марас до сих пор ходит в рубище и посыпает голову пеплом из-за того, что врач сумел просочиться в ряды его войска. Но, Тот-то! Боже мой Тот был просто смех! Его удар алебардой утадывался за целую милю! Для взмаха десятифутовым шестом требуется по меньшей мере четверть секунды; мне понадобилось всего — навсего увернуться и рвануть на себя древко, когда оно прошло мимо. — Он покачал головой, вспоминая происшествие. — Он так и полетел мимо меня, прямо в ров, а в тот раз со мной даже Векса не было.

— Да, милорд, только в этом покушении спас тебя не он, так как не мог сопровождать в замок. Нет, милый, будь поосторожней!

— О, не беспокойся. — Род ласково провел ей ладонью по щеке. — Я буду настороже. В конце концов, мне теперь есть ради чего приезжать домой.

Большой черпый конь поднял голову, когда Род вошел в конюшню. Голос обратился к нему через усилитель, вставленный в кость за ухом у Рода. — Я заметил прибытие чародея, Род, и его отбытие. Значит мы отправляемся в замок?

— Думаю, это будет просто воскресная вылазка.

— Но ведь сегодня среда, Род.

— Ну, во всяком случае там будет священнослужитель. Сам лорд Аббат собственной персоной.

В ухе у Рода зашипели помехи: Вексовский эквивалент вздоха. — Какую же игру начинает церковь?

— Вероятно, в покер. — Род затянул подпругу и надел узду. По крайней мере, мне придется сохранять бесстрастное выражение лица, как игроку в покер.

— Ты уверен в своих картах, Род?

— Самые лучшие. — Род, усмехаясь, подогнал узду. — Полный вперед, Векс.

Когда они выехали из конюшни, из заднего окна дома донеслись крики прощания.

Несколько минут спустя, когда аллюр его стального коня глотал милю за милей между его домом и королевским замком в Раннимиде, Род задумчиво произнес: — Гвен тревожится из-за покушений, Векс.

— Я всегда буду охранять тебя, Род, но хотелось бы, чтобы и ты принял больше мер предосторожности.

— Не беспокойся, меня они тоже беспокоят, но в ином плане. Если наши враги из будущего так упорно стараются избавиться от меня, значит намерен план свержения правительства Туана.

— Почему не сказать, революции, Род?

Род скривился. — Скверное слово, когда у власти находится моя сторона. Но они, кажется, готовятся к крупной атаке, не так ли?

— Согласен. Может эта конференция между Аббатом и Их Величествами и послужит сигналом к такой атаке?

Род нахмурился. — Теперь, когда ты упомянул об этом, такое кажется вполне возможным. Талитаристы на данный момент совсем заездили мотив “крестьянского восстания”, а анархисты наконец заиграли мелодию “движения за права баронов”. Им требуется попробовать новую тему, не так ли?

— Конфликт церкви с государством имеет давнюю историю, Род. Генрих II Английский долго враждовал со св. Томасом Беккетом, архиепископом Кентерберийским, так как власть церкви препятствовала действиям Генриха; ему пришлось пойти на уступки церкви. Сын его король Джон, оказался более упрямым; из-за вражды Джона с папой на

Англию наложили интердикт, а это означало, что не могло производиться никаких церковных обрядов: крещений, венчаний или похорон, служб или исповедей. Никакие таинства исполняться не должны. Для средневековой психики это было катастрофой. Большинство жителей Англии считали себя обреченными вечно гореть в аду из — за греха своего короля. В результате, возникшее давление оказалось столь велика, что Джону пришлось публично покаяться и искупать свои прегрешения. Протестантское движение в христианстве имело успех частично, потому что немецкие князья с радостью ухватились за повод противодействовать кайзеру Священной Римской Империи. Англия же стала протестантской, так как Генрих VIII желал получить развод, которого папа ему не давал. Инквизиция, мятеж гугенотов... Гражданская война в Англии, произошедшая частично от того, что страна была протестантской, но правил в ней король — католик... Список можно продолжить. Не удивительно, что когда в 18 веке образовались Соединенные Штаты Америки отцы — основатели записали в свою конституцию отделение церкви от государства.

Род мрачно кивнул. — Спору нет, сила эта мощная, особенно в средневековом обществе, где большинство людей относилось к религии суеверно. Как раз такой конфликт и способен опрокинуть правительство в случае, если церковь сможет приобрести достаточно сильную общественную поддержку и армию.

— Благодаря предоставленной агентами из будущего пропагандистской техники и вооружения, ни с тем ни с другим не должно возникнуть больших затруднений.

— Да, если дело пойдет столь далеко, — усмехнулся Род — Значит наша задача воспрепятствовать конфликту прежде, чем он разразится.

— Столько сражений между людьми могло бы не произойти при наличии самой малости — простого здравого смысла, — вздохнул Векс. — Да, но король и Аббат люди непростые, а когда речь заходит о религии и политике, ни у кого не найдется немного здравого смысла.

ГЛАВА 2

— Путешествуешь налегке, не правда ли, отец?
— заметил охранник космопорта.

Отец Ал кивнул. — Это одно из преимуществ сана священника. Мне нужны всего лишь запасная ряса, несколько смен нижнего белья и походный алтарь служить обедню.

— И удивительное количество литературы. — Охранник полистал одну книгу из стопки. — “Магия и маги”...

— Я еще и антрополог-культуровед.

— Ну, каждому свое. — Охранник закрыл чемодан.

— Там нет никакого оружия, если не наткнуться на черта-другого.

— Едва ли, — улыбнулся отец Ал. — Я не ожидаю ничего, хуже Беса Противоречия.

— Беса Противоречия, — нахмурился охранник. — А что это такое, отец?

— Изобретение Эдгара Аллана По, — объяснил отец Ал. — На мой взгляд, оно отлично объясняет Закон Финаля.

Охранник осторожно поглядел на него. — Вы отец, извините за прямоту, не совсем похожи на мое представление о священнике, но у вас все чисто. Он показал: — Вход на челнок вон там.

— Спасибо, — отец Ал взял чемодан и направился к месту погрузки.

По пути он проходил мимо факс-шкафа. Он колебался, а затем, поддавшись импульсу, сунул в щель кредитную карточку и отстучал на клавишах. “Мак-Аран, Энгус, ск. 1954 г. ” А затем вы-

прямылся и подождал. Прошло почти пять секунд прежде, чем машина загудела. А затем из щели медленно выползла твердая копия длиной примерно с метр. Отец Ал оторвал ее и принялся пожирать глазами текст.

— Мак-Аран, Энгус, Д. Ф., 1929 — 2020; физик, инженер, финансист, антрополог. Патенты...

— Извините, отец.

— А? — пораженный отец Ал поднял голову, посмотрев на стоящего за ним нетерпеливого на вид бизнесмена. — О! — прошу прощения. Не сознавал, что не даю вам пройти.

— Пустяки, отец, — отмахнулся бизнесмен с улыбкой противоречивший его словам. Отец Ал поспешно сложил твердую копию втрое и двинулся к месту погрузки.

Усевшись в плавающем кресле, он развернул копию. Изумительно, чего только не хранилось в молекулярных цепях БОИ! Здесь содержалась краткая биография человека, умершего более тысячи лет назад, столь же свежая, как в день его смерти, когда она, надо думать, и дополнялась в последний раз. Ну-ка, давайте посмотрим — "... потом создал собственную фирму по исследованиям и разработал..." — но странно, после этого ничего не запатентовывал. Позволил своим сотрудникам брать патенты на свое собственное имя? Щедрость, прямо скажем, невероятная. Наверно, просто не утруждал себя контролем за делами своей фирмы. Он, кажется, очень сильно увлекся...

— Начинается погрузка на лунный челнок.

Пропади она пропадом! Как раз, когда пошло самое интересное. Отец Ал вылез из кресла, снова сложил копию и поспешил пристроиться в хвост очень длинной очереди. Челноки отправлялись каждый час, но всем отправлявшимся из Европы на любую из планет солнечной системы или любой другой звездной системы приходилось переправляться через Луну. Родную планету покидало хоть раз в жизни всего пол процента населения Земли, но пол процента от десяти миллиардов создают очень длинные очереди.

Наконец, они все стопились на погрузочном трапе, и дверь плавно закрылась. Не возникло никакого ощущения движения, и любой шум моторов заглушал гул разговоров; но отец Ал знал, что трап катится по пластобетону к челноку.

Открылась передняя дверь, и пассажиры потянулись цепочкой на борт челнока. Отец Ал плюхнулся на свое место, натянул поперек обширного живота амортизационную паутину, и, со вздохом блаженства, устроился почитать твердую копию.

Явно поустав изобретать революционизирующие устройства, Мак-Аран решил попробовать свои силы в поисках сокровищ, находя пропавшие на долгие века легендарные клады; самой сенсационной находкой стала казна короля Джона, но имелись также и крупные находки на всей планете вплоть до города Ура, примерно 2000 года до н. э. Такое занятие, естественно, привело его в археологию с одной стороны, и в финансы с другой. Такая комбинация явно оказалась для него удачной: умер он очень богатым человеком.

Все это очень впечатляюще, признал отец Ал, но только не тогда, когда речь шла о магии. Как такой человек смог бы опознать кудесника, даже в своей родной эпохе? Отец Ал усердно исследовал историю, но ни разу не наткнулся ни на кого, способного быть настоящим магом — все они, почти наверняка, были либо обманщиками, либо эсперами, либо несчастными душами впавшими в искреннее заблуждение. Конечно, в самые ранние времена попадались некоторые, могущие быть колдунами, орудиями дьявола. И противостояли им святые. И хотя святые определенно существовали, отец Ал сомневался, что когда — нибудь на самом деле были ведьмы, владевшие какой-то “Черной Магией”; для Дьявола это не имело большого делового смысла. Но магия без источника хоть в Боге, хоть в Дьяволе? Невозможно. Для нарушения “Законов Природы”, особенно путем одного лишь пожелания чему-то случиться, требовался некто бывший, эспером, медиумом. Такое происходило только в сказках; ни наука, ни религия даже не признавали такой возможности, не допуская даже

щелочки в стене рациональности, сквозь которую могли просочиться такие силы.

Благодаря чему, они, конечно, становились увлекательной фантазией. Если когда-нибудь действительно появится на свет подобный индивид, то те стены рациональности рухнут — и кто мог предсказать, какие появятся сверкающие дворцы, построенные заново?

— Дамы и господа, — объявил записанный на пленку голос. — Корабль взлетает.

Отец Ал свернул бумагу, сунул ее в нагрудный карман и прижался носом к иллюминатору. Сколько бы он не летал, полет все равно казался ему новым — это чудесное, сказочное зрелище уменьшающегося, проваливающегося космопорта, весь город, а потом и прилегающая область уменьшалась, а затем расстилались под ним, словно карта, пока он не увидел целиком Европу в глазури на дне гигантской чаши, краем которой служила окружность Земли... И это всего лишь на перелетах баллистической ракеты из одного полушария в другое. В тех случаях, когда он отправлялся в космос, бывало еще интереснее — та огромная чаша падала все дальше и дальше, пока, казалось, не выворачивалась наизнанку, становясь куполом. Потом небо заполняло огромное полушарие, уже почему-то не под ним, а на его поверхности пестрели сквозь спирали облаков континенты...

Он знал, что бывалые пассажиры глядели на него с насмешкой или пренебрежением, каким наивным он, должно быть, казался им, словно разинувшая рот деревенщина. Но отец Ал считал такие восторги редкими и не желал их упускать.

На этот раз густые облака быстро скрыли от глаз сказочный ландшафт внизу, превратясь Затем он ощутил, как корабль чуть заметно вздрогнул, а потом началось низкое, еле слышное гудение приглушенной мощи. Антигравитационные установки отключили, и теперь челнок толкал вперед мощный планетарный двигатель.

Отец Ал вздохнул, откинулся на спинку сидения, отстегивая амортизационную паутину и рассеянно

глядя в иллюминатор, вернулся к мыслям о послании.

Биографическая справка БОИ оставила без ответа один вопрос: Откуда Мак-Аран мог узнать об этом Гэллоутласе и о том, что произойдет больше, чем через тысячу лет после его собственной смерти? И этот вопрос, конечно же, тянул за собой и другой: Откуда Мак-Аран предположил, когда именно вскрыют письмо, или кто будет в то время папой?

Погрузочный трап, задрожав остановился. И отец Ал вместе с сотней других пассажиров сошел в Центральный Космопорт Луны. Постепенно он проложил себе дорогу сквозь пассажиропоток к стене — табло и поглядел на список отбывающих кораблей. Наконец нашел — Проксимо-Центавра, Вход 13, отлет в 15 час. 21 мин. Он взглянул на цифровые часы наверху — 15 час. 22 мин.! Он в ужасе оглянулся на очередь к Проксимо, как раз когда появилось светящееся слово “Отбыл”. Затем номер входа тоже исчез.

Отец Ал глядел на все это, онемев, ожидая, когда загорится время отправления следующего корабля.

Вскоре объявление появилось — 3 час. 35 мин. Стандартного Гринвического Времени. Отец Ал резко отвернулся, зарядившись горячим приливом чувств. Он почувствовал в себе гнев и не двигался, расслабился телом, стоя спокойно на месте расслабиться и давая гневу вытечь. Финаль снова нанес удар или же его последователь Гундерсун? То, чего не хочешь, обязательно произойдет, расстраивайся или не расстраивайся. Если бы отец Ал прибыл на Луну в 15 час. 20 мин., чтобы поспеть на лайнер, улетающий на Проксимо Центавра, то лайнер, конечно же, стартовал бы в 15 час. 21 мин.!

Он вздохнул и пошел искать кресло. С Финалем или любым из его присных не поборешься, тем более что, все они лишь персонификации одной из самых универсальных черт рода человеческого, противоречивости, и никогда не существовали в действительности. С ними ничем нельзя было бо-

роться, если только самой противоречивостью, которую можно было опознать, и сторониться.

В соответствии с этим, отец Ал нашел свободное кресло, уселся, извлек свой требник, и настроился начать читать службу.

— Господин, тут сидел я!

Отец Ал поднял взгляд и увидел круглую голову с шапкой густых, непричесанных волос, сидящую на коренастом теле в безукоризненно сшитом деловом костюме. Лицо же было густобровым, почти лишенным подбородка, в данный момент, довольно сердитым.

— Прошу прощения, — ответил отец Ал. — Место пустовало.

— Да, потому что я ушел взять чашку кофе! И незанятым оставалось только оно, как вы, несомненно, видели. Неужели я должен потерять его потому, что у раздаточной стены оказалась длинная очередь?

— Да, — Отец Ал медленно поднялся, засовывая требник обратно. — В зале ожидания обычно принято так. Однако не стоит спорить. Всего хорошего, господин. — Он взял чемодан и решил уйти.

— Нет, подождите! — незнакомец схватил отца Ала за руку.

— Извините, отец, вы, конечно же, правы. Просто день вышел такой плохой, из-за расстройств, связанных с путешествием. Присаживайтесь, пожалуйста.

— О, Вы меня приятно удивляете, — обернулся с улыбкой отец Ал. — Разумеется, никаких обид, но если вам пришлось так трудно, то вам кресло нужнее, чем мне. Садитесь, пожалуйста.

— Нет, нет! У меня же есть уважение к священнослужителям. Садитесь, садитесь же!

— Нет, я в самом деле не могу. Вы очень добры, но я буду потом весь день чувствовать себя виноватым и...

— Садитесь, отец, говорю я вам! — проскрежестал незнакомец, сжимая руку отцу Алу. А затем спохватился и отпустил ее, застенчиво улыбаясь. —

Видали? Вот я опять! Идемте, отец, что вы скажете если мы плюнем на этот зал и пойдем отыщем себе чашку кофе со столиком под ней и двумя креслами? Я плачу.

— Разумеется, — улыбнулся отец Ал, теплея по отношению к незнакомцу. — У меня есть немного времени...

Кофе на этот раз было натуральным, а не синтезированным. Отец Ал гадал почему незнакомец сидел в общем зале ожидания, если он мог себе позволить такие расходы за счет фирмы.

— Йорик Талец, — представился незнакомец, протягивая руку.

— Алоизий Ювэл, — пожал протянутую руку отец Ал. — Вы путешествуете по торговым делам?

— Нет, я путешествую по времени. Служу аварийным монтером у доктора Энгуса Мак-Арана.

Какое-то время отец Ал сидел неподвижно, а затем произнес: — Вы должно быть ошиблись. Д-р Мак-Аран умер более тысячи лет назад.

Йорик кивнул. — По объективному времени, да. Но по-моему субъективному времени он всего час назад отправил меня на машине времени. И когда я закончу с вами говорить, мне надо будет явиться обратно и доложить ему как прошла беседа.

Отец Ал сидел не двигаясь, пытаясь переварить услышанное.

— Док Энгус изобрел путешествие по времени еще в 1952 году, — объяснил Йорик. — И сразу сообразил, что у него появилось нечто такое чего попытаются украсть все, особенно правительства. Ему не хотелось увидеть, как его изобретение применят для военных целей. Поэтому он не подал заявку на патент. Он сделал для своей лаборатории времени секретное убежище и организовал для фасадного финансирования научно-исследовательскую фирму.

— В учебниках истории об этом нет ни единого слова, — возразил отец Ал.

— Это показывает, как хорошо он хранит секрет, не так ли? Однако не достаточно хорошо — весьма скоро он обнаружил каких-то других

скачущих по времени личностей из развитых технологических обществ, всплывающих то в древней Ассирии, то в доисторической Германии — во всевозможных местах. Через некоторое время он выяснил, что принадлежали они в большей части к двум организациям — Борцы с Интеграцией Телепатов в Ассоциацию и Воинствующие Единицы Тоталитарных Организаций. А также выяснил что обе они пользуются машинами времени, скопированными в основном с его модели без его разрешения. И они даже не платили ему за право пользования его изобретением.

— Но вы же сказали, что он не подавал заявку на патент.

Йорик лишь отмахнулся от такого возражения. — Морально, он все равно считал себя обладателем патентных прав. Они могли бы, по крайней мере, спросить разрешения. Поэтому доктор сформировал собственную организацию для охраны прав личности, по всему протяжении линии времени.

— Включая патентовладельцев?

— О, да. Он и называет организацию “Защита Личноправовая Особо Свободных Торговцев (с патентами)”. Весьма скоро он создал сеть агентов, рыскающих по всему времени, начиная с 40000 года до н. э., сражаясь с БИТА и ее анархистами и с ВЕТО и ее тоталитаристами.

Отец Ал поджал губы. — Как я понимаю, это означает, что он поддерживает демократию?

— А какая другая система действительно пытается гарантировать патентные права изобретателя? Конечно содержание организации таких размеров требует немалых денег, и поэтому он занялся кладоискательством. Он дает указание агенту, скажем, в древней Греции закопать несколько произведений искусства, а потом отправляет экспедицию раскопать их в 1960 году, когда даже за детскую глиняную куклу любой музей выложит тысячу долларов. А монеты он распоряжается раскопать в эпоху Возрождения и вложить их в один из ранних банков. Просто изумительно, что может случиться с несколькими денариями, когда поднакопятся проценты за пятьсот лет.

— Интересный вопрос, — согласился отец Ал, — коль речь зашла об интересе, то очевидно, что наша встреча произошла не случайно. Почему вы заинтересовались мной?

— Потому что вы летите на Грамарий, — усмехнулся Йорик.

Отец Ал нахмурился. — Как я понимаю, у вас есть агент в Ватикане в наше время.

— Не честно говорить, но у нас есть свои капелланы.

Отец Ал вздохнул. — И в чем же ваш интерес к Грамарию?

— В основном в том, что им интересуются БИТА и ВЕТО. Они делают все возможное, что бы там не сложилось демократическое правительство.

— Почему?

Йорик нагнулся вперед. — Потому что ваше настоящее правительство, отец, это Децентрализованый Демократический Трибунал, и действует оно очень успешно. Оно охватывает уже шестьдесят семь планет, и быстро растет. БИТА и ВЕТО хотят его остановить любым возможным способом, а самый легкий способ — дать ему расти, пока он не будет уничтожен собственными размерами.

Отец Ал быстро замотал головой. — Не понимаю. Как могут размеры уничтожить демократию?

— Потому что демократия, не самая эффективная форма правления. Важные решения требуют долгих обсуждений и, если диаметр Земной Сферы станет слишком длинным, то Трибуны будут не в состоянии узнать, что народ думает на местах о том или ином вопросе. А это означает, что избирателям будут навязывать непопулярные решения до тех пор пока они не начнут бунтовать. Бунты подавят, подавление их превратиться в репрессии, которые породят еще большее количество бунтов. Так что, в конечном итоге, демократия либо распадется, либо превратиться в диктатуру.

— Значит, вы говорите, что размеры демократии ограничены ее средствами связи. — Отец Ал

установился в пространство, медленно кивая. — Это кажется логичным. Но как это влияет на Грамарий?

— Тем, что там большинство жителей скрытые телепаты, а примерно 10 процентов — телепаты активные, законченные и сильные.

Отец Ал установился на него, чувствуя, как пульсирует кровь от волнения. Затем он кивнул. — Понимаю. Насколько нам известно, телепатия действует мгновенно, невзирая на расстояние, разделяющее передающего и принимающего.

Йорик кивнул. — Если они будут в ДДТ, демократия сможет безгранично расширяться. Но нужно, чтобы это были исключительно добровольцы, отец. Нельзя ждать большой точности от средств связи, используя в качестве связистов ненавидящих тебя рабов. Не говоря уж о том, что для членства в ДДТ требуется наличие всепланетной демократии. Поэтому ДДТ должно присмотреть за тем, чтобы на планете образовалось демократическое правительство.

Йорик продолжал. — Вот для того-то у ДДТ и есть ПОИСК — разыскивать Потерянные Колонии и следить за тем, чтобы на них образовались демократические правительства. А БИТА и ВЕТО стремятся к тому, чтобы ПОИСК потерпел неудачу.

У отца Ала негодуяюще сжался рот. — Неужели больше нет ни одного места свободного от политического вмешательства? Сколько у ПОИСКА агентов на Грамарие?

— Один, — ухмыльнулся Йорик, откинувшись в кресле.

— Один? Для столь важной планеты?

Йорик пожал плечами. — Больше им пока не требовалось. И у семи нянек бывает дитя без глаза.

Отец Ал положил ладонь на стол. — Этот агент случайно не Родни д'Арман, открывший эту планету?

Йорик кивнул.

— А Род Гэллоутглас? Куда вписывается он?

— Он и есть Родни д'Арман. Всегда чувствуешь себя уютней, пользуясь псевдонимами.

— Не уверен в себе, да? — отец Ал уставился в пространство, барабанив пальцами по столу. — Но свое дело знает?

— Безусловно. На данное время, он сорвал две крупные попытки БИТА и ВЕТО вместе взятых. И более того, использовал эти победы для подталкивания нынешней монархии на путь, ведущий к созданию демократической конституции.

Брови у отца Ала взметнулись вверх. — Крайне способный товарищ. И он в себе откроет какой-то собственный псионический талант?

— Он вскоре исчезнет, — поправил Йорик, — и когда появится вновь, через несколько недель, то будет настоящим, совершенным, чистой воды ку-десником, способным накладывать целые армии из разряженного воздуха. И это будет лишь началом его возможностей.

Отец Ал нахмурился. — Он будет проделывать это не с помощью пси-тантов?

Йорик покачал головой.

— В чем же тогда будет источник его силы?

— Это уж ваш профиль, отец, — ткнул пальцем в священника Йорик. — Вот вы нам и сообщите, если успеете застать его прежде, чем он исчезнет.

— Можете быть уверены, я постараюсь. Но почему он не пси? Потому что родом с другой планеты?

— Только истинный, урожденный грамариец оказывается телепатом. Обычно он также владеет телекинезом или телепортацией, в зависимости от пола. Женщины балуются телекинезом, это значит, что они умеют заставлять даже метлы летать и гоняют на них сами.

— Как ведьмы из легенд, — задумчиво произнес отец Ал.

— Именно так их и называют. А мужчин-эсперов зовут “чародеями”. Они умеют левитировать и заставлять разные вещи, включая самих себя, появляться и исчезать, перемещаясь иногда на много миль.

— Но Род Гэллоуглас ничего такого делать не умеет?

— Нет, но он женился на самой могущественной ведьме Грамария. У них теперь четверо детей, демонстрирующих очень интересный набор талантов. Фактически, каждый из них посильней матери. Когда они начнут понимать это, у нее действительно настанет беспокойная жизнь.

— Не обязательно, если родители должным образом воспитают их, — машинально возразил отец Ал (ему несколько лет поручили работать в приходе). — Странно, что они сильнее матери, раз у них нет псионических генов от обоих родителей.

— Да, не правда ли? — усмехнулся Йорик. — Я обожаю такие маленькие головоломки, особенно, когда разрешать их приходится кому-то другому. Но, возможно, тут все не так уж и странно — на той планете еще продолжают возникать новые таланты. Я имею в виду, инбридинг у них идет всего несколько столетий и остался большой потенциал.

— Да... инбридинг... — в глазах у отца Ала появилось такое выражение, словно он смотрел куда-то вдаль. — Ответы надо искать в их предках, не так ли?

— Куча чокнутых, — отмахнулся от них Йорик. — Слышали когда-нибудь об Обществе Творческого Анахронизма, отец?

— Нет. Кто в нем был?

— Пестрая смесь беглецов от сволочной действительности, пытавшихся забыть, что они живут благодаря развитой технологии. Организовывая сборища, одевались в средневековые наряды и устраивали псевдобитвы на липовых мечах.

— А, понимаю, — нежно улыбнулся отец Ал. — Они пытались вернуть в жизнь некоторую красоту.

— Да, в том-то и заключалась их беда. Красота требует индивидуальности и закрепляет ее, — и поэтому они не пользовались пониманием при тоталитарном правительстве Пролетарского Единогласия Сообщества Терры. Когда ПЕСТ пришел к власти то разогнал ОТА и казнил вожаков. Те, кстати, дружно потребовали, чтобы их обезглавили...

Остальные члены организации ушли в подполье, превратились в стеновой хребет революции ДДТ на Земле. Во всяком случае, большая часть из них, провела несколько веков, играя в игру под названием "Подземелья и Драконы". Словом, привыкли к подпольной жизни.

— Уверен, все это очень увлекательно, — сухо сказал отец Ал, — но какое отношение имеет к Грамарию?

— Ну, дюжина самых богатых членов ОТА предвидела надвигающийся переворот ПЕСТа и купила устаревший лайнер ССС. Втиснув на борт рядовых, захотевших лететь с ними, они переименовали себя в "Романтических Эмигрантов" и отбыли в неизвестные края, чем неизвестней тем лучше. Когда они добрались туда, то назвали планету "Грамарий" и построили свою версию идеального средневекового общества — ну, знаете, архитектура из четырнадцатого века, замки из тринадцатого, доспехи из пятнадцатого, костюмы из всех времен между падением Рима и Ренессансом, а правительство какое повезет. Впрочем, у них был король, но относились они к нему с прекрасным средневековым пренебрежением. Картина, думаю, ясна.

Отец Ал кивнул. — Отборная коллекция романтиков, не вписавшихся в общество, и высокая концентрация пси-генов.

— Правильно. А потом они принялись на протяжении нескольких веков жениться друг на друге, и в конечном итоге произвели на свет телепатов, телекинетичек, телепортаторов, левитаторов, проецирующих телепатов...

— Проецирующих? — нахмурился отец Ал. — Про них вы не упоминали.

— Разве? Ну, у них там есть такая штука, которую они называют "ведьмин мох". Это телепатически-чувствительная плесень. Если "ведьма" определенного вида упорно направляет на нее мысль, то она превращается в то, о чем думает эта ведьма. Конечно, все население довольно рано стало скрытыми эсперами и они любили рассказывать детям сказки...

— Нет, — побледнел отец Ал. — Они не могли этого сделать.

— А, но они это сделали. И теперь там под каждой елью найдешь по эльфу. С небольшой примесью оборотней и нескольких духов. Эй, могло быть и хуже! Не будь у них этого бзика против всего созданного позже елизаветинской эпохи, они б, возможно, пересказывали Франкенштейна.

— Хвала небесам за небольшие милости!

Йорик кивнул. — У вас хватит хлопот и с тем, что у них уже есть. Однако будьте осторожней — время от времени продолжают появляться новые таланты.

— В самом деле? Спасибо за предупреждение. Но мне любопытно... Почему вы явились рассказать все это мне? Почему д-р Мак-Аран просто не изложил все это в письме?

— Если бы он поступил так, папа счел бы его буйнопомешанным маньяком, — не замедлил с ответом Йорик. — Но так как он изложил лишь скелет жизненно важных сведений и сделал точное “предсказание” о том, кто будет папой...

— С небольшой помощью вашего агента в Ватикане, — намекнул отец Ал.

— Не порицайте его, отец, он из вашего же ордена. Раз в письме содержалось столько и не больше, то папа поверил ему и отправил вас.

— Изобретательно и хитроумно. Но зачем утруждать себя посылкой письма, раз вы все равно отправлялись на встречу со мной?

— Потому что вы б мне без письма не поверили.

Отец Ал вскинул руки в притворном отчаянии. — Сдаюсь! Мне никогда не удавалось добиться успеха в споре против довода, который не нуждается в доказательстве. Особенно, когда он вполне обоснованный. Но скажите мне, почему вы взяли на себя такой труд? Почему м-р Мак-Аран так озабочен этим?

— Потому что БИТА и ВЕТО не прекращают попыток саботировать наши усилия. У нас с ними непрерывная борьба, отец. И вы с Родом Гэллоут-

ласом часть “нас”. Если он проиграет, проиграем и мы. Несколько миллиардов человек по всем векам потеряют много личных прав.

— Особенно патентовладельцы, — усилил отец Ал.

— Конечно. Кстати, док Энгус все — таки запатентовал свое изобретение в 5029 году н. э.

— После того как тайна наконец вышла наружу? Йорик кивнул.

— Как он сумел получить патент на него, когда существование машины времени стало уже общеизвестным?

— А вы когда-нибудь задумывались, как трудно будет доказать точное время ее изобретения? — ухмыльнулся Йорик. — Забавная головоломка. Подумайте над ней как-нибудь на досуге, скажем в пути к Грамарию. — Он взглянул на перстень-часы. — Раз уж о том зашла речь, вам лучше поспешить — БИТА и ВЕТО уже копят силы для следующей крупной атаки на Грамарий. Копят силы, прячась за бедным простофилей, служащим им подставным лицом.

— О? — скромно поинтересовался отец Ал. — Кто же этот бедный простофиля?

— Церковь, конечно, — усмехнулся Йорик. — Желаю удачи, отец.

ГЛАВА 3

— Как смеет сей поп в драной рясе так глумиться над нашей властью! — бушевала королева Катарина.

Они шли по коридору королевского замка, направляясь в государственную палату аудиенций. Мимо проплывали богатые дубовые панели, а толстый ковер скрадывал звук гневно печатаемых шагов Катарины.

— Ряса у него не драная, дорогая, — ответил Туан. — И он повелевает всеми священниками в нашей стране.

— Какой-то аббат? — нахмурился Род. — По моему за последний десяток лет я что-то проглядел. Разве он не подчиняется епископу?

Туан повернулся к нему, сбитый с толку. — А что такое “епископ”?

— Э, неважно. — Род сглотнул. — Как же получилось, что какой-то аббат монастыря командует всеми священниками?

— Да ясно как, потому что все священники в нашей стране принадлежат к ордену святого Видикона! — нетерпеливо отрезала Катарина. — Как вышло, что Верховный чародей не знает об этом?

— Я не очень серьезно относился к религии. — Род даже по воскресеньям не ходил к обедне, но счел, что сейчас не время упоминать об этом. — Значит Аббат — глава церкви — здесь. Как я понимаю, он не слишком доволен тем, что вы назначаете всех приходских священников в стране. Теперь происходящее имеет смысл.

— Некоторый, но не чересчур большой, — мрачно обронил Туан.

— Где он был, когда бароны сами подбирали себе священников? — бушевала Катарина. — Против них он не выступал! Но теперь, когда принято, что их назначаем мы... Ох!

Малыш с разбега врезался ей в живот, словно пушечное ядро, радостно крича: — Мама, мама! Пора в шахматы! Пора в шахматы!

Лицо Катарины заметно смягчилось, когда она отстранила малыша и опустила на колени, заглянув ему в глаза. — Да, миленький, мы играем именно в это время. Все же сейчас твоя мама не может. Мы с папой должны поговорить с лордом Аббатом.

— Но так нечестно! — запротестовал маленький принц. — Ты вчера тоже не смогла играть!

— Туан взъерошил мальчику волосы. — Да, Ален, вчера твоей матери нужно было поговорить с герцогиней де Бурбон.

— Хотя мне этого и не хотелось. — Тон Катарины немного посуровел. — Даже короли и королевы не могут делать только то, что им нравится.

Она, — подумал Род, — определенно стала более зрелой.

Ален надулся. — Не честно!

— Да, — согласился Туан с невеселой улыбкой. — И все — таки...

— Прошу прощения, Ваши Величества! — к ним торопливо подошла и сделала реверанс леди среднего возраста в сером чепце и платье со сверкающе белым передником. — Я лишь на полминуты отвела взгляд, а...

— Не имсет значения, любезная няня, — отмахнулся от оправданий Туан. — Если мы не можем иной раз уделить миг внимания родному сыну, то чего стоит наше королевство? Все же ты не должен надолго отрывать нас от государственных дел, сынок, а то тебе, пожалуй, не придется наследовать королевства! Теперь ступай с няней и

возьми с собой вот что. — Он пошарил у себя в кошеле и достал круглый леденец.

Ален расстроенно взглянул на конфету, но принял ее. — Скоро?

— Как только закончим беседу с лордом Аббатом, — пообещала Катарина. — Теперь иди с няней, а мы скоро будем с тобой. — Она поцеловала его в лоб, развернула крутом и шлепнула по задку для придания ему скорости. Он побрел за нянькой, оглядываясь через плечо.

Его родители стояли, нежно глядя ему в след.

— Прекрасный мальчик, — нарушил, наконец, молчание Род.

— Да, — согласилась Катарина. И повернулась к Туану. — Но ты его сильно балуешь!

Туан пожал плечами. — Верно, для чего же существуют няньки? Вспомните, сударыня, он еще не стал обучаться под моим началом.

— Вот это мне хотелось бы увидеть, — кивнул Род. — Папа в качестве учителя фехтования.

Туан пожал плечами. — Мой отец с этим справился. Он был строг, и все же я никогда не сомневался в его любви.

— Твой отец великий человек. — Род отлично знал старого герцога Логайра. — А что он думает по поводу вашего назначения священников в его приходы?

Лицо Туана потемнело; когда он вернулся к этой теме. Он снова зашагал к палате аудиенций. — Он не слишком рад, но понимает необходимость. Почему же с этим не согласиться лорд Аббат?

— Потому что это посягает на его власть, — не замедлил ответить Род. — Но разве это назначение не всего лишь проформа? Чьим приказам подчиняются священники после того, как их назначают?

Туан встал, как вкопанный, а Катарина круто обернулась и уставилась на Рода. — Ведь так оно и есть, — медленно проговорил Туан. — Когда священников назначали бароны, то они повелевали ими. Когда же этим стала заниматься Катарина, наши судьбы следили за тем, чтобы лорды ни в коем

случае не приказывали клиру. Он, нахмурясь, повернулся к Катарине. — Ты отдавала приказы священникам?

— Не думала даже, — призналась Катарина. — Мне казалось, что самым лучшим будет оставить Богу богово.

— Политика хорошая, — согласился Род. — Нужно ли менять ее?

Туан просиял. — Мне бы не хотелось, кроме тех случаев, когда священник нарушает закон. Надо признать, лорд Аббат обращается с запятнавшими рясу более сурово, чем поступил бы я, кроме дел, где речь идет о смерти.

— По этому вопросу и спор?

— Никогда, — заявила Катарина. Туан покачал головой. — За любое тяжкое преступление Аббат наказывает клирика лишением сана и выбрасывает из ордена. Нет, я улавливаю, куда ты клонишь — мы предоставили Аббату возможность руководить всеми приходскими священниками.

— Что было прискорбной оплошностью, — процедила сквозь зубы Катарина.

— Вообще-то нет, — усмехнулся Род. — Благодаря этому церковь твердо выступила на вашей стороне против баронов, а вместе с ними и его паства. Но теперь...

— Да, теперь, — лицо Туана снова потемнело, он пожал плечами. — Для священника в любом случае выбор между королем и аббатом невелик. Если бы дело заключалось лишь в предоставлении аббату власти назначать священников! Пусть берет себе на здоровье! По сути она и так уже принадлежит ему.

— Если б тем и ограничилось, — подхватила Катарина.

— Есть что-то еще? — Род почувствовал, как у него наострились уши. — Конфликт между Церковью и Коронай, — прошептал у него за ухом голос Векса, — вращался вокруг двух вопросов. — Из-за светского правосудия в противовес церковному, особенно о правах на убежища; и по — поводу

находящихся в церковном владении огромных площадей земель, необлагаемых налогом.

— Кроме того, — сумрачно ответил Туан. — Аббат думает, что мы мало заботимся о бедных.

— Может и компьютер дал маху, — подумал про себя Род, в какой-то степени успокаиваясь. — Я бы не назвал это катастрофой.

— Да? — бросила с вызовом Катарина. — Он желает, чтобы мы уступили ему заведование всеми благотворительными средствами!

Род остановился. Вот это был совсем другой коленкор! Он хочет забрать под свою руку большую часть национальной администрации!

— Всего-навсего. — К Туану вернулась ирония. — Ту часть, которая обеспечивает поддержку со стороны народа.

— Начало сползания к теократии, — прошептал за ухом у Рода голос Векса.

Род скрипнул зубами, надеясь, что Векс поймет намек. Некоторые вещи ему незачем объяснять! При теократии в седле, какие будут шансы на рост демократии? — По этому пункту вам, на мой взгляд, нельзя уступить.

— И я так думаю. — Туан похоже испытал облегчение, а Катарина так и загорелась.

Что не предвещало ничего хорошего.

— Мы пришли. — Туан остановился перед двумя огромными, окованными бронзой, дубовыми дверями. — Выше голову, лорд Верховный Чародей.

Хороший штрих, — подумал Род, — напоминает ему, что он равен по званию человеку, с которым они встретятся.

Двери распахнулись, открыв восьмиугольную, застеленную ковром комнату, освещенную большими верхними окнами, увешанную богатыми гобеленами, с высоким книжным шкафом, заполненным огромными томами в кожаных переплетах... и коренастого человека в коричневой рясе, сверкающую лысую макушку которого окаймляли темные волосы, шедшие по затылку от уха до уха. Его круглое лицо с розовыми щеками сияло, словно лакированное. Это было доброе лицо, созданное для улыбок.

При виде его, воинственно настроенного, становилось не по себе.

Туан вошел в помещение, Катарина и Род последовали за ним. — Лорд Аббат, — провозгласил король, — разрешите представить вам Рода Гэллоугласа, лорда Верховного Чародея.

Аббат не встал — он же принадлежал к первому сословию, а Род ко второму. Он насупился, но затем, мотнув головой вверх-вниз, пробормотал: — Милорд. Я много слышал о вас.

— Милорд, — Род ответно мотнул головой вверх-вниз и сохранял нейтральный тон. — Относитесь, если изволите, к слышанному обо мне с долей скептицизма: магия моя белая.

— Я слышу ваши слова, — признал Аббат, — но каждый должен судить о ближних по себе.

— Ваши Величества, — говорил между тем Аббат. — Я думал аудиенция у меня будет с вами лично.

— Так оно и есть, — быстро сказал Туан. — Но надеюсь, вы не будите возражать против присутствия лорда Гэллоугласа, я нахожу его влияние смягчающим.

На секунду Аббат смешался, в глазах мелькнуло сомнение. Затем оно исчезло, и строгое выражение опять появилось на лице. Но Род на мгновение расположился к нему душой, и был не прочь смягчиться, если Их Величества тоже займут не столь жесткую позицию. В конце концов он добивался решения, а не капитуляции. Род не сводил глаз с груди Аббата.

Монах заметил. — Почему вы так пристально глядите на мою эмблему?

Род вздрогнул, а затем улыбнулся, как можно, теплее. — Молю о снисхождении, лорд Аббат. Просто я видел этот знак у священников на Грамарие, но так и не понял его. Мне в самом деле кажется необычным, что у рясы есть нагрудный карман. В учебниках истории она изображается не такой.

Глаза у Аббата расширились — он подавил удивление. Чем? Род взял это на заметку и

продолжал: — И я не представляю, зачем священнику носить в нагрудном кармане отвертку, ведь та маленькая желтая рукоятка принадлежит именно ей, не правда ли?

— Правильно, — улыбнулся Аббат вынимая из кармана крошечный инструмент и протягивая его на обозрение Роду, хотя в глазах у него была настороженность. — Она всего лишь знак ордена святого Видикона Катоцкого, ничего более.

— Да, вижу. — Род осмотрел отвертку, затем уселся слева от Туана. — Не могу понять, зачем монаху ее носить.

Улыбка Аббата стала теплей. — В день, когда у нас не будет важных дел, лорд Чародей, я с удовольствием расскажу вам об основателе нашего ордена, Святом Видиконе.

Род нацелил на него указательный палец. — Договорились.

— Аминь!

Лед был сломан.

Аббат положил обе ладони на стол. — Сейчас мы должны обратиться к нелегким делам, — сказал он и извлек из рясы свернутый в трубку пергамент, вручил его Туану. — С прискорбием и уважением, я должен представить Вашим Величествам сию петицию.

Туан принял пергамент, раскатал его перед собой и Катариной. Королева взглянула на него и ахнула от ужаса, затем повернулась к Аббату с грозным видом: — Вы ведь не думаете милорд, что корона может одобрить такие требования!

Челюсти у Аббата сжались, и он затаил дыхание.

Род поспешил влезть с вопросом: — В чем там дело, Ваше Величество?

— “Уважая свои обязательства перед государством и Вашими Величествами”, — прочел Туан, — “мы настоятельно советуем...”

— Ну, вот, а вы говорите, — снова откинулся на спинку кресла Род, махнув рукой. — Это же просто совет, а не требования.

Пораженный Аббат поднял на него взгляд.

Губы у Катарины плотно сжались. — Если Корона почувствует нужду в советах...

— С вашего позволения, Ваше Величество, — Род снова нагнулся вперед. — Боюсь, что я не знаком с обсуждаемыми вопросами, вы не могли бы прочесть мне дальше?

— "... мы с болью заметили посягательство Ваших Величеств на власть святой матери церкви в вопросе назначения...", — продолжал чтение Туан.

— Понятно. Вот значит, в чем суть, — Род вскинул голову. — Умоляю о снисхождении, Ваши Величества, простите что перебиваю, но по моему нам действительно следует решить этот вопрос в первую очередь. Проблема, кажется, заключается в праве. Народу нужна церковь, но нужно и сильное гражданское правительство. Сложность заключается в том, как заставить эти две организации работать совместно, не так ли? — Род для проформы бросил быстрый взгляд на пергамент. — Взять, например, этот пункт о заведывании над распределением помощи беднякам. Какие недостатки вы находите, милорд, в оказании такой помощи короной?

— Да в такой... — Род чуть ли не услышал, как переключается передача в мозгу Аббата, он целиком настроился на жаркий спор по поводу назначения священнослужителей. — Суть-то в том, что ее слишком мало!

— А, — кивнул Род, значительно глядя на Туана. — Значит мы так быстро переходим к финансам.

Они этого не делали, но Туан отлично понял намек. — Да. Мы давали все, что может выделить Корона, лорд Аббат, и еще немного сверх того; государство у нас с королевой отнюдь не громадное.

— Я знаю. — Аббат выглядел растерянным.

— В том-то и причина. Мы считаем, что нам не следует есть с золотых блюд, если наш народ голодает. Но он все равно голодает, ибо Короне поступает недостаточно денег, чтобы мы смогли их направить обратно на благотворительные цели.

— Вы могли бы увеличить налоги, — нерешительно предложил Аббат.

Туан отрицательно покачал головой. — Во-первых, если мы увеличим налоги, то бароны, на коих мы их возложим, в свою очередь, просто выжмут все соки из своих вассалов, а они и есть те самые бедняки, которым надо оказывать помощь; а во-вторых, не исключено, что вассалы подымут восстание. Нет, милорд Аббат, налоги и так уже подняты до самого высокого предела.

— Например, — вставила сладким голосом Катарина, — вы сами, лорд Аббат, первым стали бы возражать, если бы мы обложили налогом огромные церковные земли!

— И получили бы с них очень мало, — жестко заявил Аббат. — Ордену принадлежит лишь сороковая часть земель всего королевства!

— Данные верны, — немедленно прогудел за ухом у Рода Векс. А если это сказал Векс, то сведения эти правдивы — статистика была его коньком.

Но Роду показалось подозрительным, что средневековый администратор смог проявить такую осведомленность, без возможности проконсультироваться с государственными архивами.

— Многие из ваших баронов владеют более обширными угодьями! — продолжал Аббат. — Наш доход с тех земель в основном и так уже идет на бедняков, поэтому вы приобрели бы очень мало, обложив нас налогами!

— Вот видите? — вскинул руки Род. — Источник высох, вы сами это сказали.

Пораженный Аббат поднял взгляд, а затем сообразил, что так оно и есть.

— Если и Церковь, и Государство уже дают все что, могут, — погнался дальше Род, — то что мы можем сделать?

— Доверить распределение всех имеющихся средств одному казначейству, — не замедлил с ответом Аббат; у Рода засосало под ложечкой, когда он понял, что потерял инициативу. — Сейчас средства распределяют две группы людей. И что мы имеем в итоге? К примеру, в одной деревне есть две богадельни: одна оплачивается нашим

орденом, а другая находится под попечительством короны. А народу в деревне наберется едва ли двадцать душ. Такое дублирование дорого обходиться. И, если б этой деятельностью занимался только один штат, то средства, расходуемые на остальных, могли бы пойти на бедных, а поскольку братия святого Видикона довольствуется за свой труд лишь скромной постелью и столом, то содержание нашего штата, наверняка, обойдется куда дешевле!

Ошарашенный Род сидел, не находя слов. Может быть, лорд Аббат сам додумался до этой идеи, но что-то вызывало сомнение.

— Субъект ссылается на дублирование усилий, — прошептал за ухом Векс, — концепцию, принятую в системном анализе. Для средневекового общества такие концепции являются чересчур утонченными. Надо подозревать тут инопланетное влияние.

Или влияние путешествующего по времени. Интересно, кто на сей раз приложил лапу к Грамарийским делам, — гадал Род, — анархисты или тоталитаристы будущего?

Вероятно, анархисты: у них был опыт в обработке высокопоставленных лиц. Хотя чувствовалась здесь и пролетарская закваска...

Молчал он долго. Между тем Катарина язвительно говорила: — Да, оставить без работы около сотни верных слуг, а их родных и близких без хлеба! Благодаря этому, лорд Аббат, вы обеспечите хороший наплыв в свои приюты!

Лицо лорда Аббата побагровело. Роду было самое время снова вступить в разговор.

— Наверняка, лорд Аббат, ни та, ни другая система не совершенны. Но, когда действуют обе, то чего упустит одна, подстрахует другая. — Слышал ли он о прибыльности? — Например, церковь по-прежнему делит свои деньги на благотворительность поровну между всеми приходами?

— Да, — нахмурился, кивнул лорд Аббат. — Если приходу самому не набрать.

— Но в приходах Раннимиды процент отчаянно нуждающихся намного больше, чем в сельских приходах, — объяснил Род.

Аббат, моргнув, уставился на него.

— Думаю, у приходских священников не нашлось времени заметить это, настолько они перегружены работой. Но там, к счастью, есть королевские приюты, дающие бедным прихожанам возможность хоть как-то существовать. В этом-то и заключается целесообразность наличия двух систем.

Говорил он достаточно долго, чтобы Аббат оправился.

— В этом есть доля правды, — после молчания признал он. — Но если уж существуют две системы, то каждая должна быть самоуправляющейся. Разве так они не будут работать лучше?

Род поглядел на короля с королевой. Катарина обдумывала сказанное и, видимо, не хотела высказывать свое мнение.

— Да, — медленно проговорил Туан, — сие кажется разумным.

— Но пора обсудить вопрос о назначении, — Аббат хлопнул ладонью по столу и с победоносным видом откинулся на спинку кресла, довольный, что вернул собеседников к теме, которую они хотели избежать, имея к тому веские основания.

— Пока Корона назначает священников в приходы, я не могу поручать эту миссию человеку, который, по-моему мнению, более успешно справится с ее выполнением? Разве этот довод не ставит под сомнение пользу двойной сети, о которой вы говорите?

— По крайней мере, мы назначаем лучше, чем бароны выбиравшие священников до моего воцарения, — огрызнулась Катарина, но без горячности в голосе.

— За что я должен поблагодарить Ваши Величества, — склонил голову Аббат. — Все же разве теперь не настало время сделать новый шаг по пути вперед?

— Возможно, — здраво рассудил Туан, — хотя любое уменьшение основ, власти, наверняка, не принесет выгоды Короне...

— Но ведь выгодно вашему народу? — пробормотал Аббат.

Туан так и скривился. — Вот тут, любезный милорд, вы задеваете за живое. Надеюсь вы понимаете, что нам с королевой надо подробно обсудить те вопросы, к коим вы столь любезно привлекли наше внимание.

— Разговор, — предупредила Катарина, — будет долгим, и жарким.

Туан усмехнулся и встал.

— Вы нас извините, лорд Аббат? Нам в самом деле следует обдумать предложение, пока нас все свежо в памяти.

— Ну конечно, Ваши Величества, — Аббат с усилием поднялся на ноги и чуть склонил голову. — Вы вызовете меня, когда почувствуете необходимость в дальнейшем обсуждении этого дела?

— Будьте уверены, обязательно вызовем, — величественно пообещал Туан, — всего хорошего.

— Да поможет вам Бог, — пробормотал Аббат, быстро начертав в воздухе крест. Затем двери с шумом распахнулись, и монархи под руку вышли из палаты, спеша удалиться. Скорее всего, — заподозрил Род, — поиграть с мальчиком в шахматы, чем обсуждать государственные дела.

Чтобы не позволить Аббату тоже подумать об этом, Род решил утолить собственное любопытство и обратился к нему: — Итак, милорд — насчет основателя вашего ордена...

— А? — изумленно поднял голову Аббат. — Ах, да! Я же сказал, когда будет время.

— Времени сколько угодно, — заверил его Род. — Жена не ожидает моего скорого возвращения.

Воздух вдруг бухнул легким ударом грома, и перед ними предстал Тоби, бледный, с широко раскрытыми глазами: — Лорд Чародей, скорее! За вами послала Гвендайлон. Ваш сын Джеффри пропал в воздухе!

Род поборол прилив страха. — Он же все время это делает, Тоби, — особенно после того, как ты только что побывал там. Просто заблудился, быть может?

— Стала б она за тобой посылать, если бы так?

— Нет, не стала бы! — Род стремительно повернулся к Аббату. — Вы должны извинить меня, милорд, но тут должно быть и впрямь чрезвычайное происшествие! Моя жена — женщина очень здравых суждений!

— Да-да, безусловно, отправляйтесь и не теряйте время, спрашивая разрешения у болтливого старика! Да будет с вами благословение божье, лорд Чародей!

— Спасибо, милорд! — Род круто повернулся и устремился за дверь вместе с неотстающим от него ни на шаг Тоби. — Постарайся не выскакивать так неожиданно, Тоби, когда поблизости священник, — посоветовал он. — Их это нервирует.

ГЛАВА 4

— Кто-то задумал достать меня, — пробормотал отец Ал, летя по подземной трубе в пневматическом вагоне, вместе с дюжиной других пассажиров с Земли. Они только что сошли с лайнера, прибывшего с Луны, и подошли к стене-табло. Отец Ал нашел свой рейс и увидел, что корабль на Бету Кассиопеи отправляется в 17:23 СГВ, со Входа 11 на платформе Северная 40. Затем он поднял взгляд на цифровые часы и увидел, к своему ужасу, что уже 17:11, а он еще находится на платформе Южная 220, значит в 180 градусах, как в горизонтальной так и в вертикальной плоскости от своего следующего корабля. Выходит, что он находился на прямо противоположной стороне астероида шириной в две с половиной мили, являвшегося Станцией “Проксима”!

Поэтому скорее вниз, в трубу. Единственная спасательная милость заключалась в том, что покуда он оставался на станции, ему не требовалось проходить таможенную. Это преимущество, да еще скорость пневматического вагона помогут одолеть два с половиной километра за три минуты. Он мог бы проделать этот путь быстрее, чем за минуту, если бы компьютер не поставил ему предел ускорения и торможения в начале и конце пути — максимум в 1,5 д. При данных обстоятельствах, отец Ал решил бы и на более высокую скорость, рискуя кончить свое существование в виде тонкой пасты на передней части вагона.

Торможение толкнуло его в переднюю часть вагона, затем спало и исчезло. Двери со свистом открылись, и он очутился на ногах, вертясь и петляя между другими пассажирами, прокладывая

себе путь к платформе. — Извините... Извините... Прошу прощения, мадам... О, Боже! Сожалею, что наступил вам на ногу, сэр...

Затем он пробился и стоял, стиснув руки на ручке чемодана, прожигая взглядом световой указатель лифта. Минуты мучительно тянулись одна за другой, когда сдержанный безличный голос с потолка уведомил его, что Рейс 110 компании "Чейрледи Спейсвейс" на Бету Кассиопеи вот-вот отправится из Входа 11; последняя посадка на Рейс 110 компании "Чейрледи Спейсвейс".

Двери лифта со свистом открылись, напряженным усилием воли, отец Ал удержался на месте, когда пассажиры выходили из кабины, а затем дернулся обратно. Это было ошибкой, позади него столпилось еще пять человек. Двери со свистом закрылись, и он начал прокладывать себе локтями путь обратно.

— Извините... Сожалею, но мне действительно срочно... Простите, сэр, но мой лайнер отправляется, а следующий прибудет очень не скоро...

Затем двери со свистом открылись, и он выскочил, следя одним глазом как избежать столкновений, а другим, ища каких-либо указателей. Вот он — "Вход с 10 по 15" и стрелка показывала налево! Он завернул, словно комета, огибающая Солнце, оставляя за собой след в виде отдавленных ног, оттолкнутых локтей и испорченных настроений.

Вход №11! Он затормозил, прыгнул к двери — и понял, что та закрыта на замок. С замирающим сердцем он поднял взгляд на стену-иллюминатор, увидел светящуюся точку, уже исчезающую, становящуюся по мере удаления корабля все меньше и тусклее.

На какой-то миг он обмяк от такого поражения, затем задрал подбородок и расправил плечи. Почему он допускает, чтобы это беспокоило его? В конце концов следующего рейса на Кассиопею ждать не так уж долго.

Но стена-табло утверждала иное: следующий рейс на Бету Кассиопеи отправляется лишь через неделю! Он недоверчиво уставился на цифры, и в ушах у него зазвучало эхо предупреждения Йорика

— поторопиться. Роду Гэллоутласу предстояло исчезнуть, и отец Ал должен был гарантировать, что он исчезнет вместе с ним!

Тут в затылочной части его мозга зародилось нехорошее подозрение. Утверждать плохое было еще рано, но Род Гэллоутлас готовился открыть в себе какую-то необыкновенную силу, в тоже время, он обладал, как, впрочем, почти все люди, каким-то изъяном в характере. И этот изъян мог стать рычагом, ухватившись за который его могли подтолкнуть к злым деяниям. Он мог стать очень мощным орудием в руках Зла или великой силой для Добра, если рядом с ним будет кто-то, способный указать на моральные западни и помочь ему избежать их.

Шансы зла определенно возрастут, если отец Ал не успеет связаться с Родом Гэллоутласом.

Ведь это так легко устроить — нужно всего-навсего сделать так, что он не успеет на свой корабль и прибудет на Грамарий слишком поздно! Наверно капитан лайнера пребывал в плохом настроении и не собирался ждать ни секунды, даже, если еще не прибыл один из транзитных пассажиров... Наверно, диспетчер космопорта сегодня крупно с кем-то поспорил и вымещал досаду на всем остальном мире, поместив корабль с земли на платформу Южная 220, вместо Северной 40. Поэтому Финаль восторжествовал, и противоречивость вселенной устремилась к максимуму.

Отец Ал круто повернулся и зашагал широким шагом к центру платформы.

Прибыв на главный перекресток, отец Ал прогулялся вдоль ряда лавок, выискивая, что ему требовалось. Церковь прилагала все силы, стремясь сделать таинства доступными для всех своих членов, как бы далеко от Земли те не находились. Особенно в тех местах, где больше всего могли понадобиться даваемые ею утешение и ободрение.

Вот оно — занавешенное окно со знаком и надписью "Капелла Св. Франциска Ассизского". Отец Ал прошел через двойные двери, обвел взглядом ряды церковных скамей из твердого пластика, бургундский ковер и обыкновенный, простой престол на невысоком помосте с распятием

над ним на обшитой панелями стене и почувствовал, как с его плеч сняли огромную невидимую тяжесть. Он теперь у себя дома.

Францисканцы, как всегда, оказались очень гостеприимными. Но когда он объяснил, что ему надо, возникло замешательство.

— Отслужить обедню? Сейчас? При всем нашем уважении, отец, уже шесть часов вечера.

— Но вы здесь, наверное, служите и вечерние обедни.

— Только по воскресеньям и при бдениях в святые дни.

— Думаю, что это необходимо, — отец Ал вручил францисканцу письмо папы. — Это несколько разъяснит ситуацию.

Он терпеть не мог козырять высоким положением — но ему доставило удовлетворение наблюдать, как расширились глаза у францисканца, когда он взглянул на подпись. Сложив письмо, он отдал его обратно отцу Алу и откашлялся. — Ну... разумеется, отец. Все что пожелаете.

— Мне нужен всего лишь алтарь, на полчаса, — улыбнулся отец Ал. — Никакой проповеди, думаю, не понадобится.

Но он ошибся. Когда он начал служить мессу в капеллу заглянул прохожий, остановился, пораженный, а затем тихо вошел, отыскал скамью и преклонил колени. Когда отец Ал поднял голову готовый начать "Верую", то в изумлении увидел сидевшую перед ним группу людей, состоящую из хорошо одетых путешественников, портовых механиков, членов космодромных команд и нескольких джентльменов с трехдневными бородами, в промасленных с заплатами и с мешками на коленях спецовках. Любопытно, как у любого крупного космопорта всегда образовывался собственный район значных мест, даже если он находился в миллионах АЕ* от любой обитаемой

* астрономических единиц

планеты. И еще удивительней то, сколько католиков вылезло из щелей пластиковых сооружений при звуке алтарного колокола.

При таких обстоятельствах, он счел себя обязанным прочесть проповедь, которая всегда была у него наготове. — Вот о чем он поведал: — Братья и сестры мои, хотя мы находимся в капелле Святого Франциска, позвольте напомнить о священнослужителе, в честь которого был основан мой собственный орден — о святом Видиконе Като-ском, принявшем мученическую смерть за веру. Это был незаурядный человек. Во время пребывания в семинарии он не переставал мыслить категориями действительности, а не того, что должно произойти в будущем. Он был, конечно, иезуитом.

Он обладал довольно странным воззрением, окрашенным чувством юмора. Когда он занимался преподавательской деятельностью, его студенты гадали, не верит ли он в Финаля тверже, чем в Христа. Многие молодые люди принимали его шутки всерьез и шли в святые ордена. Его епископ был в восторге от таких проявлений веры, но с опаской смотрел на причины большого наплыва. Потом об этом прослышал Ватикан. У Курии тоже имелись свои сомнения о его чувстве юмора, его перевели в Рим, где могли держать под наблюдением.

Для удобства слежки его сделали главным инженером Ватиканского Телевидения.

Сегодня это понятие вызывает недоумение. “Телевидение” было похоже на ЗМТ, но с плоским изображением. ЗМТ сначала означало в сокращении “трехмерное телевидение”. Да, это было много веков назад — в лето Господа Нашего 2020-е.

Отца Видикона опечалила необходимость расстаться с преподаванием, но обрадовала возможность по-настоящему поработать с телевизионным оборудованием. Близость к папе нимало не умерила его энтузиазма и юмора. Он по — прежнему упорно называл Творца “Космическим Катодом”...

Хвала Творцу, от Коего исходят электроны!

Хвала Ему, Источнику всего, что нам знакомо!

Тому, Чей порядок среди звезд не потух!

Ибо в машинах Он — истинный Дух!

— Отец Видикон, — сделал ему выговор монсиньор, — такая песня отдает богохульством.

— Она всего лишь непочтительна, монсиньор. — Отец Видикон присмотрелся к осциллоскопу и подправил пьедестал на второй камере. — Но впрочем, вы же доминиканец.

— А что бы это значило?

— Просто вы, возможно, слышали не то, что я сказал. — Отец Видикон склонился над переключателем и набрал цветные полосы.

— В его словах есть резон. — Брат Энсон оторвался от поисков неисправности в схеме платы ТБК. — Я лично счел ее вполне почтительной.

— Еще бы, ведь ее спели. — Монсиньор знал, что брат Энсон был францисканцем. — Сколько я еще должен задерживать репетицию, отец Видикон? У меня ждут архиепископ и два кардинала!

— Вы сможете начать, когда трубка камеры заработает, монсиньор. — Отец Видикон снова набрал вторую камеру и убедился, что осциллоскоп показывал все-таки верно. — Если вы торопитесь привести сюда кардиналов, имейте в виду, что может быть поломка.

— Мне непонятно, как красная мантия может вызвать столько бед, — пробурчал монсиньор.

— Еще бы, ведь вы режиссер. Но эти старые плюмбиконовые трубки не любят красное. — Отец Видикон подправил цветность. — Конечно, если бы вы уговорили Его Святейшество предоставить нам несколько камер с цифровыми платами...

— Отец Видикон, вы же знаете сколько они стоят! А мы уже век, как Церковь Бедных!

— Скорее четыре века, монсиньор — с тех пор, как Кальвин сманил от нас буржуазию.

— У нас столько же католиков сколько было в 1390 году, — решительно возразил брат Энсон.

— Да, и тот год был сразу после "черной смерти", не так ли? А с тех пор население земного шара. немного выросло. Мне не по душе быть пессимистом, брат Энсон, но у нас лишь десятая часть тех верующих, какие шли к нам в 1960 году. А судя по притягательности, демонстрируемой Пре-

подобным Суном, нам еще повезет, если мы сумеем сохранить к концу года десятую часть и этой паствы.

— Сейчас у нас кризис с камерами, — напомнил им монсиньор, — вы не могли бы воздержаться от обсуждения кризиса веры до тех пор, пока не будут налажены камеры?

— О, они уже работают. — Отец Видикон включил общий рубильник и откинулся от пульта управления камерами. — Сейчас они будут работать для вас превосходно, пока вы не начнете запись.

Монсиньор побагровел. — А с чего бы им поломаться тогда?

— С того, что именно тогда они будут вам нужней всего, — усмехнулся отец Видикон. — Телевизионное оборудование подвластно закону Мэрфи, монсиньор.

— Я желал бы, чтобы вы чуть меньше волновались из-за закона Мэрфи и чуть больше из-за Христова закона!

Отец Видикон пожал плечами. — Если целью Господа является отдать власть над энтропией в руки Беса Противоречия, то кто я такой, чтобы спрашивать Его?

— Ради всего святого, отец, какое имеет отношение Бес Противоречия к закону Мэрфи? — воскликнул монсиньор.

Отец Видикон пожал плечами. — Энтропия есть потеря энергии в системе, что является самопогублением, а это и есть противоречие. И закон Мэрфи — противоречие. Следовательно, они оба, и Бес являются следствием Общей Константации Финаля “Противоречивость вселенной стремиться к максимуму”.

— Отец Видикон, — резко сказал монсиньор. — Когда-нибудь вас сожгут, как еретика.

— О, только не в нашу эпоху. Если Церковь проклянет меня, я могу, подобно многим из нашей прежней паствы вступить в церковь Преподобного Суна. — Увидев, что монсиньор делается пурпурным, он повернулся к двери, быстро добавив. — Тем не менее, монсиньор, будь я на вашем месте,

то не забыл бы прежде, чем скомандовать “пошла запись” прочесть “Литанию Камер”.

— Этот образчик богохульства? — взорвался монсиньор. — Отец Видикон, вы же знаете, что Церковь никогда официально не провозглашала святую Клару покровительницей телевидения!

— И все же, она ведь видела, как умер святой Франциск, хотя находилась в то время в двадцати милях от него — первый католический случай “телевидения”, “видения на далекое расстояние”. — Отец Видикон помахал указательным пальцем. — А святой Генессий является официально признанным покровителем деятелей шоу-бизнеса.

— Актеров, разрешите напомнить. А у нас здесь таковых нет!

— Да, знаю. Я видел ваши программы. Но помяните хоть святого Иуду, монсиньор.

— Покровителя отчаявшихся? Зачем?

— Нет покровителя пропащих людей, а с такими древними камерами, он вам понадобится.

Дверь открылась и вошел монах. — Отец Видикон, вас вызывают к Его Святейшеству.

Отец Видикон побледнел.

— Вам лучше самому помянуть святого Иуду, отец, — злорадно посоветовал монсиньор. Затем лицо его смягчилось. — И, помоги нам Господи — нам всем тоже не помешает.

Отец Видикон преклонил колени и облобызал папский перстень с облегчением — если ему подали для целования перстень, то дела обстоят не так уж плохо.

— Встаньте, отец, — мрачно велел ему папа Климент.

Отец Видикон поднялся на ноги. — Полноте, Ваше Святейшество! Вы же знаете, что все это было просто забавы ради! Немного непочтительно, но тем не менее это только шутка! В действительности я не верю в демона Максвелла, во всяком случае, полностью. И я знаю, что Общая Констанция Финаля на самом деле заблуждение — противоречивость в нас самих, а не во вселенной. И святая Клара...

— Мир, отец Видикон, — устало сказал Его Святейшество. — Я уверен, что ваши шутки не угрожают существованию Церкви, а непочтительность меня не особенно беспокоит. Если Христос мог пошутить, то и нам не возбраняется.

Отец Видикон удивился. — Разве Христос шутил?

— Он ведь принял человеческое воплощение, не так ли? Но я позвал вас сюда по более серьезной причине, чем ваше утверждение, что Христос выступил в качестве муниципального инженера, когда сказал, что Петр это камень, и на сем камне Он выстроит Церковь Свою.

— О! — Отец Видикон попытался принять подобающий степенный вид. — Если дело в финансировании обратной связи в громкоговорителях собора святого Петра, то я сделаю все, что в моих силах, но...

— Нет, положение, боюсь, почти критическое. — На углах губ папы появился намек на улыбку. — Вам, конечно, известно, что за последние двадцать лет верующие покидали нас все возрастающими толпами.

Отец Видикон пожал плечами. — А чего еще можно ожидать, Ваше Святейшество? При телевидении, обратившем всех к вселенскому образу мыслей, они все больше и больше склонялись к мистицизму, нуждаясь в доктринах, охватывающих весь Космос и заставляющих их ощущать себя значительно интегрированными с ним; но Церковь по-прежнему предлагает лишь окаменелую догму и логические рассуждения. Конечно, они обратятся к экстазникам, к виде-одемагогу, вроде Преподобного Суна, с его крошкой из тайпинского христианства и дзен-буддизма...

— Да, да, я знаком с этими теориями, — отмахнулся от слов отца Видикона Его Святейшество, прикрывая другой ладонью глаза. — Не надо мне вашего маклюэзовского жаргона, отец. Но вам будет приятно узнать, что Совет только что окончательно решил, какие части теорий Шардена совместимы с католической доктриной.

— Значит Ваше Святейшество уговорили их наконец согласиться на это! — Отец Видикон испустил сильный вздох облегчения. — Наконец-то!

— Да, я думаю, как неплохо было быть папой, скажем, в 1890 году, — согласился Его Святейшество. — Когда святой престол имел чуть больше власти и меньше надобности убеждать. — Он тоже тяжело вздохнул и сцепил руки на столе. — И произошло это как раз во время. В понедельник утром Преподобный Сун выступает с речью на Генеральной Ассамблее, и ни за что не угадаете на какую тему.

— Что Церковь — камень на шее всех стран мира, — мрачно кивнул отец Видикон. — Священники, мол, не передают по наследству свои гены, католики не пытаются контролировать рождаемость и таким образом вносят свой вклад в перенаселение, церковные земли не облагаются налогом — все это стало довольно избитой риторикой.

— В самом деле, большинство его последователей могут процитировать эти тезисы досконально. Но на сей раз, как заверяют меня мои источники, он намерен зайти куда дальше — попросить Ассамблею рекомендовать всем странам-членам ООН принять законодательные акты, делающие эти “злоупотребления” противозаконными.

Отец Видикон присвистнул. — А так как во всех странах большой процент избирателей составляют сунниты...

— То это равнозначно объявлению римско-католической церкви вне закона. Да. — Кивнул Его Святейшество. — И вряд ли нужно напоминать вам, отец, что в нынешнем итальянском правительстве большинство принадлежит коммунистам-суннитам.

Отец Видикон содрогнулся. — Они начнут с аннексии Ватикана! — Перед глазами у него внезапно возникло кошмарное видение молитвенного собрания суннитов в Сикстинской капелле.

— Мы будем подыскивать новое жилье, — сухо обронил папа. — Поэтому, как вы понимаете, отец, будет важно, чтобы я сначала сообщил верующим всего мира о недавнем решении Совета.

— Ваше Святейшество выступит по телевидению!
— воскликнул отец Видикон. — Но это же чудесно! Вы будете...

— Я краснею, отец Видикон. Мне хорошо известно, что вы считаете меня обладающим врожденной привлекательностью для видеосредств.

— У вас харизма Иоанна-Павла II с притягательностью Ионна XXIII! — стоял на своем отец Видикон. — Но какая потеря, что вы не появляетесь на студии!

— Мне не нравится видеть себя главным гвоздем программы в интермедии, — саркастически отозвался Его Святейшество. — И все же, боюсь, что это необходимо. Курия переговорила с Евровидением, Афровидением, Паназиавидением, Панамеривидением и даже с Интервидением. Все они, даже коммунисты, согласились передавать нас пятнадцать минут...

— Кардинал Белуга — гений дипломатии, — пробормотал отец Видикон.

— Да, и все эти страны встревожены ростом в своих пределах церкви Суна, так как из этого следует, что немалая часть их граждан подчиняется приказам из Сингапура. При таких обстоятельствах мы становимся, на их взгляд, меньшим из двух зол.

— Полагаю это комплимент, — с сомнением протянул отец Видикон.

— Давайте считать именно так, идет? Узким местом будут, конечно, американские коммерческие телесети. Они согласны передать мое выступление только в воскресенье утром.

— Да, религия их волнует только тогда когда она начинает влиять на сбыт товаров, — задумчиво проговорил отец Видикон. — Как я понимаю, Ваше Святейшество выступит около двух ночи?

— Да, в Чикаго это будет раннее утро. Другие страны согласились записать выступление и прокрутить его в более подходящий час. Выступление пойдет, конечно, через спутник...

— Пока мы его оплачиваем.

— Естественно. И если с нашей стороны будут какие-то неполадки в трансляции, то телесети не будут обязаны дать нам дополнительное время.

— Ваше Святейшество! — раскинул руки отец Видикон. — Вы меня обижаете! Ну, конечно, я позабочусь чтобы с трансляцией не произошло никаких накладок!

— Я не хотел вас обидеть, отец Видикон — но я хорошо знаю, что данный мной передатчик не самая последняя модель.

— А что можно приобрести на пожертвования? Кроме того, Ваше Святейшество, в 1990 году фирма "Бритиш Маркони" изготовляла превосходные передатчики! Нет, Италия и Южная Франция будут принимать нас идеально. Но не помешает, если вы сможете купить несколько запасных частей для трансформатора, подающего ток на земной станции спутника...

— Что б там ни было. Покупайте все, что вам нужно, отец Видикон. Главное обеспечить передачу нашего сигнала. А теперь можете идти.

— Не беспокойтесь, Ваше Святейшество! Ваш голос услышат, а ваше лицо увидят, даже если против меня поднимутся все силы тьмы!

— Включая демона Максвелла? — сурово молвил Его Святейшество. — И беса Противоречия?

— Не беспокойтесь, Ваше Святейшество. — Отец Видикон соединил в кольцо большой и средний пальцы. — С ними я уже справлялся.

— Добрые души слетелись словно голуби домой, — пропел отец Видикон, — или слетятся, услышав маленькую речь нашего папы. — Он закрыл съемную панель передатчика. — Вот! Все компоненты в лучшем виде! Я даже смахнул пыль со всех плат... Как там тот запасной передатчик, брат Энсон?

— Пока я заменил два чипа переменного тока, — ответил брат Энсон из недр древнего агрегата. — Не потому, что они не исправны, просто у меня возникли свои сомнения.

— Никогда не буду сомневаться в предчувствиях францисканца. — Отец Видикон сплел пальцы на

животе и откинулся на спинку стула. — Вы проверили трансформатор к наземной станции?

— Трансформатор. — Из агрегата высунулись покрытые пылью голова и плечи брата Энсона. — Вы имеете в виду тот огромный резистор в сером ящике?

Отец Видикон кивнул. — Тот самый.

— Немножко примитивный, не правда ли?

Отец Видикон пожал плечами. — Сейчас нет времени доставать лучший, и деньги мне отпустили только на такой в ту пору, как меня “повысили”, произведя в главные инженеры. Кроме того, нам действительно надо сбросить всего лишь 50000 ваттный сигнал нашего передатчика до той величины, с какой способна справиться наземная станция.

Брат Энсон пожал плечами. — Как скажете, отец. Правда, эта штука вызовет небольшие помехи.

— Ну, мы не можем работать идеально, во всяком случае при таком бюджете, какой нам отпущен. Просто надо помнить, брат, что большая часть нашей паствы по-прежнему живет в нищете; чашка проса для нее нужней, чем четкое изображение.

— С этим я не могу спорить. Так или иначе, я проверил этот резистор. Сколько Ом он даст?

— Примерно столько же, сколько и вы, брат. Как он выдержал испытание?

— Отлично, отец. Он исправен.

— Или будет таков, пока мы не выйдем в эфир, — кивнул отец Видикон. — Ну, у меня есть под рукой два запасных. Пусть случится наихудшее, что может случиться! Я противоречивей, чем Мэрфи!

Дверь со стуком распахнулась, и к косяку бессильно прислонился монсиньор. — Отец... Видикон! — задыхаясь выговорил он. — Произошла... катастрофа!

— Мэрфи, — пробормотал про себя брат Энсон, но отец Видикон был уже на ногах. — Что такое, монсиньор? Что случилось?

— Преподобный Сун! Он пропнюхал о планах папы и уговорил ООН назначить его выступление в пятницу утром!

Какую-то секунду отец Видикон стоял не двигаясь, ошарашенный. А затем резко бросил: — Телесети! Они могут выпустить Его Святейшество пораньше?

— Кардинал Белуга сидит сейчас на трех телефонах, пытаясь устроить это дело! Если он добьется своего, вы сможете быть готовы?

— О, мы сможем быть готовы! — отец Видикон глянул на часы. — Четверг, 4 ночи. Нам нужен час. После этого в любое время, монсиньор.

— Благослови вас Бог! — Монсиньор повернулся к выходу. — Я передам Его Святейшеству.

— Идемте, брат Энсон. — Отец Видикон двинулся к запасному передатчику, подхватив свою сумку с инструментами. — Давайте вернем в строй этого зверя!

— Пять минут до выхода в эфир! — проскрежетал по интеркому голос монсиньора. — Сделайте все в лучшем виде, преподобные господа! Утренние шоу по всему миру дают нам пятнадцать минут, но ни секундой больше! А Преподобный Сун выступит сразу после нас, в прямом эфире из ООН!

Отец Видикон и брат Энсон стояли на коленях, молитвенно сложив руки. Отец Видикон прочел на распев: — Святая Клара, покровительница телевидения...

— ... заступись за нас, — закончил брат Энсон.

— Святой Генессий, покровитель деятелей шоу-бизнеса...

— ... заступись за нас, — прошептал брат Энсон.

— Запись пошла, — отозвался инженер по записи.

— Святой Иуда, покровитель пропащих...

— ... заступись за нас, — пылко закончил брат Энсон.

— Пошел! — А затем: — Звук и цвет!

Они услышали, как воем на заднем плане тысячецикловая проверка звука. А затем она начала бибикать с секундными интервалами.

— Микрофон и суфлер готовы, готовы к работе при счете один!

— Пять! — выкрикнул помреж. — Четыре! Три!

— Затемнение! Отсечь звук! — крикнул монсиньор. — Микрофон ему! Телесуфлера! Включать при счете “один”!

На телеэкранах всего мира появилось серьезное, приветливое изображение папы. — Возлюбленные чада мои во Христе...

Изображение мигнуло.

Отец Видикон метнул взгляд на трансформатор. Его сигнальный огонек погас. Рядом с ним горел огонек на крышке запасного трансформатора.

— Быстро! Большой сдох! — Отец Видикон сорвал крышку с большого серого ящика и выкрутил перегоревший резистор.

— По некоторым вопросам теологии мы никак не можем согласиться с Преподобным Суном, — говорил между тем Его Святейшество. — В первую очередь это касается его концепции Троицы. Мы просто не можем согласиться, что сам Преподобный Сун является третьей ипостасью, “младшим сыном” Бога...

Брат Энсон хлопнул в ладонь отца Видикона запасной резистор.

— ... равным образом, пускание по кругу сигареты с марихуаной не является, с точки зрения Церкви, действительным религиозным обрядом, — продолжал папа. — Но Свет согласен, что...

Экран погас.

Отец Видикон сунул запасной в зажимы и врубил переключатель.

Экран снова засветился. — ... всегда молчаливо подразумевались в католической доктрине, — говорил Его Святейшество, — но теперь пришло время обнародовать их скрытый смысл. Первым среди них является представление об “уровнях реальности”. Все сущее реально; но Бог есть

Источник реальности, так как Он — Источник всего. И метафора “дыхание Боже”, подразумевающая человеческую душу означает что..

— Да, он полетел. — Отец Видикон выдернул из запасного трансформатора перегоревший резистор. — Должно быть эти фабриканты думают, что могут всучить Церкви брак. — Брат Энсон забрал ком обугленной массы и дал ему новый резистор. — Это наш последний запасной, отец Видикон.

Отец Видикон вставил его в зажимы. — Хватит ли их на протяжении десяти минут?

— Следствие Гундерсона, — согласился брат Энсон.

Отец Видикон захлопнул крышку. — Мы боремся с противоречивостью, брат Энсон.

Сигнальный огонек на главном трансформаторе мигнул и погас, тогда как на запасном зажглась красная лампочка.

— У нас иссякли запасные, — простонал брат Энсон.

— Может это просто соединение! — Отец Видикон сорвал крышку. — Осталось всего четыре минуты!

— Виноват резистор, отец?

— Ты имеешь в виду этот кусок шлака?

— ... единство, цельность космоса, всегда признавались святой матерью церковью, — говорил тем временем папа. — Выдающимся примером служит притча Христа о “лилиях полей”. Все сущее — в Боге. Фактически, архитектура средневековых церквей...

На экране появилось изображение Собора Парижской Богоматери. Камера наехала, показав крупным планом декоративную резьбу...

... и экран померк.

— Он сдох, отец Видикон, — простонал брат Энсон.

— Ну, клин клином вышибают. — Отец Видикон выдернул сдохший резистор. — А это — противоречивость... — Он схватился левой рукой за

проводящий провод передатчика, а правой — за провод наземной станции.

По всему миру, экраны снова ожили за-светившись.

— ... и подобно тому как есть единство во всем Мироздании, — продолжал папа, — есть и единство во всех главных религиях. Во всех можно найти одни и те же космические истины; и вопросы, по которым мы сходимся, важнее тех, по которым у нас расхождения — за исключением, конечно, Божественности Христа, и Святого Духа. Но куда католик помнит, что он католик, ему нельзя ставить в вину стремление научиться чему-либо у других вер, если он использует это учение, как путь к большему пониманию собственной веры. — Он сложил молитвенно руки и мягко улыбнулся. — Да благословит вас всех Бог.

И его изображение на экране растаяло.

— Мы закончили! — закричал монсиньор. — Это было потрясающе!

В аппаратной брат Энсон читал, со слезами на глазах "Dies Irae"*.

Папа вышел из телестудии, стараясь выглядеть спокойным. Из центра управления выскочил монсиньор и упал на колени, хватая папу за руку. — Поздравляю, Ваше Святейшество! Это было великолепно!

— Спасибо, монсиньор, — пробормотал папа, — но давайте судить по итогам, ладно?

— Ваше Святейшество! — вбежал еще один монсиньор. — Только что звонил Мадрид! Народ ломится в исповедальни, даже мужчины!

— Ваше Святейшество! — прокричал какой-то кардинал. — Говорит Прага! Верующие прут в собор! У комиссаров бледный вид!

— Ваше Святейшество! Нью-Йорк! Народ валом валит в церкви!

* "День гнева" — католическая молитва

— Ваше Святейшество! Преподобный Сун только что отменил свое выступление в ООН!

— Ваше Святейшество! По всей Италии люди стоят на коленях перед церквями, призывая священников!

— На связи итальянское правительство, Ваше Святейшество! Оно шлет глубочайший поклон и заверения в вечной дружбе!

— Ваше Святейшество, — вымолвил сквозь слезы брат Энсон. — Отец Видикон скончался.

В итоге его, разумеется, канонизировали — без сомнения, он погиб за Веру. Но чудеса начались немедленно.

В Париже, программист компьютеров, возившийся с очень хитрой программой, знал, что ей обеспечен сбой. Но он помолился отцу Видикону, прося замолвить словечко перед Господом, и программа пошла без сучка, без задоринки.

У Арта Ролино, руководившего показом Суперкубка, сдохли одиннадцать из двенадцати камер, а двенадцатая начала барахлить. Он быстро послал молитву отцу Видикону, и пять камер вернулись в строй.

Наземное управление полетом вело передачи на недавно запущенный спутник, когда тот внезапно исчез с его экранов. — Отец Видикон, храни нас от Мэрфи! — воскликнул диспетчер, и импульс снова появился на экранах.

Чудеса? Трудно доказать, может быть и случайное совпадение. Такое всегда возможно с электронным оборудованием. Со временем инженеры, программисты компьютеров и техники всего мира начали подсчитывать молитвы и число спасенных проектов и программ, и весть об этих чудесных совпадениях разнеслась повсюду. Поэтому на следующий день после того, как папа провозгласил его святым, во всех компьютерных залах и диспетчерских всего мира противоположные от входа стены украсились лозунгами:

“Святой Видикон Катоцкий, заступись за нас!

— Так погиб святой Видикон, совершив акт самопожертвования, обративший противоречивость

против самой себя. — Отец Ал медленно повернул голову, глядя прямо в глаза всем присутствующим. — Поэтому, братья и сестры мои, когда вас одолеет искушение совершить акт противоречия, молитесь святого Видикона заступиться за вас перед Всемогущим Богом, и даровать вам милость обратить эту противоречивость против самой себя, как поступил святой Видикон. Если вы мазохист, и вас одолело искушение найти кого-то, кто отхлещет вас, будьте еще более противоречивы — лишите себя удовольствия, косго жаждете! Если вам захотелось украсть, найдите способ заставить банковский компьютер выдать вам деньги с вашего же счета! Если вы задумали разорить врага, то сделайте ему вместо этого комплимент — он с ума сойдет, гадая, какую каверзу против него вы задумали!

Один из слушателей заерзал на скамье.

Отец Ал глубоко вздохнул. — Таким образом мы можем отнять энергию у тяги к противоречию и обратить ее на укрепление наших душ, на совершение добрых дел.

Конгрегация выглядела немного сбитой с толку, и он их не винил — проповедь эту нельзя было назвать самой понятной из всех когда-либо прочитанных им. Но что еще можно ожидать, когда она основана на импровизации? Однако он заметил на лицах нескольких бичей удивление, сменившееся глубокой задумчивостью. По крайней мере, не все семена упали на бесплодную почву.

Он поспешил перейти к “Верую”, а затем провозгласил замысел обедни: — Господи Боже, если будет на то воля Твоя, позволь душе слуги Твоего, святого Видикона Катодского, помочь своею силой и защитить сего члена ордена, основанного в его честь, в борьбе с силами противоречия, осаждающими Твою Святую Церковь, обрати их против самих себя, порази тех, кто ведет войну против святости и свободы души. Аминь.

Дальше все шло в основном без отклонений. Он смог расслабиться и позволить себе забыть о неприятностях, все глубже и глубже вовлекаясь в таинство. Атмосфера обедни окутала его своим

успокаивающим теплом. Вскоре для него существовали только гостья и вино, да молчаливые, внимательные лица конгрегации. Многие из присутствующих оказались в форме для причастия. Один из францисканцев вышел отпереть дарохранильницу и вынести дароносицу, так что никто не ушел пустым.

Затем они потянулись к выходу, распевая последнее песнопение. Отец Ал остался один, удовлетворенный, что обедня окончена. Взгрустнулось лишь от того, что он должен ждать еще целые сутки, прежде чем сможет отслужить ее вновь.

Не совсем один. К нему подошел, шурша своей грубой рясой, францисканец. — Трогательная обедня, отец, странная проповедь, и странный замысел.

Отец Ал устало улыбнулся. — И уверяю вас, отец, вызваны они еще более странными обстоятельствами.

Он почти добрался до порта отправления, когда ожили громкоговорители. — Всем пассажирам просьба покинуть данный участок. Создалось опасное положение: в порт возвращается корабль с повреждением в системе управления.

Голос продолжал повторять сообщение, но отец Ал уже шел обратно к главной платформе. Он дошел только до веревки, красного шнура аварийности, который с видимым спокойствием натягивали служители поперек коридора. Но, взглянув им в глаза, отец Ал понял, что событие было редкое и пугающее. — Боже мой! — молча, молился он, — Я хотел помощи для себя, а не опасности для других! Отец Ал нашел ближайший обзорный экран.

На позицию заходили аварийные суда, сверкая янтарными огоньками. Из носов у них торчали короткие пушки, готовые разбрызгать пластырь на любых пробойнах в корпусе корабля или станции. Поблизости дрейфовал госпитальный крейсер.

Вдали точка света выросла в диск. Показался возвращающийся корабль.

Диск вырос в огромный шар, заполнивший собой часть бархатной тьмы, щербатый от параболических дисков детекторов и коммуникаторов.

Огромный корабль подплыл к станции, замедляя ход по мере приближения.

Аварийные суда держались на почтительном расстоянии, настороженные и бдительные. Отец Ал очень внимательно прислушивался, но ничего не слышал. Чувствовал лишь слабое движение окружающей его станции, когда этот бегемот причалил в поджидающий его вогнутый вход. Он испустил вздох облегчения: какова ни была бы неисправность, причаливание прошло идеально.

Он отвернулся от экрана и увидел, как служители дрожащими руками убирают бархатную веревку. — Извините, — обратился он к ближайшему из них. — Какой корабль там причалил?

Стюард поднял голову: — Лайнер на Бету Кассиопеи, отец. Всего-навсего мелкий сбой в системе управления. Они вообще-то могли бы лететь дальше. Но наша космолиния не любит идти на риск.

— Мудрая политика, — согласился отец Ал. — “Если не поостережешься, Вселенная тебя достанет”.

Служитель еле заметно тонко улыбнулся. — Рад, что вы понимаете.

— О, превосходно понимаю. Фактически, для меня это в некотором роде счастливое стечение обстоятельств: мне полагалось лететь на этом лайнере, но мой корабль с Земли прибыл с небольшим опозданием.

Служитель кивнул. — И впрямь “счастливое”. Следующий корабль на Бету Кассиопеи отправляется не раньше, чем через неделю.

— Да, я знаю. Вы дадите им знать, что их ждет еще один пассажир, ладно?

Шесть часов спустя инженеры нашли и заменили дефектный гран схемы, а отец Ал улегся на кушетке, натягивая поперек тела амортизационную паутину со вздохом облегчения и благодарными молитвами св. Видикону и Богу.

Никаких причин для этого на самом-то деле не имелось.

Вероятно, все было просто случайным совпадением. Несомненно, св. Видикон все время сидел, весело улыбаясь, а корабль вернулся бы в порт и без обедни отца Ала. Но лишняя молитва никогда не повредит. Кроме того, в царстве сверхъестественного, никогда нельзя ничего утверждать точно. Род Гэллоутлас действительно мог быть важной особой, чтобы заслужить личное внимание Беса Противоречия. Отец Ал надеялся лишь, что во время доберется до Грамария.

ГЛАВА 5

Реактивные двигатели отключились, и большой черный конь скача во весь опор, приземлился. Постепенно перейдя на легкий галоп, он сложил короткие крылья, убрав их в бока, и перешел на рысь.

— Тоби сказал, на озере Элбен, — пробормотал Род, прожигая взором едва видимую сквозь деревья темную поверхность воды. — Вот озеро Элбен. А где же они?

— Я их слышу, Род, — ответил Векс.

Несколько секунд спустя Род тоже услышал два тонких голоска, кричавших: — Дже-еф! Джеф-ри! — И полновзвучный женский, звавший: — Джефри, миленький! Джефри! Где ты?

— Джеф-ри, Джеф-ри! — снова донесся перемежаемый рыданиями голос Корделии. Затем Векс выехал рысью на небольшую поляну с блестящим у края озерцом. Когда Род спрыгнул с коня, из кустов высунулась голова Корделии. — Папа! — Она побежала к нему.

— Ах, папа, какой ужас! Во всем виноват Магнус, он сделал это!

— Неправда! — обиженно взвыл, подбегая, Магнус. Мать поддержала его, опустившись на колени рядом с дочерью.

— Корделия. Корделия! Магнус ничего не делал, он лишь сказал!

— А ты уверена, что такое не могло произойти? — Род посмотрел на нее поверх головы Корделии. — Возможно Магнус единственный чародей, кроме старого Галена, сумевшего телепортировать кого-то

помимо своей воли. Магнус сумел такое проделать, когда у него вышел спор с сержантом Хэпвидом.

— Да, и для доставки его обратно потребовался старый Гален! Мы послали за ним, но откровенно говоря, я сомневаюсь! Магнус не станет врать в столь серьезном деле.

— Да, он не такой. — Род передал Корделию на материнские руки и привлек к себе Магнуса. Мальчик было воспротивился, тело его напряглось, но Род погладил его по голове и стал утешать. — Ну, ну, сынок, мы знаем, что ты этого не делал! Возможно что-то сказанное тобой заставляет тебя думать, будто это твоя вина, но я знаю, что ты не можешь сделать такого намеренно!

Восьмилетний мальчик задрожал, плача навзрыд, облегчая ревом муки. Род держал его, гладил по голове и шептал слова утешения, пока рыдания не утихли. Затем мягко отстранил Магнуса и тихо сказал. — Ну, а теперь расскажи мне, что произошло, с начала до конца.

Магнус кивнул, вытирая глаза. — Он как всегда пытался играть в мои игры, папа, а ты мне велел не разрешать ему лазить на деревья!

— Да, если он упадет с высоты в двадцать футов, то может испугаться и не сумеет левитировать, — мрачно подтвердил Род. — Значит он надоедал тебе, таскаясь за тобой. И что же произошло?

— Магнус послал его..., — выпалила Корделия. Но Гвен остановила ее: — Ш-ш, — и прикрыла дочери рот ладонью.

— Пусть отец услышит все от Магнуса.

— И? — поторопил сына Род.

— Ну, я и послал его в озеро. Я не знал, что он так и сделает! — выпалил Магнус.

Род почувствовал, как по спине у него пробежал холодок. — Пора бы уже знать, он всегда выполняет, что ему прикажешь. Значит он взял и бултыхнулся.

— Нет! Он так и не добрался до озера! В десяти футах от воды он растаял!

— Растаял? — вытаращил глаза Род.

— Да! Расплылся в воздухе! Его тело становилось все прозрачней и прозрачней, пока я не увидел сквозь него ветки и листья. Словно призрак!

Корделия заревела.

Род постарался справиться с собой и ровным голосом спросил: — И он просто — растаял?

Магнус кивнул.

Род, нахмурясь, поглядел на озеро.

— Ты думаешь... — голос у Гвен оборвался, она попробовала произнести снова: — Ты думаешь нам следует обшарить воды?

Род покачал головой.

— Тогда... что же?

— Векс? — тихо окликнул Род.

— Да, Род.

— Ты ведь однажды наблюдал, как меня отправляли через машину времени в лаборатории Мак-Арана, верно?

— Да, Род. Я хорошо помню тот случай. И понимаю куда ты клонишь — описание Магнуса совпадает с тем, чему я был свидетелем.

Гвен схватила его за руку. — Ты думаешь он забрел в иное время?

— Не забрел, — поправил Род. — Мне думается его отправили.

— Но я же сразу побежал следом за ним, папа. Почему же меня не отправили? — возразил Магнус.

— Да, я тоже подумал об этом. — Род поднялся. — Логика подсказывает, что тот, кто включил машину времени, отключил ее сразу после того, как в нее вляпался бедный малыш Джеф... Но возможно и нет. Сынок, когда ты послал Джефа, где вы стояли?

— Я стоял вон у той вишни, — показал Магнус. — А Джеф стоял у ясеня. — Он махнул рукой в сторону дерева в футах десяти от первого. — Он крикнул: — "Магнус, я тоже залезу!" — и пошел ко мне. — Магнус смахнул слезы, вспоминая. — Но я ответил ему: — "Нет! Ты же знаешь, что

мама с папой тебе запретили! ” — И он остановился.

Род кивнул. — Пай — мальчик. А потом?

— Ну, он начал, как всегда ныть: — “Магнус! Ты лазаешь и я полазаю! Я большой! ” — Тут я потерял терпение и закричал: — “Да пошел ты в баню! ” — И он тут же побежал к воде.

— От ясеня. — Род, нахмурясь повернулся к дереву, проводя воображаемую линию прямо к озеру и обрывая ее в десяти футах от воды. — А потом?

— А потом он начал таять. Тут я признаться, замешкался, не видя в этом ничего особенного. Затем меня осенило, и я со всех ног бросился за ним.

Род провел воображаемую линию от вишни к озеру. Две линии не пересекались до самого конца своей длины. — Векс?

— Я поспеваю за твоей мыслью, Род. Фокус машины находился примерно в десять футов от края воды. Инерция увлекла Джефа дальше, когда он начинал перемещаться.

Род кивнул и двинулся к ясеню.

— Что ты делаешь? — закричала Гвен, побежав следом за ним.

— У нас появилась теория, я проверяю ее. — У ясеня Род свернул направо и двинулся к воде.

— Значит ты намерен последовать за ним! — Гвен решительно шагала вслед. — А что если это случится и с тобой?

— Тогда он будет не одинок. Ты оставайся здесь с тремя остальными детьми, пока мы не найдем пути к возвращению, но не откладывай обед.

— Нет! Если ты... Род! Ты... — Затем все, о чем она говорила, растаяло. Род, нахмурясь, обернулся к ней... и оказался у ствола дерева.

Белый ствол, белый, как у березы, но морщинистый, как у дуба, с серебрянными листьями.

Род смотрел во все глаза.

Затем медленно поднял голову и огляделся по сторонам. Все деревья были точно такими же, как первое. Они высились над ним и солнцем, и полог их позванивал на ветру.

Род медленно вернулся к стволу метровой ширины позади него. Так вот почему Джеф растаял, а не исчез — компьютер машины почувствовал на другом конце твердую материю и не выпускал его из своего поля пока он не миновал ствол. Род вытащил кинжал и старательно вырезал на стволе огромную "Х", чтобы найти его вновь.

Повернулся к стволу спиной и внимательно огляделся крутом, запоминая в качестве ориентиров другие деревья — дерево с расколотым стволом слева и молодое искривленное справа...

Блеск воды прямо перед ним! На расстоянии озера Элбен. Машина высадила его в месте, точно соответствующем точке захвата.

Но когда? Когда это на Грамарие бывали белоствольные дубы с серебряными листьями?

Когда будут такие?

Род справился с ознобом, который овладел всем его телом. В данный момент ему надо подумать о более важных вещах. Он вышел к берегу, зовя сына: — Джеф! Джефри! Джеф, это папа!

И остановился, как вкопанный, прислушиваясь. Слабо расслышал слева от себя тихий плач. Затем над подлеском появилась головка, и детский головок закричал: — Папа!

Род побежал.

Джеф, спотыкаясь и падая, кинулся к нему. Когда они бежали, серебряные листья позванивали и бренчали. Род подхватил высоко на руки детское тельце: — Джеф, мальчик мой! Джеф!

— Папа! Папа!

После коротких объятий Род поставил мальчика на землю, но держал его за плечо, — Слава Небесам, ты в безопасности!

— Я испугался, папа!

— Я тоже, сынок! Но не беда, теперь мы вместе — верно?

— Верно! — Джеф крепко обхватил руками отцовскую ногу.

— Ну! Пора двигаться... что это?

Что-то вломилось в подлесок и остановилось, лязгая листьями. а затем издало испуганный рев.

Следом за ним послышался голос — ... ты смеешь — Корделия! Ты прошла... Ах, детка! Теперь пропали двое из троих!

— Э, трое! — уточнил Род, глядевший поверх подлеска и увидевший, как из ствола вылетел Магнус. — Пошли, Джеф! Пришла пора семейной встречи!

— Не пропали, мама! — победоносно крикнула Корделия. — Мы все здесь!

— И все пропали, — согласился, подходя Род. — Вот он, Гвен.

— О, Джефри! — Гвен упала на колени и обняла мальчика.

Род дал ей насладиться минутами радости, а сам, уперев руки в бока, грозно смотрел на Магнуса. — Это не самое умное, что ты сделал.

— Если пропадет один из нас, то нам всем следует пропасть! — заявила Корделия.

— Именно так она и сказала маме, — сообщил Магнус. — Мне ее мысль показалась достойной.

— Ах тебе так показалось, да? — проворчал грозно Род, но не выдержал привлек их к себе, обнимая. — Ну, возможно ты прав. Семья, которая совместно скитается, не распадается. Даже если нам всем грозит опасность.

— Опасность? — наострил уши Магнус. — Какая опасность, папа?

Род пожал плечами. — Кто знает? Нам даже неизвестно, в какой стране мы очутились, не говоря уж о том, что здесь обитает.

— Она совсем новая! — взвизгнула от восторга Корделия.

— Ну, можно посмотреть и так. — Род в изумлении покачал головой. — Подумать только, ведь я, бывало, считался циником!

— Где мы, папа? — Магнус внимательно оглядывался кругом.

— Я думаю, мы по-прежнему в Грамарие, но в далеком будущем. Прошлым это быть не может, так как на Грамарие никогда не росли такие деревья. До прибытия колонистов вся флора была сплошь каменно-угольной.

— Какой-какой?

— Только гигантские папоротники, никаких деревьев.

— Ты уверен?

— Вся остальная планета по-прежнему такая. Но все равно, давай проверим... Векс? — Род подождал ответа робота, затем нахмурился. — Векс? Векс, ты где? Брось, кончай!

Ответа не было.

— А Векс может "говорить" через время, папа? — тихо спросил Магнус.

— Мы однажды пробовали и получилось — но тогда доктор Мак-Аран одолжил нам луч машины времени. — Род не закончил мысль, внутри у него начал расти холодный ком страха.

— Но разве машина времени не работает здесь?

Надо ж было Роду породить башковитых детей! — Гвен, милая, по-моему нам пора возвращаться. По крайней мере, попытаться вернуться.

Пораженная Гвен подняла голову. — О, да! — Она встала на ноги. — Я совсем забыла о времени! Ведь Грегори должно быть уже кричит от голода!

— Мне кажется, что тебе следовало накормить его пораньше, — задумчиво произнес Род.

Телепатическая мамочка уловила эту мысль от детей. — Что за дурное предчувствие...? — Она подняла взгляд на Рода. — Магнус боится, что ворота могут оказаться закрыты. — Лицо ее потемнело, когда она подумала о такой возможности.

Род с восхищением и благодарностью посмотрел на свою жену. Ему посчастливилось встретить такую женщину. — Такая возможность есть, милая. Давайте проверим ее сразу, идет?

Не говоря ни слова, Гвен схватила за руку маленького Джефа и последовала за мужем.

Род шел медленно, держа за руку Корделию. Магнус шагал рядом с ним, отыскивая согнутое молодое деревце с одной стороны и расколотый ствол с другой. Вон и большой дуб, помеченный косым крестом.

Он взял Магнуса за руку. — Держись за руку, сынок. Думаю, нам лучше соединиться в единую цепь на случай, если у нас получится.

Род медленно подошел к дереву.

Остановился он, когда кора уперлась ему в нос, и, казалось, не испытывала склонности любезно растаять, освобождая путь.

— Ты выглядишь глупо, папа, — уведомила его Корделия.

— Вот бы никогда не догадался, — пробурчал Род, отворачиваясь от дерева. Он поймал взгляд Гвен. — Не получилось, милая.

— Да, — ответила она, — по-моему, не вышло.

Несколько минут они молчали.

— Ты уверен, папа, что она была здесь? — с надеждой спросила Корделия.

Род постучал по стволу. — Место отмечено крестиком. Мне ли не знать, ведь я сам поставил его. Нет, милочка, тот кто открыл нам эту дверь, теперь закрыл ее.

— По крайней мере, — пошутила Гвен, — мне не придется ждать тебя, задерживая обед.

— Да, — мрачновато улыбнулся Род. — По крайней мере, мы все здесь.

— Нет, папа! — воскликнула Корделия. — Не все здесь! Как ты мог забыть про Грегори!

— Нет, я не забыл, — заверил ее Род, — но тот, кто поймал нас в западню, о нем забыл.

— Поймал в западню? — округлил глаза Магнус.

— Род горько улыбнулся ему. — Да, сынок, думаю кто-то намеренно расставил нам здесь западню, и с восхитительным успехом. — Он обратился к Гвен. — В конце концов, все имеет

смысл. Там на нашем Грамарие надвигается гроза, конфликт между Церковью и Короной. Я обнаружил кое-какие весьма сильные намеки, что Церковь подталкивает к нему кто-то с иной планеты. Сегодня в полдень Церковь и Корона сошлись на совещание, которое из-за конфронтации сторон должно привести к взрыву, способному расколоть страну на враждующие лагеря. Что же делаю я, как не срываю весь план, заставив обе стороны внять гласу разума! Конечно же те, кто стоит за этим захотели бы убрать меня с дороги!

Магнус нахмурился. — Но почему и нас, папа?

— Потому что ты, как известно всем на Грамарие, очень мощный молодой чародей, мой отпрыск. И, если уж они вступили на путь развязывания войны между Церковью и Государством, то можешь биться об заклад, они пойдут на все, чтобы не дать Государству победить! Поэтому самым умным ходом для них будет лишить Государство самого сильного оружия — меня, твоей матери и тебя. Не забывай, они уже проиграли из-за тебя одну войну, когда ты был двухлетним ребенком. А Джефри сейчас три года, а Корделии и все пять! Они не могут предугадать, что способен сделать каждый из вас. Также как и я, если уж на то пошло. Поэтому раз уж расставляешь западню, то почему б не поймать в нее заодно всех пятерых докучливых пташек?

— Но Грегори, папа?

Род пожал плечами. — Уверен, они предпочли бы, чтобы мама принесла сюда и его тоже, но раз так не случилось, они не будут страдать бессонницей из-за этого. Ему ведь еще и года нет. Даже если б он обладал многими способностями, то чего он может сейчас с ними сделать? Кстати, коль речь зашла о Грегори, кто с ним?

— Пак и эльфесса, — ответила Гвен. — Да не бойся, она знает, как обращаться с детским рожком.

Род кивнул. — А если ей понадобится еще что-то, уверен Бром будет рад помочь.

— Он проявляет огромное внимание к нашим детям, — вздохнула Гвен.

— Да. — Род вспомнил свое обещание не рассказывать Гвен, что Бром — ее отец. — Может потом пригодится. Я не удивлюсь, если он примчится из Звероландии, чтобы позаботится о Грегори. А в большей безопасности малыш не мог бы быть, даже в гранитном замке, охраняемом фалангой рыцарей и тремя линкорами. Нет, я думаю, он будет в безопасности до нашего возвращения.

— До возвращения? — наострил уши Магнус. — Значит ты уверен, что мы сможем вернуться, папа?

Пока Магнус не упомянул про это, Род не хотел возвращаться к этому вопросу. Находиться телепатически невидимым было полезным, даже для членов собственной семьи.

Правда, чертовски редко это было пользой. Чаше это представлялось проклятьем, заставляло чувствовать себя отторгнутым...

Он прогнал эти мысли. — Конечно мы сможем вернуться! Ведь это всего лишь временные трудности, а трудности созданы для того, чтоб их разрешали, верно?

— Верно, — закричали все трое детей, и Род невольно усмехнулся. Иногда они бывали очень приятной компанией. Почти всегда.

— Скажи нам как! — потребовал Магнус.

— О... не знаю... — Род оглянулся вокруг. — У нас, мягко говоря, мало информации, чтобы начинать строить теории. Собственно говоря, мы даже не знаем где мы, какие имеются здесь материалы и инструменты. Нам надо знать это, если дело дойдет до постройки нашей собственной машины времени. Мы даже не знаем, есть ли тут какие-то люди!

— Тогда пошли выясним! — решительно позвал Магнус.

Род почувствовал, как по лицу у него снова расплзается усмешка. — Да, пошли! — Он выхватил кинжал. — Детки, оставляйте по пути зарубки на деревьях, чтобы найти обратную дорогу сюда. Вперед марш!

ГЛАВА 6

— Надеюсь путешествие ваше было приятным, отец Ювэлл.

— Как обычно, Ваша Светлость, — отец Ал с благодарностью поглядывал на свежую кучу спаржи. — На борту корабля, было нормально, времени для медитации хватило. Вот попасть на корабль трудно-вато.

Епископ Фомало тонко улыбнулся. — Разве не всегда так бывает? По — моему, секретарь сказал мне, что вы из Ватикана. — Епископ оглянул это знал. Именно поэтому он и пригласил отца Ала отобедать, воспользовавшись единственным получасовым окном в расписании.

Отец Ал, не переставая жевать, кивнул. — Но я не занимаю никакого официального поста, Ваша Светлость. Я, можно сказать, неформальный аварийный монтер.

Епископ нахмурился. — Но в моей епархии нет никаких аварий, по крайней мере, никаких достойных внимания Ватикана.

— Никаких, известных вам, — попробовал улыбнуться отец Ал. — Да и спорно в вашей она епархии или нет.

Епископ Фомало казалось немного расслабился. — Да, полно, отец! Ватикану известно, какие солнечные системы входят в мою епархию.

— Лундрес, Середин и Вентрелес. Так, по — моему, называют эти звезды колонисты. Боюсь, что не знаю их номеров по каталогу.

— Для этого мне и самому пришлось бы заглянуть в него, — усмехнулся епископ. — Колонии находятся на третьей и четвертой планетах

Лундреса, одна на четвертой планете Середина и одна на второй планете Вентрелеса.

— Но разве они еще не начали основывать дочернии колонии на лунах и астероидах?

— Нет, нам на это время хватает планет. В конце концов, отец, у нас едва наберется миллион душ.

— Так мало? Ну и ну. Надеюсь это не указывает на катастрофу?

— Едва ли, — епископ попытался скрыть улыбку. — Но когда начинаешь колонию, имея всего несколько тысяч душ, отец, то требуется изрядный срок для увеличения населения, даже с банками спермы и яйцеклеток для поддержания генетической стабильности.

— Да, конечно. Надеюсь, вы простите мое невежество, Ваша Светлость. Я никогда раньше не бывал так далеко от Земли. А расстояние это фактор. Когда небольшое число людей раскидано на расстоянии многих световых лет, то поддержание контакта с ними — геркулесов труд.

— Задача нелегкая, — признал епископ, — особенно ввиду малого количества, ощутивших в себе святое призвание. Но у нас теперь есть гиперрадио и имелась дюжина пинасс с двигателями СССР.

— Конечно, — глаза у отца Ала заблестели.

Епископ заерзал в кресле. — А в какой колонии произошла авария?

— На Потерянной Колонии, Ваша Светлость, примерно в двух третях пути между Середином и Вентрелесом в тринадцати световых годах отсюда.

Епископ снова успокоился. — Ну, это не в моей епархии. Что это за колония?

— Местные жители называют ее “Грамарий”, Ваша Светлость.

— Тревожно, — нахмурился епископ. — Ведь это слово обозначает колдовство, не так ли?

— Во всяком случае — магию, у него есть дополнительные оккультные значения. Этот термин также обозначал книгу магических заклинаний.

— Понимаю, почему это вызвало озабоченность Ватикана. Но как случилось, что я ни разу не слышал об этой Потерянной Колонии, отец?

— Потому что они хотели оставаться потерянными, — губы отца Ала скривила усмешка. — Насколько мне удалось выяснить, они намеренно поставили себе цель отрезать себя от остального человечества.

— Зловещий симптом. — Епископ нахмурился еще сильнее. — В такой ситуации могли зародиться всевозможные среси. И они пребывали там несколько веков?

Отец Ал кивнул. — Колонию основали перед тем, как Межзвездная Избираемая Власть пала в результате переворота Пролетарского Единичального Сообщества Терры.

— По крайней мере ее основали при демократической межзвездной федерации. Как я понимаю, они предвидели наступление тоталитарной власти ПЕСТа и отправились подальше, пытаясь сохранить демократию?

— Да нет, они учредили монархию.

— Зачем, хотел бы я знать? — потер подбородок епископ. — И как же Ватикан узнал о них?

Отец Ал почувствовал в его словах оттенок негодования: с какой стати он, посторонний, является сюда и сообщает, что у него под боком есть рассадник беспокойства, о котором ему ничего неизвестно? — Выходит, нам устроило утечку информации одно учреждение, связанное с межзвездным правительством. — Правда, только Децентрализованный Демократический Трибунал об этой связи не знал.

— Понятно, — лицо епископа прояснилось. — Приятно узнать, что есть еще неравнодушные граждане. Источник информации католик?

— Фамилия у него, по — моему, ирландская, но это все, что я знаю.

— Этого указания достаточно. — Епископ откинулся на спинку кресла. — Думаю, он дал вам координаты. Как вы попадете туда?

— Ну, э...

Глаза у епископа расширились. — Нет, отец. Все мои суда работают по плотному графику на следующие три месяца. Если мы повезем вас, то одна из колоний не получит свою партию молитвенников.

— Думаю, священнослужители сумеют найти нужные чтения, Ваша Светлость. Кроме того, разве вы не держите одно из судов в постоянной готовности, на случай поломок?

— Да, но что, если такая поломка все-таки произойдет? Господи помилуй, отец, две наши колонии не могут еще даже изготавливать свое церковное вино!

— Но наверняка...

— Отец! — Брови епископа нахмурились. — Мне неприятно быть столь резким, но ответом будет однозначное "Нет"!

Отец Ал вздохнул. — Я чувствовал, что вы так скажете, но надеялся избежать необходимости прибегнуть к вот этому. Он извлек из внутреннего кармана рюкзак длинный белый конверт. — Простите за такую архаическую форму связи, Ваша Светлость, но мы были не уверены, с каким уровнем развития нам доведется столкнуться на Грамарие. Уверяю вас, оно столь же личное, как кубик с посланием. — Он вручил конверт епископу.

Епископ вынул письмо и развернул его. Нахмурился еще больше, прочел: "Окажите помощь получателю сего письма, отцу Алоизию Ювэллу в любой форме, какая ему может потребоваться. Во всех делах, имеющих отношение к планете "Грамарий". Он говорит от моего имени" Епископ побледнел, увидев подпись. "Папа Иоанн XXIV"!

— И его печать, — добавил отец Ал. — Теперь что вы понимаете, Ваша Светлость, я должен получить транспорт до Грамария.

ГЛАВА 7

Они сделали большую зарубку на склонившейся над берегом огромной старой иве, затем двинулись налево по берегу озера, держа путь на север. Через полчаса пути они вышли из серебристого леса на изумрудно-зеленый луг.

— Ой, смотрите! — ахнула Корделия. — Самая красивая корова на свете!

Род посмотрел и замер. "Корова" эта, определенно была самым крупным, самым сильным и самым грозным на вид старым быком, какого он когда-либо видел. — Нет, Корделия, по моему это не...

— Корделия! — ахнули Гвен и Род, когда маленькая ведьма на ветке, вместо помела, стрелой пронеслась прямо у него под носом.

— Слишком поздно! — подавленно стиснула кулаки Гвен. — Детей на миг нельзя оставить без внимания! Милорд, ей грозит опасность!

— Знаю, — проскрежетал Род, не давая себе повысить голос, — но мы не должны бросаться туда, а то еще чего доброго спугнем его... Нет, положи эту ветку! Придется мне подкрасться... А к вам, молодой человек, это не относится! — он отчаянно схватил Магнуса за шиворот и рванул обратно. — Сказано же, я подкрадусь к нему! Спасибо, хватит с меня и одного ребенка в опасности! Гвен, держи их! — И шагнул на луг, обнажая меч.

Джеффри начал было плакать, но рыдания его быстро оборвались — Гвен закрыла ему рот рукой. Они правильно сделали и не смели издать ни звука. Род двигался очень медленно, хотя каждая клеточка в нем торопила его.

Корделия уже заходила на посадку! Слава Небесам! Не под носом у быка, а всего в нескольких футах от него! Шлепнулась она прямо на траву. У нее хватило здравого смысла сразу не бежать к нему.

— Сюда, Босси! — Род отчетливо слышал ее голос через сто футов луговой травы, да будь там хоть тысячи миль! — Подойди сюда, милая коро-
вушка!

Бык повернул к ней голову!

А затем развернулся всем телом! И двинулся! Бежал к ней иноходью! Род весь подобрался, готовясь к бешеному рывку... Еще мгновение, и...

Бык мирно ткнулся мордой в ее вытянутую руку.

Род остолбенел, не веря своим глазам. Но это было правдой — бык отнесся к ней приветливо! Он был добродушным! Щипал траву из ее рук! Несомненно он сам отец, достаточно уверенный в собственной мужественности, чтобы не уронить своего достоинства.

Однако Род не прекращал попытки приблизиться к ней, но теперь уже осторожно, очень осторожно, хотя бык вел себя добродушно. Род не хотел чтобы Корделия оказалась на пути быка, если тот атакует его, поэтому подходил к нему кружным путем.

Но об этом не стоило беспокоиться — бык подбирал под себя ноги и укладывался рядом с ней! Она влезала на него! Род только собрался окликнуть ее, но проглотил ее имя, не спутнуть бы быка!

Но тот поднялся на ноги и потрусил по лугу с его девочкой на спине! — Кор-де-еел-ийяяя!

Она услышала его, помахала ему рукой, затем развернула быка, пустив его рысью, обратно к нему! Род испустил вздох облегчения, но снова напрягся. Это еще не конец, она по — прежнему у него на спине!

Род отступил, пятясь, ближе к семье, пока его левая ладонь не коснулась рук Гвен. Мальчики могли, если понадобится, телепортироваться, а рядом с Гвен лежал приличных размеров валун, небольшой, чтобы она могла “бросить” его с

помощью телекинеза, но достаточно крутиной, чтобы оглушить быка. Он увидел, как она метнула взгляд на камень и понял, что ее мысли совпадали с его же направлением.

Но примерно в двадцати футах от них, бык начал нервничать. Он замедлил бег и свернул в сторону, загарцевал, останавливаясь, а потом стал рыть землю копытом.

— Вперед, милая корова, вперед! — умоляла Корделия. — Ты такая замечательная, я хочу показать тебя моим родным! Пожалуйста, вперед!

— Ну, ну, дорогая, не гони его — э, ее. Мы сами можем подойти, не так ли, дорогуща? — И Род шагнул вперед.

Бык шагнул назад.

Род остановился. — Я..., по-моему, ему не нравлюсь...

— Возможно у него хватает мудрости не доверять мужчинам, — предположила Гвен. — Попробую-ка я. — И сделала шаг вперед.

Бык снова шагнул назад.

— Попробуй то же без мальчиков. — Род взял за руки Джефа и Магнуса, а Гвен снова шагнула вперед.

Бык остался на месте, насторожившись.

Гвен сделала еще один шаг, потом еще и еще.

Великолепно. Просто великолепно. Теперь в опасности оказались обе женщины Рода.

Тут мальчики закричали от восторга, и обе ручки вывернулись из его рук. — Эй! — Род сделал отчаянную попытку схватить их, но плюхнулся ничком, когда два негромких "бум" сообщили ему, что они телепортировались. Он снова поднялся на ноги и увидел, как те появились на противоположном конце луга, у самого леса, вместе с...

Так вот, что привлекло их туда — другой мальчик!

Но какой мальчик или, по крайней мере, какой наряд! Темно-зеленый камзол, с золотым верхним платьем, его расклешенные рукава задевали землю. Рейтузы светло-желтые и облегающие, словно вто-

рая кожа. И не: золото ли поблескивало у него в волосах? Наверняка, это не диадема!

Кем бы там ни был этот мальчик, он медленно двигался к лохматому на вид коню, поджидавшему его, подняв голову и повернувшись к нему. Но седла на коне не было.

Дикий?

Магнус громко крикнул приветствие, и мальчик поднял голову. Конь тоже мотнул головой, только сердито, и придвинулся ближе. Магнус вместе со спешавшим за ним Джефом побежали к новому знакомому.

Род зажмурил глаза и снова открыл. Точно! Тело коня удлиннилось так, что стало достаточным для пары добавочных седоков!

Роду это не понравилось. И он рванул к ним бегом, с мечом в руке.

Мальчики преодолели первоначальную настороженность и пожимали друг другу руки. Теперь новый знакомый показывал на коня, а Магнус с энтузиазмом кивал — конь опускался на колени!

Тут Гвен в страхе закричала, и Род резко развернулся. Она бежала следом за ним, отчаянно махая мальчикам. Позади нее Корделия визжала, колотя быка пятками по бокам. Тот заурчал и неуклюже задвигался.

За спиной у коня мальчики издали крик — высокий, хриплый, полный ужаса! Род опять круто обернулся. Конь, сломя голову, неся к озеру. Мальчики дергались и рвались, пытаясь слезть с его спины.

Род свернул в сторону, и страх впрыснул ему в жилы последнюю унцию адреналина. Он, крича, рванул сквозь траву.

Конь с сильным всплеском плюхнулся в воду, высоко взметнув фонтаны пены. Когда они рассеялись спина у него была без седаков. Он встал на дыбы, обрушиваясь на три детские головки в воде, широко разинув рот. Род увидел в нем зубы плотоядного!

Он взревел от ярости и прыгнул.

Когда он плюхнулся в воду прямо под конем, вокруг него поднялась туча брызг. Конь обрушился на него, широко разинув пасть. Род отклонился вбок и рубинул с отмахом, прямо по морде. Он пронзительно заржал, снова встал на дыбы и ударил по нему острыми, как бритва, копытами. По боку у него скребнуло огнем. Затем землю потряс громовой рев, и в спину ему врезалось что-то громадное. Это был бык. Вода сомкнулась у него над головой. Дневной свет потускнел. Он забарахтался, всплывая наверх, вынырнул на поверхность и встал, увидев коня в двадцати футах от берега. Затем Род развернулся так, чтобы противостоять второй атаке быка. И вот, что произошло.

Громадный зверь мышинной масти врезался в гнедого жеребца. Тот навалился на быка сверху, сеча сверкающими копытами, и рвя острыми, как иглы, зубами. Бык заревел от гнева и боли и нырнул. Вода затуманилась от крови когда оба зверя ушли под воду.

Род не стал дожидаться конца поединка. Он подплыл к своим мальчикам, сунул руку под воду, схватив за шиворот Джефа и рванул его обратно на поверхность, отплеывающегося и воющего.

— Папа! — заорал Магнус. — Элидор! Он не умеет плавать!

Род подплыл к тонущему княжичу, прокричав Магнусу: — Дуй на берег! — Вода со свистом заполнила пустоту, когда исчез Магнус, выбросив на короткий миг Элидора на поверхность. Род обхватил его поперек тела, просунув руки под мышки и поплыл на спине к берегу, волоча обоих мальчиков. Добравшись до мелководья, он споткнулся и упал, снова поднялся на ноги, вытащил мальчиков на траву. Поташил их дальше от озера, остановился, упал, но к этому времени там уже были Гвен и Магнус. Она схватила Джефа на руки, прижав к себе. — Ах, мальчик мой, мой маленький малыш! Мы чуть не потеряли тебя!

Род притянул к себе Магнуса и крепко обнял его, удостоверясь, что мальчик по — прежнему тут. — Слава Небесам, слава Небесам! Ах ты, глупый

дурачок, разве можно так приближаться к незнакомому животному! Слава Богу ты жив!

Воздух разорвал высокий, пронзительный визг.

Они резко обернулись, уставясь на озеро.

На какой-то миг, конь и бык выскочили из воды. Конь высоко подпрыгнул, царапнув быка зубами, схватив его за шею выше плеч. Но бык извернулся, захватив заднюю ногу коня челюстями. Даже в ста футах от зверей они слышали хруст. Конь пронзительно заржал, а бык взревел, становясь на дыбы, чтобы ударить передними ногами, загоняя противника обратно под воду всей силой своего веса. Тот погрузился и вода закрутилась, как в водовороте. По ней продолжала расплзаться кровь.

Гвен вздрогнула и отвернула детям головы от озера.

— Ужасное зрелище, и смотреть на него нужно лишь вашему отцу, чтобы он мог предупредить нас об опасности. Тут она заметила капающую с камзола Рода кровь. — Милорд! Ты ранен!

— А? — Род опустил взгляд. — Ах, да! Теперь вспоминаю. Ууу! Слушай, рана начинает болеть!

— Еще бы ей не болеть, — мрачно отозвалась Гвен, развязывая ему камзол. — Корделия, ищи зверобой и красную вербену! Мальчики, найдите клевер-четырёхлистник! Ну-ка, быстро!

Дети бросились искать. Элидор стоял на месте, растеряно моргая.

— Клевер-четырёхлистник, мальчик, — поторопила его Гвен. — Его ты, наверняка, сможешь найти, как бы мало ни разбирался в травах! Ну-ка, быстро!

Элидор негодуяше уставился на нее. Затем в глазах у него появился испуг, и он побежал к Магнусу и Джефу.

— Странный мальчуган, — нахмурился Род. — Да, милая, кожа порвана.

— Плохо, — произнесла, плотно сжав губы, Гвен. И оторвала полосу от подола юбки.

— Вот, мама! — вернулась Корделия с листьями в руке.

— Умница, — одобрила Гвен. Лежавший в нескольких футах от них плоский камень поднялся и подлетел, приземлившись у ее ног. Она выдернула из ножен кинжал Рода, опустила на колени, толча траву рукастью.

— Вот, мам! — подбежал Магнус с четырехлистниками, а за ним и другие мальчики.

— Всякая помощь на пользу. Спасибо, мальчики. — Гвен добавила в смесь клевер, затем хлестнула Рода по ребрам полой камзола и наложила травы на рану.

— Зверобой, красная вербена и клевер-четырёхлистник, — поморщился от боли Род. — Состав не совсем обычный, не так ли?

— И зверь тебя порвал тоже не обычный. — Гвен обмотала ему торс самодельным бинтом.

Род попытался игнорировать покалывание у себя на скальпе. — Насколько я помню, все эти травы считаются превосходными средствами против фейри.

— В самом деле, — Гвен старалась сохранить безразличный тон. — Я никогда прежде не видела подобных зверей, но помню с детства некоторые сказки. Вот, готово! — она завязала бинт и подала ему камзол. — Умоляю тебя, муж мой,веди себя осторожней.

Над лугом разнесся долгий, пронзительный визг. Когда он стих, ему ответил громовой, полный муки, рев.

Они повернулись к озеру. Водоворот прекратился, воды успокоились. Наконец, они различили вынесенное к берегу тело быка.

— Дети, приготовьтесь! — предупредила Гвен.

— Нет, думаю ни к чему. — Род сосредоточился и осторожно зашагал к озеру. В футах двадцати он разглядел тянущуюся к востоку полосу густой крови и куски мяса. Пролетавшая мимо ворона тоже заметила это и опустилась попробовать. Род содрогнулся и отвернулся. — Думаю, коня нам тоже незачем больше опасаться.

— Благодаря вашему доброму вмешательству, — торжественно сказал Элидор. — Если бы вы не

явились к нам на помощь, то наша страна лишилась государя. Король благодарит вас!

Пораженный Род взглянул на него. А затем метнул быстрый взгляд на Гвен. Та выглядела столь же изумленной, как и он.

Ну, она может и способна прочесть мысли мальчика. — Значит вы король этой страны?

— Да. — Элидор промок насквозь. Его прекрасная одежда порвалась и испачкалась. В ходе стычки он потерял свою диадему, но расправил плечи и держался вполне царственно. — Благодаря моей матери королеве и отцу королю, умершему три года назад, я король Тир-Хлиса.

Лицо Рода сделалось невозмутимым, скрывая смещение. В нем кипели недоверие, жалость к мальчику, желание привлечь к себе... и понимание, что эта встреча может оказаться громадной удачей, выпавшей на долю семьи скитальцев, брошенной в незнакомый мир. — Для меня большая честь приветствовать Ваше Величество. Все же не могу не заметить вашего возраста, можно мне спросить, кто сейчас заботится о вас?

— Тысяча благодарностей за любезное спасение, храбрый рыцарь и прекрасная леди! — раздался встревоженный голос.

Пораженный Род поднял взгляд.

К ним впересялку подходил плотный толстяк, со сверкающей лысиной, окруженной на затылке каймой волос, и румяным лицом. Он был завернут в целый акр белой мантии, доходящей ему до голени, одет в верхнее платье из парчи и подпоясан ремнем четырехдюймовой ширины. Позади него толпилось тридцать придворных в длиннополых накидках с широкими рукавами и в рейтузах. Двое крестьян сдерживали несколько свор лающих гончих.

У всех придворных были мечи. Толстяк, вспотевший от волнения, чуть ли не в панике, причитал: — Большое спасибо, большое спасибо! Если бы с племянником по моему недосмотру что-то случилось, то я никогда не снял бы рубища и не перестал

бы посыпать голову пеплом! Откуда вы узнали, что надо направить быка Крод Мару на Эйк Уисги?

— Эйк Уисги? — Род наблюдал за Элидором; мальчик ушел в себя, глядя на толстяка с выражением настороженности и также и определенной тоски... — Э, ну... по правде говоря...

— Мы знали лишь бабушкины сказки, — поспешно вмешалась Гвен, — про водяного быка и водяного коня, а все прочее последовало из здравого умысла. — И слегка подтолкнула Рода локтем по нижним ребрам.

Удар по ране оказался ощутимым и привел в себя: — Э, да, конечно! Противоположные силы взаимопоглощаются.

— Видимо, так, как вы говорите, — свел брови толстяк. — Хотя не могу утверждать, будто я понимаю. Должно быть вы совершеннейший чародей.

Снова обнаружен, — скривился Род. Есть должно быть в нем что-то такое... — Волшебство заключается в большей части в везении. Благодаря счастливому случаю мы оказались здесь именно тогда, когда понадобились. — Он рискнул. — Ваша Светлость.

Толстопуз кивнул и повернулся к Элидору, чтобы удостовериться, что с мальчиком все в порядке. — В самом деле, счастливому, иначе я лишился бы племянника, а наша страна — короля. — В его глазах светилась печаль.

Он оторвал взгляд от Элидора и снова повернулся к Роду, заставив себя улыбнуться. — Простите, я забыл об вежливости. — Я — герцог Фойдин, регент Его Величества, короля Элидора. — Он протянул унизанную перстнями руку ладонью вниз.

Гвен просияла, но вид у нее был несколько растерянный. Род постарался превратить собственную обескураженность в вежливую улыбку, но оставил руки прижатыми к бокам и склонил голову. — Родни д'Арман, лорд Гэллоутлас. Какой-то червячок осторожности удержал его от употребления

своего настоящего титула. — Моя леди Гвендайлон и наши дети.

— Счастлив с вами познакомиться, лорд и леди... Гэллоуглас? — герцог казался немного озадаченным. — Сей титул незнаком мне. Значит вы путешественники из другой страны, находящиеся далеко от собственных владений?

— Очень далеко, — согласился Род. — Проклятье злого колдуна забросило нас сюда, далеко от нашего отечества, но мы постараемся вернуться как можно быстрее.

— Нет, не столь быстро! — воскликнул герцог. — Вы должны позволить нам почтить вас, ибо вы спасли короля!

Роду почему-то не хотелось провести ночь под крышей этого субъекта. — Сказано любезно, но время поджигает нас...

— Надеюсь, не столь сильно! — Мокрый и испачканный Элидор подошел поддержать дядю, но все с тем же настороженным видом. — Наверняка, вы не откажетесь от королевского гостеприимства!

Он так упорно старался быть царственным! Род уж собирался уступить, но Гвен его опередила. — Ну, тогда ночлег — мы сильно устали.

Но Род наблюдал за герцогом. Когда Элидор подошел, лицо толстяка порозовело, и рука зависла над плечом мальчика, но так и не коснулась его; Род снова увидел у него на лице озабоченность, скрытую маской, а затем в его выражении промелькнули намеки на более темное чувство и сразу исчезли, оставив Рода встревоженным. Ему не хотелось быть свидетелем дурного настроения герцога.

Затем Элидор храбро улыбнулся дяде, и лицо толстяка смягчилось. Он утешающе кивнул мальчику, заставив себя тоже улыбнуться. Рука снова зависла у плеча племянника, а затем упала. Он приветливо кивнул Роду. — Значит вы согласны со своей леди? Вы останетесь снова на ночь нас в замке, чтобы мы могли почтить вас?

Локоть Гвен снова саданул его по ребрам, и Род поморщился от боли. Незачем ей это делать! Герцог

казался достаточно любезным или искренне пытался быть таковым. Но Роду почему-то не хотелось оставлять Элидора наедине с ним. — Хорошо, погостим. Для нас будет честью принять ваше приглашение.

— Превосходно! — обрадовался герцог. — Тогда идемте же скорее в замок Дрольм!

Он круто повернулся, схватил-таки плечо Элидора и привлек мальчика к себе. Элидор слегка воспротивился, и герцог убрал руку. Неуверен в себе, — подумал Род, когда его с семьей понесло потоком свиты, следовавшей за герцогом. Раздалась победная военная песня.

— Папа, — пискнула сквозь этот гром Корделия. — Мне не хочется идти в дом к этому человеку.

— Не беспокойся, милочка, — утешил ее Род. Мы сможем вскоре выбраться оттуда.

ГЛАВА 8

— Как это волнующе, как замечательно! — захлебывался словами брат Чард. — Подумать только, отец, возможно, мы будем первыми священниками за много веков, вступившими в контакт с этими бедными, погруженными во мрак людьми!

— Именно так, брат. — Отец Ал не мог не улыбнуться при виде энтузиазма молодого пилота. — С другой стороны, возможно, по прибытии мы обнаружим, что там достаточно собственных священников, кто их знает. — Он глядел стеклянными глазами на обзорный экран, давая подсознанию читать в беспорядочных завихрениях цвета, индуцируемых в камерах гиперпространством, церковные символы.

— Римско-католический клир в обществе, предающемся магии? Подумать только, целый новый мир пропащих душ, которые нужно спасти! Нам надо будет попробовать узнать хоть приблизительную численность населения, чтобы я мог вернуться к Его Светлости, с каким-то представлением о том, сколько нам потребуется миссионеров! Сколько еще лететь туда?

— А зачем спрашивать меня? — скрыл улыбку отец Ал. — Пилот-то ведь вы.

— О! Да, конечно! — Брат Чард вгляделся в приборную доску. — Давайте-ка посмотрим, десять световых лет... Это должно занять примерно еще шесть дней. — Он снова повернулся к отцу Алу. — Сожалею, что тут такая теснота, отец.

— Сразу видно, что вы не проводили много времени в исповедальне. Не беспокойтесь, брат, помещение тут роскошное. Да ведь у нас же есть даже отдельные каюты для сна!... Уй!

Тело его навалилось на амортизационную паутину, словно корабль внезапно врезался в стену. Затем корабль рванул, словно медведь с подпаленным хвостом, хлопнув отца Ала обратно на кушетку. В глазах у него потемнело, он затаил дыхание, дожидаясь, когда перестанут проплывать в глазах яркие звездочки. Потом они потускнели и растаяли, а вместе с ними и бархатная чернота.

Сквозь ее обрывки он увидел, как брат Чард, шатаясь нагнулся вперед, шаря вслепую по пульта управления.

— Чт... что случилось?

— Смотрите сами. — Монах показал на обзорный экран. Отец Ал снова увидел бархатную тьму и яркие звездочки, сейчас они были неподвижны. — Мы вернулись в нормальное пространство?

Брат Чард кивнул. — И лстим на субсветовой скорости. Очень высокой, но ниже С. Нам повезло, что нас не размазало о переборку разницей в ускорении.

— И размазало бы без амортизационной паутины. Что же стряслось?

Брат Хард посмотрел на экран с показаниями, нажал на клавиши. — Никаких значительных повреждений, все амортизировано не хуже, чем мы... Вот! Изоморфер накрылся!

— Накрылся? Просто... взял и накрылся? Почему?

— Хороший вопрос? — брат Чард, мрачно улыбаясь, освободился от паутины. — Пойдем посмотрим, отец?

Они влезли в скафандры, прошли через воздушный шлюз, прицепили к кольцам на корабельной обшивке страховочные фалы и полезли на корму к двигателю. Брат Чард извлек гаечные ключи открыл ремонтный люк.

Он проскользнул в него головой вперед, а отец Ал последовал за ним, хватаясь за ступеньки, вделанные в корпус, его взор приковало к себе устройство с зеркальной поверхностью. — В отражателе никаких поломок нет.

— Да, — согласился брат Чард. — По крайней мере мы можем исключить любое воздействие шальной радиации. Если нам не удастся найти причину, то придется пройти по нему с микроскопом. — Он повернул ручку, и серебрянное яйцо раскрылось, верхняя его половина поднялась, словно грейфер. Постоянный шум помех в шлемофоне отца Ала постепенно увеличился. Он нахмурился. — Этот, видимо, неисправен, верно?

— Да, нам полагалось бы слышать тон 1650 гц. — Брат Чард поднял голову. — Я и не знал, что вы разбираетесь в электронике, отец.

Отец Ал пожал плечами. — Католианцы многому учатся друг у друга, особенно на семинарских междусобойчиках. Не стану утверждать, будто я знаком с механикой СССР, но как работает изоморфер, в основном, знаю.

— Или как он не работает. Посмотрим, где же обрыв в цепи. — Брат Чард извлек тестометр и начал тыкать им во внутренности изоморфера. Отец Ал согнулся позади него в тесном пространстве, безмолвно и внимательно глядя на датчик, установленный на предплечье скафандра брата Чарда.

Наконец монах поднял голову. — Никаких обрывов, отец. Ток проходит сквозь весь аппарат.

— Значит, у вас есть волокно, пропускающее ток. Можно мне попробовать?

Брат Чард уставился на него, а затем неохотно отодвинулся. — Вы уверены, что следует делать, отец?

— Достаточно, чтобы выяснить, какое волокно зашало. — Отец Ал вынул из нарукавного кармана тестометр. — Мы просто проверим каждую пару терминалов, и когда стрелки уйдут за красную черту, то найдем источник повреждения, не так ли?

— Да, всего-навсего, — сухо подтвердил брат Чард. — Проверьте свой хронометр, отец, по-моему, нам через полчаса придется вернуться для перезарядки воздухоочистителя.

— Нам потребуется не так много времени. — Отец Ал принялся щупать тестометром.

Брат Чард молчал. Когда его голос раздался в наушниках, то звучал он напряженно. — Я согласен с вашей версией, отец, но на это может уйти неделя. Если б у нас был на борту диагностический компьютер!

— Пинасса не может нести в себе все, — философски рассудил отец Ал. — Кроме того, брат Чард, я верю в противоречивость электронных схем.

— Вы хотите сказать, что верите в противоречивость вообще, не так ли, отец? Слышал я кое-какие рассказы католиков о Финале, и порой думаю, что вы впали в ересь и сделали из него Бога!

— Не совсем, но мы могли бы присвоить ему статус демона, будь он реален, чего, к счастью, нет. Но противоречивость, которую он олицетворяет собой, достаточно реальна, брат.

— Верно, — признал брат Чард. — Но противоречивость эта заключена в нас самих, отец, а не во вселенной.

— Но ведь в нашей вселенной многое создано человеком, брат, все окружающие нас вещи, вещи сохраняющие нам жизнь! Нам легко вложить в них собственную противоречивость, особенно в сложную электронику!

— Такую как изоморфер?

— Конечно. Но это относится и к компьютерам, ЗМТ камерам и множеству других приборов. Вы замечали когда-нибудь, брат, как они перестают работать без видимой причины, а потом вдруг снова начинают?

— Время от времени. Но когда в них покапашься, отец, то всегда найдешь причину.

— Когда вы в них покапаетесь, возможно. А когда я — нет. Но впрочем, я, кажется, личность антимеханическая. Любой хронометр, как только я прикасаюсь к нему, начинает прибавлять примерно пять минут в день. А иные люди нравятся машинам. Дай одному из них войти и положить ладонь на приспособление, и оно работает идеально.

— Это немного притянута за волосы, не правда ли, отец?

— Может быть. Надеюсь, что сейчас притягиваю помощь своего покровителя. Святой Видикон, как бы ни был ты далек, пожалуйста, приди сейчас мне на помощь! Заступись за меня перед Всемогущим, чтобы этот изоморфер снова заработал, на срок, необходимый для доставки нас с братом Чардомна Грамарий и обратно домой в целости и сохранности. Кстати, брат Чард, вы ведь отсоединили изоморфер прежде, чем мы вышли в космос, не так ли?

— Конечно, отец. Сейчас через него проходит чуть-чуть.

— Хорошо. Вы можете включить его отсюда на полную мощность?

— Могу, — углы губ брата Чарда растянула улыбка. — Но не рекомендую. Корабль не может уйти в гиперпространство, а вот мы вполне.

— Хм. — Отец Ал повернулся к аварийному люку. — Тогда вернемся на мостик, хорошо? Попробуем включить его оттуда.

— Но вы не думаете, что он снова заработает, отец! Мы ведь не нашли неисправность.

— Не нашли, — с улыбкой обернулся отец Ал. — Но, думается, мы исправили ее.

— Это невозможно!

— Стыдитесь, брат Чард! Все возможно, с Божьей помощью.

— И с помощью святого Видикона Катодского, — пробормотал брат Чард, но, тем не менее, закрыл изоморфер и последовал за отцом Алом.

По пути обратно к шлюзу, отец Ал все же испугался от мысли, что может случиться, если изоморфер нельзя будет починить. Они застрянут во многих световых годах от любой обитаемой планеты с месячным запасом продуктов и воды. Воздухоочиститель будет продолжать работать еще несколько лет. При строгом рационировании продовольствия можно будет протянуть лишний месяц. И все же, если они разгонят корабль почти до скорости света, чтобы приблизиться к цивилизации для вызова помощи радиомаяком, то на нем будут лишь две мумии.

Внутри похолодело, у отца Ала, от испуга запершило в горле. Он сделал глубокий вздох, закрыл глаза. Воля Твоя, отче, не моя. Если Твоя цель, чтобы я умер в этом месте, то пусть будет, как Тебе угодно.

Его переполнила безмятежность, страх постепенно ушел. Улыбаясь, он нырнул в шлюз.

Они сняли шлемы и пристегнулись к кушеткам. Брат Чард дал энергию на двигатели, затем включил изоморфер.

Звезды исчезли в завихрениях цветов.

Отец Ал обрадовался. — Хвала Небесам! Благодарю тебя, святой Видикон, за твое заступничество за меня перед Ним.

Брат Чард сидел, уставясь на обзорный экран. — Не верю глазам своим. Вижу, но не верю.

— Веруйте, брат Чард, — мягко упрекнул его отец Ал. При вере все возможно. — Он достал свой тресбник и начал читать молитву.

ГЛАВА 9

Зал герцога был огромным, обшитым панелями из сероватого дерева с серебряным отливом, и украшен старым оружием, погнутыми и побитыми щитами с разными гербами и звериными шкурами. На шкурах сохранены головы. — Не самое способствующее аппетиту украшение. — Размышлял Род, когда посмотрел в глаза оленя с двенадцатью ответвлениями на рогах, жуя в это время оленину.

Он заметил, что Магнус жевал стоявшую перед ним пищу очень осторожно. Почему? Надо спросить у него об этом. Осторожность не помешает в любом случае, находясь при дворе герцога Фойдина. Он заметил, что и сам накладывает себе угощение только из тех блюд, откуда брали еду по крайней мере двое других придворных. Гвен поступала точно также и не пригубила стоящего перед ней вина.

Герцог заметил это. — Неужели Вы находите мое вино несладким, лорд Гэллоутлас?

Род проглотил мясо и улыбнулся. — Религиозное правило, герцог. Мы не прикасаемся к опьяняющим напиткам. Спиртной дух не для нас. Слишком много у нас иных друзей-духов.

Все с любопытством взглянули на него. Началось тихое перешептывание.

— Значит вы язычники? — спросил с нарочитой чуточку чересчур беззаботностью герцог.

— Язычники?... А, мусульмане! Что вы, вовсе нет. А вы из них?

— Сэр! — оскорбленный герцог выпрямился, а все придворные встревоженно уставились на него. — Что за издевательство? Разве мы не в христианском мире?

Ладно, значит они в христианской стране. По крайней мере, Род узнал, какая тут религия. — Не обижайтесь, милорд. Но мы, как вам известно, прибыли издалека, я действительно не знал, что мы одной с веры.

Фойдин расслабился. — Значит вы христиане. И все же, как же так? Я никогда не слышал чтобы христианин отказался от вина.

Род улыбнулся. — Сколько стран, столько обычаев, милорд. По крайней мере, в нашей стране, церковь разрешает вино мессу. Я слышал про некоторых христиан, не допускающих даже этого.

— Странно, воистину, странно, пробормотал Фойдин — Много среди вашего народа чародеев, вроде вас?

Осторожно, парень. — Не слишком много. Для этого требуется Дар, Талант и немалая тренировка.

— А, — кивнул герцог. — Также как и здесь. Воистину, в нашей стране не наберется и четырех чародеев, обладающих хоть какой-то силой, и один из них, подлый изменник, алчущий похитить особу короля и узурпировать у меня регенство!

Сейчас было самое время побудить его болтать дальше, но Фойдин был не из тех, кто запросто дает какие-то сведения. Что он задумал?

Элидор набрался храбрости возразить. — Нет, дядя! Лорд Керн...

— Тихо, успокойтесь, Ваше Величество. — Фойдин отечески потрепал Элидора по руке и посмотрел на него стальным взглядом. — У вас было время поговорить с этими добрыми людьми. Позвольте теперь и вашему старому дядюшке немного потолковать с ними.

Элидор понял намек и притих.

— Я не удивлен, — Род вернулся к еде. — Повсюду, где есть волшебство, всегда найдутся чародеи, злоупотребляющие своей силой.

— Именно так он и поступает! — Фойдин ухватился за слова Рода. — Его злодейство превосходит всякое воображение, он хотел бы установить во всей стране власть магии!

За столом стало тихо. Элидор покраснел, словно вулкан, готовый разразиться извержением.

Гвен поймала его взгляд и чуть заметно произвела рукой успокаивающий жест. Он удивленно уставился на нее, затем посмотрел на дядю, и снова уткнулся в тарелку.

— В самом деле, — проворковала Гвен, — Тир — Хлису посчастливилось, что у него есть столь доброжелательный человек, как вы, для защиты страны от такого негодая.

Неплохая попытка, — подумал Род, но был уверен, что герцог поймет лесть.

Конечно, он знаком с лестью: он упивался ею. Так и напыжился. — О, любезно сказано, милая леди, верно, совершенно верно! Да, большая часть нашей страны пребывает в мире и благоденствии под М... под благотворной властью Его Величества.

— Ммф! — Сидевший напротив придворный внезапно прижал ко рту салфетку, вероятно, прикусил язык.

Герцог заметил это и нахмурился.

— Тогда вы должно быть вскоре поможете и несчастной меньшей части, — быстро сказала Гвен.

— Ах, но сделать это не так-то легко, прекрасная леди, — герцог печально покачал указательным пальцем. — Вам известен громадный горный хребет на северо-востоке?

— Нет, мы прибыли магическим путем, — сладко улыбнулась Гвен, — И знаем только луг, где вы нашли нас, да отрезок речного берега, что загибается на север к месту, откуда мы появились.

На север? Род мог бы поклясться, что они двигались на север, и значит исходная точка их лежала на юг!

— Столь недавно прибыли! — Герцог был удивлен. Кто из кого здесь получает информацию? — И все ж позвольте мне вас уверить, там на северо-востоке расположены горы, отгораживающие бедную восьмую часть нашей страны. Туда-то и бежал лорд Керн, чтобы попытаться сколотить там разбойничье войско и умыкнуть короля. Я не могу выступить против него через горы, так как он

закрыв злым колдовством единственный перевал, подходящий для прохода армий.

— Но таким образом он закрыл и самого себя! — радостно воскликнула Гвен.

Герцог удивился, но быстро скрыл это. — Да-а-а, именно так, милая леди, если он снимет свое колдовство, мои армии тут же обрушатся на него!

Сидевшему напротив придворному снова стало трудно глотать.

— Неподалеку от него находится побережье, — продолжал герцог, — и он пытался высадить свои войска в наших охраняемых владениях.

— Значит вы отразили его?

— Да, — герцог немного приосанился. — Мои корабли самые лучшие, особенно, когда ими команду я.

Придворный схватился за чашу с вином.

— Вот так обстояли дела три долгих года, — развел руками герцог. — Ни он не может выйти, ни я не могу выйти для освобождения несчастных, живущих под его ярмом. Со временем мои добрые замыслы созреют, а его гнусные сгниют. Армии мои растут с каждым днем, также как и мои корабли. Когда настанет время я нанесу ему удар с моря и сотру в пыль! Тогда наша страна снова станет цельной и будет вручена Элидору, когда он достигнет совершеннолетия.

При этом последнем замечании мальчик-король, похоже, испугался.

Гвен на миг поймала его взгляд, а затем снова обратилась к герцогу. — Задумано просто, но благородно, милорд. Вы мудро поступаете, дожидаясь своего часа. Торопливость не приводит к добру.

— Отлично сказано, отлично, — герцог, кивая откинулся на спинку кресла, довольный услышанным. — Вы наиредчайшая из дам. Я не привык к такому уму среди прекрасной половины человечества.

Род почувствовал, как у него поднимаются волосы на загривке. Гвен коснулась его под столом ногой, и он заставил себя улыбнуться. — Нам пос-

частливилось оказаться в гостях у столь мудрого и осмотрительного хозяина, к тому же предлагающего столь хороший стол!

Герцог беззаботно отмахнулся: — Мой стол — ваш стол, когда ни пожелаете. И все же не желаете ли отобедать на самом знатном моем пиру?

Род оказался захваченным врасплох.

— Полноте, сэр, — шаловливо улыбнулась Гвен. — Ведь не хотите же вы, чтобы мы подумали, будто вы не выставили на стол для спасителей своего короля самого наилучшего?

— Разумеется выставил, — искренне подтвердил герцог. — Но я говорил не о дичи и паштетах, а о битве.

— О. — медленно кивнул Род. — Вы говорите об этой доблестной экспедиции для освобождения северо-восточного угла Тир-Хлиса.

— Да, о ней, — герцог опустил веки, от него, казалось, исходило напряжение, как от льва, увидевшего проходящую поблизости антилопу. — Как я вам говорил, в той борьбе я столкнусь не только с копьями, но и с магией. Мне было бы спокойней, будь на моей стороне сильные чародеи. Что скажете, лорд Гэллоутлас? Вы отобедаете за моим столом и поможете королю Элидору?

— Это... очень привлекательное предложение. — Род встретился взглядом с Гвен. — По правде говоря, я не думал об этом. Мы ведь собирались, как можно быстрее, вернуться домой.

— Путешествие это будет долгим и утомительным, — подчеркнула Гвен. — А мы даже не знаем, в какой стороне наше отечество и насколько далек путь.

— Нам нужно отдохнуть и выяснить, где мы находимся, — согласился Род. — Он опять взглянул на герцога и заметил, что Элидор, внезапно напрягшись, пристально смотрит на него.

Но Магнус, сидевший рядом с Родом, выглядел очень веселым. Элидор на это внимание и немного расслабился.

— Предложение ваше, безусловно, привлекательно, — сказал герцогу Род. — Но как понимаете,

милорд, м... Я должен обдумать его. Я дам вам ответ за завтраком.

— Буду ждать с нетерпением, — улыбнулся герцог. — Мы засиделись за столом, а час уже поздний. Вы устали.

— В какой-то степени, — признался Род. — Мягкая постель была бы в самый раз.

— Тогда оставим дальнейшие разговоры. — Герцог хлопнул в ладоши. Вперед выступил какой-то чиновник в сверкающей тунике, — Проводи этих добрых людей в их покои! — Герцог встал. — Сам я тоже подумываю об отдыхе; день выдался хлопотный. Элидор, Ваше Величество! Не пройдете ли со мной?

Элидор медленно поднялся, все еще напряженный, но, как показалось Роду, с некоторой надеждой.

Дядя схватил его за плечо. Элидор скривился и подавил крик от боли. — Спать, спать! — весело пропел герцог — Спокойной всем ночи!

ГЛАВА 10

— Земноводные? — отец Ал недоверчиво уставился на экран электронного телескопа.

— Я заметил пару настоящих ящеров, но они мелкие, — брат Чард покачал головой. — Сожалею отец. Мы четырежды облетели эту планету, на четырех разных орбитах, и это — самая высокая форма жизни на любом из континентов.

— Значит людьми населен только тот единственный большой остров, а остальная планета пребывает в каменноугольной эре. — Отец Ал покачал головой. — Ну, если нужно какое-то доказательство, что мы имеем дело с колонией, а не разумными туземцами, то мы его нашли. Нельзя ли воспроизвести записи с того острова, брат Чард?

Монах нажал на ряд кнопок, и на главном обзорном экране появился большой остров, огромный, неограниченный изумруд, плавающий в синем море. — Увеличьте, пожалуйста, тот большой городок, — пробормотал отец Ал. Крошечный кружочек в зелени, чуть к северо-западу от центра острова, начал расти. Очертания берегов исчезли за пределами экрана. Точка набухла, превратившись в неровную округлую поляну, вокруг нее начали появляться другие точки.

— На самом деле, это единственное большое поселение, которое можно назвать городком, — задумчиво проговорил отец Ал.

Экран теперь заполнили крыши, церкви со шпилем, башни замка, расположенные на гребне холма.

— Архитектура средневековая, отец, думаю Тюдоровская.

— Да, но замок должен относиться к тринадцатому веку, готов поклясться, что он почти копия Шато-Гайяра. А церковь — поздняя готика, самое раннее — четырнадцатого века.

— Церковь! Это собор! Почему он выглядит таким знакомым?

— Возможно, потому что вы видели изображения Шартрского собора. Колонисты были не столь уж оригинальными, не правда ли?

Брат Чард нахмурился. — Но если они собирались скопировать знаменитые строения Земли, то почему не взяли их все из одного периода?

Отец Ал пожал плечами. — А зачем? У каждого века были свои красоты. Некоторым нравился пятнадцатый век, некоторым четырнадцатый, а некоторым и тринадцатый... Если мы будем просматривать дальше, брат, то уверен найдем что-нибудь и в романском стиле.

Брат Чард взглянул в экран, когда он заполнился видом сверху единственной улицы, на которой виднелись люди. — Очевидно, они применяли тот же принцип и в своей одежде; вон туника с широкими рукавами рядом с камзолом!

— А вон камзол с широкими рукавами. — Отец Ал покачал головой. — Я чуть не слышу, как их предки говорят: Это мой мир, и я буду делать с ним все что хочу!

Брат Чард повернулся к нему с понимающей улыбкой. — Вас ждут трудности с транспортом, не так ли?

— Никогда не любил ездить на лошадях. — Отец Ал почувствовал, как у него засосало под ложечкой.

Брат Чард снова повернулся к обзорному экрану: — Вы ищите там только одного человека, отец? Или общину?

— Одного единственного индивида, — мрачно сказал отец Ал. — И я не могу просто набрать код справочника и просканировать его в поисках нужной фамилии, не так ли? Он подумал о Йорике и поборол медленно поднимающийся в нем гнев.

Этот ухмыляющийся шут мог бы подготовить его к этому!

— При таких обстоятельствах, — медленно проговорил брат Чард, — нет смысла следовать обычной процедуре принятой при посадке.

— Лучше сделать, как положено, брат Чард, — вздохнул отец Ал. — Вы ведь не хотите угодить в тюрьму из-за какой-то формальности, верно?

— Особенно, если меня потащит туда вся королевская конница и вся королевская рать. — Брат Чард пожал плечами. — Ну, вреда от этого не будет. В любом случае внизу услышат нашу передачу. — Он установил передатчик на вещание и включил микрофон. — Космический корабль X 394P02173 Бета Касс 19, — “Св. Яго” — Бета Кассиопеской епархии вызывает диспетчерскую службу Грамария. Диспетчерская Служба Грамария, отвечайте.

— Вас слышим, Св. Яго, — ответил резонирующий голос. — Цель вашего полета?

Отец Ал чуть не провалился сквозь паутину.

— Я правильно расслышал? — Брат Чард уставился на приемник, выпучив глаза. Он заметил показанную частоту и протянул руку настроить видео на совпадение с ней. Вид сверху городской улицы сменило внимательное, худощавое лицо с беспокойными глазами и темными волосами подстриженными поперек лба. Но отец Ал лицо это едва заметил. Он уставился на маленькую желтую ручку отвертки в нагрудном кармане монашеской рясы.

— Цель вашего полета, “Св. Яго... Ах! Худощавое лицо вспыхнуло и взгляд монаха обратился на них, когда они появились у него на экране. Затем выдохнул: “Св. Яго”, вы монахи!

— К тому же вашего ордена, — выпрямился на кушетке отец Ал. — Отец Алоизий Ювэлл, из ордена Видикона Католического, к вашим услугам. Мой спутник — брат Чард, из ордена Святого Франциска Ассизского.

— Отец Коттерсон, из ордена святого Видикона, — неохотно представился монах. — Цель вашего полета, отец?

— Грамарий, отец Коттерсон. Меня отправили разыскать одного человека по имени Род Гэллоутлас.

— Верховного чародея? — голос отца Коттерсона сделался мрачным.

— Вы уж простите мое удивление, отец, но как вам удалось сохранить знание технологии? — спросил отец Ал. — Мне говорили, что ваши предки бежали сюда именно от нее.

— Как вы об этом узнали?

— От одного... своего рода пророка, — медленно ответил отец Ал. — Он оставил послание с распоряжением вскрыть через тысячу лет после того, как он написал его, и мы только что прочли его.

— Пророчество? — пробормотал с остановившимся взглядом отец Коттерсон — О Грамарие?

Он был в шоке. Один из главных его мифов сфокусировался на нем самом. Пауза оказалась кстати: отцу Алу тоже требовалось немного времени на размышления.

Верховный Чародей? Род Гэллоутлас?

Уже?

Что касается остального, то все выглядело совершенно логичным — среди колонистов находился священник-католианец, а где был хоть один католианец, там будут каким-то способом поддерживать жизнь науки и технологии.

Как? Это уж мелочи, ответов могло быть сколько угодно. Этот вопрос мог и подождать. Отец Ал прокашлялся. Нам надо многое обсудить, отец Коттерсон — но сделаем это при встрече. Я хотел бы сперва приземлиться.

Отец Коттерсон задумался, решая дилемму. Отец Ал почти понял мысли монаха. Разрешить отцу Алу сесть? Или послать его прочь, но есть риск, что он вернется с подкреплениями?

Отец Коттерсон принял решение. — Отлично, отец, можете сажать свой корабль. Но приземляйтесь, пожалуйста, после наступления ночи, а то можете вызвать панику. Ведь здесь за всю нашу историю никто не видел, как приземляется корабль.

Отец Ал подумал о его замечании три часа спустя, когда земля под ними потемнела и подымалась навстречу. Если тут веками не приземлялись космические корабли, то как же прибыл сюда Род Гэллоутлас? Йорик говорил, что он не с этой планеты.

Ну, бесполезно теоретизировать, когда не располагаешь фактами. Он поглядел на обзорный экран. — Пожалуйста, примерно в 200 метрах от монастыря, брат Чард. Это должно дать вам время при неблагоприятных обстоятельствах снова взлететь прежде, чем они успеют добраться до нас. Разумеется, я не думаю, будто они станут препятствовать вашему отлету, но всегда полезно иметь гарантию.

— Как скажете, отец, — устало согласился брат Чард.

Отец Ал усмехнулся, — Вы все еще опечалены, что они не нуждаются в миссионерах, не так ли?

— Ну...

— Полно, полно, брат, выше голову, — похлопал отец Ал по плечу младшего монаха. — Эти любезные монахи много веков пребывали вне контакта с остальной церковью. Им понадобятся несколько эмиссаров для ознакомления с прогрессом в технологии и в истории церкви.

При этих словах брат Чард немного оживился. Отец Ал порадовался, что молодой монах не понял всех последствий — этим “эмиссарам”, возможно, понадобится бороться с ересью. Колониальные теологи могли выдвинуть какие-нибудь очень странные идеи, имея пятьсот лет изоляции от Рима.

И Род Гэллоутлас мог стать старейшим для всех, если при нем не будет надлежащего руководства.

Пинасса приземлилась, едва касаясь травы, и отец Ал вылез из миниатюрного шлюза. Он вытаскивал за собой свой несессер, проследил за закрытием шлюза, затем прошел к носу корабля, отступил футов на пятьдесят и помахал рукой у

камеры. Огоньки прощально мигнули в ответ, и “Св. Яго” взлетел. Когда подоспели местные монахи, он стал лишь пятнышком на фоне темных туч.

— Почему... вы позволили ему... снова улететь?
— проговорил, тяжело дыша, отец Коттерсон.

— Потому что эта миссия поручена мне, а не ему, — ответил с притворным удивлением отец Ал.
— Брату Чарду поручили только доставить меня сюда, отец, а не помогать мне в выполнении моей миссии.

В действительности монах выглядел далеко не таким внушительным, ростом был не выше отца Ала и худой до грани истощения. Уважение к нему отца Ала несколько поднялось, отец Коттерсон, видимо, часто постился.

Либо так, либо у него солитер.

Отец Коттерсон снова повернулся к отцу Алу.
— А вы подумали, отец, о том, как покинете Грамарий, когда завершите свою миссию?

— Да вообще-то, — медленно произнес отец Ал — я не уверен, что мне понадобится, отец Коттерсон. Когда он произнес это, факт явственно дошел до его сознания — может и впрямь это будет его последняя миссия, и на ее выполнение потребуются десятки лет. Если же она не затянется, и он понадобится Господу где-нибудь еще, то, несомненно, обеспечит себе транспортировку.

Мысль, что отец Ал станет тут постоянным жителем, не слишком обрадовала отца Коттерсона.
— Видимо нам с вами придется обсудить все поподробней. Последуем в монастырь, отец?

— Да, безусловно, — пробормотал отец Ал и зашагал рядом с монахом, когда тот повернул к стоявшей вдали обители. Следом за ними пристроилась еще дюжина коричневорясных.

— Несколько слов о местных обычаях, — предупредил отец Коттерсон. — У себя в стенах мы говорим на современном английском, но за их пределами на местном диалекте. В нем немало архаических слов и выражений, но самая большая разница в употреблении устаревшей формы указа-

тельных местоимений. Возможно вам желательно поупражняться при разговоре с нами, отец.

— И называть “этого” “сим”? Ну, сие будет достаточно легко. В конце концов, отец Ал читал Библию в издании короля Якова.

— По крайней мере, есть какое-то начало. А теперь скажите мне, отец, почему вы ищете Рода Гэллоутласа.

Отец Ал поколебался. — А разве мне не следует обсудить этот вопрос с главой вашего ордена, отец Коттерсон?

— В данное время Аббат отсутствует, он в Раннимиде, на совещании с Их Величествами. Я его секретарь, отец, и забочусь о монастыре, пока он в отъезде. Все, что вы пожелаете сказать ему, можете обсудить со мной.

Не совсем приятное развитие событий, решил отец Ал. Он не совсем доверял отцу Коттерсону. У этого человека была внешность фанатика, и отец Ал был не совсем уверен какому Делу он служил.

С другой стороны, возможно тут дело просто в солитере.

— То пророчество, о коем я вам говорил, — начал отец Ал — и умолк. Нет, он решительно не доверял отцу Коттерсону. Если этот человек был таким религиозным фанатиком, каким он казался с виду, то как он прореагирует на известие, что Верховный Чародей станет ещё более могучим?

Поэтому он немного переставил акценты. — Наше пророчество сообщило нам, что Род Гэллоутлас будет самым могущественным из всех известных когда-либо кудесников. Вы, конечно, понимаете проистекающее из того теологическое значение.

— Да, воистину, — невесело улыбнулся отец Коттерсон и продолжил, не моргнув глазом. — При неправильном руководстве такой может стать вдохновителем культа дьявола.

— Да, то так, — Отец Ал приноровился к речевому стилю монаха, и нахмурясь, посмотрел на него.

— А почему вас несколько не смущает это, отец?

— Нам давно ведомо сие, — устало ответил монах. — Мы долгие годы старались не отдать наше ведовское племя в когти Сатаны. Не беспокойтесь, отец, если на Грамарис еще не возникло никакого культа Дьявола, то не возникнет и теперь.

— “Ведовское племя”? — Отец Ал внезапно так и затрепетал от интереса к словам монаха. — Что се за ведовское племя, отец?

— Да ведьмы с чародеями в горах, болотах и в королевском замке, — ответил отец Коттерсон. — Разве ваше пророчество не говорило о них, отец?

— Без каких-либо подробностей. И вы не видите в Верховном Чародее какой-то большой угрозы вашей пастве?

— Нет, мы его знаем почти десять лет, отец, и, если он чего и сделал так пожалуй лишь приблизил к Богу ведовское племя, — отец Коттерсон снисходительно улыбнулся. — Пророк ваш предрекал с некоторым опозданием.

— Да, похоже. — Но отец Ал продолжал гадать: тощий монах, кажется, не замечал в Роде Гэллоутласе ничего необычного. Наверно, в образе жизни Верховного Чародея должна произойти большая перемена.

— Если вы прибыли дать руководство нашему Верховному Чародею, то зря потратите время и силы, — твердо сказал отец Коттерсон. — Заверяю вас, отец, нам наши обязанности вполне по плечу. — Они остановились у монастырских ворот. Отец Коттерсон постучал в них кулаком, крикнув — Гей, привратник!

— Уверен, вы справитесь, — пробормотал отец Ал, когда огромные створки распахнулись — И все же, отец, мне поручено в первую очередь выяснить правду относительно нашего пророчества. Если моя миссия ничего не даст, она будет полезной хотя бы потому, что мы столь многое узнаем о пастве, которую считали пропащей. И что, приятно отметить, она вовсе не пропащая, а, напротив, о ней исключительно хорошо заботятся.

Отец Коттерсон просил от такого комплемента. — Делаем все, что в наших силах, отец — хотя нас сильно удручает недостаток золота и людей, ощутивших святое призвание.

— Заверяю вас, отец, точно также обстоит дело на всех мирах, где пребывает род человеческий, — отец Ал огляделся вокруг, когда они вышли на широкий, обнесенный стенами двор — У вас прекрасный Дом, отец, и содержится он в образцовом порядке.

— О, спасибо вам, отец Ювэл. Не отведаете ли наших вин?

— Да, с большим удовольствием. Мне бы хотелось немного повидать вашу прекрасную страну, отец, и ваш народ. Вы не могли бы достать мне средства передвижения и кого-нибудь в проводники?

Оттепель прошла и отец Коттерсон снова похолодел. — Ну... да, безусловно, отец. Вам представят на выбор любых мулов и брата в проводники. Но я должен попросить вас не покидать сей обители, пока не вернется лорд Аббат, и вы не поговорите с ним.

— В самом деле, этого требует простая вежливость, — легко согласился отец Ал.

— Простая и необходимая, — сказал оправдывающимся тоном отец Коттерсон, под которым ощущалась твердость. — Наш добрый лорд Аббат должен будет внушить вам, отец, сколь осторожным надо быть в речах за пределами наших стен. Ибо, как вы понимаете, наш народ столетиями жил в неизменных средних веках, и любой намек на современность покажется ему колдовством и может пошатнуть веру. А также вызовет в стране целую лавину перемен, что принесет многим разор и несчастье.

— Заверяю вас, отец, я прибыл узнать о том, что здесь есть, а не менять порядок, — мягко сказал отец Ал.

Но отец Ал почувствовал по тону разговора, что он может прождать Аббата до конца жизни. В конце концов, он ведь давал обет послушания, и

Аббат мог счесть себя законным начальником отца Ала, имеющим право отдавать обязательные приказы, и мог вознегодовать, если отец Ал предпочтет уважать приказ папы больше приказов Аббата. И негодование его может оказаться настолько сильным, что отец Ал предпочел, чтобы келья находилась над землей, а дверь ее запиралась изнутри.

Отец Коттерсон сел на свое место в центре, во главе стола. Другие монахи последовали его примеру. Отец Ал сидел отдельно от отца Коттерсона, на почетном месте для гостей.

— Кто сегодня служками? — спросил отец Коттерсон.

— На кухне — отец Альфонс, отец. — Один из монахов поднялся и снял с себя рясу, обнаружив под ней рогожный комбинезон. — А я сам — за столом.

— Благодарю вас, брат Бертрам, — ответил отец Коттерсон, когда монах проплыл над столом и наклонился над столешницей.

Из кухни выскочил с нагруженным подносом отец Альфонс и передал его брату Бертраму, который подлетел к монаху, сидевшему дальше всех от главы стола, и протянул поднос, давая монаху самому снять себе блюдо.

Отец Коттерсон повернулся к отцу Алу — Во всех ли филиалах ордена по — прежнему сохраняется такой обычай, отец, что каждый монах в свою очередь становится служкой, даже Аббат?

— Ну... да, — отец Ал глядел на брата Бертрана с удивлением. — Но, э — не совсем на такой лад.

— Как так? — отец Коттерсон, нахмурясь, поднял взгляд на брата Бертрана, — А, вы говорите о его левитации. Ну, многие из нашей братии не владеют ею, они просто ходят вдоль столов. И все же подобный способ удобней для тех, кому он доступен.

— Несомненно. — Отец Ал ощутил как по нему пробежала дрожь, сердце у него замерло. — Есть ли между вами, кто умеют передвигать блюда, оставаясь сидеть?

— Телекинез? — нахмурился отец Коттерсон — Нет, этот ген связан с полом, и только женщины обладают такой способностью. Хотя брат Мордекай продвигал тут кое-какие исследования. Как продвигаются ваши эксперименты, брат?

Тощий монах потупился и покачал головой.

— Не слишком хорошо, отец. — Солонка в центре зала задрожала, приподнялась на несколько дюймов, а затем со стуком упала. Брат Мордекай пожал плечами — Большого пока я добиться не могу, но все же надеюсь, попрактиковавшись, достичь успеха.

Отец Ал уставился на солонку. — Но вы же только что сказали, что эта черта связана с полом!

— Да, но моя сестра — телекенетик, и мы оба телепаты, поэтому я начал пытаться почерпнуть у нее силы, а результаты вы видите, — брат Мордекай поддел кусок мяса, когда мимо него проплыл брат Бертран — Она тоже сделала попытку и взяла кое-что у меня. Пока ей удалось пролевитировать на три сантиметра, когда она лежала навзничь.

Отец Коттерсон кивнул, поджав губы. — Я и не знал, что она добилась столь больших успехов.

— Но... но... — Отец Ал заговорил вновь. — Разве тут нет опасности, что она узнает о технологии, кою вы желаете сохранить в тайне?

— Нет, — улыбнулся брат Мордекай. — Она из нашего сестринского ордена.

— Анодианок?

Отец Коттерсон кивнул, улыбаясь. — У меня потеплело на сердце, отец, от сознания того, что наши ордена по — прежнему сохранились на других мирах.

— И все же, проблема безопасности все еще стоит, — высказал свое мнение еще один монах, хотя к нему не обращались. — Наши старые тренировки по закрытию своего мозга от эсперов вне нашего ордена кажется тончают, отец Коттерсон.

Отец Коттерсон насторожился: — Один из королевских “ведунгов” узнал из наших мозгов о технологии, отец Игнатий?

— Не думаю, — ответил монах. — И все же, в то время как я час назад медитировал над своими ЧИПами с электролитом, то почувствовал некое эхо, гармонирующее с моими мыслями. Я, конечно, прислушался и почувствовал мозг младенца в резонанс с моим. Сейчас непосредственной угрозы нет, но ребенок, безусловно, подрастет.

— Дай Бог, чтобы его мысли не услышали родители!

— Нет, я не почувствовал никакого дальнейшего резонанса. Может ничего опасного нет: в мозгу у младенца содержался образ его матери. То была жена Верховного Чародея.

Отец Коттерсон успокоился. — Да, тут опасность невелика, леди Гвендайлон не могла не знать о технологии, и, наверняка, понимает необходимость молчания по этому предмету.

— Значит, как я понимаю, вы нашли способы экранировать свой мозг, а так же других телепатов? — не выдержав, вмешался отец Ал.

— В самом деле, — кивнул отец Коттерсон. — Сие связано с молитвенной медитацией, отец, при ней мозг закрыт для внешнего мира, но открыт Богу. И все же, кажется нам придется поискать новые способы усиления закрытости. Брат Милен, вы займетесь?

Дородный монах кивнул: разумеется, отец.

— Исследования, обычное дело для тех из нас, кто уединились в этом монастыре, — объяснил отец Коттерсон.

Отец Ал кивнул: Иначе он и не был бы Домом святого Видикона. И все же, полагаю, вашим приходским священникам такая деятельность запрещается.

— Нет, все проще. — Отец Коттерсон принялся отрезать свою порцию мяса. — Монахов, обучаемых на приходских священников, учат только грамоте, счету и теологии, а науке и технологии обучают только принявших монашеский обет.

— Практичная система, — признал отец Ал. — Хотя мне не нравится секретность знания.

Также как и нам, отец, — горящие глаза отца Коттерсона вонзились в него. — Знание должно быть свободным, чтобы им могли овладеть все. Только благодаря умыслу отца Риччи, основателю нашего филиала, удалось сохранить научные знания, когда он прибыл на Грамарий. Иначе его сожгли бы, как колдуна, попытайся он учить тому, что знал. Те, кто первоначально колонизировали нашу планету, вознамерились позабыть все научные знания. Вероятно, и нас самих ждало сожжение, если б мы попытались раскрыть то, чего знаем. А это ввергло бы страну в хаос. Зачатки науки вскормили на Земле смуту Европейского Ренессанса. Что же сделает с этой средневековой культурой знание современной науки и технологии? Нет, пока нам надо хранить свои знания в тайне.

— Но, Верховный Чародей может открыть нам путь к началу обучения, — высказал предположение отец Игнатий.

— В самом деле, — глаза отца Коттерсона блеснули миссионерским рвением.

— Святой Видикон, — произнес, словно про себя, отец Ал, — был учителем.

— Также, как и мы все, не правда ли? — так и просиял, глядя на него, отец Коттерсон. — Ибо, как можно приобретать новые знания и не хотеть поделиться ими с другими?

Это, — решил отец Ал, — было стремление, с которым можно согласиться.

Отец Коттерсон снова повернулся к своим монахам. — Кстати, о новых знаниях, брат Цельзиан, как продвигаются ваши исследования?

Брат Цельзиан медленно жевал мясо. — Не хотите ли добавить соли к этой птице, отец?

— Действительно, хочу, но...

Солонка появилась перед отцом Коттерсоном со свистом смещенного воздуха.

Пораженный, тот резко откинулся назад, широко раскрыв глаза.

Сотрапезники разразились смехом.

Секунду спустя, отец Коттерсон пришел в себя и рассмеялся вместе со всеми. — Превосходнейшая шутка, брат Цельзиан! Но, должен предостеречь вас насчет вашей склонности к озорству.

— Как же я, отец, без нее начал бы искать методы телепортации предметов?

— Истинно, — признал отец Коттерсон. — Мне думается, вы добились в своих экспериментах определенных успехов, о коих не уведомили нас. Берегитесь, Брат, мы можем приписать честь ваших достижений кому-нибудь другому! Сначала я подумал, что добился успеха брат Хронополис.

— Нет, отец, — улыбнулся брат Хронополис. — Я думаю о создании квантовой черной дыры, но мы опасаемся осуществлять это на поверхности планеты. Отец Ал попытался внимательно слушать.

— Вы правы, — согласился отец Коттерсон. — Я содрогаюсь при мысли о последствиях столь крутого градиента гравитации, и не желаю оказаться над жерлом внезапно образовавшегося вулкана! Нет, с этим экспериментом нам придется подождать, пока у нас не будет доступа к космическим полетам.

Брат Хронополис повернулся к отцу Алу, — Отец, когда вы отбудите с Грамария...

— Я лично не смогу произвести такой эксперимент, — улыбнулся отец Ал. — Я ведь антрополог, а не физик. Но, если потребуется моя помощь, я с удовольствием ее окажу.

— Остальное на усмотрение Аббата, — твердо произнес отец Коттерсон.

Создать квантовые черные дыры? Самые лучшие ученые ДДТ до сих пор думали, что это невозможно! Либо грамариийские монахи заблуждаются, либо сильно продвинулись вперед. Был только один способ выяснить... Отец Ал небрежно спросил, — Вы добились успехов в области молекулярных схем?

Вся трапезная умолкла, глаза устремились на него. — Нет, — выдохнул брат Хронополис. — вы можете сделать схему из молекулы?

Ясно. В некоторых разделах они сильно отстали.

— Лично я нет, — пояснил отец Ал, — и все же я знаю, что это делают, срабатывают единственные молекулы кристаллина, способные выполнять все функции... Какой для этого употреблялся древний термин? Ах, да... ЧИПа с целой интегральной схемой.

— Но вы не знаете как ее сработать?

— Сознаюсь, нет.

— Довольно, довольно, — успокаивающе поднял ладонь брат Цельзиан — Теперь мы знаем, что это сделать можно, значит в скором времени сделаем.

Отец Ал ни на минуту не усомнился в этом.

— Превосходнейший вечер, — вздохнул отец Коттерсон, открывая дубовую дверь и провожая отца Ала в келью. — Ваше присутствие чудесно стимулировало дискуссию, отец.

— Она просто завораживала, отец, — особенно сообщение о монахине, занимающейся хирургией, не вскрывая тела.

— Ну, пока речь идет о лопнувших кровеносных сосудах и массаже сердца, — уточнил отец Коттерсон. — Тут таятся огромные возможности. Надеюсь келья понравится вам, отец?

— Роскошная, — Ал оглядел комнату площадью девять на двенадцать с голыми отштукатуренными стенами. Соломенный матрасик на дубовой койке, тазик для мытья на подставке и письменный стол с трехногим табуретом. — Настоящее дерево и впрямь роскошь, отец!

— Для нас это не дорогой материал, — улыбнулся отец Коттерсон. — Оставляю вас вашим молитвам, отец.

— Да будет с вами Бог, отец, — отозвался с теплой улыбкой отец Ал вслед отцу Коттерсону. Но затем метнулся к двери, прижался ухом к дереву и услышал, как поворачивается в замке ключ. — и Все прежние дурные предчувствия разом нахлынули на него. Он был разочарован. Общество монахов поначалу пришлось ему по душе, но теперь понял, что ошибся.

Разумеется то, что его закрыли в келье, отнюдь не доказывало, будто они собирались заточить его

и не дать повидать Грамарий. Быть может Аббат будет в восторге от его визита к Роду Гэллоутласу.

Но, возможно, и не будет.

Отец Ал подождал два часа, дав всем братьям заснуть покрепче. Затем достал из жилетного кармана набор инструментов, отомкнул огромный старый замок и тихо проскользнул по темным коридорам. Он проплыл сквозь колоннаду, словно дым ладана, нашел лестницу и веревку, тихо перелез через стену.

Это были такие замечательные монахи. Будет лучше убрать с их пути искушение.

ГЛАВА 11

— Все спят, кроме Элидора, — сердито сказал Магнус. Он сидел на краю массивной кровати с багдахином напротив камина. Такой же высокий, как Род. Холодные каменные стены прикрывали гобелены. Род расхаживал по толстому ковру.

— Его... — вступила в разговор Корделия, но Гвен захлопнула ей рот ладонью и пристально посмотрела на Магнуса. Тот удивленно посмотрел на нее, затем кивнул и закрыл глаза, сидя прямо, как палка. Он просидел в такой позе несколько минут, а потом расслабился. — Извини, мама, я увлекся.

— Ничего страшного, — заверила его Гвен. — Они слышали только одно предложение и не смогли многого понять.

— Шпионы? — нахмурился Род. — Сколько их тут было?

— Всего два, — заверила его Гвен. — Один вон там, за рыцарем на гобелене над очагом — видишь у него в глазу дырочка?

А другой за панелью рядом с дверью, где выпал сучок.

Род кивнул. — Милорд Фойдин любит дублировать с целью сличить доклады и убедиться, что никто не лжет. Ну, это соответствует его неискренней натуре; мне кажется, что он полным ходом создает полицейское государство. — Он повернулся к Магнусу. — Сколько они пробудут в отключке?

— До зари, — заверил его Магнус, — или дольше.

Род в изумлении покачал головой. — Как это сын проделывает столь быстро?

Гвен тоже покачала головой. — Я вообще не понимаю, как он этого добивается.

— Тут все просто! Всего лишь проецирующая телепатия. Ты ведь лишь внушаешь им: “усните”, верно, сынок?

— Не совсем, папа. — нахмурился Магнус. — Я лишь желаю, чтобы они уснули.

Род снова покачал головой. — Должно быть “желаешь” ты слишком настойчиво... Ну! Вы можете сказать, что думает герцог Фойдин?

— Я скажу! — вызвалась Кордслия.

— Нет, не скажешь! — Гвен зажала дочери уши ладонями. — Нечего пачкать юный ум. В мыслях этого человека грязь и мерзость, он пытается скрыть их, но безуспешно!

— О, — поднял брови Род. — Ты уже имеешь пример?

— Да, пример того, что он жаждет сделать с людьми в своей части Тир-Хлиса. Но не делает из-за трусости и, надо признать, к его чести, и остатков совести. Сие я прочла в нем, когда он говорил о “гнусном владычестве” лорда Керна!

Род кивнул. — Если побудить человека о чем-то говорить, то ему на ум придут все сопутствующие мысли, бродя у самой поверхности сознания.

— Ты отлично усвоил прием, муж мой. Я подозреваю, что ты сам упражняешься в нем!

— К сожалению, не совсем успешно, но я многое узнал о человеческой психике из книг. — Он обратился к детям, — Надеюсь, никто из вас не заглядывал в мозг герцога.

Они покачали головами. — Мама нам запретила, — объяснил Магнус.

— Одна из тех маленьких телепатических команд, которой мне не слышать. — Род задумчиво покачал головой, — Коль речь зашла о том, чего мне не слышно, чем сейчас занят герцог?

Гвен отвела глаза. — Разговаривает с Элидором... — голос ее внезапно стал ниже тоном, пародируя

герцогский. — Я очень обрадовался, найдя тебя целым и невредимым, поверь, это чистая правда! — Затем голос ее стал выше, имитируя дискант Элидора. — Я верю, дядя.

— Тогда послушай, что я скажу тебе, что не должен больше никуда ходить один! Это слишком опасно для неоперившегося мальчугана! В нашей стране тебя поджидает тысяча опасностей. Признаю, я временами был с тобой суров, — но, как правило, когда ты уж слишком испытывал мое терпение, а потом я всегда раскаивался! Оставайся хорошим мальчиком и, обещаю тебе, я постараюсь быть более сдержанным.

Очень тихо: — Хорошо, дядюшка.

— Вот так-то! Молодец! Поверь, в этом требовании мною движет забота о тебе! Я не стану скрывать от тебя своей ненависти к лорду Керну, да я и никогда не скрывал ее, так же как и страх, что он сумеет отнять тебя у меня и использовать для приобретения власти надо мной! Ибо он тебе нравится больше, чем я, разве не так?... Разве не так!... Отвечай!

— Он и его жена были добры, — прошептал Элидор.

— А я нет? Разве я никогда не обращался с тобой по-доброму? Нет, не надо отвечать — вижу по глазам. Ты помнишь только побои и затрещины, а не приносимые мной леденцы и игры, в которые мы с тобой играли! Нет, ты сего дня забрел к озеру не просто в поисках приключений, не так ли? Ты хотел присоединиться к лорду Керну! Отвечай мне!... Что, не будешь? — Все тело Гвен затряслось, она содрогнулась, и глаза ее снова устремились к мужу. — Он бьет мальчика, — с дрожью сообщила она, — Очень злобно.

Лицо Рода потемнело. — Скотина!... Нет, сынок! — Он стиснул руку на плече у Магнуса. Тело мальчика дернулось, и глаза уставились в одну точку. — Нельзя просто телепортировать его прочь от герцога, подымется такой шум и гам, что мы надолго застрянем в этом замке. Бедному Элидору придется потерпеть, пока мы не найдем способ освободить его.

— Когда мы впервые его встретили, он казался не таким плохим человеком, — сказала встревоженная Корделия.

— Он, вероятно, и не был бы им, не будь он герцогом и регентом. — Род пригладил волосы. — Был бы он бюргером, бюргером, могущим разделить ответственность с комитетом, или клерком в конторе. Не будь давления, смогла бы проявиться его добрая сторона. Но находясь на высшем посту, он в глубине души чувствует, что не способен справляться с такой работой, и это его пугает.

— А испытывая страх, он пойдет на что угодно, лишь бы обезопасить себя, — сумрачно заключил Магнус.

Род кивнул. — Неплохой анализ, сынок. Во всяком случае, я его воспринимаю именно так. К несчастью, он является регентом и лишен контроля, даже своего собственного.

— Данная ему власть и разлагает его, — согласилась Гвен — и его скрытое зло выходит наружу.

— Он-зло, — подтвердил, содрогнувшись, Магнус. — Папа мы должны вырвать Элидора из-под его власти!

— Согласен, — мрачно сказал Род. — Ребенку не следует находиться под опекой подобного субъекта. Но мы не можем просто вломиться туда и выпустить Элидора на волю.

— Почему бы и нет? — упрямо подняла подбородок Корделия.

— Потому, что мы не успели б пройти и пятьдесят шагов, милочка, как на нас навалилась тысяча стражников, — объяснила Гвен.

— Папа сумеет справиться с десятком, вы с Магнусом с остальными!

— Боюсь, что не получится, — грустно улыбнулась Гвен — Некоторые вещи не по силам, даже ведьмам.

— Я смогу одолеть тысячу! — возразил Магнус.

Род покачал головой. — Пока еще нет, сынок, — хотя уверен, что ты сумеешь, когда подрастешь. Видишь ли в чем дело, тысяча ратников полезет на

тебя со всех сторон, и к тому времени, как ты покаутируешь одних, кто-то сзади проткнет тебя насквозь.

— Но что, если я свалю их всех одним ударом?

Род улыбнулся. — А ты можешь?

Магнус нахмурил брови. — Должен же быть какой-то способ. Что делать, папа? Без магии.

— Только с помощью бомбы, сынок.

Магнус поднял голову. — А что такое “бомба”?

— Штука, производящая сильный взрыв, вроде разряда молнии.

У Магнуса посветлело лицо. — Ну, такое я могу!

Род уставился на него, чувствуя, как его волосы становятся дыбом. Возможно, он и сумеет, вполне возможно. Никто не знал точно, до каких же пределов доходили силы Магнуса. Есть ли у них вообще какие-то пределы. — Возможно и так, — тихо проговорил он. — А сколько при этом погибнет народу?

Магнус внимательно уставился на него, а затем отвернулся, удрученный. — Думаю, много. Да, ты прав, папа. Нам не устоять перед армией, если у нас есть совесть.

— Молодчина, — тихо одобрил Род и почувствовал прилив гордости и любви к своему первенцу. Если б мальчик мог уловить эти чувства!

Он удовольствовался похлопыванием Магнуса по плечу. — Как же мы все-таки достигнем этого? В первую очередь нам нужны кое-какие сведения. Что ты извлекла из него, пока общалась с ним, милая?

— Она слышала жгучее желание, — донесла Корделия, — От этого, мы не смогли отгородиться!

Род оторопел.

— Ничего иного нельзя было ждать от столь гнусного человека, — быстро сказала Гвен. — Не было ни одной девушки, переступившей его порог, который бы он не пожелал!

— Но зачем он их хочет, мама? — любопытствовала Корделия.

— Это одна из причин, почему мы не желаем, чтобы вы слышали его мысли, дорогая, — мрачно произнес Род.

— Папа, остынь, — предостерегла Гвен.

— Остыну, на время. Но когда мы окажемся с ним один на один, то у нас с герцогом Фойдином произойдет очень разговор.

— Мыслями? — нахмурился Магнус.

— Понимай как угодно, сынок. Но, коль речь зашла о мыслях, дорогая...?

— Ну! — Гвен уселась на постель, обхватив руками колени — Для начала, лорд Керн был у прежнего короля лордом Верховным Чародеем.

Род смотрел на нее во все глаза.

И не зря! Мало того, что лорд Керн — его коллега, у них и фамилии родственные. И геллоутлас, и керн обозначают в переводе ирландского наемного пехотинца: гэллоуглас — тяжеловооруженного, а керн — легковооруженного. В трагедии Шекспира "Макбет" оба эти слова стоят рядом в одной строчке, в русском переводе они тоже сходны. Гвен кивнула. — За тем столом никто не умел слышать мыслей — в этом я уверена. И все же герцог уверен, что лорд Керн владеет магией и знает нескольких других людей с таким же даром. Но у Керна он сильнее, чем у других.

— Не удивительно, что герцог хочет заручиться нашей помощью. Но какой же магией они здесь занимаются, если они не эсперы?

Гвен покачала головой. — Не могу сказать, никаких четких сведений не имеется. В его мыслях ощущалось лишь развертывание многих значительных действий.

— Заставляли многих людей исчезать, — вмешался Магнус, — вызывали драконов и духов.

— И подзывали фей! Ой! Вот красота-то! — захлопала в ладоши Корделия.

— И мечи, пап! — взволновано закричал Джеффри. — Мечи, перерубающие все, и готовые сражаться сами!

Род уставился на детей, осуждая их поведение.

Те поняли свою ошибку и замолкли.

— Мама сказала не слушать только мысли герцога, — объяснил Магнус. — А про других она ничего не говорила.

Род застыл.

Род, скрывая усмешку, поднял взгляд на Гвен.

— Правда, — подтвердила он, — вы неплохо придумали объяснение.

— Нам попадались и скверные, кривые мысли, — усердствовал Магнус, — но я знал, что именно их мама запретила нам “слушать”, потому я избегал таких лиц и сказал Джефу с Корделией делать тоже самое.

— Ты мне не указ, — огрызнулась Корделия — папа сам так сказал!... Но в данном случае я согласна с тобой.

Род и Гвен, выслушав их, залились смехом.

— Что, что такое? — Магнус сначала растерялся, но затем уловил смысл из мыслей матери. — А! Вы довольны нами!

— Да, мой миленький, я изумлена тем, как правильно вы действуете, даже не понимая причину моего указания, — Гвен прижала к себе Джефа и Корделию, а Род привлек к себе Магнуса. — Итак! Значит магия действует, да?

— Кажется, да. Или есть предметы ее воздействия. Прежний король отправил лорда Керна воевать с какими-то разбойниками в северо-восточном округе. Затем король скончался. Владения герцога Фойдина лежали поблизости, и герцог доводился королю двоюродным братом, поэтому хоть он и был у короля в немилости, он со своей армией сумел захватить юного Элидора, а вместе с ним и бразды правления. Военных сил у него было больше, так как три четверти королевского войска ушли с лордом Керном, и поэтому, когда он назвал себя регентом, никто не решился оспаривать его прав. — Голос ее упал. — Не совсем уверена, но, по моему, он приложил руку к смерти прежнего короля.

Дети сидели молча с вытаращенными глазами.

— Это похоже на него, — мрачно проговорил Род. — А что за чушь он несет насчет духа, закрывшего перевал?

— Никакая не чушь или, по крайней мере, герцог действительно верит в него. Но дух тот вызван не лордом Керном. Он был там много лет. Войско Верховного Чародея отправилось на северо-запад морем.

— Хм. — В голове у Рода промелькнули мысли о Сцилле и Харибде. — Интересно выяснить, что это за “дух” на самом деле. Что мешает лорду Керну перейти со своими войсками по меньшим перевалам?

— Армия самого герцога или часть ее. Захватив Элидора, он сразу же укрепил подступы к горам. И, когда лорд Керн повернул свою армию на юг, его уже заперли. Более того, высадившие войска, корабли герцог сжег в гавани. Во всем его “флоте” каким он так хвастает не больше десяти кораблей, но этого достаточно, ведь у лорда Керна не осталось ни одного.

— Ну, теперь-то уж он, вероятно, построил несколько.

— Мало. Значит он действительно заперт, да?

— Да. Но герцог Фойдин живет в постоянном страхе перед ним. Керн, кажется, является самым могучим по части магии.

— Но он не настолько силен, чтобы разделаться с духом на перевале?

Гвен покачала головой. — И слишком мудр, чтобы пытаться что-то предпринять. Того духа считают самым могучим.

— Должно быть какая-то естественная опасность. Перед глазами у Рода на миг возникло видение перевала, с высокими отвесными скалами по обеим сторонам покрытыми снегами. Ни одна армия не может двигаться без шума. И, конечно, возникает опасность спада лавин... — Герцог Фойдин живет, постоянно боясь, как бы лорд Керн не нашел способ перебросить армию по воздуху. Он, действительно, думает, будто мы станем помогать ему?

— Он в этом не сомневается. Да и что ему терять? Если не очень обнадежила “наша” победа над Эйк Уисги. Он не доверяет хорошим людям.

— По себе судит.

— Даже, если мы не станем работать для него, он хочет заполучить нас. — Лицо Гвен омрачилось. — Не могу сказать для какой цели, эта мысль сидела слишком глубоко.

— Мм, — нахмурился Род. — Странно, я ожидал чего-то прямолинейного, вплоть до садизма. Хотя у такого человека ничего не будет прямолинейным. Я готов думать, что тоже самое можно сказать обо всей этой стране.

— Что тут за страна, Род? — голос Гвен звучал приглушенно.

Род раздраженно пожал плечами. — Кто знает? У нас пока мало данных для предположений. С виду она похожа на Грамарий, но если это так, то мы находимся в далеком, предалеком будущем, по меньшей мере на тысячу лет вперед.

— Ведьм должно быть побольше, — тихо заметила Гвен.

Род кивнул. — Да, должно бы. И откуда взялся Эйк Уисги, и Крод Мару? Полагаю, о оттуда, откуда появились грамариийские эльфы, вервольфы и призраки. Это должно означать, что они возникли благодаря думающим о них скрытым телепатиям. И на Грамарие нет никаких легенд о них, правда?

— Я о них никогда не слышала.

— Нам о них никто никогда не рассказывал, — согласился Магнус.

А эльфы рассказывали вам все бытующие на Грамарие народные сказки. Но тысяча лет — большой срок, могло сложиться множество новых сказок... А, полно! Нет смысла болтать об этом, мы всего лишь строим догадки. Давайте подождем пока у нас не будет каких-то определенных сведений.

— Каких к примеру, муж мой?

— Для начала, какой сейчас год. Но я не собираюсь спрашивать кого-нибудь здесь. Не надо давать им знать, как много нам неизвестно, помимо

вполне понятного незнания нами местных порядков. Мы даже не знаем, какую сторону поддерживать.

— Элидора, — поспешил с ответом Магнус.

— Он — законный государь, — согласилась Гвен.

— Прекрасно! Но кто на его стороне? Лорд Керн?

Магнус кивнул. Он ускользнул от людей герцога и бежал, надеясь добраться до лорда Керна, ища защиты. Именно про это он думал, пока герцог стегал его.

Род кивнул. — Если б только он не остановился поиграть с красивой лошадкой, хм?

— Он не играл, папа! Он отлично знал, что без скакуна у него нет никакой надежды!

— В самом деле? — поднял голову Род. — В таком случае у него больше здравого смысла, чем я предполагал.

Магнус кивнул. — Ты говорил, папа, что у меня есть “зачатки мудрости”, так у него тоже.

— Мы должны защитить его, — спокойно сказала Гвен.

— Мы не можем оставить его такому герцогу! — решительно заявила Корделия.

Род вздохнул и капитулировал. — Ладно, ладно! Мы заберем его с собой!

Все закричали “ура”.

ГЛАВА 12

— Уу! Чер... я имею в виду, проклятье! — отец Ал упал навзничь на травянистый холмик, схватившись обеими руками за свою бедную избитую стопу. Он уже в третий раз ушиб се, на Грамарие попадались необыкновенно острые камни. Они не могли продырявить ему сапоги, но могли совершенно сбить, и сбивали, упрятанные в них ноги.

Он вздохнул и положил голень на другую ногу и стал массировать. Шел он, по его предположениям, уже шесть часов — небо на востоке уже начинало светлеть от зари. Все это время он скитался, пытаясь сориентироваться по мелькающим иногда в просветах между пышными деревьями звездам, надеясь, что он не ходит по кругу. На самом-то деле он совершенно не представлял куда идет. Самым главным для него было преодолеть до рассвета как можно большее расстояние между ними и чересчур гостеприимными хозяевами. Они дали ему одну из своих коричневых ряс с копышоном, но она уже порвалась в клочья, а его лицо и руки тоже были поцарапаны не меньше, и он мог бы поклясться, что слышал время от времени хихиканье, следующее за ним через подлесок. В общем, ничего хорошего ожидать не проходило.

Он вздохнул и оттолкнулся от земли, подымаясь на ноги, скривившись от боли в левой ступне. Хватит испытаний, пора попробовать найти где б спрятаться на день...

Раздался шорох ткани и глухой стук. Он резко обернулся, горло ему сдавил внезапный страх.

Она была светлокожим подростком с огромными глазами и блестящими темными волосами, ниспа-

давшими до талии из-под домашнего чепца. Тутю зашнурованный лиф соединял свободную блузку с широкой, цветастой юбкой... Она сидела верхом на помеле, парившем в трех футах над землей.

Отец Ал разинул рот. Затем вспомнил о манерах и взял себя в руки. — Э... доброе утро.

— Доброе... доброе утро, любезный инок, — она, казалось, робела, но решила не отступить. — Нельзя ли... не могу ли я вам чем помочь?

— Да как же... мне нужно узнать дорогу, — ответил отец Ал. — Но... прости меня, дева, ибо я пребывал вне сего мира, и никогда раньше не видел девицы, едущей верхом на помеле. Разумеется, я слышал об этом, но никогда такого не видывал.

Девушка вдруг разразилась взрывом смеха и осмелела. — Да ничего, любезный инок, ничего особенного! Да, вас в обителях держат в затворе, не правда ли?

— Впрямь в затворе. Скажи мне, дева, как ты научилась такому искусству?

— Научилась? — улыбка девушки превратилась в усмешку. — Да учиться в общем-то нечему, любезный инок. Я просто смотрю на какую-нибудь вещь и заставляю ее двигаться, и она двигается!

Телекинез, — подумал, ощущая головокружение, отец Ал, и она относиться к нему как к самому обычному явлению. — У тебя всегда был такой... талант?

— Да, сколько я себя помню. — На лицо ее набежала тень. Вырастившие меня добрые люди говорили, что нашли меня брошенной в поле, в годовалом возрасте. Я думаю, что родившая меня мать испугалась видя, как детские игрушки вокруг ее ребенка двигаются, словно бы сами по себе, поэтому и бросила меня нагой в поле, жить или умереть, как придется.

Прирожденная, отметил отец Ал. Сердце его опечалила ее история. Предубеждения и преследования — не таков ли удел этих бедных, одаренных людей? Что сделало такое отношение с их душами? — Дурной поступок, дурной! — Нахмурясь, покачал

он головой. — Какая же христианка могла совершить такое?

— Да любая, — печально улыбнулась девушка. — Я не могу винить ее, она, вероятно, сочла меня демоном.

Отец Ал с досадой покачал головой. — Сколь же мало знают бедные селяне о своей вере!

— О, мрачных рассказов хватает, — трезво возразила девушка, — некоторые из них правдивы, я знаю. Есть такие ожесточившиеся души, готовые поклоняться Сатане, отец. Я сама встречала такого, но мне посчастливилось сбежать и остаться в живых! К счастью, их немного, и редко они объединяются в шайки.

— Да не допустят этого! — Отец Ал отметил, что большинство этих “ведьм” и “чародеев” не были сатанистами, что действительно удостоверяло, что Талант у них псионический. — Твое милосердие показывает доброту тебе подобных. Оно проявилось в попытке помочь бедному, сбившемуся с дороги путнику. Ручаюсь, ты знала, что я заблудился.

— Да, — подтвердила девушка, — так как я слышала это в ваших мыслях.

— В самом деле, в самом деле, — кивнул отец Ал. — Я слышал о таком свойстве, и все же трудно поверить, когда в жизни сталкиваешься с таким. — У него голова шла кругом, прирожденная телепатка, способная ясно читать мысли, а не просто воспринимать туманные впечатления! И это без тренировки! — Много ли живет тебе подобных, дева?

— Нет, не так много, около тысячи.

— А, — печально улыбнулся отец Ал. — Несомненно святое супружество, и Бог умножат ваше число. До сегодняшнего дня во всей Земной Сфере числилось всего два настоящих телепата!

— Не могу ли я помочь вам в вашем путешествии, отец? Куда вы направляетесь?

— Найти Верховного Чародея, дева.

Девушка захихикала. — Да ведь до его дома надо пройти через все королевство, добрый инок! Путь займет у вас неделю, а то и больше!

Отец Ал так и сел: — О, нет...! Дело у меня важное, и нужно поспешить!

Девушка поколебалась, а потом робко предложила.

— Если все и впрямь так, любезный инок, то я могла бы отвезти вас туда на своей метле...

— Ты и впрямь могла бы! Так благослови тебя. Бог, дева, ибо ты настоящая, добрая христианка!

Она так и зарделась. — О, пустяки, я могла бы без больших усилий доставить вас. Но должна предостеречь, любезный инок, быть может это несколько расстроит вас...

— Мне все равно! — отец Ал обожал ее и вскочил верхом на палку. — Что значат удобства, когда на кон поставлено благополучие души? Полетели тогда!

Он едва заметил, как помело оторвалось от земли.

ГЛАВА 13

Открывать замок было женской работой, для нее требовался телекинез. Мальчики могли заставить замок исчезнуть, но не могли его открыть.

— Пусть попробует Корделия. Ей надо упражняться, не так ли? — Гвен подвела донь к двери и поставила ее перед замком. — Помни, милочка, задвигай язычок постепенно! Герцог, наверняка, расставил у наших покоев часовых, и они не должны услышать движения.

— Э, секундочку, — поднял руку Род. — Мы ведь не знаем, заперли ли нас.

Гвен протянула руку и подергала за ручку двери. Дверь не шолохнулась. Она кивнула. — Начинай постепенно, доченька.

Род занял позицию за дверью. Корделия сосредоточенно нахмурилась, глядя на замок. Род еле-еле услышал слабый скрежет, когда замок повернулся, и язычок убрался. Затем Гвен пристально посмотрела на дверь, та бесшумно распахнулась.

Род выпрыгнул, схватил часового сзади за горло и ударил по черепу рукоятью кинжала. Затем стремительно обернулся, гадая почему другой часовой не набросился на него...

Он увидел стражника лежащим на полу. Из — под ног его выползал Джеф, а над головой стоял, засовывая кинжал в ножны, Магнус. Гвен сияла, смотря на них.

Род разинул рот. Затем встряхнул головой, приходя в себя от неожиданности. — Как ты заставил его не шуметь?

— Задержав ему дыхание в легких, — объяснил Магнус. — Можно мне теперь доставить Элидора, папа?

Род потер подбородок. — Ну, не знаю. Ты можешь телепортировать его из той комнаты, в какой он находится, но ты уверен, что сможешь заставить его появиться именно здесь?

Магнус нахмурился. — В какой-то степени уверен...

— “В какой-то степени” не достаточно хорошо, сынок. Возможно ты материализуешь его в стене, или между вселенными, если уж на то пошло. — Почему от этой мысли он почувствовал беспокойство? — Нет, думаю нам надо проделать это старомодным способом. В какой стороне он находится?

— Там! — Магнус показал налево и вверх.

— Мы попробуем подняться по лестнице. Пошли.

— Позволь, Род, — схватила его за руку Гвен. — Если ты встречаешь кого-нибудь, то обязательно возникнет шум.

Род обернулся к ней. — У тебя есть идея получше?

— К счастью, да, — Гвен повернулась к Корделии, — Иди впереди нас, детка, скача и напевая. Запомни, ты ищешь гардероб и сбилась с пути.

Корделия с радостью кивнула и убежала вперед.

— Таким образом, — объяснила Гвен — встретивший ее не станет подымать крик. Обойдется тихим разговором.

— И даже еще более тихим, после того, как мы поравняемся с ним, — Род взволнованно поглядел вслед дочери. — Нельзя ли нам двинуться, милая? Я боюсь пускать ее гулять в одиночку.

— Подожди, пока она не свернет за угол, — Гвен не убрала руки с его плеча, следя за Корделией.

Девочка добежала до конца коридора и свернула направо, скача и заливаясь трелями. — Давай! Коридор был чист, идем.

Они быстро пошли по коридору, пытаясь не отставать от Корделии. Не дойдя до конца коридора, Гвен остановилась, слегка потянув Рода за руку. Мальчики тоже остановились по мысленному сигналу матери. — Она повстречала стражника, — выдохнула Гвен. — Ну-ка тихо!

Род напряг слух и услышал разговор:

— Куда ты идешь, девочка?

— В гардероб, сэр! Вы не могли бы мне сказать где он?

— Не близко, милочка, не близко! Один неподалеку от ваших покоев.

О! Значит все караульные знали, где они расквартированы. Очень интересно.

— Вот как, сэр. А нам никто не сказал!

— Он мысленно бранится, а она заставила его повернуться! — прошипела Гвен — Пошел!

Род неслышно завернул за угол ступая мягкими кожаными подошвами. В трех лужах факельного света Корделия стояла напротив него, прыгая с ноги на ногу, сцепив руки за спиной. Стражник стоял массивной тенью между девочкой и Родом, спиной к Роду. Род извлек из ножен кинжал и прыгнул вперед.

— Разве другие, одетые также, как я, стоящие у вашей двери, не показали тебе дорогу?

— Нет, любезный сэр! — невинно расширила глаза Корделия. — Они должны там стоять?

— Еще бы не должны! — стражник начал поворачиваться — Ну, давай я провожу тебя... Уф!

Он осел на пол. Род убрал кинжал в ножны.

Корделия уставилась на стражника. — Папа! Он... — затем лицо ее прояснилось. — Нет, я вижу, он лишь спит.

— Утром у него будет болеть голова, милая, но ничего страшного. — Род оглянулся на подбежавшую с мальчиками Гвен — Отлично сыграно, милочка! — схватила Корделию за плечи Гвен. — Я сама не могла бы лучше. А теперь, иди дальше!

Корделия усккала, весело распевая песенку.

— Если она проделывает такое в пять лет, — шепнул Род Гвен, — тогда, что она станет вытворять в пятнадцать. Я бы не хотел этого видеть.

— Если ты не захочешь, то захотят многие парни, — безжалостно напомнила ему Гвен. — Полно, милорд, пошли.

Пятерых стражников, троих придворных, четверых слуг и одну фрейлину Гвен остановила на углу. — Покои Элидора находятся там, — шепнула на ухо Роду. — Двое часовых у двери, трое сторожат в прихожей, а на тюфяке рядом с его постелью спит нянька.

Род кивнул. Фойдин был не из тех, кто идет на риск. — Потому-то я и взял на себя тех, кто нам встретился на пути, чтобы Магнус хорошенько отдохнул. — Со сколькими ты можешь управиться, сынок?

— Самое меньшее с четырьмя. — Мальчик нахмурился. — Если больше, то их сон может быть неглубоким.

Род кивнул. — Сгодится. Итак, вот какую схему раньше применяли мы с мамой...

Через несколько минут Магнус сосредоточился и спустя минуту раздался лязг и пара глухих ударов. стуков. Дружный вздох часовых у двери показал, что они погрузились в сон.

Род выглянул из-за угла, увидел, что оба сидят, привалившись к стене, и кивнул. — О'кей, Джеф. Пошел!

Трехлеток нетерпеливо поскакал за угол и постучал в дверь. Подождал, а затем постучал опять. Наконец, засов отодвинули, дверь распахнулась. Перед взором предстал хмурый стражник. Он уставился на Джефа во все глаза.

— Элидор выйдет поиграть? — пропищал мальчик.

Стражник рассердился. — Послушай-ка! Откуда ты взялся? — Он попробовал схватить его, но Джеф отскочил назад. Часовой прыгнул за ним, и Джеф припустился от него во всю прыть.

Он на всех парах вылетел за угол, а стражник в футе позади него, согнувшись пополам и вытянув

руку, сразу же за ним неся еще один часовой. Род и Гвен сделали им подсечку, и они с криком плюхнулись на холодный камень. Магнус и Корделия сорвали с них шлемы, а Род и Гвен ударили перевернутыми кинжалами. Стражники, дернувшись, перестали двигаться, а на затылках у них появились шишки.

— Они проспят час-другой. — Гвен вернула Магнусу его кинжал.

— Хорстан? Амбрен? — окликнул из-за угла хриплый голос.

Все замерли. У Рода участился пульс, надеясь, что третий стражник последует за двумя первыми.

К несчастью, тот оказался чересчур осторожным. — Хорстен! — раздалось снова. Затем молчание. Лязгнул металл, бухнула, закрываясь, дверь, потом туто щелкнул засов.

— Отступил и запер дверь, — покачал головой Род. — Ну, большего мы и не ожидали. Ты сказал, что справишься с четырьмя, сынок?

Магнус кивнул. — Несомненно. — Он стал совершенно неподвижен.

Наконец, Магнус расслабился и кивнул. — Все спят, папа.

— Отлично. Иди подготовь Элидора, пока мы открываем дверь.

Магнус кивнул и исчез.

Он начал проделывать такое еще младенцем, но Роду по-прежнему делалось от этого не по себе. У людей, которые были только друзьями, таких как Тоби, ладно, но с родным сыном другое дело. — Ну, коллективная работа начинается дома, — вздохнул он — После вас, дамы.

Они на цыпочках подкрались к двери. Род крепко держал за руку маленького Джефа, что бы тот не попытался телепортироваться и присоединиться к Магнусу. Гвен с гордостью взирала на замок. Они слышали звук отодвигаемого засова. Дверь распахнулась. Они шагнули прямо в сцену из "Спящей красавицы". Третий стражник, храпя, сидел, обмякнув на стуле, уткнувшись в грудь подбородком. За полуоткрытой дверью была видна

няня в кресле-качалке, задремавшая за вязаньем. Род шагнул вперед и распахнул дверь. Подпоясанный шпагой, Элидор поднял голову. Волосы его были взъерошены, а глаза затуманились от сна, красные и распухшие; Роду подумалось, что он заснул, плача в подушку.

— Почти готов, папа. — Магнус взял плащ и набросил его на плечи Элидора.

— Храни Бог, Ваше Величество, — поклонился Род. — Как я понимаю, Магнус уведомил вас о нашем приглашении?

— Да, я всей душой принимаю его! Но почему вы готовы забрать меня из дядиногo замка?

— Потому что мои сыновья привязались к вам. Если вы готовы, то не будем задерживаться.

— Готов! — Король нахлобучил шляпу и направился к двери. Род с поклоном пропустил его вперед, подождал пока пройдет Магнус и шагнул следом за ним.

Он застал Элидора смотрящим на храпящего часового, — Магнус говорил мне о том, — прошептал мальчик, — но я с трудом мог поверить.

— Вы входите в магические круги. — Род твердо подтолкнул его в плечо. — И если не будете ступать дальше, то мы опять кончим там же, где начали.

Элидор зашагал вперед, остановившись поклониться в ответ на реверансы Гвен и Корделии. Род, воспользовавшись случаем, забежал вперед.

Магнус пошел рядом с ним, в качестве лощмана. Они бесшумно ступали по тусклым, освещенным факелами коридорам. Каждый раз, когда Магнус останавливался и кивал Корделии, та убегала, подпрыгивая и распевая, вперед завязать разговор с ничегo не подозревающим и гуляющим в такой поздний час лицом, пока Магнус не усыпит его. После пятого стражника Род заметил, что усыпленный дергается во сне. — Подустал, сынок?

Магнус кивнул.

— Я возьму это на себя, отдохни немного.

К счастью, им подалось уже не так много народу.

Элидор следовал за ними и не уставал удивляться.

Наконец они пересекли внешний двор замка. Применяемая Родом тактика коммандос не могла принести большой пользы для устранения часовых на стене. Поэтому Магнус неслышно ступал рядом, подтянутый и готовый к действию. Но часовые следили за тем, что творилось за стенами, поэтому к главной кордегардии они подошли без происшествий. Тут они остановились, и Гвен собрала их всех в кучку. — Сейчас предстоит решить хитрую задачу, — прошептала она. — На каждой башне стоит часовой, у ворот — привратник, а в караульном помещении шесть стражников, а ты, сынок, устал.

Магнус выглядел утомленным. — Я еще могу справиться с двумя, мама, а может и с тремя.

— Значит остается шесть, — подытожил Род. — Чем они вооружены, Гвен?

Гвен на миг уставилась в пространство невидящим взором — У всех алебарды, кроме капитана, тот с мечом.

Вы с Корделией могли бы стукнуть их тупыми концами собственных алебард?

— Да, но они в шлемах.

— Так, — потер подбородок Род — Вся проблема в том, как заставить их снять шлемы.

Ну, это могу сделать я! — заявил Элидор и прошагал к кордегардии, прежде чем смогли его остановить.

Пораженный Род оглянулся на Гвен, а затем припустил за Элидором. Что пытался сделать этот мальчишка? Сорвать им побег?

Но мальчик двигался проворно и, прежде чем Род успел нагнать его, он уже колотил в дверь.

Та распахнулась, и Род, нырнув в ближайшую тень, замер. Однако видел через открытую дверь, когда Элидор вошел строевым шагом в караулку.

Стражники со скрипом поднялись на ноги — Ваше Величество! — склонил голову капитан — Что вы делаете вне дома в столь поздний час?

Элидор нахмурился. — Я ваш король! Ужель вы столь дурно воспитаны, что не знаете, как надлежит приветствовать меня? Обнажите головы, негодяи, и кланяйтесь!

Род затаил дыхание.

Солдаты поглядели на своего капитана, установившегося на Элидора. Но мальчик-король держал подбородок высоко и не заколебался. Наконец, капитан кивнул.

Стражники медленно сняли шлемы и поклонились.

Их алебарды мигом ожили, подпрыгнули и шмякнули плашмя им по затылкам. Стражники с лязгом осели на пол. Кроме капитана: рядом с ним не было ни одной алебарды. Он резко выпрямился, лицо его было полно ужаса, когда он увидел, что произошло с людьми. Затем ужас перешел в ярость.

Род прыгнул вперед.

— Что за колдовство такое? — зарычал капитан, надвигаясь на Элидора и обнажая меч.

Мальчик, бледнея, попятился. Род стрелой пролетел через дверь и врезался в капитана. Тот свалился, на миг задохнувшись, но меч его задержался, тычась острием в лицо Роду. Род рванул меч в одну сторону, перскатил противника и навалился сзади, обвивая рукой шею капитана. Он захватил гортань и сжал. Капитан брыкался, но Род уперся ему коленом в спину так, что он мог едва двигаться.

Элидор был свободен. Он сорвал с капитана шлем, выхватил свой кинжал и изо всех сил стукнул его по голове, точно также, как у него на глазах проделывал Род. Капитан взметнулся и, охнув, обмяк.

Род отпустил его и поднялся на ноги. — Отлично, Ваше Величество. Спору нет, в вас есть задатки короля.

— Тут нужно большее умение, чем просто сражаться, — нахмурился мальчик.

— Да, и мудрость, и знания. Но прежде всего способность быстро соображать, и быстрая реакция в действиях, а этими качествами вы уже обладаете. И, конечно, стиль и смелость, а их вы тоже только что продемонстрировали. Род хлопнул его по плечу,

и мальчик заметно приосанился. — Идемте, Ваше Величество. Не думаю, что остальные умирают от любопытства, но они успокоятся, увидев нас целыми и невредимыми. Он проводил мальчика за дверь.

— Шесть долой, осталось три, — прошептал он, когда они подошли к спрятавшимся в нише Гвен и детям.

Гвен кивнула. — Хорошо, что ты последовал за Элидором. Ну, если ты спрячешься неподалеку от привратника, думаю я сумею отвлечь его для тебя.

Род уперся ладонями в бока и откинулся назад, потягиваясь всем телом. — Ладно, но дай мне минутку. Я тоже начинаю чувствовать усталость.

Несколько минут он ждал у дверного проема, ведущего к гигантскому вороту, опускавшему и подымавшему подъемный мост. Привратник расхаживал взад-вперед, насвистывая про себя, чтобы не заснуть.

Внезапно державшая ворот веревка ослабла, и храповик задребезжал при вращении огромного барабана.

Привратник вскрикнул и рванулся к заводной ручке.

Род прыгнул к привратнику, сдернул с него шлем и оглушил ударом по голове.

Несколько минут спустя он снова вернулся к Гвен — Все в ажуре. Но мне следует сбегать обратно и опустить мост.

— Да, и поднять опускающую решетку. Все же задержись на минутку. Она повернулась к Магнусу. — Сынок?

Магнус глядел в пространство невидящим взором. Через некоторое время он обернулся к ней. — Часовые на башнях спят.

Гвен кивнула Роду.

Он вздохнул и потащился обратно к вороту. Способность к телепатии, безусловно, уберегает от множества дополнительных движений.

Опускающая решетка поднялась, подъемный мост опустился, и Род тоже чуть не опустился наземь. Он выпрямился, чувствуя боль во всех членах. День выдался длинный.

— Милорд? — высунулась в дверной проем голова Гвен. — Ты присоединишься к нам?

— Иду, — пробурчал он и побрел к дверному проему. Как ей удавалось по — прежнему выглядеть свежей и бодрой?

Они прошли через подъемный мост, как можно быстрее. В пятидесяти футах от замка Гвен оставила всю группу и загнала всех в тень большого камня. Высунув из-за него голову, она пристально посмотрела на замок. Охваченный любопытством Род тоже выглянул с другой стороны.

И увидел, как подъемный мост медленно подымается.

Пораженный, он метнул взгляд на Гвен. Между бровей у нее пролегла морщинка, нижнюю губу она зажала между зубами. Она была сильно напряжена — да и понятно! Деревянная плита весила, должно быть, с пол тонны!

Корделия бдительно следила, посматривая то на Гвен, то на мост. Наконец Гвен кивнула, и личико Корделии на секунду плотно сжалось. Затем Гвен со вздохом расслабилась. — Отлично, ты в самом деле закрепила ворот. А теперь выдвинь храповик на опускной решетке, милочка, но не до конца, не надо, чтобы она грохнулась вниз.

Корделия на несколько секунд сумрачно нахмурилась, пристально глядя на замок, а затем Род услышал приглушенный, глухой лязг. Корделия подняла взгляд на мать и кивнула. — Опушена.

— Отлично. — Гвен похлопала Корделию по плечу, и девочка просияла. Мама повернулась к Магнусу. — А теперь разбуди часовых, чтобы они подумали, будто всего лишь задремали и ничего плохого не произошло.

Магнус глядел в пространство невидящим взглядом довольно долго, так как он все-таки устал, а затем поднял взгляд на Гвен и кивнул.

— Отлично, — похвалила Гвен. — Пройдет по меньшей мере час, прежде чем очнуться другие; а мы давно исчезнем. Пусть себе ищут. — Она повернулась к Роду. — Нам лучше не терять времени.

— Согласен, — подтвердил Род. — Обеспечь, чтоб часовые смотрели несколько минут в другую сторону, хорошо? Иначе они обязательно увидят нас на этом склоне.

— Гм, — нахмурилась Гвен. — Чуть не забыла. Ну... — Она оставалась нахмуренной несколько минут. — Они думают, что слышат с севера призывные голоса. Не теряйте времени.

Род рванул по склону, закинув Джефри себе на плечи. Семья последовала за ним. Они остановились, тяжело дыша, в тени огромного дуба, стража лесного форпоста.

— Куда теперь? — спросила Гвен.

Род перевел дух и показал на юго-запад. — Туда к роще, где мы появились. После всех этих разговоров о твердыне Верховного Чародея на северо-востоке, они будут ждать, что мы направимся к нему. И не подумают, что у нас есть причина возвратиться обратно.

— А у нас есть?

Род пожал плечами. — Насколько я знаю нет, за исключением того, что я не люблю путешествовать ночью по совершенно незнакомой территории, особенно, когда спасаюсь бегством.

Гвен кивнула. — Мысль, как всегда, мудрая. Следуйте за отцом, дети.

ГЛАВА 14

Отец Ал цеплялся за метлу изо всех сил, костяшки пальцев у него побелели, а предплечья болели от напряжения. Сперва, полет на таком хрупком средстве казался головокружительным и утопительным, почти таким же как на собственной тяге; но взошло солнце и он взглянул вниз. Земля внизу со свистом проносилась под ним, верхушки деревьев тянулись вверх, норовя уцепить его за рясу. Желудок перевернулся, а затем прижался для безопасности к позвоночнику. С той минуты полет сделался чистым кошмаром. Он хотел думать, что слезы у него на глазах навернулись только из-за ветра.

— Вон, смотрите! — Крикнула ему, не оглядываясь, девушка. — Впереди, внизу!

Он вытянул шею, глядя ей через плечо. Примерно в ста метрах от них в роще обосновался большой коттедж, полудеревянный дом с соломенной крышей и двумя пристройками позади. Затем земля рванулась к ним, и отец Ал вцепился в метлу, как цеплялся за надежду попасть в рай. Окружающий мир метался то вверх, то вниз. Он стиснул зубы и с трудом сглотнул, стараясь не дать своему желудку использовать язык в качестве трамплина.

Затем, невероятное дело, они остановились, и его подошвы ударились о твердую землю.

— Прилетели, — улыбнулась ему через плечо ведьмочка. Затем ее брови озабоченно сдвинулись. — Вы здоровы?

— О, я в превосходном здравии! Или буду в скором времени. — Отец Ал перебросил ногу через помело и проковылял к ней — Опыт мне выпал

исключительный, дева, и я буду ценить его до конца своих дней! Премного благодарен! — Он повернулся оглядываясь крутом, в поисках повода сменить тему. — Итак. Где мне найти Верховного Чародея?

— В доме. — девушка показала на коттедж. — Если его нет, то его жена скажет, когда он вернется. Мне познакомить вас с ними?

— Значит ты их знаешь? — в удивлении спросил отец Ал.

— Конечно, почти все из ведовского племени знакомы с ними. — Она спешила, взяла метлу и повела его к дому. — Это люди добрые и скромные. Не подумаешь, что они числятся среди властей страны. — Они уже почти добрались до двери, по обеим сторонам от которой росли два цветущих куста. — Однако дети у них довольно озо...

— Стой! — раздался голос из кустов. — Кто идет?

Пораженный отец Ал круто повернулся к кусту. Затем, вспомнив сказанное девушкой, сообразил что в листве спрятался один из детей, вздумавший пошалить. — Доброе утро, — поклонился он. — Я отец Алоизий Ювэлл, явился сюда с визитом к Верховному Чародею и его семье.

— Тогда иди сюда, чтобы я мог изучить тебя получше. — потребовал голос, довольно глухой для ребенка. Но ведьмочка хихикала у него за спиной, и поэтому отец Ал держался прежнего предположения — один из детей. Следовательно нужно подыграть шутке — ничто не вызывает такой симпатии у родителей, как сердечность в отношениях с их ребенком. Он вздохнул и нерешительно приблизился к кусту.

— Чего же ты мешкаешь? — рявкнул голос. — Сказано тебе, подойди сейчас же ко мне!

Голос доносился сзади.

Отец Ал обернулся, снова анализируя ситуацию — в игре участвовало по меньшей мере двое детей. — Да я так и сделаю, если ты останешься на месте.

Девушка снова захихикала.

— Разве я виноват, если у тебя затуманены очи, и ты путаешь мое местопребывание? — голос доносился из куста чуть слева от отца Ала, дальше от дома. — Говорят тебе, иди сюда!

Отец Ал вздохнул и шагнул к кусту.

— Нет, сюда! — крикнул голос уже из другого куста, растущего подальше. — Пьяный бритоголовый, неужели ты не способен определить, где я нахожусь?

— Определил, если бы увидел тебя, — пробормотал отец Ал и терпеливо просеменил к этому кусту. Девушка, хихикая, перемещалась вместе с ним.

— Нет, вот сюда! — снова скомандовал голос из другого куста, справа от него и дальше от дома, — иди же, говорят тебе!

Тут у отца Ала начали появляться подозрения. Голос явно уводил их от дома и он начал думать, что это не детская шалость, а работа какого-то сторожа, не доверявшего незнакомцам.

— Нет уж, дальше я не пойду! Я шел туда, куда ты указал, и не раз, а несколько! Если желалось, чтобы я сделал еще один шаг, покажись сам. Тогда я буду знать, куда идти!

— Как тебе угодно, — пробурчал голос. Из-за куста вышла фигура дородного человека. На голове у него была выбрита тонзура, одет в коричневую монашескую рясу с маленькой отверткой в нагрудном кармане. Отец Ал уставился на желтую рукоять отвертки.

Девушка разразилась взрывом смеха.

— Разве ты не узнаешь меня, любезный? — грозно осведомился монах. — Ужель ты не преклонишь колен перед Аббатом своего ордена?

— Нет, не преклоню, — пробормотал отец Ал. Отец Коттерсон сказал, что Аббат направился в монастырь, в половине королевства отсюда. — Что ему делать здесь, да притом около дома Верховного Чародея? — Подозрения отца Ала усилились, поскольку все, что происходило, было похоже на сказку. Поэтому, насвистывая, он развязал веревочный пояс и снял с себя рясу. Ведьмочка ахнула, и отвела взгляд.

— Брат! — воскликнул возмущенный Аббат. — Вы разоблачаетесь перед женщиной?!?!... И что за одяние вы носите под рясой?

— Ах это? — пропел отец Ал, импровизируя григорианское песнопение — То всего лишь комбинезон, что носят католианцы. Он согревает меня зимой, и очень прочный. — Отец Ал продолжал насвистывать, выворачивая рясу наизнанку.

Голос Аббата принял угрожающий тон. — Что ты хочешь сказать своим поведением? Даешь понять, что встанешь на сторону короля против меня?

Интересно! Отец Ал не знал, что здесь возник старый конфликт между Церковью и Государством. — Да нет, сие означает, что... (он надел монашескую рясу изнанкой наружу и завернулся в нее)... что я желаю видеть все в истинном виде.

И прямо у него на глазах фигура Аббата заколебалась, поредела и растаяла, оставив коренастого человечка двухфутového роста, с курносым носом, загорелым лицом и большими глазами в коричневой безрукавной куртке, зеленных рейтузах и шапочке с красным пером. С гневом в голосе он обратился к нему. — Кто тебя надоумил, поп? — Взгляд затем переместился на ведьмочку. — Наверняка, не ты! Ведьмы и чародей всегда были мне друзьями!

Девушка покачала головой, открыв рот для ответа, но отец Ал опередил ее. — Да, хобгоблин. Книжки меня научили, что для развенчания чар надо всего лишь насвистывать или петь и вывернуть наизнанку куртку.

— Ты хорошо осведомлен об обычаях эльфов для последователя Распятого, — неохотно признал эльф. — Я то думал, что ты и твои собратья почти не признаете наше существование!

— Только не я. — У отца Ала закружилась голова. — Несмотря на рассказанное ему Йориком, он лихорадочно пытался вспомнить, что когда-то изучал. — Меня всегда увлекали рассказы о таких, как ты, поэтому я постарался узнать все, что только можно, о мирах мало известных.

— “Мирах? — эльф наострил заостренные уши. — Странное выражение. Какой-то поп думает,

будто существует какой-то мир помимо окружающего нас?

Отец Ал поймал себя на мысли, что он допустил оплошность. — В далеких царствах Философии...

— Не говорится ни единого слова о существовании таких же, вроде меня, так как сие против разума, — отрезал эльф. — Скажи-ка, поп, что такое звезда?

— Как что, огромный раскаленный газовый шар, который... — отец Ал оборвал себя. — Э, видишь ли, пишут о семи хрустальных сферах окружающих Землю...

— “Землю?” — странное выражение, ты, наверное, имел в виду “мир”. Нет, сначала ты высказал свои истинные мысли, удивленный вопросом от существа, вроде меня — и ты, конечно, мог бы рассказать мне о других мирах, вращающихся вокруг звезд, и о небесных судах, плавающих между ними. Разве не так? Я заклинаю тебя твоей рясой, поп, ответь правду. Разве ты не считаешь ложь грехом?

— Ну, считаю, — признал отец Ал. — И согласен с тобой: я и впрямь мог бы поведать тебе о таких чудесах. Но...

— И разве ты не прилетел именно на таком судне, из другого мира? — эльф внимательно наблюдал за ним.

Отец Ал посмотрел на него:

Эльф ждал.

— Да прилетел. — брови отца Ала нахмурились. — Откуда эльфу знать о таких делах? Тебе рассказал о них ваш Верховный Чародей?

Настала очередь эльфа быть застигнутым врасплох. — Слушай, что тебе известно о Роде Гэллогласе?

— Для вас он и впрямь могучий чародей, и если он честный человек, то будет отрицать это. И, как и я, прилетел с мира за небосводом. На самом деле он служит тому же Правительству Многих Звезд, которое правит мною. Он прибыл сюда тоже на корабле, плавающем в пустоте между звездами.

— Ты прав во всем, в том числе в отрицании
им своих чародейских сил. — Эльф прищурил глаза.
— Значит ты знаешь его?

— Мы никогда не встречались, — уклонился от
ответа отец Ал. — Теперь, когда я сообщил тебе
о том, что ты желал узнать, не окажешь ли ты
мне ответную любезность, и не скажешь, как могут
существовать эльфы?

— Да ясно как, — хитро отвечал эльф. — Точно
также, как существуют ведьмы. Тебе нетрудно
понять, почему на свете есть она, — он кивнул на
ведьмочку.

— Мне известно, что она такая же, как любая
другая отроковица, за исключением того, что Бог с
рождения одарил ее некоторыми особенными свой-
ствами. Я могу понять, что когда в этот мир
явились ее предки, в них тоже были задатки
сверхъестественных сил. Таким образом, по мере
того как поколения сменяли друг друга, женились
и размножались, то способности их все возрастали
и достигли значительного уровня.

— Именно так и считает Род Гэллоутлас, —
задумчиво проговорил эльф. — Да, ты безусловно
из царства породившего и его. Но скажи мне, если
такие браки в пределах одного народа могли
произвести на свет ведьму, то почему они не могли
произвести на свет и эльфа?

— Могли бы, конечно, могли бы, — задумчиво
кивнул отец Ал. — И все же, если бы было так,
то мое насвистывание и выворачивание рясы не
развевали бы твоих чар, точно как рассказывалось
в земной легенде. Нет, в тебе есть нечто большее,
чем смертная магия. Как ты возник?

— Ты слишком хорошо видишь, чтобы особо
нравиться, — вздохнул эльф, — отвечу тебе
правдой за правду. Я знаю, что эльфы рождены
лесом и землей, Дубом, Ясенем и Терном, ибо мы
пребываем здесь не меньше, чем они. Мне это
хорошо известно, так как сам я самый древний из
всех Древних Созданий!

Эта фраза вызвала цепь воспоминаний, и отцу
Алу внезапно вспомнился из детства “Пак из

Пукского холма. — Да ведь ты же Робин Добрый Малый!

— Верно говоришь, я тот самый лесной бродяга, шалый, — усмехнулся эльф, чуть напыжась от гордости. — Выходит я столь знаменит, что и за звездами все знают обо мне?

— Ну, во всяком случае, все с кем я знаком. — Отец Ал признался про себя в некоторой пристрастности. Ибо, наверняка, все знающие Пака должны быть добрыми малыми.

— Значит ты хочешь сказать, что мне следует доверять тебе? — озорно усмехнулся Пак. — Нет, не совсем так, так как узнали меня на свою беду. Признаться, ты не похож на злодея. Выверни свою рясу обратно и скажи мне, зачем ты ищешь Рода Гэллоутласа.

— Да я... вот так... — отец Ал снял рясу и снова вывернул ее на прежнюю сторону, приводя в порядок свои мысли. — Один кудесник минувшего века предвидел, что в наше нынешнее время с вашим Верховным Чародеем произойдет перемена, преобразование, которое сделает его могучей силой, к добру или к худу. Силой столь могучей, что окажет его влияние на все миры, населенные смертными. Тот древний кудесник записал это открытие и запечатал его в письме, дабы его вскрыли и прочли в наше время, чтобы своевременно помочь Роду Гэллоутласу.

— И склонить его, если можно, к добру? — дополнил Пак. — В том представлении, в котором вы его понимаете.

— А ты видишь в нем изъяны? — Отец Ал поднял подбородок и пристально взглянул на Пака, вспомнив про долгую вражду между христианским анклавом и эльфейцами, и ослаблении влияния фейри по мере роста авторитета Христа. Пак прожег его ответным взглядом, несомненно тоже зная все это и вновь анализируя проповедуемые клиром ценности.

— Нет, по правде сказать, не вижу, — признался наконец эльф. — В том случае, когда вы живете в согласии со своими проповедями. И все равно не сомневаюсь в добрых намерениях. Эльфы наде-

лены чутьем, умением распознавать доброту в смертном.

Отец Ал, передохнув, спросил. — Значит ты отведешь меня к Верховному Чародею?

— Отвел, если бы мог, — мрачно отозвался эльф, — но он исчез, и никто не знает куда.

Отец Ал стоял как вкопанный, борясь с возрастающим беспокойством, читая про себя молитву.

— Тогда допусти меня к его жене и детям, возможно, они знают причину его исчезновения.

Но Пак покачал головой — Они пропали вместе с ним, кроме одного, а он так мал, что не умект говорить.

— Позволь мне тогда взглянуть на него. — Отец Ал остановил Пака твердым взглядом. — Я поднабрался кое-каких знаний, любезный Пак, может быть мне удастся увидеть то, чего не увидел ты.

— Сомневаюсь в этом, — кисло отозвался Пак, — все же отвсду тебя к нему. Но будь осторожней, иннок — один признак угрозы ребенку и ты заквакаешь, запрыгаешь в поисках листа кувшинки, на каком сможешь сидеть и проведешь остаток своих дней, ловя мух липким длинным языком!

Он направился к коттеджу. Отец Ал вместе с ведьмочкой последовали за ним.

— Думаешь, он и впрямь мог бы превратить меня в лягушку? — тихо спросил отец Ал.

— Несомненно, — ответила с робкой улыбкой девушка. — И самые мудрые головы могут превратиться в ослиные, коли Пак возьмется за них!

Они прошли через дверь, и отец Ал остановился изумленный царившими в доме чистотой и уютом, ощущением комфорта и безопасности, исходившим от балок и грубо сложенных стен, от крепкого, простенького стола, лавок, сундуков, двух больших кресел у очага и полированного пола. Если б он смотрел на обстановку без эмоций, то она, наверняка, показалась бы ему спартанской — так мало тут имелось мебели. Атмосфера чистоты, любви и заботы окутала его настолько, что ему не хотелось уходить отсюда. Он предчувствовал, что ему обяза-

тельно понравиться жена Верховного Чародея, если ему повезет встретиться с ней.

Отец Ал оживился, увидев колыбель у очага, возле которой сидели две маленькие крестьянки. Это были — эльфессы! Они со страхом уставились на него, но Пак подошел, шепнув что-то, и они, успокоенные, отодвинулись. Пак жестом подозвал священника. Отец Ал подошел к колыбели и посмотрел на миниатюрного философа.

Иначе описать его трудно. У него было очень серьезное выражение лица, которое бывает у поворожденных, но этому ребенку от роду около года! Лицо у него выглядело более худощавым, чем положено младенцам, углы маленького рта опущены книзу. Волосы черные и негустые. Он спал, но у отца Ала сложилось впечатление, что ребенок встревожен.

Опечалилась и ведьмочка. Она безвучно плакала, по щекам у нее струились слезы. — Бедный малютка! — прошептала она — Разум его скитается, разыскивая мать!

— Даже во сне?

Она кивнула. — И я не могу сказать где он ищет, его мысли зашли в неведомые мне пределы.

Отец Ал нахмурился. — Как такое может быть? — Затем вспомнил, что ребенок слишком мал, чтобы обрести мысленные рамки, придающие человеческому разуму стабильность, но и ставящие ему пределы. Он обнаружил, что гадает, до какого предела могла дотянуться мысль этого маленького мозга, — и не вызовет ли такое напряжение безумие у человека во взрослом состоянии.

Он снова посмотрел на ребенка и обнаружил, что глаза у него открылись и казались огромными на этом крошечном личике. Они пристально глядели на него. Отец Ал ощутил пробежавшие у него по телу мурашки жути и понял, что это необычный ребенок. — Дитя, — выдохнул он, — если б я только мог остаться и наблюдать за каждым твоим движением!

— Нельзя, — отрезал Пак.

Отец Ал повернулся к эльфу. — Да, к большому сожалению, ибо мое дело касается отца, а не ребенка. Расскажи мне, как он исчез.

Пак нахмурился, словно генерал, спорящий сам с собой открывать или нет секретную информацию, а затем пожал плечами. — Рассказывать особо нечего. Джеффри — третий ребенок — пропал во время игры. Они вызвали Верховного Чародея с совещания короля и аббата. Отец узнал у старшего сына, в каком месте исчез мальчик, а затем шагнул туда сам — и исчез. Жена и другие дети в испуге побежали следом за ним и точно также пропали.

Отец Ал смотрел на эльфа, а мозг его пересбирал дюжину возможных объяснений. Тут, конечно, могли быть и чары, но отец Ал пока еще не мог отказаться от понятия рациональности. Искривление пространства или искривление времени? Маловероятно на поверхности планеты — но кто мог утверждать, будто это невозможно?

Затем он вспомнил про Йорика и его претензии на путешествия по времени. Может быть, может быть...

Он откашлялся. — Мне думается я должен увидеть это место.

— Последовать за ними? — с кислой улыбкой покачал головой Пак. — Думаю хватит и пятерых пропавших, любезный инок.

Отец Ал не думал о последствиях, но теперь когда Пак упомянул об этом он почувствовал жуткую уверенность — Нет, думаю ты сам объяснил все, — медленно произнес он. — Так как там, куда попал Верховный Чародей, возможно, и приобретет он Силу, о которой он не ведает. Я должен быть рядом, дабы наставить его в применении ее!

— Ты настолько сведущ в колдовстве, поп? — Пак так и излучал сарказм.

— Не в колдовстве, но в свойствах разной магии. — нахмурился отец Ал — Ибо я всю жизнь изучал это, чтобы научиться узнавать, когда смертный одержим демоном, а когда нет, и чтобы доказать как то, что кажется итогом колдовства, делается другими средствами. Изучая, я по необ-

ходимости многое узнал о всех известных смертным видах магии. Никогда я прежде не думал, что настоящая магия может существовать. То письмо, о котором я рассказывал, предупреждало нас, что Род Гэллоутглас приобретет магическую власть. И все-таки я по-прежнему думаю, что сила его окажется естественного происхождения, но редкая. И ему понадобится тот, кто покажет ему ее истинную природу, и проведет его мимо искушений к злу, которые всегда приносит великая власть.

— Я думаю Род Гэллоутглас едва ли нуждается, чтобы кто-то учил его добру, а если и возникнет такая надобность, то его жена несомненно справится с этой задачей, — но Пак все-таки почувствовал тень сомнения. — Я приведу тебя туда. А там уж — твоя забота.

Ведьмочка осталась в доме помочь, если сумеет, присмотреть за с ребенком. Пак повел отца Ала по лесной тропинке. Священник постоянно отмечал в какой стороне солнце, всякий раз, когда оно пробивалось сквозь листву, чтобы удостовериться, в каком направлении его ведут. Наконец, они вышли на луг. В ста метрах от них, легкий ветерок гнал рябь на озере, окаймленном немногими деревьями. Огромный черный конь поднял голову, увидев их, а затем зарысился прочь от водоема.

— То скакун Верховного Чародея, Векс. — объяснил Пак. — Если ты желаешь последовать за его хозяином, то должен сперва договориться с ним. — Когда конь подъехал к ним, Пак обратился к нему: — Привет тебе, любезный Векс! Разреши представить тебе доброго монаха, чей интерес к твоему хозяину кажется мне честным. — А потом попросил отца Ала: — Скажи ему, кто ты такой, любезный чернец.

Ну! Отец Ал слыхивал, что эльфы испытывали родственные чувства к глупым животным, но это заходило чересчур далеко! Тем не менее Пак казался искренним, и отцу Алу очень не хотелось обижать его.. — Я, отец Алоизий Ювэл, из ордена святого Видикона Катоцкого... — Померещилось ему или конь и впрямь наострил уши при упоминании имени доброго святого? Ну святой

Видикон обладал влиянием во многих самых странных местах. — Я явился сюда помочь твоему хозяину, ибо получил достоверные известия, что он может оказаться в опасности, независимо от того ведаст он о том или нет.

Конь смотрел на него с очень внимательным видом. Должно быть, это отцу Алу померещилось. Он повернулся к Паку — Ты не мог бы показать мне, где исчез Верховный Чародей?

— Вон там, — показал Пак, обходя Векса и идя к озеру. — Мы отметили место.

Отец Ал последовал за ним.

Большой черный конь шагнул в сторону, прогрожая ему путь.

— Вот этого-то я и боялся, — вздохнул Пак. — Он никому не позволяет приблизиться к этому месту.

Внезапно отец Ал почувствовал абсолютную уверенность в том, что он должен обязательно последовать за Родом Гэллоутласом. — Да! Никакой конь, несмотря на все его достоинства, не сможет помешать... — Он уклонился в сторону, путившись бегом.

Конь встал на дыбы, развернулся и опустился, стукнув оземь передними копытами как раз перед священником.

Пак тихо рассмеялся.

Отец Ал нахмурился. — Нет, любезный зверь. Неужели ты не понимаешь, что в интересах твоего хозяина? — Он отступил, вспоминая гимнастические упражнения в колледже.

Векс настороженно следил за ним.

Отец Ал рванул с места бегом, прямо на большого коня. Высоко подпрыгнув, он ухватился за переднюю и заднюю луку седла и перебросил обе ноги в боковом соскоке.

Векс протанцевал, описав полукруг.

Отец Ал приземлился, сразу припустив бегом — и обнаружил, что направляется напрямик к Паку. Эльф разразился хохотом. Отец Ал остановился и

повернулся кругом, сердито глядя на Векса. — Крайне необычный конь, любезный Пак.

— А ты чего ждал от лошади Верховного Чародея?

— Явно чего-то меньшего, чем он ждет от меня. — отец Ал подтянул пояс-веревку. — Но теперь я знаю его получше. — Он остановился, наблюдая прищуренными глазами за Вексом, а затем побежал прямо к коню и в последнюю секунду свернул влево. Векс тоже прыгнул налево, но отец Ал уже сделал зигзаг вправо. Векс с изумительной скоростью дал задний ход, подставляя свой бок священнику. Отец Ал нырнул ему под брюхо.

Векс сел.

Пак умирал от смеха. Отец Ал, спотыкаясь, выбрался из свалки, шатаясь словно пьяный. — Думается... возможно надо... сменить тактику.

— И я тоже так думаю, — усмехнулся Пак, уперев руки в бока. — И значит, попробуй вразумить по хорошему, поп.

Отец Ал, нахмурясь, посмотрел на него, вспоминая пристрастие Пака к розыгрышу. Пожал плечами и снова повернулся к Вексу. — Почему бы и нет? Ситуация и так выглядит настолько нелепой, что еще малость нелепости не повредит. — Он подошел к зверю. — Итак, послушай меня, Векс — твоему хозяину грозит большая опасность. Возможно я смогу ему помочь.

Векс покачал головой.

Отец Ал уставился на него. Если б он не знал, что это фантастика, то подумал бы, что конь его понял.

А затем нахмурился, — несомненно, тут просто случайное совпадение. — Мы получим письмо. Оно было написано тысячу лет назад человеком, давно умершим. Он предсказал нам, что в данное время и месте некий Род Гэллоутглас обнаружит в себе большую магическую силу, чем когда-либо знали смертные.

Конь двинулся в сторону и мотнул головой, словно зовя за собой.

Отец Ал посмотрел ему в след. А затем плотно зажмурил глаза, помотал головой. Но, когда он снова открыл их, конь все еще подзывал его.

Векс стоял у клочка голой земли, царапая по ней копытом. Отец Ал понаблюдал за этим копытом а затем почувствовал, как по всему телу у него пробежала дрожь, когда увидел что же нарисовал конь.

На земле образовалось написанное аккуратными заглавными буквами слово "КТО? "

Отец Ал поднял взгляд на коня и начал кое о чем догадываться. — Конь Верховного Чародея! И ты прибыл вместе с ним, с другой планеты, не так ли?

Конь уставился на него. Почему? А! Он же сказал "с другой планеты" Что выдавало его с головой. — Да я тоже с другой планеты, из Ватикана на Земле. А ты... — Священник молниеносно ударил коня по груди.

Она зазвенела: — "буммммммм".

А отец Ал подхватил "Уууу! " — и погладил отбитые пальцы.

Пак впал в истерику, катаясь по земле.

Отец Ал кивнул. — Очень убедительная искусственная конская шкура поверх металлического тела. И у тебя компьютер в качестве мозга, не так ли? — он пристально посмотрел на коня.

Векс медленно кивнул.

— Ну, понятно. — Отец Ал выпрямился во весь рост, упершись кулаками в бока. — Неплохо знать основной фон, не правда ли? А теперь позволь мне рассказать тебе все целиком.

И рассказал на современном английском. При упоминании Энгуса Мак — Арана Векс резко вскинул голову: у него явно уже бывали какие-то контакты с главным спецом по паутине времени. Поощренный отец Ал продолжил краткое изложение рассказов о своей встрече с Йориком, и при упоминании его имени Векс громко фыркнул. Ну, отец Ал тоже прореагировал на него в некотором роде именно так.

— Поэтому, если Мак-Аран прав, — закончил отец Ал. — то там, куда исчез Род Гэллоутлас, случится нечто такое, что пробудит в нем великую Силу, спавшую все время. Какой бы ни была

природа этой власти над магией, она может призвать его к злу, — и он даже не поймет этого. В конце концов, некоторые вещи кажущиеся правыми в определенную минуту — такие как месть — могут понемногу привести человека к духовному разложению и большому злу.

Конь мотнул головой и опять принялся царапать копытом. Отец Ал следил, зажав дыхание, и увидел как появляются слова: **ВЛАСТЬ РАЗЛАГАЕТ**. Он почувствовал облегчение: он достучался! — Да, именно так. Поэтому, ты понимаешь, священнослужитель рядом с ним может ему очень пригодиться. Но я больше, чем священнослужитель, я — антрополог, и всю свою жизнь изучал магию.

Векс резко поднял голову.

Отец Ал кивнул. — Да. Полагаю меня можно назвать магом-теоретиком; сам я не могу наложить ни единого заговора, но многое знаю о том, как это может сделать человек, обладающий магической Силой. Существуют неплохие шансы, что я смогу помочь ему вычислить, как использовать его новую Силу для возвращения сюда самого себя с семьей!

Но Векс опустил голову и снова зацарапал по земле: **И ЕЩЕ БОЛЬШЕ ШАНСОВ, ЧТО ТЫ ТОЖЕ ПРОПАДЕШЬ**.

Отец Ал вскинул подбородок. — Это уж моя забота. Я и сам мало верю случившемуся. Первый раз в жизни мне удалось чего-то добиться от компьютера. — Он молча послал короткую благодарственную молитву святому Видикону, и последовал за Вексом.

Черный конь остановился и выжидающе оглянулся. Отец Ал побежал, догоняя его, и замер, увидев выложенную на траве линию из камней — порог Врат — в куда?

Большой черный конь посторонился, ожидая.

Отец Ал посмотрел на него, сделал глубокий вздох и расправил плечи. — Тогда пожелай мне удачи. Возможно ты последнее разумное существо, какое я увижу за долгое-предолгое время. И не давая себе время подумать об этом, он шагнул вперед. Ничего не случилось, поэтому он сделал еще один шаг, и еще один, и еще...

и вдруг сообразил, что у деревьев серебряные стволы.

ГЛАВА 15

Гвен внезапно остановилась “Ш-Ш!”

— Разумеется, — любезно согласился Род. — Почему бы и нет?

— Да тише ты! Я улавливаю след чего-то, что мне не нравится!

— Погоня? — сделался серьезным Род.

Гвен, нахмурясь, покачала головой. — Там герцог Фойдин и он беседует; у меня возникает лишь ощущение того, с кем он говорит, и оно какое-то угрожающее. — Она опустила взгляд на детей — Вы почувствуете еще чего-нибудь?

Они покачали головами. — То не совсем человек, мама, — добавил свои наблюдения Магнус.

Уголком глаза Род заметил, что Элидор дрожит. Он взял мальчика за плечо. — Спокойно, мальчуган. Ты теперь с нами. — Он снова повернулся к Гвен. — Конечно самым умным будет подкрасться и посмотреть.

Гвен кивнула.

Род повернулся и пошел. Они молча пробирались между стволами в ослепительном лунном свете, отражавшемся от серебряной листвы. Минут через десять, Гвен прошептала. — Ощущение становится сильнее.

Род продолжал идти прежним шагом. — Значит они стоят у нас на пути. Беспокоиться о том, как избежать их, мы будем, когда узнаем, где они.

Вдруг они вышли из леса на вершине взгорка. Под ними, в естественной впадине, подымался невысокий холм. Вокруг него пылал свет, исходящий от сверкающих, двигающихся фигур.

— Эльфейский Холм! — ахнул Элидор.

— Ложись! — прошепел Род. И вся семья плюхнулась ничком в траву. Протянув руку вверх Род рванул наземь Элидора. — Если я оскорбил вас, то ненамеренно, Ваше Величество, — прошептал он. — Просто речь идет о безопасности. — Затем повернулся к Магнусу. — Ты, сказал, что картина мыслей не совсем человеческая?

Магнус кивнул: — Потому я не смог их разобрать, папа.

— Ты попал в точку. — Род сосредоточился, напрягая слух. — Тихо, по — моему мы можем разобрать, о чем они говорят.

Герцога Фойдина и его рыцарей было легко различать по тусклости. Они стояли в самом низу впадины, влево от Рода. Существо, стоявшее лицом к нему, было на голову выше и, казалось, светилось. Это был самый красивый мужчина, какого когда-либо видел Род. Плавность его движений, когда он переступал с ноги на ногу, указывала на мускулатуру и координацию, не доступную человеку. И он блистал. Казалось, так и пылал Его экстравагантный костюм, который не обладал никаким цветом. А имел лишь разные степени света. Лоб его окружала серебряная диадема, заткнутая за заостренные уши.

— Король Феерии? — прошептал Элидору Род.

Мальчик покачал головой. — На нем диадема, а не корона. Возможно какой-то герцог, если у них такие есть.

Руки эльфейского герцога скрестились. — Конечно! Мы уже слышали все и не нашли ничего важного. Это не причина для нас эльфейцев впутываться в войну смертных.

— И все ж подумай! — возразил герцог Фойдин, — ведь Верховный Чародей борется за дело Белого Христа!

— Также, как боролись последние две тысячи лет короли, — отозвался Фейри.

Две тысячи? Судя по средневековому виду, этой стране скорее лет восемьсот.

— Сперва священники были для нас угрозой, — добавил Фейри. — Угрозой было и Холодное

Железо появившееся незадолго до них, а мы устояли. Попы убедились, что не могут перечеркнуть нас, также, как и мы избавиться от них.

Герцог Фойдин сделал глубокий вдох. — Тогда я предлагаю цену!

— Чего может предложить смертный такого, что пожелал бы Фейри? — презрительно фыркнул эльфесц.

— Смертных кудесников, — не замедлил с ответом Фойдин. — Двоих — мужчину и женщину?

— Что нам, разводить их что ли? Нет, для пленных людей у нас есть применение, но от кудесников будет больше хлопот, чем пользы, ибо они всегда стараются выведать наши тайны.

— Детей.

Фейри застыл.

Рода пронзил ток чистой ярости, пришедший, казалось, откуда-то извне, от какого-то другого, пугая своей силой. Он слышал сказки о подмененных, пожилых эльфах, оставленных в колыбелях смертных, вместо унесенных эльфейцами красивых младенцев. История утверждала, что эльфейцы любили иметь рабов-смертных и предпочитали выращивать их сами.

Род догадывался, о каких детях думал Фойдин.

Фойдин увидел, что эльфейский герцог заинтересовался, поэтому пояснил: — Младенец, не достигший и года, я скоро заполучу его.

Род чуть не бросился на него. Этот гад говорил о Грегори!

Но ладонь Гвен прикоснулась к нему, и он попытался взять себя в руки. — Нет, конечно же не о нем; Фойдин и не ведал о существовании Грегори. Его даже не было в этом мире.

— Это единственное у смертных, что мы ценим, — медленно произнес Фейри — и все ж ради этого едва ли стоит сражаться. У нас есть способ добывать детей смертных, куда менее дорогостоящий, чем война.

И круто повернулся, зашагав прочь.

Герцог Фойдин уставился ему вслед, не веря своим глазам, с нарастающей яростью. — Подлый Фейри так и завизжал он — Ужель ничто тебя не тронет?

Эльфейский герцог остановился, а затем медленно обернулся, и воздух вокруг него, казалось, сгустился и засветился, выглядя хрупким, готовым сломаться. — С какой стати нам эльфейцам волноваться из-за дел смертных? — тон его был угрожающим. — Кроме, как для отмщения за оскорбление. Берегитесь, смертный герцог! Возможно ты добьешься войны, которую ищешь, но в ней народ Фесрии будет алкать кровь твоего сердца! А теперь, убирайся отсюда!

Герцог Фойдин стоял с побелевшими губами и трепеща, желая нанести удар, но чересчур боясь.

— Может ты сомневался в нашей силе. — Голос эльфейского герцога сделался вдруг медовым. — Тогда позволь нам показать тебе сколь легко мы приобретем все, что ты предлагал. — И его правая рука взметнулась вверх, быстро сделав круговое движение.

Внезапно тело Рода плотно обхватили невидимые веревки, прижимая ему руки к бокам, а ноги друг к другу. Он издал полный ярости рев, вызванный ужасом, а затем на рту у него распласталось что-то липкое. Гвен, дети, и даже Элидор, тоже оказались связанными по рукам и ногам, и с кляпами. Повсюду вокруг них из травы повыскакивали уродливые лесовики, топая в танце и визжа от восторга. Их шершавая одежда была похожа на кору деревьев; у них были огромные оттопыренные уши, широченные вислогубые рты, глаза-блюдца и бородавчатые носы — картошки. Самый рослый из них едва ли тянул на три фута.

— Всегда они приходят, подглядывать за нами! — кричали они.

— Большие и не видят нас, сторожей-спригганов!

— Отличный улов, спригганы! — крикнул им эльфейский герцог — А теперь принесите-ка их сюда!

Спригганы взывали от восторга, а затем толкнули его вниз. Небо и трава все кружили и кружили у него перед глазами, он скатывался по взгорку, а спригганы бежали рядом, вопя и ритмично подталкивая его, как ребенок катящий обруч. Его охватила паника, страх за Гвен и детей. А потом появилось ощущение какого-то сочувственного Присутствия, возмущение которого начинало расти вместе с гневом Рода.

Его подкатали с глухим стуком к ногам герцога. Гвен врезалась ему в спину, смягчая удары, когда по ней застучали дети.

Фойдин в ужасе уставился на них. — Элидор!

— Король? — заинтересовавшись поднял голову эльфейский герцог. — Великое достижение! Нам никогда не доводилось выращивать смертного короля!

Потрясенный Фойдин переметнул взгляд на него. А затем, поблсднсв и дрожа, прожег взглядом Рода. — Это подстроил ты! Ты привел к этому короля! Но... как? Что? Как ты добился? Я же оставил тебя под надежными запорами и стражей!

Род замычал сквозь кляп.

Эльфейский герцог презрительно кивнул. — Дайте ему говорить. — Спригган прыгнул вытащить Роду кляп.

— Ууууу! — липкий пластырь причинял боль, когда его срывали. Он поразмял губы, гневно глядя на герцога. — Вам следовало б знать, милорд герцог, что запоры и стража не могут удержать чародея, если он сам этого не желает. Ваши запоры открылись без прикосновения к ним человеческих рук, а все ваши стражники спят.

— Не может быть! — так и завопил герцог, его глаза расширились. — Такое может произойти только благодаря самой мощной магии!

Род кисло улыбнулся. — Будьте поласковей со своими гостями. И не надейтесь, что этот эльфейский герцог крепко меня держит. Ибо теперь нам с вами надо будет свести счеты. — Он снова ощутил прикосновение, помогающего ему духа, у которого, как и у него, нарастала ярость. — Ты

продал бы всю мою семью, чтобы добиться помощи от этого Фейри! Постарайся, чтоб мне никогда не выпало шанса оказаться с тобой один на один, потому что я без всякого труда применю свою магию! И этот ребенок... — теперь вдруг казалось, будто говорит не он сам, а то Присутствие — кто этот ребенок, которого ты хотел продать? Как ты завладеешь им?

Герцог отвернулся, дрожа, чтобы скрыть возникшее на его лице выражение страха.

— Не отворачивайся! — рявкнул Род. — Смотри мне в лицо, трус, и отвечай — чей это ребенок?

— В самом деле, останься, — прожурчал эльфейский герцог. — Или ты так просто возьмешь да бросишь своего короля?

— Король! — ахнул, резко оборачиваясь, Фойдин. — Нет, ты не можешь оставить его у себя, так как в таком случае рухнет моя власть! — он уставился на эльфейского герцога, раздавленный и парализованный, набираясь храбрости. А потом его рука метнулась к мечу.

Эльфейский герцог презрительно щелкнул пальцами, и Фойдин согнулся пополам от внезапной пронзительной боли, — Аaaaaаааа!

Гвен мигом воспользовалась подходящей минутой; меч Рода вылетел из ножен, рассек ему пути, а затем развернулся и перерезал веревки Гвен. Уголком глаза он увидел как маленький клинок Магнуса кромсает веревки ему, затем Род прыгнул на эльфейского герцога, повалив его, благодаря внезапности, перебросил его через колено, приставив к горлу кинжал. — Освободите мою семью, милорд или почувствуете в своих жилах холодное железо.

Но Магнус уже рассек пути брата и сестры, и они с Джефом сдерживали отряд спригганов, бросавших в них камни, но постепенно отступавших перед шпагами мальчиков. Гвен и Корделия пригнувшись, выжидали, когда отряд эльфейцев с криком бросится вперед, рассекая воздух светящимися клинками. — Давай! — крикнула Гвен, и в эльфейцев полетел град камней, оставляя на них синяки и переломы. Некоторые завопили и замеш-

кались, но большинство продолжали нажимать. Брошенные камни развернулись ударить их вновь.

Герцог Фойдин увидел тут возможность снискать милость и выхватил меч. — Нет, Теофрин, — крикнул он, преодолевая боль — Я тебе помогу! — и прыгнул вперед, обрушивая клинок на Рода.

У Рода не оставалось выбора; его меч вскинулся отразить удар, и Теофрин резко вырвался из его рук, словно те были резиновыми. Клинок герцога скользнул в сторону по мечу Рода, но эльфейский герцог Теофрин схватил Рода за правую руку, вскинул его над головой, раскрутил в воздухе и швырнул наземь, словно он был мешком со щепками. Род закричал, и крик этот превратился в вопль, когда он, ударившись, и почувствовал как что-то в нем сдвинулось. Плечо его пронзала острая боль. Сквозь вызванный ею туман, он с трудом поднялся на колени. Правая рука его висела, как плеть. Он увидел, как Теофрин направляется к нему с эльфейским мечом, хлещущим, словно змеиный язык.

Позади него герцог Фойдин и его люди неистово парировали удары клинков эльфейцев. Его попытка снискать расположение, оказав услугу, не сработала. Один придворный взвыл, когда клинок эльфа проткнул его. Из груди у него хлынула кровь, и он рухнул наземь.

А пляшущий клинок Теофрина все приближался. Род выхватил кинжал — что еще ему оставалось? Теофрин презрительно усмехнулся и сделал выпад. Род парировал, но эльфейский герцог рванулся, и Род чиркнул клинком кинжала по руке Фейри. Фейри завизжал от прикосновения холодного железа и схватился за раненную руку, выронив наземь эльфейский меч. Род, шатаясь, поднялся на ноги, и двинулся вперед. Лицо Теофрина исказилось в рычании, он выдернул левой рукой собственный кинжал.

— Папа! — прорвался сквозь шум боя вопль Магнуса. Род резко повернул голову и увидел своего первенца, распластанным на земле, борющимся с невидимыми путами. Над ним стоял высокий

худой фейри, лицо его осветила радость, когда он рубанул мечом лежащего.

Адреналин стремительно пробежал по жилам, и Род атаковал. Теофрин шагнул преградить ему путь. Род врезался в него, выставив вперед кинжал, и эльфийский герцог с воем ярости отскочил в сторону, кинжал из холодного железа чуть-чуть не угодил ему по ребрам. Затем плечо Рода попало противнику сына в живот, и рубящий удар прошел мимо, саданув его по болтающейся правой руке. Род взревел от боли, но схватил за рукоять и выкрутил меч из рук противника. И снова взвыл, меч оказался холодным и обжег его кожу, словно сухой лед; но он вцепился в него, бросившись на фейри и коя его. Меч врезался фейри в живот, и тот с воплем сложился пополам, растянувшись на земле. Род не задержался посмотреть умер ли тот. Он стремительно обернулся к сыну и увидел, что из плеча Магнуса хлещет кровь, когда тот попытался приподняться на локте. Невидимые узы сгинули вместе с фейри, чьи чары выковали их. — Магнус! — Род прижал к себе мальчика. — Что они с тобой сделали!

— Просто... порез... — выдавил из себя мальчик. Глаза его блуждали. — Не смог разбить его чар, папа... Странные... слишком сильные... — А затем он повис на руке у Рода.

Рода пронзил отчаянный ужас, когда он уставился на старшего сына. Этого не могло быть — он же полон жизни! Он не мог...

— Умер?

Горло ему кольнуло металлическое острие. Род поднял голову и увидел глядящего на него свещающимися, злорадными глазами Теофрина. — Умер, как умрешь и ты! Но не так быстро. Я вытяну из тебя все внутренности, смертный, за такое жестокое оскорбление, и набью туда вместо них горячие уголья, пока ты еще жив! Твоя жена будет у нас рабой и шлюхой, а дети твои рабами с ошейниками на шеях!

Рот его презрительно скривился. — Ты называешь себя чародеем? Будь ты им, бой вышел бы поистине королевский! Будь ты лордом Керном, то

наши эльфейские веревки рассыпались бы прежде, чем коснулись вас, а наши спригганы превратились в камень. Воздух вокруг вас заполнился бы холодным железом в тысяче обличей, а каждый твой шаг пробуждал бы звон церковных колоколов!

Тут Род услышал яростный вопль Гвен. Он взглянул в ее сторону и увидел, что она стоит на коленях прижимая к себе Корделию и Джефри. Она подхватила силой мысли три упавших меча, и те плеснули вокруг нее смертельный танец, отражая дюжину эльфейских придворных. Но клинки эльфов свистели все ближе и ближе...

— Они пока не покончили с ней, не наигравшись еще, — сказал Теофрин — Вот позабавятся с ней еще немного, а потом отобьют ее ведьмины мечи. А потом снова поиграют с ней и с ее детенышами. А когда закончат, и почувствуют желание помилосердствовать, тогда могут и убить их. — Глаза его засверкали холодным, самодовольным светом.

Род с ненавистью смотрел на него, страх за семью перекипел в гнев. Он впрыснул эту энергию в жгучее желание наполнить воздух сталью, зазвонить в церковные колокола — что угодно лишь бы изгнать этого гнусного фейри!

А под его яростью поднялось оно, то ощущение доброго, возмущенного присутствия, иного духа, чем его, успокаивающее его, но разящее со всей яростью Рода в одном сокрушительном ударе молота.

Вдали начали звонить колокол.

Еще ближе начал греметь другой колокол.

Затем к ним присоединился еще один, и еще на севере, востоке, юге и на западе — и все новые и новые пока, должно быть, не забили колокола во всех деревнях на много миль в округе.

Ему удалось! Он прорвался сквозь свой барьер, прорвался к Гвен, — и она заставила колокола зазвонить!

Эльфейский герцог в ужасе поднял голову, его свечение казалось померкло. Затем он откинул голову и издал яростный вой. Его подхватили со

всех сторон, весь его двор откликнулся эхом, все вокруг стало одним огромным воплем.

А затем, все еще вопя, они бежали. В кургане распахнулась дверь, и эльфейцы оторвавшись от земли, помчались к ней, словно несомые смерчем сухие листья.

Герцог задержался на миг. — Не знаю, какой магией вызвал это кудесник, все ж будь уверен, я отомщу! — А затем взмыл и унесся к кургану с долгим протяжным воплем гнева, который становился все тише и тише и оборвался, когда закрылась дверь кургана. Еще несколько минут из холма по — прежнему слышались вопли, приглушенные и отдаленные, а затем все стало тихо. Лунный свет разлился на мирный дол, позванивали на ветру серебряные листья, остался лишь крут примятой травы, показывавший, где танцевали эльфейцы.

Герцог Фойдин стоял, уставясь на эльфейский холм, а затем медленно обвел взглядом дол, пока его глаза не остановились на Роде. Он прищурился, затем по лицу у него расплылась злорадная усмешка, затем он двинулся вперед.

Род медленно положил тело Магнуса и поднялся, пошатываясь, на ноги с кинжалом наготове.

Гвен обернулась и увидела это. Тогда она переместила взгляд, разыскивая упавший меч Рода. Тот поднялся с земли и закружил в воздухе рядом с ним, нацелив острие на герцога Фойдина. Сквозь заполнившую его печаль, Род почувствовал утешение от ее поддержки. — Если кто умрет, милорд, первым будете вы.

Герцог и его подручные остановились, усмешки исчезли. Глаза Фойдина следили за парящим мечом Рода, потом за его кинжалом. Увидев его болтающуюся руку, он провел языком по губам и приказал: — Отдайте моего подопечного и племянника.

— Он пойдет со мной, — процедил сквозь зубы Род.

Лицо герцога потемнело. Он оглянулся на своих людей, а те переглядывались друг с другом. Руки

нащупывали рукояти мечей, но они бросали тревожные взгляды на Рода.

Гвен шепнула Корделии, и девочка пристально посмотрела на меч. Гвен перевела взгляд на трехфутовой высоты валун в пятидесяти футах от герцога. Тот дрогнул, затем покачивнулся и потом начал опрокидываться, покатился, переворачиваясь, все быстрее и быстрее, прямо на герцога и его людей.

Придворные в страхе бежали. Герцог задержался, чтобы бросить ядовитый взгляд на Рода, а потом тоже убежал. Род глядел им вслед горящим взором.

Вдруг послышался слабый звук. Род упал на землю рядом с неподвижной фигурой Магнуса. — Гвен! Быстро!

И она очутилась рядом и в ужасе уставилась на сына.

Род прижал большой палец к запястью Магнуса. — Пульс еще есть...

— Дети, быстро! — резко скомандовала Гвен, — Кивер — четыреххлестник, красную вербену и зверобой! — нагнувшись, она распахнула Роду камзол и содрала с раны повязку с растениями. — Сгодится, пока они не найдут свежих! Она нужна сейчас! Род скривился от боли и смотрел, как она распахнув камзол Магнуса, прижала припарку свежей стороной к ране. — Ах, если б только действовали рифмованные заговоры!

Это, казалось, разумным, во всяком случае гармонизировало со всем случившимся здесь. Родом овладело странное головокружение, а с ним опять пришло ощущение строгого, но доброго присутствия. Рот у него открылся, и он обнаружил, что произносит нараспев:

*Подымайся кровь красна,
Жизнью жилы наполняя;
Затворяйтесь раны все,
яд эльфийский исторгая!
Сила фейри унялась,
живо власть свою теряя;
Воин встань, приветствуй день,
и живи забот не зная.*

Гвен метнула на него признательный взгляд.

Его правая рука произвела великолепный поворот, и что-то щелкнуло. Род, охнув от боли, схватился за плечо. — Аааа... аййй! — он хватанул воздух открытым ртом и с трудом сглотнул. Дол поплыл у него перед глазами, а затем остановился, и боль постепенно претупилась.

— Милорд! Что тебя мучает?

— Ничего теперь, — Род, дивясь, помассировал плечо. Он пошевелил рукой, та одеревенела, но действовала. — Да ладно про меня! Как Магнус? — Он опустил взгляд и увидел, что к лицу мальчика возвращается цвет. Гвен уставилась на него, а затем медленно спыла припарку. Под ней, только слабая красная линия отмечала след от меча. Род едва расслышал ее шепот: — Он исцелился! Она вскинула голову, пристально глядя в глаза Роду. — Где ты научился этому заговору?

Род медленно покачал головой. — Просто пришел на ум... Э — ведь это ты зазвонила в церковные колокола, не правда ли?

Не отрывая от него взгляда, она отрицательно покачала головой.

Они молча стояли на коленях, смотря друг на друга.

Затем Род отвел глаза. — У меня было ощущение, будто мне помогает... нечто... какое-то... некий...

— Дух? — тихо спросила Гвен.

Род пожал плечами — Не знаю как назвать... Магнус застонал.

Они оба склонились над ним, затаив дыхание.

Он приподнялся на локтях, хмурясь и моргая. — Папа... извини...

— Извинить? За что?

— За то что... мне пришлось позвать на помощь. Понимаешь... там была мощнейшая магия. С одной силой я бы справился, но... она была странной, непохожей на любую, с какой я имел дело раньше.

Род встретился взглядом с Гвен. — Это имеет смысл: какую б там магию не применяли эти эльфы, она вероятно не псионическая. Что это вообще за место?

— Я думаю, такое, где истинно царит магия. Ты же исцелил своего сына рифмованным заговором, не так ли?

— Ну, да — но слова всего лишь сфокусировали совершившую исцеление силу.

У Гвен расширились глаза. — Ты обладаешь такой силой?

— Ну, в то время она была во мне. — Род нахмурился. — Тот “дух”, о котором я тебе говорил. Или может это все-таки я... Ну, не имеет значения. Он снова посмотрел на Магнуса. — Насколько ты здоров, сынок?

— Я чувствую себя одеревенелым, но сильным, как всегда. И прежде, чем они смогли остановить, Магнус перевернулся на колени и встал. Он сделал несколько испытующих шагов, а потом кивнул. — Я чувствую себя усталым, папа, но я здоров.

Род испустил вздох облегчения. — Ну, какая б магия не совершила это, я целиком за нес!

— И все же, чем она была, на самом деле? — гадала Гвен — Или... чьей?

— Я не уверен, что хочу знать ответ, — медленно произнес Род. — Пошли, давай убираться отсюда. Как только герцог Фойдин вернется в замок, по пятам за нами бросится целая армия.

ГЛАВА 16

Изменились не только деревья, но и время дня. Когда отец Ал шагнул мимо Векса через линию камней было утро, а здесь была ночь, с проступающими сквозь блестящую листву лучами лунного света. Он затаил дыхание при виде красоты этой лесной поляны. Да. Здесь может быть магия.

Затем он вспомнил о своей миссии и огляделся в поисках каких-либо следов Гэллоутласов. Лесной ковер из липайника был основательно утоптан, здесь, наверняка, прошло много людей. Нагнувшись поближе, он сумел различить отпечатки маленьких и больших ног, наверняка, Гэллоутласы и их дети. Он выпрямился и огляделся кругом, сразу же увидел два уходящих от него следа, маленький и широкий. Подумав, он решил, что маленький след оставлен предварительной вылазкой, а широкий — всей семьей, двигавшейся вместе. Идти по этому следу оказалось легко — палую и лежалую прошлогоднюю листву разворошили, прутья поломали, а маленькие растения затоптали. Значит он не намного отстал от них, не больше, чем на сутки. И если он поспешит... Он отправился за ними, по освещенной луной проторенной тропинке.

Он прошел примерно двадцать шагов, прежде чем случайно поднял взгляд и увидел на стволе зарубку.

Он остановился, обрадовавшись. Какие они внимательные, оставляют ему такой четкий след! Конечно же, предназначали они его не для него — откуда им знать, что кто-то последует за ними? Они несомненно хотели знать, что смогут найти обратный путь к точке, где появились; она являлась,

надо полагать, единственным местом, где этот мир соединялся с их собственным.

Мир?

Он огляделся кругом, соображая. На Земле никогда не росло серебряных деревьев, как и на любой планете, о какой он когда-либо слышал. Доказательство едва ли решающее, но все же... Закралась холодящая мысль, что он, возможно, даже не в своей вселенной, и ему в первый раз пришло в голову, что следует беспокоиться о том, как попасть обратно домой.

Любопытное дело, никакого беспокойства он не испытывал. Если Бог захочет, чтобы он вернулся на Грамарий или на Землю, то Он несомненно предоставит средства. А если Он не захочет, ну, отец Ал давным-давно решил выполнять ту работу, какую ни пошлет ему Бог, где бы она не оказалась. Смерть на родной планете не имела большого значения, по сравнению с выполнением воли Божьей.

Поэтому он бодро зашагал меж лесных деревьев, идя по следу зарубок и, насвистывая, — и не просто от хорошего настроения.

Он вышел на берег реки и посмотрел в обе стороны, высматривая деревья с... Какие там зарубки! Ничего! Ни одного отмеченного ствола!

Ну, конечно, возвращаться-то они будут вдоль берега реки; они будут знать, в каком они шли направлении. Для ориентации хватало и самой речки. Им нужно лишь знать, у какого дерева сворачивать снова в лес.

Вот тут возникла непростая задачка. В какую сторону они пошли? Налево или направо? Вверх или вниз по течению?

— Какая приятная встреча при лунном свете, красивый незнакомец.

Она поднялась из воды, темные волосы переливались у нее на плечах, прикрывая груди — и прикрывали их только они. У нее были большие, раскосые глаза, маленький нос, но широкий рот с полными, красными губами и очень бледная кожа. — Как я счастлива, — промурлыкала она, — что

нашла господина, способного поухаживать за мной. Она вышла к нему из воды. Когда она поднялась вокруг ее бедер обвился, отдавая символическую дань скромности, водяной кресс. Отец Ал сумел силой вернуть свой взгляд к ее лицу, чувствуя в своем теле реакцию, напомнившую ему, что священники тоже люди. Он облизал губы и пробормотал: — Приветствую вас, Леди Вод.

— Я не леди, — прожурчала она — А шалунья, жаждущая выполнять приказания смертного мужа, — она обвила ему руками шею и прижалась к нему всем телом.

Это противоречило всем требованиям, которых желало его тело, но отец Ал мягко, но твердо высвободился из ее объятий и прижал ей ладони друг к другу у себя перед грудью, вынуждая ее тело отстраниться от его. Она в удивлении уставилась на него. — Как так! Не отрицай будто ты не хочешь меня!

— Хочу, — признал отец Ал — но сие было бы неправильным. Он взглянул на ее пальцы и заметил между ними крошечные, рудиментарные перепонки.

— Неправильно потому, что ты смертный, а я нимфа? — расмеялась она показывая безупречные, очень белые зубки. — Полноте! Это делалось часто, и всегда к восторгу мужчин!

Да, к восторгу! — Но отец Ал вспомнил кое-какие древние легенды о том, как соблазнение водяной девой приводило к смерти. А, если это не получалось, то к возрастающему отчаянию, что обязательно рвало душу смертному любовнику. Он уцепился за эти воспоминания для придания себе сил и объяснил. — Такого не должно быть. А то, что я человек, а ты нет, имеет к этому небольшое отношение. Видишь ли, девушка, если ты расточаешь милости своего тела там, где тебя только вожделеют, а не любят, то нарушаешь свою нетронутость.

— Нетронутость? — улыбнулась она, видимо забавляясь его словами — Такие слова только для смертных, а не для эльфов.

— Огнюдь, — строго поправил ее отец Ал. — Слово это означает целостность, целостность твоей души.

Она рассмеялась, ослепительным водопадом звуков. — Да ты, наверное, шутишь! У эльфийцев же нет бессмертных душ!

— Значит есть личности, — отец Ал разозлился на себя из-за забывчивости. — Самоотождествление. Самая суть тебя, то, что делает тебя неповторимой, особенной — не совсем такой, как любая другая, бывшая на свете нимфа.

Она стала серьезной. — По — моему ты не шутишь.

— В самом деле, не шучу. Твое самоотождествление, девушка, твое истинное “я”, сокрытое ото всех и известное только тебе самой, и есть то, чем ты являешься в действительности. Оно основано на тех немногих принципах, в кои ты искренне и глубоко веришь — верования, какие по-прежнему останутся на дне, в основании твоего “я”, если напрочь убрать все манеры и стили поведения.

— Ну в таком случае, — улыбнулась она — я шалунья-нимфа, ибо в самой глубине моего “я” находится самый главный мой принцип — половые наслаждения. — И снова попыталась обвить руками его шею.

Эти истории отец Ал уже слышал раньше и не только от русалок. Он твердо удержал ее руки и смотрел пристально ей в глаза. — То, о чем ты говоришь, лишь оправдание, и оно никуда не годится. Какой-то мужчина глубоко ранил тебя, когда ты была молода и нежна. Ты открыла перед ним свое сердце, позволив ему вкушать твое тайное “я”, открыла также и свое тело, что казалось вполне естественным.

Она потрясенно уставилась на него, а затем вдруг рванулась, пытаясь вырваться на волю, — Я не стану больше тебя слушать!

— Станешь, — строго сказал он, крепко держа ее за запястья. — Ибо юный воздыхатель, насытившись тобою, удрал и забрал с собой часть твоего тайного “я”. А потом весело пошел своей

дорогой, посмеиваясь над тобою. А ты заблудилась в печали и боли, так как он вырвал часть тебя, которую никогда нельзя будет вернуть на место.

— Смертный, — так и возопила она, — ты с ума сошел? Я же нимфа!

Это отец Ал уже слышал. — Не имеет значения. Никогда не возникало мыслящего существа, могущего разрывать на мелкие кусочки свое тайное “я” и бросать их прохожим; ты таким образом постепенно раздать все свое тайное “я”, пока ничего не останется, и ты перестанешь существовать. Останется только ходячая оболочка. Это происходит всякий раз, когда ты открываешь свое тело тому, кто тебя не любит и тому, кого не любишь ты. Все это нарушает цельность твоего тайного “я”. Мы так созданы, что наши внутренние “я” и тела неразрывно соединены меж собой, и когда открывается одно, должно открыться и другое. Поэтому, когда ты открываешь свое тело, держа закрытым свое тайное “я”, то нарушаешь цельность своего “я”.

— Я тысячу раз проделывала это, — фыркнула она — и все же внутри я цельная!

— Нет, неверно. Всякий раз исчезал крошечный кусочек тебя, хотя ты упорно старалась не замечать.

— Нет, неправда — ибо у меня в природе отдавать свое тело и сохранять нетронутым свое “я”! Я ведь нимфа!

— Это не слабое оправдание, впервые придуманное тобой, когда у тебя в первый раз разорвали твое тайное “я”. Ты тогда сказала себе: “Это не имеет значения, меня не трогает. У меня природа отдавать свое тело, а не душу, мое единственное истинное желание — наслаждение.” — Чтобы доказать самой себе, ты стремилась сойтись с каждым подвернувшимся мужчиной, и каждый раз тебя рвали вновь и тебе требовалось вновь оправдывать случившееся желанием наслаждений с большим неистовством, хотя знала в глубине души, что это не то, чего бы тебе хотелось.

— А тебе-то что? — сердито спросила она. — Почему ты читаешь мне проповеди? Почему ты заставляешь меня слушать, когда я отворачиваюсь?

Разве не из-за собственного оправдания, жаркой похоти, что бушует в тебе при виде меня?

Осторожно, — подумал отец Ал. — Да, так. Но разве мое оправдание вредит тебе? Или мне?

Она нахмурила бровки, вглядываясь ему в глаза. — Нет... мне нисколько. И все же тебе, по — моему, это вредит, потому что для тебя было бы куда естественней схватить меня и сойтись со мной буйно и самозабвенно.

— Ты видишь меня насквозь, — признал отец Ал. — Хотя это и естественно, но неправильно, так как будет оторвана часть меня, равно как и часть тебя. — Он вздохнул — По мнению мужчин, женское “я” может быть растерзано спариванием одной почки, в то время, как мужскому “я”, такая участь не грозит, но это только мнение. Мы тоже созданы единым куском, тело и душа столь хитро соединены друг с другом, что мы не можем отдать одно, не отдав другого. И нас тоже может растерзать первое спаривание с той, которая не любит. Но и мы пытаемся иной раз отрицать, стараясь переспать со всеми девицами, с какими удастся. Вот так и родилась легенда о мужской мощи. Души многих молодых были растерзаны беспорядочными связями, проистекающими из таких вот соображений, что по существу являются призраком. Если б молодые люди сказали правду, то признались, что удовольствия весьма сомнительны, так как спаривание без любви, когда наслаждение переходит в экстаз, на самом деле превращается в пепел и отдает желчью.

— Я думаю, — медленно проговорила она — что ты говоришь так из-за боли, которую сам познал.

Он печально улыбнулся. — Все молодые люди совершают одни и те же ошибки. Многие ступают на дерн, прикрывающий ловчую яму, как бы их не предупреждали о беде старшие. И я был некогда молод, и не всегда носил рясу.

Вдруг ее глаза расширились от ужаса. Отпрыгнув назад, она окинула его одним быстрым взглядом с ног до головы и прижала ладони ко рту. — Ты — монах!

Он улыбнулся. — Ты видела лишь, что я мужчина?

Она кивнула.

— Если б ты внимательно посмотрела, то поняла, что я гуляю по берегу речки не в поисках удовольствий.

— Нет, это совсем необязательно, — нахмурилась она, — я знала. Нет, неважно. Если ты пришел сюда не развлекаться, то зачем?

— Я ишу тут одного мужа, жену и трех детей, — медленно проговорил отец Ал. — Они вышли некоторое время назад из этого леса, пока светило солнце. Ты случайно не видела их?

— Видела, — медленно отвечала нимфа, — они разбудили меня после дневного сна: малыши сильно шумели.

— Понимаю. — Отец Ал читал проповеди в семейных церквях. — Ты не могла бы сказать, в какую сторону они направились?

Она покачала головой. — Я видела их недолго. Успела только заметить, что с ними женщина, очень красивая. Это воспоминание, кажется, раздражало нимфу. — Я не возымела никакой надежды на удовлетворение, хотя мужчина и мальчики были милостивые, поэтому снова отправилась в свою водную постель.

— Пропади все пропадом! — отец Ал стиснул кулак. — Как же мне определить, в какую сторону идти?

— Если дело столь важно для тебя, — медленно проговорила нимфа — то, может, я сумею помочь. Ты посиди здесь и подожди, а я быстро поплыву по речке и поищу их следы.

— Тогда сплавай же! — выкрикнул отец Ал. — Вот то, что надо! Ну, спасибо тебе, девушка! Да благословит тебя...

— Умоляю тебя, остановись! — подняла руку нимфа. — Прошу тебя не называй своего Божества! Побудь здесь, я поищу. — Она нырнула в воду и пропала.

Отец Ал посмотрел ей вслед, а затем вздохнул и осторожно опустился на речной берег. Он уж

не так юн, как раньше. Но в некоторых отношениях все еще достаточно молод для удовольствий, а? Он гадал, будет ли от его настойчивой лекции какой-то прок, запомнит ли ее нимфа. Вероятно нет. Когда дело касалось секса, молодежь ничему не способна научиться, а девушка была вечно молодой. Но с ее стороны было очень любезно предложить ему помощь или это послужило лишь удобным предлогом убраться подальше от болтаивого старика?

С этой мыслью он сидел, как на иголках, напряженно гадая, соизволит ли нимфа хотя бы вернуться.

Вдруг вода перед ним с шумом расступилась, и из нее поднялась нимфа, отбрасывая с лица волосы. — Они идут, любезный монах. Возвращаются вверх по течению берегом реки. — Она показала где, — хотя и не могу сказать почему.

— Тысячу тебе благословений! — воскликнул, стремительно вскакивая на ноги, отец Ал. Нимфа в ужасе ахнула и с плеском исчезла.

Отец Ал уставился на широкие круги ряби, прикусив язык от испуга из-за своего ложного шага. Ну, она несомненно поймет, что он просто увлекся, и припишет ему добрые намерения.

Затем он повернулся, готовясь идти. Нимфа уже отступила на второй план. Он нырнул в росший вдоль берега подлесок, направляясь обратно в лес, вниз по течению и, волнуясь при мысли, что он встретится, наконец, с Гэллоутласами.

ГЛАВА 17

Они путали след по серебряному лесу, полагаясь на чувство направления Гвен, пока не вышли на берег озера. Род облегченно вздохнул. — Ладно, в воду. Если нас выслеживают с гончими, то нам нужно оборвать след. — Он уж собирался прыгнуть в воду, когда заметил, что семья не решается последовать за ним. — Эй, в чем дело? Прыгаем в воду!

— Милорд, — деликатно сказала Гвен. — неплохо бы вспомнить про Эйк Уисги...

— Чего про него вспоминать? Он мертв!

— Да, но он мог быть не один. Мы мало знаем об этой стране...

У Рода вдруг тоже пропало желание вступить в воду. — Э... как насчет этого, Элид... э, Ваше Величество? Водятся в воде другие недружелюбные зверушки?

— О, да! — не замедлил подтвердить Элидор. — Водятся ФУАТАНЫ всех видов и обличий! Ракушкошкурые, ПЕЛЛАДЫ, ФИДЕГЛЫ, УРИСКИ, МЕЛУЗИНЫ...

— Э, думаю этого хватит, — перебил Род. — Рискнем оставить след гончим.

Они двинулись по берегу озера. Идти тут можно быстрее, деревья не подступали к самому краю воды. Оставалась тропа, по меньшей мере, в два фута шириной.

— Кажется мы попали в страну с довольно странным населением, — признался Гвен Род.

— В самом деле, — согласилась она. — Я слышала о фейри и некоторых духах, упомянутых

Элидором, — но многие совершенно незнакомы. Можем ли мы находиться на Грамарисе, Род?

Род пожал плечами. — Разумеется. При населении, состоящем из скрытых телепатов, способных убедить ведьмин мох принять любую форму, о которой они вместе думают, и при тысяче лет тренировки, кто может знать, что тогда появиться?

— Я не могу себе представить, чтобы эльфы исчезли, — указала Гвен, — и некоторые виды магии, о которых упоминал эльфейский герцог. Ни одна ведьма или чародей в Грамарии не обладают такими свойствами.

— Верно, — признал Род, — по обоим пунктам. Вербки спригганов — это нечто новое, также как и умение заставить их рассыпаться до того, как они коснутся Лорда Керна. И все же я могу объяснить способ сделать это при помощи телекинеза. Но вот превратить эльфейцев в камень? Нет, это действительно нечто новое, если он говорил предметно.

— А если мы все — таки на Грамарие, — тихо произнесла Гвен — То где мы?

— Хороший вопрос. — Род поднял взгляд на звездное небо над озером. — Можем быть, где угодно, милая. Машина времени Мак-Арана служила не только для перемещения во времени, но и передатчиком материи. Полагаю, мы можем находиться на любой планете, около любой звезды во вселенной. — Он нахмурился, глядя, на небо. — Хотя, если поразмыслить, в этих созвездиях есть что-то знакомое... — Он покачал головой. — Не могу определить что. Но я знаю, что видел уже такое расположение звезд!

— Небо тут не грамарийское, — тихо сказала Гвен.

Род умолк. А затем медленно покачал головой. — Да, милая, Не наше.

Несколько минут они шли молча, взявшись за руки и переводя взгляд с неба на землю. Дети уловили мысли Гвен и столпились поближе, чтобы быть в безопасности. Элидор, оставшись в одиночестве, много не понимал.

Гвен протянула руку и привлекла его к остальным. — У меня есть подозрение, что здесь мало людей, наделенных хоть какой-то Силой. Поэтому едва ли это наш остров Грамарий.

— Да, — сумрачно подтвердил Род. — Нам не встретился даже самый завалящий теленок. Правда, я и не привык к тому, чтоб слышали мои мысли... — Он задумчиво спросил Гвен. — Странно, не правда ли? Когда я впервые появился на Грамарий, ведьмы королевы читали мои мысли, но к тому времени, когда я встретился с тобой, их никто уже не мог прочесть. — О, в самом деле? — раздался у него за спиной мягкий баритон. — Это интересно!

Род круго обернулся.

К ним пробирался через кустарник инок в коричневой рясе, подпоясанный черной веревкой. От его тонзуры отражался лунный свет. — Вам приходит на ум что-либо, способное вызвать такой эффект?

— С ходу нет, — медленно отозвался Род. — Вы меня простите, но я замечаю, что вы говорите не совсем так, как остальное местное население.

— Неудивительно, ведь я не от мира сего, — чернец протянул руку. — Отец Аллоизий Ювэлл, к вашим услугам.

— Надеюсь, что так. — Род изучал лицо стоявшего перед ним человека. Это был полноватый монах с честными глазами и твердым ртом. Что-то и в нем вызывало симпатию и у Рода возникло к нему теплое чувство. Он пожал руку отцу Ювэллу. — Рад с вами познакомиться. — Тут он заметил в нагрудном кармане священника крохотную желтую отвертку. — Вы католиканец!

— Разве это удивительно? — улыбнулся отец Ювэлл. — Я же вам сказал, что я не с этого мира.

— Или с соседнего? — не мог не улыбнуться Род. — С какого же?

— Первоначально с Мак-Корли, но последние двадцать лет я прожил на Земле, в Ватикане. За исключением, конечно, поездок в беспокойные места, такие как Грамарий.

— Грамарий? — удивился Род. — Так значит вы явились сюда тем же путем, что и мы?

— Да, не буду скрывать, это оказалось не очень-то легко! Почти месяц я летел с Земли, только для того, чтобы встретиться с вами. А когда прибыл на Грамарий, то обнаружил, что вы только-только отбыли! Не очень-то гостеприимно с вашей стороны, сэр.

— Сожалею, но с вашей бронью получилась накладка. Извините за любопытство, мне трудно предположить, что Ватикан даже слышал обо мне, не говоря уж о том, чтоб интересоваться мной?

— Так оно и было, пока папа не вскрыл письмо, дожидавшееся в подземном хранилище примерно тысячу лет.

— Тысячу лет? — Род быстро произвел в уме вычитание.

— Кто знал обо мне в 2000 г. н. э. — Затем его осенило. — О. Нет. Только не Мак-Аран.

— А, я вижу вы встречались! Да, оно пришло от доктора Энгуса Мак-Арана. Он уведомил папу, что Род Гэллоуглас с Грамария является потенциально самым могущественным из всех когда-либо рожденных кудесников.

Гвен ахнула.

Дети замерли.

Род плотно зажмурил глаза и быстро мотнул головой. — О, нет, только не опять! Этот тощий старый су... — Он вспомнил о детях и сделал глубокий вздох. — Боюсь, что это артель “Напрасный труд”, отец. Я никогда не проявлял ни малейших магических способностей.

— Он же сказал “потенциально”, — напомнил отец Ювэлл, — и я нахожу вашу внезапную телепатическую блокаду крайне интересной — О, да, я верю, что телепатия действует, особенно с тех пор как посетил Грамарий.

Род улыбнулся. — Встретили кого-нибудь из наших ведьм, да?

Отец Ал поморщился. — Только одну и эльфа. На самом-то деле я предпочел бы, если вы не против, называть ваших “ведьм” эсперами.

“Ведьма” — понятие сверхъестественное, а в псионических способностях нет ничего метафизического. Да, кстати, я видел вашего младшего.

— Грегори! — Взор Гвен приковался к священнику.

— Как он там, любезный отец?

— Заверяю вас, сударыня, очень хорошо, — успокаивающе сказал отец Ал. — За ним присматривают две старых эльфессы, а теперь им помогает и юная ведьма, доставившая меня к нашему дому. Дверь охраняет сам Пак.

Род улыбнулся, чувствуя, как тяжесть упала с плеч. — Ну, раз он там, то никакой враг не сможет даже приблизиться к двери.

— Он неспокоен? — встревоженно спросила Гвен.

— Внешне нет. — нахмурился отец Ал. — На вид он очень тих. Но та юная ведьма прочла его мысли и сказала мне, что разум его беспрестанно ищет вас, даже когда он спит. Удачно вы его назвали — “Грегори”, сторож, часовой.

Но Гвен его больше не слушала; глаза у нее потеряли фокус, когда ее мозг принялся зондировать. Внезапно она ахнула. — Я чувствую его прикосновение!

— Через время? — воскликнул Род. А затем нахмурился. — Минутку. — У Мак-Арана применялась подобная техника, когда разум путешествовал по времени к телу-носителю. Но как ей мог обучиться младенец?

— Он еще слишком мал, чтобы знать о времени, — предположил отец Ал. — Наверно для него все мгновения одинаковы.

— Есть и слова! — воскликнула с огромными глазами Гвен.

— Слова?!!! Но малыш же не умеет говорить!

— Нет... то Векс. Гвен нахмурилась. — Не спрашивайте меня, каким образом.

Род ударил себя кулаком по ладони. — Передает на моей частоте мысли, а Грегори мой ребенок, и поэтому его частота резонирует с моей! Он подх-

ватывает мысли Векса, а телепатические волны Грегори служат для Векса несущей волной! Что он говорит, Гвен?

Она напряглась. — Доходит слишком слабо, много не разберешь... Говорится что-то о машине, Броне О'Берине и д-ре Мак-Аране... А также об аббате и короле. По-моему... о том, что аббат непонятно почему повернул назад. К полному гневу Их Величеств! Он счел, что его обманули... их договоренность сорвана... аббат в возмущении удалился обратно в монастырь... Туан послал призыв своим баронам прислать ему войска из рыцарей и ратников и приготовился к войне... — Голос у нас прервался. — Муж, они могут начать войну, а наш младенец лежит там беззащитный!

— Не беззащитный, раз дверь охраняет Пак, — быстро успокоил ее Род. — И можешь быть уверена, если там Пак, то Брону О'Берину докладывают ежечасно. Если возникнет какая-то угроза малышу, он так быстро унесет его в страну эльфов, что Грегори даже не поймет, что с ним перенесли!

— Ты действительно так думаешь? — Гвен чуть не заплакала.

— Конечно! В конце концов он же ему де... дорогой крестный! Поверь мне, на него можно положиться. Ну, кончай разговоры, милая, успокой бедного малыша, пока не сорвался контакт.

— Да... — Взгляд Гвен, казалось, ушел внутрь. Она сидела одна-одинешенька, сложив руки на коленях, мысленно тянулась окутать мозг своего ребенка.

Отец Ал вежливо кашлянул. — Э, можно мне спросить — кто такой "Брон О'Берин"?

— Король эльфов, — рассеянно ответил Род, а затем быстро спохватился. — Э, это секретные сведения! Вы еще чтите тайну исповеди, отец?

— Да, хотя больше не употребляем этого выражения, — улыбнулся повеселевший отец Ал. — И только-что сорвавшееся у вас с языка защищено ею. Вас успокоит, если я назову вас "сын мой?"

— Нет, это необязательно, — улыбнулся Род, еще больше располагаясь душой к священнику. — Видите ли, Бром также королевский тайный советник, так что нужда в секретности есть.

— Гм, — нахмурился отец Ал. — Тогда следует ли это слышать вашим детям?

— Детям? — Род взглянул на травянистый берег, где спали его дети, беспокойно ворочаясь. — День был трудный, не так ли? Нет, думаю, они не слышали, отец.

— Я так и вижу, — нежно улыбнулся отец Ал.

Род чуть склонил голову набок, наблюдая за ним. — Вы немножко сентиментальны, не правда ли? Имя в виду, конечно, то, что они вроде бы маленькие чародеи и маленькая ведьма.

Пораженный отец Ал уставился на него. — Полно же, сэр! Души этих детей совершенно нормальные, судя по тому, что я вижу! В псионических способностях нет ничего сверхъестественного!

— Уверены в этом? — искоса поглядел на него Род. — Ну, это ваша область, а не моя. Э — вы ведь специалист, не так ли?

Отец Ал кивнул. — На самом-то деле антрополог, но я специализируюсь на изучении магии.

— Зачем бы римской церкви интересоваться магией?

Священник засмеялся. — Как зачем, хотя бы для доказательства, что ее не существует, а это, уж поверьте, требует иной раз весьма дотошной работы; не раз бывали крайне хитрые обманы. И конечно же, редкого настоящего эксперта можно очень легко по ошибке принять за колдуна. Помимо этого, во многих культурах концепция магии обладает странной властью над людскими душами, а душа — наша забота.

— Значит, когда-нибудь появится настоящая магия, то вы хотите знать, как с ней бороться.

— Если она демоническая, да. У экзерсизма, например, давняя история. Но по — настоящему интересоваться магией Церковь начала лишь в 25-м веке, когда стали заметными эсперы. Они не были ни сатанистами, ни одержимы злыми духами. Это

не потребовалось долго устанавливать. С другой стороны, не были они и святыми, что было еще более очевидным. Хорошие, в большинстве, люди, но не лучше среднего, такого как я.

— Поэтому, — заключил Род, — вам пришлось решить, что существует “магическая” сила, не имеющая никакого отношения к сверхъестественному.

Отец Ювэлл кивнул. — Потом мы на какое-то время сорвались с крючка. Но некоторые из католиков начали размышлять, как же должна будет реагировать Церковь, если она когда-нибудь столкнется с настоящей магией, не являющейся ни колдовством, ни чудом.

Род нахмурился. — Что вы, собственно, подразумеваете? Если способности эсперов не соответствуют этому описанию, то что же соответствует?

— О, вы сами знаете — сказочная магия. Помахать руками в воздухе, прочесть, нараспев, заклинание и что-либо произвести посредством ритуала, а не силой своего ума.

— Сказать “Абракадабра” и взмахнуть волшебной палочкой, да? Ладно, сдаюсь. Как же должна реагировать Церковь?

Отец Ювэлл пожал плечами. — Откуда мне знать. Мы же обсуждали это всего пятьсот лет.

Род искоса поглядел на него. — Я думаю, что это достаточный срок, чтобы прийти к каким-то выводам.

— О, да, к сотням! Видите ли, в том-то и трудность, что мы знаем, как нам следует реагировать, если когда-либо столкнемся с примером настоящей магии, но пока нам не приходилось сталкиваться.

— О-О-О, — кивнул Род. — Не на ком испытать свои теории, да?

— Именно так. Конечно мы искали настоящего мага. Мы исследовали сотни случаев. Но большинство из них оказались эсперами, не знавшими, что они таковые. Конечно, попало несколько лиц, одержимых демонами. А остальные — обман. Поэтому, если мы когда-нибудь найдем

настоящего “кудесника”, то сумеем правильно действовать, но...

— Как?

Отец Ювэлл пожал плечами. — Также, как на появление науки. Так, как мы в конечном итоге и отнеслись к ней, то есть, как к чему-то не являющемуся ни добром ни злом. Хотя, безусловно, поднялось множество вопросов, на которые мы должны ответить.

Род откинул голову, губы его образовали букву задолго до того как он произнес ее. — О! Значит, если откуда-то возьмется настоящий кудесник, то вы хотите быть рядом с ним, чтобы разобраться, какие вопросы он подымает.

— И отпасовать их теологам, чтобы те искали ответы. — кивнул отец Ювэлл. — Есть опасность, что кудесник-неофит начнет вмешиваться в сверхъестественные вещи, не понимая что творит. Если случится такое, то там должен быть тот, кто направит его в безопасное русло.

— А если он не направится?

— Убедить его, конечно.

— А если он не остановится?

Отец Ювэлл пожал плечами. — Задраить люки и приготовиться к самому худшему. Но нужно и узнать весь процесс его воздействия, чтобы в случае, если он выпустит на волю какую-то злую силу, мы смогли противостоять ей.

Род стоял неподвижно, а затем понимающе кивнул. — Так. Церкви следует изучать магию.

— И мы изучаем. Теоретически мы сделали немало, но кто может сказать, имеют ли настоящую силу все эти разработки?

Род покачал головой. — Только не я, отец. Сожалею, но если вы ищите кудесника, то вы не нашли его. Я никогда в жизни не проделывал ни одного трюка, за которым не стояло бы какое-то устройство. Я наткнулся однажды на Мак-Арана, проходя через машину времени, но тогда я тоже не был кудесником. И он об этом знал!

Священник заинтересовался. — Машина времени. Он мог воспользоваться ей и взглянуть на ваше будущее.

Род остолбенел, а затем энергично замотал головой. — Нет, нет. Я ни в коем случае не могу превратиться в кудесника, не так ли?

— Но ведь стали телепатически не видимым, правда, это скорее пси — феномен, чем магия. Все же это указывает, что вы обладаете определенными способностями, которых не знаете. Случалось ли без всякой видимой причины что — то невероятное, когда вы хотели этого?

Род нахмурился, качая головой. — Никогда, отец, не могу припомнить ни единого...

— Муж мой, — напомнила ему Гвен, — колокола.. Пораженный Род поднял голову и медленно повернулся к священнику.

— Совершенно верно. Совсем недавно я захотел, чтобы зазвонили церковные колокола, и очень сильно всеми фибрами души пожелал этого, — я пытался тогда пробиться к Гвен, надеясь, что она прочтет мою мысль и заставит их зазвонить с помощью телекинеза.

— И они зазвонили, — тихо закончила за него Гвен. — Хотя я их не заставляла.

— Равно как и дети, — мрачно добавил Род. Вы ведь не предполагаете..?

— О, предполагаю, но это только предположение. Одного происшествия недостаточно для построения теории. Извините, вы сказали, что ваша жена владеет телекинезом?

— Среди прочего, — кивнул Род. И наша девочка тоже. А мальчики телепортируются. Это обычное, связанное с полом, распределение на Грамарие для эсперов. Но Магнус тоже владеет телекинезом, что является исключением, обладает кое-какими способностями, насчет которых мы и вовсе не уверены.

— Значит это семейная жилка.

— Жилка? Да она никогда не бывает меньше арты!

— Да, вижу, — подтвердил отец Ювэлл, — я, конечно, слышал обо всем этом, но... А вам не кажется странным, что ваши дсти унаследовали лучшие качества породы в отношении эсперских способностей, когда у них только один из родителей эспер?

Род уставился на него. У Гвен загорелись глаза.

— Я полагаю, что это доминантная черта, — медленно ответил Род.

— Возможно. Но как вы объясните способности вашего сына?

— Никак, — поднял руки Род, — восемь лет пытался это сделать и до сих пор не могу. Как вам покажется такое объяснение, как "мутация"?

— Примерно, как "случайность, совпадение", возможно, но также необъяснимо.

— Так, — Род взглянул на круглое, мягкое, улыбающееся лицо. — Вы значит думаете, что он мог их унаследовать от обеих сторон.

Отец Ювэлл развел руками. — Что я могу сказать? Такое может быть, но три байта данных едва ли составят полный набор.

— Примерно этого я и ожидал, — кивнул Род. — Итак, продолжаем наблюдение и надеемся на лучшее, а?

— Если вы не против.

— О, вовсе нет! Я, против? Только потому, что мы проходим по незнакомой территории, где со всех сторон может поджидать враг? Потому, что к нам вылезают из придорожных прудов сверхъестественные зверушки с длинными острыми зубами? Нет, я совсем не против, отец, но вот вам следовало б. Я имсю в виду, нам предстоит, извините за выражение, не совсем церковное пиршество.

— Разумеется, — улыбнулся священник. — Что касается опасности, нам придется вместе справляться с ней, когда она придет, да?

— Безусловно, — не мог не улыбнуться Род. В этом коричневорясом было что — то очень симпатичное, и даже успокаивающее. Никогда не

вредно иметь в отряде еще одного взрослого мужчину, даже если он не был воином.

— Но, может быть, мы сумеем избежать столкновения. Вы говорите, что только — только прибыли с Грамария?

Отец Ювэлл кивнул.

— Дверь все еще открыта?

Священник кивнул. — Да, насколько я знаю, она никогда не закрывалась.

— Что?!!

Отец Ювэлл пояснил. — Я знаю, что в том районе пропало немало дичи, а некоторые крестьяне жаловались на исчезновение живности. Хотя никаких других людей не “провалилось”. Там патрулирует большой черный конь, и не дает никому приблизиться.

— Векс! — хлопнул себя по бедру Род. — Он по —прежнему стоит там, дожидаясь нашего выхода!

— И мне думается, пытаюсь вычислить, как помочь вам выйти. По крайней мере, меня он пропустил только по этой причине.

— Не хотите же вы сказать, будто говорили с ним, — нахмурился Род.

— Нет, но не удивился бы, если б он заговорил. Я явился и, не застав вас дома, отправился в ближайший лес в сопровождении Пака. Когда я подошел к озеру, ваш конь галопом прискакал перегородить мне путь. Я отбежал в сторону, но он последовал со мной. Я нырнул ему под брюхо, но он уселся на меня. Я попытался перепрыгнуть через него, а он развернулся так, что я спрыгнул там же, где и был. Наконец, я решил, что имею дело с необычным объектом.

Род кивнул. — Если б вы только знали, насколько необычным.

— Я понял это, когда его ударил, то зазвенел. Поэтому я попытался вразумить его.

В конце концов он проводил меня к точке, где вы исчезли. Я пошел вперед, — и оказался в окружении серебрянной листвы! А когда оглянулся,

то увидел массивное белоствольное дерево с вырезанным на нем большим "Х". Попробовал шагнуть обратно в него, но крепко стукнулся о кору и сел на рысу. Выглядел я, должно быть, довольно нелепо.

— Так же, как и я, — мрачно признался Род. — Пусть вас это не тревожит, отец. Так значит ворота по — прежнему открыты, но пропускают только в одну сторону, да?

Священник кивнул. — Мне думается для выхода потребуется передатчик на этой стороне.

Род в изумлении замер, а затем стукнул себя по лбу.

— Ну, конечно же! Что такое со мной случилось? Они просто установили передатчик, и не беспокоились о том, кто по случайности забредет сюда, лишь бы спровадить всех нас! Он покачал головой, чувствуя, как в нем закипает гнев. — Насколько бессердечны эти типы из будущего, а? Какая им печаль, если сотня крестьян будет оторвана от своих семей, лишь бы догнать тех, на кого они охотятся!

— Как я понимаю, у вас есть враги, — осторожно сказал отец Ювэлл.

— Да, можно сказать и так, — сардонически улыбнулся Род. — Враги с машинами времени. Вот поэтому-то я и думал о машине времени дока Энгуса, которая может пропустить любое количество материала и вытащить тебя обратно из того времени, в котором она тебя высадит. Я забыл, что сидящий за пультом управления человек должен хотеть вытащить тебя.

— Чего ваши враги явно не желают, — согласился отец Ювэлл, — Поэтому они, можно сказать, дали вам билет в один конец.

— Да, можно. Значит попасть домой будет трудно, не так ли? Можете ковыряться в моем подсознании сколько хотите, отец, если это поможет нам выбраться отсюда, но, честно говоря, большой надежды там не обнаружите.

— Об этом мы побеспокоимся, когда придет время, — чуть улыбнулся священник. — Но как вы планировали попасть домой?

Род посмотрел на Гвен. — Ну, в данную минуту нам лучше всего надеяться на некоего лорда Керна, носящего титул “Верховного чародея”.

— Ваш титул, — нахмурился отец Ювэлл, — интересно.

— Не правда ли? Но здесь магия, кажется, действует во всю. Уверен, вы найдете лорда Керна презанятным, если мы когда — нибудь доберемся до него. Здесь есть эйфейцы — мы только что сбежали от целой оравы. У них тоже есть при себе кое — какие интересные фокусы.

— В самом деле? — глаза у отца Ювэлла так и загорелись. — Вы должны рассказать мне о них, когда у вас будет время. Но касательно лорда Керна, как вы намерены убедить его помочь вам?

Род пожал плечами. — Чтобы заслужить эту помощь нам с Гвен сперва придется подраться на его стороне в небольшой войне. Кроме того он должен быть благодарен нам, что мы помогали сбежать к нему его подопечному мальчику — королю. Отец Ювэлл, познакомьтесь с Его Величеством, королем Элидором... Он повернулся к мальчику и нахмурился. — Элидор? Гвен, куда он делся?

— Элидор...? — глаза у Гвен постепенно вернулись в обычное состояние.

— О! Извини, милая! Род смутился. — Я не хотел отрывать тебя от Грегори. Не знал, что вы все еще в контакте.

— Нет, — Гвен покинуто опустила голову. — Я просто некоторое время сидела в забытьи после того, как его прикосновение растаяло... Она выпрямилась. — Я должна потерпеть, соприкосновение с нами, наверняка, наступит опять. Чего ты желал, муж мой?

— Элидор. Куда он делся?

— Элидор? Гвен быстро огляделась. — О, небо, я забыла! Элидор! Где..

— Мама!

Он был маленьким, морщинистым, с большими светящимися глазами и заостренными ушами, широким ртом с вислыми, растянутыми губами и

длинным заостренным носом. Одет в ржаво — коричневую тунику, косые рейтузы и сандалии с затянутыми крест-накрест ремешками.

Гвен пронзительно закричала, прижав ладонь ко рту.

Род выпучил глаза, и издал лишь хриплое, придушенное крикание.

Шум разбудил детей. Те подскочили со своих мест, широко раскрыв глаза и оглядываясь по сторонам в поисках опасности.

Затем они увидели кобольда.

Корделия завизжала от страха и бросилась в материнские объятия, уткнувшись головой в грудь Гвен и рыдая. Джефри тоже ринулась к ней, отчаянно ревя.

Но старший брат Магнус крепко стиснул челюсти, сдержав крик ужаса, прижался спиной к дереву, а затем, побледнев, обнажил шпагу и медленно двинулся вперед.

Род резко вышел из вызванного ужасом шока и прыгнул к Магнусу, хватая его за правую руку. — Нет, сынок! Коснемся его холодным железом и не видеть его нам больше!

— Вот и хорошо, — процедил сквозь зубы Магнус. — Мне не по нраву глядеть на такой ужас. Пожалуйста, папа, отпусти мне руку.

— Я сказал, нет! — рявкнул Род. — Это не просто случайно подвернувшийся средний леший, сынок — он подмененыш!

Потрясенный Магнус вскинул взгляд на Рода. — Чего?

— Подмененыш. Должно быть феири Теофрина следовали за нами, дожидаясь своего шанса. И пока вы спали, Гвен была занята мыслями Грегори, а я разговаривал с отцом Алом... — Губы его снова сжались в гнев на себя... — за Элидором никто не присматривал, и поэтому они похитили его, оставив вместо него эту тварь. Он быстро обвел взглядом собственную троицу, удостовериться, что они все здесь. Слава небесам, они никуда не делись.

— Мы не должны спутнуть его, — мрачно сказала Гвен.

— Ваша жена права, — пробормотал, прячась за дерево, отец Ал. — Мы не должны заставлять его в страхе бежать, а при виде рясы он может так и поступить. Я вижу вы знаете, что такое подмененыш. Вам известно, что он имеет соответствие с похищенным ребенком?

— Вы хотите сказать, — нахмурился Род, — что его можно использовать для создания чар, что вернут Элидора?

Отец Ювэла кивнул. — И он наша единственная связь с ним. Если он убежит, у нас не будет никакого средства вернуть мальчика.

— Ладно, — кивнул Род. — Сдаюсь. Как же нам использовать этого подмененыша для возвращения Элидора?

— Ну, сперва надо взять яйцо... — он прислушался, оборвав фразу. — Что за позванивание?

— Да просто ветер в лесу, листья здесь странно шуршат.

Священник покачал головой. — Нет, помимо этого — перезвон. Вы слышите его?

Род нахмурился, поворачивая голову. Теперь, когда священник упомянул об этом, и впрямь слышался звон колокольчиков. — Странно. Как вы полагаете, что это такое?

— Учítывая, что тут за местность с ее обитателями, это может быть любым явлением, но ни одно из них не будет радо встретить священника. Я бы посоветовал найти источник звука. Я последую за вами, но постараюсь не бросаться в глаза.

— Ну, это ваша область, а не моя, — с сомнением произнес Род, — Пошли, дети! И держитесь поближе ко мне и матери. — Он оглянулся на Магнуса — Э, приведи... Элидора?

— Да, папа.

Гвен схватила за руки Корделию и Джефа и оглянулась на подмененыша. — Идемте! — Она содрогнулась, посмотрев на него. Корделия в испуге прильнула к ней.

Крепко держась за руки, они петляли по серебрянному лесу, следя за перезвоном. Он начал складываться в мелодию, и когда стал громче Род слышал в нем тонкое пение камышовых дудочек, похожее на гобой очень высокого тона и по тону ниже флейты. Затем деревья расступились, открыв небольшую полянку, и Гвен ахнула.

Над рощей колыхались разноцветные огоньки, чаще золотые, но иной раз голубые и красные. Приглядевшись повнимательнее, Род увидел, что воздух заполнен светлячками. Они были столь многочисленны, что их мигающие огоньки создавали постоянное, мерцающее свечение, дополнявшее лунный свет. Было видно кольцо изящных темноволосых женщин, гибких и тоненьких, в прозрачных накидках, танцующих под музыку, наигрываемую трехфутовым эльфом с волынкой, и еще одним, сидевшим на шляпке гигантского гриба с набором свирелей. Танцовщицы тоже были не выше трех футов ростом, но за ними сидела, нежно сияя, женщина нормальных размеров. Пожалуй, даже более, чем нормальных. Она б накренила весы на триста футов, а то и больше. Одета в розовое платье, в милю с чем-то, юбки разсвертывались перед ней огромным веером. Высокий головной убор из той же ткани с квадратным верхом увеличивал ей рост, обрамляя лицо складками вуали. Лицо это было мирное и спокойное, но удивительно маленькое по сравнению с ее телом. Глаза были большие и добрые, нос прямой, рот тоже говорил о добросердечии.

Род поглядел уголком глаза, подмененыш пятился, отступая в тень. Затем он обратился к массивной даме и поклонился. — Добрый вечер, миледи. Я — Род Гэллоутлас, с кем имею честь говорить?

— Меня зовут леди Милетра, великая герцогиня Феерии, — ответила она с улыбкой. — Добро пожаловать к нам в гости, лорд Гэллоутас.

Род поднял брови: она знала его титул. Он решил не акцентировать на этом внимания. — Э, меня сопровождают моя жена, леди Гвендайлон, и наши дети — Магнус, Корделия и Джеффри.

Гвен сделала реверанс, и Корделия скопировала ее. Магнус поклонился, а Джефри понадобилось подтолкнуть.

Великая герцогиня грациозно кивнула. — Добро пожаловать всем вам. Прекрасный урожай юных кудесников, лорд Гэллоутлас — и, пожалуйста, уведомите своего клерикального знакомого, что его такт, со стремлением остаться невидимым, оценили.

— “Клерикального знакомого...?” А... отца Ювэлла. Уведомлю, Ваша Светлость. Вы уж простите меня, но вы поразительно хорошо осведомлены...

— Прекрасно сказано, — ответила она с приятной улыбкой. Это не столь уж и поразительно — от внимания моих эльфов мало, что ускользает.

Волынщик озорно усмехнулся Роду, а затем продолжал наяривать на волынке.

— Э, тогда, как я понимаю, Ваша Светлость знает о нашей недавней потере?

— Вы говорите о моем крестнике Элидоре, — кивнула, складывая руки, леди. — В самом деле мне об этом известно.

Еще и фся — крестная! И что же ждет Рода — вышибание пыли, как из ковра, или вызов на ковер? — Простите нас за недосмотр, Ваша светлость.

Она отмахнулась от оправданий кружевным платком. — Прощать тут нечего, раз спригганы графа Теофрина отправились схватить мальчика, вы едва ли могли защитить его. Я благодарна вам за то, что вы спасли его от Эйк Уисли: моим эльфам было бы тяжеловато одолеть сие чудовище.

Это означало, что им пришлось бы попотеть. — Э, как я понимаю, граф Теофрин — это тот эльфейский лорд, который не так давно держал нас в своих руках?

— Он самый. Теперь, по воле злой судьбы, Элидор снова находится в его власти. Туда, куда я не могу побежать, чтобы спасти его. Поскольку вы уже однажды помогли ему подобным образом, то нельзя ли мне попросить вас помочь ему еще раз?

— Всей душой! — быстро согласилась Гвен.

— Ну, да, разумеется, — подтвердил и Род. — Но я, признаться, несколько озадачен, Ваша Светлость, почему вы желаете, чтобы сделали это мы? Разве великая герцогиня не выше по званию, чем какой-то граф?

— Да, в самом деле, выше — Но здесь все сводится к простому вопросу о силе. Силы графа Теофрина лампного перевешивают мои. А мое звание само по себе позволяет только обратиться к особе наивысшего звания.

— А Оберона в стране нет?

Великая герцогиня подняла брови. — Вам известно имя короля Феерии? Хорошо, хорошо! Да, он в отъезде, задержался на какое — то время в стране Английской. Там пустячная ссора с Титанией, из — за какого — то скучного индийского мальчишки.

Никогда я не доверяла этой сварливой и надменной девице... Довольно! — Она решительно повернулась к Роду. — Есть надежда заключить союз с некоторыми другими эльфейскими лордами; и все же многие пожелают выступить против Теофрина, и все страшатся болезней, которые может обрушить война между эльфейскими владениями на страну, на нас самих и на смертных.

— Да и чтоб заставить их всех действовать вместе потребуются некоторое время. Чем дольше Элидор останется в руках Теофрина, тем труднее будет вырваться на волю. И все же смертные стоят в стороне от нашей ссоры.

Род кивнул. — Мы — третья сила, способная опрокинуть равновесие, верно?

— Именно так. Силы большинства смертных слишком малы, чтобы противодействовать эльфейским, и все же есть кое — какие чары, которые если их применяет чародей или ведьма, могут обладать намного большей силой, чем любые, швыряемые друг в друга, эльфейцами.

Род нахмурился. — Я не совсем понимаю. Если смертные магически настолько слабее, то как же могут быть сильны наши чары?

— Да, потому, — ответила с обезоруживающей улыбкой великая герцогиня, — что у вас есть души, коих лишены мы.

— Теперь, когда Род подумал об этом, то вспомнил, что древняя история и впрямь утверждала, что у фейри нет душ. — Хотел бы я знать, в какой форме находится моя собственная душа, — подумал он.

— Не в такой уж и плохой, — заверила его великая герцогиня.

— Ну, рад слышать.. Эй! Я же не сказал этого вслух! Как вы узнали, что я думаю?

— А как же не узнать? — нахмурилась великая герцогиня. — А, понимаю, — обычные смертные не слышат ваших мыслей! Не волнуйтесь, ничего врожденного тут нет, просто в глубине души вы и не желаете, чтобы они слышали их.

Гвен наблюдала за всем, и радость сменялась подозрением.

Род сглотнул. — Но с чего бы мне? Неважно, не будем именно сейчас развивать эту тему. Э, как я понимаю, эльфейцы обладают большей способностью читать мысли?

— Нет, но у нас есть чары, которыми мы можем воспользоваться, когда того пожелаем. Очень мощные чары. А поскольку вы нечто новое в сем мире, я захотела прочесть ваши мысли.

О! Род чувствовал, что ему следовало бы возмутиться тем, что она не дала ему официального уведомления в начале беседы, но его положение едва ли позволяло торговаться. Он хотел вернуть Элидора!

— Так же как и я, — согласилась великая герцогиня, — и все же, я, признаться, озадачена тем, почему это имеет для вас значение, когда он вам не родня.

Хороший вопрос. Род ответил первое, что пришло на ум.

— Я стремлюсь вернуться в свое место и время, Ваша Светлость. Думается, мне для этого понадобится помощь, а доставив Элидора лорду Керну,

я должен завоевать право на ответную услугу. И с вашей стороны тоже, как я понимаю.

Великая герцогиня наклонилась вперед, внимательно приглядываясь к нему. Гвен уставилась на него, думая не рассердиться ли ей.

— Да, у вас на уме есть нечто такое, — медленно произнесла великая герцогиня, — и все же там больше чувства... вины.

Род скривился.

Великая герцогиня кивнула. — Да, оно самое. От того, что вы взяли его под свою защиту, а потом подвели. И еще под этим лежит сочувствие, огорчение за бедного осиротевшего ребенка, оказавшегося среди тех, кто его не любит. — Но в основе лежит страх за собственных детей, — и выпрямилась удовлетворенно.

Гвен, сузив глаза, наблюдала за Родом. А затем тоже медленно кивнула.

Род почувствовал, как что-то цапнуло его за колено. Опустив взгляд, он увидел, что Джефри обхватил папочкину ногу и широко раскрыв глаза глядит на величественную даму.

Род опять посмотрел на великую герцогиню. — О кей, значит я заслуживаю доверия. — Что же нам сделать?

— Граф Теофин и весь его двор каждую ночь ездят из Дун Клавиша в Дун Лофмир, — ответила она. — Будь жива мать мальчика, то ей как самой близкой к нему, пришлось бы выполнять самое трудное, а в этой ситуации ее место надо будет занять вашей жене.

Гвен кивнула. — Я готова.

Рода вдруг покинула уверенность, но великая герцогиня невозмутимо продолжала. — Вы спрячетесь в дроке у обочины дороги, где она подымается на взгорок, так как там они поедут медленней. Когда приблизится лошадь Элидора, вы должны схватить его, стащить с коня, снять плащ и камзол, вывернуть их наизнанку, и снова надеть на него. А потом можете уводить его прочь, мешать вам никто не будет.

Гвен нахмурилась. — На это понадобится время, Ваша Светлость; мне уже доводилось одевать малышей.

— Знаю, и позаботиться об этом должен ваш муж.

— О? — поднял брови Род. — И как же мне добиться такого, Ваша Светлость?

— А вот это ваша забота. Военный человек вы, а не я. Великая герцогиня мирно сидела, сложив руки на коленях. — Чего бы вы ни сделали, помните — носите ветку ясеня и ягоды рябины в шапке и держите при себе холодную сталь.

Род хотел было спросить, почему, а затем решил, что не стоит. — Если я не смогу к тому времени придумать, как отвлечь их, то меня следует прогнать из Союза Героев. Но скажите мне, Ваша Светлость, — вы имеете какое — либо представление, зачем граф Теофрин опять похител Элидора?

— Да, для него было бы большой победой иметь среди своих пленников — смертных короля, — ответила великая герцогиня. — И кроме того, ему нужно свести с вами счеты, не так ли? Вероятно он полагал, что вы попытаетесь спасти Элидора и таким образом снова попадетесь ему в руки.

Род вспомнил последнюю угрозу эльфейского лорда. И согласился.

ГЛАВА 18

— И получилось, к тому же, не правда ли? — заметил с сардонической улыбкой Род.

— Вот в том — то и беда с добротой, — вздохнул отец Ювэлл. — Ее можно использовать против себя. Хотя и зло тоже иной раз выводит из равновесия само себя.... А вот и она!

Корделия спикировала над верхушками деревьев, пролетела над травой луга, и завела метлу для посадки на две точки. Соскочив, доложила Гвен: — Есть курган, увиденный нами прошлой ночью, мама, и еще один вроде него на расстоянии примерно с милю. Их соединяет проселочная дорога. Гвен кивнула. — Значит, он и будет Лофмир; танцуют они в конце поездки. — Она повернулась к Роду. — Какую местность ты искал, муж?

Род пожал плечами. — Взгорок с хорошими зарослями рядом с тропой, как и говорила великая герцогиня, предпочтительно с хорошим, высоким обрывом сразу же за ним. И с большим пространством напротив от обрыва.

Корделия кивнула. Под краем холма есть взгорок, и с другой стороны идет обрыв с длинным склоном.

— Идеально! — усмехнулся Род. — Ладно, разведчица, води нас к нему.

Корделия снова вскочила на метлу.

— Э, погоди-ка, — схватился Род — Нам нельзя высовываться.

— Но, папа, — возразил Магнус, — будет же легко просто полететь туда!

— Да, а сторожам герцога Фойдина тоже будет легко нас заметить. Или ты забываешь, что сейчас

белый день. Было рискованно посылать на разведку Корделию — и заметить, не я выбрал для этой цели тело поменьше.

— Так же, как мы заявили сюда, — пробурчал Магнус. — Мы должны идти, потому что папа не умеет летать.

— Но — но! — нахмурился Род. — Нечего смотреть на своего старика сверху вниз! Или мне надо доказать, что я успею отвесить хороший шлепок, прежде чем ты успеешь телепортироваться?

Магнус воинственно поглядывал на него, но Род продолжал сердиться. Мальчик, наконец, сник.

— То было не добро сказано, — тихо сказала Гвен.

Магнус увял и опустил взгляд на траву. — Изъини, папа, — промямлил он.

— Пустяки, — хлопнул его по плечу Род. — Тогда мы не летали, сынок, чтобы не привлекать внимания. Кто знал, дружественная в круг тебя территория или нет. — Всегда держи наготове несколько сюрпризов. Пошли, ребята.

Они тронулись через луг. Корделия летела, задевая верхушки травы. Таким же образом везла и сидевшего позади нее Джефа. Магнус парил позади них, чтобы двигаться с той же скоростью, что и взрослые. Отец Ювэлл сперва удивлялся, но быстро адаптировался. — Восхищаюсь вашей дисциплиной, — шепнул он Роду.

Род внимательно следил за детьми, а затем отстал на несколько шагов. — Не просто достучаться до них, чтобы понять, как следует, пока они малы, отец.

— Да, наверное, — согласился священник. — Скажите, вы могли бы наказать его сейчас, если б захотели?

Магнус наострил уши.

— Я предпочел бы не говорить, — пробормотал Род.

Отец Ювэлл проследил за направлением его взгляда и кивнул. — Понимаю. Полезно иногда быть телепатически невидимым, а?

Род бросил на него недовольный взгляд.

Священник закатил глаза, изучая небо.

— Что вы ищите, — осведомился Род, — созвездия?

— О, нет. Их я заметил прошлой ночью, как только вышел на поляну.

— В самом деле? — вскинул голову Род. — Узнали какие-нибудь?

— Все до одного, конечно.

— Конечно? — нахмурился Род. — Что же это ваша родная планета?

— Нет, но я провел здесь полжизни. — Священник чуть склонил голову набок. — Разве вы никогда не бывали на Земле?

Род уставился на него.

— Как я понимаю, не бывали.

Род быстро покачал головой. — Ну, да, бывал раз или два, но у меня как-то не нашлось времени изучать звезды. Разве здешняя обстановка не выглядит немножко буколической для Земли?

— Вся планета заросла городами, — согласился священник. — значит это явно не та же самая Земля.

Род остановился.

Тоже сделал и священник. — Разве вы не догадались?

— И да, и нет, — Род сделал неопределенный жест, — Я знал, что мы оказались на несколько тысяч лет в будущем...

Отец Ювэлл отрицательно покачал головой.

Род с минуту просто глядел на него.

А затем произнес: — Что значит “нет”?

— Звезды такие же, какими были, когда я оставил их, — ответил священник. — Вся сфера немного повернута, полагаю мы где — то на севере американского континента, а я привык к итальянскому небу. Но нет никакого смещения звезд, никакого искажения созвездий. Мы как раз примерно в 3059 году н. э.

— Не могу этого принять, — отрезал Род.

— По-моему, папа как — то сказал тоже самое Галилею, — вздохнул отец Ювэлл. — Но я вижу вон там крестьянина. Почему бы не спросить у него?

Род поднял взгляд. Работяга вышел в поле пораньше и косил сено. Род взглянул на семью и решил, что сумеет быстро догнать ее. Затем подошел к крестьянину. Но внезапно остановился, вспомнив где они находятся. Он обернулся к Гвен и свистнул. Та подняла голову, увидела крестьянина и дала знак детям идти ногами.

К несчастью, крестьянин успел заметить летевших детей. Когда Род подошел к нему, он все еще протирал глаза. — Доброе утро, — окликнул его Род. — У вас неладно с глазами?

Крестьянин, моргая, поднял взгляд. — Думается, я не совсем проснулся. Вон те дети летали?

Род поглядел на ребят, а потом обратно. — Нет, вы все еще видите сон.

— Вы уверены?

— Конечно уверен! Я же их отец. Слушайте, вы случайно не знаете, какое нынче число?

Крестьянин снова моргнул, — Число?

— Э, сойдет и год. — Род вздохнул. — Видете ли, мы не здешние и хотим убедиться, что вы считаете годы также, как и мы.

— Понимаю, — он не понимал. Ну... сейчас лето Господа Нашего 3059... вы здоровы?

Род понял, что он удивлен. — Я просто сплю на ходу. Терпеть не могу, когда день начинается так рано.

— Разумеется, — согласился, удивляясь крестьянин, — как же он может начаться, если не с рассветом?

— Удивительный довод, — признал Род. — Спасибо за информацию. — Счастливо оставаться! — Он повернулся и пошагал обратно к Гвен и детям. Дойдя до них, он оглянулся: работяга по — прежнему глядел на них во все глаза. Род взял Магнуса за плечо. — Сынок, дай-ка этому парню немного вздремнуть, хорошо? Я хочу, чтобы он думал, будто мы ему приснились.

Род осмотрел местность с вершины холма и кивнул. — Хорошо. Очень хорошо. Гвен, вот твои заросли..., — он показал на заросли дрока неподалеку от обочины дороги... — а вот здесь мое место, на склоне.

— А где будем мы, папа? — с интересом спросил Магнус.

— Здесь наверху с отцом Ювэллом для защиты.

— Для их защиты? — улыбнулся позабавленный священник. — Или моей?

— Нашей, — ответил Род. — Моей и Гвен. И Элидора.

— Мама, — пискнул Джефри, — я проголодался.

— Я тоже, если подумать. — Желудок у Рода заурчал. Он пожал плечами. — Ладно, дети, ступайте и найдите что-нибудь на завтрак.

Дети радостно завопили и, кувыркаясь, сбежали с холма.

— Что они найдут? — спросил отец Ювэлл.

Гвен улыбнулась, покачала головой. — Одному Небу известно, отец.

— Не хотите ли спросить? — подначил его Род.

Отец Ювэлл, улыбаясь, покачал головой. — Боюсь, что мои информационные каналы простираются не дальше Ватикана.

— Да, того местечка с этими созвездиями, — нахмурился Род.

— Вы уже усвоили это? — мягко поинтересовался священник.

— В основном. Ты в курсе, Ген?

Та кивнула. — Я создавала мысли отца Ювэлла.

Того это ничуть не расстроило. Род дал ему дополнительные очки. — Итак, отец...

— Пожалуйста, поднял ладонь священник. — Мы, вероятно еще немало пробудем вместе. Друзья зовут меня Ал...

— Хорошо. Ну, отец Ал, что вы об этом думаете?

Священник на секунду нахмурился, а затем пожал плечами и улыбнулся. — Мы на Земле, но

это не та Земля, какую мы знаем, а судя по созвездиям, никакой иной планетой она быть не может.

— Альфа Центавра, а? — слабо попробовал Род.

Священник покачал головой. — Нет, друг мой. Четыре и тридцать семь световых года вызывают заметную разницу в созвездиях.

Кроме того, я бывал на той пригодной для обитания планете, она с виду нисколько не похожа на все это. Можно сказать, что оземлянивание ее еще не совсем закрепилось.

— Да, не совсем. Род тоже бывал. Она была хороша, если любишь широкие, пустые пространства.

— Значит тут Земля, и никуда от этого не денешься, — и, запнувшись, поняв двойное значение своей фразы.

Отец Ал тоже уловил его. — Если люди смогли попасть, то смогут и деться, — твердо сказал он. — но нам придется усвоить новый ряд основных правил.

— Да, — мрачно согласился Род. — Давайте бросим ходить вокруг да около, отец, и скажем прямо — мы в другой вселенной.

— Конечно, — отец Ал, казалось, слегка удивился. — Вы правильно поняли.

Род пожал плечами. — Я постепенно привыкаю к этому местечку. — Он повернулся к Гвен. — Как ты это переносишь, милая?

Та пожала плечами. — Разве труднее попасть домой через пустоту между вселенными, чем через тысячу лет?

— Не знаю, — отозвался Род, — но держу пари, мы выясним. А вот и общий завтрак, отец.

Дети с трудом подымались на холм. Магнус держал нескольких кекликов, Джеф гордо нес насаженного на шпагу кролика, а Корделия полный передник плодов.

— Рябина, папа, — подойдя к Роду, она протянула ему несколько красных ягод. — Ты забыл.

— Ты права, милая, забыл. — Род взял ягоды и повернулся к священнику. — Вы знаете, как выглядит ясен, отец?

Проснулись они почти на закате. Дети подыскали ужин и завернули остатки для Элидора в свежую заячью шкурку. — Надо думать, — рассуждала Гвен — у него хватит ума не есть никакой эльфийской пищи.

— Будем надеяться, — мрачно отозвался Род. — А, если откушает, то, чтобы вырвать его у Теофрина понадобится магия побольше, чем наша.

— Не бойтесь, — успокоил их Магнус. — он ни ел, ни пил. Крестная рассказывала ему сказки.

Пораженный Род посмотрел на сына. — Ты все еще настроен на него?

Магнус кивнул.

— Хм, — потер подбородок Род, глядя на юг вдоль проселочной дороги. — Ладно, сынок, когда ты услышишь его приближение, ухни совой. Вопросы есть?

Все кивнули головами.

Кроме отца Ала. — У меня есть несколько вопросов, но, думаю мне придется понаблюдать и найти ответы самому.

Род бросил на него испепеляющий взгляд. — Я говорил не о теологии.

— Я тоже.

— Значит все. — Род хлопнул в ладоши. — Всем занять боевые позиции, и постоянно остерегаться спригганов.

Они заняли отведенные им места и стали ждать.

Род крепко сжал свой ясеневый посох и напомнил себе, что колдовской час — полночь. Ждать вероятно еще долго...

Ухнула сова.

Пораженный Род поднял голову. Настоящая или Магнус?

Но она ухнула вновь, и уханье доносилось с высоты по другую сторону проселочной дороги. Он взглянул на небо, увидел только звезды, луну и светло — серые облака.

Магнус.

А затем он услышал перезвон, словно от крошечных цимбал, и странную игру волынки. А над всем этим плыло волнами гудение, словно от армии пчел, но парящее с одного конца гаммы до другого.

А затем донесся звон сбруи.

Род взглянул на заросли над собой, но там не наблюдалось никакого движения. Конечно нет, Гвен была опытным разведчиком.

Затем появился авангард.

Они объезжали холм на южном конце проселочной дороги. Множество маленьких, ярких, пляшущих фигурок. За ними следовали высокие, удивительно стройные, удлинённые лошади с отливающимися в лунном свете золотом шкурами. И всадники! При виде их у Рода захватило дух. Экстравагантно одетые, во все цвета радуги — высокие, стройные и прекрасные. И светящиеся.

И один крошечный всадник, в центре этой компании, сгорбившийся, опустивший голову — Элидор!

Род перекатился на ноги. Пора двигаться.

Он поплелся по склону холма, спускаясь наискось, а затем обратно вверх, словно пытался идти по прямой, но безуспешно. — Он сделал свою походку развинченной, затянул песню заплетающимся языком.

Род услышал позади множество веселых криков и, подавляя страх, болтался из стороны в сторону, как пьяный.

Он услышал позади себя шипение. — Это пьяница.

— Да, долгим будет у него сегодня путь к дому! Напугай его!

Внезапно перед ним вырос огромный рычащий пес серовато — коричневого цвета, с пляшущим в глазах озорством.

Род резко остановился, стараясь не выйти из роли.

— Ух ты! Что с тобой, Баужер?

— Нет, ты оглянись! — хихикнул голос. Он круто обернулся, споткнулся, ухватился за посох и оказался нос к носу со змеей, изготовившейся для броска. Он издал вопль и, спотыкаясь, попятился во множество рук хихикающего существа со ртом, похожим на ломтик дыни. Он закричал и забился, но державшие его руки обхватили еще плотнее. И коснулись посоха.

Существо взвизгнуло, отдернуло руки и затопталось на ровном месте, вопя, словно от ожога. — Его посох! Он из ясеня, из ясеня! О, мои руки, мои руки!

— Ясень! Ясень! Ясень! — пробежал шепот по толпе фейри, и они отступили, оставив вокруг Рода широкое пространство. Примчались много новых всадников из каравана. Эльфейская знать на лошадях внимательно следила за происходящим со стороны.

Пока все хорошо. Род с трудом поднялся на ноги, старательно изображая испуг. — Добрый мой посох, защити меня! За тобой явились фейри!

Перед ним появился пляшущий огонек, превратившийся в фигуру прекрасной женщины. Она улыбалась, словно забавляясь тайной шуткой, и поманила его к себе.

Спотыкаясь, он сделал к ней несколько шагов.

Она уплывала от него, снова маня за собой. Он не знал, что это такое, несомненно какой — то блуждающий огонек. Но зачем они направили ее на него?

Однако подыграл и, спотыкаясь, потащился за ней, убыстряя шаг. Нет, красotka! погоди, дай мне посмотреть на тебя!

Следившие за ними захихикали, и смех этот был не из приятных. Уголком глаза Род заметил, что эльфийская знать внимательно наблюдает за этой сценой. А затем увидел, что фантом слетел с обрыва и поплыл дальше. Его тронуть они не могли из-за ясеневых посохов, но могли заманить к гибели. Затем он обратил внимание, что Элидор внезапно исчез с седла, и понял, что пришло время торопить события. Он споткнулся и растянулся на земле.

Повсюду вокруг него поднялся сердитый стон разочарования: он недотянул всего несколько дюймов до обрыва; но Род разжал руку и дал посоху откатиться, стон перешел в радостный визг. Затем они налетели на него и стали щипать и щекотать, пока у него стало зудеть тело, а уши заполнило невнятное хихиканье.

Но он должен был привлекать внимание и удерживать его полностью, чтобы выиграть время для Гвен. Настал момент сбросить маску. Он уперся ладонями в землю и оттолкнулся изо всех сил, вскакивая на ноги, расшвыривая эльфов направо — налево. Спригганы взвились от радости и ринулись вперед.

Род выхватил меч.

По толпе прокатился стон ужаса. Она отпрянула назад, воя:

— Холодное железо! Холодное железо!

— Да он не пьяница! — завопил один спригган.

— Да, не алкаш, а трезвый воин в расцвете лет! — крикнул в ответ Род. — Возьмите — ка меня теперь, если сможете! — И распахнул камзол, показывая ожерелье из ягод рябины.

Вся орава в страхе закричала и повалила назад, но Род увидел, что к нему скакали галопом эльфейские всадники во главе с графом Теофрином.

Граф натянул поводья в тридцати метрах от него, крикнув. — Кто б ни советовал тебе, смертный, посоветовал плохо! Теперь ты отмечен для эльфейской мести!

— Я уже был отмечен, — насмешливым тоном сказал Род, — прошлой ночью. Узнаешь меня?

Теофрин уставился на него — Холодные кости! То кудесник!

Он круто повернулся в седле и посмотрел на дорогу. — Смертный король! Мальчишка пропал!

Пять всадников развернули коней и рванулись к дороге.

Гвен шагнула на проселок, держа за руку Элидора. Камзол и плащ у него показывали свои швы и подкладку.

Эльфийский конь встал рядом с ним на дыбы, пронзительно ржал и бил передними ногами воздух. А затем прыгнул вверх и умчался, как будто унесенный порывом северного ветра.

Пятеро всадников подавленно завопили, заставляя своих коней высоко подпрыгнуть навстречу ветру. Также поступила и вся эльфейская орава. Ветерок уносил их за холм на юг, словно осенние листья.

Остался только Теофрин, хотя конь его ржал и плясал словно на раскаленных углях. Он и сам кривился и сгорбил плечи от боли, но сумел вытащить из — за седла арбалет, взводя тетиву. — Ты обманул меня, кудесник! И все же прежде, чем бежать, я отделаю тебя на всю жизнь!

Ближе, чем в тысяче шагов, не видно ни одного большого камня, чтобы укрыться за ним. Род остался на месте, поднял меч, борясь со страхом. Он не знал, что может сделать эта арбалетная стрела, но чувствовал, что она будет смертельной. Единственным его шансом будет отбить ее мечом, но арабские стрелы летали очень быстро.

Теофрин навел арбалет.

Род смутно осознал вновь то доброе, строгое присутствие, успокаивающее, придающее силы...

Он всей душой пожелал, чтобы эльфийский лорд последовал к обрыву за одним из собственных фантомов и еще дальше, в пространство.

Теофрин вдруг выронил арбалет, оглядываясь.

Род тоже взглянул туда же, куда смотрел граф, а потом опять на Теофрина. И ничего не увидел.

— Нет, красавица, — вдруг ласково пропел Теофрин, — подойди ко мне! Конь его начал двигаться вперед. — А, так ты бежать от меня? — усмехнулся Теофрин. — Я за тобой! И конь пустился галопом.

Прямо с обрыва.

И дальше по небу, так как это был эльфейский скакун. Теофин продолжал звать: — Подойди ко мне! Не убегай! Я не причиню тебе вреда, а открою сад невиданных восторгов! Ах! Так ты все же бежишь? Я следом за тобой, до последнего вздоха!

Ошеложенный Род таращился ему вслед, пока Теофрин не стал лишь светлым пятнышком на востоке, утонувшим за очерченной деревьями линией горизонта. Затем он и вовсе пропал.

— Милорд!

Он обернулся. К нему подбежала Гвен, крепко сжимая руку Элидора. — Милорд, я все видела! Ты не ранен?

— Э... — Род вдруг почувствовал боль по всему телу. — Да, ничего. Эти щипки болезненны! Пройдет.

— Не должно бы, судя по земным народным сказкам, — подоспел, пыхтя отец Ал. — Но если бы он попал в вас арбалетной стрелой, было бы еще хуже.

— Какие последствия вызывают эти штучки, отец? — Род поднял взгляд, боясь ответа.

Священник печально вздохнул: — Эпилепсию, ревматизм, выскочивший диск, паралич, в общем последствия, какие вызывает болезнь, насланная эльфами.

— В самом деле? — Род почувствовал, как ноги у него сделались ватными. — Вот это да, жаль, что ему пришлось так внезапно ускакать.

— Да, я думал об этом, — нахмурился священник. — Кого он преследовал?

Род покачал головой. — Провалиться мне на этом месте, если я знаю, отец. Мне известно лишь, что я желал ему последовать с обрыва за одним из собственных блуждающих огоньков, и он последовал.

— Гм... — Лицо отца Ала мгновенно стало спокойным. — Еще один доказательство.

Род нахмурился, а затем навел на священника указательный палец. — Вы что — то подозреваете.

— Ну, да, — вздохнул священник, — но вы же знаете как глупо преждевременно оглашать догадку.

— Да, Роду следовало знать — Векс ему очень часто твердил об этом. — Ладно, отец — не разглашайте. Просто я теперь буду очень осторожен с тем, чего желаю.

— Да, — мрачно кивнул священник. — Я б на вашем месте именно так и поступил.

ГЛАВА 19

Зазвучало тихое позванивание.

Вся группа застыла.

Позванивание сменили камышовые дудочки, а флейта усилилась.

Род повернулся к Гвен. — По — моему, мы не одни.

— Крестная! — воскликнул Элидор.

Они увидели, как он бросился по траве к массивной женщине под пологом из светляков. Элидор прыгнул ей на колени с раскрытыми объятиями, и она привлекла его к себе, прижимая к своей более чем обильной груди, прижалась щекой к его макушке и тихо напевала.

— Не чувствуешь себя лишней? — спросил Род.

— Я рада испытывать такое чувство, — подтвердила Гвен. — У нас здесь есть кое — какое дело, идем, милорд. — Она взяла детей за руку и прошла вперед.

Род вздохнул и опираясь на плечо Магнуса, похромал за ней, в то время как отец Ал остался на месте.

Гвен сделала реверанс, Корделия скопировала ее. Мальчики поклонились, а Род нагнулся насколько смог.

Великая герцогиня заметила: — У вас сильная боль, Верховный Чародей?

Удивленный Элидор поднял голову.

— Не тот Верховный Чародей, — заверил его Род. — Ничего, мне уже приходилось такое испытывать, Ваша Светлость, когда я впервые

отправился покататься верхом на коне. Это ненадолго, не так ли?

— Да, это лишь раздражение кожи, — успокоила она. — Поверьте мне, страдание вполне терпимо. Но как я и знала, несмотря на боль, вы спасли его.

— Рад, что хоть кто — то это знал. Теперь он у вас в безопасности, поэтому, мы, с вашего позволения, отправимся своей дорогой. Идемте, дети.

Пораженная Великая герцогиня подняла голову.

— Разве вы не возьмете его к лорду Керну?

Гвен схватила Рода за рукав. — Разумеется, если вы того желаете...

— Э, Гвен...

— ... и все же, разве юный король не будет в большей безопасности у крестной матери? — закончила Гвен.

Великая герцогиня печально улыбнулась. Да, верно, но он не умрет среди смертных — в нем нуждаются обе стороны. Его зовет долг.

Элидор прильнул к ней, уткнувшись лицом в грудь.

— Нет, мой цыпленочек, — ласково проворковала она. — Ты знаешь, что я говорю правильно. Я охотней держала бы тебя всю жизнь рядом с собой, но тогда я поступила бы плохо по отношению к моим старым друзьям, твоим родителям, королю и королеве, которые попросили меня присмотреть за тем, чтобы из тебя вырос король. И народу твоей страны нужно, чтобы ты вырос. И в конечном счете я бы поступила плохо по отношению к тебе, так как нарушила твою судьбу. Полно цыпленочек, подтянись, сядь прямо и придай себе королевскую осанку.

Мальчик медленно выпрямился, шмыгая носом. Он уныло посмотрел на нее, но она нежно ущипнула его за щеку, печально улыбаясь. Он невольно улыбнулся, усевшись потверже. А затем повернулся лицом к Гэллоугласам, вытянулся, подняв подбородок, и снова стал принцем.

— Понимаете, он должен быть королем людей, — тихо пояснила герцогиня, — и, следовательно, должен узнать, каковы люди, и не только из написанных слов. Он должен жить и расти среди них, среди плохих и хороших, чтобы, когда станет королем, распознавать тех и других, знать, как управлять ими.

Гвен печально кивнула. — Следовательно, вы не можете держать его здесь, спрятать от бедствий сих времен. Но разве вы не могли, по крайней мере, проводить его к лорду Керну?

Великая герцогиня вздохнула. — Проводила бы, если б могла; но знайте о нас, эльфейцах следующее: мы прикованы к своим земным местам обитания. Некоторые среди нас, вроде меня, могут притязать на владения шириной в несколько миль, и свободно передвигаться в их пределах; но многие из нас способны переместиться, куда пожелают, и ни одному из них я бы не доверила этого мальчика или того, кто мне небезразличен.

— Но нам вы доверитесь. — Род заранее знал ее ответ.

Великая герцогиня кивнула. Гвен умоляюще посмотрела на него.

— А, ладно, — хлопнул в ладоши Род. — Все равно присмотр за детьми в основном твоя забота. Разумсется, Ваша Светлость, мы возьмем его с собой.

Дети радостно закричали.

Элидор выглядел удивленным, а затем робко улыбнулся.

Магнус выбежал вперед, схватил Элидора за руку, сорвал с колен Великой герцогини. — Мы будем не спускать с тебя глаз, братишка! Запомни, на сей раз — от меня ни на шаг!

— Я буду рядом, — пообещал Элидор.

— Не дальше, чем мой. — Гвен привлекла его к себе.

— Конечно, — сказал Род, — нужно, чтобы кто — то показал нам дорогу.

— Элидор вам покажет. Великая герцогиня крепко сжала руки, и ее улыбка казалась напряженной. — Он выучил наизусть все карты и знает очертания каждого проселка и тропинки в своей стране.

— Это поможет, — с сомнением протянул Род, — но холмы и озера не совсем точно обозначены на картах. Лучше б иметь с собой проводника.

Великая герцогиня отрицательно покачала головой. — Как я вам говорила, эльфейцы не могут покидать свои земли или воды.

— Тогда скажите нам, — попросила Гвен, — что мы должны сделать, чтобы доставить его в целости к лорду Керну?

Великая герцогиня кивнула, глаза у нее засветились:

— Вы должны избавить башню Гонкрома от Красной Шапки.

ГЛАВА 20

— Я не понимаю, какое имеет отношение безопасность прохода к лорду Керну к изгнанию какого — то там фейри, — прокричал Род.

Гвен что — то произнесла, но ревущий ветер заглушил ответ.

— Что — что, милая? — прокричал Род. — Погромче, пожалуйста, трудно расслышать, когда я позади тебя, а в ушах свистит ветер.

Он ехал вторым седоком на самодельном помеле.

— Я сказала, — прокричала Гвен, — что не знаю причины, но полагаюсь на ее суждение.

— Именно к этому здесь все и сводиться, — вздохнул Род, — к вере. Разве это не средневековая этика, отец? Он оглянулся через плечо на отца Ала. Тот изо всех сил цеплялся за метлу, и выглядел немного позеленевшим, но перевел дыхание и мужественно кивнул. — Да, что — то вроде этого. Хотя немного посложнее.

— Я не люблю чрезчур упрощать. Вы уверены, что с вами все в порядке?

— О, прекрасно, просто прекрасно! Но уверены ли вы, что ваша жена сможет долго нести нас троих?

— Если я смогла выносить под сердцем четверых детей, — прокричала в ответ Гвен, — то смогу вынести и двух мужчин.

— В этом есть доля истины, — признал Род. — В конце концов, ей удалось выносить меня уже почти десять лет. Он повернулся к детям, летевшим рядом с ними. — Джеф, ты тотчас же скажи нам, если тебя начнет клонить в сон!

— Не бойся, — прокричала Гвен. — Они вздремнули прежде, чем мы покинули великую герцогиню.

— Да, благодаря Магнусу. Но, Джеф, обязательно скажи мне, если начнешь уставать. Корделия сможет несколько минут везти тебя.

— Даже часок, — пропела Корделия, описывая в воздухе восьмерку, — и не почувствую тяжести!

— Но — но! Выправись и лети по прямой! Путь у нас долгий; нет ни времени, ни энергии на разные чудачества!

— Брюзга! — фыркнул Магнус — Ночной полет призабавен!

— И это говорит считавший, что я был неправ, желая на этот раз лететь, — фыркнул и Род.

— Ну, пап, ты же сам сказал, что это привлечет много внимания!

— Да, но нам надо одолеть до зари сотню миль. Сейчас у нас нет большего выбора. Кроме того, ночью нас вряд ли заметят, а если все — таки засекут, то к тому времени, когда герцог Фойдин сможет бросить за нами войска, мы будем вне досягаемости. Мы мчимся быстрее, чем любой гонец, какого он может послать! Он поглядел через плечо Гвен, — как там держится Элидор, милая?

Гвен взглянула на фигурку, прижавшуюся у нее между рук. — Думаю, начинает наслаждаться полетом.

— Он и впрямь из того теста, из которого создаются короли, — вставил отец Ал.

Род решил, что священника не мешает отвлечь. — Вычислили, как здесь действует магия, отец?

— О, это, кажется, довольно просто. Я постулирую три силы: Сатанинскую, Божественную и безличную. Большая часть увиденного мной в этот день и ночь, попадает под категорию “безличной”

— А что за “безличная”? — нахмурился Род.

— По существу, это та же сила, какой пользуются эсперы. Ей обладают все, в какой — то степени. У эсперов ее столько, что он может сам заниматься “магией”, но “утечки” бывают по кап-

лям у всех, и она уходит в камни, землю, воду, воздух, поглощается молекулами. Поэтому она повсюду для откачивания. А в такой вселенной, как эта, немногие личности обладают способностями вскрыть этот огромный резерв и канализировать его силу для выполнения своих желаний.

Род кивнул. — Кажется верным. Видели здесь что — нибудь, опровергающее эту гипотезу?

— Нет, но думаю, для эльфейцев мне придется выдвинуть следственную теорию.

— Вы ее выдвините. Есть какие — нибудь версии о том, почему весь этот мир по — прежнему средневековый, хотя на дворе 3059 г. н. э.?

— Думаю, надо связать это с тем, что технология не получила здесь большого развития.

— Прекрасно, — улыбнулся Род. — А как же вышло, что технология не получила развития?

Отец Ал пожал плечами. — Зачем утруждать себя изобретением различных устройств, когда все можно сделать с помощью магии?

Ответ удовлетворил Рода. Он сидел тихо до конца полета.

Во всяком случае, большую часть времени. — Корделия, нельзя летать наперегонки с той совой!

— Ты уверен, что не устанешь, Джеф?

— Магнус, оставь в покое эту летучую мышь!

Земля под ними поднялась, зарябив складками и холмами, а потом выгнувшись в горы.

Наконец, когда рассвет слегка окрасил небо, Элидор ткнул пальцем вниз. — Вот, она!

Род взглянул из — за спины Гвен и увидел развалины большой круглой башни, прилепившейся высоко на скале. — Интересно будет добираться туда.

Магнус подлетел поближе и показал вниз — Я вижу рядом с ней скальный карниз, идущий на добрых сто ярдов.

— Да, но потом он снова сливается со склоном горы. — Как вообще попасть на него?

— Я высажу тебя на нем, когда пожелаешь, — прокричала в ответ Гвен. — Но, муж, мы лстим полночи, даже начинаю уставать. Разве не стоит отдохнуть, прежде чем идти в наступление?

— Да, определенно, — Род огляделся кругом. — Где тут хорошее место для отдыха?

— Вон там безопасно, — кивнула отец Ал на долину. — Видите деревеньку с небольшой колокольней? Неподалеку от нее расположен островок леса, он скроет нашу посадку.

Род посмотрел вниз. — Выглядит она достаточно уютной. Но примут ли нас с распростертыми объятиями? Горцы, насколько я помню, не слишком гостеприимны к посторонним.

— Приходский священник примет нас, — заверил его отец Ал. — У меня есть связи.

Род пожал плечами. — Меня это вполне устраивает. Ты не дашь мне слезть с этой штуки, милая?

— Только подожди, пока я приземлюсь. Гвен направила метлу вниз. Отец Ал крепко сжал древко.

Они нашли большую поляну и повели всех на посадку. Напоследок маленький Джеф упал и вылез из луговой травы с ошеломленным видом. Род подбежал к нему. — Я ж тебе велел сказать мне когда станешь уставать! Ну — ка, сынок, почему б тебе немножко не проехаться верхом на мне? — Он усадил мальчика к себе на плечи и повернулся к Гвен. — В какой стороне деревня?

Они нашли ее, окутанную птичьим пением раннего утра. Когда подошли, приходский священник закрывал дверь.

— Доброе утро, отец! — бодро поздоровался отец Ал, несмотря на свои ватные ноги.

Старый священник, моргая, поднял голову. Он был лыс, и его длинная борода поседела. Длившийся всю жизнь пост сделал его стройным и таким же каменно — твердым, как горы. — Вот те.. доброе утро, отец, — отозвался он. — Час еще ранний для путешествующих пешком.

— Мы пробыли в пути всю ночь, дело у нас очень важное, — ответил отец Ал. — Я служу защитой этим добрым людям от сил, бродящих по ночам, но даже я должен иногда спать. Вы не могли бы оказать нам гостеприимство на несколько часов?

— Да... разумеется, ради сана, — согласился ошеломленный священник. — Но у меня лишь бедная каморка за часовней...

— Не имеет значения, мы поспим в ней, если вы не возражаете, под защитой Господа. Мы будем благодарны за любой уголок, который нам предоставят.

— Отец, — резко проговорил священник, — в церкви спать не подобает.

— Скажите это тем добрым людям, которые должны слушать мои проповеди.

На какой — то миг старый священник уставился на него, а затем улыбнулся: — Остроумно сказано! В таком случае располагайте всем, что сможете найти, и простите мне скверное гостеприимство. Я должен благословить три поля и навестить женщину, у которой болят руки.

— Артрит? — спросил, подходя сзади к отцу Алу Род.

— Нет, всего лишь распухли сочленения и причиняют ей боль, когда она шевелит пальцами. Вероятно, насланная эльфами боль. Капля святой воды, прикосновения распятия и краткая молитва приведут ее в порядок.

Род посмотрел на него.

Отец Ал снова задумался. — Такое лечение когда —нибудь отказывало, отец?

— Да, бывают чары и посильнее. Тогда я попрошу приехать епископа, или доставлю своих бедолаг к нему, если они в состоянии идти.

— А благословение полей, разве посевам грозит опасность?

— О, нет — рассмеялся старый священник. — Я понимаю о чем вы думаете, но не беспокойтесь, отец, вы долго путешествовали, и вам нужно

отдохнуть. Нет, это обычное благословение, без которого поля дадут едва ли половину всего зерна.

— Конечно, — улыбнулся отец Ал. Ну, никогда не вредно убедиться. Вы ведь пошлете за мной, если я вам понадоблюсь?

— Не сомневайтесь, пошлю — но, думаю, не понадобится. Располагайтесь у меня в доме и спокойно пользуйтесь всем, что найдете в кладовой. Обо мне не беспокойтесь — Бог подаст.

— Он так и сделает, — заметил отец Ал, когда все смотрели вслед старику, который удалялся по — юношески широким шагом. — В конце концов, магия здесь действует.

— Мелкая магия, — согласился Род, — обыденная. Деревенский священник здесь, кажется, является мирским магом. Как это вписывается в ваши теории, отец?

— Идеально. Как я упоминал, я постулирую три источника Силы, и один из них Божественный, хотя мне представляется, что некоторые из его чар вызваны скорее “светской”, безличной магией, чем Божьей Силой. Вполне возможно, что для поступления в семинарию, требуются определенные магические способности.

— Вероятно, — согласился Род. — Но, несмотря на способности этого старика, думаю нам лучше не трогать его пищи. Он повернулся к детям. Магнус и Джеф вот — вот дойдут до полного изнеможения. Как по — твоему, Мангус, сколько еды ты сможешь найти сам?

Магнус вытащил из — за спины зайца. — Я проголодался, папа.

— Я тоже. — Корделия протянула полный передник птичьих яиц и ягод.

— Вот что хорошо в детях — они не упустят из виду важных вещей, — заметил отцу Алу Род. — Что ты скажешь, если за сковородку возьмусь я, Гвен? Ты выглядишь уставшей.

— Да, но я хочу поесть до полудня. — Гвен схватила зайца и прошмыгнула мимо него в дом священника. — Идем, Корделия. У нас не менее важная задача, чем решать судьбы мира.

Род присел на заваленку, когда за дамами закрылась дверь. — Магнус, займи брата до завтрака, чтоб он не заснул.

— А чем заняться, папа?

— О, не знаю... пойдите поиграйте в пятнашки с волком или еще во что-нибудь. Э, отменяю эту команду, — быстро добавил он, увидев, как загорелись глаза у Магнуса. — Не надо проявлять жесткость к животным. Пойди срежь пару ивовых веток и потренируй его в фехтовании, он немного медлит при ответных выпадах.

— Как пожелаешь, папа, — буркнул удрученный Магнус. — Пошли, Джефри.

— И оставайтесь там, где мне вас видно!

Магнус издал вздох мученика. — Останемся.

— Вы действительно тревожились больше за волка, чем за них? — спросил отец Ал, садясь рядом с Родом.

— Не совсем, — признался Род, — но я видел, как Магнус довел волка до умопомешательства. Он исчезает как раз перед тем, как волк доберется до него, и снова выскакивает позади зверя.

Однажды я видел, как он заставил волка гоняться за собственным хвостом.

Отец Ал удивленно покачал головой. — Думается, я начинаю понимать, почему вы так легко приспособились к миру магии.

— Дети поддерживают у человека гибкость ума, — признался Род.

— Достаточно для понимания, почему здесь технология так и не пошла дальше молота и наковальни?

— О, тут большого вопроса не возникает. Зачем нужно придумывать удобрения, когда средний приходский священник может сделать то же самое с помощью благословения?

Отец Ал кивнул. — Мне надо будет выудить у него слова молитв, посмотреть, действует молитва или заговор?

— Для того, чтобы узнать, какая тут существует Сила?

Отец Ал кивнул. — Увеличение урожайности не совсем то, что мы подразумевали под “маленькими чудесами, происходящими повсюду”.

— Вроде медицинской технологии? Похоже он может лечить артрит, хотя и не знает его под таким названием. Больших успехов не добиться и нашим врачам. Как мне кажется, то же самое происходит во всех областях технологии.

Отец Ал снова кивнул. — Кузнецы создают закаленные сплавы, заговаривая металл, когда куют его; повозки плавно катят, опираясь на смягчающие чары вместо стальных рессор. Наверно, даже влекомые чарами корабли связываются с берегами посредством хрустальных шаров... Да зачем утруждать себя изобретением, чего бы то ни было?

— Но, — указал Род, — маги встречаются редко, средний человек не может позволить себе боевых чар, поэтому военная сила осталась монополией аристократии. А это значит...

— Что политическая система осталась, по существу, феодальной. — Лицо отца Ала посуровело. — Хотя при кудесниках, обеспечивающих королей средствами связи и даже данными разведки, есть возможность возникновения централизованного правительства.

— Но, не абсолютического, — заметил Род. — Бороны тоже могут достать себе кудесников. Поэтому они рассматривают себя, как “христианский мир” в такой же степени, как отдельные страны.

— Большого национализма не наблюдается, — согласился отец Ал. — Но как же колонизировали Новый Свет?

Род пожал плечами. — Не проблема. Колумб приплыл туда вскоре после войны Алой и Белой Роз, а они устроили колонию еще до него. Раз им помогло волшебство, у них не должно было возникнуть больших хлопот со “скрелингами”.

— Да, с индейцами. Как я замечаю большинство здешних жителей менее бледные, чем североευропейцы данного периода.

— Вероятно, гибриды. А с добавлением магии их шаманов, коллекция магии получится очень

разнообразной. В их характерах есть доля меркантилизма. Как же получилось, что не выросло никакого среднего класса?

— Вероятно вырос, до определенной степени. Но короли и бароны скорее всего доверяли сбор денежных средств своим советникам — кудесникам, которые будучи, по всей вероятности, простого происхождения, участвовали за них в торговле. Нет, полагаю торговые магнаты тут были магнатами. А так как возвысились они не благодаря торговле, то и не нажимали особо усердно на ее развитие.

Род развел руками. — Но — пятнадцать столетий! Может ли на самом деле общество так долго протянуть без изменений?

— Ну, был же древний Египет и Китайская империя. Менялись династии и моды. Время от времени немного улучшалась технология, но общество оставалось тем же. И, если поразмыслить, так же обстояло дело и в Индии. Знаете, возможно, что Европа с ее меняющимся обществом была исключением, а не правилом.

Род, удивляясь, покачал головой. — И все потому, что им удалось заставить магию действовать! Как по-вашему, где находилась точка расхождения — на алхимиках?

— “Точка расхождения”? Вы имеете в виду, когда эта вселенная отклонилась от нашей. Это, знаете ли, необязательно — обе вселенные могли начаться одновременно и развиваться независимо друг от друга.

— Могли, — признал Род, — но, между этой вселенной и нашей просто слишком много сходства. Даже язык настолько близок к прамарийскому, что у меня не возникло никаких трудностей с пониманием.

— Гм. Хороший довод, — нахмурился отец Ал. — Кто знает? Наверно, верны обе теории. Возможно, что моделью для множества вселенных служит одно ветвящееся дерево, со вселенными, откалывающимися одна от другой на важных исторических этапах, а лес — несколько корневых вселенных, каждая из которых разветвляется в узловых точках.

— Может быть, но эта выглядит ответвившейся от нашей.

— Или наша от нее. Мы, знаете ли, не обязательно являемся центром мироздания, — криво усмехнулся отец Ал.

— Довод, — признался Род. — Так, на каком периоде она находится — на алхимиках?

— Наверно. И до этого, конечно, ходило много разговоров о волшебстве, но алхимики были первыми, подошедшие к этой теме рационально. И астрологи, конечно.

Род кивнул. — Значит, какой — то алхимик — астролог, вероятно, совершенно забытый в нашей родной вселенной, оказался по воле случая наделен Силой и вычислил некие правила насчет того, как ее использовать. Вероятно, он больше никого в тайну не посвятил, но коль скоро он доказал, что это можно сделать, другие тоже последовали за ним. Когда это должно было случиться — в четырнадцатом веке?

Отец Ал кивнул. — Примерно тогда — я здесь не видел никакого пороха. По крайней мере, это будет самой поздней точкой, когда такое может случиться.

— А моды продолжали меняться, и они сохранили все элементы их, но социальный порядок не менялся, — кивнул Род. — Имеет смысл. Малость болезненный, но смысл. А откуда взялись эльфы?

Отец Ал пожал плечами. “Вызваны” из другой вселенной или же крайне изысканные иллюзии, созданные каким — то кудесником, и сохранившиеся “в живых”, благодаря воображению населения. Но они могли все время быть тут, и лишь из нашей вселенной изгнаны сочетанием Холодного Железа и Христианства, постепенно подточившим народную веру в них. Есть некоторые доказательства в пользу последнего предположения — великая герцогиня уведомила нас, что эльфейцы привязаны к своим личным конкретным участкам местности. Такое должно указывать, что они произросли из самой земли или из ее форм жизни.

Мы не единственные существа, образующие вокруг себя малые электромагнитные поля.

Род медленно кивнул. А в нашей вселенной с ними, должно быть, полностью разделался 19 век, опоясавший всю Европу сетью железных дорог, и протянувший через сельскую местность телеграфные провода, расстраивая местные силовые поля.

— Ну, рассказы о них ходили еще и в двадцатом веке, по крайней мере, в начале его. Но радио и телевидение, должно быть, завершили дело — они, и бетон. Эльфы в конце концов все — таки природные создания.

Дверь позади них распахнулась. — Прошу к столу, господа.

— Ну, хватит о судьбах мира, — хлопнул себя по колену Род и встал. — Давайте займемся важным делом, отец.

Проснулись они от звона полуденного колокола. Вернулся старый священник, а мальчики отправились поискать обед. Старик изумился накрытому для него столу. — Холодный заяц, земляника, тетеревиные яйца и варенная форель — ваши дети превосходнейшие охотники, милорд.

— Почему? — спросил с набитым ртом Род. — Дичь скудеет?

— Да, уже несколько лет. Народ здесь жил торговлей через горы, а когда она прекратилась, людям пришлось рыскать в поисках пропитания по всей округе. Некоторые ушли, куда глаза глядят, но многие остались и, нашим немногочисленным видам флоры и фауны едва удастся прокормить всех.

— Если что-то двигается и его можно есть, то мои мальчики его найдут. Что же остановило торговлю, отец. Гарнизоны герцога Фойдина?

— Они и Красная шапочка, что проживает в Башне. Теперь даже коробейнику не пробраться мимо нее.

— О, — Род взглянул на отца Ала. — Что же он с ними делает?

Старый священник содрогнулся. — Он принимает облик пожилого человека, приземистого и могучего,

с длинными кривыми зубами, горящими глазами, длинными седыми волосами и когтями, вместо ногтей. Он обут в железные сапоги и носит при себе алебарду. А что касается путешественников, попавших ему в руки, то для него нет большей радости, чем еще раз выкрасить свою шапку человеческой кровью.

— О! — Холодный жаренный заяц после такого известия показался вовсе не таким вкусным. — Неужели ничего нельзя сделать, чтобы остановить его?

— А как вы это представляете? — Старый священник ответил коротким смешком. Против него и армии устоять не могут. Говорят, что его можно изгнать, прочитав ему Писание или заставив посмотреть на крест, но как его заставить это сделать?

— Хороший вопрос. — Род повернулся к отцу Алу. — Есть какие — нибудь идеи?

— Одна, — кивнул отец Ал — Если религиозные символы изгоняют его, когда он воспримет их, то более сильный символ прогонит его своим прикосновением.

Старый священник негромко рассмеялся. — Истинно так, отец, но, где же вы найдете человека, что решится это сделать?

— Папа сделает, — пискнул Джеффри.

Старый священник снова усмехнулся, пока не встретился взглядом с Родом. Смех замер у него в горле. Затем он побледнел. — Нет, вы и не пытайтесь! — Он перевел взгляд с Рода на отца Ала, потом на Гвен и сел совершенно неподвижно. А затем с трудом поднялся на ноги и повернулся к двери.

— Отец, — спокойно окликнул его отец Ал. — Мне потребуется ваш алтарный камень.

Старый священник встал.

А затем обернулся, весь дрожа. — Вам нельзя его забирать! Обедню нужно служить на мощах святых, вделанных в алтарный камень! Как я без него буду служить обедню?

— Мы вернем его сегодня же вечером.

— Да? — Старик снова подошел к ним, показывая дрожащими пальцами на отца Ала. — А вернестесь ли вы вообще? Красная Шапочка может устоять против армий, как вам двоим удастся одолеть его?

— Троим, — спокойно поправила его Гвен. — Я тоже обладаю некоторыми силами, отец.

— Фактически, это семейная затея, — подтвердил Род. — Вы б удивились, узнав, на что способны мои ребята, не вступая в ближний бой.

Старший священник переводил взгляд с одного на другого, словно они сошли с ума. — Забудьте, умоляю вас! И эти бедные крошки! Не подвергайте их такой опасности!

— Мы не смогли бы оставить их в тылу, даже, если б хотели, — мрачно отозвался Род.

— Мы победим, отец, — мягко заверила его Гвен. Мы недавно натравили Крод Мару сокрушить Эйк Уисли, и общими усилиями обратили в бегство двор эльфейского лорда.

— И все ж эльфейские лорды не Красная Шапка. Они не упиваются убийствами и кровопролитием! Нет! Не ходите туда! Но если вам надо, то идите без моего алтарного камня!

Отец Ал вздохнул и вытащил из рясы скатанный пергамент. Род увидел на нем линии складок и догадался, что прежде, чем отец Ал попал на Грамарий, листок находился в конверте. Земной монах сказал: — Я стараюсь избежать этого, но... взгляните на сие писание, отец.

Старик в испуге уставился на него. А затем неохотно взял пергамент и раскатал его. Начал читать, ахнул и становился тем бледнее, чем дольше читал. Наконец, он дрожащими руками снова скатал его и поднял голову с остекляневшими глазами. Того... не может быть! Он... он же в Риме, до него целых пол света! Он редко говорит с теми, кто живет в столь отдаленных странах, да и тогда только с архиепископами! Как случилось... Аййй! Он выронил пергамент и схватился за голову. — Что я наделал? Какой грех лежит на моей душе, что он стал писать мне?

— Наверняка никого, отец! — в расстройстве воскликнул отец Ал, хватая старика за руку. — Воистину, едва ли он знает, что вы живете на свете! Он адресует это Писание любому, кто прочтет его, я иногда вынужден показывать его, нуждаясь в помощи!

— Да! Да! — Старик поднял осунувшееся лицо. — И все-таки, какое несчастье, что я должен быть тем, от кого вы требуете помощи? Нет, я, наверняка, не выполнил свой долг перед Богом и паствой!

— Ваше смирение делает вам честь, — мягко, но с иронией сказал отец Ал. Этот жребий пал на вас только потому, что ваша паства живет неподалеку от Башни Гонкрёма, куда я и мои друзья отправляются бросить вызов Красной Шапке!

Глаза старика остановились на отце Але. Он кивнул, и лицо его начало обретать твердость. — Да, все именно так, как вы говорите. — Он расправил плечи и поднялся. — Раз надо, значит надо, в этом я не сомневаюсь. Хотя сам не в состоянии прочесть его почерк, и все же я видел в книгах изображение его печати.

— А теперь вы видите оттиск самой печати. Вы предоставите нам свой алтарный камень, любезный отец?

— Да, предоставляю. Если того желает Его Святейшество, вы его получите. Идемте, я выну его.

Вскоре они вышли из часовни, и отец Ал держал под мышкой надежно завернутый камень.

— Это ведь было не честно, не так ли? — спросил Род.

Пораженный отец Ал поднял голову — Что вы имеете в виду? Иоганн XXIV является папой...

— Да, — кивнул Род. — В нашей вселенной.

— Но разве в этой вселенной он им не является?

— Как он может быть им?

— Почему бы и нет? — Сияюще улыбнулся отец Ал. — Эта Земля очень похожа на Землю нашей вселенной; созвездия такие же, язык такой же, как

в Англии эпохи Возрождения, почему б в обоих вселенных не быть и тем же людям?

— Вы верите в это всерьез, не правда ли?

Отец Ал пожал плечами. — Я готов учесть такую возможность. Но на самом деле это не имеет большого значения. Мы, католики, верим, что папа говорит от имени Бога, когда он говорит, как папа, а не просто от себя лично. Мы называем это *ex cathedra*.*

Род стал, как вкопанный, прямой, как штык, закрыв глаза. Он сосчитал до десяти, чтобы успокоиться, а затем осторожно произнес: Отец, а вам не кажется, что это пахнет средневековьем?

— А вы оглядывались в последнее время кругом?

— Дешевое возражение, отец, — Род остановил его. — Наша вселенная не средневековая, но вот ваша вера — да.

— Нет, — серьезно сказал отец Ал. — Духовные истолкования нельзя доказать или опровергнуть с помощью физики или химии, также как теология не может вывести формулу полимера. Все в конце сводится к вере. Мы считаем, что Христос дал Петру власть говорить от его имени, когда он сказал первому римскому епископу: — “Даю тебе ключи от царствования небесного. Что свяжешь ты на Земле, будет развязано на небе.” — Поэтому считаем, что “ключи” Петра переходили к его приемникам, вплоть до нашего времени.

— Очень интересно, но я не вижу... — Род оборвал фразу, уставясь на него. О, Нет! Не хотите же вы сказать...

— Почему бы и нет? — улыбнулся отец Ал. — Думаете в каждой вселенной будет свой Бог? Я не могу представить физических доказательств, но верю в Бога, существовавшего всегда и создавшего все — единого Бога, сотворившего все вселенные. Я заметил, что здешние христиане — фактически,

* с кафедры (лат.)

католики. Значит, если в обоих вселенных один и тот же Бог, и папа, выступая от Его имени, говорит то, чего хочет сказать Бог, то, наверняка, папа в этой вселенной даст тот же самый ответ на любой вопрос также, как папа в нашей вселенной.

— Значит, ваше Послание от вашего папы говорит, каких действий хочет от старого священника папа в этой вселенной. — Род искоса поглядел на отца Ала. — А вам не кажется, что это рассуждение чуточку хромот, отец?

— Конечно, — признался с подкупающей улыбкой отец Ал. — Потому что, когда наш папа писал это письмо, он не выступал *ex cathedra*; и значит он выступал, как Иоанн XXIV. Тем не менее, я не сомневаюсь, что здешние христиане придерживаются в основном тех же самых взглядов, что и христиане в нашей родной вселенной; и потому не сомневаюсь, что здешний папа захотел бы, чтобы я взял этот алтарный камень. — Он задумался, глядя на небо. — Хотя проблема не простая, не правда ли? — лицо у него прояснилось. — Я расскажу о ней иезуитам, когда мы вернемся. Приступим к делу?

ГЛАВА 21

Гвен остановила метлу в воздухе над карнизом в ста метрах от Башни и медленно завела ее на посадку. Род и отец Ал спешили, когда рядом с ними возник Магнус и Джефр.

— А вы что здесь делаете? — потребовал ответа Род. — Мне надо, чтоб вы были на вершине той скалы!

— У, папа! Обязательно?

— Да, обязательно! Я хочу, чтобы вы следили с безопасного расстояния, готовые телепортировать меня оттуда, если возникнет опасность для жизни. И где Элидор?

У Магнуса расширились глаза, в них отразилось чувство вины. — Мы оставили его на вершине скалы.

— Угу! — мрачно кивнул Род. — Так что же помешает любому спиритану прискакать и снова умыкнуть его, а? Итак, возвращайтесь туда, живо!

— Да, пап... — И они исчезли, не закончив фразы.

— К тебе это тоже относится, — сердито посмотрел Род на ведьмочку, парившую перед ним на самодельной домашней метле. — Не лезь в драку, Корделия! Но помогай маме и будь готова бросить несколько камушков в того гада.

— О, ладно, папа! — надулась Корделия и, круто развернув метлу, улетела на вершину горы.

— Ты тоже, милая, — взял Род за руку Гвен. — С поля.

— Да, — в глазах у нее стояли слезы. — Береги себя.

— Поберегу, — пообещал Род. — И ты тоже меня побереги, а? И сгреб ее в объятия.

Отец Ал отвернулся на несколько минут изучать геологию.

Род со счастливым вздохом снова повернулся к нему. Позади него засвистел ветер, когда Гвен взмыла обратно на вершину горы.

— Здесь наблюдается кое — какая интересная слоистость, — указал на фас скалы отец Ал. — По догадке, я бы сказал, что миллион лет назад тут было морское дно.

— Уверен, что именно так, и спасибо за деликатность, отец. Давайте-ка встретимся с этим чудовищем.

Они зашагали по скальному карнизу, и Род сказал. — Я хочу внести ясность. Я приближаясь первым, отвлекая его, вы подкрадываетесь к нему сзади и вышибаете камнем мозги.

— Думаю, хватит и прикосновения, — пробормотал отец Ал. — Что произойдет, если он сшибет вас с карниза, да еще вовремя обернется, чтобы вышибить мозги мне?

— Вы носите распятие, не так ли?

— Обычно нет, но мысль хорошая. — Отец Ал вытащил четки и надел их на шею. — Итак! Распятие меня защитит, чтобы не увидеть его, ему придется не смотреть на меня.

Род кивнул. — Верно.

— А поскольку я защищен, то мне следует приближаться первым. Вы должны признать, так более логично.

Род вздохнул. — Ну, я никогда не выигрывал в споре с логикой. Ладно, отец, согласен. Ступайте первым в логово льва, но я сразу за вами.

— Вы сослались на Даниила, — задумчиво произнес отец Ал, когда они снова тронулись вперед. — Интересно, а ваша душа в столь же хорошем состоянии, как и у него?

Несколько шагов Род шел молча. А затем признался — Я был воспитан в лоне римско-католической церкви...

— А давно ли вы причащались?

— Перед свадьбой, отец, девять лет назад. И вы правы, если там лев, то мне надо быть в отличном состоянии. Дайте мне несколько минут прислушаться к своей совести.

Они медленно двинулись к Красной Шапке, тихо перешептываясь.

— Ego te absolvo*, — сказал, наконец, отец Ал, начертив в воздухе крест. — А со своей епитимьей, я думаю, вы вот-вот встретитесь.

Они завернули за поворот, и над ними нависла Башня.

Карниз около башни устилали человеческие кости и несколько черепов. Это ошеломило Рода. Навалился страх, внезапный и всепоглощающий. Он остановился, поддавая ему. Приливная волна прошла, но со знакомым ощущением сжатия желудка и ватных ног он умел справляться. Он взглянул на отца Ала, священник, похоже, тоже испытал такое же ощущение. Лицо его вытянулось и побледнело, но губы плотно сжались в твердой решимости. Он распаковал алтарный камень и держал его перед собой обеими руками. — Значит вы готовы?... Хорошо. — Тогда в долину смерти. И прежде, чем Род успел что-то сказать, решительно зашагал вперед распевая:

Кто копает яму, тот упадет в нее,

И кто разрушает ограду,

Того ужалил змей!

Кто передвигает камни,

тот может насажить себя;

И кто колет гроба

может подвергнуться опасности от них!

Если притупится топор,

И если лезвие его не будет отточено,

То надобно будет напрягать силы;

Мудрость сумеет это исправить.

* Отпускаю тебя

Красная Шапка с ревом налетел на него. Он выскочил из башни, покрытый коростой грязи и обезумевший от ненависти и одиночества. Примерно в полтора метра ростом, с широкими плечами, с рассыпавшимися по плечам сальными, седыми волосами и горящими жаждой крови огромными глазами. Туника и легины у него задубели от жира и покрылись грязью, а железные сапоги звенели по камням и хрустели по костям, разбросанным по земле. Одной рукой он высоко вращал алебардой, словно топориком, и ее ржавое лезвие было направлено на священника, готовясь нанести ему удар нечеловеческой силы.

И тут Красная Шапка увидел алтарный камень и с лязгом остановился.

С миг они стояли замерев, священник, держащий перед собой, словно щит, камень, и злобно глядящий на него горящим взглядом монстр.

Род выхватил меч и бросился вперед.

Отец Ал снова затянул песнь:

— ... живая собака лучше мертвого льва. Ибо...

Красная Шапка взревел и ударил алебардой. Клинок алебарды врезал отца Ала плашмя по боку. Тот полетел и приземлился в трех метрах. Алтарный камень выскочил у него из рук. Красная Шапка схватил небольшой валун и, по-прежнему рыча, с усилием бросил его в камень. В последнюю секунду валун свернул в сторону, едва не угодив в голову отцу Алу.

И тут налетел Род, крича — Эй, ты, сухие кости, услышишь ныне слово Господа!... Я слышал шум, это кости стучали друг о друга... — И сделал выпад прямо в живот Красной Шапке. Меч вонзился в блузу монстра с сильным лязгом, отдавшемся через всю руку и тело Рода. Этот проклятый гад был создан из камня!

Красная Шапка неприятно рассмеялся и отмахом хлопнул по Роду. В боку у Рода вспыхнула боль, и башня со скалой закувыркались мимо него. А затем с взорвавшимся в нем треском он остановился и увидел крупным планом, скользившую мимо него вверх скальную поверхность. Поняв, что скользит вниз по фасу горы, неистово повернулся

и, дернувшись, остановится на корниз. Обернулся он вовремя, чтобы увидеть, как две фигурки появились прямо рядом с Красной Шапкой, в мертвой зоне его защиты, и принялись рубить его по ногам маленькими мечами. — Мальчики, нет! — попытался заорать он. — Вернитесь к матери! — но получилось что-то похожее на лягушачий хор из пруда. Он и сам себя еле расслышал. Красная Шапка громко рычал, потянув руку к крохам.

Валун врезался ему в затылок.

Красная Шапка полетел вперед, споткнулся о Магнуса и растянулся. Его бомбардировали мелкие камни, а затем трахнуло валуном, как раз, когда он поднялся на четвереньки. Валун угодил ему по спине, снова заставив распластаться.

Магнус и Джефри побежали прикончить его.

Страх нахлынул на Рода, хлестнув его, словно пламя, когда тот поднялся на ноги. Он должен вытащить оттуда своих мальчиков! Он, спотыкаясь, побрел вперед, когда Красная Шапка, сделав могучие усилие, взметнулся, встряхивая со спины камни и встал так, чтобы мальчики срекошетили от его ног. Он мерзко рассмеялся и нагнулся к ним, затем внезапно выпрямился и вскинул руку поймать валун. Он крутанулся, и швырнул его обратно на вершину горы.

Ублюдок! Если он попадет в Гвен или Корделию... В Роде поднялась кипящая ярость, пришедшая, казалось, откуда-то извне. Пламенная ярость к монстру, посмевавшему тронуть его ребенка! Он врезал Красной Шапке позади колен, и в плече у него взвыла боль; а затем на спину ему обрушилась небольшая гора. Он смутно расслышал крик Магнуса и попытался поднять голову. Он увидел отца Ала, стоящего на четвереньках и тянущего руку к Красной Шапке, упавшему навзничь поперек Рода. В руке у священника был камень. Он коснулся лба монстра. Красная Шапка взвыл, тело его взметнулось в мучительной боли — и исчезло...

Род уставился, не веря своим глазам.

Свет потускнел, потом последовал ослепительный всплеск ярких звезд, потом опять тьма...

— ... три сломанных ребра. Кровь из носа перестала течь? Потом течет из рта.

— Ах, отец! Его легкое...?

— Проткнуто? Может...

Звуки растаяли, а потом появились вновь — ... Сломано плечо, и ключица. Как... — Поднялся рев, похожий на шум прибоя, а затем растаял. — ... Снова встать на ноги?

— Спина у него сломана?

— Нет, но по-моему, треснул позвонок.

Род почувствовал страшную жалость к тому бедолаге, о котором они говорили. Кто он, гадал Род?

И тут осенило: посмотри, просто открой глаза и взгляни.

Кто это там плакал на заднем плане?

Беда в том, что на обоих веках у него лежал мешок с песком. И боль, эта проклятая боль, пронизывавшая его насквозь! Но он мог это преодолеть, ему доводилось делать вещи и потруднее. Он ведь только что сражался с великаном, не так ли? Полутораметровым великаном...

— Пожалуйста, Магнус, уйми свои слезы, и успокой сестру и брата! Элдор, ты не мог бы помочь с Джеффри! Мне надо работать!

Страшная боль опалила ему плечи. Глаза у него раскрылись, и он закричал, словно собачонка, прижатая раскаленным клеймом.

Над ним парило прекрасное лицо, обрамленное пламенными волосами. — Он очнулся! Муж! Ты слышишь меня?

Разум медленно вернулся. Гвен пыталась починить ему плечо телекинезом. — Пожалуйста... перестань... больно.

— Это потребует времени, — кивнула она, плотно сжав губы. Но надо сделать. Ох, Род! Столько ран...

— Ничего не выйдет, их слишком много, и потребуется слишком много времени. В поле зрения выплыло лицо отца Ала, а лицо Гвен пропало. — Верховный Чародей! Услышь меня! Пожелай, как

никогда не желал раньше! Пожелай изо всех сил, всеми фибрами души, чтобы твое тело снова стало целым, полностью восстановленным, каким было до ранения!

— Желаю, — прохрипел Род. И теперь, когда священник напомнил об этом, он пожелал! О, как он пожелал! Если что-то способно остановить эту муку, пусть оно произойдет! Он неистово пожелал полного здоровья, сильного тела, чтобы раны исчезли и никогда не возвращались...!

И помогавший дух снова очутился тут как тут, войдя в него, пронизав его насквозь, добрый, успокаивающий, исцеляющий, поглощающий боль...

А потом он пропал, а с ним и боль.

Род был потрясен и не верил своим чувствам.

Затем он медленно поднял голову и окинул взглядом свое тело. Оно было покрыто кровью, одежда изорвана в клочья. Но кровь не текла. Он чувствовал себя хорошо. Действительно, он чувствовал себя прекрасно.

— Э... Гвен...

— Да, муж. — Она была рядом, поддерживая ему рукой голову.

— Просто на всякий пожарный случай, мне лучше не двигаться. Проверь плечо, идет?

Он почувствовал, как ее пальцы ощупывают его — довольно приятное ощущение. Даже более, чем приятное.

— Оно цело, Род, — в голосе ее звучало удивление.

Он со вздохом расслабился, давая голове откинуться назад. — Хвала небесам! Было и еще чего-нибудь не в порядке?

— Много чего, — признал отец Ал.

Дети притихли.

— Проверь все, ладно? Мне бы не хотелось двигаться, боюсь опять начнет болеть.

— Да, муж. — Он почувствовал, как ее пальцы ощупывают ему бок, ключицу, нос, переворачивают его, чтобы проверить спину.

— Ты цел, муж, — удивление сменилось радостью.

— О, ты исцелился!

— Ну, тогда давай вернемся к делу. — Он уселся и сгреб ее в объятия. Она уцепилась за него, словно он был скалой в быстрине, рыдая. — Ну, ну, полно, любимая, — прошептал он. — Я теперь в норме. Будь пай-девочкой, не плачь, как только дети уснут, мы найдем сена, и я докажу, что вполне здоров.

Она улыбнулась ему, моргая сквозь слезы. — Ну, если у меня и были какие-то сомнения, то теперь они исчезли. Ты определенно исцелился.

— Папа! — завизжали три обрадованных голоса, и дети навалились на него гурьбой.

Он только успевал гладить их по головам, обнимая. — Ну-ну, дети, не беспокойтесь. У папы выдалось скверное время, но теперь он выкарабкался... Гвен, присмотри за Элидором, ладно? Нам нельзя снова его потерять... Да ладно вам, со мной все в порядке!

— Да, — выдохнула Гвен, глаза у нее светились. — Отец Ал вылечил его.

— Нет, он сам себя вылечил, — уточнил священник. — Я лишь сказал ему, что сделать.

Род застыл.

А затем осторожно освободился от детей. — Вы хотите сказать, что это я сам совершил чудесное исцеление?

— Ну, — развел руками отец Ал. — Мы ведь уже установили, что то, чего вы пожелаете, происходит...

— Да, установили, — согласился Род. — Вы готовы испытать свою гипотезу, отец?

— Не — е — е — ет, — поджал губы священник. — Но я — готовлюсь к тому...

— Ох, уж вы с моим роботом, — вздохнул, поднимаясь на ноги, Род. — Он никогда не обнаружит гипотезу, пока та не станет установленным фактом. Я даже не чувствую раздражения кожи от щипков эльфейцев прошлой ночью!

— Интересно, — выдохнул отец Ал. — У вас остались какие-нибудь старые шрамы?

— Гм — это мысль. Род взглянул на Гвен. —
Надо будет нам проверить это сегодня ночью,
милая.

Она покраснела и объяснила священнику. —
Некоторые из них там, где ему не видно.

— Мне всегда нравится хороший христианский
брак, — согласился отец Ал. — Если мы собрали
все куски, то можно возвращаться в часовню? Мне
надо вернуть алтарный камень.

— Да, не вижу никаких причин здесь болтаться.

Род, мрачней, окинул взглядом окрестность. Эй!
Что ты делаешь, Магнус?

— Собираю куски. — Мальчик выпрямился,
показывая длинный, острый зуб. — Можно мне
сохранить его, как добычу, папа?

— Что, этот монстр оставил здесь свой зуб? Род
содрогнулся. — Зачем тебе вспоминать о нем,
сыннок?

— Не знаю, папа. — Магнус приподнял подбородок. — Знаю только, что это будет мудрым.

Род, внимательно взглянул на него. А затем
сказал:

— Я убедился, что предчувствия у тебя оказываются, как правило, стоящими. Ладно, возьми его, но
плотно заверни и при первом подходящем случае
протри спиртом.

— Да, папа, — расцвел улыбкой Магнус и
достал из своей котомки тряпку.

Когда-то она была носовым платком. Род повернулся к Гвен. — Готова к уходу, милая?

— Да, — она подняла метлу.

— И я, — подошел отец Ал, засовывая подмышку завернутый алтарный камень. Он поднял взгляд на Башню. — Как по-вашему, чья теперь армия разместит здесь гарнизон — герцога Фойдина или лорда Керна?

— Которая быстрее всех доберется сюда. — Род отвернулся. — Честно говоря, отец, в данную минуту я б с удовольствием посмотрел, как это проклятое сооружение развалится. — Он резко

вскинул голову, заметив блеск в глазах Магнуса. — Не смей!

Они вышли из рощицы и направились к задней двери церкви, когда садилось солнце. Род, нахмурясь, оглядел деревню. — Что-то тихо, не правда ли?

— Час вечерни настал, — задумчиво проговорила Гвен.

— Сегодня весь день вышел странный. — Отец Ал постучал в дверь дома священника. — Любезный отец несомненно все объяснит.

Дверь чуть приоткрылась, и в щель показался глаз и часть бороды. Глаз расширился, а затем и щель тоже. — Вы живы!

— Разве на сей счет возникали какие-то сомнения? — улыбнулся отец Ал и протянул алтарный камень.

Старый священник осторожно взял его, словно не веря, что он настоящий. — А Красная Шапка? Он убит?

— Ну, во всяком случае, исчез, — улыбнулся Род. — Думаю, он не вернется.

— Да, они никогда не возвращаются коль их изгонят; никто из эльфейцев не возвращается! Старый священник испустил долгий, трясущийся вздох. — Мы слышали в горах гром и попрятали головы. У меня здесь половина прихода осаждают Небеса молитвами о вашей безопасности.

— Ну, это объясняет мое быстрое выздоровление. Род встретился взглядом с отцом Алом. — У меня было подкрепление.

— Очень интенсивное поле для перекачки энергии поблизости? — поджал губы священник — Наверно.

— Вы знаете, что вы сделали? — выпалил старый священник. — Через тот перевал над нами некогда шли караваны — целые армии! Десять лет никто не смел соваться туда. С тех пор, как королевская армия попробовала и потерпела поражение!

Род уставился на старика. Затем несколько раз ткнул пальцем в сторону горного перевала, издавая гортанные звуки.

— Милорд? — робко сказал священник.

— Вы хотите сказать... — Род, наконец, привел свой голос в действие. — Вы хотите сказать, что это и было чудище, препятствующее лорду Керну выйти с северо-запада?

— Да, — подтвердил старый священник, — в самом деле, именно оно.

Род крепко стиснул руки, сиюсь прекратить дрожь, а потом зубы, прекращая выбиваемую ими дробь.

Старый священник смущенно моргнул, а затем повернулся к отцу Алу. — Мне не следовало ему говорить?

— О, нет, все в порядке, все в порядке! — запротестовал Род. — Просто я рад, что вы мне не сказали до того, как мы отправились туда...

ГЛАВА 22

Той ночью они разбили лагерь у горной речушки. Когда была съедена форель и зарыты кости, а дети и отец Ал лежали, завернувшись в одеяла, с добросердечием подаренные им селянами, Гвен сидела, прильнув к Роду и глядя на огонь лагерного костра. — Ты теперь ведешь нас на северо-запад, муж.

Род пожал плечами: — Почему бы и нет?

Мне почему-то кажется, что лучше продолжать передвижение, мы ведь хотим добраться до лорда Керна. Хотя и не понимаю зачем, — добавил он, поразмыслив — Мы могли бы сидеть здесь и ждать, когда он сам явится к нам.

— Действительно он выступит в поход через перевал, чтобы вырвать у герцога Фейдина бразды правления. Глаза ее остановились на спящих детях. — Среди них следовало быть еще одному, муж.

— Следовало бы. — Род ощутил щемящую тоску по своему малышу. — Но подумай, милая, ему безопасней сейчас быть там, где он есть...

— Я не совсем уверена. Не исключено, что король и аббат вот-вот истерзают страну междоусобной войной.

— Глаза ее внезапно потеряли фокус, она напрялась. — Я снова слышу его мысли!

— Чьи? Грегори?

— Да. — она вцепилась Роду в предплечье, глядя невидящим взглядом в пространство. — Да, то прикосновение его разума. О, дитя мое!.. Он, кажется, жив и здоров. Успокойся миленький, твои мама и папа рвутся воссоединиться с тобой, столь же упорно, как ты ищешь нас!

... Прикосновение его теперь сильнее, муж мой.

Сильнее? — нахмурился Род. — С чего бы ему? Две вселенных не могли стать ближе друг к другу!

— И Векс — снова его слова! — Гвен сосредоточенно нахмурилась. — Я не могу толком разобрать их. Что-то говорится о докторе Мак-Аране и о механизме странной машины..., о Короне и Церкви; южные бароны объявили, что они не могут с чистой совестью воевать против Святой Матери-Церкви... Северные бароны отправили к Туану своих ратников и рыцарей... А Аббат обратился с призывом ко всей знати, созывая ее с ратью и оружием бороться против тирании, угрожающей, по его словам, Святой Матери-Церкви!

Род застонал. — Они, наверняка, готовятся начать гражданскую войну! Конечно же южные лорды видят тут свой шанс нарушить вассальную присягу Туану, имея некоторое моральное оправдание и не теряя поддержки своего народа!

— И все же они не заявили ни о своей верности Аббату, ни об отказе повиноваться Короне, — с надеждой сказала Гвен.

— Лишь потому, что Аббат только теперь дошел до призыва к оружию! Попомни мое слово, Гвен, в этом видна рука агентов из будущего. Кто-то добрался до Аббата — почему ж еще он вдруг решил аннулировать соглашение с Туаном, прежде, чем прибыл к себе в монастырь? Один из его свиты — агент тоталитаристов, и он подговорил его на это по дороге! Тоталитаристам очень хотелось, чтобы Церковь захватила власть в стране; средневековая теократия может, если придать ей немного современной техники, превратиться в очень жесткое полицейское государство! А анархисты, вероятно, снова советуют лордам — им бы хотелось увидеть баронов, объединившимися под знаменем Церкви, ровно настолько, насколько надо для свержения монархии, а потом вступившими в грызню между собой, пока вся страна не впадет в марсократию! — Он врезал себе кулаком по ладони. — Проклятие! А я застрял здесь, где не могу с ними драться!

— Думаю, именно в том и заключается их замысел, — пробормотала Гвен.

— Да уж не сомневайся! А в самой гуще всего этого мой ребенок!

— Мир, муж мой, — стала утешать его Гвен — Мы уже недалеко от лорда Керна и очень скоро вернемся в свое место и время. Не сомневайся так и будет, миленький! И тогда ты наведешь полный порядок.

— У тебя больше веры в меня, чем у меня самого, — ответил Род, — но стал понемногу успокаиваться.

— Но возможно, ты права. Ладно, милая, "поговори" с малышом, успокой его, скажи ему, что мы по-прежнему с ним, по крайней мере душой, а тела наши присоединяться к нему, как только смогут. — Да, — пробормотала она и прислонилась к его плечу с остекленевшим взглядом. Он сидел тихо, смотря невидящим взглядом на речку. В мыслях у него царил сумбур, беспокойство за младшего сына перемежалось с тревожными думами о войне и способах ее предотвращения. Он перебрал дюжину различных планов, способных затормозить конфликт, которые мог бы послать обратно Вексу посредством телепатии Грегори. Но ни один из них не мог сработать. Будь он там лично, то его достоинство Верховного Чародея и архитектора предыдущих побед Короны над лордами и чернью, склонили бы чашу весов; обе стороны прислушались бы к тому, что он скажет и, в какой-то мере отступили от своих намерений, хотя бы из робости.

Но размышления помогли разложению адреналина; они, и может быть, какая-то часть от утешающей Грегори Гвен. Род начал чувствовать себя менее напряженно. Затем он взглянул на спящих детей и дал теплу и уюту своей семье просочиться в себя и успокоить его. Он обнял Гвен одной рукой, прижавшись щекой к ее макушке.

— Оно растаяло, — прошептала она. — Думаю, я оставила его утешенным.

— Меня, тоже. Ты, кажется, производишь чудесный эффект на мужчин.

Гвен улыбнулась. — Жаль ты не подумал о том до того, как мы покинули деревню.

— Почему? — нахмурился Род.

— Потому, что мы могли бы переночевать там, — может, нашли бы спальню для себя. — Она посмотрела на него большими глазами, и он почувствовал, как погружается в них все глубже и глубже... Он разрешил себе опуститься, но только до ее губ. И все же, поцелуй вышел очень длинным и удовлетворительным.

Он со вздохом оторвался от ее уст. — Ну, когда мы найдем лорда Керна, он возможно выделит нам комнату на ночь, наедине.

— Да, — печально улыбнулась она. — А пока мы должны терпеливо ждать. — Она отпустила его и легла на спину, завернувшись в одеяло. — Спокойной ночи, муж, и разбуди меня, если у тебя отяжелеют веки.

Он предпочел бы разбудить ее по иным причинам, но сказал лишь: — Обязательно! Спокойной ночи, любимая, — и погладил ее по волосам.

Она улыбнулась, поизвивалась под его прикосновением, а потом лежала не двигаясь.

Ни единого движения не наблюдалось и всю ночь. Он сидел рядом с затухающим костром, глядя на лес и думая долгие думы. Когда зашла луна, он разбудил отца Ала и завернулся в собственное одеяло.

Затем его затрясло небольшое землетрясение. Он хмуро продрал глаза; ему только-только удалось задремать...

— Лорд Гэллоутлас, у нас общество, — уведомил его отец Ал, — и оно желает с вами поговорить.

— “Оно”? — выбрался из-под одеяла Род.

— Да, при виде меня оно нырнуло обратно под воду, позвав “кудесника”.

Род поглядел на восток. — Мм. Да, уже рассвет, верно? Я отвечу на зов. — Он подошел к речке и произнес. — Кудесник слушает.

Всплеск, фонтан воды, и из речки выскочила большая зеленая круглая голова на огромной паре

плеч, а на голове красовалась треугольная шляпа с загнутыми полями (да еще и с пером!). Тело покрывала зсленая чешуя, у него был длинный острый нос с красным кончиком и поросячие глаза. Он протянул перепончатую руку и ухмыльнулся. — Доброго тебе утра, кудесник!

Род плотно зажмурил глаза и помотал головой, а потом снова посмотрел. — Э, доброе утро.

— Да я не настоящий, — усмехнулся водяной. — Ты что, никогда не видел раньше ундина?

— Думаю, что нет, я к этому не совсем готов. А ты не находишь эту речку немного тесноватой?

— Нахожу, но мы плаваем, куда нужно. Меня послали к тебе с известием.

— С каким известием?

— С известием о Красной Шапке, которого ты изгнал из башни Гонкрома.

Род содрогнулся. — Спасибо, меня не интересует, где этот гад.

— Тогда ты захочешь узнать, где он был. Так, во всяком случае, утверждает великая герцогиня. — Ундин выкатил на него глаза. — Этот малый появился из ниоткуда, сразил стражу и похитил ребенка.

Род уставился на него, взволнованный.

Гвен сонно перевернулась и уселась. — Что происходит, муж? А затем увидела ундина, и глаза у нее расширились.

Так же, как и у него, а усмешка у него сделалась плотоядной.

— Доброе утро! — любезно поздоровалась она.

— Нет, добрый ундин, — поправил Род. — По крайней мере, лучше ему быть таким. — Его ладонь легла на рукоять кинжала.

Ундин поднял кверху обе перепончатые руки и склонил голову. — Не бойтесь меня. Я готов услужить и не жду в ответ ничего иного. Я хочу передать свое сообщение и ничего более.

— Какое сообщение? — нахмурилась, подняла взгляд на Рода Гвен.

— Похоже, Красная Шапка захотел отомстить, — медленно ответил Род. — Он похитил младенца и исчез.

Гвен ахнула.

— Знаю, — мрачно сказал Род, — но мы должны попасть домой. Мы и так потеряли много времени, разыгрывая из себя добрых самаритян. Я хочу сказать, что мне очень жаль малыша и его родителей, но.. — Он иссяк под горящим взглядом Гвен.

— Стыдись, — резко бросила она. — Не изгони мы Красную Шапку этот ребенок спал бы себе спокойно. Она повернулась к ундину. — Кто тебя послал? Великая герцогиня?

Ундин вопросительно посмотрел на Рода.

— Ладно, ладно! — вскинул руки кверху Род. — Я понимаю, когда меня ставят в условия выбора между моими интересами и совестью. Ладно, мы выполним это. Я знаю великую герцогиню, она, безусловно, разузнала обо всех подробностях. Кто этот ребенок?

— Чей? Да лорда Керна, конечно же.

И Род и Гвен удивилась.

Затем Род медленно проговорил, — Герцог Фойдин знает об этом?

— Да, отряд его ратников мчится освободить ребенка, хотя, зная дурную славу Красной Шапки, я сомневаюсь, что они проявят особую самоотверженность.

— Я их не виню, — мрачно сказал Род. — Но если они преуспеют, то у Фойдина будет самый лучший заложник, на какого он мог надеяться. Возможно, он даже сумеет заставить Керна капитулировать. Кто уведомил Фойдина о похищении?

— Граф Теофрин, узнавший, вероятно, благодаря магическому кристаллу.

— Теофрин? — нахмурился Род. — С чего это он вдруг взялся помогать герцогу?

— Из вражды, которую питает к тебе, — усмехнулся ундин.

С минуту Род лишь глядел на него, пытаясь разобраться в хитросплетениях произошедшего. А затем сдался. — Ладно, задам прямой вопрос. Каким образом уведомление Фойдина о похищении поможет Теофрину причинить вред мне?

Ундин развел руками. — Не знаю, милорд.

— То западня, муж мой, — тихо сказала Гвен.

Род кивнул. — Должно быть, они рассчитывают, что мы бросимся спасать малыша — и они правы. А потом появятся ратники и захватят малыша в плен вместе с нами. Ну, думается, мы сможем устроить так, что их будет ожидать небольшой сюрприз.

— Но верно ли мы угадали?

— Попадем туда — узнаем. Род хлопнул себя по ножнам. — Если прибыв туда мы увидим идущий полным ходом бой, значит, угадали неверно. — Об этом подумаем позже. Великая герцогиня сказала, где прячется Красная Шапка?

— Да, — кивнул ундин. — Он нашел старинную башню в Дун Кап Вейр.

— Вот она, — показал Элидор на разрушенную башню на вершине холма посредине равнины. Вот Дун Кап Вейр. Там в давние времена свершилось немало злодеяний.

— Ну, конечно, — сардонически улыбнулся Род. — Какое ж еще логово выберет Красная Шапка? Не нравится мне этот полет обратно на восток, снова на территорию герцога.

— Нас предупредили о его войсках, — напомнила ему Гвен. — Гей! Вот они!

Род присмотрелся — перед башней бушевал бой. Дюжина солдат-пехотинцев отчаянно сражались, крича и сверкая алебардами при свете восходящего солнца. И под их гамом слышался рык.

— Полагаю, они планировали устроить нам засаду, — рассудил Род.

Внезапно двое ратников полетели вниз. Упали они в шести метрах ниже по склону, и лежали, не двигаясь, среди двух десятков своих товарищей.

— Какой боец! — восхищенно покачал головой Род. Красная Шапка против тридцати солдат, в одиночку! Очень жаль, что он не на той стороне...

— Не вздумай обращаться к нему, — мрачно предупредила Гвен.

Полетели вниз еще пятеро солдат. Остальные попятились, оставив открытый полукруг; в какой-то миг низкорослый силач стоял припертый к стенке, лицом к врагам.

А затем он взмахнул алебардой и с ревом атаковал их. Те завyli от страха и побежали. Красная Шапка преследовал их до края холма и стоял, зло глядя вниз, и тяжело дыша, следя, как они спотыкаются о своих павших товарищей и катятся кубарем, потом снова поднимаются на ноги и бегут через луг укрыться в ближайшем лесу.

Красная Шапка мотнул головой и повернулся к башне.

— Что будем делать теперь? — спросил отец Ал.

— Дайте мне. — Магнус внезапно исчез.

— Магнус — НЕТ! — закричали в один голос Род и Гвен, и помело с работающим двигателем зашло в пике.

Красная Шапка резко развернулся, увидев Мангуса и начал дрожать.

— Приближается мой отец со священником, — предупредил Магнус. — Изыди, гнусное чудовище, и никогда больше не приближайся к человеческим владениям!

С испуганным воплем Красная Шапка откинул голову назад и исчез.

Корделия стрелой пронеслась на своем помеле мимо Гвен в дворной проем башни.

— Корделия! Ты же не знаешь, что там может быть! — вскрикнула Гвен и понеслась за ней.

Род спрыгнул с помела в пяти футах над землей и сразу побежал. Чтобы замедлить движение, он прыгнул, ударясь подошвами о стену башни и отскочил, развернувшись лицом к сыну.

Магнус спокойно подбирал что-то с земли на месте, где стоял Красная Шапка. Он протянул отцу еще один длинный, кривой зуб.

— Получилось отлично. — Род подошел к своему мальчику, крепко обнял. — Но больше не делай ничего подобного, сынок, пожалуйста! Честное слово, ты отнял у меня и у матери пять лет жизни! Всякое могло случиться. Если б вид собственного зуба не изгнал его?

— Но он изгнал. — сказал Магнус приглушенным голосом.

Род вздохнул. — Сознаюсь, я никогда не буду сомневаться в твоих предчувствиях — но разве ты не можешь думать, о чем я тебя прошу?

В дверях башни появилась Корделия. — Папа! Скорей сюда!

Род побежал и остановился около Гвен, увидев у нее в объятиях младенца. Он немного успокоился. — И это повод для спешки?

Она обратила к нему несфокусированный, глядящий куда-то вдаль, взгляд. — То Грегори.

Род уставился на младенца. Темные волосы, большие карие глаза — и это выражение. Это серьезное, пресерьезное выражение. — Этого не может быть! Во всяком случае здесь!

Но в этом был смысл. Если кто-то перебросил Грегори через Врата, то Красная Шапка, узнав, что он ребенок Рода и Гвен, бросился за ним, желая отомстить!

— Не ребенок! — Голос Гвен звучал славно издалека. — Похож он на него очень, почти одно лицо, но все же не он, уж я-то знаю.

— Тогда, что же...

— Его мысли. — Глаза ее рыскали по его лицу, но по-прежнему смотрели вдаль. — Этот ребенок носит мысли Грегори.

Ну, конечно! Вот почему им уже дважды удавалось услышать мысли Грегори. — И почему второй контакт получился более четким. Они находились дальше на северо-запад, ближе к этому ребенку!

— Такое могло случиться, — спокойно рассудил отец Ал.

В другой вселенной может быть ребенок, точно соответствующий вашему родному. Тогда, если этого ребенка похитили у его родителей, его мозг сделает тоже самое — и их мысли сольются, так что мысли Грегори станут намного четче.

— Значит их мозги образуют связь между вселенными?

Отец Ал кивнул. — Если эти два индивида — аналоги друг друга.

— Пошли слова, — сказала вдруг Гвен. — То Векс: "... попытались выключить передатчик и отослал их под стражу королю Туану; они у него в тюрьме. Они признались, что являются анархистами из будущего, но больше ни в чем; а король Туан, в соответствии с вашей общей политикой, продолжает противиться настояниям королевы Катарины на применении пыток. Бром. О, Берин вызвал Йорика..."

Отец Ал воззрился на нее.

Род поглядел на него, вскинув бровь.

— "... Йорика, который идентифицировал устройство, как не являющееся машиной времени, и привел доктора Мак-Арана, который ориентировочно идентифицирует между альтернативными вселенными. В текущее время он лихорадочно работает, пытаясь сконструировать такое же собственное устройство. Он попытался бы разобрать это, но я не разрешил отключать его. Поэтому, если вы сможете потерпеть, помощь придет. Тем временем в ваше отсутствие Корона и Церковь продвинулась к войне. Аббат официально провозгласил, что Корона столь сильно посягает на власть Церкви, что все люди с чистой совестью должны сопротивляться королю и королеве, как тиранам. Он освободил баронов от вассальной присяги и призвал их напасть на Их Величества всеми силами.

На его зов откликнулись четыре южных барона вместе со своими рыцарями и ратниками. Три северных лорда привели свои армии к Туану. Другие пять лордов утверждают, что их этот конфликт не

касается, а затрагивает только Корону и Церковь; они таким образом остаются нейтральными”.

— Готовыми ринутся и захватить власть, когда другие бароны разорвут на части друг друга и Корону, — проворчал Род.

Время для этого было; Гвен умолкла, с остекля-
нелым взглядом и приоткрытым ртом, ожидая.
Теперь она заговорила вновь. — “... Робот ВКС
номер 651919 передает на частоте человеческой
мысли, неподалеку от Врат, через которые исчезла
семья Голлоугласов, пытаюсь вступить с ней в кон-
такт. Хотя я считаю маловероятным, что Врата
рестранслируют мой сигнал в другую вселенную, я
должен попытаться. Донесение об обстановке: Аген-
ты, ответственные за ваше исчезновение, попы-
тались выключить машину и закрыть Врата...” —
Она моргнула, глаза ее снова сфокусировались —
Он повторится.

Род кивнул. — Вероятно, Старый Векс стоит на
круглосуточном дежурстве у Врат и пытается как-
нибудь дотянуться до нас. Вероятно, он даже не
ведает, что Грегори служит ему передаточным зве-
ном.

Просто продолжает вновь и вновь повторять
сообщение, надеясь, что оно дойдет, и, конечно же,
дополняя донесение об обстановке новыми све-
дениями.

Отец Ал кивнул. — Я все гадал, когда вы
соберетесь подтвердить, что ваш конь-робот.

Род нетерпеливо дернул головой. — Нет смысла
выдавать сведения, не так ли? Хотя и можно. Вы
очень неплохо сложили в целое оброненные мной
то тут, то там замечания. — Он повернулся к Гвен,
— Ты успокоила его?

Она кивнула. — Насколько смогла, заверила, что
мы живы и явимся домой.

— Но когда сможем. — Рот у Рода сжался. —
Надо, по крайней мере, быть честными с ребенком.
— Он поднял голову. — И с самими собой. По-
ложение дома продолжает ухудшаться, а мы за-
стряли здесь!

— Ты же сказал, муж, что даже, если дело
дойдет до открытой войны, нашему ребенку не
будет грозить опасность.

— Да, вероятно, не будет, но даже два процента кажутся слишком большим риском, когда речь идет о нашем собственном ребенке! Пошли, Гвен, давай-ка уберемся отсюда и вернем этого младенца его законным родителям, чтобы получить в благодарность от его отца возможность быстрой вспышки магии, что отправит нас обратно на Грамарий. Если он способен это сделать. Идем. — Он повернулся к дверному проему, оглядываясь по сторонам. — Магнус, Джефри и Элидор остались снаружи?

Он шагнул в дверной проем и увидел сыновей, лежащими без сознания у ног солдат, одетых в ливрею герцога.

Затем что-то взорвалось у него в затылке. У него нашлось время только для одной быстрой мысли, прежде, чем каскад звезд в глазах стер открывшуюся сцену.

— Понятно. Герцог оставил какие-то силы в резерве для засады, просто на случай, если мы появимся...

ГЛАВА 23

Когда он снова увидел дневной свет, тот был оранжевым и тусклым. Повернув голову, казавшуюся такой же большой, как астероид, и звеневшую от малейшего прикосновения, он увидел причину полумрака — крошечное окно, зарешеченное под низким потолком. Снова повернув голову, невзирая на боль, он увидел стены из грубообтесанного камня, влажные, в пятнах плесени.

Он приподнялся на локтях. Сознание попыталось снова соскользнуть в небытие, но он вытянул его обратно. Рядом с ним свернулся калачиком маленький Джеффри. За ним степенно сидел отец Ал.

Оба они были прикованы к стене тяжелой четырехфутовой цепью.

— Добрый день, друг мой, — негромко проговорил священник.

Джеффри вскинул голову. Увидев, что у Рода открылись глаза, радостно обхватил его ручонками за шею.

— Папа! — расплакался он.

— Ну, ну, успокойся, сынок, — утешил его Род. Цепи лязгнули, когда он обнял Джеффри. — С папой все в порядке. Все будет отлично. — Он поднял взгляд на отца Ала. — Где Гвен, Корделия и Магнус?

— Полагаю в камере вроде этой. Несшие их солдаты поднялись этажом выше. Как я понимаю, темница у них здесь двухэтажная.

— Вы были в сознании?

— К тому времени, да. — Отец пощупал синяк на макушке. Еще несколько красовались у него на лбу и щеках, а вокруг ноздрей виднелась свернув-

шаяся кровь. — Бой вышел неудачный. Ваша жена вышла как раз, когда вы начали падать, и ей попало дубинкой по затылку, она потеряла сознание прежде, чем успела что-нибудь сделать. Мы с вашей девочкой попробовали было что-то предпринять — на несколько минут пространство густо наполнили летящие камни, но один солдат все-таки попал по ней сзади тупым концом алебарды. Что же до меня, то я нашел крепкую палку и сумел самолично уложить пару ратников. Казалось, он сам был удивлен этим.

— Почему потеряли право священнослужители не подвергаться побоям. — Род обнаружил, что его уважение к отцу Алу возрастает еще больше. И все больше возрастал гнев на этих ублюдков, ударивших его, жену и дочь, избивших священника!

Он взял Джеффри за плечи и немного отстранил его от себя. — Перестань плакать, сынок. Я должен проверить, цел ли ты. Где у тебя болит?

Джеффри показал на голову, и Род осторожно ощупал указанное место, там оказалась большая шишка. Малыш скривился, когда он дотронулся до нее, но не вскрикнул, кость была цела. Хорошо. — Посмотри-ка на меня, сынок. — Он взгляделся в глаза Джеффри — зрачки остались тех же размеров. — Думаю, ты цел. Хвала небесам! Хотя голова у тебя какое-то время поболит. А теперь закрой глаза и посмотри, не сможешь ли ты слышать мамини мысли.

Джеффри послушно прислонился спиной к стене и плотно зажмурил глаза. Посидев так несколько минут, он сказал. — Она тут, папа, и Магнус с Корделией рядом. Но все спят!

— Значит, еще не пришли в себя.

— У них большой сон, папа, больше, чем был у тебя!

Больше? Роду не понравилась такая картина, было похоже на одурманивание.

В замке загремел ключ, и дверь со стоном отворилась. Вошел усмехающийся герцог Фойдин со стражниками по бокам. — Ну, ну! Господа очнулись!

— Да, мы очнулись, — зло поглядел на него Род. — Собираетесь теперь влить в нас сонное снадобье, как сделали с моей женой и другими детьми?

Герцог не сумел скрыть своего удивления. — Ну! Вы-таки обладаете некоторой силой. И подумать только, ведь граф Теофрин заверил меня, что опасны лишь трое других.

— Мы действуем, как единое целое, — отрезал Род. — Что вы намерены с нами сделать?

— Как что, естественно передать вас графу. У него одна забота — захватить вас в плен. Должно быть вы его глубоко оскорбили.

— Я лично тоже не лестного мнения о нем.

— Отлично, отлично! — потер руки герцог. — Он жаждет заполучить всех вас, и доказать, что полностью поддерживает меня. Для обеспечения этой поддержки, я думаю отдать ему вашу семью, но вас самого оставляю у себя до разгрома лорда Керна.

— Ах, да, ваша жена! Совсем забыл! — поднял палец герцог. — У меня не было времени уделить ей надлежащее внимание, но постараюсь побыть с ней. — По лицу у него расплзалась плотоядная ухмылка. — Не сомневайтесь, я найду время.

Род сдерживался, сделав свое лицо окаменевшим, но гнев и ненависть соединились и затвердели, превратившись в железную решимость.

В коридоре загремели шаги, и в камеру ворвался солдат, покрытый пылью и запекшейся кровью. Он припал на колени. — Милорд герцог! Подлое колдовство! Войска лорда Керна заполнили перевал прежде, чем туда успели прибыть наши! Мы бились, пытаясь удержать их в ущелье, но на нас напала с фланга свора чудовищ, и...

— Умолкни, дурак! — оборвал его герцог, бросив свирепый взгляд на Рода. — Я должен заняться этим делом, кудесник, но я еще повидаюсь с тобой! Пошли! — резко бросил он своей страже и круто повернулся к двери. Гонец с трудом поднялся на ноги и заковылял следом за ним.

Стражники с лязгом вышли и захлопнули дверь, в замке заскрежетал ключ.

— Думаю, у него теперь не будет большого досуга ни для чего, — мстительно порадовался Род. — Лорд Керн налетит, как смерч, и сотрет его в порошок. Если не... — Лицо у него потемнело. — Если граф Теофрин не присоединиться к Фойдину со всей энергией? — кивнул отец Ал. Но поддержку Теофрина ему требуется купить. Я предлагаю нам сделать все возможное, чтобы лишить его покупательской способности.

— Да, и тотчас же, пока он занят! — Род повернулся к Джеффри. — Постарайся разбудить маму, сынок!

Она сможет вытащить нас из этих кандалов. Постарайся изо всех сил.

— Я... постараюсь, папа, — нерешительно сказал мальчик. — Но она спит очень крепко. — Тем не менее, он плотно закрыл глаза, сосредотачиваясь. Все его личико сморщилось от усердия.

А затем он зевнул.

— Сынок?... Джеффри, Джеффри! — Род протянул руку и потряс его. Голова Джеффри с легкой улыбкой на губах бессильно каталась у него на плече, и дышал мальчик глубоко и ровно.

— Проклятие! Что они там влипли в нее, должно быть, действительно, сильнодействующие — оно усыпило и его тоже! Что нам теперь делать, отец?

— Хороший вопрос, — священник, нахмурясь, посмотрел на свои руки. Мы, как говорится, снова предоставлены собственным силам.

— Что касается меня, — медленно произнес Род, — готовы теперь испытать свою теорию, отец?

Священник вздохнул и выпрямился. — У меня теперь нет большого выбора, не так ли?

— У нас настала решающая минута, — согласился Род.

— Ладно, — хлопнул себя по бедрам отец Ал. — Постарайтесь не терять нить моих рассуждений. Сперва граматические эсперы могли читать ваши мысли, пока вы не влюбились в одну из них.

— Эй, минуточку...

Отец Ал остановил его, подняв руку, — Именно влюбленность в нее и вызвала это.

Вы, конечно, не помните точно момента, когда стали телепатически “невидимым”; но вы не были таким до встречи с ней, и стали после нее. Какое другое событие могло послужить толчком к этому?

— Миф. Ну, может быть, — пробурчал Род. — Но почему? Я же хочу, чтобы она могла прочесть мои мысли, больше, чем кто угодно!

— Нет, не хотите, — погрозил указательным пальцем отец Ал. — По крайней мере, подсознательно. Возможно она для вас и величайший дар, но и величайшая угроза. Мужчина уязвим для своей возлюбленной, даже когда он неуязвим ни для кого другого; поскольку вы “впускаете ее к себе в сердце”, она может и ранить глубже всего. Вы нуждаетесь в какой-то защите, способе сохранять не тронутым свое внутреннее “я”, чего не смогли сделать, если бы она могла прочесть ваши мысли.

— Это кажется разумным. Но Господи, прошло девять лет и появилось четверо детей! Разве мне не полагалось к этому времени уже перерасти это чувство? Я имею в виду, разве мое подсознание не должно убедиться, что может доверять ей?

— Должно, — согласился священник.

Род умолк, покуда до него доходил смысл сказанного.

Отец Ал дал ему несколько минут, а затем продолжал. — Способность экранировать свой мозг от телепатки указывает на какую-то, присущую вам, силу, эсперскую способность, о которой вы никогда не подозревали. Мне кажется, в вашей жизни бывали довольно отчаянные мгновения, когда вам не помешало бы применить такие силы.

— Весьма часто, — кисло отозвался Род. — Действительно, мое подсознание должно было прибегнуть к инстинкту самосохранения.

— Но оно не прибегло, следовательно, у вас их нет. А есть у вас, на мой взгляд, ничто иное, а именно, способность использовать псионические

силы, просочившиеся в окружающую среду от эсперов и скрытых эсперов.

— Но ведь в скалы и деревья Грамария должно просочиться много такой энергии, — нахмурился Род, — вся страна должна быть пронизана ею. Почему же я не мог этим воспользоваться?

— Потому, что не знал как. Вы даже не знали, что можете это сделать и вам требовалось что-то, способное пробудить в вас эту силу, высвободить ее и научить вас, как ею пользоваться.

— И что же это сделало? Всего лишь пребывание во вселенной, где действует магия?

— Не совсем так, — поднял указательный палец отец Ал. — Когда Красная Шапка сражался с вами, то отделал вас так здорово, что я сомневаюсь, смогли самый лучший госпиталь вложить вам обратно внутренности, но вы этого пожелали, не так ли?

Род медленно кивнул.

— И получилось, — улыбнулся отец Ал. — Это не было делом рук кудесника-неофита, тут видна работа мастера. И как я подозреваю, потребовало значительно больших усилий, чем имеются у вас.

— Так откуда же они взялись?

— От лорда Керна.

Род повел головой, описав петлю! — А это как вы вычислили?

— Ребенок, спасенный нами от Красной Шапки, он точная копия вашего младенца — и его аналог. — Он остановился, внимательно следя за Родом.

Род, наконец, понял — Емагаут! Если тот малыш аналог Грегори, то его родители должны быть аналогами меня и Гвен.

Отец Ал снова кивнул.

— И если его отец лорд Керн, то Керн мой аналог!

— Ну, конечно, — еле слышно произнес отец Ал. — В конце концов, он же тоже Верховный Чародей.

— А если он мой аналог, то мы с ним можем слить мысли воедино, точно также, как его ребенок и Грегори!

— Если сможете отбросить свой псионический щит, что вы и делали в момент сильного эмоционального напряжения.

— По крайней мере на миг, — нахмурился Род. — Я вам никогда не рассказывал, отец, но каждый раз, когда я создавал “чары”, то ощущал в себе некое... присутствие, некий помогающий мне дух.

— Несомненно лорд Керн! — поднял брови отец Ал. — Тогда, наверно, в вас есть какие-то задатки телепата или в лорде Керне. Независимо от того слышите вы его мысли или нет, силы у него вы можете почерпнуть.

Род вздрогнул. — Это немного пугает, отец. Но вроде он хороший парень.

— Да? — отец Ал нагнулся вперед, сделавшись вдруг очень внимательным. Каков же он?

Род нахмурился. — Судя по тому, что я почувствовал, когда хотел каких-нибудь магических событий, он добр, очень добр, всегда готов помочь любому, кто нуждается в помощи, даже постороннему человеку, вроде меня. Но он строг, знает, чего хочет и что считает верным, не собирается терпеть чьих-нибудь выступлений против его взглядов.

— Гм, — нахмурился отец Ал. — Это последнее замечание выглядит настораживает.

— О, нет, он не фанатик! Просто не желает мириться с тем, что кто-то причиняет боль другому! Особенно детям...

— Да? — подтолкнул его отец Ал. — Что насчет детей?

Род содрогнулся. — При угрозе ребенку он приходит в ярость. А если речь идет о его ребенке...

— То он теряет над собой контроль?

— Ну, не совсем, чтоб становится бешеным...

— Это несколько напоминает вас, — мягко заметил священник.

Мгновение Род сидел не двигаясь, затем поднял голову. — Ну, а разве не должно быть так?

— Конечно, — кивнул отец Ал. — Он же ваш аналог.

Род кивнул. — Но где же ваш аналог, отец?

— Либо мы его еще не встречали, либо его не существует, — улыбнулся священник. — Вероятно, последнее, потому я не могу заниматься здесь магией.

— Но как же так вышло, что у меня тут есть аналог, а у вас нет? — спросил Род.

Отец Ал поднял ладонь, растопырив пальцы. — Вспомните нашу теорию параллельных вселенных: есть ряд “корневых” вселенных, но любой “корень” разветвляется? Каждое крупное историческое событие действительно заканчивается двумя вариантами, и каждый вариант — это отдельная вселенная, ответвившаяся от “корня”. Например, в нашем наборе вселенных динозавры вымерли, а млекопитающие процветали, но, надо полагать, была и другая — главная ветвь, в которой вымерли млекопитающие, а динозавры выжили и продолжали эволюционировать.

— Значит, может существовать вселенная, в которой города Земли заселены разумными ящерами, — покачал головой Род. — Ух! И чем дальше ответвились друг от друга в прошлом вселенные и дальше разошлись в стороны, тем больше они непохожи друг на друга.

Отец Ал медленно кивнул, не отрывая от него взгляда.

Род нахмурился. — Я не люблю, когда меня водят, как на поводке. Если у вас на уме следующий шаг, так выскажите его.

Отец Ал сконфузился. — Извините, старые учительские рефлексy. Видите ли, эта вселенная не может быть соседствующей с нашей — мы пролетели целый ряд вселенных, где царит наука, а магия всего лишь фантазия. Должна быть, к примеру, вселенная, где революция ДДТ потерпела поражение и по — прежнему правит ПЕСТ; где так и не рухнул МИВ, старый Галактический Союз. И так далее, и так далее. Есть и такая, где человечество еще не выбралось с Земли, а где-то

оно добралось до Луны, но не дальше. Имеется планета, где немцы выиграли Вторую Мировую Войну, на другой же выиграли Первую Мировую Войну, а Вторая вообще не произошла... миллион всяких. Мы летели мимо разных планет в далекую-предалекую вселенную, где действует магия, а у науки так и не появилась возможность вырасти.

Род очаровано глядел на священника.

— Итак, по логике, — продолжал отец Ал, — чем дальше мы находимся от своей родной вселенной, тем больше она меняется, и число людей, имеющих свои аналоги становится все меньше и меньше. Например, подумайте обо всех солдатах, вернувшихся со Второй Мировой Войны с невестами-иностранками. Во вселенной, где Второй Мировой Войны и не происходило, эти пары так и не встретились — и поэтому у их потомков никаких аналогов нет в этой вселенной, равно как и во вселенных, ответвившихся от нее.

Род нахмурился еще больше. — Позвольте мне остановить вас, вы подводите меня к мысли, чем дальше мы забираемся, тем чертовски мало остается аналогов.

— Именно так, — кивнул отец Ал. — Очень мало, друг мой. Вы, кажется, очень редкий случай.

Ему стало неудобно на каменном полу. — Почему это я такой особенный?

— О, нет, — усмехнулся отец Ал, подняв ладонь. — Вы не заставляйте меня строить предположения на этот счет, во всяком случае, без больших предварительных исследований! В конце концов, это может быть просто генетической случайностью, возможно, у лорда Керна нет с вами даже аналогичных дедов и бабушек!

— Сомневаюсь, — кисло сказал Род.

— Честно говоря, я тоже, но кто возьмется утверждать? У меня было времени разработать сравнительную генеалогию между вами и лордом Керном.

— Но во скольких же вселенных у меня есть аналог?

— Опять же — кто знает? Полагаю, у вас их нет во вселенных, где так и не развился гомо-сапиенс — но я это положение тоже не гарантирую.

Род закусил нижнюю губу. — Значит, я в состоянии почерпнуть сил у кудесников в совсем иных, более магических вселенных?

— Такое вполне допустимо. Конечно, чтобы забраться в такую даль, вы должны иметь великое множество аналогов.

— Что составляет уже два ваших “не знаю” — или “три”?

Род подобрал под себя ноги. — Пора покончить с гаданиями и перейти к конкретике, отец. Как мне управлять этим даром? Я не могу просто пожелать, это слишком рискованно.

— Безусловно. Но когда вы желаете с большой эмоциональной интенсивностью, то вы раскрываетесь, и существует техника, позволяющая делать это намеренно. — Отец Ал нагнулся вперед.

— Вы готовы?

Род устроился чуть поудобней, стряхнул робость и кивнул. — Что мне надо сделать?

— Сосредоточиться. — Отец Ал извлек четки, раскачивая распятие взад — вперед, словно маятник. — Постарайтесь дать своей голове опустеть. Пусть ваши мысли бродят, где угодно; они улягутся и наступит пустота. Пусть глаза вам заполнит пляшущий свет.

— Гипноз?

— Да, но вам придется проделать его самостоятельно — я могу лишь указывать вам путь. Дайте мне знать, когда я покажусь нереальным.

— Как три дня назад, когда я вас впервые увидел. Священник покачал головой. — Шутка такого рода — психологическая защита, друг мой, а ваша цель, дать стенам растаять, а не сделать их еще толще. Дайте своей голове опустеть.

Род попытался. Через некоторое время, он сообщил, что он делает не так и расслабился, давая своим мыслям уйти, куда они пожелают, не сводя глаз со сверкающего креста. Слова кружили у него

в голове, словно сухие листья; а затем начали оседать.

Их оставалось меньше и меньше, он чувствовал, что лицо у него стало больше, горячее, а тело уменьшилось. Крест заполнил ему глаза, но Род не видел ни находящегося за ним лица отца Ала, ни каменного помещения. Осознавал лишь, что линии потолка и пола скашиваются по отношению друг к другу, стремясь к исчезающей точке, словно все это было нарисовано на плоском холсте. А вокруг него образовался какой-то невидимый щит, силовое поле в четыре фута толщиной... — Я дошел.

— А теперь — потянитесь. — Монотонный голос, казалось, звучал и издали, и прямо у него в голове. — Где ваш разум?

Это был интересный вопрос. В голове у Рода было пусто, значит там его быть не могло — Далеко.

— Дайте своему сознанию уйти — найдите свой разум.

Это было любопытно — он словно шарил каким-то невидимым манипулятором сквозь бесформенную бездну.

Затем манипулятор что-то нашел и зацепился на месте. — Я его достал.

И сила потекла к нему, воплощаясь в слепой, возмущенный гнев, бурную ярость. Он почувствовал, как наполняется энергией его тело.

В глазах снова появилось распятие, и священник что-то прошептал на латыни. Род не уловил смысла, но почувствовал приказ, за которым стояла мощь Судного Дня.

Затем распятие опустилось, и издали донесся приглушенный голос священника. — Чем бы она ни была, она не сверхъестественная.

Род осторожно покачал головой. — Она человеческая. — Голос его казался гулким эхом в длинном туннеле, звучащим у него в барабанных перепонках. Роду пришло в голову, что ему следовало бы испугаться, но он испытывал слишком сильный гнев.

Он медленно поднялся на ноги, держась прямо. Что мне делать теперь?

— Используйте ее. Сперва...

Рода внезапно потряс удар. — Погодите. Она сама использует меня.

— Для чего?!

— Не знаю... Нет, знаю. Это лорд Керн, о он не телепат, но я воспринимаю нижний уровень того, что он испытывает. Он только что использовал меня в качестве маяка и каким-то образом черпал у меня силы для телепортации крупной части своей армии в... — Он снова конвульсивно дернулся. — Еще одна крупная часть пехоты... Кавалерия... лучники... они все теперь тут, очень близко к... Теперь он закончил со мной работать.

— Его сила все еще при вас?

Род кивнул.

— Попробуйте свою семью.

Род не пытался войти в мозг Джеффри; он просто пожелал ему прогнуться, впрыснув в него капельку силы для преодоления воздействия дурмана. Мальчик зевнул, потянулся и с сонной улыбкой посмотрел на отца. Затем глаза у него широко распахнулись, он с трудом поднялся на ноги.

Род протянул руку и взял его за плечо. — Порядок, сынок. Это по-прежнему я, теперь мне надо разбудить твоих брата и сестру. Найди мне их.

Джеффри, бледнея, плотно зажмурил глаза. Род чуть ли не увидел направление его мысли, устремившейся сквозь каменные стены. Он обратил взгляд в ту сторону, прожигая горящим взглядом потолок, впрыскивая силу своей семье и желая ей проснуться.

— Они проснулись, — голос Джеффри стал тихим и приглушенным. Отец Ал привлек его к себе.

— Они в цепях?

— Нет, папа. Они спали.

— Тогда передай им встречать нас на винтовой лестнице. Нам предстоит найти Элидора.

— Как, папа? — поднял скованную руку Джефри.

Род прожег взглядом железный браслет, и тот расплавился. Джефри завизжал и прижался спиной к отцу Алу. Род прожег взглядом другое его запястье, и железа распались вновь.

Отец Ал медленно поднял собственное запястье. Кандалы распались. Род толкнул свои руки прямо вперед, и его кандалы рассыпались. Он встал предельно медленно, держа тело предельно прямо. У него было ощущение, словно голова его разбухла, а лицо находилось в двух футах перед самим собой. — Ведите меня, отец. Я не чую под собой пола.

И не чувствовал. Он не чувствовал ничего, кроме наполнявшей его громадной, пульсирующей силы, нарастающей ярости, которую он пытался обуздать. Он потянулся взять за руку священника, и отец Ал охнул. Род ослабил хватку, священник медленно подвел его к двери. Джефри с расширенными от изумления глазами последовал за ними.

Они остановились у огромной дубовой панели. Рванулся, подняв тучу древесной пыли, замок. Когда пыль улеглась, они увидели замок, наполовину вырванный из двери. Род пинком распахнул ее и, шатаясь, вышел в коридор. Отец Ал поспешил выйти с ним, поддерживая и подкрепляя его. Голова у Рода начинала болеть от жесткого пульсирования. Они двинулись к винтовой лестнице.

У железных ворот стояла кучка стражников. Они подняли головы, увидели идущего Рода, уставились, а затем схватились за алебарды.

Железные ворота вдруг сорвались с петель, а древки алебард вспыхнули пламенем. Солдаты завопили и побросали оружие, резко развернулись к дубовой двери за воротами, но та тоже вспыхнула пламенем. Они с воем повалили назад. Центр двери вылетел, расшвыривая по коридору горящее дерево.

— Я этого не делал, — прохрипел Род, — ничего из этого.

Через дверь прошествовала Гвен, окруженная пламенем, с гневно горящими глазами, явившаяся за своим мужчиной.

По обе стороны от нее выскочили Магнус и Корделия, с лицами из кремня, гончие войны.

Она увидела его приближение, и гнев остыл. Она подошла к нему, схватив за руку. — Муж, что на тебя нашло?

— Сила, — прохрипел он. — Веди меня.

Затем вверх по винтовой лестнице и по коридорам. Набегали кричавшие солдаты с алебардами наготове, но огромный невидимый кулак разбрасывал их по сторонам. Выскакивали, замахиваясь мечами, придворные, что-то отметало их в сторону и швыряло на пол. Семья перешагивала через их тела, неуклонно продвигаясь вперед.

Они поднялись в донжон. На последней ступеньке Магнус вдруг пронзительно завизжал от ярости и исчез. Джеффри последовал за ним.

— Куда они пропали? — проскрежетал Род.

— В королевские покои! — пальцы Гвен сжали ему руку. — Скорей! Герцог Фойдин пытается убить Элидора!

Род схватил за руку Корделию и закрыл глаза, качаясь, сосредотачиваясь. В висках у него застучала боль, в ушах зарычала кровь, а за всем этим пение...

Он почувствовал толчок и открыл глаза.

Он стоял в богато меблированной комнате, с восточным ковром и занавесями из гобелена. У противоположной стены стояла огромная постель с багдахином, а на ней прижимался к передней спинке скорчившийся Элидор. Около нее, под высоким стрельчатым окном, стояла колыбелька.

Герцог стоял рядом с постелью с мечом в руке. Между ним и Элидором плясали Джеффри и Магнус, словно кобры, бешено фехтуя с герцогом. Тот рычал, нанося направо-налево удары огромными взмахами меча, взбешенный тем, что не в состоянии задеть их.

Элидор выпрямился и, сунув руку под перинку, выхватил кинжал.

В огне появилось огромное синее лицо, и синяя рука с железными ногтями заскребла, нащупывая колыбель.

Корделия пронзительно завизжала, и рука яги внезапно вывернулась. Она взревела, и пораженный Джефри поднял взгляд. Затем резко повернулся к колыбели, чудовище с радостным воем скребло его. Джефри заревел, став вдруг обыкновенным, очень испуганным трехлетним мальчиком.

— Прочь, проклятая! — завизжала Гвен, и рука чудовища трахнулась об подоконник с треском пистолетного выстрела. Яга завопила, но сжала Джефри еще крепче; лицо у него сильно побагровело. Затем синее лицо отвалило прочь, и рука выдернула Джефри за окно.

Род прыгнул к окну и высунулся, глядя вниз.

Под ним яга сбегала по стене донжона, словно паук, размахивая в воздухе Джефри. Глаза у Рода сузились, и переполнившая его холодная ярость не оставила места для жалости. Рука яги внезапно вывернулась, затем повернулась вновь, отрываясь от плеча. Визги ее пробурывались сквозь череп Рода, когда она вращаясь, падала вниз.

Рука ее плавала высоко в воздухе, вместе с Джефри.

Рядом с Родом очутилась Гвен, пристально глядя на синюю руку. Один за другим пальцы разжались, и Джефри подплыл к ним, укачиваемый материнскими мыслями и рыдая.

Род не остался досматривать остальное, младший его мальчик был в безопасности, но вот старший — нет. Он перевел холодный пристальный взгляд на герцога.

Герцог Фойдин все еще дрался, но фехтовал он со злорадной усмешкой, так как Магнус уставал. Он стал медленно парировать и запаздывать с ответными выпадами. Герцог рубанул его по голове, Магнус увернулся и споткнулся о край ковра, упав ничком. Герцог зарычал от жестокого удовлетворения и обрушил на Магнуса рубящий удар.

Руку ему с силой рвануло назад, отшвырнув его к стене. Он завопил. Затем он встретился взглядом

с Родом, и на лице его появился страх. Глаза у Рода сузились, и тело герцога тряхнуло от внезапного, приглушенного взрыва. Кровь отхлынула у него с лица, голова отклонилась назад, а глаза закатились. Потом он осел на пол.

— Что ты сделал? — прошептала в наступившей тишине Гвен.

— Взорвал ему сердце, — пробормотал Род.

Из колыбели раздался громкий плач.

Гвен подбежала к ней, взяв ребенка на руки.

— Ну, ну, мой любимый, успокойся, ш-ш-ш. Все хорошо, все хорошо; никто тебя здесь не тронет, и мама скоро придет за тобой. — Она подняла взгляд на Рода. — Хвала Небесам, что мы успели!

Отец Ал кивнул. — Часовые герцога, должно быть, сообщили ему, что лорд Керн у ворот, поэтому он попытался назло ему убить Элидора.

— А потом убил бы и младенца! — Внезапно в Роде поднялся гнев, надувая, сотрясая его, словно шторм. Отец Ал очутился рядом с ним, тряся его за плечи и крича:

— Дело сделано, герцог убит! Элидор в безопасности, младенец в безопасности, ваши дети в безопасности! Все дети в безопасности — вы лорд Гэллоутглас, а не лорд Керн! Вы — Род Гэллоутглас, Родни д'Арман, переправленный сюда с Грамария в другую вселенную — с помощью науки, а не магии. Вы — Род Гэллоутглас!

Род почувствовал, как гнев начинает мало-помалу спадать, а Сила таять. Она ослабла и пропала — он зашатался, мозг его внезапно окутало туманом; помещение пронзали звезды.

— Милорд! — Гвен очутилась рядом с ним, держа одной рукой младенца, а другой обняв его.

— Да, я знаю, вы опустошены, — отец Ал положил его руку себе на плечо. — Такое применение магии потребовало до капли все резервы, какими обладало ваше тело. Но соберитесь — дело еще не закончено. слышите?

Слышу? — нахмурился Род, мотая головой, пытаясь прояснить ее. Он напрягся и смутно, сквозь звон в ушах, расслышал крики и лязг стали. Война!

— Войска лорда Керна бьются с солдатами герцога! — резко внес ясность отец Ал.

Адреналин впрыснул свою последнюю дозу, и Род выпрямился. — Нет... нет, я могу стоять. — Он отвел их руки и стоял сам, покачиваясь, а затем приобрел устойчивость.

По всему замку прогремел голос, исходивший из самих стен: "ВАШ ГЕРЦОГ УБИТ! БРОСАЙТЕ ОРУЖИЕ!"

Наступил миг безмолвия. Затем начался тихий стон, который превратился в звуки отчаяния. Когда он замер, Род смутно услышал стук и лязг мечей, щитов и алебард, звеневших по холодному камню.

— Тот голос, — прошептала Гвен.

— Что насчет него? — нахмурился Род, — Мне он показался совсем не благозвучным.

— Он был твой.

— Я думаю, приближается ваш дубль, — пробормотал отец Ал, — явившийся за своим.

— Хорошо, — пробурчал Род. — Пусть забирает на здоровье.

По камню коридора зазвенели кованные шаги.

— Быстро! — резко скомандовал отец Ал. — Возьмитесь за руки! Соедините всю семью воедино!

Род не понял зачем, но прореагировал на настойчивость священника. — Дети! Живую цепь! Быстро!

Те бросились по местам. Магнус и Корделия схватили за руки Джеффри, Корделия взяла за руку Гвен, а Магнус Рода.

Просто для гарантии Род схватил за руку отца Ала. — Что все это значит?

Просто предосторожность. Вы знаете, что делают, заведя своего доппельгангера?

— Нет.

Отец Ал кивнул. — Хорошо!

Затем дверной проем заполнился, и в комнату вошла точная копия Гвен.

Ну, не точная — волосы потемнее, а губы не такие полные, но это была, несомненно, она.

“Настоящая” Гвен протянула ей ребенка. — Вот ваш младенец.

Женщина негромко вскрикнула и прыгнула, подхватив ребенка из рук Гвен. Она прижала его к себе, напевая ему так же, как это делала Гвен.

— Благодарю.

Род поднял голову.

Волосы рассыпаны по плечам, он носил шкиперскую бороду и коротко подстриженные усы, но за всеми этими волосами было лицо Рода. — Премного благодарю за спасение жизни моего ребенка и моего короля.

Затем лицо у лорда Керна потемнело и он проревел — Что ты здесь делаешь, что ты здесь делаешь? Ищешь моей кончины? Убирайся отсюда! Сгинь!

Вся сцена взорвалась буйством красок.

Роящиеся краски, сливающиеся друг с другом и снова расходящиеся, колыхались и растекались вокруг него. Ничего Род больше не видел. Он плавал в полихромной бездне, но он чувствовал в своей руке давление руки Магнуса и руки отца Ала, чувствовал притяжение и устремления в разные стороны, словно невидимые руки пытались тянуть его в разные стороны. Но одна тянула сильнее, чем другие. Он двинулся к ней: все равно рука Магнуса тянула в этом же направлении. Грегори, сообразил он, малыш Грегори, зовущий маму домой. И папу, конечно, тоже, не все ли равно, кто действительно важен для младенца?

Затем краски начали сгущаться, сливаясь друг с другом, а затем снова отделяясь — коричневые полосы и многоцветные, свернувшиеся в деревянные балки и занавески; и белые, ошетилившиеся штука-туркой...

Под ним оказался пол. Он отпустил Магнуса и отца Ала и оттолкнулся от пола, приподнявшись на руках, испытывая головокружение, окинул взглядом большую комнату в собственном доме.

Около очага колыбель, над ней высился Бром О Берин, смотревший на них.

Гвен с радостным криком вскочила на ноги и побежала подхватить на руки малыша.

Бром заревел от радости и облапил ее.

Дядя Бром! — закричали дети и кучей малой навалились на них обоих.

— Векс? — пробормотал себе под нос Род, не совсем веря случившемуся.

— Род! — голос так и треснул у него в ухе. Он скривился. — У меня в цепях обратная связь. Ты настоящий?

— Вынужден это признать, — пробурчал Род, — Никогда не представлял, что буду так рад услышать твой голосишко. Можешь теперь выключить тот передатчик.

— У, папа! — полезла к нему разочарованная Корделия. — Ну всего еще один раз?

— Нет, определенно нет!... По крайней мере, не сегодня. — Он повернулся и увидел, как отец Ал подымается с пола. — С вашего позволения, отец, я безусловно предпочитаю технологию.

ГЛАВА 24

Понятное дело, такое у них не было в обычае — но это был тот случай, когда семейство Гэллогласса было просто обязано пригласить к столу коня.

Разумеется Векс не ел, стоя в конце стола, хотя для вида и сунул нос в торбу. После бешеного шквала приветствий и выражений радости, Гвен быстро разделала угощение, и вся семья первый раз за день села поесть. Корделию и Джеффри спровадили в постель (невзирая на протесты), а взрослые (и сонноглазый Магнус) уселись рассказывать Брому и Вексу о своих приключениях.

— Негодай! — воскликнул Бром, когда они закончили. Вы открыли ему путь к победе, убили его главного врага и выручили его сына — и как же он благодарит? Велит вам убираться!

— О, все обстоит далеко не так плохо, — объяснил отец Ал. — На самом деле, он был очень благодарен, но не настолько, чтобы согласиться умереть.

— Умереть? — нахмурился Бром. — Что ты имеешь в виду, бритоголовый?

— Он подумал, что Род его доппельгангер.

Бром уставился на него во все глаза. А затем хлопнул по столу и откинув голову назад расхохотался. — Ну, конечно же, конечно! Что же ему еще оставалось делать, кроме как прибегнуть к чарам изгнания.

Род перевел взгляд с него на отца Ала, а потом на Гвен, но та покачала головой, недоумевая не меньше его. — Не хочет ли кто-нибудь разъяснить нам в чем дело? — скромно поинтересовался он.

— “Доппельгангер” — объяснил отец Ал, — это по-немецки значит ваша точная копия, и увидеть его обычно означает, что в недалеком будущем вам предстоит умереть. Его также называют двойником или дублем.

— О, — медленно усмехнулся Род, — И сбылось бы, в данном случае, это поверье?

— Ну, теперь уж мы никогда не узнаем. Но вполне возможно, что если б вы оба оказались в одном и том же месте, та вселенная могла бы аннулировать вас обоих.

— Для нас обоих в той вселенной не хватало места, да? Оригинулу и аналогу там слишком тесно?

— Наверно. В любом случае, лорд Керн не стал рисковать. Он произнес традиционные фразы для изгнания доппельгангера — и они подействовали.

— Изгнали меня прямиком обратно в мою родную вселенную, — поднял бокал вина Род, — За что я его и благодарю.

— Именно, — согласился отец Ал. — Уверен, он не хотел причинить никакого вреда или проявить неблагодарность.

— Да, ничего личного. Значит он сохраняет свою вселенную, но сохраняю ли я свои силы?

— Вопрос интересный, — поджал губы отец Ал. — Уверен, он удержал их при себе, но самый опыт использования его сил, безусловно, должен бы ликвидировать любые бессознательные блоки, установленные вами, освободив вас для применения тех сил, какими вы обладаете. А мы уже обладали чем-то своим собственным прежде, чем отправились в ту вселенную.

— Таким, как власть манипулировать “магическим полем”?

— Возможно, она по-прежнему при вас, — кивнул отец Ал. — А судя по тому, что вы мне рассказали о Грамарии, здешнее население должно обеспечить очень мощное магическое поле.

— Значит, он — чародей? — потребовала прямого ответа Гвен.

Род пожал плечами. — Нельзя сказать, дорогая, пока я не попробую, а, если ты не против, я предпочел бы сейчас не пробовать.

— Конечно, — напомнил ему отец Ал, — вы всегда могли бы почерпнуть сил у одного из своих аналогов.

Род содрогнулся. — Я предпочел бы не пытаться. Кроме того, их силы могут и не подействовать в этой вселенной.

Взгляд отца Ала устремился куда-то вдаль. — Ну, теоретически...

— Э, как-нибудь в другой раз, — нервно прервал его Род. — Подождите, пока не зарубцуются шрамы, хорошо, отец?

Мне почему-то думается, что после всего этого никто из нас не останется таким, как прежде.

Он услышал бормотание Гвен. — Да, боюсь, что это на всю жизнь оставит свою отметину и на Грегори.

— Да, — сумрачно согласился Род, — если пережить такое в возрасте меньше года, воздействие может оказать массированным. Я лишь желаю, чтобы мы могли узнать, каким же будет этот эффект. Он повернулся к ней с успокаивающей, улыбкой.

Но она в шоке уставилась на него во все глаза. — Милорд...

Внезапно, наступила полная тишина. Сбитый с толку Бром, недоуменно нахмурился.

Отец Ал деликатно кашлянул.

Род нахмурился, переводя взгляд с одного на другого — Кто-нибудь будет любезен сказать мне, что все это значит!

— Папа, — сказал глядевший на него круглыми глазами Магнус, — она не говорила.

Теперь уж Род уставился во все глаза.

Векс прочистил осциллятор. — Э, Род, мне очень неприятно беспокоить тебя в такое время...

— О, никаких проблем! — ободрил его появление Род. — Беда? Да, да! Скажи мне! У нас есть такое дело, как конфликт между Аббатом и

Короной... Давно собирался добраться и до этого. Кстати, спасибо тебе за бюллетени — мы получили их. Как-нибудь я расскажу тебе каким образом. Твое последнее сообщение гласило, что четверо южных лордов откликнулись на изданный Аббатом призыв к оружию, а трое северных баронов встали под знамя Короля...

— Точно. Туан выступил со своими армиями в поход к монастырю Святого Видикона; Аббат, услышав о его приближении, выехал ему навстречу, в сопровождении четырех армий. К закату они стали лагерем на виду друг друга, и король с аббатом обменялись посланиями.

— Я немножко циничен, чтобы думать будто они достигли компромисса. — Род уперся сердитым взглядом в пол. — Фактически, я готов биться об заклад, что прежде, чем они улеглись спать, прибыли доставленные специальным посланником последние вызывающие слова. — Он поглядел в окно на солнце, — Думаешь, мы еще успеем попасть туда до первой атаки, Векс?

— Мы можем попробовать, Род.

— Тогда поехали. — Род направился к двери, крикнув не оборачиваясь Гвен. — Извини, дорогая, мне пора Был сигнал.

Гвен выскочила из своего ступора. — О, да! Я сохранил для тебя обед!

— Надеюсь, мы к тому времени закончим.

Он выскочил за дверь, не промешкав ни на миг, так как по пятам за ним гнался большой черный конь. Миновав дверной проем, он вскочил в седо и ударил пятками в бока Векса.

Позади него что-то дернулось. Он огляделся и увидел оседлавшего круп Векса отца Ала.

— Услышав отрывки вашего разговора, я решил, что мне лучше отправится с вами.

— Как уютно, отец, — пожал плечами Род, — но держитесь крепче; по сравнению с этой скачкой, полет на метле покажется надежней!

Векс проскакал галопом через луг, включив реактивные двигатели, взмыл в воздух и с ревом унесся прочь.

ГЛАВА 25

— Вот они, — показал вниз Род.

Впереди лес уступал место равнине. В центре ее выстроились лицом друг к другу две длинные шеренги бронированных рыцарей, разделенных двумя сотнями ярдов. На глазах у Рода эти две шеренги, казалось, накренились вперед, а затем начали двигаться. Кони перешли на рысь, потом на легкий галоп...

— Стой! Они не могут начать теперь, когда мы почти у цели! Гони к ним, Векс! И шуми, как можно громче!

Большой черный конь соколом устремился вниз, и рев двигателей внезапно возрос.

Черный конь полетел стрелой в коридор между двумя шеренгами атакующих рыцарей, в пяти футах над равниной, с ревушими реактивными двигателями. Лошади пронзительно заржали, становясь на дыбы и сбрасывая всадников. Другие рыцари, испуганно бранясь натянули поводья. Позади них пехотные солдаты заревели от страха и повернулись назад, пытаясь перелезть друг через друга, чтобы убежать от этого рычащего духа.

Векс набрал высоту, сделал круг. Род оглянувшись через плечо с неким удовлетворением. — Этого должно хватить. Для наведения порядка в таком кавардаке им потребуется какое-то время. — И почувствовал гордое удовлетворение при мысли, что около Аббата и каждого барона должен быть агент из будущего, скрежещущий зубами в бессильной ярости при виде Верховного Чародея.

— Мы не можем принести большой пользы здесь наверху, — прокричал ему в ухо отец Ал.

— О, я б сказал, что пока мы действовали не так уж плохо, — проорал в ответ Род. — Но вы правы, остальное надо будет делать пешими. Механизация может довезти лишь до определенного предела... Приземляй нас, Векс.

Большой черный конь описал круг, сбрасывая скорость, а затем спикировали по той же траектории, что и при первом заходе. Копыта ударили оземь, встроенные в ноги амортизаторы приняли удар на себя. Приземлился и поскакал во весь опор, постепенно переходя на легкий галоп, потом на рысь. Подскочил к центру, к королю Туану.

Туан откинул забрало, недоверчиво уставясь на него. Затем по лицу у него расплылась радостная улыбка, и он прищпорил коня, выехал вперед, схватив Рода за плечи. — Лорд Гэллоутлас! Хвала Небесам! Ты жив! Но как это вышло? Мы слышали, что тебя закинули колдовством неведомо куда!

Род усмехнулся и хлопнул его по плечу. А затем скривился, доспех оказался твердым. Позади него что-то дернулось, оглянувшись, он увидел, как отец Ал бежит через равнину к противоположному строю, к Аббату! В Роде на какой-то миг вспыхнул гнев. Что это — измена? Затем его гнев превратился в досаду. Конечно, он не мог винить человека за приверженность той стороне, на верность которой он присягал.

— Кто был тот монах? — спросил Туан. — И как ты попал в силки колдовства, вместе с женой и детьми? Где вы были? Как ты вернулся? Нет, скажи мне, кто тебя заколдовал, кто приказал тем пегодьям, что сидят у меня в темнице, и я обрушу на него всех рыцарей и ратников!

Род усмехнулся и поднял руку. — По одному вопросу, не все сразу, Ваше Величество, умоляю вас! Но ваше горячее приветствие меня очень радует.

— Знал бы ты сколь сильно мы нуждались в Тебе. Но как там леди Гвендайлон и малыши?

— Вернулись вместе со мной, и все целы. Что же касается остального... Ну, рассказ об этом впереди, думаю, всю историю будет легче понять,

если я расскажу ее по порядку, с начала до конца. Давайте немного подождем с этим, идет?

— Приходится, — неохотно согласился Туан. — ибо надо подумать о этой суете. Ты остановил начало битвы, Верховный Чародей, но не думаю, что это предотвратит ее.

— Попробовать, однако, стоит, не так ли? Примирение всегда возможно.

— Коли ты так говоришь, я попробую, — покачал головой Туан. — Но было произнесено немало резких слов, лорд Чародей, и боюсь, дело зашло так далеко, что нет никакой надежды на исцеление.

— Вероятно, ты прав, но я хотел бы попробовать свои миротворческие силы. — Род повернулся кругом. — Давай просигналим о желании вступить в переговоры.

Но им пришлось подождать. По другую сторону поля отец Ал стоял рядом с конем Аббата, и Аббат глядел во все глаза на пергамент у него в руке. Их голоса доносились, даже на такое расстояние.

— Папа? — воскликнул в испуге Аббат. — Нет, он, наверняка, лишь легенда!

— Вы же знаете, что нет, — вежливо, но твердо, — ответил отец Ал. — Вы знаете сколь долго сохранилась черед преемников Петра, и признаете в глубине души, что эта преемственность не исчезла за несколько веков.

Аббат трясущимися руками опустил пергамент. — И все же я думаю, что этого не может быть. Какие есть доказательства, что послание и печать подлинные?

— Вы видели ее в своих книгах, лорд Аббат. Ужель вы истинно сомневаетесь в ее подлинности?

На какой — то миг они сцепились взглядами; затем на лицо Аббата набежала тень недовольства. — Нет, поистине не сомневаюсь. И все же Ватикан забыл о нашем присутствии здесь на пять долгих веков. Как же вышло, что теперь, только теперь, он соизволил нас заметить, да и то только затем, чтобы приказать.

— Это было прискорбной оплошностью, — признал отец Ал. — И все же, разве основатель ветви нашего ордена пытался уведомить Ватикан о своих намерениях, или о своем присутствии здесь? И можете ли вы действительно утверждать, что вы или любой из ваших предшественников пытались возобновить связь? Не говорите мне, будто вы не в состоянии это сделать; я встречался с вашими монахами.

Аббат, все еще дрожа, посмотрел на него. А затем медленно кивнул. — Да, должен признать, оплошность допустили обе стороны.

Теперь лицо отца Ала смягчилось, вырзив печальное сочувствие. — Милорд — вы же катодянец; и знаете о Финале.

Аббат сник. — Да, поистине, поистине! — Он вздохнул и выпрямился в седле. — Ну, мы должны обратить противоречивость против самого себя, не так ли? И почему, скажите мне, отец, почему приказывает через вас вас Его Светлейшество.

— Нельзя ли нам переговорить в сторонке, милорд?

— Если надо, значит надо. — Аббат слез с коня, его нагрудник и шлем не соответствовали монашеской рясе. Они вышли на равнину между двумя армиями, тихо перешептываясь.

Туан нахмурился. — Кто этот бритоголовый, которого вы привезли к нам, лорд Чародей?

— Честный и добрый человек, — поспешно заверил Род. — Если б не он, я бы по —прежнему находился... Там, где был или на том свете.

Туан кивнул — Поручительство его удовлетворило. И все ж, добрый он или нет при столь жестокой ссоре, не дает полной уверенности того, что он не повернет против тебя.

— Да, — медленно проговорил Род. — Нельзя.

— Так я и думал. Туан расправил плечи и сел на коне прямее.

— Скоро мы это узнаем. Они идут на переговоры. Он коснулся шпорами боков коня и выехал навстречу, шагавшему к нему лорду Аббату. Векс

пошел за ним. Неподалеку от Аббата, Туан соскочил наземь.

— Хороший штрих, — подумал Род. Если смотришь на своего оппонента сверху вниз, то нет никакой надежды на примирение. И соответственно тоже спешился.

— Ну, милорд Аббат, — обратился Туан.

— Вмешались небеса и сорвали эту битву в тот момент, когда смертные сочли бы, что делать это чересчур поздно. Нельзя ли нам с вами отыскать теперь какой — то способ сохранить этот дар мир? Аббат стоял бледный и осунувшийся, но плотно сжав губы в твердой решимости.

— Если вы того желаете, ваше величество, то я не против такой попытки. Все же мы должны глубоко подумать.

— Я думаю, — пообещал Туман. — Говорите.

Аббат сделал глубокий вдох. — Мы должны считать, что Церковь и Государство должны быть разделены в своей власти и обязанностях. Туан моргнул. А затем, медленно склонил голову.

— Все, как вы говорите, милорд. Признаю это неохотно, но мы должны согласиться с данным принципом. Мы не можем притязать на власть в духовных делах. На сей раз моргнул Аббат, он никак не ожидал столь любезного ответа.

— Признаться я весьма рад слышать подобные слова Вашего Величества. Соответственно, следуя этому принципу, мы должны признать, что святая мать Церковь не может притязать на власть в распределении государственных средств. Туан стоял не двигаясь. Затем медленно кивнул.

— Все, как вы говорите, милорд, и все же, надеюсь, мы сможем полагаться на ваш добрый совет, особенно в отношении тех областей в наших владениях, чьи потребности удовлетворяются не в полной мере.

— Да, конечно, поистине, поистине! — воскликнул пораженный Аббат. — Мои советы — ваши, когда ни пожелаете! И все же... — Лицо его потемнело.

— Таким образом, Ваше Величество, мы должны настаивать на власти святой матери Церкви назначать священников в ее собственные приходы! — Туан кивнул.

— По сему поводу у нас с королевой вышел долгий разговор, лорд Аббат, вы понимаете, что для нас уступить такую власть весьма тяжело. Лицо Аббата посуровело.

— Неохотно, — подумал Род.

— И все же, — продолжал Туан.

— Если учесть наше согласие с провозглашенным вами принципом разделения, то ясное дело, никаких сомнений быть не может. Назначение клира должно находиться в ваших руках, отныне мы не желаем иметь к нему ни какого касательства. Аббат уступился на него, потеряв дар речи.

— Мы бы просили вас помнить свою клятву, — добавил несколько резко Туан, — уведомлять нас, где и когда нехватает помощи беднякам, и представлять нам на рассмотрение все проблемы, касающиеся заботы о нуждающихся и способы лучшего их разрешения.

— Всей душой! — воскликнул Аббат. — Будьте уверены, я порекомендую вам все полезные знания, кои мы приобрели, и все идеи, которые у нас возникнут! В самом деле, я велю своей братии поразмыслить о таких средствах, как только снова прибуду в свое аббатство!

— О, полно, не торопитесь! — возразил Туан, — Все же, если вы готовы...

Было еще много в том же духе; практически они поклялись тут же начать совместную кампанию против несправедливости и нищеты. И, после того, как Аббат, светясь от добрых намерений, исчез в рядах собственного войска Туан насел на Рода. — И так, Чародей! Каким волшебством ты вызвал сию смену погоды?

— Да, я не имел никакого отношения к этому, — добродетельно открестился Род. — За исключением того, что привез сюда отца Ювэлла. Ладно, отец, выкладывайте, — крикнул Род, перекрывая рев реактивных двигателей Векса.

— Да, бросьте вы! — прокричал в ответ отец Ал. — Неужели я не могу сослаться на профессиональную привилегию?

— Вы показали ему то послание от папы, не так ли? И он узнал подпись!

— Нет, но Печать он знал. По мимо этого, я всего — навсего объяснил политику святого отца в вопросе отношений между Церковью и Государством.

— Которую он и воспринял со всей точностью, — кивнул Род. — Но я не ожидал, что он настолько быстро уступит. Как вы этого добились? Отец Ал пожал плечами. — Главную роль тут, вероятно, сыграл шок. Они более пятисот лет не получали ни слова из Рима.

ГЛАВА 26

Наконец, он смог закрыть дверь в спальне (новшество на Грамарие) и снять с себя камзол.

— Что случилось с детьми?

— Да ничего, по-моему, — ответила с подушки Гвен. — Они весь день вели себя прекрасно!

— Именно это я и имел в виду. Что с ними стряслось?

— О, — она с кошачьей грацией перекатилась на бок.

— Они боятся, что ты услышишь их мысли.

— О, — усмехнулся Род. — Значит они не могут даже и думать поозорничать, да? Ну, я в некотором роде слышу их, но пока лишь это бормотание. Конечно, я не старался. Он стащил с себя рейтузы и скользнул в постель.

— Ты забыл ночную рубашку, — прожурчала Гвен.

— Ничего я не забыл, — погладил ее Род; Она ойкнула. — Хм, да, все точь в точь, как я помню. Уверена, что их беспокоило только это?

— Это воспоминание о твоём виде, когда ты убил герцога. — Она содрогнулась. — Такое заставило б задрожать и взрослого, не говоря о ребенке.

— Да, — нахмурился Род. — Хотел бы сказать, что никогда не буду стремиться к повторению случившегося, но ты же знаешь, что такие случаи обязательно возникнут.

— И впрямь возникнут, — голос ее стих, она прильнула поближе. — Несомненно, тебя вынудят вновь востребовать такие силы.

— Если у меня получится, дорогая, — согласился он, — но ты моя жена и в некотором роде взяла на себя задачу сохранять меня нормальным, пока я этим занимаюсь. Поэтому ты связываешь меня с тем, кто я есть на самом деле.

Она лишь улыбнулась, но ее слова прожурчали у него в голове — Разве я не делала это всегда?

Он усмехнулся и согласился. Его слова объяли ее мысли, в то время, как его руки обняли ее саму, заключив в куда более тесные и жаркие объятия, чем те, которые она когда-либо знала.

Чародей в ярости

Мэри Маргарет Миллер Сташефф

Жене и Матери

ГЛАВА 1

“Вот уже не один день меня беспокоит постоянный рост на нашем острове Грамарий числа многообещающих историков. Когда я прибыл сюда, их вообще не было — во всяком случае, мне известных. А потом брат Чайлд начал вести свою хронику, и не успел я и глазом моргнуть, как объявилось еще пятеро таких же, как он. Конечно, это не так уж плохо — Грамарию будет намного лучше жить, если у него окажется точная запись его истории. А беспокоит меня то, что каждый из этих юных Фукидидов забывает все события, представляющие его сторону в невыгодном свете, и малость преувеличивает, сообщая о происшествиях, представляющих его сторону в выгодном свете. Я думаю, в большей степени о Церкви, но и не только о ней — например, мне известно об одном юном чародее, взявшемся вести дневник, и о младшем сыне сельского помещика, собравшего впечатляющее количество записок. Поэтому, стремясь не допустить искажения истины, я намерен записать версию случившегося. Она, конечно же, будет не более объективной, но, по крайней мере, будет пристрастной в ино...”

— Там мое место, Делия!

— Нет, Джеффри, ты сам знаешь, что не твое! Этот конец полки мой, я тут держу своих кукол!

— Неправда! Я тут несколько недель держал свой замок!

Род в раздражении бросил перо. После трех недель попыток он сумел наконец, приняться за историю Грамария, а детям понадобилось выбрать именно этот момент для затевания ссоры! Он свирепо посмотрел на страницу...

И увидел оставленную пером огромную кляксу.

Раздражение вскипело, перейдя в гнев, и он сорвался со стула. — Делия! Джеф! Надо же найти такой дурацкий повод для ссоры! Гвен, неужели ты не можешь...

— Да, не могу! — раздался голос из кухни. — Иначе у вас не будет на обед ничего кроме ут... О! Что-то ударило со звоном и лязгом, и жена Рода завопила с досады: — Магнус! Сколько раз я должна запрещать тебе соваться на кухню, когда я готовлю!

— Ох, уж эти дети! — воскликнул Род, входя в детскую. — И зачем я только завел их?

— Ты не заводил, папа, — выглянул из-за спинки кресла трехлетний Грегори. — Нас завела мама.

— Да, разумеется, а я был всего лишь невинным свидетелем. Джеффри! Корделия! Прекратите!

Он вошел в море мусора, состоящее из полуслепленных глиняных скульптур, игрушек и кусков коры, сплетенных с прутьями и соломинками, служивших какой-то непостижимой, вероятно, языческой цели, понятной только детям до тринадцати. Что за кавардак! Так бывало, конечно, каждый день. — Вы хоть помните, что когда вы утром проснулись, эта комната была чистой, и прибранной?

Пораженные дети подняли головы, а Корделия возразила: — Но это ж было четыре часа назад, папа.

— Да, вам, должно быть, пришлось упорно потрудиться, чтобы создать подобный кавардак за такой короткий срок! Род ступил в лужу охровой краски. Нога его подскользнулась, на какую-то долю секунды он завис, размахивая руками, словно крыльями, будто пытаясь взлететь, но затем его спина врезалась в пол. Он с трудом попытался вздохнуть, в то время, как Корделия и Джеффри в страхе съежились у стены.

Воздух с шипением вошел Роду в легкие и вырвался обратно с воем ярости: — Ах вы поросята! Неужели вы не можете убрать за собой!

Дети попятились, широко раскрыв глаза.

Род, покраснев, с трудом поднялся на ноги. — Бросают на пол мусор, грызутся из-за дурацкого куска полки, да еще дерзят!

— Мы не... Мы...

— Вы опять за свое! — навел обвиняюще указательный палец Род. — Что бы вы ни делали, не возражать мне! Если я говорю, что вы это делали, значит делали! И не пытайтесь оправдываться!

Он высился над ними горой гнева. — Дерзкое, глупое, ослиное отродье!

Дети прижались друг к другу, глядя большими и испуганными глазами.

Рука Рода взметнулась отвесить подзатыльник.

С треском, как от пистолетного выстрела, перед Корделией и Джеффри появился старший брат Магнус,

закрывая их вытянутыми в стороны руками. — Папа! Они же не хотели! Они...

— Нечего мне втолковывать, что они делали! — закричал Род.

Одиннадцатилетний мальчик вздрогнул, но продолжал решительно противостоять отцовской ярости, и это только ухудшило положение.

— Как ты смеешь мне противиться! Наглый маленький...

— Род! — в комнату влетела Гвен, вытирая на ходу руки о передник. — Что ты делаешь?

Род круто повернулся, ткнув указательным пальцем в нее. — Даже не пытайся защищать их! Если б ты научила своих детей ходить по струнке, этого не случилось бы! Но нет! Ты позволяла им делать все, что захочется, и бранишь их, только тогда, когда они ведут уж себя действительно ужасно!

Голова Гвен отдернулась, как от удара. — Ты сам не понимаешь, что говоришь и частенько просишь о снисхождении, когда я желаю наказать...

— Разумеется, — прожег ее взглядом Род. — Но за тысячу и один их поступок, заслуживающий порки, ты позволяла им отделаться головомойкой? Пошевели мозгами, женщина, если способна! Он окинул ее взглядом с головы до пят и презрительно оттопырил верхнюю губу.

Глаза Гвен вспыхнули гневом. — Берегись, муж! Даже твоему гневу должен быть предел!

— Пределы! Границы! Ты всегда только об этом и говоришь! — закричал Род. — "Сделай то! Сделай это! Так нельзя! Этак нельзя!" Брак всего-навсего длинный ряд переделов! Дождусь ли я от тебя когда-нибудь...

— Мир! — метнулся между ними Магнус, выставив ладони в сторону обоих. — Умоляю вас! Лицо его побелело, он весь дрожал. — Мать! Отец! Прошу вас!

Род зарычал, снова взметнув руку.

Магнус застыл, челюсти его сжались.

Род с размаху опустил руку, вложив в нее весь свой вес...

И стремительно рассек воздух врезавшись спиной в стену.

Он перекатился на ноги и медленно встал, кровь отхлынула от его лица, он одеревенел и дрожал. — Я же сказал тебе, никогда не применяй на мне своих "ведовских сил", — процедил сквозь зубы он, — и сказал почему! Он выпрямился во весь рост, чувствуя как набухает в нем ярость.

Джеффри и Корделия спрятались за юбками Гвен. Та прижала к себе Магнуса, но он, с ужасом в глазах, продолжал смотреть отцу прямо в лицо, дрожа, но решив защищать близких.

Род усталился на них, дружно объединившихся против него, готовых зацепить его своей магией и швырнуть в могилу. Глаза его сузились, пронзая их горящим взглядом, а затем потеряли фокус, когда он углубился в себя, обращаясь к пси-способностям, долго пребывавшим в спячке до того, как они были разбужены проецирующей телепатией лорда Керна в другой вселенной, где действовала магия. Его способности были не столь легкодоступными, как у его семьи; он не мог произвести магические действия, просто пожелав с легкостью мысли, но зачерпнув их из глубины он делался столь же сильным, как его родные. Теперь он призвал эти способности, чувствуя, как нарастает в нем их сила.

— Мама, — донесся, будто из бездны, голос Магнуса, — мы должны...

— Нет! — неистово воспротивилась Гвен. — Он твой отец, которого ты любишь, когда на него не находит такое...

Что это значило! Силы перестали нарастать...

В его затуманенное поле зрения вступила фигура поменьше. Чуть впереди семейной группы, подняв на него взгляд и склонив голову на бок стоял трехлетний Грегори. — Папочка не тут, — заявил он.

Это подействовало на Рода, словно ушат холодной воды. Спокойный тон ребенка. Такие открытые, разумные, и в то же время абсолютно чуждые для него слова. Глаза его сфокусировались в пристальном взгляде на младшего сына, и внутри появился страх. Страх, и понимающийся под ним иной гнев, гнев на агентов из будущего, умыкнувших его вместе с семьей у этого ребенка, когда Грегори был еще младенцем. Эта разлука исковеркала личность мальчика, сделала тихим, углубленным в себя, задумчивым, а иной раз даже странным. Взгляд его остановился на лице Грегори. Страх за Грегори похоронил под собой гнев на семью, он потихоньку вытек и исчез.

— Кто не тут? — прошептал он.

— Лорд Керн, — ответил Грегори, — тот похожий на тебя, папочка, в том сказочном Грамарие, о коем мы рассказывали.

Род усталился на него во все глаза, а затем шагнул поближе к мальчику. Магнус тоже сделал шаг к Грегори, но Род нетерпеливо оттолкнул его. Припав

на колено он пристально глянул в глаза трехлетнего малыша. — Нет.. нет, лорда Керна нет, кроме как, в его собственной вселенной, в том сказочном Грамарие. Но почему ты подумал, будто он есть?

Грегори чуть склонил голову на бок. — Но разве ты только что не потянулся мысленно соприкоснуться к нему разумом, чтобы почерпнуть у него сил?

Род смотрел на мальчика побледнев.

— Грегори! — с мукой воскликнула Гвен, подходя к нему. Но затем отступила, так как Род по — прежнему стоял на коленях, глядя во все глаза на ребенка.

Затем он поднял взгляд на Гвен, раздраженно нахмурившись. — Что я медведь? Или волк? Он резанул взглядом по детям. — Какой-то дикий зверь?

Они уставились на него в ответ, испуганно сбившись в кучку.

Лицо его вновь утратило всякое выражение. Вы, действительно, считаете меня именно таким, не правда ли?

Они молчали.

Род стоял, не двигаясь, одеревенев.

Затем резко поднялся на ноги, круто повернулся и направился широким шагом к двери.

Корделия метнулась за ним, но Гвен схватила ее за руку.

Род вышел в завуалированный тучами мрачный день. Его хлестнул холодный ветер, но он и не заметил.

Род остановился на вершине холма, в миле от дома. Он стоял, уставясь на растелеющуюся внизу широкую равнину, но не видя ее. Он опустился и сел на сухую траву. Пока он шел, его мысли замедлили свой суматошный бег; теперь они мало-помалу затихли, оставляя в голове пустоту. Затем закралось неясное сомнение. Он негромко спросил: — Что случилось, Векс?

Робот-конь ответил, хотя находился за милю от него, в конюшне. Род слышал его через наушник, имплантированный в отросток височной кости за ухом. — Ты вышел из себя, Род.

Губы Рода скривились. Лошадиное тело робота сейчас далеко на конюшне, но старый слуга семьи мог заглянуть ему в душу, их разделял всего фут. — Да, это я понимаю. Микрофон, имплантированный в верхнюю челюсть, над зубами, уловил его слова и передал их Вексу. — Но тут было нечто большее, чем простой гнев, не так ли?

— Тут была ярость, — согласился Векс. — Открытая, бешенная ярость, без всяких причин и тормозов.

Помолчав, Род спросил. — Что случилось бы, если моя семья не была бы способна так хорошо защищаться?

Векс помолчал. А затем медленно произнес. — Думаю, что твоя врожденная мягкость и чувство чести защитили бы их, Род.

— Да, — пробормотал себе под нос Род. — Я тоже надеюсь на это.

Он сидел некоторое время наедине со своими мыслями, обвиняя и презирая себя. Даже ветер обходил его стороной.

Вдруг рядом с ним зашуршала ткань. Он не подал вида, что услышал, но тело его напряглось. Он, молча, ждал.

Наконец, Род заговорил. — Я снова это сделал.

— Сделал, — мягко ответила Гвен. Голос ее не обвинял, но и не утешал.

В душе у Рода что-то шевельнулось, и могло опять перерасти в гнев, но он подавил это чувство. — В последнее время я часто такое проделывал, не так ли?

Гвен немного помолчала. А потом сказала. — Раз двадцать за последний год.

Род кивнул. — И дюжину раз в прошлом году. Полдюжины годом раньше, в том числе в двух случаях из-за Аббата, когда тот затеял свой раскол.

— А в третий раз из-за чудовища, вылезшего из топи...

Род раздраженно пожал плечами. — Не ищи для меня оправданий. Дело в том, что причиной моего гнева чаще всего становишься ты и дети, чем кто-либо еще. За последние три месяца я взрывался примерно каждые две недели, не так ли?

Гвен поколебалась, а затем ответила. — Но не так сильно как в последний раз, милорд.

— Да, так худо, как теперь, никогда прежде не бывало, не правда ли? И с каждым разом дело становится все хуже.

Ответила она очень тихо. — Ты причинял нам боль и...

— Да, но никогда не хотел этого, не так ли? — Род содрогнулся, вспомнив, и уткнулся лицом в ладони. — Сперва я просто швырял попавшиеся под руку вещи. Потом начал швырять их, не пользуясь руками. А сегодня я швырнул бы Магнуса, если б не

вмешался Грегори. Он, нахмурясь, поднял на нее взгляд. — Откуда, во имя неба, у тебя взялся этот мальчишка?

Это вызвало намек на улыбку. — Я думала, что мы привезли его с собой из Тир Хлиса, милорд.

— Ах, да! — Род снова уставился на равнину. — Из Тир-Хлиса, той чудесной волшебной страны эльфейцев, колдунов и — лорда Керна.

— Именно так, — тихо промолвила Гвен.

— Моего другого “я”, — горько бросил Род. — Моего аналога в альтернативной вселенной, обладающего несравненными магическими способностями и соответствующим нравом.

— Ты был схож во многих отношениях, — согласилась Гвен. — Но нрава среди них не наблюдалось.

— Да, ведовских способностей у меня тоже не было, но я научился “заимствовать” у него магию, что высвободило мои собственные способности, способности которые я прятал от самого себя.

— Когда дал его ярости наполнить тебя, — мягко напомнила ему Гвен.

— Что кстати, также высвободило и мою собственную способность к бешеному гневу; это напрочь стерло заграждения, воздвигнутые мной против него.

— Однако, были ведь и другие мысленные оковы, какие ты также научился отбрасывать в сторону. Гвен нерешительно коснулась его руки.

Род не прореагировал. — Стоило ли того дело? Допустим, я был псионически невидим, никто не мог прочесть моих мыслей. Разве это было не лучше теперешней ярости?

— Я могла бы сказать, что разделение мыслей с нами — достойная цена за твои поступки бешенства, — медленно проговорила Гвен. — За исключением того, что...

Род ждал.

— Твои мысли снова тускнеют, милорд.

Род сидел, опустив голову.

— Я снова начинаю отдаляться от тебя?

— Разве ты не почувствовал это?

Он пристально посмотрел ей в глаза, а затем кивнул. — Чему тут удивляться? Когда я не могу владеть собой и не знаю, взорвусь ли яростью? Когда начинаю чувствовать себя, как неразумный зверь? Чистый позор, женщина!

— Ты достоин меня, милорд. — Голос ее был мягок, но тверд, как и ее рука. — Ты достоин меня

и своих детей. Воистину, нам повезло, что у нас есть ты. Голос ее дрогнул. — О, мы благословлены огромной удачей!

— Спасибо. — Он потрепал ее по руке. — Приятно слышать.

А теперь убеди меня.

— Нет, — прожурчала она, — я не могу это сделать, если ты не доверяешь моим словам.

— Или дело. — Род опустил голову, и его рука сжала ей ладонь. — Будь терпелива, милая. Будь терпелива.

И они сидели одни на ветру, не глядя друг на друга. Два сильно любящих человека, но очень разделенных, сцепляющихся за тонкую нить, которая все еще связывала их, балансируя над обрывом, нависшим над вспаханными землями внизу.

Магнус с огромным вздохом облегчения отвернулся от окна. — Они идут, крепко взявшись за руки.

— Дай мне посмотреть, дай посмотреть! — Бросились к окну трое других детей, сталкиваясь головами, прижимаясь носами к оконной раме.

— Они не смотрят друг на друга, — с сомнением проговорила Корделия.

— Но крепко держатся за руки, — напомнил Магнус.

— И, — добавила обеспокоенная Корделия, — мысли их мрачны.

— Они крепко держатся за руки. Хотя их мысли и мрачны, они все же спокойны.

— Не совсем порознь, — добавил Грегори.

— Не совсем, не целиком, — согласилась Корделия, но с откровенным скептицизмом восьмилетней.

— Идемте, дети, — предложил им глухой голос, — и не прыгайте на них, когда они войдут, ибо, сомневаюсь, хватит ли у них сейчас сил терпеть ваши объятия и дерганья.

Дети отвернулись от окна к широкоплечему эльфу, дочерна загорелому и курносому, одетому в тунику и рейтузы лесничего в островерхую шляпу с закатанными полями и пером.

— Джефри, — предупредил он.

Шестилетний мальчик с негодующим видом оторвался от окна. — Я же только поглядел на них, Робин.

— Я знаю, что ты встревожен. Но мне думается, вашим родителям нужно чуточку больше время для себя, чем вы оставляете им.

Корделия резво забралась на трехногий табурет. — Но ведь папа так разгневался, Пак!

— Вы мне и рассказывали. — Рот у эльфа сжался по углам. — И все же вы в душе знаете, что он любит вас.

— Я не сомневаюсь... — нахмурилась Корделия.

Пак вздохнул и уселся скрестив ноги рядом с ней. — Надо быть более терпеливыми, даже, если он и впрямь разъярился так сильно, как вы рассказывали. Он повернул голову, охватывая взглядом всех четырех детей. — Нужна ласка, а не упреки, если вы простите, то он исправится.

Судя по виду детей, он не очень их убедил.

— Иначе зовите Пака лжецом! — решительно заявил эльф.

Дверь открылась, и дети повскакали на ноги. Они начали было пятиться, но Пак шепнул: — Мягко. — И они настороженно остались на своих местах.

Но их отец совсем не походил на великана-людоеда, когда вошел в дверь. Всего лишь высокий, темноволосый, худощавый, мрачноватый мужчина с грубо вытесанным лицом. Уже не молодой. Он казался тусклым рядом со стоявшей подле него рыжеволосой красавицей, которая так и излучала свет. И все же, если б дети посмотрели внимательней, то заметили, как хорошо их родители смотрелись вместе.

Они конечно не задумывались об этом. Увидели, что отцовское лицо смягчилось до обычной своей теплоты и с облегчением прыгнули обнять его. — Папа! — закричал Магнус. — Папочка! — пискнул Джеффри. Корделия лишь молча вцепилась в его руку и разревелась, в то время как Грегори обхватил другую руку и серьезно смотрел на него, подняв голову. — Папочка, ты опять вернулся.

Род посмотрел в рассудительные глаза младшего сына и почему-то заподозрил, что малыш говорил не просто о его возвращении в дом.

— Ах, папа, — шмыгнула носом Корделия. — Ты больше нравишься мне, когда ты папа, а не лорд Керн!

Род почувствовал, как по спине у него пробежал холодок, но стиснул ей плечо и прижал к себе. — Я тебя не виню, милая. Он отыскал взглядом Пака. — Спасибо, Робин.

— Ну-ну, вот и прекрасно! — усмехнулся Пак. — И все же сомневаюсь найдутся ли у тебя еще такие приятные слова, ибо к тебе кое-кто пожаловал. Он указал головой в сторону кухни.

— Посланец? — нахмурилась поднял взгляд Род. — Уже ждет в доме?.. Тоби!

В помещение вошел щегольски одетый джентльмен лет двадцати пяти, проводя пальцем по аккуратно подстриженным усам. Рейтузы плотно облегли его стройные икры, а камзол блистал шитьем. — Приветствую вас, лорд Чародей!

Лицо Гвен расцвело улыбкой, и даже Роду пришлось бороться с усмешкой притворно застонав. — Приветствую тебя, предвестник! Что за катастрофу предвещает твое появление?

— На сей раз никакой. Король вызывает вас, пока еще мелкому делу.

Мелкое. Это единственное слово было заряжено сомнением. Род повернулся к Гвен. — Почему же это беспокоит меня больше, чем если б он сказал “Чрезвычайное положение”?

— Лишь исходя из опыта, — заверила его Гвен. — Я буду сопровождать тебя?

— Я был бы благодарен, — вздохнул Род. — Если это дело “мелкое”, то значит сперва будут светские любезности. Ты же знаешь, как мы с Катариной неважно ладим друг с другом.

— Знаю. — Гвен была очень довольна собой. Королева Катарина может и расставила в свое время сети для Рода, но поймала-то его Гвен.

Конечно, нельзя сказать, будто Катарине выпала незавидная доля. Король Туан Логайр был в юности самым желанным женихом Грамария, а Род, надо признать, был неизвестной величиной.

И по-прежнему оставался ею в некоторых отношениях. Почему же Гвендайлон, самая могущественная из всех активно действующих ведьм, сохраняла заинтересованность в нем?

Род поднял взгляд на Пака. — Ты не против, бродяга шалый?

Эльф вздохнул и развел руками. — Что такое время для бессмертного? Да, езжайте по королевскому делу!

— Спасибо, лесовик. — Род снова повернулся к Гвен. — На твоей метле или на моей?

Гвен склонилась над весящей колыбелью, завернутой в ярды золотой парчи, и лицо ее смягчилось в нежной улыбке. — Ой, какой прелестный малыш!

Королева Катарина просияла, глядя на младенца. Она была стройной блондинкой с большими голубыми глазами и очень маленьким подбородком. — Благодарю за хвалу... я горжусь им.

— Вполне заслуженно. — Гвен выпрямилась, подняв затуманенный взгляд на мужа.

Род огляделся, думая, что она смотрела на кого-то другого.

Катарина приложила палец к губам и бесшумно двинулась к двери. Род и Гвен последовали за ней, оставив ребенка на попечение его няни, двух горничных и двух гвардейцев.

Еще двое стояли по обе стороны двери с наружи. Один протянул руку, чтобы тихо закрыть за ними дверь. Род поднял взгляд на короля Туана и кивнул. — Теперь незачем беспокоиться о престолонаследии.

— Да, — просияла Гвен. — Два принца — большое благословение.

— Я могу вспомнить некоторых королей, которые поспорили бы с этим, — улыбнулся позабавленный Род. — Но должен признать, что они уступают в численности королям, радовавшимся поддержке младших братьев.

— Надеюсь, будет рад и наш Ален, — Туан пригласил: Пройдем в светлицу. По коридору он вошел в другую палату со стеной из коньковых фонарей. Род последовал за ним, а две дамы шли болтая, позади. Он понимал, что им с Гвен оказали исключительную честь: никого из других подданных королевской четы никогда не приглашали в личные апартаменты их величеств.

И будь Гвен из тех, кто бахвалиться, их тоже могли бы не пригласить.

Был, конечно, еще старый герцог Логайр. Но это было другое дело; он проходил под званием “дедуля”. И еще Бром О’Берин, ибо лорд тайный советник, обязан иметь доступ в личные покои.

Род не слишком стеснялся такой чести. Он знал Туана еще с тех пор, когда молодой король был отверженным, изгнанным за ухаживание за Катариной, и прятался в худшей части города в качестве короля нищих. Даже неумышленно участвовал в подготовке гражданской войны. — Пока они растут друзьями, — напомнил он Туану, — или настолько друзьями, насколько ими могут быть двое братьев.

— Да, пусть их дружба окажется прочной. — На лицо Туана набежала тень, и Род догадался, что он вспомнил собственного старшего брата, Ансельма, поднявшего мятеж против их отца и королевы Катарины.

— Мы должны постараться обеспечить их дружбу. — Катарина взяла Туана под руку. — Но сомневаюсь, милорд, что наши гости явились поговорить только о детях.

— Уверен, эта тема приятней, чем та, какая у него на уме, — быстро вставил Род.

— Заверяю вас, она была бы понятной причиной, — добавила Гвен.

Катарина ответила, засмеявшись серебристым смехом: — Для нас с вами может быть, но сомневаюсь, что она надолго заинтересует наших мужей.

— Не суди о нас столь сурово, — возразил Туан. — Все же должен признать, что нам надо обсудить кое-какие политические дела. Он вздохнул, и повернулся к стоявшему под большими окнами письменному столу, с лежавшей рядом на нем картой. — Идем же, лорд Чародей, займемся менее приятными делами.

Род подошел, несколько успокоенный. Туан, кажется, определенно не намекал на срочность.

Молодой король указал по карте, где изображалось герцогство Романова. — На данный час наши общие интересы находятся вот здесь.

— Ну, лишь бы только на час. Что же затеял наш медведь-герцог?

— Дело не в Его Светлости, — медленно ответил Туан.

Род наострил уши — это становилось интересней. — Что-нибудь оригинальное было бы даже желательно. Честно говоря, мне уже чуточку надоели мелкие мятежи ваших двенадцати великих лордов.

— Вот как? Заверяю тебя, — мрачно сказал Туан, — лично я никогда не нахожу их скучными.

— В чем же тогда дело? Один из его мелких баронов собирает рыцарей и ратников?

— Если бы так, на сей счет у меня есть некоторый опыт. Но тут, дело иного рода, ибо слухи говорят о злом колдовстве.

— Слухи? — оторвал взгляд от карты Род. — Никаких донесений агентов?

— У меня есть на севере несколько шпионов, — признал Туан, — однако, они не были свидетелями событий.

— Неужели никто из них не попытался добраться до источника слуха? — нахмурился Род.

— Из сообщивших известия, ни один, — пожал плечами Туан. — Однако, у меня есть люди, не приславшие никаких донесений, и мои эмиссары не могут их найти.

— Неважный признак, — еще мрачнее нахмурился Род. — Возможно, они поскакали проверить и угодили в плен.

— Или еще хуже, — согласился Туан, — ибо слухи говорят о злобном маге, о темной и мрачной

силе, рассылающем своих посланцев по всей северной округе.

— Тревожно, но не опасно пока они занимаются только шпионажем. Как я понимаю, они этим не ограничиваются.

— Если слух верен, нет. Видишь ли, те посланцы и сами колдуны. И благодаря собственной силе вдобавок к той, которую они получают от своего колдуна-властелина, они наносят поражение местным рыцарям прежде, чем те выходят на бой. Потом колдуны поработают рыцарей вместе с женами и детьми и забирают в свои руки власть над всеми вольными и крепостными крестьянами в той округе.

— Неудачный оборот событий для рыцарей и их семей, — задумчиво произнес Род, — но для вольных и крепостных крестьян, вероятно, все равно. В конце концов, они привыкли подчиняться приказам, какая им разница кто их отдает?

— Огромная разница, если первый хозяин был добр, а второй — суров, — отпарировал Туан. Лицо его сделалось мрачным. — А сообщения гласят о более, чем суровых действиях новых хозяев. Эти колдуны — зло.

— Конечно же, крестьяне мало, что могут сделать с магией, — нахмурился Род. — Нет шансов дать отпор.

— Не приведи господь! — содрогнулся Туан. — Ибо крестьяне никогда не должны противиться приказам, а лишь повиноваться оным, как им предначертано свыше.

Кровь в жилах у Рода похолодела от того, что Туан сказал это не мрачно не строго, не напыщенно или с благочестивым видом самооправдания. Нет, он сказал это очень буднично, словно происходящее являлось такой же частью мира, как камни, деревья и текущая вода, и никто не мог даже помыслить взять под сомнения сказанное. Как можно оспаривать существование камня? Особенно, если он упал тебе на любимую мозоль...

Вот в этом-то, конечно, и заключалась настоящая опасность — не в мнениях, которых придерживались люди, а в концепциях, которые они считали. Особенно, если они были весьма спорными.

Род попытался стряхнуть это настроение. — Так значит, главный колдун сшибал местных лордиков и захватывал их владения. Насколько далеко распространилась его власть?

— Слухи говорят о нескольких попавших под его власть баронетах, — сообщил, мрачней, Туан, — и даже о самом герцоге Романове.

— Романове? — уставился на него потрясенный Род. — Одним из тех двенадцати великих лордов? Как же он мог пасть, что бы до нас не дошло ни слова об этом?

— Это мог бы сделать и я, а я вовсе не кудесник, — пожал плечами Туан. — Очень просто — сомкнуть под покровом ночи железное кольцо вокруг его замка, а потом бросить армию на его барбакан и осадные машины на его башни. Окружить замок и поручить кольцу рыцарей и ратников позаботиться, чтобы ни одна душа не вырвалась на волю с известием.

Род содрогнулся от холонокровия Туана. — Но у него же гостила в башне пара эсп... — э, ведьм!

— Более чем "гостила", как я слышал, — ответил с мрачной улыбкой Туан. — Они были преданы милорду герцогу, так как он спас их от костра. Они отлично служили, ухаживая за больными и ранеными, собирая для него разные сведения.

— В этом они должны быть очень осмотрительны. Мы в Королевском Ковене установили правило не лезть ни в чьи головы, кроме врагов.

— Или тех, кто может ими стать, — поправил Туан. — А кто говорит, будто его ведьмы делали больше? Нет, коль Катарина показала им путь, а вы с вашей любезной женой помогли ей преобразовать этот отряд в боевое подразделение, все лорды усвоили урок и последовали нашему примеру.

— И ведьмы Романова не смогли заблаговременно предупредить его? — поджал губы Род. — Этот колдун и впрямь знает свое дело. Но коль речь зашла о мысленном подслушивании, то вот способ проверить эти слухи. Ты попросил кого-нибудь из Королевских Ведовских Сил попробовать прочесть мысли Романова?

— Попросил. Они не смогли его найти.

— Так, — поджал губы Род. — А какие мысли они все-таки услышали на севере?

Туан пожал плечами. — Только те, какие и должны быть. Пахарь шел за волами, доярка прельщала своего пастушка. Не было ничего, вызывающего тревогу, за исключением, что слушавший чародей не смог обнаружить никаких мыслей рыцарей или баронов.

— А как насчет подлых мыслей, исходящих от злых колдунов?

Туан покачал головой.

— Так. — Взгляд Рода снова остановился на карте. — На первый взгляд, вроде ничего и не случилось. Просто герцог Романов отправился отдохнуть в неизвестные края вместе со своей аристократией.

— Сам понимаешь, почему у меня зародились подозрения.

Род кивнул. — Мне тоже кажется подозрительным... хотя я могу понять, почему благородный герцог захотел отправиться на некоторое время в отпуск. Я и сам в последнее время ощущаю сильное напряжение... Гвен? — Он повернулся обнаружив стоящую поблизости Гвен. — Слышала?

— Да, — улыбнулась она. — И по-моему, вы подымаете много шума из ничего.

— Ну, я б не сказал, что мы так уж сильно забеспокоились. — Род встретился взглядом с Туаном. — Где плач и вой? Где крики и вырывание волос?

— Все именно так, как ты говоришь, — Туан повернулся к Гвен. — Я не вижу здесь большой опасности, леди Гвендайлон — всего лишь злоупотребление ведовской силой, против тех, кто не обладает ею.

— И ведьмы сбиваются в шайку, нападая на нормальных, — добавил Род. — Но все можно исправить с помощью еще большего количества ведьм — из числа славных парней. В конце концов, у нас есть личная заинтересованность в общественном мнении о ведьмах, милая.

— Воистину, — твердо сказала Гвен, — мы не можем допустить, чтобы народ боялся, как бы ведьмы и чародеи не правили силой магии.

— Конечно, не можем, — пробормотал себе под нос Род. — Особенно когда всякий здравомыслящий человек знает, что это надо делать силой оружия.

— Что ты сказал? — нахмурился Туан.

— Э, ничего. — Род повернулся к Гвен. — Как насчет перспективы, дорогая? Семейный отдых с поездкой на север? — Когда Гвен заколебалась, он добавил. — Я не думаю, что есть настоящая опасность, с которой мы все вместе не смогли бы справиться.

— Да, такой, наверное не будет, — согласилась Гвен, но лоб ее был еще нахмурен.

— Тогда что же? Дети? Я не думаю, что они будут возражать.

— О, конечно, не будут! Ты, видимо, подумал, как трудно будет присматривать за нашей четверкой в походе?

— Разумеется, — нахмурился Род. — В Тир Хлисе нам это удавалось.

— Знаю, — вздохнула Гвен. — Ну, если ты говоришь, что будет лучше быть вместе, муж мой, так и сделаем.

ГЛАВА 2

Род повернул ключ в замке, вытащил и вложил его в ладонь Гвен, сомкнул вокруг него ее пальцы. — Ваш символ власти, о Хозяйка Дома. — Какую-то секунду он изучал ее лицо, а затем мягко добавил. — Не беспокойся, милая. Когда мы вернемся, дом по-прежнему будет здесь.

— Знаю, — вздохнула она. — И все-таки покидать его всегда нелегко.

— Конечно, — Род оглянулся на дом. — Я проеду половину пути по дороге, и начну гадать, погасил ли огонь в очаге.

— Если так, ты только кликни об этом, и какой-нибудь эльф известит меня, — прогремел рядом с ними Бром О'Берин. — Через несколько минут после того, как ты издашь первое слово, из местечка у камина выскочит эльф и потушит огонь, если это понадобится.

— Спасибо тебе, Бром, — тихо поблагодарила его Гвен.

Карлик нахмурился, делаясь грубоватым. — За дом свой не бойтесь. Эльфы будут стеречь его днем и ночью. Горька будет участь попытавшегося войти.

Род содрогнулся. — Жалко мне грабителя, попавшего к Паку! Так что поехали, милая, беспокоиться не о чем. Во всяком случае, здесь. Пора в путь. — Он обхватил ее за талию и помог вскочить в седло Векса.

— Неужели нам нельзя полететь, папа? — надулась Корделия. — Она сцепила руки за спиной, из-за плеча у нее торчала метла.

Род улыбнулся и взглянул на Гвен. Та еле заметно кивнула. Он снова обернулся к Корделии. — Если вы будете всегда поблизости от меня и матери, то можно.

Корделия издала радостный крик и вскочила на помело. Ее братья подхватили крик, взмывая в воздух.

— Пошел, старый Железняк, — негромко пробормотал Род, и большой черный робот-конь поскакал

иноходью к дороге. Род зашагал рядом с ним, помахав на прощанье Брому.

— Каникулы! — прокричал, пикируя перед ними, Джефри. — У нас уж целые века не было их!

— Да — почти год. — Род усмехнулся, он ощутил, как с плеч его спал тяжелый груз. Он взял за руку Гвен. — Признаться, милая, — разве ты не чувствуешь себя свободней?

Та улыбнулась ему, светлея лицом. — Чувствую, милорд, хотя свой замок и решетку я захватила с собой.

— А я свое ядро и цепь, — усмехнулся Род. — Не спускай глаз со звеньев, ладно?.. Магнус! Когда я сказал “будете поблизости”, это означало и высоту тоже! Немедленно спустись сюда!

Лудильщики быстрым шагом вошли в деревню, веселые, беззаботные, и грязные. Одежда на них была в заплатках, а тюки, чутунки и котелки, влекомые их конем, создавали невероятный лягз.

— Это унизительно, Род, — пробурчал Векс. — К тому же никакое настоящее семейство лудильщиков не могло бы позволить себе коня.

— Особенно коня, пригодного для рыцаря. Знаю, — ответил Род. — Я просто скажу им, что в последний раз мы останавливались в замке, и лорд расплатился с нами натурой.

— У тебя, Род, по-моему, отсутствует представление о стоимости боевого коня в средневековье.

— У них же была уйма чутунков. — Род усмехнулся своим собственным первобытным рекламным агентам. — Ладно, дети, этого достаточно. Думаю, они знают, что мы здесь.

Четверо маленьких Гэллоугласов перестали громыхать по чутункам и котелкам деревянными ложками. — Ты, папа, портишь всю забаву, — надулась Корделия, отдавая ему кухонные принадлежности.

— Нет, только большую часть. Магнус? Джеф? Сдайте оружие, мальчики. Грегори, ты, тоже. Э... клиент!

— Ты не мог бы починить вот это, малый? — Подошедшая хозяйка была полной, розовощекой и озабоченной.

Род взял чутунок и присвистнул при виде длинной рваной трещины в стенке. — Как вы сумели так разбить его?

— Меньшой мой уронил, — нетерпеливо бросила хозяйка. — Можешь починить его?

— Да, — медленно произнес Род. — Но это обойдется вам в полпенни.

Лицо женщины расцвело улыбкой. — У меня есть, и дело стоит таких денег. Благослови тебя бог, малый!

Это обращение звучало немного странно, поскольку слово “малый” было полупрезрительным, но Род бодро достал молоток и немного древесного угля, развел небольшой костер и занялся имитацией трудовой деятельности. Магнус и Грегори пригнулись по обоим сторонам от него, будто посмотреть.

— Это делается вот так, Грегори, — тихо принялся наставлять его старший брат Магнус. — Пусть твой разум мысленно следит за моим. Металл создан из таких мелких крупинок, что их не видно...

— Из молекул, — снабдил их информацией Род.

— Да. Теперь я заставляю молекулы так быстро двигаться, что они сольются друг с другом. Их нужно привести в движение так стремительно, чтобы жар не распространялся по металлу до папиных рук, пока он прижимает друг к другу разбитые края, а то можно обжечь его.

— Да, нежелательно, — пробормотал Род.

Грегори внимательно следил.

Он все еще не мог поверить, когда увидел, как металл стал вдоль всей трещины вишнево-красным, потом свстлея через оранжевый и желтый цвета, почти побелел. Металл потек.

— А теперь быстро охлади его! — прошипел Магнус, на лбу у него выступили крупные капли пота. — Пока жар не добрался до папиных рук!

Пыление растаяло быстрее, чем возникло, так как Грегори тоже смотрел на него, сведя брови; эта часть задачи была достаточно простой и для трехлетнего.

Простой! Когда телекинезом полагалось владеть только ведьмам, а не чародеям — и даже наилучшие из них могли передвигать только предметы, а не молекулы.

Но вот же, чугунок, крутлый и целый! Род вздохнул, и начал слегка постукивать молотком, далеко от места, где проходила трещина — просто для вида. — Спасибо, Магнус. Ты очень помог.

— Пустяки, папа. — Старший сын вытер лоб.

— Папа, — подал голос Грегори. — Ты ведь знаешь что эльфы водятся с нами...

— Да, — усмехнулся Род. — Приятно знать, что вы не одиноки.

— Верно. И все же я подумал не спросить ли у них про известия от их собратьев на севере.

О? — Младший сын произвел на него впечатление, хотя Род попытался не показывать этого. Всего три года, а додумался до того, что проглядели и Туан, и Род. — И что же они сказали?

— Хозяйки больше не предупреждают Крошечный Народец прежде, чем выкинуть наземь мусор. — Глаза Грегори на его маленьком личике казались непомерно большими. — Они больше не выставляют эльфам крынки молока у своих дверей. В каждом доме теперь прибито над дверью холодное железо, либо в виде подковы, либо иной формы, и очаги по вечерам не подметают.

Род почувствовал холодок и взглянул на ближайшее дерево но листья на нем не шевелились. — Ну, полагаю, теперь никакая домохозяйка не найдет в своем башмаке шестипенсовика. Что же предпринимают в связи с этим эльфы?

— Ничего. Там наложены какие-то чары на пашни, отталкивающие всю магию эльфов. Они в гневе отвернулись и перебрались в леса.

Род, молча, потучал еще несколько раз по чутунку.

— Эти смятения на севере и впрямь столь незначительны, как ты нам говорил, папа? — спросил наконец Грегори.

Род подумал, что для трехлетнего возраста, малыш обладал чертовски богатым лексиконом. Он положил молоток и посмотрел мальчику прямо в глаза. — Пока нет никаких настоящих доказательств, что они представляют собой что-то значительное.

— Но признаки... — нерешительно заикнулся было Магнус.

— Не доказательства, — ответил Род. — Не твердые доказательства — но я насторожился. Вот потому мы и путешествуем переодетыми, чтобы иметь возможность собирать любые слухи, не позволяя людям узнать, что мы Верховный Чародей и Компания.

— Ты не хочешь дать знать о нашем присутствии из опасения, что злые люди спрячутся, пока мы здесь? — спросил Магнус.

— Нет, потому что не хочу попасть в засаду. Нельзя сказать, будто я ожидаю ее, просто не хочу рисковать. — Он в последний раз стукнул по чутунку и поднял любуясь им. — Вы, мальчики, хорошо поработали.

— Мы всегда будем делать для тебя, как можно лучше, — отошел Магнус. — Папа... а если ты обретишь те доказательства, о коих говоришь... Что тогда?

— Зависит от обстоятельств, — пожал плечами Род. — Если не обнаружится ничего крупного, то мы наведем порядок и поедем дальше до северного побережья покупаться и порыбачить пару недель. Вы никогда не пробовали плавать в океане, мальчики. Позвольте мне вам сказать, это совсем не похоже на купание в маленьком озере неподалеку от нашего дома.

— Надеюсь, мы это выясним, — пискнул Грегори. — Папа... а что, если доказательства будут свидетельствовать о крупных неладах?

— Тогда вы, мальчики, тут же заберете мать и сестру и прямиком домой, — не замедлил с ответом Род.

— А ты...?

— А я Верховный Чародей, не так ли? — усмехнулся им Род. — Мне дан высокий титул. Я обязан быть достоин его.

Грегори и Магнус со значением посмотрели друг на друга.

— Умоляю тебя, милорд, успокойся, — Гвен встревоженно поглядывала на него, разводя костер. — Лесничий не виноват, что нам нельзя охотиться.

— Но как он приволок Магнуса, словно тот какой-то преступник! — Род обхватил ладонью дрожащий кулак. — Знал бы он, как близко подошел к гибели! Хорошо, что Магнус не забыл, кого изображает.

— Меня тревожило не самообладание мальчика, — содрогнулась Гвен. — Милорд, если бы ты видел собственное лицо...

— Знаю, знаю, — оборвал ее отворачиваясь Род. — Поэтому не удивительно, что он потянулся к ножу. Но не дай бог если бы он прикоснулся к нему...

— Он умер бы, — просто сказала Гвен, — а к утру нас схватили бы ратники.

— О, нет, не схватили бы, — мрачно произнес Род. — Они б не посмели тронуть Верховного Чародея!

— И вся страна узнала бы, что мы едем на север. — Она вздохнула. — Я рада, что ты подавил свой гнев.

— Нет, не подавил, и ты отлично это знаешь! Если б ты не вмешалась и не перехватила нить разговора, рассыпаясь в похвалах и благодарностях лесничему, словно водопад...

Гвен пожала плечами. — Он вполне заслужил их. Менее добрый человек избил бы мальчика, и потащил бы его в тюрьму к своему рыцарю.

Род с возмущением уставился на нее.

— О, да, милорд, — кивнула Гвен. — И закон это дозволяет. Даже больше! Этого доброго лесничего застигнутого нашего сына, могли бы осудить за проявленную им снисходительность, узнай об этом его лорд.

Род содрогнулся. — Тогда я рад, что дал ему уйти. Но, боже мой! Мальчик не пытался свалить какого-нибудь оленя! Он охотился всего-навсего на зайца!

— Все равно, Лесной Закон назвал бы это разбоем, — напомнила ему Гвен. — Каждый заяц и гусь, даже каждая мышь и воробей принадлежат хозяину поместья.

— Но как же живет этот народ? — Род выставил пустую руку ладонью вверх. — Сегодня мы неплохо нажились для лудильщиков, заработали полтора пенни! Но нам пришлось потратить пенни на цыпленка и полпенни — на хлеб! На что же мы жили, если бы никто не разбил ни одного чугунка.

— Закон... — вздохнула Гвен.

— Ну, он не останется законом надолго. — Род сжал руку в кулак. — Когда мы вернемся в Раннимид, я намерен перекинуться парой слов с Туаном!

— Перекинься, — тихо согласилась Гвен, — и это путешествие окажется стоящим, даже если мы не найдем на севере никаких неполадок.

— Боюсь, что такое вряд ли случится. — Успокоившись Род наблюдал, как она пристально смотрит на растопку. Пламя вспыхнуло. Он вздохнул. — Мне лучше посмотреть, как там у детей дела с поисками продовольствия. — Он напрягся от внезапной мысли, оставаясь на нее. — Но нам ведь разрешено собирать ягоды, не правда ли?

Род резко сел, с шипением втягивая в себя воздух и тараща широко раскрытые глаза.

Вокруг него дышала тихая ночь. Вдали сверчки и лягушки хором завели свои песни. Крутом царил глубокий покой.

Успокоенный действительностью Род прилег, опираясь на руку. Адреналин мало-помалу иссяк, и его колотящееся сердце забилось медленнее. Он даже не мог вспомнить недавний кошмар — только лицо в нем смутно походило на лицо лорда Корна.

Это должно прекратиться. Он должен, каким-то образом разбить эти чары. Кто-то застонал. Не удивительно, если учесть испытываемые им чувства.

Тут он напрягся, сосредоточив все свое внимание на слухе. Кто бы там ни застонал, это был не он.

Кто же тогда...?

Звук раздался вновь, громче и ближе. Это был не стон, скорее скрежет. Не шевелясь, Род прошептал: — Векс?

— Здесь, Род. — Будучи роботом, Векс никогда не спал. Фактически, он почти никогда не отключался.

— Слышишь что-нибудь необычное?

— Да, Род. Звук движения камня о камень. Когда ускоряется частота его повторений, различимо доплеровское смещение...

— Приближается или удаляется?

— Приближается — и довольно быстро, по моим...

Деревья на краю лута задрожали, и в поле зрения появилась огромная, темная фигура, похожая на человека.

Род очутился на ногах и стрелой бросился к Вексу. Выхватив из тюка фонарик, он направил его на темную фигуру и нажал кнопку. — Гвен!

Гвен подняла голову как раз, когда луч осветил огромную фигуру.

Если она принадлежала женщине то была карикатурой. Если у нее были груди, то при плечах, как у футбольного защитника, а руки, как у гориллы. У нее были длинные ногти, они опасно поблескивали в ультрафиолетовом свечении. Лицо у нее отливало синевой. Она отшатнулась, пораженная внезапным светом, растягивая губы в рычании и открывая клыки.

— Черная Аннис! — в ужасе ахнула Гвен.

Чудовище на мгновение застыло, захваченное врасплох лучом. Род отрывисто командовал: — Магнус! Корделия! Будите малышей и ввысь!

Старшие дети вскочили, словно ужаленные, заряженные мысленным сигналом Гвен. Джеффри перекатился на бок, сел, протирая кулаками глаза и бурча: — Я не малыш! Мне шесть! Грегори взвился прямо в небо.

Тут чудовище, атакуя, зарычало, и подхватило Джеффри широким взмахом руки. Тот заверещал, но от гнева, а не страха и сумел выхватить из ножен кинжал. Но Род грянул яростью, и чудовище приподнялось в воздух, а затем хлопнулось на спину. Джеффри ткнул кинжалом в огромную руку, и Черная Аннис взвыла, выронив его. Он взвился в воздух в то время, как Род шагал, надвигаясь на этот ужас. Обзор ему затуманило красное марево. Но он видел Черную Анис с трудом поднимающуюся на ноги в

центре его поля зрения. В ушах у него загремел знакомый рев, и во всех его жилах запульсировала мощь. Его заполнила одна только мысль — увидеть эту тварь разорванной на мелкие кусочки.

Позади него Гвен, пытаясь, отступила, таща за собой Магнуса и Корделию.

Чудовище кое-как поднялось на ноги и повернулось к Роду с искаженным от ненависти лицом, заноса для удара когтистые лапы; но рука Рода уже подымалась с вытянутым указательным пальцем для фокусирования его мощи.

Гвен сощурилась, а ее дети плотно зажмурили глаза.

Черная Аннис взорвалась, разлетевшись на сотню извивающихся осколков.

Род взревел от ярости, лишившись предмета своей мести. Гвен крикнула двум младшим детям: — Подымайтесь и следите за ними!

Так как извивающиеся осколки продолжали выгибаться, падая наземь, а затем убегали вприпрыжку в лес, длинноухие и пушистохвостые.

Род стиснул челюсти и побежал за ними.

Но Гвен очутилась рядом, не отставая от него верхом на помеле, сжимая руку и крича ему сквозь кровавый туман. Словно издавека он слышал ее: — Милорд, он была ненастоящая! То был призрак, созданный из ведьмина мха!

Это пробилось к нему сквозь туман. “Ведьмин мох” был грибковой плесенью, свойственной исключительно этой телепатически чувствительной планете. Если проецирующий эспер упорно направлял мысль на комок такой плесени, та превращалась в то, о чем он или она думали.

Значит, тут должен быть поблизости проецирующий эспер.

Гвен, отставая, тянула его за руку. — Потихе, муж мой! Остановись и подожди! Если это чудовище возникло намеренно, то именно к его создателю и бегут созданные нами из него кролики! И если тот злодей увидит тебя, то скроется до того, как мы успеем схватить его!

— Я разнесу его на окислы, — пригрозил Род, но сквозь боевое безумие начал пробиваться здравый смысл.

— Кучка пыли не сможет поведать нам того, что мы хотим узнать! — крикнула Гвен, и Род, наконец, начал замедлять бег. Мастер, создавший это чудовище, ничего не значил. Значение имел тот, кто дергал его

за ниточки. Вот тот и был людоедом угрожавшим детям Рода. — Черная Аннис ест маленьких детей, — пробормотал он, и в нем опять начала нарастать ярость.

— Черная Аннис — бабушкина сказка! — ударил, словно бич, голос Гвен и пробился к нему. — Возможно в Тир — Хлисе она и впрямь существует, но не в Грамарие! Здесь, она лишь сделана из ведьмина мха! И над малыми детьми издевается колдун!

Род остановился, дрожа, и кивнул. — Именно этого колдуна мы и должны поймать! Но чтобы найти его, нам надо допросить его подручного наставшего на нас чудище! — Он ощерил зубы. — Этим допросом, я займусь с удовольствием!

Гвен содрогнулась и взмолилась: — Прошу тебя, держи себя в руках! Наша цель знание, а не удовольствие от жестокости.

— Просто скажи мне, где он. Кто выслеживает?... О! Дети. — Он замер, прислушиваясь к зову ребят, и шепча: Векс, ко мне. Когда нам понадобится скакать, нам будет нужна скорость.

Большой черный конь вырос рядом с ним с дробью копыт, когда раздался крик Корделии: — Здесь!

Род вскочил на Векса, и они рванули сквозь ночь. Радар робота зондировал затемненный ландшафт, и Векс брал барьеры в виде упавших деревьев и ручьев, словно скакал на укороченном стипльчезе. Гвен взмыла над деревьями, но Векс вырвался из под покрова леса, когда она начала пикировать.

Целью ее был крытый фургон с высокими стенками. В открытой двери был виден силуэт женщины при свете свечи. Она метнула взгляд на Гвен, затем круто повернулась, уставившись сперва на север, на Корделию, потом на восток, на Грегори, потом на Джефри, а потом на Магнуса. Метнулась обратно в фургон, захлопнув за собой дверь, но тут же появилась вновь на сиденье возницы, хватая вожжи. Лошади ее подняли головы и свернули на лут, таща за собой фургон...

Она испуганно уставилась на заполнившую лут орду кроликов и на несшегося с громом за ними огромного вороного коня.

Затем обе ее руки резко выпрямились, пальцы нацелились — кролики прыгнули друг к другу, сливаясь, сплавляясь, преображаясь — и возникли лев, волк и медведь, обернувшись к Роду.

Тот взвыл от ярости и радости, когда его снова окутал кровавый туман, затмевая все, кроме чудовищ. Они служили оправданием, они давали ему разрешение выплеснуть свою мощь. Он разнесет их в клочья и расчистит себе путь, чтобы размазать эту женщину по луговой траве.

Глаза тощего, огромного волка горели огнем. У медведя, неуклюже топавшего на задних лапах, было человеческое лицо, а грива льва так и пламенела. В свете пламени сверкали его стальные когти и зубы.

Род натянул поводья, и Векс уперся в землю копытами, бросая свой вес назад, вспахивая своим торможением луг, когда Род поднялся на стременах, нацелив вытянутую руку.

Волк взорвался.

Род медленно повернул голову.

Грива льва увеличилась, пламя охватило все его тело. Но зверь, казалось, ничего не заметил и с рычанием прыгнул к Роду.

Брови Рода сошлись, лоб наморщился.

Голова льва резко сделала полный оборот и закрутилась, отваливаясь. Векс посторонился, и тело рухнуло извивающейся кучей.

Род развернулся к медведю, со свистом выхватив из ножен меч; и тут зверь налетел на него. Огромная лапа врезала Роду сбоку по голове. Какой-то миг он свободно парил в пространстве, в черноте, пронизываемой крошечными искорками, а затем земля столкнулась с его спиной, и внутренности у него завязались в узлы, выгоняя из него дыхание. Но взор ему все еще завлакивал кровавый туман; он увидел, как Векс встал на дыбы и врезал передними копытами в плечо медведю. Тот спотыкнулся, но продолжал лезть, человекоподобное лицо исказилось в рыке.

Род стиснул челюсти и навел горящий взгляд на клинок своего меча. С острия его полыхнуло пламя, словно из горелки с трехфутовым выбросом.

Медведь остановился, и попятился, рыча.

Род с трудом втянул в себя воздух, а затем рывком поднялся на ноги и, шатаясь, пошел на медведя.

Тот с ревом бросился на него.

Род увернулся, щурясь от боли, прожигая его взглядом. Медведь вспыхнул, словно магний, но едва он начал предсмертный вой, как огонь замерцал, оплыл и погас. Там, где он стоял, только пепел сыпался наземь.

Род, покачиваясь, стоял один во тьме, когда окутавший его туман потемнел, растаял, и отступил

обратно в глубины его мозга. Он начал осознавать, что дует ветерок...

Пожар.

Он оставил горевший труп. Ветерок мог распространить это пламя по всему лугу и лесу.

Он повернулся к останкам льва и увидел парящего около них, футах в десяти от него Грегори, пристально глядящего на обугленную тушу. И прямо на глазах у Рода от нее отделялись кусочки и удалялись, пробираясь через луговую траву. Около медведя крутился Джефри и превращал его в табун игрушечных лошадак, мчавшийся галопом в лес.

— Нам нельзя оставлять большие скопления ведьмина мха в одном месте, — тихо произнес позади него голос Гвен, — а то первая бабушка, рассказывая страшную сказку, неумышленно оживит его в каком-нибудь жутком обличье.

— Да. — Вытекли последние капли гнева. Заполнить его место тут же хлынуло раскаяние. Чтобы как-то скомпенсировать чувства, Род заговорил грубо. — Конечно, нельзя. Что случилось с ведьмой?

— Сбежала, — просто ответила Гвен.

Род кивнул. — Вы не могли последовать за ней.

— Мы не могли оставить тебя здесь сражаться без помощи, — Корделия цеплялась за руку матери, глядя огромными глазами на отца.

— Да. — Род посмотрел, как двое младших детей расчлениют останки прежних ужасов. — С другой стороны, если б я не остался драться с ними, вы могли бы просто развалить их, и у вас еще нашлось бы и время последовать за ней.

Гвен не ответила.

— Где Магнус? — вздохнул Род.

— Последовал за ведьмой, — ответила Корделия.

Воздух с буханьем подался в стороны, и рядом с ними вырос Магнус. Раньше Рода нервировали появления и исчезновения сыновей, но теперь это казалось привычным. — Она скрылась?

Магнус опустил голову. — Она удрала в лес, и я больше не мог разглядеть ее сверху.

Род кивнул. — И тебе было бы глупо следовать за ней низко, чтобы она могла бы добраться до тебя. Конечно, если б я скакал за ней на Вексе, то другое дело.

Никто не ответил.

Он вздохнул. — Как насчет ее мыслей?

— Прекратились.

Гвен уставилась на Магнуса. — Прекратились? — Она подняла голову, глаза ее на несколько секунд потеряли фокусировку, затем взгляд прояснился, и она подтверждающе кивнула. — Все так, как он сказал. Но почему...?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Род. — Я ведь много лет был телепатически невидимым, помнишь? Рано или поздно кто-то должен был научиться, как при желании добиваться этого.

— Милорд, — тихо сказала Гвен. — По-моему, эти северные ведьмы и чародеи опасней, чем мы думали.

Род кивнул. — Они читают мысли лучше, чем мы предполагали. И они определенно знали о нашем приближении.

Гвен умолкла, обдумывая сказанное.

Род раздраженно пожал плечами. — О, возможно, эта колдунья питает ненависть к лудильщикам, особенно семейным, хотя я почему-то сомневаюсь в этом. Нет, они нас засекли.

Он выпрямил плечи и хлопнул в ладоши. — Ладно, вот и все с нашим ночным приключением! Всем спать.

Потрясенные дети подняли головы.

— Не беспокойтесь, мамочка нагонит на вас сонные чары. — Колыбельные песни Гвен являлись действенной проецирующей телепатией, когда она пела "Спи, моя радость, усни", они действительно засыпали.

— Милорд, — тихо проговорила Гвен. — Если они знают о нашем присутствии...

— Нам лучше расставить часовых. Да. — Род уселся, скрестив ноги. — Первым в караул заступаю я. Все равно я в последнее время сплю неважно.

Когда снова воцарились спокойные ночные звуки, а со стороны детей слышалось только глубокое и ровное дыхание, Род тихо произнес. — Они очень добры в оценке моих действий, но факт остается фактом, я провалил все дело.

— Но в любом случае невероятно, чтобы тебе удалось поймать проецирующую телепатку, — ответил ему голос Векса. — Изгнать ее, возможно, и даже уничтожить, хотя это крайне опасно. Но попытаться захватить эспера, не убивая, было бы в десять раз опасней.

Род нахмурился. — Если подумать, то почему она не вскочила на помело? — У него внезапно возникло перед глазами живое видение, как Гвен сражается в воздушном бою, и он содрогнулся.

— Зачем ей бросать свой фургон, если нет необходимости? — ответил контрвопросом Векс.

Род поморщился. — Обидно, что, моя ярость настолько стреножила нас, что ей даже не пришлось прилагать усилий, удирая!

— Это лишь удар по твоей гордости, — напомнил ему Векс. — Цель была достигнута, опасность изгнана.

— Временно, — проворчал Род. — В следующий раз она может изгнать нас, если я снова дам ярости заблокировать мне мозг.

— Такое возможно, — признал Векс. — Опасность надо считать большей, так как появилась причина полагать, что врагу известно, кто вы и куда направляетесь.

— И он может догадаться о нашей цели, — закончил Род. — Да, мы можем быть уверены, что они нападут вновь и довольно скоро... Векс?

— Да, Род?

— Как думаешь, пора уже отправлять Гвен и ребят домой?

Робот помолчал, а потом ответил: — Анализ доступных данных не указывает на степень опасности, с которой твоя семья не могла бы сообща справиться.

— Слава небесам, — вздохнул Род. — Думаю, их было бы нелегко отправить домой именно сейчас.

— Твои дети и впрямь теперь заинтригованы.

— Какие там дети! Я беспокоюсь о Гвен, о том, как бы она не рассердилась!

Векс умолк.

Род нахмурился, не слыша ответа, затем сжал зубы. — Ладно, что я упускаю из вида?

Робот поколебался, а затем ответил: — По-моему, они не доверяют твоим шансам действовать в одиночку, Род.

ГЛАВА 3

— Мы теперь недалеко от границы владений Романова, не так ли?

— Да, милорд. Остается еще, наверно, день пути, — Гвен доблестно держалась на ногах, но было видно, что устала.

Род нахмурился. — Слушай, им известно о нашем приближении, нет смысла сохранять инкогнито. Почему мы по-прежнему идем пешком?

— Чтобы не вызывать страха, папа. — Грегори посмотрел на отца с высоты своего сидения на поклаже Векса. — Если б честные крестьяне увидели, как мы летим на север, то, наверняка, встревожились бы.

Род на миг уставился на младшего сына, а затем повернулся к Гвен. — Сколько говоришь ему лет? Три и какой пошел?

Но Гвен вдруг насторожилась и подняла руку. — Ш-ш!

Род нахмурился в ответ. — И тебе не больше.

— Нет, нет, милорд! Опасность! Приближается толпа честных людей, но бежит к нам в полном ужасе!

Лицо Рода сделалось нейтральным. — Что их преследует?

— Не могу сказать, — покачала головой Гвен. — Вроде люди, поскольку я ощущаю их присутствие, но там, где у них должен быть разум, — пустота.

Род заметил множество бегущих. — Ладно, приготовимся к самому худшему. — Он сунул два пальца в рот и пронзительно свистнул.

Тут же выскочили из ниоткуда Магнус и Джефри, а за ними спикировала вниз Корделия. — Почему ты просто не послал нам мысль, папа? — спросил Магнус.

— Потому, что мы выступаем против врага умеющего слышать мысли с большого расстояния, а не свист. Ладно, ребята, нам надо устроить засаду. Я

хочу, чтобы каждый из вас оказался высоко на дереве и, как можно лучше, изображал участок коры. Мы с матерью возьмем на себя наземную засаду. Когда появится враг, ударьте по нему всем, что у вас есть.

— Какой враг, папа?

— Послушай сам. Мама говорит, что он человек, но ничего более.

У всех четверых детей на миг остекленели глаза, а затем они, одновременно содрогнувшись, вышли из транса.

— Ужас, — прошептала Корделия. — Оно там, но его нет!

— Увидите его — узнаете, — мрачно предрек Род. — На всякий случай, если не узнаете, то я, как можно сильнее подумаю: "Кроши!". А теперь, брысь!

Они исчезли с тремя хлопками и свистом. Подняв взгляд, Род заметил, что вершины трех деревьев внезапно заколыхались на ветру, и увидел, как Корделия воспарила к вершине четвертого. — В какую сторону двинемся, милая?

Гвен пожала плечами. — Для меня обе стороны одинаковы, милорд.

— Ты, кто? Кандидатка в депутаты? Ладно, исчезай на востоке, а я расту на лево. Во всяком случае, я постараюсь.

Гвен кивнула, быстро сжала ему руку прежде, чем стремительно унести с дороги. Листва сомкнулась за ней. Род задержался, глядя на север и раздумывая, а затем свернул в подлесок, шепча: — Направься примерно на десять ярдов к северу, Векс.

Робот припустил галопом, и почти сразу свернул с на сторону, где находился Род.

Листва спрятала его. Род повернулся лицом к дороге, опустился на колено, дал телу расслабиться, ритмично дыша.

Из-за поворота дороги появились они — дюжина пыльных крестьян с маленькими котомками и затравленными лицами. Они постоянно оглядывались. Самый высокий из них вдруг что-то выкрикнул и резко затормозил. Другие поспешили к нему, крича через плечо женам: — Спасайтесь! Бегите! — Но женщины заколебались, тоскливо глядя то на дорогу к югу, то опять на мужей. Мужчины повернулись спиной к ним и лицом к северу, в сторону врага, каждый держал посох в оборонительной стойке, наискось поперек тела. Женщины в ужасе следили за ними.

Затем, с воем одна молодая жена, прижимая к себе младенца, побежала на юг. Остальные устали ей

в след, а затем, одна за другой начали гнать своих ребяташек вперед по дороге.

Вскоре в поле зрения появились ратники.

Род напрягся, думая изо всех сил: "Готовься!"

Они были одеты в коричневые легины с темнозелеными куртками до середины бедра и стальные шлемы. Каждый держал в руках алебарду, а на груди сверкал шафрановый знак различия. Это было обмундирование, и какого Род никогда раньше не видел.

Солдаты завидели крестьян, издали воинственный крик и бросились в атаку, опустив алебарды, горизонтально.

Род мысленно вложил в слово всю свою мощь, когда прошептал его Вексу: — Кроши!

Удачнее выбрать время он не мог. Векс выскочил из подлеска и встал с пронзительным ржанием, на дыбы как раз, когда его миновали последние солдаты. Встревоженные, они и большинство их товарищей резко повернулись. Род выскочил на дорогу между крестьянами и солдатами. Меч метнулся проткнуть плечо пехотинца, а затем отпрыгнул и ткнул в другого, пока первый завопил, отшатнувшись назад. Двое солдат в середине отряда взмыли с воем ужаса ввысь и бухнулись обратно на товарищей. Град камней ударил по стальным шлемам так сильно, что солдаты зашатались и растянулись на земле.

Род бросился вперед, проткнул бедро третьему солдату, одновременно крича крестьянам: — Давай! Вот ваш шанс! Навалитесь на них и вышибите из них дуры!

Тут тупой конец алебарды ударил его по подбородку, он круто развернулся, в глазах у него темнело и вспыхивали искры. Но уши его наполнил рев и, когда в глазах прояснилось, он увидел, как крестьяне врзались в солдат, подымая и опуская колья, сражаясь.

Род охнул и шатаясь, вернулся к ним: убивать же не требовалось!

Затем появилась еще одна мысль: им требовались пленные для получения информации.

Он вклинился в группу крестьян, бросил быстрый взгляд на рукопашную битву и крикнул: — Стойте!... Не нужно... Они не заслуживают...

— Ты не видел сделанного ими, — прорычал крестьянин рядом с ним.

— Не видел, но хочу выяснить! Смотрите! Они все валяются на земле, некоторые, возможно, уже мертвы! Отойдите от них, предоставьте их мне!

Грубая рука схватила его за плечо и развернула кругом. — Да ну? А кто ты такой, чтобы приказывать, ты не потерявший крови из-за этих волков?

Глаза у Рода сузились. Он медленно выпрямился и ребром ладони сшиб руку крестьянина. Это было смешно, но должно сработать. Нужно добиться сотрудничества с ними. — Я — Верховный Чародей, Род Гэллоуглас, и именно благодаря моей магии, и магии моей семьи, вы стоите здесь победителями, а не валяетесь мясом для стервятников!

Можно было не добавлять этой фразы, глаза крестьянина расширились и он припал на колено. — Простите, милорд! Я... я не хотел...

— Да, конечно, не хотел. Откуда тебе знать, если я одет, как лудильщик? — Род огляделся кругом и увидел всех крестьян на коленях. — Ладно, хватит! Люди вы или пешки, что должны стоять на коленях? Свяжите и свяжите мне этих скотов!

— Мигом, милорд! — Крестьяне вскочили на ноги, и принялись связывать солдат их же поясами и подтяжками. Род схватил за плечо своего воинственного собеседника. — Как тебя звать?

Уже без боязни он дотронулся до чуба. — Гратум, с вашего позволения, милорд.

— Важнее позволяешь ли ты так звать себя, — пожал плечами Род. — Догони женщин, Гратум, и сообщи им хорошие новости, идет?

Крестьянин не сразу понял, но потом до него дошло. — Тот час же, ваша светлость! — И стремглав убежал.

Род понаблюдав за компанией вяжущих узлы и убедившись, что все идет, как надо, с минимумом мстительной грубости, взглянул на деревья и подумал: — Чудесно, дети! Папочка очень гордиться вами!

Ветки слегка колыхнулись в ответ. Род мог бы взять на себя труд и прочесть ответные мысли, но ему еще требовалось для этого немалое усилие, а в данную минуту он не мог уделить на это внимание. Но он повернулся к подлеску и подумал: — Спасибо, милая. Было приятно видеть, как ты помыкаешь для разнообразия кем-то другим.

— Лишь бы не тобой, милорд? Ты, безусловно, желанней всех!

Пораженный Род поднял голову — это был ее голос, а не мысль. Гвен подошла строевым шагом, за

ней следовали женщины и дети. Гратум поспешил выбежать вперед, лицо его выражало сплошное извинение. — Пока я успел до них дойти, милорд, ваша жена известила их, и они начали возвращаться.

Сообщение она принесла явно на помеле. Жены гнали детей бросая на нее украдкой быстрые взгляды, а дети таращили удивленные глазенки.

Род снова повернулся к Гратуму. — Может вас еще преследовать кто-то из этих обезьян?

Крестьянин покачал головой. — Нет, милорд, насколько мы знаем, вряд ли. Были отряды, но они гнались за другими беглецами. Нас преследовали по большаку только они, так как нас, убежавших так далеко оказалось немного.

— Другими беглецами? — переспросил Род, подбоченясь. — Давай-ка, попробуем с начала. Что же произошло, Гратум? Начни с момента, как ты узнал об опасности.

— Перед тем...? — уставился на него крестьянин. — Это было несколько месяцев назад, милорд!

— Время у нас есть. — Род кивнул на север. — Просто на случай, если ты беспокоишься, я выставил караул.

Гратум метнул несколько быстрых взглядов по сторонам, а затем, со страхом, снова на Рода. Это было неприятно, но в данную минуту полезно. — Несколько месяцев назад, — поторопил он, — перед тем как ты узнал...

— Да, милорд, — скорчил гримасу Гратум. Он тяжело вздохнул и начал. — Ну, значит так! Был апрель, и мы запрягали волов в плуги, готовясь к севу. Меня окликнул с дороги один малый. Вид его мне не понравился — он был настоящий кощей и смахивал на мазурика, но я не видел причины отказать ему и остановил своего вола, подошел к изгороди переговорить с ним.

— “Чья тут земля? — спросил он меня. Я ответил: — “Да герцога Романова, конечно, но ее получил в ленное владение мой господин, сэр Эвинг”.

— Нет, — молвил этот кощей, — она теперь не его, а колдуна Альфара. И я получил ее от него в ленное владение”

— Ну! — Тут уж я рассердился. — Нет, ты не получил, — закричал я. — Коль ты ведешь такие изменнические речи, меня никто винить не станет! — И занес кулак ударить его.

Рот у Рода сжался. Это совпадало с его впечатлением о личности Гратума. — И что же он предпринял в связи с этим?

— Да он просто пропал, пока я успел ударить, исчез! И снова появился в десяти футах от прежнего места, по мою сторону изгороди! Тут меня охватил страх, но я все равно бросился на него, взревев от гнева. Он взлетел ввысь, вытянул из плаща толстый жезл и ударил меня им. Я попытался отнять его, но он, казалось, всегда знал, где я схвачу в следующий раз, и ударял в ином месте. Так он и колотил меня по голове и плечам, пока я не упал без сознания. Когда я пришел в чувство, он стоял надо мной, каркая: — “Радуйся, что я пощадил тебя, и пользовался лишь деревянным прутком, а не метнул в тебя огненным шаром и не наколдовал ежа тебе в живот!”

— Он мог сие сделать, милорд?

— Сильно сомневаюсь в этом, — сухо улыбнулся Род. — Продолжай свой рассказ.

— Да о той схватке почти нечего больше рассказывать, — пожал плечами Гратум. — “Помни, — молвил он, — что теперь ты служишь мне, а не тому бездельнику, сэру Эвингу”. — Тут мне кровь ударила в голову, как услышал я, что так называют моего лорда, но он увидел мое возмущение и снова ударил меня жезлом. Я остерегался удара, но он оказался вдруг у меня за спиной и ударил меня с другой стороны, а я не мог обороняться, так как рука, что должна бы это сделать оказалась подо мной. — “Помни, — снова молвил он, — и не бойся возмездия со стороны сэра Эвинга. Еще не успеет созреть урожай, как он больше не будет тревожить тебя”. — А затем оскалится, словно плотницкая пила, и исчез с ударом грома.

Род заметил, что этот младший кудесник проделал всего-навсего телепортирование и леветирование, но применил он их для получения преимущества в бою.

— У сего червя-чародея нет никакой чести, — процедила сквозь зубы стоявшая рядом с ним Гвен.

— Полнейшее вероломство, — согласился Род, — и, следовательно, самоуничтожение. Если б ведьмы и чародеи так себя вели, на них бы мигом ополчились разъяренные толпы. Сколько времени они б тогда протянули?

— Вечность, — не замедлил с ответом Гратум. — Или так во всяком случае считают этот Лорд-Колдун и его рыцари-колдуны. Они не страшатся никакой силы, милорд, ни крестьянской, ни рыцарской.

Страх в его тоне подействовал на Рода. Он нахмурился. — Похоже ты говоришь, словно имеешь опыт. Что произошло? — Ты ведь сообщил сэру Эвингу об этом небольшом инциденте, не так ли?

— Сообщил, — закусил губу Гратум. — И жалею об этом, хотя все равно ему сообщил бы кто-нибудь из пахарей во владениях Эвинга.

— В каждом случае действовал тот же самый чародей?

— Да, звали его, как он сказал, Мелкант. О нем ничего не передавали из других поместий, но в каждое из них также являлся чародей или ведьма. Тем не менее, именно наш сэр Эвинг разгневался и выехал с дюжиной своих ратников отыскивать этого Мелканта.

Род сжал челюсти. — Как я понимаю, сэр Эвинг его нашел.

Гратум развел руками. — Мы не знаем, что думать, так как он не воротился. А ратники его вернулись, но одеты были ту форму, что на тех кто преследовал нас. — Он ткнул большим пальцем через плечо в сторону кучки связанных солдат. — Да, они вернулись, этих людей мы знали с детства. Они вернулись и сказали нам, что сэра Эвинга больше нет, и что мы служим теперь его чести лорду Мелканту.

Род уставился на крестьянина, и Гвен схватила его за руку. Это вернуло Рода к реальности, он откашлялся и спросил. — Не было ли в них чего-то странного? В том как они выглядели?

— Да. — Гратум легонько постучал себя около глаза. — Странность была вот здесь, милорд, в их взглядах. Хотя я не могу вам сказать, чего же в них было особенного.

— Но там было не то, чем бы оно ни было, — кивнул Род. — Что же делали солдаты? Остались убедиться, что вы продолжаете пахать?

— Нет, они сказали нам, что мы теперь работаем на Мелканта и велели не говорить о том, что произошло никому. Но между собой крестьянам разговаривать разрешили. нельзя разговаривать с другими крестьянами.

— И поэтому пополз слух?

— Да. Он пополз от крестьянина к крестьянину, пока не дошел через несколько поместий к нашему лорду, графу Новгороду.

Род продолжал хмуриться. — Как я понимаю он вассал герцога Романова.

— Да, милорд. Граф созвал своих ленников, но на призыв его откликнулись не больше дюжины рыцарей, так как другие выступили на бой с чародеями.

— Ах вот как! Как я понимаю, слух разлетелся не так быстро.

Гратум пожал плечами. — Я думаю достаточно быстро, милорд, но такая новость лишь разгневала наших добрых рыцарей, и каждый выступил против чародея, оспаривавшего его землю, думая, что его войско справится с сей задачей.

— Но оно не справлялось, — Род поджал губы. — Потому что они выходили на каждого рыцаря по одному, но держу пари, все они столкнулись с объединенными силами этого Лорда-Колдуна и всех его присных.

Лицо Гратума потемнело. — Неужто так?

Род нетерпеливо мотнул головой. — Вы, крестьяне, должны перестать верить всему, что вам говорят, Гратум, и начать выяснять некоторые факты!... О, не надо так на меня смотреть, я такой же нормальный, как и ты! Что произошло с графом Новгородом и его недоукомплектованной армией?

Гратум покачал головой. — Мы не знаем, милорд, ибо нами овладел страх, и мы поняли, что в случае победы колдуна, мы будем порабощены злой магией, а с нами наши жены и дети. Мы, простые люди, увязали тогда все, что могли унести, и так как у нас не было возможности бороться, мы бежали по проселкам к дороге, а потом по дороге к большаку.

— Так значит вы не знаете, кто победил?

— Не знаем, но на следующий день, когда мы рано утром снова тронулись в путь, среди нас прошел слух, а на дороге к тому времени находились сотни людей, милорд. Не только мы люди сэра Эвинга, надеялись остаться свободными. Так вот, из хвоста толпы долетело известие до нас, шедших в голове, о том, что нас преследуют солдаты в зеленых куртках. Мы ускорили шаг, но вскоре пришло известие, что солдаты настигли кучку крестьян, и отправились в цепях обратно. При таком известии многие откололись, деревня за деревней сворачивали на боковые дороги и прятались. Когда мы добрались до возвышенности и оглянулись, то увидели, как от основного войска отделялись отряды ратников и сворачивали на боковые дороги. Поэтому мы повернули на юг и заспешили, словно за нами по пятам гналась смерть. Так как до нас докатилось известие, что солдаты начали убивать тех, кто противился своему пленению. Потом мы свернули на окольный путь и прятались, зажав детям рты, когда солдаты промчались мимо. Тогда мы снова

вышли на большак и опять отправились на юг. Мы шли всю ночь напролет неся малышей на носилках, надеясь что солдаты будут спать, пока мы шагаем. Так вот мы и оказались этим утром там, где вы нас нашли.

Род посмотрел на небо. — Давайте-ка прикинем, сегодня... вчера... Нынче должен быть третий день после битвы.

— Да, милорд.

— И лишь вашему маленькому отряду, единственному удалось забраться достаточно на юг, чтобы пересечь границу?

Гратум развел руками. — Единственные на большаке, милорд. Может быть есть и другие, но мы о них не знаем... если б не вы с вашей семьей, нас тоже не было бы здесь. — Он содрогнулся. — Бедный наш граф Новгор! Мы можем лишь молиться о его спасении.

Воздух треснул, раздаваясь в стороны, и на уровне глаз Рода заплывал Грегори, причалившись ручонкой к его плечу.

Крестьяне уставились на него и попятились в ужасе.

— Мир, — успокаивающе поднял руку Род. — Этот ребенок помог спасти вас от солдат колдуна. — В чем дело, сынок? Время сейчас не самое подходящее.

— Папа, — сказал мальчик, глядя на него огромными глазами. — Я слушал и...

— Разговор у нас был не совсем приватный, — пожал плечами Род. — И что такого?

— Если б граф Новгор победил, то солдаты в ливрее колдуна не гнались бы за этими крестьянами.

Крестьяне, о которых шла речь, так и ахнули, а одна женщина воскликнула: — Но его недавно отняли от груди!

Род повернулся к ним, не скрывая гордой усмешки. — Видели б вы, какие он придумывает предлоги, чтобы не есть овощи. Но думаю, что довод он привел здравый; я бы не питал больших надежд на победу графа Новгора.

Крестьяне заметно понурились.

— Но нужно обязательно получить определенный ответ. — Род широким шагом двинулся вперед.

Крестьяне отпрыгнули в сторону.

Род подошел к связанным солдатам. Он заметил, что один или два уже пытались порвать свои путы. — Начинают приходить в себя. Думаю, они могут знать кто победил. — Протянув руку, он рывком поднял на ноги одного солдата, а затем повернулся к крестьянам. — Кто-нибудь знает его?

Крестьяне пригляделись и, отрицательно покачали головами. Вдруг одна женщина ткнула пальцем, показывая на солдата наверху третьей кучи. — Вон там Эвин Арлинсон, пошедший в бой за добрым сэром Эвингом! Как же получилось, что он сражается на стороне врага своего лорда?

— Да, любой из них, если уж на то пошло? Все же, он вполне подойдет для нашей цели. — Род слегка толкнул солдата, которого держал, тот пошатнулся и упал навзничь на своих товарищей. В последнюю секунду Род, конечно, подхватил его и осторожно положил на землю; затем прошел через груды связанных поставив на ноги Гэвина Арлинсона. Он слегка похлопал его по щекам, пока у него не затрепетали веки, а потом кликнул: — Магнус, бренди! Оно в тюке у Векса.

Старший сын протолкнулся через толпу к отцу, протягивая фляжку. Род взял ее, замечая, что никого не удивляет появление Магнуса. Он прижал горлышко к губам Арлинсона и накренил фляжку. Солдат закашлялся, разбрызгав бренди вокруг себя, а затем проглотил. Наморщив лоб, посмотрел на Рода.

Выражение в его глазах заставило Рода вздрогнуть. Признаться, остекляелость взгляда могла быть вызвана полученным ударом по голове, но непоколебимая, немигающая холодность во взоре — это совсем другое дело.

Род придал голосу решительный тон и осведомился. — Что произошло с сэром Эвингом?

— Он умер, — ответил солдат ровным тоном. — Он умер, как должен умереть всякий, кто выступит против мощи Лорда-Колдуна Альфара.

Род услышал у себя за спиной негодующее аханье и ропот, но не обернулся. — Расскажи нам, каким образом это случилось.

— Рассказать легко, — ответил с презрением солдат. — Он со своими людьми отправился в поход на поиски чародея Мелканта. Они отправились по старой проселочной дороге через лес, и на одном лугу повстречали его. Но не одного Мелканта, а его братьев чародеев и сестер ведьм, всех четверых, вместе с их преподобным владыкой, колдуном Альфаром. Тогда чародеи и ведьмы вызвали разных чудовищ, напавших на сэра Эвинга и его людей, в то время, как ведьмы метали шаровые молнии. Около сэра Эвинга возник в воздухе чародей, пронзив его сквозь забрало, стащил с коня. Тут его солдаты побежали прочь, но Лорд-Колдун призывно крикнул, и они остановились. Одним взглядом он удержал их всех. И тогда он объяснил им, кто он такой и зачем явился?

— Ладно, — кисло улыбнулся ему Род. — Кто он такой?

— Человек с талантом и, следовательно, благородный по рождению, — натянуто ответил солдат, — явившийся освободить нас от цепей, в которых нас держат двенадцать Лордов и их лакеи.

— И что это за цепи? — поинтересовался Род. — И зачем вас нужно освобождать?

Солдат презрительно скривил рот. — “Зачем” не имеет значения. Важно, что порабощение налицо.

— С этим я могу согласиться, но не в том смысле, который имеешь в виду ты. — Род повернулся к жене. — Я называю это гипнозом мгновенного типа. А каков твой диагноз?

— Тот же самый, милорд, — медленно проговорила Гвен. — Это похоже на Дурной Глаз, с каким мы имели дело десять лет назад.

— Пожалуйста! — поморщился Род. — Не поминай мне, как давно это было. — На него накатила краткая, но сильная волна ностальгии, он вдруг снова ощутил те дни, когда им с Гвен приходилось беспокоиться только об одном маленьком чародее. Из-за тысячи с кем-то враждующих зверюлюдей...

Он стряхнул это настроение. — Ты можешь что-нибудь с ним сделать?

— Ну да... разумеется, милорд. — Гвен подошла к нему, глядя прямо в глаза. — Но разве ты не желаешь попробовать сам?

Род покачал головой, крепко стиснув челюсти. — Нет, спасибо. Я сумел продержаться всю эту стычку, не выходя из себя, сам не понимаю как. Но я предпочитаю не искушать судьбу. Посмотри, что ты сможешь с ним сделать, хорошо?

— С радостью, — ответила она и стала пристально смотреть в глаза солдату.

Через минуту тот оскалил зубы. Род взглянул на стягивающие ему запястья ремни, и на связанные голени. Мускулы у него напряглись, пытаясь порвать кожу, и ремни врезались в тело, но порваться они не могли. Он снова посмотрел на лицо солдата. Оно побледнело, на лбу выступили бисеринки пота.

Внезапно он оцепенел, глаза вылезли из орбит, а все тело забила такая крупная дрожь, что, казалось, он рассыпется на части. Затем он обмяк, испуганно оглядываясь и дыша так тяжело, словно пробежал милью. — Как... Кто...

Гвен прижала к глазам ладони и отвернулась.

Род перевел взгляд с нее на солдата и обратно. Затем позвал Гратума и подтолкнул солдата к нему.

— Вот! Поддержи его! Прыгнул к жене, подхватив ее в объятия. — Все кончено, милая. Его больше тут нет.

— Нет... я здорова, муж, — прошептала она ему в камзол. — И все же было неприятно.

— Что? Ощущение его разума?

Она молча кивнула.

— Чем оно было? — прицепился Род. — Ощущением нарушения? Особенностью загипнотизировавшего его мозга?

— Нет, дело в отсутствии такового.

— Отсутствии?

— Да. — Гвен посмотрела ему в глаза, между бровей у нее пролегла морщина. — В его разуме не было ни малейшего следа любого рассудка, милорд. Даже при Дурном Глазе в зверо-людях всегда было ощущение, стоящего за ним присутствия кого-то иного, но здесь не было ничего.

Род озабочено нахмурился. — Ты хочешь сказать, что его загипнотизировали и подвергли промыванию мозгов, но тот, кто проделал это, настолько умел, что даже следа не оставил?

Гвен стояла неподвижно, потом пожала плечами. — А что еще может быть?

— Но зачем утруждать себя? — задумчиво проговорил Род. — Ведь любая ведьма, знающая элементарные основы, мигом узнает эти чары.

Гвен покачала головой и отодвинулась от него. — Это тайна. Оставим ее пока, надо пробудить других. Корделия! Джеффри, Магнус, Грегори! Слушайте мои мысли, учитесь тому, что я делаю! — И опустилась на колени подле связанных солдат. Дети собрались вокруг нее.

Род понаблюдав за ней, а затем, покачав головой, снова повернулся к Арлинсону. Взглянул ему в глаза и обнаружил в них неотвязные воспоминания.

Солдат отвел взгляд.

— Не вини себя, — мягко сказал Род. — Ты находился во власти чар. Твой разум не принадлежал тебе.

Солдат с интересом поднял на него глаза.

— Это чистая правда, — Род заглянул солдату глубоко в глаза, словно пристальный взгляд мог сам по себе убедить его. — Скажи мне, что ты помнишь?

Арлинсон содрогнулся. — Все, милорд. Смерть графа Новгора, первые наложенные на нас чары, поход к замку, углубление чар...

Род ждал, но солдат повесил голову, весь дрожа. — Продолжай, — поднажал Род. — Что произошло после углубления чар?

Арлинсон вскинул голову, широко раскрыв глаза. — Чего еще там было?!

Род на мгновение уставился на него, а затем медленно произнес: — Ничего. Ничего такого, что бы ты мог изменить, солдат. Ничего такого, из-за чего стоит терзать себе сердце. — Он проследил, как в глазах солдата начал таять страх, а затем предложил. — Давай немного вернемся назад. Они — я имею в виду, чародеи — отвели вас всех в замок, верно?

Арлинсон кивнул. — Это был замок барона Строголя, милорд. — Он содрогнулся. — Но никто б не узнал его, миновав надвратную башню. Он весь пропитался сыростью и плесенью. Камышовую подстилку в зале не меняли по меньшей мере месяц, возможно, с самой осени, и все окна и бойницы закрывали ставни, не пропускавшие дневной свет.

Род занес все это в памятку и спросил. — А что с графом?

Арлинсон медленно покачал головой, не отрывая взгляда от Рода.

Род переступил с ноги на ногу, нащупал кинжал. — Как они углубили чары?

Арлинсон, дрожа, отвел взгляд.

— Я знаю, это больно вспоминать, — мягко сказал Род, — но мы не сможем бороться с этим колдуном, если не будем ничего знать о нем. Постарайся, хорошо?

Арлинсон снова вскинул взгляд на Рода. — Значит вы думаете, что сможете бороться с ним?

Род нетерпеливо пожал плечами. — Конечно, сможем, но я хотел бы надеяться на победу. Расскажи мне, как они углубили эти чары.

Какое-то время солдат смотрел на него. А затем медленно кивнул. — Это было сделано так. Нас разместили в темнице и выводили из клетки по одному. Когда пришла моя очередь, меня привели в столь темное помещение, что я не могу сказать, какой оно величины. На столе, рядом со стулом, куда усадили меня, стояла зажженная свеча, и мне велели смотреть на пламя. — Лицо его скривилось. — Что еще там было?

Род кивнул. — Значит ты сел и уставился на пламя. Что-нибудь еще?

— Да, какие-то невидимые музыканты заиграли музыку, какой я никогда раньше не слышал. Понимаете, она была какой-то заунывной, вроде как у

волынки, но больше походила на звуки виолы. И еще один невидимый бил в барабан...

— Отстучи его бой, — мягко попросил Род.

Удивленный солдат уставился на него. А затем начал похлопывать себя по бедру, не сводя глаз с Рода.

Род узнал ритм: в нем билось человеческое сердце. — Что еще?

— Потом тот, кто сидел напротив меня — но было так темно, что я мог определить его присутствие только по звуку его голоса — начал говорить об усталости и сне. Веки мои начали тяжелеть. Я помню, как они все опускались, а я боролся с дремотой и все же поддался ей. Уснул — до сего часа. — Он взглянул на свое тело, казалось, в первый раз, увидев свою одежду. — Что это за ливрея?

— Мы тебе скажем после того, как ты ее снимешь, — коротко обронил Род и хлопнул солдата по плечу. — Смелей, солдат. Тебе понадобится величайшая храбрость когда ты узнаешь что же произошло пока ты был, э... пока ты "спал". — Он повернулся к Гратуму. — Развяжи его. Он снова на нашей стороне. Род увидел, что под пристальным присмотром Гвен дети пробуждали уже последнего солдата. — Осторожно, Магнус, осторожно — его разум спит. А ты, Джеффри, помедленней — ист, назад! Отступи! Если разбудишь его слишком быстро, то рискуешь ввергнуть его обратно в беспамятство от потрясения тем, что он находится в данный момент так далеко от своей постели.

Солдат, о котором шла речь, болезненно моргнул, затем приподнялся на локте. Он опустил взгляд и уставился на свои связанные запястья. Когда он начал рваться из пут, его глаза утратили свое ошалелое выражение. Через несколько секунд он опять осел, опираясь на локоть, глубоко дыша.

— Отлично, доченька, — одобрительно прошептала Гвен. — Ты очень удачно утешила его.

Род наблюдал, как ратник успокаивается. Наконец, он огляделся крутом широко раскрытыми глазами. Взгляд его остановился на Гвен, затем на детях и медленно поднялся на Рода.

— Теперь все проснулись, муж, и готовы, — голос у Гвен был тих. — Назови им свое положение и свое имя.

— Меня зовут Род Гэллоутлас. Я — Верховный чародей этого острова Грамарий. — Род попытался перенять у Гвен ее интонацию. — Рядом со мной моя леди, Гвендайлон, и мои дети. Они только что разбили державшие вас в рабстве злые и мерзкие чары. —

Он выждал, переводя взгляд с лица на лицо, давая им воспринять сказанное. Когда он счел, что они понимают его, то продолжил. — Вы “проспали” три дня и в течении этого времени вы воевали солдатами в армии Лорда-Колдуна Альфара.

Они в шоке уставились на него. А затем все начали выстреливать один за другим вопросы, требуя объяснить, чуть не воя от недоверия.

Они взвинчивали себя до истерии. Нужно было это прекратить.

Род поднял руки ладонями кверху и проревел: — Молчать!

Солдаты умолкли, так как воинская дисциплина вонзила свои крючья им в мозг. Но они были на взводе и готовы взорваться. Поэтому Род быстро проговорил. — Сделанное вами в течении этих дней было в действительности не вашими деяниями — их совершил Лорд-Колдун и его присные. Они использовали ваши тела и часть ваших разумов. — Он увидел нахлынувшее на лица солдат выражение и признался: — Да. Это было отвратительно. Но помните, что содеянное вами было их преступлением, а не вашим. Никакой вашей вины в этом нет, и вас нельзя обвинять в нем. — Он увидел, что они предчувствуют недоброе. Ну, хорошо, по крайней мере, они будут готовы, когда Гратум и его крестьяне расскажут им, что происходило. Он снова переводил взгляд с лица на лицо, задерживаясь на миг на каждой паре глаз, а затем выдохнул. — Но вы можете добиваться правосудия.

Все глаза сцепились с ним взглядом.

— Вы преследовали вот этот честной народ... — Род кивнул головой в сторону крестьян,... безавший на юг. Вы перешли границу Романова и вошли в земли графа Тюдора. Держите же теперь путь на юг вместе с людьми за которыми гнались. Только теперь будьте их защитниками.

Он увидел, как на лицах солдат появилась решимость.

Род удовлетворенно кивнул. — Вы отправитесь на юг, в Раннимид к королю Туану. Падете там ему в ноги и скажите что вам велел явиться Верховный Чародей. Потом расскажите ему свою историю с начала и до конца, точно так, как Гэвин Арлинсон рассказал ее мне. Он вас выслушает и приютит. Если вы пожелаете, он, несомненно, примет вас в свою армию, чтобы во время его похода на север против тирана-колдуна, вы могли б помочь низвергнуть его.

Род ничего не сказал ни о грехе, ни об искуплении, но увидел по выражению лиц, как раскаяние превра-

щается в устремленность. И повернулся к Гратуму. — Мы можем доверять им. Сними с них путы.

Гратум неуверенно поглядел на него, но направился выполнять.

Род почувствовал, как его дергают за пояс и опустил взгляд.

— Папа, — обратился к нему Грегори, — а гвардейцы позволят им говорить с королем?

— Надо будет посмотреть, нельзя ли мне устроить тебя работать моей памятью. — Род повернулся и стал шарить в тюке у Векса, бормоча себе под нос. — Мы ведь захватили с собой стиль и немного бумаги, не правда ли?

— Захватили, — ответил голос робота, — но они на самом дне, под сухарями.

— Ну, конечно! Я ж не ожидал на этой прогулке бурной переписки. — Род порылся глубже, откопал письменные принадлежности и написал неофициальную записку, прося разрешить подателю сего переговорить с Их Величествами. Он сложил ее, убрал стиль и повернулся к Корделии. — Запечатай, пожалуйста.

Ведьмочка пристально посмотрела на нее, наморщив лоб в сосредоточенности. А затем просияла, и кивнула.

— Все готово? — Род проверил: бумага была запечатана по всем краям; молекулы с каждой половины листка перешли в среду молекул другой половины. — Спасибо, шпора, — усмехнулся Род и повернулся к Гратуму, протягивая письмо. — Покажи это часовому. Будучи не в состоянии его прочесть, он позовет капитана гвардии, а тот вызовет сэра Мариса, а тот, вероятно, разрешит предстать перед Их Величествами лишь двоим из вас, хотя вас окружит десяток личных телохранителей королевы. Пусть они тебя не волнуют, они будут просто для вида. — Он поджал губы. — Но я бы на вашем месте не стал делать никаких резких движений, когда вы окажетесь в тронном зале...

Гратум закивал головой, широко раскрыв глаза. — Сделаем все, как вы говорите, милорд. — А затем нахмурился. — Но... милорд...

— Валяй, — махнул щедрым жестом Род.

Гратум все же поколебался, а затем выпалил. — Почему вы называете свою девочку “шпорой”?

— Потому что у нее есть голова на плечах, — объяснил Род. — А теперь, шагом марш.

ГЛАВА 4

Семья следила, как небольшой отряд отправился в походном порядке на юг. Когда они исчезли в лесистой местности, Род снова повернулся к семье. — Спасибо, дети. Я очень горжусь вами.

Те расцвели от его похвалы. Корделия схватила его за руку и ответила: — А я горжусь тобой, папа. Тем, что ты не вышел из себя!

Род постарался сохранить улыбку и сказал: — Да. Каждое маленькое улучшение идет в счет, не так ли?

Он повернулся присесть на удобный камень. — После всех этих волнений нам не помешает отдохнуть.

— И поесть! — Джефри плюхнулся на траву перед Родом. — Можно мне поохотиться, папа?

— Нет, — неохотно отказал Род. — Есть законы против браконьерства, эта маскировка под лудильщиков, кажется, все еще необходима.

— Но ведь она же не обманывает колдуна и его ковен, — возразил Магнус, усаживаясь рядом с Джефри.

— Верно, но благодаря ей с нами говорят, куда охотней. Гратум сказал лудильщику такое, что постарался бы утаить от лорда Верховного Чародея.

— В самом деле, — подтвердила Гвен. — Его охватил такой благоговейный страх, когда он узнал, что ты знатен.

— Чему я все еще не верю, — заметил Род. — Но он верит. А это и важно. Поэтому мы останемся с виду семьей лудильщиков.

— Значит никакой охоты? — надулся Джефри.

— Да, — кивнул Род. — Никакой.

— Но мы же голодные! — пожаловалась Корделия.

— На это есть ответ, — Гвен развязала узел и растелила его. — Сухари, сыр, яблоки и отличная ключевая вода, которую может доставить Магнус.

Магнус испустил мученический вздох и поплелся за ведром.

— Знаю, — посочувствовал Род. — Не легко быть старшим.

Магнус установил ведро в центре семейного круга и посмотрел на него, сведя брови. С внезапным всплеском оно наполнилось водой.

Род поглядел на него застывшим взглядом, а потом поднял его на старшего сына. — Как я понимаю, ты запомнил последний пересеченный нами ручей?

Магнус кивнул, усаживаясь скрестив ноги. — Хотя лучше было б молоко.

— Его нельзя телепортировать к себе, — строго сказал Род. — Как по твоему, что будет чувствовать бедная корова? Кроме того, ему потребуется слишком долго охлаждаться после того, как мама пастеризует его.

— Она могла бы нагреть его в корове, — предложила Корделия.

— Разве бедному животному не причинили и так уже много вреда?

— Лучше б кролика, — проворчал Джефри.

— У нас нет времени его жарить, — покачала головой Гвен. — Нам надо еще пробраться на север, пока светло, дети.

Джефри вздохнул и положил на сухарь ломтик сыра.

— Мы вступим в Романов сегодня ночью, папа? — спросил Магнус.

— Если это будет зависеть от меня — нет. Это такая граница, какую я хочу переходить днем.

— Неожиданностей хватает и при свете солнца, — согласилась Гвен. — Они нам не нужны и при свете луны.

— Мы же знаем круг ведовских сил, — пожала плечами Корделия. — Чем новым они могут поразить нас еще?

— Если б мы о том знали, — вздохнула Гвен, — это не было бы неожиданностью.

— Кроме того, — задумчиво добавил Род, — мне не нравится, что тот глубокий гипноз, о котором говорила ваша мама, лишен всякого ощущения, совершившего его разума.

Дети дружно воззрились на него. Магнус спросил за всех. — Что же по-твоему это может быть, папа?

Но Род покачал головой. — Тут много неизвестных нам факторов.

— Нам известно, что тиран-колдун пожилой, — заикнулся Грегори.

Остальные обернулись к нему. — Почему ты так считаешь? — погребовала разъяснений Корделия.

— Я слышал, как про это говорил солдат, когда рассказывал папе о битве с графом Новгородом.

— Род порывлся в памяти и понял, что Грегори прав. Но упоминалось об этом так бегло! И “преподобный” не обязательно означает “старый”. Он взглянул на Гвен и обнаружил, что та смотрит на него. Он снова повернулся к Грегори. — Отлично, сынок. Что еще нам известно?

— Что они моложе, чем он, — добавил Магнус, — ибо Гратум не упомянул о возрасте, когда говорил о чародее Мелканте.

— Однако он и не сказал, что Мелкант молод, — возразил Грегори, — ни он, ни солдат ничего не сказали о других колдунах.

Магнус стиснул челюсти и покраснел. — Помимо того, что их было довольно много, достаточно для разгрома дюжины вооруженных людей!

— Ну, он употребил множественное число, — попытался примирить спорщиков Род, — и, будь они старыми, Гратум и Арлинсон, вероятно, упомянули бы об этом.

Магнус благодарно посмотрел на отца.

— И все же... — Род взглянул на Грегори, лицо которого темнело от упрямства, — это все мы лишь предполагаем, а не знаем.

Выражение лица у Грегори стало приветливей.

— Мы знаем, что среди них есть мастерица по преобразованию ведьмина мха, — медленно проговорила Гвен. — И надо полагать, именно ее-то мы и встретили две ночи назад.

— Вероятно, — согласился Род. — По крайней мере, одна из их ведьм хорошо владеет телекинезом, чтобы устраивать шаровые молнии.

— Это требует умения, — заметила Гвен, способная зажечь и спичку, и амбар в миле от себя.

— И проецирующий телепат, умеющий вызывать быстрый гипнотический транс такой силы, что может деморализовать дюжину солдат, — задумчиво прикинул Род. — Надо полагать, это сам тиран.

— Ты строишь догадки, папа, — напомнил Грегори.

— Молодец! — усмехнулся Род. — Ты уловил.

— И один среди них умеет спланировать, как применить эти способности столь разумно, чтобы легко разбить вооруженные силы, — внезапно высказался Джеффри.

Род кивнул. — Важный момент, который легко можно упустить из виду. Какова была их стратегия?

— Поглотить сперва крестьян, а потом рыцарей, — у Джеффри загорелись глаза. — Начали они с малого и наращивали силы, потом применили их, чтобы поймать кое-что покрупнее. Следовательно, они должны напасть на герцога Романова, а после, на других Великих Лордов — скорей всего на Габсбурга и Тюдора, поскольку те ближайшие соседи. Потом они могут рискнуть напасть на короля и королеву, так как окружают королевские земли. Или если будут сомневаться в собственной силе, то могут проглотить сперва Бурбон, Медичи и Глостер прежде, чем покуситься на короля Туана.

Семья молчала, глядя глаза на шестилетнего мальчика. Род размышлял, что именно этот ребенок не хотел учиться читать, пока Род не сказал ему, что буквы шагают походным строем. — Это очень хорошо, — мягко сказал он, — очень хорошо, особенно при скудности информации для выводов. Я сказал стратегию, когда по сути имел в виду тактику.

— О! Победа в той битве? — Джеффри пожал плечами. — Они наслали на вооруженный отряд чудовищ из ведьмина мха, чтобы сковать их и запутать. Потом, пока чудовища отвлекали внимание, другие ведьмы и чародеи осыпали несчастных со всех сторон градом ударов. Это было просто и эффективно.

— Хм. — Род посмотрел мальчику прямо в глаза. — Так значит ты не высокого мнения об их тактике?

— Э-э, такого я не говорил, папа! Он сделал лишь то, что следовало, применил столько сил, сколько требовалось в нужном месте и в нужный час. Не сомневаюсь, окажись граф Новгор посильней, чем он предполагал, у него бы нашлось в запасе магические резервы. — Джеффри покачал головой. — Нет, я не могу его винить. Возможно, его боевой план этой стычки и был, как ты сказал, простым, но, возможно, он способен составлять превосходные планы и сложных сражений. — Он пожал плечами. — Пока трудно сказать.

Род кивнул. — Кажется верным. Есть какие-нибудь идеи насчет численности подчиненных ведьм и чародеев?

— По меньшей мере их четверо — одна может преобразовывать ведьмин мох и управлять своими созданиями; другая — летать сверху и бросать камни; две других появлялись и исчезали, перепрыгивая в свалке с места на место, сея раздор и замешательство.

Может быть была еще и пятая, метавшая шаровые молнии. Но был и шестой, наводивший чары транса.

— Гипноз, — поправил Род.

— Гип-ноз, — кивнул, усиленно сосредоточившись Джефри. — Как скажешь. И конечно, был тиран-колдун, тот самый Альфар. Возможно именно он и наводит чары транса, и тогда меньших ведьм и чародеев остается всего пять.

— Так, — кивнул Род. — Значит мы можем уверенно предположить что есть Альфар и четверо подчиненных, но могут быть и другие. — Но пока он сопоставлял соображения Джефри со сведениями из рассказа Гэвина Арлинсона, Грегори подтвердил. — Все точно так, как говорит Джефри. Он пересчитал их абсолютно точно.

Джефри бросил на него раздосадованный взгляд. — А кто тебя спрашивал, малявка?

Лицо Грегори потемнело.

— Дети! — упрекнула Гвен. — Неужели вы не можете позволить друг другу получить свою долю внимания?

Корделия выпрямилась, сидя на траве, с добродетельным видом.

Род откинулся назад, опираясь руками оземь и уставясь на небо. — Ну! Я и не знал, что мы так много знаем! Я предполагал, что вы детки поможете кое в чем, но такого не ожидал! — Он оглядел свое потомство, радуясь про себя. — Но, если у них все так хорошо налажено, то почему они так беспокоились из-за нескольких сбежавших крестьян? Зачем они бросили в погоню за ними свою только-только сколоченную армию?

— Все объясняется просто! — выступил Джефри. — Это сделано, чтобы они не могли принести известия герцогу Габсбургу или графу Тюдору, или даже Их Величествам!

Все снова умолкли, пораженные его догадкой.

Джефри посмотрел на всех. — Но это же очевидно! Разве не так?

— Да, теперь ясно, когда ты растолковал нам, — ответил Род. — Но меня беспокоит иное, почему Альфар не хочет, чтобы кто-нибудь узнал о его действиях?

— Да это же еще понятней! Он намерен разгромить герцога и не желает, чтобы какой-нибудь другой лорд прислал тому подмогу!

Род медленно кивнул. — Да. Я думал, что именно так ты и скажешь.

Граф Друлейн и его супруга поднялись, и все присутствующие встали вместе с ними. В самом дальнем конце от их возвышения, семейство лудильщиков тоже поднялось на ноги, хотя Гвен пришлось дать тычка Джефри, чтобы он вспомнил о хороших манерах и отложил хлебную доску на определенный срок.

— Итак, спокойной ночи всем вам, — заученно произнес граф. — Да будут приятными ваши сны, и да проснетесь вы утром.

Привычная фраза прозвучала довольно мрачно для их ушей, учитывая тему застольного разговора. Возможно, граф тоже понял это. Его уход вместе с супругой через дверь позади возвышения был чуточку невежлив.

Гвен нагнулась к Роду и прошептала. — Неужели такой страх порожден неизвестностью?

Род пожал плечами. — Ты слышала, что тут говорили. Крестьяне раньше встречались с романовскими крестьянами на рынках, и вдруг их там не стало. И графу с графиней наносили иной раз светские визиты, но вот уж две недели никто не приезжал, а последний приехавший привез слухи о том, что романовские крестьяне волнуются из-за злых колдунов.

— Я бы испугался, — сказал Магнус, — если б подобные визиты так внезапно прекратились.

— Особенно, если б у тебя там были родственники, — согласился Род. — Которые, похоже, есть там у большинства из них. С кем же еще встречаться и выходить замуж дочерям рыцарей? — Он взял Магнуса за плечо. — Пошли, сынок. Давай-ка поможем убраться тут.

— Джефри, поторопись! — твердо приказала Гвен, и шестилетний мальчуган жадно проглотил последний огромный ломоть хлеба, отступая от стола. А затем протянул руку и схватил свою деревянную чашку, когда Род с Магнусом сняли столешницу с козел и перевернули на бок, свалив остатки на камыш.

— Так не очень чисто, папа, — напомнила ему Корделия.

— Знаю, милая, но в гостях не своя воля, приходится поступать так же, как хозяева. И не заблуждайся — граф и графиня проявили не малую доброту, позволив семье бедных лудильщиков переночевать у них в замке.

— Особенно раз им чинит чутунки их собственный кузнец, — добавил Магнус, собираясь отнести сто-

лешницу к стене. Род последовал за ним, и они подождали своей очереди бросить столешницу на все возрастающий штабель.

— Это все, должно быть, сделали ведьмы, — говорил своему товарищу стоявший перед ними крепостной. — Когда я в последний раз видел Хорта — ну помнишь, того конюха сэра Орлана? — тот сказал что среди крестьян появился злой колдун, требовавший, чтобы каждый из них заплатил ему по пени до Иванова дня.

— А Иванов день пришел и ушел, — покачал головой другой крестьянин. — Какое ж большее зло натворили такие колдуны к нынешнему дню?

Когда они бросили столешницу, Магнус поднял взгляд на Рода. — Такие слова вызывают у меня в груди большой страх, неизвестность, папа.

— Да, — согласился Род, — потому, что они угрожают нам лично. Вот тут-то и таится настоящая опасность, сынок, и не только для нас. Он обнял Магнуса за плечи, когда они двинулись обратно. — В реакции крестьян. Мы с твоей матерью и королевой Катариной при поддержке Туана начинали закладывать мысль, что эсперы могут быть славными парнями. Но один рвущийся к власти может пустить весь этот труд насмарку и снова бросить крестьян на охоту за ведьмами. — Он оборвал речь, улыбаясь при виде того, как Корделия и Джефри с трудом пробирались к нему таща одни из козел. — Да погодите! Вы еще недостаточно выросли, чтобы управиться с такой штукой, да еще без приспособлений!

Корделия опустила свой конец и сердито посмотрела на него, уперевшись кулаками в бока. — Я большая девочка, папа!

— Нет, пока еще не большая. И не будешь ею, по крайней мере, еще пять лет. — И добавил себе под нос: — Дай-то Бог. — Но вы поступили очень мило, пытаясь помочь. Однако, ваша помощь нужна маме для подготовки места для наших одеял.

Корделия содрогнулась, а Джефри указал. — Под открытым небом было б приятней, папа.

— Мы искали сплетни, а не удобства. — Род развернул его кругом и шлепнул, направляя в указанное место. — Иди помоги маме, ей нужно, чтобы кто-нибудь уговорил кошку оставаться всю ночь около нас.

Джефри заартачился.

— Кошки воюют с крысами, — напомнил ему Род. Глаза у Джефри сверкнули, и он побежал к Гвен.

Род взялся за свой конец козел. — Ладно, взяли!

Магнус поднял свой конец и повернулся к стене. — Даже если б ведьмы и чародеи и смогли покорить весь Грамарий, папа, то не смогли бы удержать его при столкновении с таким страхом и ненавистью крестьян. — Он пожал плечами. — Нас слишком мало.

— Поосторожней с переходом на личности. — Род быстро огляделся кругом, но никто из крестьян не стоял достаточно близко, чтобы услышать. — Хорошо, что никому из них неохота быть удивленным рядом с лудильщиком... Нет, сынок, злой эспер, такой как этот Альфар, может удержать власть, но только путем самого сурового, жестокого, абсолютного господства.

— Это ничуть не лучше охоты на ведьм, — нахмурился Магнус.

— Хуже для моих целей, потому что это задушит любую надежду на демократию на этой планете. А хочу, чтобы телепаты Грамария стали в один прекрасный день средствами связи для межзвездной демократии. — Род выпрямился, расширив глаза. — Вот оно что!

— Что, папа? — поднял голову удивленный Магнус.

— То, где вступают в игру агенты из будущего, ну, знаешь, те злодеи умыкнувшие нас всех в Тир-Хлис?

Лицо Магнуса потемнело. — Я помню о них и об опасности, которой они нас подвергли. Но где признаки их участия в этой возне, папа? Я не вижу ничего, кроме пожилого кудесника, додумавшегося, наконец, как расквитаться за свою обиду и несправедливость к себе.

— Вот они-то и хотят, чтобы ты видел именно это. Ладно, сынок, на штабель раз, два — взяли! — Они закинули козлы на штабель и пошли за другими. — Но если появляется возможность репрессивного правительства, то существует вероятность появления, стоящих за ним тоталитаристов из будущего.

За ухом у него методичный голос завел знакомую пластинку: — Обобщение основано на неадекватных данных...

— Но ведь признаков их присутствия недостаточно, — возразил Магнус. — Только суровость владычества Альфара!

— Ты снова разговаривал с Вексом, — обвинил его Род. — Но последи повнимательней, и ты увидишь другие признаки их рук за спиной Альфара. Лично я ломал голову над тем, что сказала твоя мать о том,

что за примененным Альфаром против солдат "мгновенным" гипнозом нет следа разума.

Магнус оцепенел, уставясь на него. — Но... папа... как такое может...

— Подымай козлы, — напомнил ему Род, они взялись за них и снова направились к стене. — Подумай, сынок — что не делает этого? Не думает, то есть. Что может делать разные вещи, но не думает?

Магнус молчал, пока они ставили козлы на штабель. А когда они собрались уходить, он догадался. — Машина?

— Ты все-таки разговаривал с Вексом, не так ли? — За ухом у него раздалось короткое, неприятное гудение: — Я б назвал это неплохой догадкой.

— Но только догадкой, — напомнил ему Магнус.

— Конечно. — Они неторопливо прошли туда, где стояла на коленях Гвен, заканчивавшая расстилать на камыше их одеяла. — Сумела изгнать насекомых, милая?

— Похоже. — Она взглянула на него. — Мы с Корделией додумались собрать свежего камыша, пока добирались сюда, так что спать мы будем сладко.

Что-то в этой фразе привлекло внимание Рода. Он уставился на одеяло, а затем взгляд и заглянул в глубину глаз Гвен.

Та подняла подбородок и повернулась к сыновьям. — И не забывайте о своих манерах, так как мы здесь спим не одни.

Дети уставились на нее, затем посмотрели озадаченно друг на друга, а потом снова на нее. — С чего ты решила, будто мы можем забыть? — спросил Магнус. А Джеффри поддакнул: — Мы хорошие мальчики, мама!

— Да, — ответила Гвен, поворачиваясь к Роду, — и такими должны быть вы все.

Посреди ночи раздался тихий стон, усиливая громкость и отражаясь от каменных стен, пока не наполнил весь зал.

Род резко сел, в нем звенел страх, электризуя мозг. На страх ответила и вступила с ним в борьбу ярость.

Весь зал заполнял голубовато-белый свет, при котором можно было видеть повскакавших потрясенных слуг, таращивших в страхе и ужасе глаза. Корделия завизжала и уткнулась лицом в живот Роду, а Грегори зарылся в юбки Гвен.

Магнус и Джеффри, пятясь к стене, все же воинственно глядели вверх.

Наверху, под потолком большой зал заполнила толпа бледных, светящихся призраков в старинных платьях и древних доспехах, голубовато-белых и полупрозрачных.

Ближайший к ним призрак мужчины поднял руку, и его голос раскатился, прогремев. — Ты! Именно ты потревожил наш покой, ты и твой приплод! Назовись и выйди из своей трусливой личины!

Гвен сдерживающе положила ладонь на руку Рода, но ярость в нем нарастала, и он стряхнул ее, негодуя, что она смеет увещевать его. Он поднял горящий взгляд на духа, расправил плечи и, чеканя слова одно за другим, заявил. — Я, Родни лорд Гэллоутлас, Верховный Чародей Грамария! А ты кто такой, дерзнувший так обращаться ко мне?

— Я — Арендел, первый граф Друлейн! — проревел дух. — Ты стоишь в моем зале! Зачем явился ты, и почему потревожил мой покой, мой и всех из моего рода! Говори, смерд! Сейчас же!

Ярость взмыла еще выше. — Разговаривай почтительней со старшими по званию, жалкий призрак! А не то я изгоню тебя из этого места, оставив твой дух находиться в бездне между мирами!

На какой-то миг дух устоял на него пустотой своих глазниц. Затем лицо его исказилось, раскололось, и полился смех — хриплый, издевательский смех, подхваченный остальными духами, переходивший от одного к другому, гремя и звеня, словно медные гонги, пока весь Большой Зал не зазвенел от него все время как призрачные пальцы показывали на Рода.

И ярость возросла, заполняя его, стремясь полностью овладеть им. Он изо всех сил противился ей, но, в последней момент крикнул: — Векс! Ко мне, сейчас же! В Большой Зал!

— Ну, делай, что хочешь! — презрительно усмехнулся дух. — Опусть меня вниз и искроши! Твори свои чудеса! Покажи нам силу, которую ты можешь применить против духов!

По камню зазвенели стальные копыта, и в зал ворвался большой черный конь, встав на дыбы в нескольких дюймах от шарахнувшейся прочь крестьянской пары.

Арендел в гневе устоял на Векса. — Что за зверя вызвал ты! Неужели, в тебе нет и крохи воспитанности, если ты приводишь в зал к лорду своего коня?

— Векс, — в муке проревел Род. — Что они такое?

— Ррр... Рррода... о-н-ни назз... — Внезапно все тело Векса вскинулось в большой конвульсии, дернув шейю, а затем его голова поникла и безвольно закачалась. Он стоял, широко расставив ноги, с нестигаемыми коленями.

— Припадок, — резко бросил Род. — Они настоящие!

Какой-то миг Арендел недоверчиво таращился на коня, а затем откинул голову, и его смех сотряс зал. — Эльфейская болезнь! Он вызывает к себе своего могучего помощника, свой образ всего мощного и совершенного, но и тот поражен эльфейской болезнью! — И его веселье брызнуло из него, забив по ушам Рода.

Тогда вырвалась на волю собственная природная ярость Рода, его негодование на любого издевающегося над чужим бессилием, делающего посмешище из самого верного спутника, какого он знал за всю свою жизнь. Ярость влилась в нарастающее бешенство, перехлестнувшее через плотину волевого контроля Рода. Его окутало красное марево. Мысли утихомирила ледяная, ясность, звенящая четкой идеей: Духов можно изгнать с помощью экзорсизма. Род свел брови, сузив глаза, и в зале грянул гром, с грохотом раскатываясь от невысокого, лысоватого человека в очках и зеленой ризе поверх белой рясы. Тот моргнул, ошеломленно озираясь. — Я был... Что... Как...

— Добро пожаловать, отец, — выдохнул Род голосом из сухого льда.

Священник моргнул, отыскивая слезящимися глазами Рода. — Но я же как раз сейчас читал заутреню в монастырской часовне! Как я попал сюда?

— Благодаря моей магии, — процедил сквозь зубы Род, — в ответ на дурные манеры этого хамоватого покойного лорда! Изгоните его, отец, ибо душе его прегражден путь в Рай, пока он остается здесь!

Дух взревел от ярости, и все его собратья подхватили этот рев, подняв вопли и рычание, заставившие священника скривиться и воскликнуть: — Это предвестие ада!

— Изгоните их, — крикнул Род, — пока они не навлекли на себя проклятие из-за задержки здесь!

Лицо священника отвердело решимостью. — Все так, как вы говорите. — И поднял ладонь в сторону Духов, заводя клонящую в сон молитву на латыни.

Лорд Арендел завопил и исчез.

С криками отчаяния растаяли и другие духи.

Внезапно, в мягкой темноте закричал Магнус: Вот! У восточной стены! Нет, остановите ее, схватите ее! Мать, умоляю, свет!

Темноту внезапно рассек свет — теплое, желтое пылание большого огненного шара, зависшего под самым потолком. Магнус с Джеффри устремились к женщине в синем плаще с капюшоном, вскочившей на помело и, вспарившей ввысь, оставляя им лишь свой издевательский смех. Магнус в гнев закричал и сделал вираж, следуя за ней, но она стрелой ринулась к окну, которое было настезь распахнуто летней ночи. Она раскатисто рассмеялась, крича: — Глупцы! Разве вы не знаете, что ведьмы повсюду? Вы не можете ни спастись от мощи Альфара, ни покончить с ней! Приветствуйте Лорда-Колдуна, как своего господина до того, как он покорит вас — ибо Альфар будет властвовать!

С хлопком взорвавшейся хлопушки прямо перед ней появился Грегори, тыча ей в лицо палкой. На конце палки вспыхнуло пламя. Ведьма завизжала и свернула в сторону, устремляясь к открытой двери, но Корделня вошла в штопор на помеле, преграждая путь ведьме и швырнув ведро воды. Жидкость вытянулась в длинную, тонкую стрелу и плеснула по лицу ведьмы. Та взвыла от ярости и взвилась вверх, сбрасывая с глаз воду рукой. Магнус и Джеффри стремительно рванулись за ней, приближаясь с двух сторон. В последнюю секунду ведьма сжала висевший у нее на груди амулет, крикнула: — Хайль Альфар! — и исчезла с ударом грома.

В зале воцарились тишь и безмолвие.

Затем раздался тихий стон, который распространился, по всему помещению. И покотился перерастая в вой.

Магнус висел в центре зала, под большим огненным шаром, с глазами, словно сталь. Рот его медленно растаял.

Голос Гвен резанул, словно лезвие ножа. — Нет, Магнус! Тебе такие слова запрещены, ибо дворянину не пристало их употреблять!

На мгновение снова наступило молчание. Затем одна женщина недоверчиво захихикала. Другая засмеялась тоже, за ними последовали другие. И царивший в зале ужас превратился в громкий смех, во все горло, возможно с оттенком истерии, но все же смех.

Затем на возвышении появился граф Друлейн со стоящей позади него дрожащей женой, обводя взглядом свой зал.

Его слуги и холопы увидели его и умолкли.

Когда утих весь зал, граф повернулся к поджидавшему слуге. — Зажги огни, чтобы мы могли поблагодарить эту леди за ее добрые услуги и покончить с ее пламенным светом.

Слуга пошел выполнять, другие тоже присоединились к нему.

Граф повернулся к священнику и степенно сказал: — Благодарю вас, преподобный отец, за ваши добрые дела.

Священник поклонился. — Моя служба в том и заключается, и нет надобности благодарить меня.

— Тем не менее, я благодарю. Все же, отец, я несколько озабочен, ибо то были души моих предков. Выходит их души погибли?

— Нет, милорд, — улыбнулся священник. — Поистине, я не думаю, что можно уничтожить душу. Но если даже допустить это, то в этом случае такого не произойдет, ибо я не видел никакой нужды в экзорсизме. Нет, я лишь благословил этот зал и помолился за души всех, кто обитал здесь, чтобы они обрели покой. Что они и сделали.

— А я беспокоилась, что ты попытаешься разнести их с помощью собственной силы, — тихо сказала мужу Гвен. — Как вышло, что ты подумал о клирике?

Ярость спадала, и Рода наполняло чувство вины и раскаяния. Он пожал плечами. — Странно.

— Воистину странно, так как ты никогда не отличался большим благочестием. Где ты узнал его?

Вопрос этот пробился сквозь миазмы в голове у Рода, и он нахмурился. А где же он все-таки узнал, что духов можно изгнать с помощью священника. — Общеизвестно, не так ли? — Он сердито посмотрел на нее. — Знание явилось мне, как гром среди ясного неба.

— Нет, — взял его за руку маленький Грегори. — Оно не с неба.

— А кто тебя спрашивал?

Грегори вздрогнул, как от удара. Раздражение Рода потонуло в злости на самого себя. Протянув руку он обхватил ребенка за плечи и прижал к себе. — О, извини, сынок! Ты этого не заслужил!

Священник продолжал говорить с графом. — Они устремились обратно в могилы, милорд. И, надеюсь, к вполне заслуженной загробной жизни.

— Для некоторых, это будет благословением, — уклончиво отозвался граф.

Род оправился от своих чувств и предложил священнику. — Отправить вас теперь домой, отец?

Священник в испуге поднял глаза, и граф быстро предложил: — Или, если вы желаете, отец, мы можем предложить вам погостить у нас, когда вы отдохнете, дадим охрану и коня для сопровождения вас на юг, в монастырь.

— Спасибо, милорд, — поблагодарил священник, не сумев скрыть своего облегчения.

Граф склонил голову. А затем медленно повернулся к Роду, и заговорил тихо, но слова его обжигали, словно огонь. — Было не по-джентельменски с вашей стороны, лорд Чародей, явиться в мой дом, не называя себя, и переодевшись.

Род встретился с ним взглядом, несмотря на пронзивший его стыд. Да, граф был прав.

Как он смел!

И все же с чувством собственного достоинства он ответил: — Я глубоко сожалею, что понадобился такой обман, милорд граф, но надобность в нем была.

— Что? — нахмурился граф. — Надобность пробуждать от сна моих предков?

Род ответил на недовольство недовольством. — Вспомните, милорд, подняли их не мы. Это сделала та подлая ведьма, э, колдунья.

— Да, — граф несколько смутился. — Именно так, милорд, я забыл.

— Но ведьма не появилась бы здесь, — прошептал Грегори, — не будь тут нас.

— Заткнись, малыш, — пробормотал Род.

— Умоляю вас, милорд, не судите по ней обо всех ведьмах, — взмолилась Гвен. — Таких порочных лишь несколько человек. И, как вы сами видели, они всегда будут бежать от мощи Королевского Ковена.

Крестьян это, кажется, не очень-то успокоило.

— Не заблуждайтесь, — посоветовал Род. — Тиран-Колдун Альфар, рассылает своих агентов готовить почву для своих завоеваний и, как видите, он забрался уже далеко на юг. — Он снова повернулся к графу Друлейну. — Вот потому-то мы и явились переодетыми, чтобы узнать все, что можно, о деятельности Альфара.

Несколько секунд граф глядел на него, а затем медленно кивнул. — Да, я достаточно опытный полководец, чтобы понять надобность в этом.

— Благодарю вас за понимание, — слегка поклонился ему Род. — Но мы не должны тревожить вас сегодня ночью. Ведьма скрылась, а мы узнали все, что могли. (Особенно теперь, когда наша маскировка открылась). — Мы поблагодарим вас за гостеприимство и отправимся своей дорогой.

Граф ответил на поклон, не совсем сумев скрыть свое облегчение.

Род улыбнулся и пошел к двери.

Магнус моргнул и кинулся следом за отцом, расправив плечи и высоко подняв подбородок.

Остальные дети огляделись кругом, а затем поспешили за Магнусом, а Гвен только подгоняла их.

Крестьяне столпились, давая им пройти.

Род остановился около Векса, сунул руку под седло к кнопке включения, нажал ее, и робот медленно поднял голову. Род схватил поводья и вывел черного коня с ними.

Они вышли на открытый воздух, и Джефри испустил вздох облегчения.

— Чисто! — ахнула Корделия.

Род промолчал, а затем кивнул. — Да. Вы хотели спать под открытым небом, не так ли?

— Сверчки будут помезыкальнее храпов, — заверил его Магнус.

— И если уж я должна спать вместе с животными, то я предпочла бы более крупных, чтобы ясно видеть их. — Гвен отряхнула юбки. — Фу!

— Тут не о чем спорить, — заверил ее Род. — Пройдем немного за ворота и уляжемся спать до конца ночи.

Они прошли через надвратную башню по подъемному мосту и удалились в ночь.

Через несколько шагов, Род громко вздохнул. — Итак! Когда ты в следующий раз будешь не согласен со мной, Грегори, пожалуйста, подожди, пока мы останемся одни! Потому что, кто его знает, может быть прав я.

— Да, папа, — сказал тихим голосом послушный мальчик.

Род насупился. — Я не хочу быть суровым, сынок, но существует вероятность, что та ведьма появилась там не для того, чтобы донимать нас, но могла быть еще одна особа из команды Альфара, присланная разведать местность и распространять слухи, чтобы встревожить народ. Безусловно, все эти встревоженные разговоры за вечернем столом вполне искренние, но они очень устраивают Альфара, не так ли?

Грегори промолчал.

Чтобы скрыть чувство вины, Род повернулся к Вексу, бормоча: — Оправился Микросхемный Мерин?

— Почти, — ответил голос робота. — До этой ночи я никогда не сталкивался с убедительным доказательством существования медиума.

— Ну, возможно, ты и до сих пор не столкнулся, — задумчиво прикинул Род.

— Кто не столкнулся с чем? — спросил Магнус. — А! Ты говоришь с Вексом. — Он с пониманием кивнул. Дети давным-давно усвоили, что они не могут слышать мыслей Векса, если он сам того не захочет.

— Он до сих пор не столкнулся с чем? — спросила Корделия.

— С медиумом, — объяснил Род, — лицом, умеющим беседовать с духами или заставить их появиться.

— Да. — Корделия кивнула. — Ты верно говоришь, папа. Он не сталкивался.

— В самом деле? А мне те духи казались настоящими.

— Они ими не были, — заверил его Магнус. — Мыслей у них было не больше, чем у зеркала.

— Странное сравнение, — нахмурился Род.

— Но подходящее, — подтвердила Гвен. — У них не было никаких собственных мыслей, они подражали схеме, которую для них составили.

— Составили? — по-прежнему хмурился Род. — Кто?

— Ведьма, — объяснил Магнус. — Она вызвала к жизни воспоминания, заложенные в камнях, и бросила их на нас.

Род уставился на сына. После нескольких секунд он переспросил. — Что?

— Есть некоторые ведьмы, милорд, — объяснила Гвен, — которые могут положить руку на перстень и получить полное представление о носившем его, вплоть до его облика и мыслей.

Род уставился в пространство. — Да... по-моему, я слышал об этом. Это называется "психометрией", не так ли?

— Не знаю, милорд, — пожала плечами Гвен. — Такие слова, присущи твоему народу, а не нашему.

— Это одно и то же, — добавила Корделия.

— Спасибо за урок, — кисло поблагодарил Род. — Но как ты об этом узнал, Магнус?

Мальчик покраснел. — Я не желал тебя тревожить, папа...

— Да ну, в самом деле? — Род вопросительно посмотрел на Гвен. Та покачала головой. — Маму ты тоже не хотел беспокоить, как я понимаю. Что ж, хорошо, пока мы не узнаем всего. Отныне, мы всегда будем беспокоиться — не открыл ли ты новый способ применять свою силу и не проводишь ли опасные эксперименты, не давая нам знать.

Пораженный Магнус поднял взгляд. — Я не хотел...

— Знаю. Поэтому и не делай этого. Беспокой меня, сынок, именно для этого я здесь и нахожусь.

— Ладно, — вздохнул Магнус. — Я находил мысли в вещах, какими пользовались люди, папа.

Род кивнул. — Пусть рядом будет мама, когда ты в следующий раз будешь экспериментировать с этим, хорошо? С “вызыванием” все ясно. Как я понимаю “бросание на” говорит о проецирующей телепатии?

— Под этим, — объяснила детям Гвен, — он подразумевает ведьму или чародея, умеющих посылать свои мысли людям, не наделенным ведовской силой.

— О! — кивнула Корделия. — Именно такой она и была, папа. То чего она видела мысленным взором, она могла заставить увидеть и других.

Род кивнул. — Значит, мы видели не настоящих духов, всего лишь отражение воспоминаний “записанных” в камнях того зала... э, Гвен?

— Да, милорд?

— Помнишь тех духов, встреченных нами давно в замке Логайр?

— Да, милорд. Возможно, их сперва вызвали точно также.

— Почему “сперва”?

— Да потому, что они продолжали пребывать там и после кончины вызвавшей их ведьмы. И, судя по рассказам, довольно долго.

— О, да, — кивнул Род. — Совершенно верно, тот замок считался населенным приведениями не один век, не так ли? — Он прожег Магнуса взглядом, увидев внезапный блеск в его глазах. — Не пытайся нанести никаких неожиданных визитов. Те духи были не безвредными.

— Кроме, твоего отца, — не смогла удержаться Гвен.

Род сердито посмотрел на нее. — Я пустил в ход дипломатию, а не некромантию. И, если подумать, эта ведьма Альфара тоже умеет убеждать довольно неплохо.

— Да, — согласилась Гвен. — Слова ее, когда мы разоблачили ее, предназначались больше для графа Друлейна и его людей, чем для нас.

— Пытается поднять со дна старые страхи перед ведьмами, разрекламировать их Царство Террора, — пробурчал Род. — И неважно, что могут сделать с ведьмами крестьяне в остальном королевстве.

— Нет, как раз важно! — воскликнул Грегори. — Если они испугаются и будут достаточно ненавидимы, чтобы озлобиться и возненавидеть всех, то разве не могут они бежать к Альфару, и умножить его силы?

Род подумал об этом и согласился. — Мне очень неприятно это признавать, сынок, но ты прав. — Он обратил мрачный взгляд в сторону Гвен и детей.

— Какие мысли ты вынашиваешь, муж? — тихо спросила Гвен.

Род снова поднял взгляд на нее. — Это задание казалось опасным, дорогая. Тебе с детьми пора отправляться домой.

Сначала воцарилась тишина, а потом...

— Так нечестно! — закричала Корделия.

— Лишь теперь и становится интересно! — запротестовал Грегори.

— Тем не менее... — начал было Род.

— Тут же тактика магии! — воскликнул Джефри. — Ведь, папа, ты не лишишь меня возможности самолично понаблюдать такое!

— Вы можете пострадать! — отрезал Род. — А защищать вас моя главная жизненная задача!

— Как же тогда будешь ты без нас? — схватил его за рукав Магнус.

— Одиноким, — отрезал Род, — но деятельным. Куда более деятельным чем, когда в разгар боя буду беспокоиться о вас!

— Тебе не нужно за нас бояться! — воскликнула Корделия.

— Пошли на нас армию, прежде чем бояться! — взвыл Джефри.

— Да, — сжал челюсти Род. — Ты-то очень хотел бы побоксировать с армией, не правда ли? К несчастью, у нее может быть оружие посильнее тебя, и...

— Муж, — пробуравился сквозь его нарастающий гнев голос Гвен. — Ты ведь сказал сейчас, что ты защищаешь их.

Род вскинул голову, вспыхнув от негодования. — Ты подразумеваешь...?

Но Гвен быстро говорила детям: — Ваш отец сказал, что в этом деле есть опасность. Если вы

считаете себя сильными, то подумайте, каково бы вам пришлось, если б вы столкнулись с взрослым чародеем, в расцвете сил, будь вы одни? Если б вы откололись от братьев и сестры, как тогда?

Джефри начал было отвечать.

Гвен прижала ему ладонь ко рту. — Нет, ты тщательно подумай прежде, чем говорить! Да, во всем это волнующее удовольствие, но только до того, пока охватит настоящий страх! Тогда вся твоя радость пропадет. — Она встретила со взглядом Рода. — Именно это знает твой отец, так как бывал в опасности. Если он говорит, что дело опасное, то, наверняка, опасность может вселить в тебя глубочайший страх, может убить тебя.

Дети серьезно посмотрели на нее, думая, что поняли.

— И все же, муж, вспомни, — Гвен посмотрела Роду прямо в глаза. — Насланные на нас Альфаром враги, только начали испытывать наши силы. Нашли на нас Альфар всю свою рать, то опасность была велика. Но я сомневаюсь, что он рискнет больше, чем половиной, своих сил, когда не знает истинной величины нашего могущества. Воистину, пошли он армию, то нам следовало бы бежать. Если он насылает только ведьм, то Верховному Чародею и его семье не нужно особо бояться.

— Лишь в той мере, чтоб позабавиться, а? — постарался хмуро улыбнуться Род.

— Не могу этого отрицать, — призналась Гвен. — Для такого потомства, как наше, это всего лишь упражнение.

— Да... — нахмурился Род. — Он нас испытывает, не так ли?

Джефри круто развернулся, широко раскрыв глаза. — Папа! Почему я этого не увидел?

— Опыт, — заверил его Род. — Но это значит, что атаки станут сильнее, когда он узнает наши возможности. Вот тогда он ударит в нас вдвое большими силами, чем даже нужно, просто для гарантии.

В глазах у Джефри появилось странное выражение. Следовательно... нам следует применять, как можно, меньше сил для р. грома их.

Род кивнул. — Что мы пока не делали.

— Значит, мы можем остаться? — запрыгала от радости Корделия.

Род пригвоздил их всех к месту пылающим взглядом.

Они вытянулись в шеренгу, сцепив руки перед собой, чуть склонив головы и исподлобья глядя на него.

— Вы даете мне твердое обещание отправиться прямиком домой, без всяких споров, когда я скажу вам в следующий раз?

— О, да, папа, да! — закричали они. — Мы убежим, улетим! — поклялась Корделия.

— Нам не захочется остаться, если этот колдун окажется действительно опасным, папа, — заверил его Магнус.

— Но ты не веришь, что он может быть таким, а? — спросил старшего сына Род.

— Ну...

— Это ничего. — Род поднял кверху ладонь. — Вы дали мне обещание. Отлично, вы по-прежнему на борту, по крайней мере, до следующей атаки. И если она будет слишком на опасной, вы отправитесь домой!

— Домой, — подтвердили они.

— Все еще мне не верите, а? — Род взглянул на Гвен. — А как насчет тебя? Обещаешь?

— Я буду слушать тебя также внимательно как всегда, милорд, — твердо сказала она.

— Вот этого-то я и боялся, — вздохнул Род. — Ну, думаю, придется мне довольствоваться этим. Пошли, дети, давайте разбивать лагерь.

Гвен со счастливым вздохом откинула голову назад. — Ах, как хорошо снова побывать в вышине.

— Рад за тебя. — Род крепче стиснул помело и тяжело сглотнул. По его представлениям летать следовало в милом, теплом космическом корабле, с шезлонгом и автобаром. — А такие гонки на помеле только для птичек. А подумав, даже птицы к такому занятию не притрунились бы.

— Притрунулись бы, папа. — Корделия понеслась параллельным курсом, сравнив скорость. На конце ее помела сидела весело щебетавшая малиновка.

Род завистливо глянул на птицу. — Странными ты обзаводишься друзьями.

Мимо них пронесся Грегори, делая кувырок назад, чтобы оглянуться и помахать на прощанье.

— Воображает, — проворчал Род, но сердце у него запело при виде улыбки на лице его сдержанного младшего сына. Приятно было снова увидеть его ребенком.

— Смотри, куда летишь, — крикнула ему в след Гвен. Грегори весело кивнул и снова перекувырнулся на живот.

К ним подлетел Магнус. — Спасибо, папа! Мы снова свободны!

— Я в восторге, — Род был охвачен общим настроением. — Все можно, если Альфар равно знает, кто мы такие на самом деле.

— Вон он. — Показал вперед Магнус. Род посмотрел в указанном направлении и увидел голубеющую вдали цепь холмов. — Это Вал Титанов, — проинформировал его Магнус.

— Граница Романова. — Род почувствовал как в желудке у него внезапно образовалась пустота. — Почему-то я не обнаруживаю пылкого желания пересечь ее.

— Но это ж будет волнующим, папа! — воскликнул, подлетая к нему с левого борта Джеффри.

— Без такого волнения я, думаю, как-нибудь проживу. Кроме того, я проголодался. Дорогая, что ты скажешь, если мы найдем большое село, чтоб в нем был настоящий двор, по эту сторону границы?

— Сомневаюсь, что там радостно примут так бедно одетых, как мы, милорд.

— Да, но нам разрешат посидеть во дворе трактира, если мы купим себе еду за настоящее серебро.

— Жаренная колбаса! — завопил Джеффри.

— Тушенное мясо! — пропел Магнус.

— Сушеный сыр! — возликовала Корделия.

— Голодные дети, — вздохнула Гвен. — Хорошо, муж, если ты того желаешь.

— Отлично. Приземли нас в милой рощице, примерно в полумиле, идет? Лудильщиков могут принять во дворе трактира, но не в случае, если они используют его под взлетнопосадочную полосу. — Он внимательно оглядел местность. — Тегга fitta!

ГЛАВА 5

Когда они вошли в селение, Корделия издала счастливый вздох. — Ведь приятно, что скверный старый колдун знает, что мы идем на него!

— В самом деле, — пробормотал Род. — Таким образом он может хорошенько подготовить нам чудесный прием! Почему тебе это нравится, милая? Потому, что можно летать?

— О, да!

— Мне совсем не нравится маскироваться, папа, — объяснил Джефри.

Род смерил сына оценивающим взглядом. — Да, полагаю тебе такое не по нраву, даже когда понимаешь, что это необходимо.

— Конечно, знаю, — вздохнул мальчик. — И все же это меня тяготит, папа.

— Понимаю, — нахмурился Род. — А вот меня беспокоит, каким образом Альфар обнаружил нас, несмотря на нашу маскировку.

Семья продолжала идти в задумчивом молчании некоторое время. Затем Гвен сказала: — Всем известно, что у Верховного Чародея есть жена и четверо детей; одна девочка и трое мальчиков.

— Ты что предполагаешь, — нахмурился Род, — что они велели своей фокуснице нападать на всякую семью, пробирающуюся на север? — Взгляд его стал рассеянным. — Конечно, надо полагать на север идут не так уж много семей, а возраст детей ни для кого не секрет...

— Это кажется маловероятным, — признала Гвен.

— И следовательно, надо смотреть глубже. Но ведь мы узнали бы об этом, не так ли? О чудовищах, нападающих на семьи...

— Вряд ли, если ведьма и ее чудовища побеждали, — указал Джефри.

— Но при первом знакомстве ведьма увидела бы, что те семьи не обладают никакими магическими

способностями! — возразила Корделия. — И тогда она, наверняка, отозвала бы своих чудовищ.

Глаза Джеффри сделались стальными. — Не отозвала бы, если хотела быть уверенной, что до короля не дойдет никаких известий.

— Стратегия у них именно такая, — согласился Род.

— Но — убивать детей? — охнула Корделия.

— Их не назовешь милыми людьми, — процедил сквозь зубы Род.

Дети смолкли на несколько минут переваривая неприятные сведения. Наконец, Грегори указал: — Мы ведь этого не знаем, папа.

— Да, но я не стал бы этого исключать, имея дело с ними. И все-таки, все кажется немножко неординарным.

— Возможно, они выставили часовых, — предположил Джеффри.

— Да, — кивнул Род, — очень может быть, но каких часовых? Мы же не видели никаких стоящих в дозоре солдат в ливрее Альфара. Значит, если у него есть часовые, то они замаскированы. И, полагаю, они знают, как мы выглядим...

— Э, нет! — воскликнул Магнус хватая Рода за запястье. — Им просто-напросто нужно быть...

— Телепатами! — Род стукнул себя по лбу ладоню.

— Конечно! Достаточно расставить читающих мысли на всех главных дорогах, даже на пастбищах, если уж он такой подозрительный. И их будет невозможно заметить! Они могут быть, кем угодно — проезжающим на телеге фермером, слугой на кухне, купцом и его возчиками...

Дети стали оглядываться кругом, внезапно ожившись.

— и их будет почти невозможно засечь, — закончил Род, — поскольку им требуется всего-навсего сидеть, широко открыв свой мозг для улавливания любой отбившейся мысли!

— Мы могли бы замаскировать свои разумы, — задумчиво произнес Джеффри.

— Да, но мы этого не сделали. — Род покачал головой. — Кроме того это не так легко как кажется. Вы начинаете достигать весьма неплохих успехов по этой части... — Он поймал взгляд Гвен. — всякий раз, когда делаете что-нибудь, о чем не хотите дать узнать мне или маме.

Дети обменялись быстрыми, виноватыми взглядами.

— Конечно, мы с мамой добиваемся еще больших успехов по части зондирования ваших голов, — продолжал Род. — Поэтому, это служит для всех нас хорошей тренировкой. Возможно, это не плохая идея. — Он усмехнулся. — Пошарьте-ка в своих головах, дети.

Все четыре лица мгновенно сделались бессмысленными, глаза их теряли фокус.

— Нет, нет! Не сейчас! Я хочу сказать, если они слушали нас, то услышат нас сейчас, и просто сотрут свои мысли и начнут думать маскировочные думы! Вам надо поймать их, когда они будут не готовы и захватить врасплох. Слушайте и зондируйте мозги, ища их всякий раз, когда вам взбредет в голову.

— Но разве он и не будут всегда замаскированы для нас, папа? — возразила Корделия.

— Только не в тех случаях, когда они пытаются слушать ваши мысли, — объяснил Род. — Они не могут делать одновременно и то и другое — маскироваться и слушать. Вы сами это пробовали и знаете.

На этот раз, дети обменялись восторженными взглядами. Сколько же все-таки знал папочка такого, чего они не знали?!

— Постарайтесь застать их врасплох, — повторил Род.

Дети философски вздохнули.

— Знаю, знаю, — проворчал Род. — Ох уж этот непредсказуемый папочка! Сперва говорит делайте, а потом запрещает! Поэтому сопоставьте указания — иногда делайте, а иногда нет. — Он поднял взгляд. — Вот это да, какой там хороший конь. Думается, я украду его.

Потрясенные дети так и ахнули. Негодующе глянули на отца. — Ты не можешь его украсть, папа, — строго сказал Грегори. — Он и так уже твой.

— Ведь так же еще удобней, не правда ли? — А себе под нос пробормотал: — Очень мило с твоей стороны выйти нам навстречу, Старый Железняк. Как насчет того, чтоб я проехал на тебе часть пути?

— Укачало, Род?

Но проехались на нем Гвен и Корделия до трактира. И трактирщик оказался очень любезен, коль Род привлек его внимание.

Это было нелегко. Оставив семью у двери, Род зашел в трактир приготовившись к неприятной сцене. Он увидел жилистого человека в завязанном вокруг пояса засаленном фартуке, ставящего на стол двойную

пригоршню кружек и собирающего с обедавших медяки. Когда он повернулся, взгляд его упал на Рода. — Ступай своей дорогой, — приказал он, продолжая свое дело. — Мы не подаем милостыню. — И зашагал было в кухню.

— У меня есть деньги! — окликнул его Род.

Трактирщик продолжал идти.

Род обогнул его и сунул под нос трактирщику кошель, распахнув его. Тот остановился, нахмурясь. Постепенно его взгляд остановился на кошелье.

Род вытряхнул на ладонь несколько монет. — Видишь? Серебро. Настоящее.

Трактирщик нахмурил лоб, глядя на монеты так, словно те были насекомыми. Затем его лицо просветлело. Он взял двумя пальцами одну из монет, держа ее перед своим носом и разглядывая так, словно та была какой-то новой разновидностью жучка, потом деловито положил ее на зуб и прикусил.

— Закуска? — не удержался от ехидства Род.

— Серебро, — трактирщик казался озадаченным этим.

— Натуральное, — согласился Род.

Трактирщик смотрел на Рода. — Ну, и что?

Род произнес: — Мы хотели бы что-нибудь поесть.

— Мы? — трактирщик оглянулся по сторонам, осматривая стены и углы.

— Мои жена и дети, — объяснил Род. — Я думал вы не захотите видеть нас в трактире.

Трактирщик некоторое время подумал, а затем кивнул, хмурия брови. Род был удивлен, как такой человек вообще ухитрялся извлекать прибыль. Наконец, трактирщик заговорил. — Разумно. — Он продолжал кивать. — Разумно. — А затем снова кинул взгляд на Рода. — И что же вы желаете отведать?

— О, мы непривередливы. Нас вполне устроят большая миска тушеного мяса, тарелка колбасы, пара буханок хлеба, кувшин молока и кувшин эля. О, и конечно же, шесть пустых чашек. И шесть ложек.

Трактирщик, понимая, кивнул. — Тушеное мясо, колбаса, хлеб, молоко и эль. — Он повернулся и пошел, все еще кивая. — Тушеное мясо, хлеб, молоко и эль. — И направился к кухне вновь и вновь повторяя этот перечень блюд.

Род глядел ему в след. А потом пошел к выходу за Гвен и ребятами.

Он нашел их сидящими под старым, широким дубом с огромной раскидистой кроной. — Нам дадут поесть,

муж? — Судя по ее голосу, Гвен это, в общем-то, не волновало.

— О, да. — Род поджал под себя ногу и уселся рядом с ней, привалившись спиной к стволу. — Трактирщик стал очень любезен, когда попробовал на зуб наше серебро и обнаружил, что это не сплав олова со свинцом.

— Что же тогда тревожит тебя?

— Честно говоря, дорогая, ему было в общем-то на... — Род взглянул на окружавшие его внимательные лица и закончил — наплевать.

— Безусловно, Тюдору недостает обходительности, — сказал входящий со своими спутниками в трактир рослый мужчина.

— Да, мне больно говорить об этом, но наш благородный граф всегда был скварлыгой, — ответил его спутник. — А вот колдун Альфар — все говорят о его щедрости.

Они прошли в трактир. Род сидел, уставясь в пространство.

Магнус выразил в словах, что чувствовал. — Они выступают против собственного лорда?

— Выступают, — прошептала, глядя огромными глазами Гвен.

— И публично! — изумился Род. — Я хочу сказать, крестьяне и раньше выступали против своих правителей, но все делалось скрытно. При всем, что они знают, мы могли быть... — У него иссякли слова.

— И все же их лорд, видимо очень злой, если на него жалуется его народ! — воскликнула Корделия. — Могли его люди так легко потерять веру в него?

— Обычно, это быстро не делается, — мрачно отозвался Род. — Но мы ведь отправились сюда не потому, что дела тут обстояли благополучно.

К ним просеменила служанка, несшая поднос с едой. Лицо у нее было испачканным, а передник засаленным. От мытья посуды, — догадался Род. Он подобрался, готовясь к пренебрежению, которое привык встречать со стороны крестьян, и напомнил себе, что всем требовался кто-то, на кого они могли смотреть свысока. Возможно, именно потому они, действительно, и нуждались в лудильщиках.

Но служанка лишь держала поднос, опустив его так, чтобы они могли дотянуться до него. Она покачала головой с недоумением. — Лудильщики! Почему хозяин уделяет добрую еду лудильщикам?

Род осторожно взял тарелку и понюхал. По лицу его расплзалась восторженная улыбка. — Эй! А она и впрямь добрая!

— Можно мне? — Магнус сидел, не шевелясь, положив руки на колени. Так же сидели и другие дети, но глаза их так и пожирали еду на подносе.

— Ну, да... удивительно. — Посудомойка, казалось, поразились их дисциплинированности.

Магнус схватил блюдо. — Можно мне? — крикнула Корделия и двое младших бухнули хором: — Можно мне? — вслед за ней.

— Удивительно, — сказала, моргая, служанка и три ручонки схватились за блюда.

Род передал тарелку Гвен и снял с подноса огромную миску с тушеным мясом, а затем кувшины. — Возьмите себе чашки, дети. — Гвен сгребла две оставшиеся кружки и ложки.

Судомойка выпрямилась. Между бровей у нее пролегла глубокая борозда. — Странные вы лудильщики.

Она пыталась думать, сообразил Род — и пыталась очень усиленно, если б ей не мешала умственная ограниченность. — Все еще гадаешь, почему твой хозяин подает нам больше, чем кухонные остатки? — обратился к ней Род.

Лицо ее просветлело. — Да. Именно о том я и думала.

— По самой веской из причин, — заверил ее Род. — Мы заплатили серебром.

Она медленно подняла голову, рот ее открылся, округлившись. — О! Да, понимаю. — И все еще кивая, засеменила обратно на кухню.

— Почему она не спрашивает, откуда взялись серебряные деньги у каких-то лудильщиков, пап? — поглядел ей в след Магнус.

— Я надеюсь, что она додумается до этого вопроса, когда доберется до кухни...

— Отчего она так туго соображает, папа? — Озабоченно спросила Корделия.

Род покачал головой. — Не только она, милочка. Трактирщик тоже такой же. — Он, нахмурясь, поглядел вслед судомойке.

Мимо них неторопливо прошли к двери трактира двое мужчин с седеющими висками в парчовых накидках. — Нет, но наш граф хочет управлять всей нашей торговлей, — говорил один. — Попомни мои слова, в скором времени он будет указывать нам, какие товары нам нельзя продавать, так как он

предоставляет разрешение на торговлю только тем купцам, которые к нему подлизываются.

— Да, и, вероятно, заберет в налог половину наших прибылей, — согласился другой, но говорил он довольно безразлично.

Они прошли в трактир, оставив Рода ошарашенным услышанным. — Это наглая ложь, какую я слышал с тех пор, как сюда прибыл! Граф Тюдор настолько не вмешивается в экономику, что можно даже подумать, будто ему наплевать на нее!

— Народ доверяет любым слухам, — предположила Гвен.

— Да, но бизнесмены проверяют их, а эти двое были купцы. Если они не будут руководствоваться фактами, то попросту обанкротятся.

Во двор трактира проследовала вереница ослов с низко опущенными головами, усталых от тяжелых тюков. Погонщики кричали им последние приказы, когда мимо семейства Гэллоутласов к ослам неторопливо прошли трактирные конюхи, болтая между собой. — Говорят колдун Альфар человек справедливей.

— Да, и вдобавок щедрый. Я слышал, тем кто попал под его власть больше не нужно беспокоиться ни о еде, ни о выпивке.

Первый печально покачал головой. — Нашего графа Тюдора мало волнует бедный люд.

— Они спятили? — прошипел Род. — Да Тюдор практически государство всеобщего благоденствия!

— Все так, как ты говоришь, — задумчиво произнес второй. — Но, по крайней мере, наш граф не накладывает на крестьян такие подати, что крестьянам остается ходить в лохмотьях да жить на хлебе и воде, как это делает герцог Романов.

— Да полно заливать-то! — кипел от злости Род. — Никто никогда не считал, будто Романов был ходячей благотворительностью, но он понимает, что крестьяне ничего не смогут производить, если будут умирать с голоду.

Но в глазах у Грегори возникло отстраненное выражение. — Папа, мне не нравится ощущение их разумов.

Гвен перестала черпать тушеное мясо и уставилась в пространство. И медленно кивнула. — Там что-то есть... — Затем глаза ее расширились. — Муж, оно давит, у меня в голове!

Все дети мигом уставились в пространство.

— Эй! — в тревоге рявкнул Род. Он хлопнул в ладоши и резко скомандовал. — Проснитесь! Если здесь что-то безобразничает с людскими мозгами, оно может быть опасным!

Все вздрогнули, а затем сфокусировали взгляды на отца. — Все точно, как говорит мама, — доложил Магнус. — Что-то давит здесь на разумы всех людей и на наши тоже. Только в наши оно не может проникнуть.

— Значит оно знает о нас все, что ему нужно знать, не так ли? — проворчал Род. Он нахмурился и пожал плечами. — С другой стороны, оно и так уже это знало. Ну-ка, мне надо почувствовать это самому.

Для него это было не так легко, как для Гвен и ребят. Они с детства росли с экстрасенсорными способностями, и могли читать мысли с такой же легкостью, как слушать птичье пение. Но дремлющие способности Рода были высвобождены всего три года назад. Ему пришлось закрыть глаза, сосредотачиваясь на образе глухой серой стены, давая своим мыслям замереть, и прекратиться. А затем, когда к нему в мозг начали вступать мысли других людей, он опять открыл глаза, в то время, как его мозг читал мысли.

Но на этот раз ему не пришлось долго ждать. Он почувствовал это, прежде, чем услышал мысли другого лица. А услышав, понял, что эти мысли идеально резанировали с напряжением. Это была текущая волна, укачивающая, утешающая, убаюкивающая. Но на том летаргическом мозговом массаже было смодулировано ощущение смутного беспокойства и подозрения, а внутри этой модуляции прокатывалось центральное убеждение, что колдун Альфар все приведет в порядок.

Род открыл глаза, обнаружив всю свою семью, глядящей на него во все глаза. И в первый раз за все это путешествие на лица детей легла тень страха.

Вспыхнула ярость, горячая и сильная. Вся нервная система Рода запылала ею. Руки у него спазматически сжались, зачесавшись от желания взять за горло то, что угрожало его детям.

— Нет, муж, — схватила его за руку Гвен. — Нам сейчас нужна твоя мудрость, а не твоя сила.

Ее прикосновение вызвало у него негодование и увеличило гнев. Но он внял ее словам и сосредоточился на ощущении этой любимой руки, чьи ласки принесли ему столько утешения и восторга. Он дал ей стать для него якорем, вспомнив, как ярость

заставляла его поступать опрометчиво, как его гнев сыграл на руку врагам. Он делал медленные, глубокие вдохи, пытаясь вспомнить, что в действительности он бывал намного опасней для врага, когда был спокоен. Нужно восстановить гармонию своих эмоций. Он сосредоточился на своем теле, медленно расслабил плечи, затем спину, предлоктия, предплечья и кисти. Гнев сейчас никому не поможет; гнев только уничтожит все крутом, кроме его врага. Он задрожал, почувствовав, как ярость ослабла и утекла, а затем слотнул и закрыл глаза. — Со мной... все в порядке, теперь. Спасибо, милая. Только... поостерегись до-трагиваться до меня, когда я такой, ладно?

— Поостерегусь, милорд. — Она отпустила его руку, но держала его взгляд своим.

— Ладно. — Он сделал глубокий вздох и посмотрел на детей. — Вы знаете, что такое гипноз.

— Да, папа, — они глядели на него, округлив глаза.

— Именно с ним-то мы и столкнулись. — Губы Рода растянулись в тугую, тонкую строчку. — Кто-то рассылает мысленное вещание, погружающее сознание всех в сон. Все это селение находится в ранних стадиях массового гипноза.

Дети удивленно уставились на него.

Род кивнул. — Кто-то, или что-то. Там, чертовски мощный проецирующий телепат, который и не снился.

— Но в нем не ощущается разума личности, милорд! — запротестовала Гвен. — Да, сами мысли ощущаются, но это убаюкивание, давление, которое клонит к бездумности, — это лишь сила, без порождающего ее разума!

У Рода прмелькнуло короткое, зловещее вос-поминание о генетически измененном шимпанзе, с которым ему пришлось бороться несколько лет назад. На самом-то деле бороться ему пришлось с его силой; бедный зверь не обладал никаким собственным разумом. Агенты из будущего, постоянно пытавшиеся покорить Грамарий, просто использовали его в качестве конвертера, преобразовывавшего слабые электрические токи в псионические вспышки энергии, способные парализовать целую армию. Когда они нашли, наконец, этого шимпанзе, тот оказался самым безобразным, самым непотребным из всех виданных им тварей. И одним из самых жалких. Род содрогнулся и посмотрел в глаза жене. — Я не знаю, что это такое, но эта атмосфера мне не нравится. Давайте, доедайте, и пошли.

Они с облегчением вернулись к еде. Но укусив всего разок, Корделия подняла голову. — Я не голодна, папа.

— Мне знакомо это чувство, — проворчал Род, — но потом захочешь есть. Запихай в себя, хотя бы, одно блюдо, хорошо? — Он повернулся к Гвен. — Давай возьмем хлеб и колбасу с собой.

Она кивнула и начала завертывать еду в его носовой платок.

Род снова повернулся к детям и нахмурился. В их маскировке было что-то не так, какой-то изъян.

Затем он обнаружил его. — Не забудьте немного поругаться между собой, дети. Это ненормально, провести весь обед без озорства.

Они миновали последний дом на краю деревни. Род негромко приказал. — Пока рано, ребята. Еще сто ярдов, и тогда будем в безопасности.

Джефри попытался запротестовать. Потом он, подобно братьям и сестре, расправил плечи, стиснул зубы и протопал еще триста футов. Тут Род остановился. — Порядок. Давай!

Вся семья одновременно испустила вздох облегчения. Корделия начала дрожать. — Папа — это ужасно!

Гвен протянула руку, чтобы привлечь ее к себе, но Род опередил ее. Он обхватил девочку, останавливая ее дрожь медвежьими объятиями. — Знаю, знаю, детка. Но смелее — до того, как мы разделимся с Альфаром, будет и похуже. Или он с нами разделается, — залетела ему в голову мысль, но он помог ей вылететь. Отец, чьи дети умели читать мысли не мог позволить себе пораженческих настроений. Вот и говори тут, о контроле над мыслями... Род бросил через плечо Корделии вопросительный взгляд на Гвен. — Тебе не кажется, что теперь вам пора отправляться домой?

Подбородок Гвен отвердел и поднялся. Под ним, три подбородка поменьше повторили это движение. — Нет, милорд, — твердо сказала она. — От всего, что происходит берет жуть, и мурашки ползут. И все-таки для нас, опасности не больше, чем мы видели прошлой ночью. Да и тебе еще может понадобится наша магия.

— Последнего я отрицать не могу, — вздохнул Род. — И полагаю ты права — та деревня может и была скверной, но ничуть не опасней, чем прошлой ночью. Ладно, мы продолжим путь всей семьей.

Дети заулыбались во всю ширь, а Корделия уселась на руках у Рода и захлопала в ладоши. Род поставил ее на землю, уперся кулаками в бока и обвел детей строгим взглядом. — Вы ведь понимаете, что там происходит, не так ли?

Все кивнули, а Магнус сказал: — Да, папа. — А Джеффри пояснил: — Альфар готовит село к завоеванию.

Род кивнул, пристально глядя на среднего сына. — Как он их покорит?

— Мирно, — пожал плечами мальчик. — Он займет село, и его встретят шумными приветствиями, как друга и хозяина, и склоняться перед ним — и все произойдет без кровопролития.

В его голосе прозвучала нота восхищения. Род покачал головой. — Хороший анализ, но будь осторожен, сынок. Не начинай думать, что способности подразумевают доброту.

— О, нет, папа! Такого я никогда не подумаю! Он достойный враг, но это лишь говорит, что не будь он способным, то не был бы и достойным; но не будь он злом, он не был бы врагом.

Род застыл с открытым ртом, прежде чем протянуть: — Ну-у-у-у... бывают и такие враги, которых нельзя назвать злом — они просто пытаются завладеть тем же, чем пытаешься завладеть ты.

Но Джеффри твердо покачал головой. — Нет, папа, те будут соперники, а не враги.

Род опять замер. А затем пожал плечами. — Ладно, пока ты проводишь это отличие. Он сделал глубокий вздох, окидывая взглядом семью. — Так. Теперь мы лучше представляем себе, как действует Альфар. Сперва он овладевает большинством населения при помощи гипноза дальнего радиуса действия. А потом присылает своих приспешников запутать всякого, кого не так-то легко загипнотизировать.

— Есть и такие, папа? — удивленно спросила Корделия.

— О, да, милая, — кивнул Род. — Данная разновидность магии не совсем надежна; всегда найдется несколько человек не столь открытых, чтоб позволить кому-то постороннему завладеть их разумом.

— Найдутся еще и такие, что не склоняться перед ним. — решительно заявил Джеффри.

— О, да. Если кто-нибудь из них окажется по воле случая рыцарем, — или лордом, и выступит против него со своими ратниками, к тому времени как они

доберутся до Альфара, тот уже убедит большинство солдат, что не надо воевать с ними.

— Да. Порядок именно таков. — Джеффри посмотрел на отца, светясь от гордости.

— Спасибо, сынок, — улыбнулся позабавленный Род. — Просто складываю факты. — Затем улыбка его растаяла. — Но какой же чертовски сильный проецирующий телепат у него имеется, что может дотянуться на сотню миль для гипнотизирования целой деревни?

Они разбили лагерь, устроив из рытвин постели, а из сосновых веток — матрасы. Дети завернулись в одеяла и мгновенно уснули, по крайней мере, так видел Род.

Он им не поверил. — Что это за ребенок, который спит, когда его уложили в постель? — спросил он Гвен.

Та на мгновение уставилась в пространство, мысленно прислушиваясь. Он решил и сам попробовать то же, поэтому закрыл глаза и опустошил свой мозг, завидуя легкости, с которой это делала она. Через несколько секунд, он начал слышать тихий, взволнованный мысленный разговор детей. С досадой, закатив глаза он начал было подниматься, но Гвен схватила его за руку. — Нет, милорд. Прошу тебя, пусть себе поговорят друг с другом; это убаюкает их, и они постепенно уснут.

— Ну... — оглянулся на нее Род.

— Однако, что убаюкает нас? — прожурчала она.

Он глядел на нее во все глаза, упиваясь ее красотой. Ее женственность подействовала на него, как физическая сила, и он упал рядом с ней, вытянув одну руку в ответном приглашении. — Уверен, я что-нибудь придумаю, милая, но когда дети не спят для этого требуется некоторая изобретательность.

Она повернула голову на бок, следя за ним уголками глаз. — Веки у них закрыты.

— Но мозги — нет. — Род прижал ей палец к губам. — Умолкни, искустельница, а не то упрячу тебя обратно в чайник.

— И что же ты со мной сделаешь, коль скоро посадишь меня туда? — промурлыкала, она прильнув к нему.

От этого контакта по всему его телу пробежал ток. Он с шипением втянул в себя воздух. — Я сказал в чайник, а не в выдолбленную тыкву. — Протянув руку он нежно погладил ее, и теперь настала ее очередь

охнуть. Он выдохнул ей в ухо. — Только подожди, пока они уснут...

— Черт меня побери! Но они только-только пробудились после нескольких часов отдыха! — посмотрела на него с несчастным видом Гвен.

— Хмм! — нахмурился Род. — Об этом я не подумал...

— Увы мне! — вздохнула Гвен, прижимаясь к нему чуть плотнее. — Но все равно, сама твоя близость сильно мне поможет, милорд.

— Прекрасно, когда ты гарантировала, что я не засну!

— А разве муж не должен всегда бдить? — прожурчала она.

— Да, дожидаясь своего момента! — он прижался щекой к ее голове. — Теперь я знаю, почему тебя называют ведьмой...

— Папа-а-а-а!

Род мгновенно проснулся. В этом голоске звенели слезы. Он открыл глаза и увидел склонившегося над ним Грегори, стискивающего ему руку, тряся его. — Папа, папа! — По щекам мальчика струились слезы. Род обхватил его одной рукой и привлек к себе, укачивая. Детское тельце оставалось одеревенелым, сопротивляясь утешению. — Что случилось, малыш? — ласково обратился к нему Род. — Дурной сон?

Грегори кивнул.

— Что в нем было?

— Скверный человек, — шмыгнул носом Грегори.

— Скверный? — По какой-то причине Род вдруг насторожился. — Что он делал?

— Он крался к нам. — Грегори посмотрел на отца, широко раскрыв глаза. — Подкрадывался, чтобы швырнуть в нас какие-то штуки.

На секунду Род пристально посмотрел ему в глаза, а затем принялся ласково гладить по спине. — Не беспокойся из-за этого. Даже, если скверный человек и подберется к нам, твои братья и сестра дружно насядут на него прежде, чем он сможет сильно навредить. — Он улыбнулся и увидел, как нерешительно дрогнули, поднимаясь уголки рта, Грегори. Он взъерошил мальчику волосы и повернулся к жене. И увидел глядящую на него пару больших глаз. — Я ожидал, что ты проснешься, если у одного из детей возникнут трудности.

— Я слышала его, — тихо сказала Гвен. — Я видела его сон. И, милорд...

Род почувствовал, что сейчас надо быть настороже.
— Что стряслось?

— Разум Грегори не создал бы ни столь слабого призрака, ни столь угрожающего.

Внутри у Рода нарастало напряжение. А следом ним начал закипать гнев. Род попытался сдержать его, напоминая себе, что они с Гвен, вероятно, могли справиться с любой попыткой повредить им. Но одна лишь мысль, что кто-то осмелится напасть на его детей, внедрять в их спящие мозги кошмары, казалась невыносимой.

Магнус, Корделия и Джефри внезапно резко сели на одеялах. — Папа, — ахнула Корделия, — что ты делаешь?

— Неужели уже так плохо? Я пытаюсь сдержать свой гнев.

— Изумительно хорошо. — Магнус моргнул, прогоняя сон, и нагнулся поближе, приглядываясь к отцу внимательней. — Воистину, хорошо. Глядя на тебя, я б никак не догадался о твоей ярости. Папа, что...

Ночь в нескольких футах от детей, казалось, сгустилась. Появилось что-то неясное, соединилось, отвердело и устремилось к земле, врезавшись в почву в нескольких футах от руки Магнуса. Тот резко повернул голову и уставился на шестидюймовый камень. Взгляд Корделии тоже был прикован к нему, но Джефри вскочил на ноги: — Засада!

Ночь снова сгустилась, как раз над головой Магнуса. Появилось что-то неясное...

... и начало соединяться...

— Воздух! — Род метнулся к сыну. Плечо его сшибло Магнуса, тот растянулся на земле, и камень футовой толщины грохнулся мимо, задев Роду бедро. Тот взревел от боли, и гнева на чудовище, посмевавшее напасть на его детей. Вся его ярость вырвалась на волю.

— Берегись! — крикнул Магнус. Дети уже смотрели вверх, как и приказал им отец. Поэтому увидели, как материализовывались камни — второй, третий, устремляясь к земле, когда становились реальными.

— Штандар*! — закричал Магнус. И мгновенно принялся вместе с братьями и сестрой прыгать и скакать туда-сюда. Корделия выделяла такой воздуш-

* игра с мячом

ный танец, что у любого автоматического локатора полетел бы предохранитель, а мальчики появлялись и исчезали то здесь, то там, словно сигнальные огни в бурю. Магнус спросил его с подавленной яростью. — Ты ранен, папа?

— Ничего такого, чего не исцелит небольшое убийство, — проревел в ответ Род. — Дети — искать! Найти и уничтожить!

Дети, казалось, сфокусировались четче, и оставались видимыми более долгие промежутки времени.

Гвен поднялась на ноги и застыла, настороженно зондируя глазами ночь над ними.

Затем Джефри скакнул влево, когда небольшой валун материализовался точно там, где была его грудь.

Род стоял, оцепенев от ужаса. Если б мальчик по случайности не отпрыгнул в сторону, как раз в тот самый миг... — Кто-то пытается телепатировать камни в тела детей!

— Это сулит мгновенную смерть. — Лицо Гвен сделалось бледным и напряженным.

Род стоял не двигаясь, широко раскрыв глаза; но ночь вокруг него смазалась в бесформенную пустоту, когда его мозг открылся и принялся искать...

Корделия схватила метлу и взмыла в небо. На какой-то миг все трое мальчиков исчезли. Затем Магнус появился на противоположной стороне луга, едва видимый в лунном свете. И снова исчез, а в десяти футах вновь появился Джефри высоко над землей. Воздух стрельнул раздаваясь в стороны, как из пистолета, грохнул, заполняя пустоту, словно хлоп-пушка. Луг резонировал от эха, словно от небольшого пулеметного огня. Джефри вновь исчез с глухим буханьем, а верхушка ближайшего дерева закачалась, треща, как бич, когда на верхних ветках появился Грегори.

А камни продолжали сыпаться по всему луку.

— Муж! — голос Гвен сделался напряженным. — Этот враг скоро будет целить в нас.

Это вывело Рода из оцепенения. — Думаю, если он не пуляет только по малым детям. Нам лучше разделиться.

Гвен схватила помело и исчезла в темном небе.

Отчего Род остался с таким ощущением, будто он неподвижная мишень. Он полагал, что мог бы и сам взлететь в небо, если б только подумал об этом — но не хотел терять времени на попытку удержаться в воздухе. Нужно быстрее найти и уничтожить врага.

Взять в плен, — напомнил он себе — возьми, если сможешь, в плен.

Магнус появился в десяти футах от него, качая головой. — Он хорошо прячет свои мысли, папа. Я не могу... — Внезапно его глаза потеряли фокус. Над лутом прозвенел смех Джеффри, отчетливый и полный радости. Магнус исчез с треском пистолетного выстрела. Род вскочил на спину Векса и рванул через лут живой ракетой.

Он прискакал как раз вовремя, чтобы увидеть как Джеффри и Магнус стремительно вылетели из леса, неся молодого парня растянутого между ними словно канат. Тот и бранился, лягался и брыкался ногами, но мальчики крепко держали его руки, смеясь от восторга, и тащили его изо всех сил.

Молодой парень закрыл рот и прожег взглядом Магнуса.

Охваченный дурным предчувствие, Род спрыгнул со спины Векса, совершая на лету захват двух ног.

Он врзался в ноги парня с такой силой, что ушиб плечо. Над ним, чародей взвыл от боли.

Затем внезапно настал день, самый полдень. Роду резануло глаза ярким светом, и он сощурился. Он различил плотно сбитые в вышине листья пальм, и огромное, похожее на ящерицу, чудовище, глазевшее на них с расстояния в пять футов. Затем оно разинуло пасть, обнажив в усмешке острые, как иглы клыки и с высокой скоростью двинулось к ним. К горлу Рода подступил страх, впиваясь в него когтями. Он чуть не выпустил ног, хватаясь за нож. Но враг-чародей поддался страху первым.

Снова наступила ночь, полнейшая ночь. Нет, вон ведь лунный свет, не так ли? Род увидел воду, вздымающиеся под ним бесконечные волны. Одна такая дотянулась, шлепнув его по подошвам. Отдача от удара прошла вверх по телу, поразив желудок леденящим страхом. Ему так и представилось, как он падает, погружается под эти волнистые жидкие горы, всплывает в панике, барахтаясь, в поисках суши, деревяшки, или чего-нибудь плавучего... Он инстинктивно еще плотнее обхватил голени.

Затем глаза ему опалил солнечный свет, свет зари, и легкие его кольнуло лютым холодом. За ногами в которые он вцепился, мир раскинулся, словно карта с необъятной зеленью. Всего в нескольких ярдах под подошвами Рода в небо вонзались неровные скалы. Должно быть, это был горный пик, где-то на материке.

Снова тьма, чернота, но не сплошная. Так как сквозь высокое зарешеченное окно просачивался лунный свет, показывая ему слезящиеся влагой гранитные блоки и тронутые налетом селитры высокие углы тесной камеры. Огромные ржавые скобы крепили к стенам железные цепи. На конце пары таких цепей висел закованный в кандалы скелет. Другая пара держала коренастого мужчину с кустистой черной бородой в порванном парчовом камзоле, покрытом коркой засохшей крови. Голову его обматывала грязная повязка. Он воззрился на них в полнейшем изумлении. Затем по лицу у него расплылось облегчение, и он открыл рот...

Лимб. Ничто. Полнейшая пустота.

В ней не было никакого света, но не было также и никакой тьмы — только серое, бесформенное ничто. Род мгновенно почувствовал, что он видит не глазами, особенно, когда в этой пустоте начали крутиться изгибающимися нитями цвета, а в дали зажурчало шипение белого шума. Они плавали, дрейфовали. И обхватываемое Родом тело начало вдруг опять извиваться и дергаться. Гундосый голос бранился: — Подлые трусы! Я вас растерзаю, разорву на части! Безобразные, упрямые звери, кои...

— Бросай! — закричал Джефри.

Род вдруг оказался обхватывающим ничто: ноги исчезли. Он тупо уставился на место, где они были. Затем в нем поднялся сильный страх, и он замолотил руками, пытаясь ухватиться за что-нибудь твердое. Внутренности ему пронзал старый приматский страх перед падением.

Затем детская ручонка схватила его за руку, и голос Джефри крикнул: — Грегори! Ты тут, малыш? Держи нас, и тяни!

Щеку Роду поцеловал нежный ветерок, и запахи сосен и луговой травы наполнили ему голову сладостью. Лунный свет показал ему лут, где они разбили лагерь, и Гвен бросилась вперед заключив в объятия его и двух, цеплявшихся за него мальчиков. — О, милорд! Детки! Ах вы озорники, бросаются в такую опасность! Хвала небесам, вы дома!

Корделия обвила Роду шею так крепко, что закрыла ему рот, прижавшись головой к его лицу и рыдая. — Папа! Я боялась, что мы потеряли тебя!

Род обхватил ее обеими руками, благодарный за возможность держаться за что-то твердое. Подняв взгляд, он увидел глядящего на него через плечо Гвен Джефри. Род кивнул. — Не знаю, как тебе это удалось, сынок — но тебе удалось.

ГЛАВА 6

— Было не так уж и трудно.

Их плечи закутывали одеяла, а в центре семейного круга плясал огонь маленького бивачного костра. Корделия время от времени поворачивала над огнем вертел, поджаривая на завтрак кролика.

— “Не так уж и трудно”? — нахмурясь посмотрел на Джеффри Род. — Как это не трудно? Тот юный злодей должно быть один из лучших телепортаторов в стране! И что интересно, ведь помимо вас, мальчики, единственный чародей, умеющий телепортировать что-либо, кроме себя, это старый Гален, а его никто никогда не видел!

— За исключением старой Агаты, — прожурчала Гвен.

— А ее тоже никто не видит, — отпаривал Род.

— За исключением старого Галена, — напомнила ему Корделия.

— Ему это понадобится, — согласился Род и снова повернулся к мальчикам. — Тоби — самый лучший из наших молодых чародеев, а он только начинает учиться телепортировать другие предметы. Ему к тому же почти тридцать. Значит подручный Альфара должно быть получше Тоби.

— Нет, он вовсе не такой умелый, — покачал головой Магнус. — И очень плохой стрелок.

— За что, хвала небесам. — Род содрогнулся. — Но он хорошо телепортировал самого себя, несмотря на собственный вес! Большинство мест, куда он уносил нас мне вовсе неизвестны!

— Так мог сделать любой ребенок, — обиженно ответил Магнус.

— Сколько раз мне повторять тебе, сынок — не суди о других по себе. Но почему этот парень просто не исчез?

— Он не мог, — усмехнулся Джеффри. — Мы определяли, куда он скроется, и переносились туда следом за ним.

— Как вы определяли, куда он собирается скрыться?

— Они держали его за руки, — напомнила Гвен.

— При соприкосновении мысли проходят легче.

Магнус кивнул. — Мы чувствовали сквозь его кожу, куда он намерен скрыться в следующий раз.

Род с восхищением и непониманием, а затем выпрямился, качая головой. — Выше моего понимания. Мысли не могут двигаться быстрее, благодаря соприкосновению, не так ли, Векс?

— Так, — прошептал голос Векса через наушник. — Но потеря сигнала будет меньше, чем при излучении в виде волны.

Корделия вздохнула, набираясь терпения разъяснить тугодуму-отцу. — Дело не в том, что слышишь быстрее, папа, — а в том, что слышишь больше. При соприкосновении отчетливо слышны даже оттенки мысли.

— Склоняюсь перед экспертом со стороны. — Род, несмотря на веселое настроение, придавал своим словам кислую ноту.

Векс давал информацию. — Нейроны на ладонях чародея, по всей вероятности, индуцировали сигнал прямо в нейроны на ладонях мальчиков.

— Он не мог спрятать от вас следы своих мыслей. — Род снова повернулся к Джеффри. — Поэтому у вас всегда имелось как раз достаточно данных, чтобы последовать за ним. Но как вы сумели прихватить с собой и меня?

Грегори с недоумением округлил глаза. — Этого, папа, мы объяснить не можем.

— Мы думали, что сможешь объяснить ты, — добавил Магнус.

Род нахмурился. — Нет... не могу сказать, что мне это под силу. За исключением того, что я твердо и категорически решил, не дать ему уйти...

Дети со значением посмотрели друг на друга, а затем на мать.

— Что случилось? — потребовал объяснений Род. — Я что — какое-то чудище?

— Нет, папа, — тихо ответила Корделия, — ты всего лишь чародей, и все же самый могущественный.

— Ты хочешь сказать, что одна моя твердая решимость и отправляла меня, куда следует?

Магнус кивнул. — Все прочее, что требовалось, обеспечивала твоя магия.

Несколько минут Род сидел, неподвижно, смотря на на костер и пытаясь переварить это. Было жутковато

думать, что он начинал уметь творить чудеса так же, как его жена и дети — всего лишь подумав о них. Теперь ему придется быть осмотрительней для гарантии от случайностей. Он представил как случайный прохожий спрашивает его: Как по вашему, м-р Чародей, какая сегодня будет погода? — По-моему, будет дождь... — и плюх! Они промокнули до нитки...

Он отогнал это настроение и обнаружил прикованные к нему глаза детей. Они выглядели обеспокоенными. Он ничего не понимал. — Так. И в конце, он перенес нас в темницу.

— То была темница колдуна Альфара, — пояснил Джефри, и Корделия ахнула.

— Подходит, — кивнул Род. — Если б он смог придумать, какой-то способ избавиться от нас, то мы оказались там, где нас можно сдать с рук на руки тюремщикам. Но как он рассчитывал удержать вас там? Как сам мог телепортироваться оттуда?

— Мне думается он так далеко не загадывал, — медленно произнес Магнус.

Род опять согласился. — Имеет смысл. Я б тоже не слишком вдавался в детали, если б пытался сбежать от врага, когда тот не отставал ни на шаг.

— Такого с ним не бывало, — убежденно сказал Джефри. — Он намеревался лишь перенести нас в укромное место.

Род медленно улыбнулся. — Умница. И выбрал неплохое, не так ли?

— Да, — вздрогнул Магнус. — Я испытывал немалое облегчение, покинув это место.

— Но откуда у тебя такая уверенность? — спросил Род у Джефри.

— Потому что мы пытались вытащить его, а он не шел.

Род деликатно заметил, — Это было немного рискованно, не так ли?

— Нет. Мы стремились притащить его к маме.

Глаза у Гвен сверкнули. Род взглянул на нее, и содрогнувшись, снова повернулся к мальчикам. — Именно это и отправило нас в Лимб?

— Куда? — нахмурился Магнус, — А! Ты говоришь о Бездне!

Роду не понравился легкомысленный тон, которым он говорил об этом. — Ты уже бывал там, не так ли?

Магнус уловил его настроение и объяснил. — Нет, не так часто... Просто дело в том, что...

— С чарами иногда выходят накладки, папа, — объяснил Джефри, — ты, безусловно, должен понимать это.

— Вот потому-то, — жестко сказал Род, — вам и полагалось подождать, пока сможет проследить мама.

— Она проглядела, в первый раз.

— В первый... раз?

— Мир, муж. — коснулась его руки Гвен, — это не столь опасно.

— Да, — быстро поддержал Магнус. — Когда прибываешь в то место, надо только подумать о том, где желаешь быть, и хоп! Ты и впрямь там!

— Постараюсь запомнить, — мрачно пообещал Род. Он, заметил, что Корделия сумела придержать язык, но выглядела зеленой от зависти. Он взял ее за руку, и она пожала ему руку в ответ. — Так, — обратился он к Джефри, — как же мы очутились в Лимбе на этот раз?

— Да потому, что мы желали перенести его к маме, а он упирался.

— Значит вы пытались отправить его к маме, а он хотел остаться, и потому...

— Мы отправились в никуда, — кивнул Джефри. — Тут я увидел, что нам не победить, и поэтому стал искать безопасное место.

— А что оказалось сложным? — нахмурился Род. — Я думал, вам нужно было только мысленно направиться домой!

— Нам понадобилась некоторая помощь, — признал Джефри и, протянув руку, хлопнул по плечу трехлетнего братишку. — Вот он мысленно следовал за нами, куда б мы не отправлялись. Мне потребовалось лишь окликнуть его, и он помог вытянуть нас и показал нам дорогу домой.

— Да... — взгляд Рода устремился к младшему сыну, — у него есть в этом деле какой-то опыт.

Грегори глядел с полнейшим непониманием.

— Правда, он этого не помнит, — объяснил Род. — потому что в то время одиннадцатимесячным младенцем.

— Но вот вы здесь в безопасности и все вместе — хвала небесам! — Он сгреб их всех в объятия и сжал. Они притворно закричали от страха, и Род расслабил руки. — Теперь вы можете отправиться домой.

Они испустили такой вопль, что он, должно быть, разбудил жителей деревень namного миль вокруг.

— Нет, папа, не так скоро!

— Все только-только становится забавным!

— Мы не готовы, папа!

— Все самое интересное достается мальчикам, — надулась Корделия.

Джефри посмотрел Роду прямо в глаза, — никакой опасности нет, папа.

— Никакой опасности нет! — взорвался Род. — Вы видели чародея-диссидента, сыплющего в вашем направлении пушечными ядрами, и ты говоришь, что нет никакой опасности? Вы видели мага-монстра, пытающегося наколдовать вам в тела куски скал, а ты говоришь мне, что это неопасно? Вы видели колдуна-уголовника, прямиком из темницы, швыряющего в вас камни, а ты говоришь мне что это нормально?

— Но мы же целы, — развел руками Магнус, — ничего кроме нескольких синяков.

— Случайность! Чистейшая, капризная удача! Вам просто повезло, что тот колдун оказался паршивым стрелком!

— И все же мы превосходим его в численности, папа!

— А он превосходит вас в весе! И это лишь человеческая опасность! А что будет, когда вы в другой раз будете перетягивать канат с одним из этих колдунов-практикантов? Вы же могли застрять в той бездне без возможности попасть домой!

— Не могли, папа! — возразил Джефри, — Как я сказал, надо только подумать о...

— Да, если у вас есть в качестве подстраховки кто-то, настроенный на вас!

— Но Грегори...

— Меня это не путает, папа, — воскликнул трехлетний мальчуган, — мне приятно то серое место! Оно успокаивает и...

— Заставляет тебя чувствовать себя по-домашнему? — Род ощутил легкий укол вины. — Оно и понятно, твой дух провел там много времени в поисках, когда ты был младенцем и пытался выяснить, куда делись мы с мамой.

— Раз ты так говоришь, то значит так. Следовательно, я-то знаю дорогу. И никакой настоящей опас...

— А я говорю нет! — Прорычал Род стукнув кулаком по дерну. Предплечье даже заболело, но ярость подавила эту боль. — Вы что, черт возьми, делаете, отцу дерзить вздумали! — Он схватил Магнуса за шиворот и рывком придвинул лицо мальчика к своему. — Ты думаешь, что становишься

большим, да? Ну так позволь мне сообщить тебе, ты никогда не будешь достаточно взрослым, чтобы спорить со мной! — Он отбросил Магнуса назад и резко развернулся схватить Джеффри. Шестилетний мальчуган увернулся, автоматически вскидывая руку, чтобы блокировать захват, и сумел отбить в сторону руку Рода.

Род замер, с глазами, вылезающими из орбит. Уставился на мальчика, белый от ярости, с сузившимися ноздрями.

Джеффри отшатнулся. — Папа, я не хотел...

— Я знаю, чего ты хотел! — Род широким шагом двинулся вперед. — Я хорошо знаю, что ты...

Но он наткнулся на что-то. Глаза Гвен смотрели прямо в него. Голос ее пробуравился сквозь его ярость, монотонный, требующий, — Выйди! Я знаю тебя, Род Гэллоутлас, урожденный Родни д'Арман. Я знаю тебя, как моего возлюбленного и мужа, знаю, что ты тут, под этот одолевающей тебя сверепостью. Выйди, Род Гэллоутлас! Не давай этой скорлупе гнева овладеть тобой и покорить тебя. Ты всегда был заботливым мужем и нежным отцом моим детям. Ты из Грамария, а не из Тур-Хлиса! Ты мое сокровище, а мои дети — твои драгоценности! Муж, воротись! Выйди ко мне, Род Гэллоутлас!

Род уставился на нее, ярость вздымала все выше, но сдерживалась правдой ее слов. Злые чары... Он содрогнулся, и его ярость распалась в щепки и угасла. Он обмяк, ноги его на миг подкосились, и он споткнулся — рядом очутился Магнус, подставив плечо под отцовскую руку, глядя на Рода со страхом и озабоченностью.

Беспокойство за безопасность отца — даже после того, как Род проявил такую жестокость! Этот сын мог не только простить, он мог броситься на помощь! Раскаяние атаковало душевными муками, и сделало его суровым. Он восстановил равновесие и встал. — Спасибо. — Но крепко стиснул плечо мальчика.

Магнус поморщился от боли.

Род держал мальчика за плечи обеими руками, но смотрел на Гвен. — Это было глупо, знаешь ли. Очень рискованно. Тебе могло крепко достаться.

В глазах ее вспыхнул ответный гнев, вспыхнул и был погашен. — Это стоило риска, милорд.

Он еще находился в возбужденном состоянии. — Да. Спасибо. Большое — пребольшое. — Но больше не делай этого. Может в какое-то время сработать.

Когда на меня находит такое, просто... исчезни. Куда уютно и, как можно, быстрее. Просто исчезни.

— Это будет глупо, — воскликнула она почти в отчаянии, — если мы побежим, ты погонишься — и тогда не услышишь, к чему тебя призываю.

Он промолчал.

Наконец, закрыл глаза и плотно стиснул кулаки. Он сделал три медленных, глубоких вдоха, а затем посмотрел на нее и сказал. — Но ты должна это сделать. Не когда я рассержен. Да, ты права, это будет опасно, — И добавил с трудом, — для нас обоих. От этих слов остался вяжущий привкус.

— А сейчас здесь становится горячо. Альфар и его подручные не шутят. Они слишком опасны. Я тоже опасен. И если я не покалечу детей, то покалечит он.

Она долго думала. Дети стояли в полном молчании.

Затем Гвен медленно произнесла: "Если ты желаешь, милорд, мы уйдем. И все же, прошу тебя, подумай еще раз. Нам безопаснее быть с тобой, так же как и тебе. Тогда мы сможем охранять друг друга с тыла. Если мы расстанемся с тобой и вернемся в Раннимид, то твои враги постараются нанести тебе удар, причинив вред нам. А тебя не будет, чтобы защитить нас".

Это было убедительным доводом.

Род очень испугался того, что могло в нем самом, если он начнет спорить с ней. Он боялся за нее, боялся за детей...

Но он опасался и того, что Альфар когда-нибудь поймет, что его подручные не могут в одиночку справиться с Гэллоутгласами. И тогда сделает, вероятно, самое разумное — навалится на них всем кагалом, всеми его колдунами, сообща. А дети, хотя уже мощные эсперы, но все равно еще дети.

И все-таки больше всего он боялся, что с ними может что-то случиться, если он снова выйдет из себя.

Внезапно, он склонил голову. — Ладно, оставайтесь. Дети подняли радостный крик.

Их шумный гам заполнил всего Рода. Он стоял посреди водопада их шума, клянясь себе под нос, что никогда больше не даст своему гневу обратиться против них.

Он клялся про себя и на следующий день, и неистово искал, какой-то способ гарантировать их безопасность.

Иной, чем отправка домой — он не собирался опять спорить с ними об этом. Споры переходили в приступы ярости.

— Разве ты теперь не поедешь верхом, милорд?
— Гвен сидела в седле на Вексе, а Корделия сидела перед ней.

Род молча покачал головой и продолжал шагать дальше.

Дети следовали за ним.

Из-за поворота вышли рослый крестьянин и его такая ж рослая жена с тащившимися рядом с ними пятью детьми. Они были усталые, хотя было еще раннее утро. Муж толкал перед собой ручную тележку, заваленную мешками и домашней утварью.

— Снова беженцы, — процедил сквозь зубы Род, — сколько их уже, Делия?

— Четырнадцать, папа.

Род кивнул. Четырнадцать, за какой срок?

— За полтора часа, папа, — ответил, взглянув на солнце Грегори.

— Там творится самое настоящее зло, дети, — покачал головой Род. — Люди не покидают свои дома из-за незначительных причин, пусть даже ненависти. Они убегают из-за страха.

— Мы не боимся страха, папа, — решительно заявил Магнус.

— Знаю, — отозвался Род, — именно это меня и беспокоит.

Они направились к крестьянской семье. Джефри заметил — Стражи колдуна теряют бдительность, папа?

— Почему? — нахмурился Род. — Ты сделал такой вывод из того, что они дали пройти этим людям? — Там, откуда они идут, такого нет. Я выясню. — Он перешел на обочину дороги, когда туда подошел рослый крестьянин с семьей. Тот удивлением посмотрел на него. Путник так устал и расслабился, что снизошел до разговора с тем, чье положение было ниже. — Привет тебе, лудильщик! Выходит ты держишь путь на север?

— Да, — ответил Род, — беднякам приходится искать заработка, где только можно. А что там на севере?

Крестьянин покачал головой. — Мы знаем лишь, о чем говорят слухи. Сами ничего не видели.

— Есть что-нибудь опасное? — нахмурился Род, — О чем говорят слухи?

— Что объявился злой колдун, — ответил крестьянин, — он одолел мессира Маладруа, барона де Гратесье и даже графа Лагорма.

Род недоверчиво уставился на него. — Почему? Кто это утверждает?

Джефри тоже заинтересовался, услышав об Альфаре, люди которого могли позволить кому-то ускользнуть и разнести известное о нем.

Рослый крестьянин пожал плечами. — Слух разлетелся, как на крыльях. Уж тебе-то следовало бы знать, ведь такие новости, обычно, разносят твои собратья по ремеслу.

— Значит только в болтовне? — поднял брови Род. — В том, что двоюродный брат рассказал соседу, который рассказал сплетнику, который тоже рассказал дяде, который рассказал...

— Да, вероятно, — пожал плечами рослый крестьянин, — я знаю лишь то, что мне рассказал мой кум Хью сын Марла — да притом пока грузил свою тачку. От кого пришла эта вест? — говорю я, а он молвил, — от Пирса Кровельщика...

— Он живет во владениях графа? — перебил Род. Крестьянин покачал головой. — Нет, ни у Гратесье, ни у Маладрума. И все же у него есть двоюродный брат, у которого есть племянник кума, у того есть свояк двоюродного брата, чья есть племянница живет неподалеку от усадьбы доброго графа.

— Вот так и разлетелся слух.

— Вот как? — Спасибо тебе, любезный. Мы направимся еще дальше на север, но подумаем над твоими словами.

— Поразмыслите, — посоветовал крестьянин, — и поворачивайте обратно на юг.

— Пока ничего неясно, — возразила Гвен.

— Да, — согласилась жена крестьянина. — Мы слышали эти новости повсюду всю весну. Сперва слух говорил только о мессире, потом о бароне, а теперь и о графе. Если слух начнет говорить о герцоге, то мы вероятно пойдем, что некуда бежать. — Она покачала головой. — Нет, если вы любите своих малышей, то не думайте, что слух неправдив.

— Может вы и правы, — задумчиво нахмурилась Гвен. — спасибо и счастливого пути.

— Да будет с вами бог, добрый человек, — Род коснулся чуба.

— И вам того же, — отвечал крестьянин и взялся за ручки тележки.

Когда крестьянин и его семья потащились на юг, Джефри резко повернулся к отцу и зашептал. — С какой легкостью, папа! Неужели весь труд стольких

сторожей и караульных пошел насмарку всего-навсего из-за какой-то сплетни?

— Действительно, — кисло ответил Род, — Помни об этом, когда будешь командовать войсками. Еще не создано такой охраны, что может остановить слух.

Джеффри в раздражении воздел руки. — Тогда зачем же вообще выставлять стражу?

— Из-за доказательств, — поморщился Род, — если ни у кого из лордов не будет доказательств, они не пойдут на расходы, связанные с посылкой армии на север. В конце концов, что сделал сам король, когда слышал неподтвержденные рассказы? Послал нас!

— И все ради раскрытия подкрепляющих доказательств?

Род кивнул. — Без них всякий, кому хочется считать эти известия ложными, может так и считать.

— Пока их не задавит колдун и его присные, — мрачно уточнил Магнус.

— Да, — согласился Род, — в этом-то и заключается вся идея, не так ли?

— Папа, — сказала Корделия, — я начинаю бояться.

Полчаса спустя они увидели вдаль несущуюся к ним небольшую карету. Когда она приблизилась, они увидели, что лошади были взмыленные и уставшие. Но сидевшая на козлах женщина продолжала нахлестывать их, кидая испуганные взгляды через плечо на отряд ратников, гнавшийся за ней галопом на маленьких, крепких северных лошадках. Во главе их скакал рыцарь на огромном темном боевом коне, из которого вышли бы две солдатские лошадки.

— Что за безобразие, — воскликнула Гвен, — вооруженные мужчины преследуют беззащитную женщину?

— Не вини их особенно, — отрезал Род, — думаю, они не ведают, что творят.

— Ты должен помочь ей, милорд!

— Да, — согласился Род, — тут не трудно определить кто прав, а кто виноват,, не так ли? Раз, мы уже видели их ливрею. В засаду по местам, ребята.

— Магнус и Грегори, подкарауливать слева, — проинструктировала Гвен, — Корделия и Джеффри, подстерегайте справа. Перелетайте, как можно, ближе к ним. — Она повернулась к Роду. — Как прикажешь им свалить своих противников, муж?

— Одного за другим. Сбросьте их с лошадей. — Род ощутил тепло от ее поддержки.

Делия с радостным криком схватилась за помело.

— Как нам их свалить, мама? — усмехнулся Джефри, — бросая в них камнями?

— Да, — кивнула Гвен, — но возьмите также свои пояса из веревок и посмотрите как можно воспользоваться ими.

Дети развязали стягивавшие их талии отрезки веревок.

— Мама, — обратился с предложением Магнус, — мне думается, я смогу заставить исчезнуть гвозди в их подковах.

Род одобрительно кивнул. — Жаль бедных лошадей, но они не должны пострадать. Просто остановятся.

— Против рыцаря это будет бесполезно, — указал Грегори.

Род по-волчьи оскалился. — Он мой.

— А теперь быстро прочь с глаз! — хлопнула в ладоши Гвен.

Дети юркнули с обочины в подлесок и исчезли.

Гвен спрыгнула с Векса, выхватила свою метлу из подвешенной к седлу петли. — Тебе понадобится твой конь, милорд?

— Думаю, что да, милая. Ты сможешь справиться без него?

— Разумеется, — на щеках у нее появились ямочки от улыбки, и она сделала перед ним быстрый реверанс, — бог в помощь, муж. — А затем повернулась и нырнула в подлесок вслед за детьми.

Род вздохнул вдевая ногу в стремя. — Замечательная у меня женщина, Векс.

— Иногда я сомневаюсь, ценишь ли ты ее по-настоящему, Род.

— О, думаю, что да. — Род перемахнул в седло и взял поводья. — Нам лучше последовать их примеру. С дороги, Железный Жеребец.

Векс рысью съехал с обочины и углубился в подлесок.

— Что ты придумал для рыцаря, Род?

— Примерно 120 вольт. У тебя есть запасная батарея?

Ответ Векса пропал в грохоте пронесшейся мимо них кареты.

— В переднем потайном отделении, Род. — Под холкой у Векса открылась небольшая дверка.

Род сунул туда руку и вытащил кусок провода. Вынув кинжал он несколькими быстрыми движениями счистил с конца изоляцию. — Куда мне его воткнуть?

Лошадиная голова обернулась к нему. — Просто вложи его мне в рот, Род. Я направляю к нему ток. Но ты уверен, что это прилично?

— А меч у него на боку? — Пожал плечами Род. — Оружие есть оружие, Векс. Это не причинит ему значительного вреда, надеюсь. Ладно, пошел!

Они выскочили с обочины как раз, когда туда, подъехал грохоча, подковами отряд. Род лег на параллельный курс с рыцарем. Шлем с забралом повернулся к нему, но рыцарь не поднял ни меча, ни щита, изумившегося появлению лудильщика, скачущего около него на коне, который сделал бы честь и лорду.

Род ткнул в него концом провода, и между ними пронеслась пышная голубая искра, затем провод вступил в контакт с доспехами, и рыцарь оцепенев вскинув руки. Род резко пнул его. Рыцарь рухнул с коня в дорожную пыль.

Позади него кто — то издал крик ужаса. Род круто развернул Векса и рванул к обочине дороги прежде, чем рыцарь успел собраться с мыслями, чтобы подумывать о возмездии.

Вдоль обочины дороги лежали, растянувшись, трое солдат. Еще четверо очерчивало край дороги на противоположной стороне. Некоторые из лошадей, очень довольные, паслись рядом с павшими хозяевами. Другие, очевидно, более умные, неслись галопом прочь.

На глазах у Рода, перед одним из оставшихся всадников, внезапно со взрывом возникла маленькая фигурка. Пораженный седок отшатнулся, и конь его встал на дыбы, пронзительно заржав. Джефри резко ударил всадника ногой в плечо, и солдат, потеряв равновесие, накренился и упал. Мальчик шлепнул лошадь по крупу, и животное с пронзительным ржанием ускало.

На другой стороне дороги кусок веревки пролетел, рассекая воздух, словно крылатый змей, и обвился вокруг шеи еще одного солдата. Тот схватился за нее обеими руками, затем его дернуло назад, и он свалился на дорогу, все еще борясь с удавкой. С треском пистолетного выстрела, рядом с ним появился Магнус с палкой в руке. Веревка разматалась, и улетела искать новую жертву. Негромко бухнул гром, и Магнус исчез.

— Кровожадное у меня потомство, — поморщился Род.

— Они делают то, что ты им велел, Род, и чему научил.

— Может быть, мне лучше пересмотреть учебный план.

— Не надо через чур спешить, — порекомендовал робот, — тот солдат все еще дышит.

— Надеюсь, и остальные тоже. Ну, вернемся к работе. — Род повернул коня обратно на дорогу и увидел, что все солдаты лежат в пыли без сознания. Гвен уже опустилась на колени около ближайшего, внимательно глядя ему в лицо. Корделия устремилась на посадку рядом с ней. Начали появляться, словно громовые раскаты, мальчики.

— Работают они быстро, — пробормотал Род.

Он подъехал рысью к семейной группе и, нагнувшись, коснулся плеча Магнуса. Мальчик в удивлении вскинул голову. Увидев отца, он расслабился со вздохом облегчения.

— Вы действовали чудесно, — сиял от гордости Род, — все вы. Но не спускай глаз с солдат, сынок. Некоторые из них могут прийти в себя, пока вы еще пытаетесь отремонтировать им рассудок.

Магнус кивнул, зардевшись от отцовской похвалы. — Я их хорошо постерегу, папа.

— Молодец. Я должен вернуться еще до того, как они очнутся. — Он выпрямился, поворачивая Векса на юг.

— Куда ты, папа?

— Сообщить той леди, что она может больше не бояться.

Род пнул каблуками по бокам Векса. — Следуй за той каретой.

Робот-конь припустил галопом. — Колотить меня пятками по бокам в общем-то ни к чему, Род.

— Такое обращение поддерживает видимость. Ты же не хочешь, чтобы люди знали, что ты не настоящий конь, не так ли?

— Тебя не должна волновать видимость, когда кругом твоя семья. Всем им и так известна моя истинная природа.

— Да, но мне надо не терять привычку. Если я начну думать, кто знает о тебе, а кто нет, то начну делать мелкие ошибки, и...

— Понимаю, — вздохнул робот. — Карета приближается, Род.

— Точнее будет сказать, что мы приближаемся к карете.

— У меня сложилось впечатление, что ты стал грамарицем, а не грамматиком.

— Ладно уж! — скривился Род. — Меня интересует содержание, а не форма.

— Тогда из тебя выйдет очень плохой критик...

— А, заткнись и прегради путь карете.

Векс завернул перед лошадьми, и животные встали на дыбы, пронзительно заржав от страха. Женщина с лихорадочной силой натянула повод, а затем хлестнула кнутом по Роду.

— Эй! — тот увернулся, но слишком поздно, язык кнута ударил его сбоку по голове. Дорога накренилась и закружилась, сливаясь и смазываясь. Он, словно издалека, услышал, как кнут треснул, вновь и вновь. Затем мир выровнялся, и он начал видеть все ясно. В нем появилась знакомая ярость. Потрясенный, он попытался вспомнить про ее опасность. Женщина стояла на козлах, замахиываясь кнутом еще для одного удара.

Род поднял кверху ладонь. — Тпру! Погодите! Я же на вашей стороне! — Он ткнул себя в грудь. — На мне нет никакого мундира. Видите?

Женщина заколебалась, но гнев и страх все еще отражались в ее глазах.

Род с большим трудом подавляя прилив собственного гнева, голова у него отвратительно болела. — Вы ведь не ударите бедного, бродячего лудильщика, не правда ли?

— Ударю, если он угрожает мне или моим. — Но глаза женщины становились более спокойными. — И зачем бедному лудильщику останавливать знатную леди, если не с целью причинить ей зло?

— Чтобы сказать вам, что вы можете не убегать! — закричал Род. — Мы разбили ваших врагов!

Женщина стояла, замерев, но в глазах у нее вспыхнула надежда.

Род показал на пройденный участок дороги. — Посмотрите, если сомневаетесь в моих словах!

Она оглянулась на пройденную дорогу. И лицо ее начало расцветать от радости. Затем колени у нее подкосились, и она рухнула на козлы.

— Хвала небесам! Но как же вы...

— Мне немного помогли, — объяснил Род.

Она мигом вновь насторожилась. — Кто?

— Моя жена, — объяснил Род, — и дети.

Она уставилась на него во все глаза. Затем на лице появилась ирония. — Я вижу их, они обшаривают трупы солдат. Не лги мне, парень. Как мог лудильщик с женой и детьми устоять против рыцаря в латах и дюжины солдат? — Она снова взялась за кнут.

— Эй, погодите! — Род почувствовал, как его гнев опять нарастает. Он сделал глубокий вдох и напомнил себе, что за бедной женщиной гнались, вероятно, почти всю ночь. — Мои жена и дети вовсе не грабят покойников, они пытаются разбить чары, скрывающие живых. Потерявших сознание, но, надеюсь, живых. Видите ли, мы не совсем те, кем кажемся с виду.

— В самом деле, — прошептала она сквозь зубы и заставила себя вновь подняться на ноги, замахиваясь кнутом, — так я и думала!

— Не в том смысле! Этот наряд лудильщика просто маскировка! — Род выпрямился в седле расправляя плечи. — Я Родни Гэллоутлас, Лорд Верховный Чародей Грамария, а женщина — там леди Гвендайлон.

Она уставилась на него. Затем губы ее разомкнулись, и она прошептала: — Подайте мне знак.

— Знак? — Раздосадованный Род подавил свое раздражение и заставил себя вообразить, какое именно умопомрачительство испытывал бы на ее месте он. Он еще раз сделал глубокий вдох — выдох. — О, ладно! — Род закрыл глаза и дал своему мозгу опустеть, сосредотачиваясь. Обычный его туман в такой ситуации рассеялся, после того, как он услышал голоса детей, словно те находились прямо рядом с ним. Он выделил того, кто выглядел наименее угрожающим и подумал: "Грегори! Сюда!"

Воздух хлопнул, раскатываясь в стороны, и рядом с его плечом заплывал в воздухе Грегори. — Да, папа?

Женщина уставилась на него.

Затем колени у нее опять подкосились, и она села, слабо кивая. — Да, вы Верховный Чародей.

— Папа? — Грегори чуть склонил голову набок, озабоченно глядя на отца. — Зачем ты позвал?

— Для того, что ты только что сделал, сынок.

— А что я сделал? — взглянул на него ребенок.

— Ты доказал, что я тот, кем назвался. — Он снова повернулся к женщине. — К кому, я имею честь обращаться?

Теперь настала ее очередь подтянуться и вспомнить о своем достоинстве. — Я — Елена, герцогиня Романова.

ГЛАВА 7

Род свернул плетущихся лошадей с дороги на луг, неподалеку от Гвен, поддерживая левой рукой герцогиню. Когда он натянул поводья, она подняла голову, оглядываясь кругом, а потом придвинулась к нему. — Солдаты...

Род повернулся и увидел, что все солдаты собрались в одну кучку под невысоким деревом. Большинство из них прижали ладони к голове. Некоторые подняли голову и, моргая, озирались кругом, с недоуменными выражениями на лицах. Рыцарь лежал около них, без шлема. Около него стояла на коленях Гвен.

— Не волнуйтесь, — попытался успокоить ее Род, — они чувствуют себя так, будто пробудились от дурного сна. Они снова на вашей стороне. — Он спрыгнул с козел. — Оставайтесь тут.

Она выглядела взволнованной.

Род вздохнул и четко подумал: "Корделия!"

Находящаяся на другой стороне луга девочка подпрыгнула и оглянулась. Обнаружив отца, она вскочила на помело и рванула напрямик к нему. — Да, папа?

Род заметил, что герцогиня смотрел на нее во все глаза. Ну, по крайней мере, хоть немного отвлеклась. — Корделия, эта леди нуждается...

Но Корделия глядела мимо него на окна кареты, и на губах у нее появилась восторженная улыбка. — Дети!

Род в удивлении обернулся.

В окне виднелись две рожицы, с откровенным любопытством озиравшие по сторонам.

Корделия прыгнула мимо Рода, убрав руки за спину. Дети герцогини настороженно наблюдали за ней. Корделия остановилась прямо под их окном и чуть склонила голову набок. — Меня зовут Корделия.

Они, молча, глядели на нее.

Род коснулся ее плеча. — Они в последнее время испытали страх, милочка.

— Ах, папа! — с досадой бросила она. — Неужели они не видят, что я не желаю им зла? — И прежде, чем он смог ответить, она стремительно повернулась к герцогине. — Можно мне поиграть с ними?

Герцогиня опустила на нее взгляд. А затем медленно проговорила: “ Ну разумеется... если они захотят... безусловно.

А что они захотят Род не сомневался, он знал свою дочку. Двое мальчиков уже наблюдали за ней с заметным интересом.

— О, хорошо! — Корделия мигом повернулась к детям. — У меня тоже есть братья. Вы можете и с ними поиграть, если пожелаете.

Двое мальчиков все еще сохраняли настороженный вид, но дружелюбие Корделии действовало заразительно. Младший открыл дверцу кареты и вышел. — Я, — представился он, — Гастон.

Род отвернулся от них, вполне уверившись, что на какое — — то время внимание герцогини будет полностью занято и подошел к жене.

Когда он приблизился к ней, она, сидела на корточках, пристально смотрела. Род мгновенно насторожился. — Что случилось? Гипноз слишком силен?

Гвен покачала головой. — Я разбила чары, милорд. И все же не могу пока привести его к жизни.

Род внимательно взглянул на рыцаря и увидел морщинистое лицо и плешивую голову, с венчиком седых волос. Его серую кожу покрывала пленка пота. Род почувствовал чувство вины. Он опустился на колени рядом с рыцарем. — Но ему досталось всего 120 вольт! Всего пятнадцать ампер! И я поразил его ими всего на несколько секунд!

Гвен покачала головой. — Вполне возможно, что причина в падении, милорд. У него остановилось сердце, и я немало потрудилась, чтобы заставить его забиться вновь.

— Сердечный приступ? — Род пригляделся к рыцарю пристольней. — Он среднего возраста, а позволил себе потерять форму, обрюзг. — Он покачал головой, подняв взгляд на Гвен. — Я не мог предложить это. На нем был шлем с опущенным забралом.

— Действительно, ты никак не мог знать, — согласилась она, — конечно, сделанное тобой, чтобы остановить его, могло причинить ему какой-то вред. — Она подняла взгляд, глядя ему в глаза. — Однако, милорд, я сомневаюсь, что сразили его какие-то твои

действия. Слишком много миль он проскакал в полной амуниции.

Род медленно кивнул. Тот, кто отправил его во главе отряда с полной боевой выкладкой в его-то возрасте, видел в нем только оружие, а не личность. Кто же...? Нет, сними вопрос. Конечно, кто ж еще? Альфар.

— Мы его выходим, миледи.

Гвен подняла взгляд и увидела сержанта, вставшего на колени напротив нее.

— Сэр Верин стар, но дорог нам, — объяснил солдат. — Мы не знаем, как с ним такое случилось. Мы выходим его. — Он поднял голову, показав затравленные глаза. — Леди, что делали наши тела, пока спали наши души?

— Ничего такого, в чем сколько-нибудь виноваты вы. — Она мягко улыбнулась, коснувшись его руки. — Не тревожь свое сердце.

К ней, стремглав, подлетел Джеффри. — Мама! Здесь дети! Можно нам поиграть?

Пораженная Гвен подняла взгляд. — Что за...

— У нас появилось общество, — объяснил Род.

Вскоре родители сидели вокруг спешно разведенного бивачного костра, в то время, как дети играли поблизости. Герцогиню бил озноб, несмотря на полу-денное тепло солнца. Гвен принесла одеяло из навьюченного на Векса тюка и закутала ее в него, но бедная леди по-прежнему дрожала от пережитого. Она смотрела на детей, затеявших игру в пятнашки. — Ах, помоги им бог! Бедные малютки. — В уголке ее глаз навернулись слезы. — Им неведом смысл всего, что случилось.

— Значит вы не сказали им? — мягко спросила Гвен.

Герцогиня покачала головой. — Они знают лишь то, что видели, но не больше. — Она подняла твердый взгляд на Рода. — И не скажу, пока сама не буду знать.

Род пристально посмотрел на нее в ответ и медленно кивнул. — Почему бы и нет? Может быть, ваш муж еще жив. И даже здоров.

Герцогиня медленно кивнула, постаралась взять себя в руки. Но не смогла и уронила голову.

Запыхавшиеся дети устроили рядом кучу-малу.

— Ну, расскажите, пожалуйста, — упрашивала Корделия, — вы и вправду видели злого колдуна?

— Нет, — сказал младший.

— Мы ничего не видели, — ответил старший. — Ничего, кроме внутренних покоев замка. Мама загнала нас туда и не позволяла выйти, даже к окну.

— Но вы ведь ехали в карете, — напомнил им Магнус, — неужели никого не видели?

Мальчики покачали головами, а младший пояснил. — Мы знаем лишь, что мама нам велела следовать за ней во двор замка и посадила в карету. Через башню мы слышали вдали лязг оружия, но она плотно задернула занавески и велела нам не открывать их.

— Мы слышали грохот колес и поняли, что проехали через надвратную башню. — Добавил старший. — Потом за нами с громким стуком рухнула опускающаяся решетка, и звуки боя начали приближаться.

У Джеффри заблестели глаза.

— Потом они начали стихать, пока совсем не пропали позади нас, — продолжал старший, — и мы ничего не слышали, кроме скрипа колес кареты.

Младший кивнул. — Когда мы, наконец, раздвинули занавески, было уже не на что смотреть, кроме летних полей и рощ.

Герцогиня уткнулась лицом в ладони, и плечи у нее затряслись от рыданий. Гвен закутала ее в одеяло поплотней, шепча утешающие, бессмысленные слова. Бросив быстрый взгляд на Рода, она кивнула на детей.

Род понял намек. — Дети, а вы не могли бы сменить тему?

— А? — подняла голову Корделия и с одного взгляда поняла ситуацию. — Ее охватило раскаяние. — Извини, папа. — Она повернулась к детям, хватая за руки сыновей герцогини. — Пошли, поиграем в прятки.

Глупый вид, с которым они посмотрели на нее предвещал немало хорошего для ее девичьего будущего, и в досталь душевного беспокойства для Рода. Между тем, они припустили стрелой прочь, перекликаясь друг с другом, а Магнус, став лицом к большому дереву, принялся считать.

Герцогиня подняла голову, с удивлением наблюдая за детьми. — Они столь быстро забывают такое зло!

— Да, но вы ведь не сказали им самого худшего, — рассудительно заметил Род. — Они знают, что их отец выигрывает битву. И вы ведь в общем-то не можете утверждать, что он не побеждает?

— Не могу, — произнесла она так, словно из нее выжимали каждое слово, — однако, я не обратилась в бегство до тех пор, пока не увидела со стен, что

сражение начинает оборачиваться не в его пользу, чего мы и опасались.

Тут она опять уткнулась лицом в ладони и заплакала. Гвен захлопотала вокруг нее, словно наседка, утешая ее, а у Рода хватило такта молчать до тех пор, пока герцогиня не сумела вновь в какой-то мере овладеть собой. Она подняла голову, глядя невидящим взглядом на луг. — Когда ривы впервые начали приносить нам известия об угрозах деревням, мы со смехом отмахивались от них. Кто же мог явиться править деревней, пока ее защищает рыцарь? Но за первым известием последовало второе, а за вторым — третье и так далее. И всегда сообщалось одно и то же, что колдун заставил народ склониться перед ним. А потом принести вассальную присягу заставила при поддержке мощи колдуна какая-то ведьма, а потом какой-то чародей.

— Как они этого добивались? — спросил Род. — Ривы знали?

Герцогиня покачала головой. — До них дошли только слухи о страшных угрозах, о загоравшихся амбарах, о болезнях и падеже скота. Однако, по большей части дело ограничивалось раздражением и жалобами крестьян, которые становились все чаще и громче. Тогда к ним явилась ведьма или чародей, и они с охотой преклонялись перед ней или перед ним, и перед колдуном, сила которого стояла за ними. Мой муж велел одному из рыцарей объехать собственные владения и наведаться в тамошние деревни. Рыцарь вернулся и рассказал, что его встретили толпы воинственно настроенных крестьян, размахивающих цепями и косами и швыряющих камни. Когда он атаковал, они сломались и бежали, и все же когда он собрался уезжать, они вновь напали на него. — Рот ее отвердел. — Им, без сомнения приказали так поступить.

— Внезапная, бешенная преданность. — Род взглянул на Гвен. — А вам не казалось, что они не походили на самих себя? Я говорю о крестьянах.

— Ну разумеется так! — герцогиня содрогнулась. — Они отличались от тех, какими были, как май от зимы. Такие донесения разгневали милорда, но не сильно. Его вассала, барона де Гратесье, они разгневали намного больше, ибо, как вы понимаете, большая часть доходов милорда герцога поступала к нему от его графов, кои получали их со своих баронов. А бароны получали свои с рыцарей.

Род кивнул. — Поэтому деревня рыцаря, противящаяся уплате податей, для барона немного посерьезней, чем для герцога.

Герцогиня тоже кивнула. — Он попросил у милорда герцога рыцарей и ратников, коих мой муж охотно ему дал. И тогда барон выступил против колдуна.

Она умолкла. Род ждал.

Пауза затянулась, и Род спросил: “И что же произошло?”

Герцогиня вздрогнула. — Ах, те сообщения, какие мы получили, были воистину ужасными! Силы барона столкнулись с разной магией — обрушивавшимися сверху жестокими тварями, появлявшимися среди них, чиня страшный вред, шаровыми молниями и камнями, летящими без луков и лучников стрелами и разившими без помощи рук боевыми топорами и палицами. А затем на них напали, воя и разя серпами, толпы крестьян. Но все же самым худшем из всего этого был ползучий страх, ощущение ужаса, охватившее солдат барона, пока те не сломались и не побежали, вопя от испуга.

Род встретился взглядом с Гвен, и ее слова прозвучали только у него в ушах: “Я считаю, что среди них была мастерица ведьмина мха и чародей, швырявший в нас камни, а также ведьмы, заставляющие летать оружие. Но что еще за ползучий ужас?”

Род мог только покачать головой. Он снова посмотрел на герцогиню. — Что случилось с бароном?

Герцогиня содрогнулась. — Он не воротился домой, и все же, его видели в последующих битвах, ведущего тех солдат, которые остались живы, против врагов колдуна.

Род снова поймал взгляд Гвен, та кивнула. Ну они уже сталкивались с таким принудительным гипнозом. — И сколько же уцелело солдат?

— Из всех пошедших в бой спаслось бегством возможно только десятая часть.

— Шесть из шестидесяти? — Тихо присвистнул Род. — Этот колдун знает свое дело туго, не так ли? А сколько из разбитых следовали за бароном в дальнейших битвах?

— Судя по полученным донесениям, примерно, две трети, — пожала плечами герцогиня.

— Сорок из шестидесяти попали в плен и подверглись промыванию мозгов? — Род содрогнулся. — Но некоторые все-таки ушли, к примеру, упомянутая вами шестерка.

— Да. Но их преследовал какой-то чародей. Нам принес известия только один, что стало с пятью другими мы не знаем.

— Но догадаться не трудно, — Род нахмурился, — значит Альфар с самого начала взял за правило не допускать утечки сведений. — Это как-то не отдавало средневековым мышлением. — Так говорите, вы узнали об этом позже?

— Тому единственному солдату понадобилось добираться до нас неделю и еще день, — кивнула герцогиня.

— Так и вышло. Колдун и его ковен отправились в поход на замок Гратесье, большинство слуг провозгласили своим сюзереном Альфара. Баронесса и немногие, сохранившие верность, воспротивились и попытались закрыть ворота. Однако они не смогли одержать верх, и провозгласившие своим повелителем колдуна отворили ворота, опустили подъемный мост и подняли опускающую решетку.

— Ну, если могли заставить сменить приверженность целые деревни, то почему б и не весь замок? — пожал плечами Род.

— А что колдун сделал с баронессой? — спросила, глядя широко раскрытыми глазами, Гвен.

Герцогиня плотно зажмурила глаза. — Она в темнице вместе с детьми, хотя старшего ранили в той стычке.

Лицо Гвен посуровело.

— Как вы об этом узнали? — Род попытался говорить помягче.

— У слуг в замке Гратесье есть родственники на моей кухне.

— Сеть слуг, — кивнул Род. — Значит Альфар попросту завладел замком. Конечно, он продолжил свое дело, завладев и остальным поместьем.

— Да, теми деревнями, которые еще не склонились перед ним. Они одна за другой попали под его власть. Наконец, другие бароны встревожились и собрались вместе объявить ему войну.

— Плохая тактика, — покачал головой Род. — Черт с ним, с объявлением, им следовало просто ворваться и стереть его в порошок.

Возбужденная герцогиня уставилась на него.

— Просто идея, — быстро оговорился Род.

Герцогиня покачала головой. — Это ничего бы им не дало. Они же воевали с колдуном.

Род медленно поднял голову, расширив глаза и раздув ноздри. Он повернулся к Гвен. — Так значит,

он заставил людей думать, что они не смогут победить, даже прежде, чем они выступили в поход. Они наполовину проиграли бой еще до начала сражения.

— Возможно, — согласилась тусклым голосом герцогиня. — Ведь баронов он разбил с необыкновенной легкостью. Часть солдат колдуна схватились с передовыми разъездами баронов, на левом фланге. Разведчики запросили подмогу, и солдаты бросились им на помощь. Ратники колдуна отступили, и все же не успели они исчезнуть в лесу, как другой отряд атаковал авангард правого фланга. Солдаты вновь бросились вперед, и ратники колдуна опять отступили. Рать баронов двинулась за ними с большей уверенностью.

Герцогиня кивнула и закусил губу. — Когда они оказались в виду замка Гратесье, на них обрушилась из леса волна солдат. А с другой стороны дороги начали появляться с громовым треском камни, и с той же стороны прилетел рой метательных камней, — но их никто не метал. Солдаты отступили, дав друг друга, а потом стали сопротивляться и все же падали целыми толпами. Трое из пяти баронов дрались со своими ратниками до последнего и потерпели поражение. Другие двое собрали несколько бойцов и отступили. Армия колдуна упорно наседала на них, но они хорошо защищались. Тем не менее, половина ратников пала, а с ними и один из баронов. Другая половина прорвалась к большаку, где они могли развернуться и побежали, быстрее, чем их смогли преследовать ратники колдуна. За ними последовал один чародей, и повсюду появлялись камни. Он забыл об осторожности, и один лучник внезапно обернулся и выпустил стрелу. Она пронзила чародея насквозь, и он с воплем рухнул с неба. Тогда барон и жалкие остатки его сил ускакали. Таким образом принесли нам известие о случившемся. И заверяю вас, мой муж воздал должные почести тому лучнику.

— Это следовало бы сделать и всем нам, — поддержал Род, — всегда полезно продемонстрировать, что врага можно разгромить. Неужели ваш муж до того не воспринимал всерьез тех слухов об опасности?

— По-настоящему, нет. Он никак не мог поверить, что шайка крестьян может представлять какую-то настоящую опасность для рыцаря в латах и солдат, даже будь они сплошь чародеями. И все же, когда барон Мароль предстал перед ним и рассказал ему без утайки о своей последней битве, мой муж

вскипал гневом. Он созвал своих рыцарей и ратников и отправил на юг самого скорого своего гонца известить обо всем происшедшем Их Величества.

— Он отправил курьера? — нахмурился Род, — когда?

Герцогиня пожала плечами. — Пять дней назад.

Род покачал головой. — Он должен был прибыть в Раннимид еще до нашего отъезда.

Она долго смотрела на него, затравленно расширив глаза. — Он не дошел.

— Да, — ответил Род, — не дошел.

Герцогиня опустила взгляд. — Увы, бедняга! Нужно ли нам гадать о том, что случилось?

— Нет, по-моему, все понятно. — Род глядел вдоль дороги на север. — Фактически, он мог даже переодеться крестьянином, в надежде, что его не узнают. В любом случае, вероятно, именно из-за него Альфар и бросил свою новую армию резать беженцев.

— Беженцев? — нахмурилась подняла взгляд герцогиня. — Кто же они такие?

— Бедняки, бегущие от ужасов войны, — объяснила Гвен.

Род кивнул. — Потому, что у них уничтожили дома. Хотя в данном случае, единственные, кто отправлялся на юг, были те кто понял, что надвигается беда, и попытались бежать.

— Значит вы видели таких?

— Немногих, — кивнул Род, — я б сказал, что мы каждую милю наталкивались на беженцев.

Герцогиня покачала головой. — Удивляюсь, как они спаслись от солдат колдуна!

— Полагаю, что они пустились в бегство рано, но уверен, что солдаты догнали многих из других групп. Конечно, мы сумели вмешаться, когда отряд ратников пытался остановить встреченную нами семью.

— Что видела та семья? — Ничего, но до них дошли слухи.

— И у них хватило мудрости внять им. — Герцогиня сжала губы — Однако, отправят ли Их Величества армию на север, только из-за слуха?

Род покачал головой. — Не уверен.

Она нахмурилась. — И как же получилось, что вы... — Она оборвала фразу, глаза ее расширились сперва от удивления, а затем от надежды, — вы все-таки явились!

Род иронически улыбнулся. — Я вижу вы схватываете на лету. Да, нас прислал король выяснить правду об этих слухах.

— И вы ведете жену и детей в столь мерзкое скопище грязи? — воскликнула герцогиня и повернулась к Гвен, — О, нет, леди! Если вы любите своих детей, избавьте их от сего ужаса!

Пораженная Гвен посмотрела на Рода.

На что Род лишь сказал. — Ну... как вы понимаете, мои жена и дети подготовлены для разбирательства со злыми колдунами лучше большинства людей, поэтому большая опасность им в общем-то не грозит.

За это он заслужил теплый взгляд со стороны Гвен, но герцогиня воскликнула. — Опасность достаточно велика! Лорд Чародей, не пускайте их туда! Вы не представляете себе мощи того жестокого колдуна.

— Мы ее опробовали.

— Так пусть этот опыт заставит вас потерять интерес! От мерзости его дел заболит душа! Одно дело увидеть лишь эскадрон его жертв, таких как те бедняги... — Она махнула рукой в сторону солдат. — Однако, когда видишь их идущих на тебя сотнями, сердце замирает от ужаса! Дело не в какой-то особой жестокости его магии, а в злой подлости его души!

У Рода сверкнули глаза, — Значит вы лично видели его?

— Да, — опустила глаза герцогиня, — хотя издали. Хватило и того. — Она содрогнулась. — Я почувствовала, как меня окатывает его ненависть, возникло ощущение, словно стояла под тучей загрязненной воды. Мне думалось, что я никогда больше не почувствую себя чистой!

— Но как же герцог позволил вам столь приблизиться к полю боя?

— Заверяю вас, он тому противился, поле боя само приблизилось ко мне. Ибо, когда он отправил гонца на юг и подошли его рыцари со своими ратниками, он облачился в доспехи и выехал навстречу колдуну.

— Похоже на него, — кивнул Род, — я никогда бы не стал обвинять герцога Романова в нерешительности или в малейшей неуверенности.

— Хотя, ошибочных? — посмотрела на него с усмешкой улыбкой герцогиня. — Я знаю своего мужа, лорд Чародей. И хотя я очень люблю его, но не могу не признать, что ему свойственна опрометчивость. Но, в данном случае, по-моему, даже осторожность побудила бы его к битве, так как пришлось либо драться, либо бежать, а он, как герцог, бежать не мог, потому что поклялся защищать свой народ. Долг требовал от него сражаться, а если он должен биться, то лучше было это сделать тогда, когда колдун и его

рать только вышли из боя и, следовательно, несколько ослабили от потерь в битве.

— Но усилились, благодаря захваченным в плен ратникам. — нахмурился Род, — или вы не знали... — Он взглянул на нее и дал словам превратиться у себя во рту в студёный осадок.

— Чего? — нахмурилась она.

Род откашлялся и переступил с ноги на ногу. — Ну, э... откуда он рекрутировал себе людей. Я имею в виду свою армию.

— А, — горько улыбнулась она. — Вы хотите сказать, из тех, кого он разгромил? Да известие об этом дошло до нас вместе с новостью о проигранной битве барона Гратесье. Вернувшийся солдат рассказал нам о виденных им старых друзьях, которых он знал, сражавшихся в свите одного из вассальных рыцарей Гратесье.

— Ну, по крайней мере, теперь это не сюрприз, — вздохнул Род. — Полагаю Альфару потребуется некоторое время на обработку своих новых рекрутов...

— Чтобы сковать их своими чарами? — Герцогиня покачала головой. — Я знаю лишь, что мой муж выступил в поход на замок, принадлежавший Гратесье, а я поднялась на самую высокую башню посмотреть ему вслед.

Род приподнял голову. — Вы видели всю местность до самого замка Гратесье?

— Да, башня у него даже выше, чем в замке Их Величеств. Нам видны только их зубцы. Хоть немного, но видно. Правда, мне это не понадобилось.

— Вы хотите сказать, что они не добрались туда? — нахмурился Род.

— Колдун выступил в поход ему навстречу, — кивнула герцогиня. — Не успел мой муж выступить, как силы колдуна уже стояли, дожидаясь его у оврага по середине пути между двумя замками. Он, словно заранее знал о приходе моего мужа.

— Знал, — проворчал Род, — здесь все ведьмы и чародеи умеют читать мысли.

Удивленная герцогиня подняла взгляд. А затем губы с досадой сжались. — Да, действительно. И я это знала. Мне надо было бы предусмотреть, но я этого не сделала.

— Не имеет значения, — быстро сказала Гвен.

— Верно. Чем я могла помочь? — герцогиня беспомощно развела руками. — Я могла лишь смотреть. Однако, хоть колдун и обладал магией, милорд герцог обладал хитростью.

— Да ну, в самом деле? Вы хотите сказать, что он сумел не попасть в засаду?

— Да, и выманить их на место, выбранное им самим. Понимаете, они ждали на дороге между лесистым склоном слева и усеянным валунами обрывом справа.

— Отличное место для засады, — кивнул Род. — И что же сделал с этим заслоном на дороге ваш муж?

— Он увидел его издали и увел свое войско с дороги прежде, чем начались эти возвышенности. Они вышли на открытую равнину и направились к замку Гратесье.

— О, прекрасно, — усмехнулся Род. — Сходить постучать в дверь, пока армия торчит где-то там, дожидаясь тебя. — Его мнение о герцоге поднялось на одно деление.

— Колдун не оценил его мудрости, — заверила Рода герцогиня. — Он быстро бросил своих ратников на равнину и снова преградил путь моему мужу, а из лесов и скал вырвалось еще больше ратников, чем оседлало дорогу.

— Конечно. Ваш муж узнал место засады, увидев его. Приятно оказаться догадливым, не так ли?

Герцогиня обменялась с Гвен понятным всем женам взглядом.

— Как я понимаю, они сумели отрезать его? — поспешил продолжить Род.

— Да, сумели. Но все же войска моего мужа уже были построены в боевые порядки. В то время, как войска колдуна сильно растянулись из-за преследования. Затем они столкнулись со страшным лязгом оружия и воем людей, которые я ясно расслышала даже на большом расстоянии. И сперва вилы моего мужа потеснили рать колдуна. С башни я видела немного, но шум сражения отдалился и я поняла, что колдун отступил, а мой муж наседал на него.

— Отлично! Но как я понимаю это продолжалось недолго?

— Да, — она развела руками. — Я не могу сказать, как изменился ход битвы. Знаю лишь, что шум боя вновь стал нарастать, и усиливался очень быстро. Поэтому я поняла, что войска моего мужа обратились в бегство. Я увидела своими глазами полный разгром. Не стала задерживаться и смотреть, что будет дальше, а сбегала вниз забрать своих мальчиков и посадить в карету. Я велела им не открывать занавесок и лечь на пол, а затем поверну-

лась к старине Питеру, груму, и крикнула: “Кучер ушел сражаться вместе с милордом! Залезай, на козлы старина Питер, и помоги нам спастись!” — Но он не шевельнулся, а сердито посмотрел на меня и плюнул мне под ноги. — Только не я, — прорычал он, — я больше никогда не буду служить какому-то лордишке!

Род ничего не сказал, но во взгляде его сверкнул огонь.

Гвен увидела его взгляд и кивнула. — Именно таким образом чары колдуна дотянулись до него и помutilи его разум.

— Что же вы сделали? — спросил Род у герцогини.

— Сбежала, — просто ответила герцогиня. — Я не стала искать нового кучера, опасаясь, как бы недовольство старины Питера не превратилось в злобу. Сама вскочила на козлы и схватила кнут. Я попыталась щелкнуть им над головами лошадей, но он лишь свистнул мимо, однако, хватило и того. Они рысью проехали через ворота и подъемный мост. Я опасалась, что упряжка будет неуправляемой и понесет. К счастью, лошади послушно шли рысью. Я поняла, что уехали мы вовремя. Еще колеса кареты гремели по подъемному мосту, позади меня грохотом упала опускаемая решетка, а мост начал дрожать. Как только мы миновали его, оглянувшись я увидела, что мост начал подниматься.

— Все же вы вырвались на волю! — выдохнула Гвен.

— Нет, пока не вырвалась, — покачала головой герцогиня. — Мчась прочь от замка, я увидела бегущих ко мне солдат моего мужа, которых преследовали ратники колдуна. Поняла, что мне надо будет проехать рядом с бегущими прежде, чем смогу вырваться на южную дорогу. Я молилась, чтобы наши верные ратники, увидев меня, развернулись дать бой и обеспечить нам резерв времени для спасения. Но надежды мои были напрасны. Когда они приблизились ко мне, в глазах у них вспыхнул огонь ненависти. Дюжина ратников бросилась, чтобы схватить лошадей под узцы, воя так, словно они жаждали моей крови и голов моих детей. Они! Которые несколько минут назад сражались за нас! — она, рыдая, уткнулась лицом в ладони.

Гвен обняла ее одной рукой и попыталась утешить. — Они же не знали. Я разбила такие чары уже у двух отрядов ратников и поэтому могу вам сообщить, как обстоит дело: им усыпляют разум и вселяют чужие мысли. Сами ратники, давшие вам присягу и

служившие верой и правдой, хранят верность данной присяге! Если их пробудить и дать узнать, что делали их тела, пока спали души, они будут поражены в самое сердце, как вон те. — Она кивнула на собравшихся под деревом солдат.

— Поражены в самое сердце, так же, как и я! — прорыдала герцогиня. — Что я скажу им, когда они очнуться от чар? “Тот шрам на щеке оставлен мною, но я не хотела его наносить?” Понимаете, когда они бросились к узде лошадей, я стегала их кнутом и оставляла следы, где только могла: на руках, на плечах, на груди и даже на лицах! И они отступали только после этого... — Голос ее снова растворился в плаче.

У вас не было выбора. — Голос Рода стал низким.

— Воистину, ни малейшего выбора! — горячо подхватила Гвен. — Не давать же им остановить лошадей, распахнуть дверцы кареты и выволочь ваших детей, чтобы отвести к Альфару?

Герцогиня содрогнулась. — Именно так, как вы говорите. — Она перевела дух и кивнула. — Все так. Я не могла дать им поддаться.

— Но, Альфар восторжествовал?

— О, да, в это я уверена, и муж мой спит вечным сном! Или, если бог милостив ко мне, лежит в темнице израненный, окровавленный, но живой! Ах, как я снова посмотрю ему в глаза если он когда-нибудь выйдет на волю, если мы еще встретимся вновь? Об этом я постоянно молю бога! И все же, что я скажу ему? Я ведь не осталась удерживать замок, дожидаясь его возвращения!

— Он, вероятно, оказался в плену. — Род заботливо не упомянул о другом исходе. — Если я знаю герцога Романова, он, вероятно, даже не собирался в обратный путь.

— Вся страна знает, что ваш муж скорей умрет, чем обратится в бегство, миледи, — кивнула Гвен. — Вероятно его стащили с коня во время сражения и унесли в тюрьму.

— Да, — она глубоко вдохнула и расправила плечи, — да, скорей всего так. Он даже не узнал, что его рать бежала. И его пытались любой ценой взять в плен, не так ли? Ибо плененный герцог могучее оружие! И все же я бежала.

— Он бы велел вам поступить именно так!

— Да, — кивнул Род, — он бы так приказал. Если б он предположил, что останетесь сражаться с подобным врагом, то был бы страшно напуган и стал

бы этого менее эффективным бойцом. Страх за вас сковал бы ему, держащую меч руку. — Он покачал головой. — Нет, лишь уверенность в том, что вы сделаете все возможное для спасения детей и дало ему достаточно сил для ведения боя.

Герцогиня сидела, не двигаясь, опустив голову.

— Все так, как говорит милорд, — утешающе прошептала Гвен, — и вы знаете, что это чистая правда. Вы сама дочь знатных людей.

Герцогиня медленно кивнула. — Да, правда. Я всего лишь выполнила свой долг.

— Ваш муж похвалил бы вас за это, — заверил ее Род. — Скорбите о его потере, но не жалеете о собственном поведении. Вы знаете, что поступили так, как следовало.

Герцогиня выпрямилась, подняв голову.

— Мне необходимо было услышать слова одобрения. Спасибо вам, леди Гэллоуглас и вам, лорд Чародей. — Глядя на Гвен, она неожиданно улыбнулась.

Род испустил вздох облегчения. — Как я понимаю, вы ехали без отдыха.

— Да, бедные лошади! Хотя я и пускала их иногда шагом, когда было возможно, но все же бедные животные, чуть не падают от усталости.

— Ничего, дотянули. — Род оглянулся на пасущихся лошадей. Двое из них уже дремали. — Не удивительно, они же бежали целые сутки.

Герцогиня кивнула. Чуть меньше. Мы пустились в бегство под вечер.

Род поднял голову, радуясь передышке.

— Папа! Папа! Папа!

Род поднял голову, радуясь передышке.

Через лут стремглав бежали двое детей герцогини. Потомство же Рода больше напоминало своим поведением летящие копыта.

— Папа! — Джефри вонзился в него. Род пошатнулся и отступил на шаг, перевел дух и осведомился. — Что случилось?

— Папа Илларена! — выкрикнул Джефри. — Мы видели его!

Гвен дернулась, будто от удара током.

— Вы что? — Род схватил сына под мышки и отстранил на расстояние вытянутой руки. — Будь осторожнее с тем, о чем говоришь, сынок. Помни, можно тяжело ранить чувства людей, если ты ошибешься... Итак, ты ведь не хочешь сказать, будто вы только что видели герцога Романова здесь, не так ли?

— О, нет, папа! — негодуяще воскликнул Джеффри, а Магнус так и взорвался. — То было прошлой ночью, папа, когда мы преследовали чародея!

— Скверного, швырявшего камни, — вставил Грегори. — Помнишь, папа, когда он увлек вас в темницу?

— Да, помню. — Внезапно перед мысленным взором Рода живо предстал прикованный к стене заключенный. — Вы хотите сказать что... тот человек в цепях...?

— Да! Разве тебе не кажется, папа, что он... — он, наморщив, нос повернулся к Илларену. — Как ты обрисовал своего отца?

— Здоровенный такой медведь, — повторил свое описание Илларен.

— Да! — Джеффри опять круто повернулся к Роду. — С такими темно-каштановыми почти черными волосами. И богато одет, в позолоченных доспехах!

Род быстро закивал. — Да... да! Что касается доспехов точно, во всяком случае того, что осталось от них.

— Но это же отец! — воскликнул младший мальчик.

— Вы уверены? — герцогиня, пошатываясь, поднялась на ноги.

Джеффри смотрел на нее огромными глазами. — Абсолютно точно.

— Они правы, — Род обернулся к ней с серьезным лицом. — Я не узнал его тогда, а следовало бы. Это был ваш муж, миледи герцогиня. Я в этом уверен.

Тут у нее закатились глаза, и она рухнула на траву.

Гвен подхватила ее опытной рукой. — Не бойтесь, — успокоила она двух мальчиков, — у вашей матери всего лишь обморок, от радости, а не от горя.

— Но ведь папа Илларена тяжело ранен, папа! — напомнил Роду Магнус.

— Да. — Род пригвоздил своего первенца к месту немигающим взглядом. — Он ранен и заточен. Помните об этом.

Магнус, молча глядел на него, с непроницаемым лицом.

— Герцог, — тон Рода стал холодным и бесстрастным, — со своими рыцарями и ратниками был тяжело ранен, взят в плен и заточен в тюрьму. — Он повернул голову, оглядывая детей. — Что могут сделать четверо детей против силы, способной на такое? И что будет с ними?

— Но мы же ведьмы! — воскликнула Корделия.

— Чародеи! — выпятил подбородок Джеффри.

— Так же, — указал Род, — как и они.

— Они уже выступали против нас, — выкрикнул Джеффри, — и мы одержали победу!

— Да, когда нас было шестеро, а их — один. А что случится, если мы столкнемся, когда они будут вместе? — Он пристально посмотрел в глаза Джеффри. — Как столкнулся герцог.

— Мы не повернем назад! — топнула ножкой Корделия.

Род одеревенел. — Вы... сделаете... так..., как... я... вам... велю!

Лицо у Магнуса потемнело, а рот открылся, но сзади выскользнула рука Гвен и прикрыла его ладонью. — Дети, — голос у нее был спокойным, но при звуке его все четверо замерли. Гвен посмотрела Роду прямо в глаза. — Я дала вашему отцу обещание.

— Какое обещание? — воскликнула Корделия.

— Что если он будет настаивать, мы отправимся домой. — Она подняла руку, останавливая вспыхнувший гвалт. — А теперь он настаивает.

Род медленно кивнул и с теплотой взглянул на жену.

— Но, мама...

— Ш-ш, — не забывайте об ужасах, о которых рассказала нам герцогиня. Нет, дети, на севере таится ужасная опасность. Детям там не место.

Корделия резко повернулась к ней. — Но ты, мама...

— Должна отправиться с вами и позаботиться о вашем возвращении домой, — в тоне Гвен зазвенело железо, — или вы и впрямь думайте, что мне достаточно только сказать вам “ступайте”, и вы вернетесь прямо в Раннимид? И вы не попытаетесь последовать за отцом и мною незаметно?

Корделия стиснула кулачки и топнула ножкой, глядя на мать взором в котором зарождалось сопротивление, но не ответила.

Гвен медленно кивнула. — Именно так я и думала. — Она подняла взгляд на Рода. — Но в то же время, я не верю, что герцогиня и ее сыновья уже в безопасности.

— Совершенно верно, — кивнул Род.

Гвен повернулась к детям. — Мы должны охранять их.

— Но солдаты...

— Недавно преследовали их, — напомнила Гвен, — кто возьмется утверждать будто сила колдуна не

дотянется с севера и не опутает их вновь. Не выступит против герцогини и ее мальчиков?

Илларен обменялся испуганным взглядом с братом.

— Но, мама... — воскликнул Джефри.

— Ты сделаешь, как тебе велено, — приказала Гвен, — и сделаешь это сейчас же. Ты, кого всегда привлекала роль полководца, станешь вправду отрицать, что будет мудрым шагом — охранять эту семью и проводить их к королю Туану, чтобы они рассказали обо всем, чему стали свидетелями?

Джефри строго посмотрел в ответ, а затем неохотно признал. — Нет. Тут ты права, мама.

— Разве она не всегда права, — пробормотал Род, но его кажется никто не услышал.

Гвен повернулась к нему. — Мы отправимся, муж, как ты и желаешь.

— Но ведь папа не будет в безопасности, — Корделия стремительно повернулась к нему и обхватила обеими руками за талию.

Род прижал ее к себе, но покачал головой. — Я и прежде сталкивался с опасностью без вас, дети. Было время, когда меня не защищала и ваша мать.

Магнус покачал головой, встревоженно расширив глаза.

— С подобной опасностью — никогда, папа. Подлый, злой колдун во главе целой армии ведьм!

— Я и прежде лез в самую гущу событий и с одним лишь кинжалом против всех их мечей и кое-чего похуже.

— И все же тут ведьмы!

— Да, и у меня есть для борьбы с ними нечто лучшее, чем обыкновенный кинжал. Мне думается я могу потягаться с их колдуном, ответить чарами на чары, силой на силу. И выкинуть несколько фокусов, которые ему даже не снились. — Он привлек к себе и Магнуса. — Нет, на сей раз не беспокойся обо мне. Когда-нибудь я, может быть, встречу врага, который окажется чуть сильнее меня, но Альфар не таков. При всей его мощи и гнусности он беспокоит меня не так уж сильно.

— И правильно.

Род оглянулся и увидел своего младшего сына сидящего, скрестив ноги в стороне. — Я думаю, ты прав, папа. По-моему, он действует больше страхом, чем силой.

— Если так, — сказал Джефри, — то ты должен устоять против него и, даже одолеть его.

— Ну, хорошо. — Род степенно склонил голову.

— Спасибо, сынки. Услышав от вас такие слова, я

чувствую себя намного лучше. Он с удовольствием ощутил поддержку со стороны детей.

Очевидно Корделия и Магнус тоже так думали. Они отцепились от Рода и старший кивнул, — Если Грегори не предвидит твоей гибели, папа, то она еще далеко.

— Да, — кивнул Род, — не Альфар моя Немезида. — Он повернулся к Грегори. — А что?

Какую-то минуту ребенок глядел в пространство расфокусированными глазами. А затем снова посмотрел на отца и ответил с полной уверенностью. — Сны.

ГЛАВА 8

Герцогиня ударила лошадей вожжами и карета со скрипом пришла в движение. Бег лошадей ускорился, перейдя в рысь. Сидевшая рядом с герцогиней Гвен обернулась и помахала рукой. С крыши кареты поднялись четыре ручонки и неистово замахали.

Род махал им в ответ, пока они не скрылись из вида, ощущая растущую в нем пустоту. Повернувшись на север, он увидел как удаляются солдаты, неся на прикрученных к лошадям носилках своего раненого рыцаря. Они решили вернуться в армию колдуна, прикидываясь преданными солдатами. Гвен объяснила им, как скрывать свои истинные мысли под симуляцией гипноза, думая обычные думы, свойственные всей армии Альфара. И ясно дала понять, какая им грозит опасность. Альфар не станет добродушно взирать на предателей. Они все до одного, поняли ее, но ими овладело чувство вины, и они приветствовали опасность, как возможность искупления. Род смотрел им вслед с надеждой, что не встретит вновь никого из них, пока весь этот мятеж не будет подавлен.

Он почему-то был уверен, что это случится неизбежно. Глупо верить утверждениям трехлетнего мальчугана, но его маленький Грегори был мальчуганом сверхъестественным и очень восприимчивым. Было бы опрометчиво полностью довериться его предсказаниям, но они все-таки подбадривали Рода. В конце концов, Грегори ведь был не какой-то средний дошкольник.

И если он обладал лексиконом девятилетнего, это еще не означало, что он понимал всю сложность ситуации. Род относился к его мнению также, как к гаданию по руке — эмоционально воспринимал, но не очень доверял. Он повернулся к Вексу, вдел ногу в стремя и поднялся в седло. — Поехали, Железный Жеребец! На север!

Бекс тронулся следом за удаляющимся эскадроном. — Куда мы направляемся, Род?

— К Альфару, конечно. Но что касается ближайшего будущего, то найди какую-нибудь большую ферму, хорошо?

— Ферму? Чего ты там ищешь, Род?

— Последний штрих в нашей маскировке. — Но Роду не хотелось продолжать разговор. Его душа ощущала опустошенность ужасное одиночество. Впервые за двенадцать лет. О, в течении этого срока он бывал предоставлен самому себе, но не очень надолго, на день-другой, и, как правило, был слишком занят, чтобы думать об этом. Но теперь у него нашлось время, и он был потрясен, поняв, как много для него значило присутствие семьи. Он чувствовал себя обструганным, было впечатление, чувствовал, словно его отсекли от ствола и корней, словно отрубленную ветку. В груди у него, казалось, появился какой-то ком и давящий страх перед окружающим миром. Впервые за двенадцать лет он столкнулся с этим миром один на один, без массивной поддержки Гвен или веселья детей, не говоря уж об очень существенной помощи в виде их способностей.

Такая перспектива обескураживала.

Он попытался стряхнуть это настроение, расправив назад плечи и задрав подбородок. — Это просто смешно, Векс. Я — одинокий волк! Я — нож во тьме, злобный тайный агент сокрушающий империю!

— Как скажешь, Род.

— И скажу, черт подери! Я это я, Род Гэллоутлас, а не только отец и муж!... Нет, черт побери, я — Родни д'Арман! "Гэллоутлас" — это всего лишь псевдоним, взятый мной, когда я сюда прибыл, чтобы помочь мне походить на местного! А Родни д'Арман сумел худо-бедно прожить без Гвен и детей двадцать девять лет!

— Верно, — согласился Векс. — Конечно, двадцать девять из них ты прожил в доме отца.

— Ладно, допустим я был предоставлен самому себе только десять лет! Но ведь это почти такой же срок, какой я женат, не так ли?

— Конечно.

— Да, — усмехнулся Род. — Эти маленькие создания входят в привычку, не правда ли?

— Вот тут ты, наверное, коснулся самой сути, — согласился робот. — Большинство людей, Род, живут своей жизнью по привычным шаблонам.

— Да, лишь по привычке. — Род снова расправил плечи. — А привычки всегда можно изменить.

— Ты действительно этого хочешь, Род?

— Когда вернусь домой, то снова сменю их на прежние! Но на данное время я не могу иметь их при себе, и потому мне лучше снова привыкнуть к одиночеству. Я могу справиться и без них, и справлюсь.

— Конечно, справишься, Род.

Род уловил в голосе Векса знакомые интонации и прожег взглядом затылок металлического черепа. — Что за “но” мне слышится тут?

— Всего лишь то, что тебя это не обрадует.

— Нет, Род! Это нестерпимо! Сколько мне везти эту колымагу?

— А, заткнись и дай задний ход.

Робот издал мученический всплеск белого шума и попятился. Род поднял оглобли телеги и прикрепил их к сбруе, которую он натянул на Векса вместо седла.

— Это жестокое унижение породистого рысака, Род.

— Да будет тебе! — Род влез на сиденье шириной в одну доску и взял вожжи. — Ты бывало пилотировал космический корабль, Векс. Идея тут в основном та же, что и тянуть свой воз.

— Нет, это аналогично управлению возом. А в остальном твое утверждение так же точно, как заявление, что схема воплощает ту же идею, что и кусок резного пластика.

— Тонкости, — легкомысленно отмахнулся Род и шлепнул Векса вожжами по спине.

Робот, вздыхая, потащился вперед. — Моя фабрика выпустила меня не для работы ломовой лошастью.

— Да брось, ты! Когда мои предки повстречались с тобой, ты пилотировал буксир старателя в поясе астероидов вокруг солнца! Я ведь слышал семейные предания!

— Знаю, я сам передавал тебе их, — вздохнул Векс. — Это всего лишь поэтическая версия. На север, Род?

— На север, — подтвердил Род, — на королевский большак. Хайя! — Он снова шлепнул вожжами по синтетической лошадиной шкуре. Они свернули с проселка на большак на двухколесной телеге.

Когда они ехали рысью на север Векс заметил, — Относительно твоей дискуссии с женой, Род...

— Великолепная женщина, — восхищенно покачал головой Род, — она всегда понимает реалии положения.

— А как мы определяем в данном контексте реалии “”, Род?

— Мы их не определяем, они определяют нас. Но ты хочешь сказать, что она позволяет мне поступать по-моему, не так ли?

— Не столь уж часто, — задумчиво проговорил Векс. — Во всяком случае в отношении чего-то действительно важного.

— В том смысле, что обычно она уговаривает меня поступать, как ей хочется. — Род, нахмурясь, сел прямее. — Минутку! Не хочешь ли ты сказать, что она и на этот раз сделала то же самое, так ведь?

— Нет. Мне лишь подумалось, что ты добился ее сотрудничества с замечательной легкостью.

— Когда ты начинаешь употреблять столько многосложных слов, я знаю, что ты пытаешься сказать мне что-то неприятное. Ты имеешь в виду, что все получилось слишком легко?

— Да, мне пришло в голову что-то в этом роде.

— Ну, не беспокойся из-за этого. — Род оперся локтями о колени. — Спор вышел недолгий, но отнюдь не легкий. Во всяком случае, если учесть все предварительные стычки.

— Наверное... Но все-таки, на нее это не похоже...

— Да... Если она думает, что вот-вот выйду из себя, то все равно твердо стоит на своем, если не видит веской причины изменить свое мнение. И по-моему данное мне обещание весьма веская причина. Но, если дойти до самой сути, Векс, то убедил ее, по-моему, не я.

— Ты имеешь в виду герцогиню?

Род кивнул. — Что-то сказанное, как мать матери, всегда обладает большей убедительностью для жены и матери.

— Полно, Род! Ты ведь, безусловно, не считаешь себя не способным убедить жену в правильности твоей точки зрения?

— В смысле, что она и слушать меня не станет. — Род кивнул. — Не станет. Если, конечно, я не буду действительно прав.

Было нетрудно определить границу, когда они к ней приблизились, так как там стоял патруль для напоминания об этом.

— Стой! — резко бросил сержант, а двое рядовых с треском опустили алибарды, преграждая путь.

Род натянул поводья, стараясь изо всех сил думать, как заморенный старый фермер — возмущенный и негодующий. — Да, да, успокойтесь! Остановился я, остановился!

— Твое счастье, — пробурчал сержант и кивнул двум рядовым. — Обыскать. — Те кивнули и обошли телегу сзади, где начали шарить в капусте и мешках с отрубями.

— Эй! Эй! Что вы делаете! — закричал потрясенный Род. — Оставьте в покое мою капусту!

— Так приказано, старик. — Сержант, подбоченясь, встал рядом с ним. — Наш господин, герцог Альфар, требует обыскивать всякого, кто стремится войти в пределы Романова.

Потрясенный Род уставился на него во все глаза, и чувство это было не поддельным. Так значит Альфар сам себя повысил в должности! — Герцог Альфар? Что еще за чушь? Здесь же правит герцог Иван!

— Измена! — прошипел один рядовой, и его алебарда так и вскинулась. Бойцовские инстинкты Рода побуждали броситься на этого юнца и схватить за горло, но он строго подавил их и сделал то, что сделал бы крестьянин: чуть съежился, но мужественно не отступил. Он заглянул парню в глаза и увидел там прямой, но отвлеченный взгляд, словно этот паренек был не совсем в себе, но о деле он радел очень даже рьяно.

Загипнотизирован до фанатизма.

Сержант усмехался, а в глубине глаз у него просматривался такой же опустошенный взгляд. — Где ты был, старик? Зарылся в полях, уткнувшись башкой в землю? Иван разбит и посажен в тюрьму, а герцог Романова теперь Альфар!

— Нет не может быть! — Но Род настороженно поглядел на мундир солдат.

Сержант увидел его взгляд и гортанно хохотнул. — Да, то ливрея Альфара. — Он хмуро посмотрел мимо Рода. — Вы еще не закончили? Это же телега, а не фургон!!

Род оглянулся посмотреть и в ужасе уставился на открывшуюся сцену.

— Да, закончили. — Солдаты выпрямились. — Здесь ничего нет, прапор.

— А вот и нет, — возмутился Род, — у меня еще осталось несколько клубней репы. Ужель ваши подсумки недостаточно велики, чтобы вместить всю?

— Не вякай, — проворчал сержант. — Велика ль важность, если ты потерял несколько кочанов капусты? У тебя еще много есть для продажи на рынке в Корастешеве.

— Зачем ты едешь на север? — потребовал ответа один из ратников, проворно обращавшийся с алебардой.

Род повернулся к нему, внезапно осознав опасность. Он посмотрел на солдата, и глаза его застекленели, когда видимый им мир стал немного меньше чем реальный, и мозг его открылся для восприятия сигналов. Что происходило на самом деле за маской лица солдата?

Он ощутил давление, словно кто-то нажимал ему пальцем на мозг. Род мысленно застыл, становясь абсолютно пассивным. Он почувствовал различие в окружающих его разумах, это походило на запах, словно каждый мозг испускал свой собственный аромат.

Но четверо из них одновременно думали одну и ту же думу: останавливать убегающих, чтобы сделать Альфара сильнее и могущественнее. Однако, кто-то въезжающий в герцогство сильно раздражал. Он не был угрозой, всего лишь еще одним потенциальным кадром, лишь еще одним мозгом, что поможет умножить славу Альфара.

Но пятый мозг был живым, бдительным и переполненным подозрением. На выходе у него возникла пробка из дюжины вопросов, которые требовалось задать. Под ними лежало подозрение, что незнакомец мог быть шпионом или того хуже убийцей. А в глубине его разума крутился водоворот неоглашенных мыслей, порождаемых смесью чувств: честолюбия, подозрительности, стыда, гнева, ненависти. Род старательно подавил содрогание и приложил все усилия к тому, чтобы думать, как фермер — крестьянин. Он был грубым, неграмотным селянином, трудившимся двенадцать часов в день на полях своего лорда и четыре часа в день на своем собственном — для выращивания урожая на продажу, который целиком умещался в одну тележку. Конечно, он старался изо всех сил извлечь за весь этот труд, как можно, больше денег — дополнительную сумму, которая уменьшит разницу между нищетой и достатком для него самого и его семьи при житье во время зимы. Чего там затеяли эти надменные ублюдки, пытаясь не пустить его на богатый рынок герцога Романова в Корасташеве! И с чего им вздумалось вести себя так высокомерно? Всего лишь от того, что напялили на себя кожаные доспехи и держат алебарды! Особенно, когда всякому видно, что под зелено-коричневыми мундирами они были обыкновенными грязными крестья-

янами, вроде него самого, а, быть может, и того ниже. Вероятно, всего лишь крепостными и сыновьями крепостных.

Солдат нетерпеливо пошевелился. — Говори, мужик! Зачем ты ехал...

— Да как .зачем, продать мои отруби, капусту и репу. — ответил Род. — Думаешь я трясся весь день на лошади для удовольствия?

Караульный проигнорировал этот вопрос. — Ты подданный графа Тюдора, — проворчал он, — почему не продаешь в Карнарвоне? Зачем ехать этот путь на север до самого Корасташева?

— Вовсе не "этот путь", — фыркнул Род. — Я живу всего в трех лигах, вон там. Он кивнул на дорогу позади него. — Корасташев для меня ближе. — Он сердито посмотрел на солдата, но дал заранее своему мозгу задержаться на мысли о ценах, которые он мог заломить в Корасташеве. Все знали, что бароны герцога Романова дрались между собой, и тем больший герцог дурак, раз позволяет им! А всякому крестьянину известно, когда армии воюют урожай вытаптывают. Нет, народ в Корасташеве, наверняка, заплатит за капусту намного больше, чем в мирном Карнарвоне графа Тюдора!

Лицо солдата расслабилось. Так значит сей жалкий старый чудака — жадюга! Отлично, мы знаем, как обращаться с жадными...

Род еле-еле сдержался от негодования. Старый?! Чудака — это ладно, но старый? Он перенаправил этот импульс на усиленное подозрением кипение про себя: кто такой этот еще не брившийся щенок, чтобы задавать ему вопросы? Да у него ж еще молоко на губах не обсохло!

Он с удовлетворением увидел, что юнец немного покраснел, но подозрения этого парня еще не совсем иссякли. Он окинул опытным глазом Векса. — Откуда у бедного грязного фермера такой отличный конь?

Страх! Беспокойство! Единственное, в чем его, действительно, могли обвинить. Род попался. И сразу же вслед за этой эмоцией нахлынуло чувство стыда. Он взглянул на Векса. — Да, десять лет назад моя жена была просто красавицей! Неудивительно, что сэр Эдвинг обратил на нее внимание...

Он снова повернулся к юнцу. — Мне дал его сэр Эдвинг, сказав, что он уже слишком стар, чтобы носить на себе рыцаря в латах.

Подозрение в голове молодого солдата все еще оставалось, оно просто изменило направление. Юнец

пытался найти в этой истории какой-то изъян. — С чего бы рыцарь отдал бедному крестьянину, даже выбраванного скакуна?

Снова стыд. Род дал ему вырасти, стать жгучим. — Да, за... услуги... оказанные ему нами, мной и моими. В основном, "моими". — Возник короткий мрачный образ рослого, светловолосого мужчины в постели с пышнотелой молодой женщиной, с каштановыми волосами. Правда иных черт ее было не разглядеть, и видение исчезло. Но, стыд остался, а под ним нарастала ярость. — За услуги. — Лицо Рода сделалось деревянным. — Правда это не твое дело.

— "Дело", да? — Юнец дал насмешливой улыбке расползтись по лицу. — Да, ручаюсь, твое "дело" теперь продажа капусты. — Он повернулся к сержанту. — Зачем мы задерживаемся, теряя время на этого мужика, прапор?

— Да затем, чтоб он не пустил своего коня вскачь, — пробурчал сержант. — Катись отсюда, малый! Убирай свою телегу с нашего поста! Чеши отсюда на рынок!

— Да, и спасибо вашей милости, — кисло отозвался Род. Он повернулся и шлепнул вожжами по спине Векса, но очень мягко, во избежание металлического звона. Векс снова тронулся, потащившись прочь.

Род продолжал думать по заданному плану. Искушение окунуться в предположения было таким огромным, таким сильным! Но он еще находился в радиусе приема юного телепата, и останется в нем поменьшей мере еще несколько миль, даже если способности у этого парнишки слабые. А если сильные... Нет, Род поддерживал постоянный мысленный поток смущения и кипящего гнева. Тот юный ублюдок задавал ему такие личные вопросы! Какой же у него должно быть грязный ум! И откуда у такого низкородного сына взялось право расспрашивать его, старину Оуэна о том, куда и откуда он едет?

А под этим поверхностным потоком дум бушевала, во вспышках, читая мысль, не закодированная в словах. Интересно, что рядовой задавал вопросы, а сержант, казалось, даже не замечал, что узурпировали его власть. Очевидно, что караульные колдуна прикидывались подчиненными и проявляли некоторое умение в области маскировки. Род ничуть не сомневался, что тот молодой чародей был одним из тех, кто добровольно работал на Альфара, и вполне охотно. Юнец явно обладал комплексом неполноценности и преследуемого ведьмёныша, выросшего во взрослого

мужчину с большим честолюбием. И Род внутренне содрогнулся, будь он на месте Альфара, то никогда не смог бы спать спокойно, зная, что его подчиненные с великой радостью изрежут его на кусочки и займут его место.

С другой стороны, тот факт, что они его не зарезали, указывал что Альфар либо был мощным старым эспером, либо его окружали искренне преданные ему подручные. Или то и другое.

Но вероятность, что телепаты вели постоянное наблюдение за всем герцогством была слишком велика. Род не мог позволить себе идти на риск. Его сосредоточенность могла поколебаться именно в то миг, когда одному из караульных доведется прослушивать район, где он находится. Ему следовало принять более основательные ментальные меры предосторожности.

В соответствие с этим, он заставил напряжение от столкновения на границе постепенно сойти, и начал расслабляться, конечно же, как старый Оуэн. Подумаешь эка важность, что там сказал малец с пушком на щеках? Я в Романове и смогу продать свой урожай по более высокой цене! Но долгий же, однако, выдался денек! Он, Оуэн, встал до зари, как вставал всегда, конечно, но путешествие утомляло больше, чем молотба. Веки его опускались сами собой. Как приятно было бы немного вздремнуть, всего лишь самую малость! Может на полчаса или около того. Фактически, он начинал клевать носом. Небезопасно править возом, когда так клонит в сон. Нет, ему, наверняка, лучше вздремнуть.

Поэтому он свернул телегу на обочину дороги, натянул вожжи, останавливая коня, привязал их к верхней перекладине телеги, перелез через сиденье в телегу и нашел себе гнездышко среди своих корзин. Доски оказались не намного жестче, чем тюфяк у него дома, по крайней мере, он мог улечься на спине.

Он дал своей голове откинуться, закрывая глаза, позволяя сонливости одолеть его, давая своим мыслям затуманиться и перестать течь.

— Род.

Род резко сел, моргая, вытягивая рассудок из паутины сна. — А? Что? Что случилось?

— Ты собрался вздремнуть, Род?

— Кто, я? Смешно! — фыркнул Род. — Просто устраиваю очень хороший уличный спектакль. Ну... ладно, возможно я немного увлекся...

— Как пожелаешь, Род. — Векс мирно пощипывал придорожную траву. Род сделал мысленно заметку на память, не забыть опустошить мусорную корзину робота. На данное время созданный Вексом спектакль был столь же необходим, как и разыгрываемый Родом.

Конечно, ему требовалось удерживать его в рамках игры. Он привалился спиной к мешку с отрубями и дал сонливости снова овладеть им, допуская на поверхность мыслей мелькание образов воображаемого дня Оуэна.

А под этой поверхностью он пытался вспомнить, что произошло у него в голове, когда он впервые прибыл на Грамарий, что он тогда почувствовал.

Он вспомнил шок, возникший, когда он обнаружил, что кто — — то читал его мысли. Он с восхищением глядел на одну из молоденьких ведьм, строя предположения о ее формах, когда та ахнула и обратила в его сторону пылающий взгляд. Он вспомнил, как он тогда смутился, и испугался сообразив, что кто-то мог прочесть его мысли. И хуже того, что это могла сделать любая из грамарийских “ведьм”, а их было по меньшей мере несколько дюжин!

Но к тому времени, когда он встретился с Гвен, та была не в состоянии прочесть его мысли. Девять лет это было единственным изъяном в благословенном браке. Бывали, конечно, и небольшие ссоры, но было постоянное тайное напряжение, которое всегда возникает, когда двое людей пытаются жить вместе одной жизнью, но любовных утешений, которых она имела все основания ожидать, восторга от возможности слить свой разум с разумом мужа в их браке не было вовсе. Это подвергало их брак непрерывному, безмолвному давлению, при Гвен, скрывающей свои чувства обманутости — не Родом, а жизнью, и Роде, пытающемся менее успешно похоронить свои чувства неполноценности.

А потом, когда семью умыкнули в страну Тир-Хлис в альтернативной вселенной, Род повстречал своего аналога, альтернативного Верховного Чародея, лорда Керна, который очень сильно походил на лорда Гэллоугласа, настолько близко, чтобы мог быть дублем Рода. Но внутри личности наблюдались крупные различия, такие, как горячий нрав Керна. Но огромные магические силы позволяли слить его разум с разумом Рода и одолжить ему силы Керна. Это пробудило дремавшие силы эспера у самого Рода, однако заразило его вспыльчивым нравом. К счастью, это разбудило в нем способность к чтению мыслей. Гвен

оказалась в состоянии прочесть его мысли, он больше не был телепатически невидимым.

Потому, если он был открыт для чтения мыслей, когда прибыл на Грамарий, но телепатически невидим, когда повстречал Гвен, то, вероятно, его мозг закрылся от смущения, поняв что какая-то особа могла прочесть его мысли, когда он этого не хотел.

Конечно, когда девушка перестала сердиться, то выглядела довольно польщенной...

Он попытался вспомнить, как он чувствовал себя в тот момент и уловил состояние, выставленного на обозрение и уязвимого. Было невыносимо быть таким открытым. Род не мог позволить другим людям узнать о нем того, что они сумеют использовать ему во вред. Не мог дать им возможность знать, что он собирался сделать в скором будущем.

Он почувствовал, что уходит в себя, отгораживаясь и наглухо от остального мира. Он будет улыбаться, он будет по-прежнему взаимодействовать с ними, но они не смогут, узнать его внутреннее "я"...

Вышел он из этого созерцательного состояния с внутренним содроганием. При таком отношении к окружающим просто удивительно, что его брак протянул первые девять лет. Хотя зная Гвен, это можно понять. Он надеялся, что с той поры он возместил ей это. Неужели возместил, превращаясь в воющего демона каждый раз, когда несколько неприятностей случались одновременно?

"Будь справедлив", — сказал он нахмурясь себе. Если она предпочитала его эмоционально открытым, то должна принимать и все что из этого вытекало. Что он мог поделать, если под маской он был по существу не очень милым парнем?

А теперь он был несправедлив к самому себе. Разве не так? Наверняка, ведь должен существовать какой-то способ быть открытым, не становясь то и дело бешеным. Обязательно должен существовать, и он займется его поиском, как только будет устранен текущий кризис.

Он замер, подумав, вдруг что его техника могла и не сработать. Возможно, ему не удалось вновь обрести телепатическую невидимость, и он по-прежнему открыт нараспашку для прохожих телепатов.

Род сидел неподвижно, давая своему мозгу открыться, закрыв глаза, будто спит. Своим мыслям он тоже дал уснуть, замедлил их переход в сны, в то время, как его мозг открылся для восприятия всякой информации и впечатлений.

И не услышал ни одной мысли.

Он мог бы предположить, что на сотню миль вокруг него нет ни одного мыслящего существа, но отсутствовали не только человеческие мысли. Когда он сосредотачивался на чтении мыслей, то обычно слышал непрерывный фоновый шум звериных мозгов, простые ясные эмоции: голод, ярость, желание. Даже земляные черви излучали резкие, сильные уколчики, когда упорно прогрызали себе путь сквозь почву.

Но не сейчас. Либо черви запахались в песчаную почву, либо его мозг замкнулся от всех восприятий. Он ничего не слышал, ни фонового гула, ни зова жаворонка, ничего. У него возникло такое ощущение, словно ему ампутировали какую-то жизненно важную часть, что он сделался меньше, чем был. После трех лет пребывания в телепатах, это было опустошительное обнищание.

Но такое состояние было необходимо. Иначе его очень быстро обнаружат и после этого умертвят.

Поняв это, он почувствовал себя немного лучше. Нет, решил он, ментальная глухота определенно предпочтительней вечного сна. Кроме того, глухота эта временная.

Как он надеялся.

Он отогнал эту мысль и чуть приоткрыл веки, чтобы видеть сквозь ресницы. Он увидел, что дорога была чистой. Но кто-то мог приблизиться к нему сзади, поэтому он продолжил спектакль. Медленно сел, моргая и озираясь, словно не мог вспомнить, где находится. Затем поднял голову, якобы вспоминая, улыбнулся, зевнул и потянулся. Он нагнулся вперед, опираясь локтями о колени, обозрел окружающий пейзаж, дожидаясь пока проснется его тело. Наконец, Оуэн опустил руку отвязать вожжи, выпрямился и щелкнул языком, просигналив коню, слегка (совсем слегка) шлепнув его по спине. Конь поднял голову, оглянулся, увидев, что его хозяин проснулся и тогда и налег на хомут. Воз заскрипел, застонал и снова загредел по большаку.

Когда деревянные колеса покатали по вымостившим дорогу камням, Род старался побороть возникший страх, что по окончании борьбы с эсперами-регенератами, он не сумеет выйти из своей скорлупы, может навсегда остаться ментальным калекой и никогда больше не сможет быть со своей семьей. — Готово, Векс. Я закрыл свой мозг. Остальной мир для меня телепатически невидим. — А ты для него? — Робот удивился. — А не крутовато ли малость, Род?

— Да, но в стране враждебных телепатов это по-моему необходимо.

Робот помолчал несколько минут, а затем кивнул. — Мудрый курс, Род. Я тоже посоветовал выбрать его, если бы ты спросил меня.

Род уловил подразумевавшийся упрек. — Было нельзя спрашивать, пока вражеский телепат мог прочесть мои мысли. — Он помолчал несколько секунд, а затем добавил. — Это пугает, Векс.

— Так и должно быть, Род, после трех лет пребывания телепатом. Но я подумал, что Альфар окажется еще более опасным.

— Что он? — Род пожал плечами. — Вообще-то, нет. Я имею в виду, если дело дойдет до самого худшего, и я не вернусь, то Туан выступит в поход.

— Перспектива довольно ужасная. Чего же ты тогда боишься, Род?

— Застрять здесь, внутри самого себя. — Род содрогнулся. — И оказаться не в состоянии снова отомкнуть свою душу.

ГЛАВА 9

Солнце стояло низко. Очерчивая пыльную, придорожную листву пылающим оранжевым светом, оно заставляло весь мир казаться прекраснее, чем он был на самом деле. Глядя на эту красоту, Род начал расслабляться. Дорога стала какой-то волшебной, ведущей петляя в золоченной листве к непредсказуемому, чудесному, сказочному миру.

За поворотом тревожно закричал человек, ему вторил хор ревущих криков. Затрещали деревья по дереву посохи, послышалось лязганье по железу.

Род устоялся вперед, резко выйдя из мечтательного состояния. А затем рывкнул. — Гони! Векс припустил галопом. Позади него гремела и подскакивала телега, дыни и качаны вылетали на дорогу. Род свернул за поворот, оторвав одно колесо от земли, и увидел седого мужчину, крутившего во все стороны посохом, отбивая свирепые удары трех плотных, патлатых громил с пятидневной щетиной. Двое из них одеты в железные шапки, что было для них и к лучшему, поскольку палками они орудовали не очень хорошо. Прямо на глазах у Рода седой сумел треснуть одного из них посохом по черепу. Тот взвыл и отшатнулся, прижимая руку к голове. Затем убедившись, что он невредим громила взревел и снова ринулся в драку, нанося мощнейший удар, похожий на дуту ветряной мельницы, удар, способный превратить в мелкое крошево любой предмет на пути. Но посох мужчины постарше взметнулся под углом, отражая удар, и палка громилы скользнула вниз по гладкому дереву, прямо к костяшкам пальцев жертвы. Однако посох путника дернулся еще дальше, описывая полукруг, и палка громилы врезалась в землю. Тут же времени другой конец посоха седовласого вскинулся отразить короткий злобный удар громилы с другой стороны.

В Роде вспыхнул гнев, негодование при виде несправедливости. — Всякий умелец заслуживает

помощь! — резко бросил Род. — Мы не можем дать ему погибнуть потому, что его превосходят в численности! Никогда!

Копыта Векса замелькали со скоростью, недоступной настоящему коню. Род замахнулся кнутом, борясь с собственным гневом, и придержал удар до нужного момента.

Из кустов вдоль обочины вырвалась группа солдат, выехав из лесного проселка.

Род натянул вожжи, конь, правда, в этом не нуждался, но это помогло Роду подавить свой гнев, сдержат досаду на сорванный удар. — Погоди, Векс! Появилось общество. Возможно, нам лучше представить этого молодца естественному ходу событий.

Сержант увидел схватку, взмахнул рукой и указал на громил. Пришпорив коня, сам он поскакал галопом. Его войско проревело ответ, и их лошади понеслись в атаку.

Громили слишком увлеклись боем и не заметили солдат, пока они не оказались всего в тридцати футах от них. Тут один из них поднял взгляд и закричал. Двое других обернулись и в панике с испуганным воем нырнули в подлесок.

Сержант натянул поводья, как раз перед седым.

— Спасибо, прапор, — поклонился путник, опираясь на посох, — они бы ободрали меня до нитки и оставили на закуску волкам!

— Да, действительно! Мы не можем допустить таких дел, не правда ли? — усмехнулся сержант своей рати с чем та хором согласилась, и снова повернулся к путнику. — На все добро, каким владеют путники, притязаем мы. — Он свесился с седла, сунув раскрытую ладонь под нос путешественнику. — Выкладывай кошелек, дед!

Седой в шоке уставился на него, а затем вздохнул и отвязал от пояса кошель и вложил его в руку сержанта. — Возьмите его. Я обязан дать вам все, что могу, за ваши добрые услуги.

— В самом деле? — Сержант выпрямился, открывая с иронической улыбкой кошель. Но улыбка растаяла, перейдя в негодование, когда он заглянул в кожаный мешочек. Он прожег путника взглядом. — Эй ты! Что еще за шутки такие?

— Да никаких! — Удивился старик. — Те немногие монеты, какие у меня есть, все там!

— И впрямь немного. — Сержант перевернул кошель и высыпал со звоном на ладонь пять медных монет. Зарывав, бросил их в пыль. — Полно заливать!

Никто не пускается в путь, не взяв со собой, по крайней мере, несколько шилингов на пропитание.

Седой покачал головой. — Больше у меня нет, и моя дочь вскоре разрешится первенцем. Я должен быть там, она будет нуждаться во мне.

— Безусловно будет, — прорычал солдат, — как будешь нуждаться и ты. — Он кивнул своим людям. — Мы найдем шилинги, будь они, хоть у него животе.

Путник в ужасе попятился, когда солдаты посмеиваясь, двинулись к нему. Затем лицо его помрачнело, когда он понял, что его ждет, и поднял посох.

— Взять его! — рявкнул сержант.

— Ну вот и весь толк от естественного хода событий. — Гнев Рода взмыл, освобожденный от подавления. — Давай, Векс!

Большой черный конь рванулся вперед.

Один из солдат рубанул путника алебардой, но посох его жертвы треснул ей по древку, она ушла в сторону, грохнув о щит солдата рядом с ним. — Вот тебе! — рявкнул тот и взмахнул своим топором.

— Нет, нет, — с отвращением воскликнул сержант. — Неужели один...

Слова его заглушил яростный рев, и глаза его вылезли из орбит, когда кнут Рода обвился ему вокруг шеи. Род дернул его на себя, когда Векс шибанул в солдата. Сержант вылетел из седла. Солдат же завопил, когда его конь рванул в сторону. Векс врезался в другого коня, тянясь стальными зубами к его седоку. Род повернулся схватить спрятанную им среди мешков с зерном дубинку и с размаху опустил ее с яростью на стальную шапку третьего солдата. Удар прозвенел, как приходской колокол в святой праздник, и солдат рухнул наземь с полетевшим прочь шлемом. Векс мотнул головой, отпустив руку второго солдата, и тот завертелся в полете, пока не врезался в дерево. Род развернулся, когда четвертый солдат свалился наземь. Посох путника взлетел вверх и опустился с глухим стуком. Род скривился, ярость его кончилась столь же внезапно, как и началась, превращаясь в свинцовую досаду. Он огляделся кругом, оглядывая трех павших. Никому из них не причинили вреда. Во всяком случае, никакого неисправимого...

Затем он обернулся и увидел, что седой, тяжело дыша поднял голову с ярко проступившими белками глаз, снова вскидывал посох, обороняясь.

Род бросил вожжи и поднял руки до уровня плеч, открыв ладони. — Не меня, дед! Я просто пришел на помощь!

Посох завис, не двигаясь, пока напряжение боя медленно вытекало из мускулов путника. Наконец, он опустил его и улыбнулся. — Тогда благодарю тебя, хотя я не “дед”.

— Пока может и нет, но скоро будешь. — Род заставил себя улыбнуться. — Я невольно подслушал ваш разговор.

— Не думаю, что ты мог слушать его. Благодарю тебя за помощь. — Путник вогнал в землю конец посоха и протянул руку.

— Меня зовут Саймон, а деревня моя Веркрос.

— А я, ээээ... — Род нагнулся пожать руку Саймону, лихорадочно вспоминая какое имя он использовал, разыгрывая из себя “старого фермера”. — Зови меня Оуэн. Из Армана.

— Оуэн из Армана? — поднял брови Саймон. — Никогда не слышал о такой деревне.

— Она далеко отсюда, на юге. — Во всяком случае, галактическом юге.

— Спасибо тебе за добрые услуги, Оуэн из Армана. — Рукопожатие Саймона было теплым и крепким. — В самом деле, если б не ты... — Он вдруг оборвал фразу, уставясь в пространство.

Род нахмурился.

Саймон резко вскинул голову. — Нет, извини! Мои мысли разбредаются. Если б не ты, эти ливрейные разбойники обокрали бы меня, а так как никаких шиллингов они бы все равно не нашли...

Рот Рода сжался и отвердел. — То, вероятно, содрали бы с тебя кожу, а потом пустили в ход ножи, обыскивая карманы.

— Ничуть не сомневаюсь. — Саймон повернулся к солдатам. — И все же творили это не они. Они попали под власть злых чар. Идем, мы должны им помочь. — И повернувшись опустился на колени рядом с одним из солдат, оставив Рода в недоумении. Произошло все это внезапно, хотя Саймон и был вежлив, он явно пытался сменить тему. Чего он увидел в Роде такого, что столь обидело его? — Странная жертва, — пробормотал он себе под нос.

— И впрямь странная, — согласился Векс. — Судя по его лексикону и манере держаться, он кажется слишком солидным, чтобы скитаться по дорогам.

Род медленно поднял голову. — Интересная деталь... Давай поможем ему, — Он привязал вожжи к верхней перекладке телеги и прыгнул на землю.

Саймон стоял на коленях около сержанта, положив ему руку на плечо, но по-прежнему держа в другой посох. Он, нахмурясь, пристально смотрел ему в лицо, чуть склонив голову набок, словно прислушиваясь. Род начал спрашивать его, а затем увидел в глазах Саймона знакомый отвлеченный взгляд и сумел вовремя закрыть рот, не сказав ни слова. Он много раз видел такое же выражение на лице Гвен, чтобы перепутать его. Видел его время от времени и на лицах своих детей, особенно Грегори.

Род не знал, что именно тут происходило, но определенно нечто псионическое.

Сержант открыл глаза. Моргнул, морщась от боли, а затем сел, массируя горло. — Что ты... — А затем глаза его в ужасе расширились. — Нет, я! Что я сделал с тобой?

Род успокоился. К сержанту вернулась совесть.

Глаза сержанта потеряли фокус, когда он окунулся в воспоминания о недавнем прошлом. — Я... нет, я подовлял... я убивал! А, бедняги! — Он плотно зажмурился, лицо его сжалось от боли. — Я видел, как эти руки рубили бегущих крестьян, а потом воровали немногие монеты, какие у них были! Я слышал, как мой собственный голос клял селян и гнал их сынов служить в армию колдуна! Я...

— Ничего не сделал, — строго, но без гнева сказал Саймон, голос его окреп и посуровел, пронзив рассказ сержанта. — Выше голову, прапор, ибо ты находился под властью чар. Пока твой околдованный разум спал, тело твое двигалось по чужой воле. В тебя заложили его приказания, и твое тело помнило их и совершало действия по его приказам. Что бы ты не помнил о том, что делали твои руки и кричал твой голос, это сотворил не ты, а Альфар.

Сержант поднял голову, в глазах у него зарождалась надежда.

Род старательно сохранял бесстрастное выражение лица. Интересно, очень интересно, что Саймон знал природу этих чар. И еще интересней, что он мог разбить их.

Это, конечно же, означало, что он был телепатом. А также означало, что брошенный им на Рода пораженный взгляд, был вызван тем, что он видел перед собой человека, но не чувствовал неотделимого

от него разума. Род вполне понимал его изумление, так как и сам не раз испытывал то же чувство...

Естественно, возник интересный вопрос о том, как же Саймон ускользнул от невода Альфара. Или у колдуна в обычае позволять ведьмам и чародеям свободно разгуливать по сельской местности, даже если они не примкнули к нему? Род почему-то сомневался в этом.

Сержант поднял на Саймона взгляд из глубин отчаяния. — Что за чушь ты несешь? Когда на меня могли наложить злые чары?

— Чего не знаю, того не знаю, — ответил путник, потому что меня там не было. И все же подумай, вероятно, это произошло сразу после битвы, когда тебя взяли в плен.

Глаза сержанта расширились, и он отвернулся, но уже не видел перед собой ни обочины, ни деревьев. — Да, битва... Наш доблестный герцог повел нас против подлой армии колдуна, и та дралась плохо. Они наступали на нас, опустив алебарды, но с застывшими взглядами. Это пугало, ибо их алебарды всегда оставались ровень, и даже поступь их не различалась меж собой, но наш герцог крикнул: "Да они же марионетки. И могут делать лишь то, что желает от них хозяин, когда дергает за ниточки. Вперед, храбрецы, так как он не может руководить одновременно тысячей отдельных боев!" — И опустив копье поскакал прямо на врага. Его крик воодушевил нас, и мы последовали за ним. Все вышло так, как он сказал, потому, что нам требовалось лишь увертываться от алебард. Хотя держащие их ратники пытались поспевать за нами, мы двигались быстрее, и сближались вплотную с ними, коя и рубя. Армия колдуна начала отступать не потому, что отходила, а потому что ее теснили. Но с неба на нас с воплем обрушилось что-то мерзкое и огромное, и внезапно воздух наполнился летящими камнями. Армию нашу окутали слои огня, и мы в страхе закричали. Испугавшись, мы отступили, и солдаты колдуна двинулись следом за нами. Вдруг ратник передо мной оглянулся со странным выражением в очах, жутким и сверхъестественным. — Обернись, парень! — крикнул я и ткнул мимо него алебардой, отводя удар, что убил бы его. — Обернись и сражайся за своего герцога! — Нет, — молвил он, — что нам хорошего сделал герцог, кроме как забирая как можно больше, а отдавая как можно меньше? Я теперь буду сражаться за колдуна! — И поднял алебарду сразить меня. Но

все же, какие б там чары не завладели им, они замедлили его движения. Я уставился на него, ужаснувшись тому, что услышал, а затем увидел, как на меня обрушивается его алебарда. Я отбил ее в сторону, но повсюду вокруг меня солдаты герцога в передних рядах армии поворачивались поразить своих же товарищей в задних рядах. Миг спустя мне пришлось защищаться изо всех сил, но от ратников, той же ливрее, что и моя! Позади них, я увидел герцога на его высоком коне, посреди частокола алебард. Его окружали, стараясь поразить его же ратники! Он обернулся, рыча от ярости, и его меч рубанул, описав полукруг, скашивая топорщица алебард, словно пшеницу и все же на месте каждой падшей возникала дюжина других. Затем в воздухе над герцогом проплыл какой-то малый и набросил на нашего лорда петлю, а затем намотал веревочные петли, прикручивая руки к бокам. Он в гневе заревел, но чародей сорвал его с коня. Герцог с грохотом упал за частокол алебард, и я в отчаянии закричал, отбивая окружавшие меня клинки. Но на меня напозла какая-то тяжесть. Я боролся с ней и, хвала небесам, почувствовал, как во мне поднимается гнев для противодействия ей, но тяжесть становилась все больше и больше. Я едва ощущал алебарду у себя в руках. Затем вокруг меня все потемнело, словно я заснул. — Он медленно поднял голову, глядя на Саймона. — Больше я о той битве ничего не помню.

Саймон кивнул. — Вероятно ты, в свою очередь, повернул против товарищей позади тебя. И все же не вешай голову, они, быть может, тоже попали под власть тех чар. Чего еще ты помнишь?

— Да так... — Солдат снова отвернулся, глаза его остеклянели. — Только короткие обрывки. Помню, как шел посреди отряда, примерно, в тысячу мечей. Вокруг были ливреи колдуна, а те из нас, кто носил цвета герцога, находились внутри. В центре отряда ехал наш великий герцог, без шлема, с перевязанной окровавленной тряпкой головой и связанными за спиной руками! — Он плотно зажмурил глаза, опустив голову. — Увы, мой благородный господин!

— Не раскисай! — Род протянув руку, сжал сержанту плечо. — По крайней мере, он еще жив.

— Да, наверняка! Он гневно озирался, бранясь! — глаза сержанта сверкнули. — Ах, доблестный герцог! Его не смогли опутать чары!

— Он — человек сильной воли, — согласился Род. — Что ты еще помнишь?

— Да... как явились домой. — Рот сержанта сжался. — Но какое же там вышло возвращение домой? Ибо я видел, как вооруженная шайка уволокла милорда герцога в его же темницу. Затем с дикими криками все солдаты повернулись приветствовать колдуна Альфара, когда тот проехал через ворота в золоченной карете, и я, я был одним из них!

— Как он выглядел? — прицепился Род.

— Не могу сказать, — покачал головой сержант. — Видел лишь мельком, меж занавесок катящейся кареты, когда он проезжал мимо. Худощавый человек с окладистой бородой и в бархатной шляпе. Больше я ничего о нем сказать не могу.

Саймон кивнул. — А после того?

— После? Те из нас, кто носил ливрею герцога, ходили без оружия. Мы играли в кости и глушили вино, в то время, как носившие ливрею колдуна, забирали нас одного за другим и приводили обратно одетыми уже в цвета Альфара. — Лицо его задержалось, он сплюнул.

— Что произошло, когда забрали тебя? — мягко спросил Род.

Сержант пожал плечами. — Пошел я охотно, а почему бы и нет? Колдун был премудр и благ, его люди, наверняка, не могли причинить мне вреда! — Рот его передернуло, словно он прикусил горечи. — Меня взяли двое солдат с алебардами в руках, хотя нужды в них и не было.

— И куда тебя отвели эти двое?

— В покои капитана стражи, но там ждал меня не он. Я б не узнал того помещения, так как там было темно, и воздух заполняли сладкие запахи. На столе горела свеча, меня посадили перед ней, а дверь позади закрыли. Тут стало темно, я увидел сидевшего напротив меня, но различить его лица и его цветов не мог, ибо они пропадали в тени. — Спи, — велел он мне, — крепко спи. Ты упорно сражался, ты доблестно бился. Ты заслужил в награду сон. — Так говорил он, и действительно глаза мои закрылись, и меня окутала тьма, она была теплой и успокаивающей. — Он, моргая, поднял взгляд. — Я лишь теперь пробудился от того сна. Все, что помню, было словно во сне.

— Что это был за сон? — спросил, став внимательным Род. — Что произошло после того, как они загип... э, усыпили твой разум?

— Ничего, — пожал плечами сержант. — Мы день, а может два бездельничали в кордегардии. Все только

и говорили о превосходство колдуна и о том, каким благом будет его власть для герцогства. А потом капитан вдруг закричал: " По коням! " И мы бросились к оружию. " Крестьяне бегут, — крикнул он. — Они разошлись по дорогам, бредут на юг, чтобы передать изменнические слова графу Тюдору и королю Логайру. За ними, казарменная шваль! Скачите за ними и приволоките их обратно или убейте на месте! " — И мы понеслись на конях к дороге, помчались галопом на юг, разыскивая и истребляя всех бедолаг. — Он плотно зажмурил глаза, закрыв лицо руками. — Увы, несчастные души! В чем они провинились? Лишь в том что стремились защитить своих жен и детей от войны и зла! В чем они виноваты, что заслужили столь жестокое наказание? — Он поднял на путника затравленный взгляд широко раскрытых глаз. — Ибо мы нашли сначала одну семью, затем дюжину таких же и одну за другой убивали их. Наши мечи кружились, рассекая тела и кости, и проливая повсюду кровь. А затем, когда все трупы лежали, сливая свою алую кровь в единое озерцо, мы срезали их кошель и обыскали тела, чтобы забрать те немногие монеты, которые они припрятали. Их нужно было привезти в замок к колдуну Альфару. — Он уткнулся лицом в ладони. — Увы, мне! Как я буду жить с такими картинами, выжженными у меня в голове? — Он повернулся к Роду. — Но мы грабили! Добыча была и впрямь богатой! У каждой крестьянской семьи находилась одна — две монеты, и мы набрали тридцать шиллингов! Фунт и еще полфунта! И впрямь великое богатство, увозимое домой к Альфару! — Он откинул голову и взвыл. — Будь проклят этот негодяй и все его присные! Будь проклят тот, кто способен причинить такое зло своему брату! И будь также прокляты, служащие ему ведьмы, и все остальные ведьмы, ибо, наверняка, такое зло живет в сердцах у них всех! .

— Нет, не верно! — строго сказал Саймон. — Зло своим собратиям причиняет лишь горстка отступников! Вероятно, они не способны завоевать дружбу других людей и винят в своем одиночестве не себя, а других, которые не дружат с ними. Они, несомненно, говорят себе, что народ завидует их магии и потому с презрением отвергает всех ведьм. Таким образом, они считают себя вправе воровать и господствовать над другими.

Слова Саймона произвели немалое впечатление на Рода. Он не ожидал такой пронизательности от среднего йомена.

Также, как и сержант. Он уставился на Саймона, широко раскрыв глаза. — Здорово же ты их знаешь!

— Не хуже, чем следовало бы. — Уголки рта Саймона сжались. — Ибо я сам чародей. Но! — Он поднял ладонь, останавливая ругательство сержанта. — Но подобно великому множеству моих собратьев, я научился хорошо скрывать мои способности, и общаться с другими людьми, не хуже любого человека. У меня была жена, не бывшая ведьмой. Вместе мы вырастили детей, которые хоть и обладают некоторой силой, научились хорошо скрывать ее и выросли, любя своих братьев. Мы не алчем власти, мы не алчем богатства. У нас уже есть то, чего мы хотим, а именно — уважение других.

Сержант скривил рот. — Если вы так глубоко уважаете нас скромных простолюдинов, то почему вы не огордите нас от злых?

— Да они так и поступали, — ответил Саймон. — Те ведьмы и чародеи, кои обладают настоящей силой. Я знал одну старуху бывшую целительницей, многим она вылечила и тела, и души, и знал чародеев, благородных людей, говоривших с теми, чьи души пребывали в замешательстве или в затмении, и они снова выводили их на свет разумности. Но лично я? — Он пожал плечами. — Мои силы были не столь уж велики. Я знал чародеев, способных исчезать и появляться вновь на расстоянии в несколько миль и слышал о некоторых, способных заставить услышать свои мысли других, даже не ведьм. Но я? — Он с печальной улыбкой покачал головой. — Я не из таких. Да, сила у меня есть, и все же не большая и не могучая. Достаточная, чтобы не быть таким же человеком, как прочие люди, и все ж недостаточная, чтобы сделать меня полноценным чародеем. Ни рыба, ни мясо, я не знаю, где вить гнездо. О, я слышу, что думают другие, если они поблизости от меня, но не более того. Я не знал, что способен на большее... — Улыбка его посуровела. — ... пока Альфар не опутал своими чарами парней из моей же деревни, и те, побросав мотыги, направились к замку, несомненно, к нему в армию. Я бросился вдогонку за одним и схватил его за руку. — Куда ты? — закричал я, но он лишь презрительно усмехнулся мне и поднял кулак, чтобы отбросить меня одним ударом. Но... — И губы Саймона изогнулись в легкой улыбке. — я

кое-что смысло в воинском искусстве. Я отбил его удар и ударил сам прежде, чем он успел вновь занести кулак, и бедный парнишка без чувств растянулся на дороге. Пока он лежал без сознания, я опустился рядом с ним на колени, неистовствуя в стремлении пробудить его, крича "Очнись! Ужель ты не видишь, что тебя околдовали?" Понимаете, он был сыном моего соседа, и играл вместе с моими детьми. Я не мог устраниться, и дать колдуну забрать его, пока в моих легких еще есть дыхание. Изо всех своих слабых, жалких ведовских сил я попытался дотянуться и пробудить его спящий разум там, где он лежал под чарами Альфара.

Сержант уставился на него округлив глаза. — И он очнулся?

Саймон кивнул, закрывая глаза. — Очнулся. Хвала небесам, он очнулся. Сел, сбитый с толку, ибо понятия не имел, как он оказался там, лежащим посреди дороги, в полулиге от дома. Я отвел его обратно к отцу. И подумал, если я смог сделать для одного, то возможно удастся сделать и для других. Когда у кого-то из парней нашей деревни появлялся взгляд куда-то вдаль, и он в трансе брел к большаку, я следовал за ним, оглушал, пробуждал разум. А когда чары начали опутывать и разум соседей, я дожидался наступления ночи. Когда они засыпали, переходил от дома к дому, стоя у стены, старался пробудить их от чар. В скором времени я заболел от истощения сил, но моя деревня держалась, одна свободная от заговора. Наконец, два дня назад, появился сам чародей, прыщавый паренек, во главе отряда солдат. Тут уж я ничего не мог поделать. Всех парней увели, но, по крайней мере, родители видели, что их принудили.

— И тот чародей не отыскал тебя?

Саймон пожал плечами. — Он пытался. Если сохранилась целая деревня все еще свободных душ, понятно что тут, наверняка, не обошлось без помехи со стороны ведьмы или чародея. Но, как я сказал, сила моя не велика, я умею только слышать мысли. А уж это я научился мастерски скрывать с помощью той малой силы, коей обладаю. Я старательно не думал ни о ведовских силах, ни о разбивании чар. Я думал лишь о подозрениях и о том, как сильно негодую на господство Альфара. — Он медленно покачал головой. — Он не мог меня найти, так как все умы в той деревушке думали также, как и я.

— Это произошло всего два дня тому назад? — воскликнул сержант.

— Два дня, — подтвердил Саймон.

— Выходит, ты не один месяц защищал разум своих соседей от чар Альфара!

— Да. Но по правде говоря, Альфар лишь теперь смог выделить солдат для такой задачи.

— Да. — Лицо сержанта снова посуровело. — Однако взяв в плен герцога, он смог выделить людей и найти время, ибо все текущие угрозы устранены.

— Не сомневаюсь. Однако, уверяю тебя, я вздохнул с облегчением, когда тот чародей покинул нашу деревню. Я подумал, что довольно долго обманывал смерть. Нет, я рассудил, что сделал свое дело и спасся, скорее благодаря удаче чем умению. И, на самом деле, у моей дочери близятся роды. Поэтому я набрался храбрости и повернул стопы на юг, надеясь, что смогу вырваться из захваченного злом заколдованного царства на вольный воздух страны графа Тюдора. — Он повернулся к Роду. — И подошел близко, так близко! Ведь теперь всего полдня пути, не так ли?

Род кивнул. — Хотя на границе стоят часовые. Тебе будет трудно пересечь ее.

— Только не мне — улыбнулся позабавленный Саймон.

— Да, — окинул его оценивающим взглядом солдат. — В твоей внешности есть что-то от дикого оленя. Ты, несомненно, сможешь найти свой путь к свободе через лес, где нет ни одного караульного.

— Именно так. И все же мне думается, я не должен уходить.

— Нет! — Нагнулся вперед сержант. — Ты должен уйти! Уходи, пока можешь!

— А если я пойду? Ты-то пойдешь?

Сержант опустил взгляд. — Я должен вернуться, ибо на руках моих кровь, и она требует искупления.

— Чушь и дичь! — фыркнул Саймон. — Те смерти причинены Альфаром, а не тобой. Уезжай, присоединяйся к армии короля Туана и возвращайся с ней отомстить колдуну.

— Нет, — покачал головой сержант. — Это займет слишком много времени. А... если мы, я и мои люди, снова отправимся на север, и займем свое место в войске колдуна, то будут спасены жизни крестьян, когда нас опять пошлют прочесывать дороги. А когда придет король Туан, то будут мечи, сражающиеся на его стороне в рядах армии колдуна.

— Дело стоящее, — задумчиво произнес Саймон.

— И глупое! — вступил в разговор Род. — Первый же чародей, проводящий в рядах армии инспекцию

безопасности, слушая изменнические мысли, обнаружит вас. Вы достигнете всего-навсего ранней казни.

Сержант прожег его взглядом, а затем снова повернулся к Саймону. — Ты не можешь научить нас способу скрывать свои мысли?

— Я могу рассказать вам, как это делается, — медленно произнес Саймон, — все же быстро такому не научишься. Умение требует постоянной тренировки, никогда нельзя ослаблять защиту. Такая бдительность почти не возможна, для того, кто недавно научился. Вас могут очень легко обнаружить.

— Тогда предоставь им выбор, — предложил сержант. — Пробуди их от зачарованного сна и скажи им то же, что сказал мне. Я не сомневаюсь, какой выбор сделают они все — ехать обратно на север.

Саймон улыбнулся и пожал плечами. — Разве я могу отказать? Я, набивший руку на таком притворстве? Нет. Я буду следовать за вами на некотором расстоянии..

— Это, — указал Род, — разновидность самоубийства. Единственное, что неясно в нем, это дата.

Саймон с легким удивлением посмотрел на него. — Однако, ты едешь на север.

— Ну, да, — признал Род. — Но я связан долгом. Мне это нужно сделать — неважно почему.

— Также как и мне, все равно почему. — Саймон иронически улыбнулся ему и поднялся на ноги, сделавшись чуть выше и прямее. — Я смалодушничал, когда бежал. Моя задача еще не выполнена. Я должен повернуть назад и направиться на север, чтобы прийти на помощь другим душам, пребывающим в зачарованном сне в то время, как тела их бодрствуют.

— Нет, не должен! — Шагнул вперед встревоженный сержант. — Во истину, ты сделал все, чего мог от тебя просить любой человек!

— Приятно слышать от тебя такие слова, — улыбнулся с мягкой теплотой Саймон. — Однако, у меня есть обязательства перед ними, они ведь мой народ, и были им всю мою жизнь. Они помогали мне во всех повседневных испытаниях, какие выпали на долю бедняка, выхаживали меня и моих близких при болезни и утешали нас в горестях, как и я их. Такие узы не оборвутся только потому, что я единственный, способный помочь сейчас. Нет, я сыграл труса, когда сбежал.

— Неправда, — утверждал сержант. — Какой будет прок от тебя, коль ты вернешься? Разбивание чар снова приведет к тебе чародея, а когда он захватит тебя, твой народ вновь останется зачарованным.

Саймон так и просиял, но покачал головой. — Возможно я ускользну от его внимания, как уже сделал раз. Нет, я больше не струшу.

Сержант вздохнул. — Ты не был трусом испугавшись, а тебе было, чего страшиться. Поэтому, если ты пробудишь моих людей от мерзких чар, мы все будем сопровождать тебя.

— И еще больше увеличите опасность! — нахмуясь шагнул вперед Род. — Как по — твоему, прапор, сколько у вас будет шансов против отряда в двадцать мечей?

Сержант заколебался.

Род развил довод. — Один штатский, едущий на север с вооруженными людьми? Ведьмы, караульные Альфара, учуют неладное даже, если у них нет носов.

Лицо Саймона озарила восторженная улыбка. — Однако, подумай, любезный! Они могут сказать, что я их пленник!

Род желчно поглядел на сержанта. — Вам давали приказ брать в плен?

— Нет, — признал сержант. — Нам велели только убивать и грабить.

— Вы будете выделяться, как стог сена на пшеничном поле, — покачал головой Род. — Интересный он малый этот Альфар, не правда ли? Но дело свое знает. Скверный, но прекрасно владеет мастерством.

— Нет, он самое очевидное зло, — прорычал сержант.

— Да, но со злом не борются, встав в одиночку перед целой армией и объявив ей войну. А когда вас всего лишь горстка.

Саймон печально кивнул сержанту. — Именно так, прапор. Тебе с твоими ратниками лучше всего отправляться на юг.

Сержант сжал челюсти и замотал головой. — Я предпочитаю не уезжать, и думаю, ни один из моих ратников не решит иначе.

— Ну, раз уж вы так решительно настроены, — вздохнул Род, — то давайте продадим ваши жизни как можно дороже. Даже горстка бойцов может нанести значительный вред.

— В самом деле? — с энтузиазмом повернулся к нему сержант. — Каким образом?

— Вы можете устроить герилью, — объяснил Род. — Слово это означает “малая война”, и именно ее-то вы и устроите. Развяжете малые войны внутри большой войны. Понимаешь, большую часть времени вы будете разъезжать по дорогам, как порядочные аль-

фаровцы, но при каждом удобном случае вы можете превращаться в налетчиков.

Сержант сжал зубы, раздраженно отворачиваясь. — Какой толк от разбойников, против армии?

— Немалый, если верно выбрать цели. Например, если вы вломитесь в арсенал и похитите все арбалетные стрелы или поломаете все стрелы для луков...

Сержант поднял голову, глаза у него загорелись. — Да, это помешает армии воевать, не так ли?

— Немного, — согласился Род. — Хотя есть еще копья, алебарды и мечи. На данном уровне развития командос нелегко причинить вред основной армии. В основном, я представляю вас забирающимися в кухни и высыпаящими в пищу несколько ведер соли.

Сержант медленно усмехнулся.

— Дело пойдет еще лучше, если вы сможете связаться с другими группами, у которых разбили чары, — добавил Род.

— Есть и другие? — уставился сержант.

— Будут. — Сверкнул глазами Саймон.

Род взглянул на него и попытался подавить улыбку. И снова повернулся к сержанту. — Да, вчера одна, э, южная ведьма разбила чары другого отряда, вроде вашего, и те тоже предпочли вернуться на север.

— Союзники! — обрадовался сержант, а затем засомневался. — Но как же мы их узнаем? Не можем же мы спрашивать каждого солдата в армии колдуна: “Ты не из отряда тех, чьи чары разбиты?”

— Еще бы, — согласился Род. — Но Саймон может дать тайные имена любым отрядам, которые он освободит в дальнейшем. Такие, какие вы сможете говорить вслух при всех, но на которые отзовутся только те, чьи чары разбиты. Например, ты отныне будешь, мгм... Валтасар. — Он повернулся к Саймону. — А ты можешь назвать прапоров следующих двух освобожденных групп “Мельхиором” и “Каспаром”.

— Какой в том толк? — потребовал ответа сержант.

— Ну, если к тебе подойдет другой солдат и скажет что у него есть сообщение от прапора Мельхиора, ты можешь довериться ему, так как будешь знать, что он участник освободительного движения. Но не забудь, вам не следует быть вместе. Чем крупнее ваш отряд, тем легче вас будет найти.

— Тогда какой же смысл рассылать такие сообщения?

Чтобы вы могли договориться об одновременном ударе по одной цели. Например, возможно вам захочется устроить

крупный налет, чтобы захватить замок или что-нибудь в этом роде. И конечно, когда на север двинется армия короля Туана, вы все можете встретиться за самым арьергардом армии колдуна и ударить ей в тыл в то время, как Туан ударит по ней с фронта.

— Значит он идет? — Сержант так и вцепился в эту идею.

— О, он явится, — сказал Род с большей уверенностью, чем ощущал. — Сообщение уже отправилось на юг, вчера.

И Саймон и сержант воззрились на него.

С замирающим сердцем Род сообразил, что он сболтнул лишнее. — Я невольно подслушал, — небедительно добавил он.

— Воистину, невольно, — пробормотал Саймон. — И все же я думаю, ты не тот простой фермер-йомен каким кажешься.

— Да, — согласился сержант. — Судя по твоим знаниям, ты человек военный. Какое у тебя звание? Каково твоё положение?

— Конечная Проксима Центавра, — ответил Род, а что касается моего звания, то просто положишься на мое слово, оно достаточное, чтобы я знал, о чем говорю. А что касается имени, то зови меня, э... — Керн.

И тут же понял, что это неудачный выбор. — Если люди будут называть тебя Керном, — сказала его "оно" из трясины суеверного страха, — то ты перестанешь разбираться, кто ты такой. Ты начнешь думать, будто ты и есть Керн, и будешь поглощен им.

— Смешно, — ответило его "я", — Керн не сможет дотянуться через вселенные. Это имя всего лишь слово, а не угроза твоему самоотождествлению.

Его "сверх-я" рассмотрело доводы обоих, сделало собственные выводы и объявило ничью.

Род кашлянул, сжал подтвержде челюсти и не отступился от сказанного. — Керн, — снова сказал он. — Это все, чего тебе нужно знать. Просто прими его и иди с ним, как можно дальше, прапор.

— Обязательно пойду. И все же почему мне не следует знать, кто мне приказывает.

— Не приказывает, — поправил его Род. — Я просто даю тебе совет. Возвращение на север было твоей идеей, а не моей. Если тебе нужен приказ, то советую велю отправляться на юг.

— И все же благодарю тебя за добрый, мhm, "совет".

— Уверен, не стоит благодарности. И конечно же, если случится самое худшее, и тебя захватят в плен...

— Я тебя не выдам, — твердо обещал сержант.

— Пусть пытаются каленым железом, пусть зажимают тисками большие пальцы. Я не издам ни слова.

— Тебе и не понадобится. Им потребуется всего-навсего прочесть твои мысли. Ты может и сумеешь не сказать ничего вслух, но не думать об этом ты не сможешь.

Сержант, похоже, сомневался.

Род кивнул. — Потому вся идея в том и состоит, чтобы не знать ничего сверх необходимого. Но, на случай беды мы сумеем что-то организовать, прошу заметить...

— Да!

— Если к тебе кто-нибудь придет и скажет, что Керн просит атаковать в данное время, в данном месте, ты поймешь, что делать.

Солдат поднял голову, медленно усмехаясь. — Да, теперь я, действительно пойму. И клянусь тебе, я вспомню твой приказ.

— Молодец, — хлопнул его по плечу Род. — А теперь давай приступим к пробуждению твоих людей. — Он повернулся к Саймону. — Если вы не против, мастер Саймон? Чем раньше мы разделимся и отправимся в путь, тем лучше.

Саймон с улыбкой кивнул и повернулся к павшим солдатам.

— Отлично сработано, — прошептал за ухом у Рода голос Векса. — Ты превосходный катализатор, Род.

— О, я большой мастер сшибать первую костяшку домино, — пробормотал в ответ Род. — Беда лишь в том, что на этот раз мне требуется еще и поставить их.

ГЛАВА 10

Над ними кружила скопа, припустив крылья для балансирования в восходящем потоке. Род присмотрелся, подняв на нее взгляд, гадая не зеленые ли у нее глаза, как у Гвен. — Саймон, насколько мы удалены от побережья?

— Может на день пути, — Саймон проследил за взглядом Рода. — А, понимаю. То рыбо-ястреб, не так ли?

— Насколько я знаю. Но если океан всего в двадцати милях, то она, вероятно, настоящая. — Род повернулся к своему спутнику. — Я думал, ты простой фермер. Откуда ты знаешь как выглядит рыбо-ястреб?

Саймон пожал плечами. — Как я сказал, океан не так уж далеко.

Это верно, размышлял Род. Вообще-то, у него не было оснований для подозрений, но на вражеской территории он был насторожен и допускал, что что ближайший валун может оказаться замаскированной ведьмой.

— И потом, — добавил повеселевший Саймон, — я никогда и не утверждал, будто я фермер.

Род в удивлении поднял брови. — Действительно, — медленно произнес он. — Я счел это само собой разумеющимся. В конце-концов, чем еще можно заниматься в небольшой деревне?

— Она у самого королевского большака, — объяснил Саймон. — Я держу постоянный двор.

Род поднял голову, открыв рот прежде, чем из него вышли слова. — О. — И медленно кивнул. — Понимаю. И там частенько останавливаются знатные особы, а?

— Наверно дважды в месяц. Всегда кто-то постоянно ездил то в замок милорда герцога, то обратно. Я прислушивался к их речам и по мере сил подражал им, чтобы сделать им приятное.

Прислушивался он, отнюдь, не только к их речи, — размышлял Род. — Аристократы, несомненно, были

бы ошеломлены, если б узнали, что обслуживает их читающий мысли. И, конечно же, у Саймона не могло остаться много иллюзий в отношении лордов.

Так почему же он сохранял лояльность?

Вероятно, потому, что альтернатива выглядела намного хуже. — Думаю, тебя не научили читать?

— Нет, отец посылал меня на уроки к викарию. Он держал постоялый двор до меня и знал, что трактирщику полезно уметь читать, писать и считать.

Так. Выходит Род случайно наткнулся на одного из местных общинных лидеров. — А кто ты такой?

— Просвещенный человек. Он и впрямь был таким.

В голове у Рода все сигналы тревоги подняли трезвон. Признаться, он сболтнул много лишнего, но мог ли Саймон так быстро сообразить, что к чему.

— Как кто... я — фермер. Я похож на рыцаря, поэтому сбиваю тебя с толку? Или, может, на герцога? — Тут его лицо прояснилось от восторженной улыбки, и он ткнул пальцем Саймона. — Понял! Ты принял меня за златокузнецца!

Саймон сумел приглушить смех до негромкого смеха и покачал головой. — Нет, любезный. Я говорю не о твоём занятии, а о том, кто ты есть. О том, что ты тут, но тебя здесь нет.

Род уставился на него, совершенно сбитый с толку. — Что ты имеешь в виду, как так меня здесь нет?

— В твоих мыслях, — прикоснулся пальцем ко лбу Саймон. — Я тебе говорил, что слышу людские мысли, а твоих я не слышу.

— А. — Род снова повернулся лицом к дороге, задумчиво глядя вперед, но в душе чувствовал облегчение, будто гора упала с плеч. — Да... мне уже говорили об этом... Хорошо, что это способ действует, — подумал Род про себя.

Саймон улыбнулся, но свел брови. — Дело тут не просто в неслышанье твоих мыслей. Когда мой мозг "слушает" тебя, нет даже ощущения твоего присутствия. Как такое происходит?

Род пожал плечами. — Я могу высказать догадку, но не более того.

— И о чем же ты догадываешься?

— Ты больше обеспокоен наличием читающих мысли, чем средний крестьянин.

Саймон покачал головой. — Этим всего не объяснишь. Я знал некоторых с болезненным страхом, что их мысли услышат, и по-моему у них имелись основания, хотя я старался избегать их. И все же их мысли я слышал, если желал того. Поистине, я

чувствовал, что они там есть. Однако, с тобой у меня не выходит ни то, ни другое. Я думаю, дружище, что ты должно быть сам наделен каким-то налетом ведовской силы, которую твоя воля превращает в щит.

— Ты хочешь мне сказать, что я ведун? — Род довольно неплохо прикинулся рассерженным.

Саймон лишь печально улыбнулся. — Еще меньший, чем я. Нет, я бы этого не боялся. Ты ведь не слышишь мысли, не так ли?

— Нет, — правдиво ответил Род, по крайней мере, на данное время.

— Значит ты не ведун, — улыбнулся Саймон. — А теперь скажи мне, зачем ты едешь на север? Ты ведь должен знать, что едешь в самую пасть опасности.

— Разумеется знаю, после того, как мы поговорили между собой. — Род сгорбил плечи, уходя в себя. — Что касается опасности, то я рискну. В Корастешеве я смогу получить за свои продукты лучшую цену, чем во всем графстве Тюдор! А семья у меня всегда голодная.

— Она будет голодать еще больше, коль ты не вернешься. — Голос Саймона понизился, полный искреннего сочувствия. — Заклинаю тебя, друг, поворачивай обратно.

— А что случилось? Тебе не нравится мое общество?

— Озабоченность Саймона перешла в улыбку. — Нет, спутник ты приятный...

Лично Род считал себя довольно хамоватым.

Но Саймон обладал большой терпимостью. — И все же, ради тебя самого я прошу повернуть обратно на юг. Чародеи колдуна не станут добродушно взирать на того, чей разум они не смогут почувствовать.

— Цены в Романове не выше, чем в Тюдоре. — Саймон не сводил цепкого взгляда с глаз Рода. Он, казалось, прожигал ему сетчатку и проникал в мозг. — Что еще заключено в твоем ответе?

Род неохотно признал. — Есть в нем еще кое-что, но ты получишь лишь то, что услышал.

Саймон с минуту продолжал глядеть на него.

А затем вздохнул и отвернулся. — Ну, судьба твоя, и отвечать за нее ты должен сам. И все же не забудь, друг, что твои жена и дети рассчитывают на тебя.

Род бесспорно не забывал об этом. На один болезненный миг ему представилась Гвен и дети, ждущие неделю за неделей, без всяких известий о

нем. Затем он строго оттолкнул эту мысль в сторону и попытался представить себе лица мальчиков, если он бросит задание и вернется туда, где не грозит опасность. — У тебя есть обязательства перед народом твоей деревни, мастер Саймон. У меня тоже.

— Какие, перед жителями твоего села?

— Ну, во всяком случае, перед моим народом. — Род думал о всем Грамарие, не говоря уж о Децентрализованном Демократическом Трибунале: — А коль принимаешь на себя такое обязательство, то его нельзя забывать только потому, что выполнение его становится опасным.

— Да, именно так, — нахмурился Саймон. — Именно это я и начал понимать лишь теперь.

Род повернулся к нему, тоже нахмурясь. — Но ты уже сделал свое дело, пошел на требовавшийся от тебя риск. Никто не назовет тебя трусом за уход сейчас на юг!

— Я назову, — просто ответил Саймон.

Какой-то миг Род посмотрел ему прямо в глаза, а затем со вздохом отвернулся. — Что я могу на это сказать, любезный?

— Ничего, кроме "но" своему коню.

— Зачем? — Кисло спросил Род. — Везет эту телегу может и конь, но правит ею пара мулов.

Закат застиг их еще на дороге, по обеим сторонам которой колосились хлеба. — Нет, — заверил Саймон Рода, — никакого села поблизости нет.

— Вот этого-то я и боялся, — вздохнул Род. — Ну, земля и раньше служила мне постелью. — Он свернул с дороги, остановившись в зарослях сорняка между трактом и полем. Он принялся нарезать овощи в чугунок, прежде чем Саймон успел предложить свои услуги.

Трактирщик вопросительно поглядел на него, а затем спросил. — Ты всегда возишь с собой чугунок?

— Я одно время был лудильщиком. Привычки пристают надолго.

Саймон улыбнулся, качая головой, и откинулся назад, оперевшись на локоть. — По-моему такие путешествия тебе не в новинку.

— Мы квиты, — фыркнул Род. — У меня возникло ощущение, что разбивание чар не совсем внове для тебя.

С миг Саймон сидел, не двигаясь, но глаза у него засветились. — Я мог бы поверить, что ты прочел мысли.

— Если и да, то твои мысли нуждаются для меня в раз. Так когда же ты начал разбивать чары?

Саймон выпрямился, обхватив руками голени и положив подбородок на колени. — Жители деревни заходили ко мне в трактир выпить пива, которое они получали в качестве цены за приносимые ими продукты. Вскоре пришел один, у которого было тяжело на сердце и смутно на душе. Он пришел выпить и помолчать, возможно, надеясь, что пиво утолит его беспокойство.

Род кивнул. — Странно, что мы всегда пытаемся обратиться к такому выходу. Хотя знаем, что оно никогда не срабатывает.

— Да, но высказывание своих дум сочувствующему слушателю помогает облегчить душу. И со мной говорили подолгу, ибо я слушаю со всем вниманием, какое я могу выказать. Однажды пришедший был похож на стену зимой, словно треснул при первом же заморозке. Он не мог говорить, а лишь сидел сторбившись над своим кувшином. И все же сумятица его мыслей вращалась вокруг такой боли, что они так и кричали. Я не мог закрыть от них свой разум, даже если б захотел. Над всеми его мыслями маячила тень петли.

Род резко вскинул голову. — У паренька была тяга к самоубийству?

— Да. Он был не мальчик, а лет тридцати с лишним. Такие переходы из одного состояния в другое и ввергают нас в смуту, а все его дети уже выросли.

Род не мог понять, в чем тут проблема, у него-то женой была Гвен. — И что же ты предпринял?

— Налил еще кувшинчик и один для себя и подсел к нему. Потом под предлогом разговора, а говорил я один, прощупал суть его страданий сквозь путаницу его мыслей, нашел истоки его боли и стыда, а затем задал вопросы, что заставили его заговорить. Ему было нелегко говорить об этом, все же я поощрял его, и он набрался решимости. Я намеревался лишь обсудить его тайные страхи, сказать ему, что они не столь уж страшны. И понял, что когда коль скоро он высказал вслух свои мысли, я уже знал о их содержании. Его мне поведал мой собственный внутренний голос. И тогда я смог задать ему вопрос, ответ на который показал бы ему то хорошее в нем, что могло противостоять тому, что его мучило. Когда мы закончили, он успокоился и пришел в себя.

— Ты спас ему жизнь, — обвинил Род.

Саймон польщено улыбнулся. — Возможно. Тогда я начал оказывать такую помощь всем растревоженным душам, коих встречал. Нет, я даже сам отыскивал их, если они не заходили ко мне в трактир.

— Это могло быть опасным, — указал Род. — Ведь, чтобы спасти людей у края пропасти, надо обладать особой силой. Соседи решат, что для этого надо быть ведуну. Особенно раз ты браконьерствовал на заповедной территории приходского священника.

Саймон покачал головой. — Да кто про это знал? Не знали даже те, кому я помог, ибо я не давал ни советов, ни увещаний. К тому же я жил в деревне. Мы там все друг друга знали и поэтому нет ничего удивительного, что я встречался с любым из них и немного болтал. И все же вскоре народ начал поговаривать, что растревоженные души могут найти успокоение у меня в трактире.

— Определенно браконьерство на территории священника, — пробормотал Род. — И это означало взваливать на свои плечи очень много горя.

Саймон раздраженно покачал плечами. — Они были моим народом, мастер Оуэн. Им и нужно помочь, коль они народ. Таких случаев, правда, не бывало больше трех за год.

Род выглядел неубежденным.

Саймон опустил взгляд на бивачный костер. — И поэтому, когда Том пастух впал в мрачное молчание, братья привели его ко мне в пивную. На самом деле, они внесли его, ибо он даже ходить сам больше не мог. — Он покачал головой. — Он был моим старым другом, вернее сказать давним соседом.

— Что же с ним стряслось?

Саймон повернул головой из стороны в сторону. — Лицо у него одрябло, он не мог сам двигаться, а лишь сидел, не говоря ни слова. Я пододвинул табурет, сел рядом с ним и смотрел ему в лицо, пока задавал вопросы, на которые он не отвечал. Но мой разум все время был открыт, прислушиваясь изо всех сил к любым мыслям, какие могли промелькнуть у него в голове. Одна мысль в ней была, но только одна. И она заполняла его, подавляя всю его душу и сердце погребальным звоном.

— Снова самоубийца?

Саймон покачал головой. — Нет. Понимаешь, тут было не желание умереть, и даже не готовность к смерти, а уверенность, убежденность, что он обязательно скоро умрет.

Род сидел совершенно неподвижно.

— Я трудился, не жалея сил борясь с этим убеждением. Но я опять лишь мог задавать вопросы, которые напоминали бы разуму о вещах, вызывавших бы у него желание жить — о жене, о детях, о заботливых соседях. Но все бестолку. — Он покачал головой. — Можно было подумать, что он не слышит, ибо в нем по-прежнему звенел медный звон смерти. — Саймон вздохнул, покачав головой. — В конечном итоге, я мог лишь предложить его собратиям отвести беднягу к священнику. — Он пожал плечами. — Я не смог заронить ему в голову мыслей, способных противостоять тому страшному принуждению. Во мне нет такой силы.

Род понимающе кивнул. Саймон был всего лишь телепатом и проецировать не умел.

Саймон взял палку и помешал в костре. — Он все-таки умер. Не ел, не пил и сморщился, словно ноябрьский лист. А я, удрученный, начал гадать, как же на него свалился такой рок. Ведь он всегда был веселым малым, и я понял, что на него наложили чары. Да, я размышлял, как можно быть таким злым, чтобы совершить столь страшное деяние. И я стал проделывать долгие прогулки по графству, пока не нашел, наконец, тоже полнейшее погребение разума. Тут был не один разум, а несколько, так как в одной деревне я обнаружил, что половина ее жителей околдована. Они ходили и разговаривали, как все нормальные люди, но разумы у всех их заполняла одна и та же единственная мысль.

— О смерти? — Род почувствовал, как по затылку у него ползут мурашки.

— Нет. — покачал головой Саймон. — То была хвала Альфару.

— О — о — о, — медленно поднял голову Род. — Поработала команда зачаровывателей колдуна.

— Да, и зная это, я вернулся в собственную деревню. Болтая с соседями задавал один вопрос здесь, другой там. Постепенно представил картину того, что произошло с Томом пастухом. Он встретил в полях чародея, и тот велел ему встать на колени перед Альфаром. Том плюнул наземь и ответил тому чародею, что его Альфар всего-навсего злодей, связанный в действительности вассальной зависимостью с герцогом Романовым, равно, как и он сам Том пастух. Тогда чародей велел присягнуть ему на верность Альфару или умереть, но Том рассмеялся ему в лицо и предложил учинить ему самое сильное зло, на какое он способен.

— И тот учинил?

— Да, безусловно, учинил! И тогда, зная это, я отправился обратно в деревню, где половина жителей думала одну думу, и дума эта принадлежала Альфару. Я нашел всего десять человек из ста еще свободных в своих мыслях. Но и те десять жили в постоянном кошмаре страха, ибо я поговорил с некоторыми из них и услышал, что кое-кто из них бросил вызов чародеям и умер так же, как Том пастух. Даже при мне один из них сломался под тяжестью страха и покаялся про себя, что отныне он будет слугой Альфара и избавится от ужаса. — Саймон содрогнулся. — Я покинул ту деревню, как можно скорей.

Он повернулся и посмотрел Роду прямо в глаза, и взгляд его, казалось, проникал Роду в мозг. — Я не могу позволить существовать таким мерзким ужасам, сидеть, сложа руки, и ничего не делать. — Он медленно покачал головой. — Какой же я был трус, коль подумывал, что могу остаться в стороне.

— Да, — согласился Род. — Да, это невозможно, не так ли? Нельзя устраниться и по-прежнему остаться тем, кто ты есть.

Саймон нахмурился. — Изложено странно, но совершенно верно.

Несколько минут на биваке стояло тишина, когда оба спутника сидели, глядя на пламя, погрузившись в собственные мысли. Затем Род поднял голову и обнаружил, что Саймон пытливо смотрит на него. — А теперь, — сказал трактирщик, — твоя очередь, не так ли?

— Для чего?

— Для честности. Зачем ты едешь на север?

Род несколько мгновений держал его взгляд, а затем медленно произнес. — По той же причине, что и ты, или весьма похожей на нее. Я видел кое-какие дела Альфара, и меня от них просто мутит. Я не смогу назвать себя мужчиной, если допущу без борьбы, чтобы это происходило. Самое малое, что я обязан сделать, это не дать злу распространиться или самому умереть, пытаюсь с ним.

— Что и впрямь может случиться, — выдохнул Саймон. — И все же, это не весь твой ответ, не так ли?

— Да, но большего ты не дождешься.

Несколько секунд они пристально смотрели друг на друга, клинок взгляда Рода отскакивал от бархатной стены саймоновского восприятия. Наконец, трактирщик

кивнул. — Это, конечно, твое дело. — Похоже, он говорил серьезно.

Он снова повернулся к костру. — На настоящее время ты мой союзник. Мне не нужно знать больше, чем то, что колдун твой враг.

— Ну, да, и что мясо уже готово. — Род нагнулся понюхать запах. — Неплохо для полевых пайков. Хочешь кусок?

Когда Саймон завернулся в плащ и лег спать, Род пошел почистить скребницей Векса. Работа эта на самом деле вовсе не была спектаклем. Может лошадиная шкура Векса и находилась в долгу скорее у пластика, чем у генетики, но все равно на ней скопилось немало колючек и репейников.

— Итак, — Род провел скребницей по холке Векса. — Альфар, начиная свои действия, имел лишь комплекс неполноценности и злость против всего света.

— Обыкновенная параноидная личность, — заметил Векс.

— Да, за исключением того, что он был эспером. И где-то по пути он стал куда более могучим, чем средний чародей. — Он посмотрел на Векса. — Может быть просто потому, что сумел уговорить примкнуть к нему еще несколько ведьм и чародеев?

— Наверное, — в тоне робота звучал сильный скептицизм. — Мне не отделаться от мысли, что тут скрыто нечто большее.

— И ты, вероятно, прав, к тому же... Итак Альфар внезапно пережил резкий рост сил и сколотил банду. А потом начал, как хороший ганстер, нажимать на местное население.

— Процесс этот начинается с запугивания, — отметил Векс.

Род на минуту перестал скрести. — Может быть... Даже солдаты путались когда шли на него в поход... — Он пожал плечами. — Трудно сказать. В конечном итоге он оказался в состоянии подвергать массовому гипнозу целые деревни. Хотя, судя по рассказу солдата, его нужно проделывать углубленно, на индивидуальной основе.

— Солдат подвергли массовому гипнозу в горячке боя, Род, и очень быстро. Крестьянские деревни обрабатывались постепенно, неспешно, судя по утверждениям Саймона, на протяжении многих дней или недель.

— Верно. Поэтому он будет действовать более основательно. Хотя некоторых загипнотизировать пот-

рудней, чем других. Он снова поднял взгляд на Векса. — А эсперы похоже невосприимчивы к гипнозу.

— Кажется так, судя по Саймону.

— Да... — Род немного подумал об этом. А затем отмахнулся от подобных размышлений. — Так или иначе. Когда Альфар создал себе достаточно прочную опору, один из местных рыцарей встревожился и попытался скovyрнуть его, пока он не стал слишком сильным. Он уже был слишком.

— В самом деле, — согласился Векс. — Он сделался уже достаточно могущественным, чтобы одолеть рыцаря и его деревенское воинство.

Род кивнул. — К тому времени, когда он сделался достаточно сильным, чтобы одолжить местного барона, он поглотил силы нескольких рыцарей. Поэтому барон пал, и началась цепная реакция — сначала барон, потом граф, а, затем, наконец и сам герцог. И на этом она не заканчивается, не так ли?

— Определенно не кончится, Род. Теперь в его распоряжении ресурсы целого герцогства.

— Да. Мы все знаем, чего он предпримет теперь, не так ли?

— Но ведь Гвейдайлон и дети принесли известия Туану и Катарине, Род. Я не сомневаюсь, что Туан уже собирает войска.

— Да, собирает. Но пройдет по меньшей мере неделя-другая прежде, чем он сможет выступить в поход на север.

— Альфар, наверняка, не сможет быстро объединить свои новообретенные войска, чтобы оказаться в состоянии напасть на Туана!

— Я думаю, он и в любом случае не напал бы. — Род заглянул в вексовскую имитацию глаз. — Всей герцогской конницы и всей герцогской рати не хватит для борьбы с королевской армией.

— Верно, — допустил робот. — Следовательно, он нападет на графа Тюдора.

— Ты действительно думаешь, что он осмелился нанести удар в такой близости от Туана?

— Возможно и нет. Наверное, он попытается завоевать сперва Габсбург.

— Просто великолепно, иметь выдающихся соседей... И если он сумеет проглотить Габсбург, то ему придется переварить его прежде, чем он сможет приняться за Тюдора.

— Сомневаюсь, что он будет пытаться. Возможно, он и сумеет быстро разбить графа, но ему пона-

добиться время для завершения индоктринации пленных солдат.

— А пока он переваривает, то будет совсем рядом с Туаном. Да, ты прав. Он попытается пройти через Тюдор форсированным маршем и атаковать Туана сразу, и значит, наша задача не дать ему возможности напасть еще на одного барона, прежде, чем Туан нападет на него.

— Какие ты предлагаешь методы, Род?

— Обычные, — пожал плечами Род. — Ударить и смыться, подставить ножку, подложить свинью, распускать слухи — ничего существенного. Постоянно выводить его из равновесия. Что должно оказаться не слишком трудным, но он очень скоро почувствует себя непрочным.

— Конечно, почувствует. И, будучи параноиком, попытается ликвидировать всех видимых врагов прежде, чем уделит внимание нападению.

— Может быть. Но параноик может также решить напасть на соседнего барона быстрее, чем тот успеет напасть на него, а для подавления о внутренних врагах завести собственную тайную полицию. — Род с досадой стиснул кулак. — Проклятье! Если б можно было предсказать, что сделает отдельный человек!

— Радуйся, что нельзя, — напомнил ему Векс — иначе ВЕТО и его тоталитаристы могли бы с легкостью восторжествовать.

— Верно, — проворчал Род. — И коль речь зашла о наших пролетарских приятелях, ты видишь в этом деле какие-нибудь свидетельства их вмешательства?

— Техника Альфара напоминает их приемы, — признал Векс.

— Напоминает? Да тут сбываются все их желания! У него именно та способность, о которой они мечтают — дистанционное, массовое промывание мозгов!

Что за это не отдаст любой хороший диктаторишка?

— Наверное, свою душу?

— Шутишь? При тоталитаризме дело обстоит совсем наоборот — другие отдают диктатору свои души.

— Вывод неприятный, но точный. Тем не менее, нет никаких свидетельств активности агентов из будущего.

— Ни тоталитаристов, ни анархистов, да?

— Определенно, Род.

— Даже внезапный, огромный подъем сил Альфара?

— Эта способность меня беспокоит, — признался Векс. — Проецирующий телепат, который способен

одолеет в один прием целый приход... И все же, нет причины считать, что за этим стоят тоталитаристы.

— Нет, есть, — возразил Род. — Судя по рассказанному мне Саймоном, а его рассказ подкрепляет то, что говорила Гвен — транс, в котором находятся все эти люди совершенно безличным.

— Можно сказать, почти обезличенный? У меня возникала такая же мысль, Род. Я узнаю это состояние.

— Да, механическое, не так ли?

— Верно. Но это не убедительное доказательство вмешательства агентов из будущего.

— Да, но наводит на размышления, — Род в последний раз прошелся скребницей по синтетической лошадиной шкуре. — Вот! Теперь ты такой новенький и сияющий, словно только прибыл с фабрики. Ты не возражаешь против длинной привязи, просто для вида?

— Я бы возражал против ее отсутствия. Она необходима, Род.

— Мы должны поддерживать видимость, не так ли? Род сунул руку в телегу, вытащил длинный кусок веревки, привязал один конец к узде Векса, а другой к подходящей ветке дерева. — К тому же, ты можешь легко порвать ее, если захочешь.

— Я не поколеблюсь это сделать, — заверил его Векс. — Спи пока можешь, Род. Отдых тебе понадобится.

— Какой ты оптимист. — Род вытащил из телеги плащ и вернулся к бивачному костру. — Я не в состоянии скинуть с души груз дневных забот.

— Попробуй, — настаивал робот

— Я попробую уснуть, но надо быть начеку. — Род улегся и закутался в плащ. — Может быть надо и дальше бодрствовать?

— Не стоит, если ты действительно хочешь уснуть. Я мог бы сыграть тихую музыку, Род.

— Спасибо, но, по-моему, ночные певуны справляются с этим весьма неплохо.

— Как пожелаешь. Спокойной ночи, Род.

— Надеюсь на это, — отозвался Род. — И тебе того же, Векс. — Он перевернулся к костру...

... и увидел широко раскрытые, спокойные и задумчивые глаза Саймона

— Э... приветик. — Род выдавил из себя болезненную улыбку. — Слушай, держу пари ты гадаешь, чего это я делал, бессвязно бормоча. Не так ли?

— Не совсем, — ответил Саймон. — Хотя я нахожу твой разговор весьма любопытным.

— Так оно и есть. — У Рода засосало под ложечкой. — Тебя,... э, беспокоит, что я, разговариваю с конем?

— Вовсе нет. — Саймон поднял брови. — Это не так уж плохо разговаривать с самим собой.

— Это мысль...

— И неудивительно, — наградил его довольно мрачной улыбкой Саймон. — Не забывай, я ведь трактирщик, и на моем постоялом дворе е оставались много возчиков. И все, кого я знал, разговаривали со своей лошадыю.

— О. — Род надеялся, что его удивление не проявилось у него на лице. — Ты хочешь сказать, что это обычное?

— Только в одном необычное — ты первый из услышанных мной, кто разговаривая с конем и говорил не бессмыслицу. Род решил, что это был комплимент.

ГЛАВА 11

Они встали едва рассвело, и на заре уже катили по дороге. Устранив главные вопросы, оба спутника непринужденно болтали между собой. Саймон — трактирщик и Оуэн — фермер. Рассказы Оуэна о своих детях носили поразительное сходство с опытом Рода Гэлоутласа, что едва ли могло удивлять. С другой стороны, во всех этих историях ни словом не упоминались о подростковых ведовских силах. У Рода хватило осторожности не сболтнуть лишнего на данную тему.

Это было нелегко. Род обнаружил, что у них с Саймоном много общего — жены и дети. Он также находил общество Саймона удивительно ободряющим. Вместо обычных страшных опасений о поджидающих отца ужасах переходного возраста, Саймон ограничивался в рассказах о частной жизни детскими болезнями — хотя, признался, что все его дети уже стали взрослыми, и его слова о приближающихся первых родах дочери были чистой правдой. Род опять начал настаивать, чтобы Саймон повернул на юг к дочери, тем более что Саймон упомянул, что жена его умерла уж много лет назад, но трактирщик лишь уведомил Рода, что дочь его жила в действительности к северу от его родной деревни — отчего он был вдвойне трусом, пустившись в бегство. На это Род ничего не мог сказать, поэтому расслабился и наслаждался обществом Саймона. Когда они подъехали к первой деревне, Род чувствовал себя в отличной форме, что было кстати, потому что им встретила толпа народу.

Крестьяне с воем вынеслись из деревни, швыряя камни и размахивая вилами, но не в сторону Саймона и Рода. Мишенью им служил невысокий малый, который удирал со всех ног, ухитряясь оставаться на дюжину ярдов впереди толпы.

— Бей чародея! — кричали в толпе, — камнями его! Заколоть его! Пустить ему кровь! Сжечь его! Сжечь его! Сжечь его!

Пораженные Саймон и Род уставились друг на друга. Затем Саймон отрывисто бросил: Он не может быть из породы Альфара, иначе солдаты изрубили бы этих крестьян! Живо, Оуэн!

— Ты слышал его! — Род щелкнул кнутом над головой у Векса, поддерживая видимость. — Вперед!

Векс рванул галопом. Позади загремели тележные колеса.

Род резко затормозил, когда они миновали убегающего чародея. И Саймон крикнул: — Забирайся парень! Ради собственной жизни!

Бегущий поднял удивленный взгляд, а затем прыгнул на телегу, в то время, как Саймон поднялся на ноги и выкрикнул голосом, прорвавшимся сквозь крики толпы.

— Я тоже владею магией! Теперь вы столкнулись лицом к лицу с двумя чародеями! Вы по-прежнему желаете зажечь дровишки?

Толпа застыла, призывы к насилию замерли у них на устах.

Саймон стоял, расслабившись, но с лицом, как из гранита. Он медленно обвел взглядом толпу, выделяя здесь и там отдельные лица. Но не сказал ни слова.

Наконец, вперед вышел невысокий толстяк, грозя Саймону дубинкой. — Посторонись, малый! Убери телегу и лошадь! Мы ссорились с этим подлым чародеем, а не с тобой!

— Нет, — ответил Саймон. — Напротив, дело каждого чародея касается и всех остальных, ибо нас мало на свете.

— Каждого чародея? — негодуяще проблеял толстяк. — И дело Альфара тоже тебя касается?

Слова его вызвали угрожающий ропот, становившийся все более сильным.

— Касается ли нас дело Альфара? — расширил глаза Саймон. — А почему бы ему нас не касаться?

Шум оборвался, когда толпа, замерев, уставилась на него. Затем люди начали обеспокоенно, и немного испуганно перешептываться. Одно дело единственный костявой чародей, но двое вместе при поддержке Альфара...

Голос Саймона прорвался сквозь их шептанье. — Вам лучше разойтись сейчас по домам.

— О чем ты говоришь! — закричал толстяк. — Вернуться по домам? Нет! У нас есть тот, кого надо покарать! За кого ты себя принимаешь...

Голос его замолк под каменным взглядом Саймона. Толпа позади него смотрела во все глаза, а затем снова стала перешептываться. Род услышал обрывки фраз — Дурной глаз! Дурной глаз! — и приложил максимум усилий для понимания этой мысли, пристально глядя на толстяка, чуть сузив глаза и оскалив зубы в волчьей усмешке.

— Уходи, — посоветовал толстяку Саймон голосом, подобным финке.

Род едва верил произошедшей трансформации. Он мог бы поклясться, Саймон стал по меньшей мере на два дюйма выше и на четыре шире. Глаза его горели, лицо сделалось подвижным и трепещущим. Он так и излучал силу.

Запуганная толпа сбилась теснее, мрачно бормоча что-то. Саймон еще больше повысил голос. — Мы показали вам, в чьих руках находится истинная сила в нашей стране, но ей незачем обращаться против вас. Ступайте теперь по домам. — А затем улыбнулся, и впечатление о нем, казалось, смягчилось — он казался более мягким и успокаивающим.

— Ступайте, — посоветовал он — и побыстрей.

Эта трансформация потрясла толпу. Ее эмоции дергались то в ту, то в другую сторону; она не знала то ли негодовать на Саймона, то ли быть благодарной ему. Мгновенье она стояла в неуверенности. Затем один крестьянин медленно повернулся, чтобы уйти. Другой последовал за ним. Ушел третий, а затем и четвертый. Потом уж вся толпа двинулась обратно к деревне.

Толстяк в шоке глянул на уходящих, а потом снова на Саймона. — Возмездие еще придет! — закричал он. — Возмездие и костер для вас, ведьм!

Глаза Рода сузились в щелки, когда он напружинился, но Саймон успокаивающе положил ладонь ему на плечо и мягко посоветовал парню. — Ступай, иначе и впрямь будет возмездие, и я пальцем не пошевелию, чтобы помешать ему.

Толстячок с внезапным ужасом взглянул на Рода, затем стремительно повернулся и поспешил следом за расходящимися селянами.

Род, Саймон и незнакомец глядели ему вслед, застыв в немой сцене, пока он не исчез среди строений. Когда он скрылся из вида, Саймон выпустил долгий вздох и весь обмяк.

— Еще бы, — согласился Род — Ты часто такое проделывашь?

— Нет, — рухнул на сиденье Саймон. — Никогда в жизни.

— Значит у тебя чертовски большой талант, — Про себя же Род сильно подозревал, что Саймон был чуточку проецируемым телепатом, но не сознавал этого.

Даже при волнении от столкновения с толпой впервые в жизни, Саймон не забыл про беглеца. Он обернулся глядя, в кузов телеги. — Ты цел, приятель?

— Да, — прохрипел незнакомец. — Спасибо вам, люди добрые. Если бы не вы, от меня бы остался окровавленный кусок мяса. До сих пор дрожу при мысли о них! Благодарю вас от всей души. Буду молить о вашем благоденствии все звезды небесные! Буду...

— Ты будешь жить, — не смог подавить усмешки Род. — И мы этому рады. Но если ты чародей, то почему ты просто не исчез? Тут его осенила неожиданная мысль, и он повернулся к Саймону. — А чародей ли он?

— Да, — кивнул глядя на незнакомца Саймон. — Есть ощущение, уже дважды бывшее у меня, когда я встречал другого чародея и слышал его мысли, — ощущение пребывания в увеличенном разуме, в большем пространстве души.

Род знал это ощущение, и сам с ним встречался. При разной форме и силе, оно было одной из крупных выгод пребывания в браке с другим эспером и проклятием самому быть эспером, когда находишься около другого телепата, который не нравится. Какое-то время назад он решил, что дело тут в мысленной, но контролируемой обратной связи. Она должна быть контролируемой, иначе разнесла бы на части оба мозга. Прирожденная ведьма, думал он, должна еще в детстве создать себе некий заслон восприятиям, своего рода блокировочный механизм, переводящий мысленную энергию на комфортный уровень.

— Он чародей, — снова подтвердил Саймон. — Почему же ты не исчез, любезный?

— Да потому, что не мог. — извиняюще улыбнулся незнакомец, разводя руками и чуть склоня голову набок. — Что я вам могу сказать? Я очень неважный чародей, умеющий лишь слышать мысли других, да и то только, когда те неподалеку от меня. И даже тогда я слышу их нечетко.

— Я тоже, — улыбнулся Саймон печально. — Я слышу лишь находящихся в том же доме, что и я.

— А я только, когда они в нескольких ярдах, — кивнул незнакомец. — Иногда мне приходило в голову, невольно кое-что из мыслей других, что такой-то влюблен в такую-то, или, что тот желает другому смерти. И время от времени у меня срывалось с языка неосторожное слово. А тот, с кем я говорил, в ужасе глядел на меня и восклицал: — Как ты мог узнать об этом? От меня никто этого не слышал, я никому о том не говорил!

— И поэтому они догадались, кто ты такой, — кивнул Род.

— Это стоило мне некоторых друзей, какие у меня были с самых ранних лет. И все же я не нажил никаких врагов, ибо, как я сказал, чародей я самый бессильный. Все, слава богу, узнали, что я никому не желал зла.

Этому Род мог поверить. Незнакомец был человеком невысоким, с покатыми плечами и впалой грудью, с вялым небольшим брюшком. Цвет его волос походил на серовато-коричневый. У него были большие, светлые глаза, курносый нос и вечно виноватый вид. Ему могло быть не намного больше тридцати, но щеки у него уже начинали обвисать. Через лет пять они у него станут совсем бульдожьими.

Вечный неудачник, решил Род, бедолага, который намеренно никогда не причинит вреда, но всегда будет неловок и физически, и светски. — Никому не хотелось, чтобы ты мозолил им глаза, да? Но они не возражали и против твоего присутствия.

— Да, — подтвердил с грустной улыбкой незнакомец.

— Я знаю, как такое бывает, — вздохнул Саймон — В моей деревне тоже был такой паренек.

— Так всегда бывает, — сказал Род. — Такой порядок выполняет необходимую социальную функцию. Всем нужен кто-то, чье имя они не могут запомнить.

— Хорошо сказано, — улыбнулся Саймон. — И ты задел мою совесть. Как тебя зовут, любезный?

— Фларан, — ответил с той же улыбкой незнакомец.

— Фларан, — задумчиво повторил Саймон. — Скажи, Фларан, когда начал подниматься к власти колдун Альфар, твои односельчане ожидали, что ты будешь приветствовать его?

Улыбка Фларана стала теплее. — Ты и сам испытал это, не так ли? И когда Саймон кивнул, тихо рассмеялся. — Ты говорил подробно о таком, чего я видел сам. Да все мои соседи так и думали, если я

наделен подобной силой, то должен кричать, что Альфар — самая большая надежда, которую когда-либо видело наше герцогство. И все же я не кричал. Воистину, я сказал, что не доверяю этому человеку.

— Саймон кивнул. — А они подумали, что ты лжешь.

— Подумали, — согласился Фларан. — И тут же, мои старые друзья и, соседи перестали мне доверять. По мере того, как росли власть и слава Альфара, они все больше и больше сомневались во мне.

— Но ты ведь для них свой, — нахмурился Саймон. Как ни крути, их рода племени. Вот уж никогда не подумал бы, что они будут травить тебя и закидывать камнями.

— Я тоже надеялся. И сейчас сомневаюсь, что они стали бы. Но через нашу деревню потянулись люди, толкающие перед собой ручные тележки и несущие на плечах узлы. Хотя и невелики у нас запасы еды и эля, мы предлагали им остановиться, передохнуть.

— Нет, — отвечали они, — армии колдуна двинулись в поход, и мы бежим от них. Мы не смеем задерживаться, а то они погубят и вашу деревню. Потом они повернули и направились на юг.

Род и Саймон обменялись быстрыми взглядами. Саймон подтверждающе кивнул. Род понял: Саймон был одним из тех, кто проходил через эту деревню и не остановился.

— А тот шарик с длинным языком? — снова повернулся к Фларану Саймон. — Он из твоих односельчан или из чужих?

— Из чужих, — ответил Фларан, — он явился к нам в деревню, призывая гибель на головы всех, кто наделен какими-то силами. Ни кому нельзя доверять, твердил он, так как все ведовское племя должно ненавидеть обыкновенных людей, и потому все должны бороться с ним. Любая ведьма и любой чародей должны быть слугами Альфара.

— В самом деле? — полыхнул глазами Саймон.

— Может, мне не надо было отправлять его обратно в деревню.

— Нет, друг. Ты утвердил бы моих соседей в их ненависти. Но все равно, он натравил на меня моих односельчан. Хотя новости с севера столь насторожили их, что их не понадобилось особо натравливать. Я зашел в трактир выпить пинту эля, но когда оказался поблизости от хозяина, то услышал его мысли, его ярость и недоверие, его тайный страх, что толстячок-незнакомец может быть прав, что, возможно, все

ведовское племя следует побить камнями. Тут я выронил кувшинчик и бросился бежать.

— А они, конечно, все ринулись за тобой. — Род понял, что сработал стадный инстинкт.

— Именно так, — содрогнулся Фларан. — Это случилось час назад. Я укрывался и прятался, а потом бежал. Наконец, они обнаружили меня, и я не мог больше спастись. Я побежал к дороге, но устал и с трудом заставлял себя двигать ногами. Хвала небесам, что тут по большаку подъехали вы, а не то б из меня сделали отбивную!

Саймон похлопал Фларана по плечу. — Смелее друг, эта кровожадность спадет, как спадала прежде. Народ то и дело затевает охоту на ведьм, но она проходит. Пройдет и нынешняя.

Фларан сумел кое-как улыбнуться, но слова Саймона его, похоже, не убедили.

Рода они тоже не убедили — все это дело выглядело через чур умышленным. Это было заранее спланированное создание настроений, и существовала специально организованная группа, чтобы этим заниматься. Но зачем Альфару вызывать антиэсперские настроения?

Ответ осенил его, словно вспышка: Альфар организует охоту на ведьм для ликвидации конкурентов. В конце концов, единственная сила в герцогстве, способная противостоять ему, — это не примкнувшие к нему ведьмы. Оставленные в покое на долгий срок, они вполне могли собраться для самозащиты вместе, как поступили сейчас Саймон и Фларан. Если они сколотят крупный отряд беглых ведьм и чародеев, то составят силу, способную и впрямь скинуть его с кресла. А какой может быть лучший способ ликвидировать независимых, чем испытанная временем, охота на ведьм?

Если посмотреть на происходящее под таким углом, все приобретало блестящий смысл — неприсоединившиеся эсперы будут скорее всего против него; они будут наиболее чувствительны к его разновидности гипнотической тирании.

— Скажите-ка, кто-нибудь из вас чувствовал когда-либо, как один из людей Альфара пытается захватить власть над вашим разумом?

Оба подняли взгляд, пораженные его словами. А затем Саймон серьезно кивнул.

— Да. Это было... — он содрогнулся. — премерзкостно, друг Оуэн.

— Я еле почувствовал, — добавил Фларан.

— Но у меня вывертило наизнанку желудок и чуть не стошнило. Поднялась такая волна страха, и я думал, что она растрясет меня на куски. Ощущение, будто пальцы гладят тебе мозг... — он оборвал фразу, ему, похоже, опять сделалось дурно.

— Постарайся не думать об этом, — посоветовал Род, кляня себя за импульсивность. — Сожалею, что затронул эту тему. — А эти двое, — подумал он про себя, — люди мягкие. А что, случится если молодчики Альфара попытаются одолеть более сильного чародея? Или просто любящего подраться? Тот ведь впадет в ярость и станет охотиться за Альфаром.

Мысль о ком-то, пытающимся шкодить с его мозгом, вызвала мрачный прилив гнева. Он узнал его, попытался расслабиться, дать ему вытечь, но в голове у него возник образ Гвен и детей одновременно с мыслью, о каком-то властном молодом чародее, пытающимся тронуть их разум. Ярость взорвалась с внезапностью, сделавшей его беззащитным перед ней, сотрясающая ему тело своей силой, дикой и опаляющей, ищущей мишень, любую мишень, а Рода превратив в свое орудие. Он держался с трудом, пытаясь обуздать ее, не выпустить ее из себя, не дать повредить кому-нибудь еще.

Оба чародея глядели на него во все глаза. — Друг мой, — участливо спросил Саймон, — Ты здоров?

Такой кроткий вопрос, с такими добрыми намерениями! Но он разбил хрупкую мембрану самоконтроля Рода.

Он бросился прочь с телеги и в поле. Не порань их. Дай ей выплеснуться, но не покалечь их. Ему требовался, какой-то способ канализировать гнев, дать ему растратиться безвредно. Бег был подходящим выходом.

Впереди вырос валун, такая торчащая из земли скала в четыре фута высотой с валунами поменьше у основания. Род схватил камень, примерно, с фут в поперечнике и поднял его над головой, крикнув от натуги. С миг он постоял, держа равновесие, прожигая взглядом валун, а затем изо всех сил швырнул камень, прокричав, — Будь ты проклят!

Камень ударил по валуну с треском пистолетного выстрела. Полетели осколки, меньший камень раздробился и со стуком упал к основанию валуна.

— Чтоб тебе сгореть в собственной магии! — пронзительно крикнул ему Род. — Что б ты провалился в крысиную нору и разучился телепортироваться! Что б тебе запрыгнуть на небо и

не вернуться на землю! — он бушевал, изрыгая добрых пять минут неразборчивые проклятия. Наконец, гнев спал, Род опустился на колени, все еще прожигая взглядом валун. Затем медленно опустил голову, хватая воздух открытым ртом, подождал, когда прекратится дрожь. Когда сердце прекратило частить, он встал, немного пошатываясь. Повернулся к стоявшей в пятидесяти ярдах от него телеге — и увидел смотревшего на него Фларана.

Неподалеку стоял Саймон, следя за ним с мягким сочувствием.

Вот именно это и уязвляло — сочувствие. Род скривился от такого зрелища. Оно десятикратно умножало его досаду. Он отвернулся, бормоча — Извиняюсь, за такое буйство. Я, э... делаю это не часто. Ты сделал то, что хотел тягу сделать и я, — заверил его Саймон.

— Ну... спасибо. — Но это не помогло. — Просто меня возмутила мысль, что кто-то попирает других людей, не думая о них!

Саймон кивнул. — А когда рядом с тобой нет предмета твоего гнева, вынести трудней. Ты хорошо поступил, отыскав для мщения объект с бесчувственностью камня.

— Но сила-то его растрочена зря — именно так ты думаешь? Зачем расходовать энергию, не причиняя ни малейшего вреда тому, на что я гневаюсь?

Саймон нахмурился.

— Такого я не думал. Но теперь, когда ты сказал это, то я согласен. Было б разумней обуздать свой гнев до тех пор, пока появится возможность использовать его силу для исправления безобразий, которые вызывают возмущение.

— Сказать-то легко, — усмехнулся Род. — Но как обуздать свой гнев? Это только кажется простым, но тебе следует как-нибудь попробовать это! Вот тогда ты... Он оборвал фразу, пристально глядя на Саймона.

— Ты ведь это пробовал, не так ли? — Да. Думается, пробовал. Последняя твоя фраза подтверждается.

— Именно так, — признался Саймон.

— У тебя горячий нрав? Ты впадал в ярость? Ты — мистер Милый Парень собственной персоной? Мистер Спокойствие? Мистер Флегматичный? Ты?

— В самом деле, — признался Саймон, и его улыбка в первый раз приобрела иронический оттенок. — Не так-то легко, друг Оуэн, скрыть свое знание чужих мыслей. Крайне соблазнительно в минуты гнева,

использовать те мысли против других — сказать — Я трус? Когда у тебя перед битвой поджилки тряслись от страха, и ты сбежал бы, если б позади тебя не стоял твой капитан с мечом?

Ибо в самом деле, он шагал вперед, и каждый, видевший его, счел бы его никем иным, как храбрым. Однако я знал, и был достаточно глуп, чтобы сказать об этом вслух. Потом был другой случай, когда я проявил себя, сказав:

— Как вы можете, отец, называть меня развратником, когда сами воцарялись к жене Тома пастуха?

Род присвистнул, — Священников не тронь!

— Да, но я в своей юношеской гордыне возомнил, что имею власть над всеми, узнав, что могу слышать мысли других и в восторге и беззаботности сильного слушал мысли всех окружающих. Никто в селе не был свободен от моего подслушивания мыслей. Когда кто-нибудь выказывал мне презрение, я использовал свое припасенное знание его самых темных тайн и во всеуслышанье оглашал его позор! Он наливался яростью, но не показывал виду, чтобы все не поняли, что я сказал правду. Нет, он мог лишь с рычанием отвернуться и уйти, а я злорадствовал, упиваясь своей новообретенной силой.

— Сколь долго тебе это сходило с рук? — нахмурился Род.

— Трижды, — поморщился качая головой Саймон.

— Всего три раза. Когда гнев проходил, обиженные мной начинали размышлять. Они знали, что сами не говорили ни одной живой душе о своих тайных страхах иль воцарениях. По воле случая они делились своими догадками друг с другом....

— Кой черт, по воле случая! Ты публично оскорбил каждого из них; они знали, с кем обмениваться впечатлениями.

— Вероятно, — вздохнул Саймон. — А коль скоро они узнали, что я оглашал такое, чего никто из них никогда не говорил вслух, то им было не так уж трудно догадаться, что я, должно быть, чародей, да такой, что не поколеблется использовать, приобретенное из мыслей других знание, им во вред. Они, конечно, же распространили известие об этом по всему селу....

— Именно “конечно же”, — пробормотал себе под нос Род, — особенно, если там деревенский поп. Кто ж усомнится в его слове? В конце концов, даже если он и желал жене ближнего, то, по крайней мере, ничего не предпринимал для этого желания.

— Что уже больше, чем можно было сказать о большинстве его паствы, — добавил с кислой гримасой Саймон.

— Да, он тоже говорил со мной о моей “нечистой силе” — и слух разлетелся по всему селу, настроив против меня всех соседей. — Лицо его скривилось от горечи.

— Действительно, я всего лишь получил по заслугам, но чувствовал себя преданным, когда они выступили против меня всей толпой крича — Мыслекрад! Клеветник и Колдун! — преданным от того, что большинство из них порой сплетничали обо мне — и я их простил.

— Но ты обладал оружием, которое они применить не могли.

— Да. Не “не стали бы применять”, а “не могли”, — гримаса Саймона превратилась в сардоническую. — Поэтому они подняли шум и крик и выгнали меня из села. — Он содрогнулся, закрывая глаза. — Ах, хвала небесам, что я не наделен никакой другой силой, кроме способности слышать мысли! Я бы возвратился в гнев швырять в них огромные камни, шаровые молнии, острые ножи. Подымал бы их ввысь и бросал наземь! Он снова согнулся, и глаза его распахнулись, глядя в пространство.

Род увидел, что в нем снова поднимается обида, и быстро вмешался, прошептав: — Спокойно, спокойно. Это ведь было давным-давно.

— Вину я исправил. — Саймон снова выдавил из себя улыбку.

— Я понял ошибочность поведения, я раскаялся и полностью искупил свой грех. Сбежав из своей деревни, я скитался, ослепленный яростью и горечью, не зная, куда несут меня ноги. Сорок миль, пятьдесят, сто — пока, наконец, измотанный ненавистью, я не свалился с ног в какой-то пещере и не уснул. Пока я спал, на меня повеяло каким-то утешающим бальзамом, успокаивая мой мятущийся дух. Проснувшись, я почувствовал себя посвежевшим, созданным заново. Удивляясь, случившемуся, я мысленно искал силу, сотворившую такое чудо. И обнаружил кладезь святых мыслей, которые я невольно впитал в себя во сне. То была община святых братьев, обитавшая в монастыре, находящемся в сотне ярдов от пещеры, в которую я, благодаря везению, свалился от усталости.

Саймон уставился в пространство. — Моя душа искала даваемого ими утешения и направила мои стопы к ним.

— Возможно, — согласился Род. — Но я думал, что в нашей стране есть только один монастырь — аббатство св. Видикона, на юге.

— Нет, есть и другой, здесь в Романове, хотя и не очень большой.

Род задумчиво кивнул. Он знал, что главный монастырь представлял собой конклав эсперов, знавших о внешней вселенной и о современной технологии и постоянно экспериментировавших со своими пси-способностями, пытаясь найти новые способы применять их. Не мог ли этот северный монастырь быть обителью того же типа? Может и нет, если они не заметили в такой близости смятенного духа Саймона.

С другой стороны, они может и заметили... — значит простое пребывание поблизости от монахов исцеляло душу.

— В самом деле, их покой распространился и на меня. Я сделал метлу и подмел пещеру; устроил себе постель из веток и папоротника. Со временем я устроил там уютный дом и дал покою братии утешить мою ярость и наполнить душу. — Он улыбнулся, глядя в далекое прошлое.

— Их душевный мир все еще пребывает во мне, столь глубоко он проник. — Он повернулся к Роду.

— Через несколько недель, я принялся размышлять об их мире и спокойствии. Что служило его источником? Как они пришли к нему? Я прислушался к их мыслям внимательней. И из всех счел самыми чудесными те, которые рассуждали о травах и их воздействии. Поэтому я начал проводить много времени в головах у монахов, трудившихся в перегонной, получая жидкости и эликсиры. Я упивался каждым новым известием, каждой мыслью.

Когда время повернуло к зиме, я пристроил к своей пещере дверь, выдубил меха и сшил шубу. Сидел у костра и прислушивался еще внимательней, так как зима загнала монахов в обитель. Снега лежали глубокие, они не могли далеко отойти от обители. Тут даже друзья могли истрепать друг другу нервы. Братия созрела для раскола. Вспыхивали ссоры, и я жадно прислушивался к каждому крику, горя желанием увидеть, смогут ли они по-прежнему сохранить святость. Но меня удивило, ибо даже вспыхив, монахи помнили о своих молитвах. Они прощали друг друга и расходились в разные стороны! — Саймон вздохнул, качая головой. — Каким чудесным это мне казалось!

— Чертовски верно! — прохрипел Род. — Как им это удавалось?

— Благодаря посвящению себя богу, — объяснил с блаженной улыбкой Саймон — и благодаря постоянной памяти, что Он, Путь Его важнее их самих или их гордости, даже чести.

— Их чести? — одеревенел, уставясь на него Род. — Эй-эй! Не хочешь же ты сказать, будто они думали, что Бог желает им быть униженными!

Саймон покачал головой. — Нет, совсем наоборот! Они уповали на то, что Бог такого не допустит! Род испытал потихоньку накатывающее на него предчувствие. Он наблюдал уголками глаз за Саймоном.

— Как предполагалось ему это сделать? — Дав им знать внутренне, какие деяния гоже совершать, а какие не гоже. И тогда, даже если человек воздерживался совершать какое-то деяние, которого от него ожидали другие люди, он всё же мог считать себя достойным, хотя б собратья и глумились над ним. Таким образом, он мог гордо держать голову — ибо конечном-то итоге, унижение заключается в тебе самом, а не том, чем тебя наказали собратья.

Род нахмурился, — Ты пытаешься сказать мне, что человек может спасти лицо, даже если все прочие презрительно тычут в него пальцами?

— Саймон покачал головой. — Такого не требуется. Если какой-то человек устранился от ссоры, а другой высмеет его за это, то первому нужно лишь сказать: “Мой Бог сего не желает”, — и другой поймет и будет уважать его за воздержанность. На самом-то деле первому, даже не понадобится говорить этого вслух, нужно лишь сказать про себя, в душе.

— Мой бог повелел мне возлюбить ближнего своего, — Он посмотрел Роду прямо в глаза. — Ибо эта “честь”, которой ты дорожишь, это “лицо”, о котором ты говоришь, есть всего лишь твое мнение о себе. Обычно мы полагаем, что дело в том, как думают о нас другие, но это не так. Просто большинство из нас столь мало себя уважают, что мы считаем мнение о нас других более важным, чем свое собственное.

И почему нам нужно спасать свой лик — свое “лицо”, каковое понятие означает всего лишь то, чего видят в нас другие. Нам это известно только из того, что они о нас думают — так что наше “лицо”, если толком разобраться, есть ничто иное, как мнение о нас других. Мы считаем что должны требовать от других уважения, или не сможем сами себя уважать.

— Он, улыбаясь, покачал головой. — Но это представление, как ты понимаешь, ложно.

— Если какой-то человек действительно придерживается о себе высокого мнения, то его не станет волновать, чего о нем думают другие, если он знает что он хорош.

Сидевший в телеге Фларан нетерпеливо заерзал. Он следил за разговором издали, и ему похоже, не понравилось принятое им направление.

Саймон кивнул, пылая взором. — Верно, верно! И все же способны на такое немногие. Немногие столь уверены в себе, что их собственное мнение значит для них больше, чем уважение всех остальных собратьев.

— Что означает, — подчеркнул Род — на самом деле они не столь уж сильно верят в себя — иначе им не требовалось бы устраивать такой спектакль из своего предполагаемого превосходства.

— Это верно, во всех смыслах. Нет, большинство из нас чтобы иметь хоть какое-то собственное достоинство должны полагаться на чей-то авторитет, почитаемый выше нашего, подтверждающий наше мнение. Чем бы он ни был: законом, философией или Богом. Тогда, если ты вспыхнешь и занесешь руку сокрушить меня, а я, в гневе, положу свою руку на кинжал — один из нас должен отступить, чтобы обойтись без членовредительства.

— Да. — согласился Род. — Но что произойдет, если ни один из нас не захочет уступить? Мы же потеряем лицо, потеряем честь.

Саймон кивнул. — Но если я могу сказать “Я не ударю, ибо Господь мой велит возлюбить врагов моих” — тогда я смогу убрать свой кинжал в ножны, отойти, и не снижать свое мнение о себе. — Его улыбка стала теплее. — Таким образом, да будет мне Бог “спасением лика”.

Род медленно кивнул. — Я могу понять, что из этого выйдет. Но тебе требуется быть настоящим верующим.

— В самом деле, — вздохнул Саймон, и покачал головой. — Эта задача для святого, друг Оуэн, а я не из таких.

У Рода имелось на этот счет собственное мнение.

— Достаточно было и покоя монахов, коим я настолько проникся, что когда наступила весна, и ко мне пришел селянин, умоляя вылечить его корову, которая должна была отелиться да заболела — я от своего одиночества очень обрадовался его обществу.

Я перегнал ему нужные травы и отправил его домой. Через несколько недель явился еще один, а потом еще, и еще. Я приветствовал их общество и старался завоевать их приязнь — и все же не завоевал того, чему научился у любезных братьев — что сами люди важнее их действий или неосторожных слов. Таким образом я научился обуздывать свой гнев, и никогда не открывать в сердцах ничего, что я мог узнать из их мыслей. Ох, и нелегкие же то были времена: хотя уста их разговаривали вежливо, в головах у них могли быть оскорбления того, к чьей помощи они прибегали. — Он улыбнулся, позабавленный воспоминаниями о самом себе, солидном трактирщике в роли рьяного анахорета.

— И все же я не забывал, что они мои собратья, и поэтому дороги. Время от времени меня одолевало сильное искушение сказать им, что унижит их — скрытую правду о самих себе, которые заставила бы их съехиться. Но я воздерживался и всегда помнил, что их надо любить. Я помогал всем, от бедного крестьянина до деревенского попа, который сперва счел меня вызовом своему авторитету, но потом стал уважать меня.

— Да, — улыбнулся повеселевший Род. — Полагаю, что ты способен иметь дело с теми, кто носит свой авторитет словно мантию.

— Да, — подался вперед Саймон. — Так же, как это сделал я, можешь сделать и ты.

Род на минуту взглянул на него, а затем отвернулся. Чтобы не встречаться взглядом с Саймоном он направился к дороге. — Нужно — сдерживать свой гнев, даже по отношению к такой гнили как Альфар? — Он покачал головой. — Я не могу понять, как это можно, в отношении того, кто причинил стольким людям столько несчастий!

При упоминании имени Альфара, Фларан вылез из телеги и присоединился к ним.

— Выпускай свой гнев на деяния, — негромко предложил Саймон — но не на человека.

— Я слышу твои слова, но не могу понять их значения, — скрипнул зубами Род. — Как можно отделить человека от его действий?

— Помня, что любой человек драгоценен и может отворотиться от собственного зла, если только сможет узнать его.

— Разумеется, может. — Плечи Рода затряслись от приступа внутреннего смеха. — Но станет ли? Каковы на это шансы, мастер Саймон?

— Всякий может сбиться с пути.

Род покачал головой. — Ты исходишь из того, что Альфар в основе своей добр — всего лишь обыкновенный человек, поддавшийся искушению отомстить, открывший, что он, действительно, может приобрести власть, и, когда он приобрел ее, она разложила его.

— Истинно так, — нахмурясь, поглядел на него Саймон. — Разве не всегда так бывает с теми кто творит неправоe дело?

— Может быть. Но ты забываешь о возможности зла. — Род поднял взгляд и заметил присутствие Фларана. Взвесив, что он собирался сказать, Род решил, что будет лучше, чтобы Фларан услышал это. — Разумеется, во всех людских душах есть потенциал добра, но в некоторых этот потенциал уже погребен, прежде чем им стукнет два года. И погребен он столь глубоко, что откопать его невозможно. Они вырастают в убеждении, что никто не способен чего-то дарить. Сами они не умеют любить или дарить любовь — и считают, что все, кто говорит об этом, разыгрывают спектакль. — Он сделал глубокий вдох и продолжал, — хотя говорить об этом в общем-то незачем. Нужно всего-навсего одно слово “разложение”. Альфар уступил искушению сделать нечто, неправильное, потому что ему очень понравилась мысль стать могущественным. А теперь, когда он вкусил власть, он сделает что угодно, чтобы не отдать ее. Кому бы там ни пришлось причинить вред, скольких убить, или причинить страданий для него не имеет значения. Он допустит все, что угодно, лишь бы не стать тем, кто он есть на самом деле — заурядным, серым человеком, которого, вероятно, не очень-то любят.

Глаза Фларана сделались огромными, он стоял, замерев.

— И все же не забывай, он-человек, — убеждал его Саймон. — Неужели сие ничего для тебя не значит, друг Оуэн?

Род покачал головой. — Не давай тому обстоятельству, что он человек, заставить себя поверить, будто он считает тебя человеком. Он не может так считать — он обращается с людьми, так словно они арбалетные стрелы — нечто такое, что использовал и забыл о нем. Он нисколько не задумываясь, попирает разум других людей. Разве он не понимает, что они тоже живые, чувствующие люди? — Альфар не может так считать, иначе не поступал бы так. Он должен быть лишенным совести, зачерствевшим душой — настоящим злом.

— И все же внутри он человек, — робко заикнулся Фларан. — Даже Альфар не дьявол, мастер Оуэн.

— Телом может и нет, — буркнул Род. — Я могу поверить, что у него нет ни рогов, ни хвоста. Однако душа его...

— И все же у него есть душа, — взмолился Фларан. — Послушай, он может и злой, — но тем не менее, человек.

Род сделал глубокий неровный вдох, а затем медленно выдохнул. — Друг Фларан... умоляю тебя оставь это! Я видел дела Альфара, и дела его подчиненных. Давай не будем говорить о его человечности.

Фларан умолк, но глядел на Рода внимательно. Род заставил себя забыть об этом взгляде и взял вожжи. Он шлепнул ими Векса по спине, и робот-конь тронулся вперед.

Когда молчание стало очень неудобным, Род спросил. — А тот маленький толстый горлопан, возглавлявший толпу — как он вычислил, что Фларан чародей?

— Да ясно как... надо полагать услышал, как об этом говорят мои соседи...

— Это кажется маловероятным, — нахмурился Род. Ведь он же чужак. Как он столь быстро выяснил, под какой крышей, какие мыши?

— Я думаю, — предположил Саймон. — что у Альфара есть приверженцы, мелкие ведьмы и чародеи, которые мало, что умеют делать, кроме чтения мыслей. Они рассеяны по всему герцогству — и их главная обязанность выслеживать тех, кто наделен Силой.

— О? — Род держался неподвижно, сохраняя небрежный тон. Как ты узнал об этом?

— Никак, но время от времени, я ощущал прикосновение разума, искавшего чего-то или кого-то определенного. И, вскоре, я уловил обрывки мыслей, коими явно обменивались чародеи, предупреждая, что такой-то и такой-то обладает какой-то степенью Силы.

— Как же они не вывели тебя? — удивленно спросил Фларан.

— Я, как уже сказано, довольно слаб в чародействе, — улыбнулся Саймон. — К тому же я научился скрывать те жалкие силы, какие у меня есть, думал, как все у кого они всегда отсутствуют, сохраняя на поверхности спокойные, и обыкновенные, мысли. Вот ключ к тому, чтобы случайно не разоблачить себя — думать, словно обыкновенный человек. Тогда ты будешь говорить и действовать, как таковой.

Фларан кивнул, остановив взгляд на лице Саймона.

— К этому я прислушиваюсь. Внемлю твоим словам.

— Внемли, это убережет тебя от многих горестей. Начинай уже сейчас думать, словно Джон-Простак, ибо мы никогда не ведаем, когда могут слушать шпионы Альфара.

Фларан вздрогнул, метнул быстрый взгляд через плечо, а затем съежился.

— А тебе, друг Оуэн, страшиться нечего, — заверил Саймон рода. — Никакой шпион не узнает, что ты тут!

— Ну да! — поднял взгляд пораженный Фларан. — Как так?

— О, я, гм, — невидим. Для читающего мысли, — сказал, как можно беззаботней, Род, пытаясь скрыть неудовольствие. Как посмел Саймон сболтнуть информацию о нем. “Так тебе и надо”, — сказал он себе, в порядке утешения. И это было правдой, ему следовало б знать, что незнакомцу лучше не доверяться. Но Саймон был чертовски симпатичным...

— Ах, если б я только мог так спрятать себя! — воскликнул Фларан. — Нет, ты скажи! Как тебе удается?

— Неплохой вопрос, — процедил сквозь зубы Род. — Не могу тебе сказать. Но мне думается, это как-то связано с тем, что я в основном недолюбливаю всех людей.

Потрясенный Фларан уставился на него во все глаза.

— Если, действительно, добраться до самой сути, — признался Род, — то я на самом деле не очень-то люблю людей.

На некоторое время это признание охладило их разговор. Они ехали на север, погружившись в свои мысли.

Но Род не мог избавиться от чувства, что оба его спутника пытаются погрузиться и в его мысли. Правда, нельзя сказать, чтобы оба не были хорошими людьми, но в него начинали закрадываться подозрения. Разговор о ментальных шпионах взволновал его, и он вспомнил, что Саймон и Фларан были, в конце концов, чужаками. На него нахлынула волна одиночества, и он взглянул на небеса и с облегчением увидел, что небо ясное, но с дефицитом по части крылатой живности. Хорошо хоть его семье не грозит влипнуть в эту передрагу.

Но странно. Он не привык к тому, чтоб Гвен его слушалась.

ГЛАВА 12

Род заметил белку, поглядывавшую на него с ветвей, и голубей, переставших чистить перышки и принявших следить за ним с крыши трактира, когда они завернули телегу во внутренний двор. Род слез с воза и почувствовал, как сильно болят у него суставы от четырехчасовой езды. Привязав вожжи к коновязи, он обернулся и увидел, что Фларан тоже слезает с воза, а Саймон настойчиво разминает ноги.

— Не беспокойся, — заверил его Род. — они по-прежнему действуют.

Саймон улыбнулся. — Вопрос в том, не желаю ли я, что б они не действовали?

— В порядке предположения, я б сказал, что ты все еще забавляешься. — Род зашел в трактир. — Посмотрим, что имеется на кухне?

Речь тут шла как о хорошем бизнесе, так и о голоде. Род сумел обменять бушель продуктов на обед для троих. Фларан настоял на уплате Роду того пенни, который он не так давно собирался истратить на пиво, Саймон тоже не отстал от него. Род возражал, но в итоге принял от них деньги.

Обед вышел щедро приправленным сплетнями. — Вы с дороги? — спросил хозяин постоянного двора, ставя перед ними блюда. — Тогда скажите, правда ли то, что бают об Альфаре?

— Это зависит от того, что вы слышали, — осторожно ответил Род. — Я, лично слышал об этом человеке очень многое.

— Да то, что он пропал из виду! — нагнулся в их сторону крестьянин за другим столом. — С тех пор, как он взял замок Романов, его никто не видел.

— О, в самом деле? — насторожился Род. — А вот об этом я не слыхивал!

— Это странно, если правда, — сказал крестьянин. — Вот ведь появился человек из ни откуда, завоевал почти все герцогство — и исчез!

— На то есть причина, Дольт, — усмехнулся крестьянин постарше. — Некоторые бают, что его умыкнул демон, — пропищал один дед.

— Ну, это объяснило бы, почему он появился из ни откуда, — рассудительно заметил Род.

Третий крестьянин уловил ноту скептицизма в его голосе и, нахмурясь, посмотрел на него. — Ужель ты не веришь в демонов?

— Не знаю, — уклонился от ответа Род. — Я ни одного не видел.

— Болтовня о демонах чушь, Кенч, — насмешливо бросил Дольт. — Зачем демонам забирать его, когда он отлично работает на демонов.

— Иные говорят, что он бродит по стране, переодетый крестьянином, — хмыкнул Харл.

— Почему бы и нет? — усмехнулся Кенч. — Ведь он и есть крестьянин, не так ли?

— Да, но он также и чародей, — напомнил ему Харл, — и говорят, он ищет по всей стране людей, которые помогли бы ему управлять.

Дольт поднял голову, блеснув глазами. — Вот этому я готов поверить.

— Да ты согласишься, чему угодно, — насмешливо обронил Кенч.

— Скорей всего он рыскает невидимым, — задумчиво произнес Харл. — Не выискивая ли изменников?

Фларан и Саймон напряглись, а Род почувствовал, как по спине у него пробежали холодные мурашки.

Крестьянам эта мысль тоже не понравилась. Они быстро оглянулись через плечо, скрещивая пальцы, оберегаясь от зла. — Как же мерзко, — охнул Харл. — Думать, что всяк сможет следить за тобой, а ты и не узнаешь о том!

Род подумал не упомянуть ли о том, что шпионы обычно стараются быть незаметными, но решил, что не стоит.

— Верьте этим слухам, коль желаете, — посмеялся трактирщик. — Я лично вижу, что страной правят хорошо.

Остальные посмотрели на него, медленно поднимая головы.

— Действительно, — кивнул Дольт, — разве это не говорит, что Альфар по-прежнему у себя в замке?

— Вероятно, — пожал плечами трактирщик, — Либо его капитаны и хорошо управляют.

— Вот в этом я сомневаюсь, — покачал головой Род, — Я еще никогда не слышал о комитете,

добивавшемся какого-то эффективного управления. Всегда должен быть один человек, за которым останется последнее слово.

— Ну, тогда, — с усмешкой повернулся к Роду трактирщик. — Я должен думать, что Альфар у себя в замке. — И пошел уйти на кухню, посмеиваясь и качая головой. — Ох уж эти слухи! Только дураки прислушиваются к ним.

— В таком случае, большинство людей дураки, — тихо сказал Род Фларану и Саймону. — Поэтому, если гуляет слух, который тебя не устраивает, то надо пустить контрслух.

— И ты думаешь, что Альфар именно так и поступает? — на губах у Саймона появилась снова легкая улыбка.

— Нисколько не сомневаюсь. Ты только взгляни на результаты — всякого, кто мог подумывать о контрперевороте во время отсутствия Альфара, порядком отпугнут. С другой стороны, он и в самом деле может бродить, переодевшись, по сельской местности.

— Разве это не делает ведовское племя преданным ему? — усмехнулся Фларан. — Ибо он возьмет помогать ему в управлении своих?

Со своим светским тактом, он высказался чуточку громче. Харл поднял голову и бухнул ему — Все ведовское племя будет предано Альфару, а с чего бы не быть?

Фларан и Саймон мгновенно насторожились.

Род попытался сгладить остроту положения и с деланной небрежностью повернулся к Харлу. — Если уж на то пошло, то разве не будут ему преданы все крестьяне? Ведь согласно слуху, он ищет талантливых людей для своего царствования.

— Ну да... это так, — нахмурился Харл, засомневавшись.

Дольн с интересом поднял взгляд. — Да! Он не сможет найти столько ведьм для выполнения всех задач, какие надобны при правлении, не так ли?

— Да, — подавил улыбку Род. — Конечно, не сможет.

Дольн усмехнулся и повернулся поговорить с Харлом и Кенчем. Род с некоторым удивлением обнаружил, что даже у грамарийского крестьянина может быть честолюбие. Что было совершенно естественным; ему следовало это предвидеть. Надо будет обсудить этот вопрос с Туаном, когда он вернется в Раннимид. Если к этому явлению не подготовиться заранее, составив планы, то оно может стать опасным.

Он снова повернулся к Фларану. — Наверняка мы не единственные, кто до этого додумался. А теперь, смотри — простой народ начинает становиться преданным Альфару, потому что думает, что у него появился шанс сделать карьеру.

— Возможно и появился, — усмехнулся Фларан. — Разве под властью выскочки у низкородного не возникнет такая возможность?

Род нахмурился. Это замечание не понравилось ему, так как показалось на его вкус немного марксистским.

— Да, если им повезет быть выбранными из тысяч, теми, кто ему нужен.

— Мне кажется, что такие у него должны уже быть, — высказал свое мнение Саймон. — Он подобрал себе людей прежде, чем начал восхождение к власти. Я б на его месте не стал доверять тем, кто недавно встал под его знамя.

Фларан нахмурился; ему неприятно было это слышать.

— Надеюсь на это, многие проникнутся к нему симпатией, — указал Род. — Одна лишь мысль, что сын низкородного крестьянина стал править герцогством, обеспечит ему массовую поддержку.

— Неужели слух может сделать так много? — выдохнул Фларан.

— Очень много, — мрачно отозвался Род. — И самая значительная сплетня из всех думать, что Альфар по-прежнему у себя в замке.

Фларан уставился на него. А затем закрыл глаза, покачал головой и снова открыл.

— Я тоже озадачен — нахмурился Саймон. — Как может слух означать... Голос его оборвался, когда лицо его прояснилось от понимания.

Род кивнул. — Ему надо оставаться в замке и удостовериться, что слух запущен. А если он пойдет гулять по стране, то будет с одной стороны постоянно укреплять преданность крестьян, а с другой — заставит всех поостеречься думать нелояльные думы или строить какие-то заговоры — из страха, что их может подслушивать сам Альфар.

Фларан содрогнулся и быстро окинул взглядом помещение. Внезапно, у Рода засосало под ложечкой. Альфар и впрямь мог быть в этой самой пивной, мог быть одним из крестьян, мог быть трактирщиком, подстерегавшим в засаде появления агентов Туана, таких, как сам Род. Он мог готовиться в любую секунду захлопнуть расставленный на Рода капкан...

Затем на него навалилась досада, а сразу по пятам за ней, гнев. Альфар ведь и хотел, чтобы агенты Туана думали именно так. Это называлось "демократизацией", и она почти удалась. Уважение Рода к этому колдуну возросло, но и враждебность тоже. Его изумило, что средневековый крестьянин мог оказаться таким хитрым.

С другой стороны, возможно, ему немного помогли...

Саймон нагнулся к Роду и шепнул, — Не оглядывайся или взгляни незаметно, если уж тебе обязательно надо, но вон та служанка не спускала с нас глаз, как мы вошли.

— Это немного странно, признался Род. — Никого из нас не назовешь образцом мужской красоты.

— Верно, — отвстил с иронической улыбкой Саймон. — Все же следила она за нами не только глазами.

— Да ну, в самом деле? — сенсоры опасности у Рода вдруг настроились на максимум, правда, пока толку от них было маловато. Он вытащил монету, подбросил ее щелчком кверху, и сделал так, что она "случайно" улетела прочь. Обернувшись подобрать ее, он сумел взглянуть на служанку и решил, что не стоит удивляться тому, что не заметил ее раньше. Она была средних размеров, не тяжелее, чем следовало быть, с довольно миловидным личиком и белокурыми волосами.

Подобрав монету, Род снова повернулся к Саймону. — Она не похожа на стереотипную ведьму, не так ли?

— Я б сказал самая стереотипная ведьма, — нахмурился Саймон.

— А вот это явное противоречие. Она не очень-то умеет скрывать свой интерес: опыта, видно, не хватает.

— О, скрывает она его действительно плохо, — возразил Саймон. — У меня опыта по части такого скрывания побольше, чем у многих, мастер Оуэн. — И когда один из нас говорит что-то любопытное для нее, щит у нее соскакивает.

— Тогда почему же она не двинулась к двери, как только мы начали говорить о ней? — нахмурился Род.

— Потому что твой разум скрыт, не говоря уж о твоих мыслях, а что до меня, то я думаю одно, а говорю другое.

Он усмехнулся удивлению Рода. — Не изумляйся — что умеют делать женщины, мы мужчины тоже

можем научиться предсдывать. А что касается Фларана, то я говорю так тихо, что ему не слышно.

Род быстро взглянул на этого недотепу. Тот выглядел довольно обиженным. Род снова повернулся к Саймону. — Значит никакой реальной опасности нет, так ведь?

— О, тревога у нее возникла. — Саймон глянул на служанку, а затем опять на Рода. Нам лучше отправляться своей дорогой, мастер Оуэн, и побыстрей, пока она не позовет другого, служащего Альфару.

Род повернулся к девушке.

— Нет, мне думается в этом нет необходимости. Он поманил служанку к ним. В глазах у нее мелькнул страх, хотя оснований для него не было. Ей нужно было продолжать играть свою роль, и поэтому она подошла. Медленно, словно ее волокли на аркане. Чем могу служить, люди добрые? Эля? Или еще мяса?

— Пока ни того, ни другого, — наклеил себе на лицо дружелюбную улыбку Род. — Скажи, тебя беспокоит, что меня здесь нет, хотя на самом деле я тут?

Она остолбенела от удивления, и Саймон негромко пробормотал. — Отлично сработано, она обезоружена. Поистине, хозяин ее Альфар. Она подкарауливает ведьм.

Кинжал Рода выскочил из ножен прежде, чем Саймон закончил первую фразу, и его острое коснулось живота служанки. Та в ужасе уставилась на обнаженную сталь.

— Сядь. — Улыбка Рода сделалась злобной.

— Сэр, — охнула она, не сводя завороченного взгляда с клинка. — Я не смею.

— Не смеешь меня послушаться? Да, не смеешь. А теперь сядь.

Вся дрожа, она опустилась на свободный табурет. Род взял ее за руку, подарив ей сияющую улыбку. — Саймон, покопайся-ка и посмотри, что можно найти. — Он дал улыбке стать блаженно глупой, сжал ей ладонь обеими руками и нагнулся вперед, ласково убаюкивая ее. — А теперь, милашка, сиди тихо и постарайся не обращать внимания на те пальцы, которые ты почувствуешь у себя в мозгу, а если их прикосновение тебе противно, то вспомни, что ты сказала бы мысленно слова, которые отправили солдат убить нас. — Он поднес ее ручку к губам, а затем снова просиял ей улыбкой. — Знаю тебе больше всего на свете хочется вскочить и завопить. Но если ты это сделаешь, то мой нож совсем рядом, и не думай,

что тебе удастся отнять его с помощью мысли быстрее, чем я сумею его вонзить потому, что в данном случае рука быстрее мысли. — Он увидел, как она взглянула на нож и предупредил. — Заверяю тебя, я уже имел дело с ведьмами.

Ее перепутанный взгляд снова переметнулся к его лицу. — Но... почему ты целуешь мне руку, если ты мой враг?

— Для того, чтоб всякий сидящий..., вот например, юный Дольн глядит на меня во все глаза. И взгляд у него только не дружелюбный. По-моему он желает получить в качестве фирменного блюда мое сердце. Нет, не надейся, заверяю тебя, я умею драться лучше чем он, намного лучше. — Он увидел промелькнувший у нее в глазах страх и решил поднажать. — Сиди, не двигаясь. Ты ведь не хочешь, чтоб он пострадал не так ли?

— О, не надо! — вскрикнула она. А затем, сообразив, что выдала личные тайны, покраснела и опустила глаза.

— Да, отлично сработано, — промурлыкал Саймон. — Гляди на поверхность стола, вот молодец, и ни на что другое; не думай ни о чем, кроме его строения, его цвета... Давай!

Девушка, охнув, застыла, голова ее откинулась назад, глаза закрылись, а затем она обмякла на стуле.

— Прочь от нее! — Дольн вскочил на ноги, схватив нож.

Род медленно встал, усмешка его превращалась в волчий оскал, а острие ножа описывало круги. — Ну, да, все будет, как ты сказал. Я отойду прочь от нее. Мне, что тогда, подойти к тебе?

Харл нахмурился и встал позади Дольна, но в глазах у юноши появилось сомнение. Но он, однако, не отступил.

— Спокойно, спокойно, — принялся всех утихомиривать Саймон.

— Она спит, паренек. Она всего лишь спит.

Дольн взглянул на него, а затем на потерявшую сознание девушку. Глаза ее закатились.

— Тихо, паренек, — последовал примеру Саймона Род — Мы не причиняем ей вреда. Он метнул быстрый взгляд на Саймона. Мой друг пытается ей помочь.

— Какая ж это помощь, которая лишает ее чувств? — закричал Дольн.

— Какая в самом деле! — съежился на своем стуле Фларан, широко раскрыв глаза от ужаса.

Пылающий взгляд Кенча мог бы убить гадюку, а Харл собрался с духом и встал позади Дольна.

Девушка вздохнула, и голова ее упала обратно.

— Спроси ее, — тихо посоветовал Род, — Через минуту она очнется.

Взгляд Дольна переметнулся на нее. Веки ее затрепетали, глаза расширились, она внезапно поняла, где находится, и она ахнула.

— Марианна! — Дольн упал на колени, хватая ее за руку. — Что с тобой сделали эти малые?

Взгляд ее метнулся к нему, она съежилась. Потом огляделась кругом, и взгляд ее сосредоточился на Роде, переместился на Саймона, потом обратно на Дольна, и ее губы дрогнули в улыбке. — Нет не бойся за меня, дорогой Дольн. Я здорова — да, здоровей, чем была несколько недель.

Она снова повернулась к Саймону, а потом обратно к Дольну. — Эти добрые люди помогли мне.

Дольн ошалело переводил взгляд с одного на другого. — Что же за помощь такая, что заставляет тебя падать в обморок?

— Тебе незачем знать, — посоветовал Саймон. — А теперь, прошу тебя, отойди в сторону, чтобы мы могли продолжить разговор с твоей Марианной.

— Я не его, — возразила она с резкостью, а затем мгновенно уравнивила ее ослепительной улыбкой Дольну. — Я не знала, что ты волнуешься за меня.

Дольн тяжело сглотнул, остался на месте, но глаза его по — — прежнему смотрели на нее. — Меня... меня заботит твое благополучие, Марианна.

— Теперь я знаю это и благодарю тебя. — К ней теперь полностью вернулся прежний цвет лица. Она сжала ему руку и посмотрела на него сквозь длинные ресницы. — Я благодарна тебе. И все же, умоляю тебя, сделай так, как просит этот добрый человек, отойди в сторонку, дорогой Дольн. Я и вправду должна с ним поговорить.

Дольн неохотно отступил от стола и врезался спиной в Харла, который ругнулся и сел на свой табурет. Дольн тоже убрался, поглядывая на Саймона и Марианну. Потом на Рода и опять на Марианну. Потом Кенч что-то пробормотал, и Дольн, нахмурясь, повернулся к нему, а потом зашептался с Харлом и дедом, бросая частые взгляды на Рода и Саймона.

Фларана он не заметил. Но впрочем, кто его замечал?

Марианна со счастливой улыбкой вернулась к Саймону, поправляя прическу. — Я должна поблаго-

дарить вас больше, чем за одно доброе дело. Спрашивайте, что хотите. желаете. Я с радостью отвечу.

Род потер лицо ладонью, скрывая улыбку, а затем повернулся к Саймону. — Ты не против растолковать мне, что тут происходило?

— Лишь то, что ты уже видел, ответил Саймон. — Она находилась под властью чар. А я их разбил.

— Под властью чар? — удивленно уставился на Марианну Род. — Ведьма!?!

— Именно так. — Девушка пристыженно опустила голову. — Теперь я понимаю, что была в их власти.

Саймон взял ее за руку. — Стыдиться тут нечего, девушка. В том, что тебя околдовали нет твоей вины.

— Но она есть! — она посмотрела на него, широко раскрыв глаза. — Ибо я скрывала от людей свою ведовскую силу, сначала чувствовала вину и смущение, а потом начала верить, что я лучше их, ибо умею читать мысли и заставлять вещи двигаться, лишь подумав о том.

Да, мне стало казаться, что мы — ведовское племя, являемся истинной знатью, новой знатью, которая может и будет править миром, даже лучше, чем правят лорды!

— И это ты считаешь своей личной виной? — с улыбкой спросил Саймон.

— А разве нет? — Она покраснела и опустила взгляд. — Жаль, что я так раньше думала! Остальные ведьмы не разделяли моих чувств, во всяком случае честные. Я знал об этом, ибо прислушивалась к их мыслям и улавливала их издалека.

Нет, никто и не думал вести ведьм на их законное место — даже в Королевском Ковене. И почему, когда Альфар начал подыскивать вассалов, провозгласив, что он поведет ведьм к власти и славе, я мигом провозгласила его своим вождем и присягнула ему на верность. Я поклялась сделать все, что он попросит.

— И какой же службы он у тебя просил?

— Только такой. Она в отвращении обвела взглядом трактир. — Вот моя власть и слава! Работать, как работала, и следить, а потом сообщать им о представителях ведовского племени, которые либо мыслью либо делом боролись с Альфаром. Я так и делала — и с радостью. — Она уткнулась лицом в ладони. — Ах, какая ж я была сука, подлая, гнусная предательница! Ибо я доставила им в руки трех ведьм — бедных, несчастных, стремившихся спастись бегством! — Она подняла глаза, трагически, глядя на Саймона.

— Все же мне действительно казалось, что ведьма не приветствовавшая с восторгом Альфара, наверняка, приносит вред своим.

Потому я и вызвала подмогу из ковена Альфара, явились солдаты под началом одного чародея забрать этих ведьм, и... — Она снова уткнулась лицом в ладони. — Ах! Что они сделали с теми бедняжками!

Плечи у нее затряслись от плача. Саймон протянул руку и дотронулся, легонько сжав ей плечо. — Нет, не убивайся так! Ибо ты сделала это не по своей свободной воле и не по собственному выбору!

Взгляд ее метнулся к нему, по щекам все еще текли слезы. — Как же может быть иначе?

— Когда ты начала мнить себя выше своих ближних, подручные колдуна уже начали свою гнусную обработку тебя. — Улыбка Саймона посуровела. — То первые мысли, что ведьмы должны властвовать по праву рождения, в действительности, не были твоими. Но они были предельно осторожно и умело вплетены в твои собственные мысли, чтобы ты их приняла за свои.

— Правда? — ахнула она широко раскрыв глаза.

— Будь уверена, — кивнул Саймон. — Я сам проскользил по твоим мыслям, ведьма — и должен попросить у них прощения — уж я-то знаю.

— О, прощение дано! — воскликнула она. — Как я могу вас отблагодарить за разбивание сих чар? — Тут лицо ее озарилось, и она захлопала в ладоши. — Знаю! Я пойду на север и сама буду стараться разбить чары, сковывающие честной люд!

Род метнул быстрый взгляд на Саймона, и увидел у него на лице дурное предчувствие. И снова повернулся к Марианне. — Я думаю, это будет не самой удачной мыслью.

У нее вытянулось лицо. — Разве, что же тогда...

— Ну, в основном тоже самое, только делать это прямо здесь. — Род сумел улыбнуться. — То, что поручил тебе делать Альфар, но для нашей страны. Продолжай работать служанкой и высматривать членов ведовского племени, уходящих на юг. Но когда обнаружишь их, не сообщай о них подручным Альфара.

— Но такая помощь столь мала! — разочарованно воскликнула она.

— Те, кого ты спасешь, такого не подумают, — заверил ее Саймон.

— Но они спасутся не хуже, если меня вообще здесь не будет.

-- Отнюдь, — покачал головой Род. — Если ты покинешь свой пост, то люди Альфара быстро проведут об этом и пришлют сюда выполнять эту работу другую ведьму. Защитить беглецов ты можешь, только оставаясь здесь и прикрывая их.

— Наверняка, я способна выполнять и более важную работу!

Какой-то бес поманил Рода искушением. Он усмехнулся и сдался.

— Ну коль ты упомянула об этом, такая работа и впрямь есть. Ты можешь найти еще ведьм, которые тоже намерены остаться.

— Других? — изумленно уставилась она. — Чем это поможет?

— Тем, что каждая из них найдет двух других ведьм, — объяснил Род, — а потом они выявят еще двух и так далее. Мы сможем создать по всему герцогству Романов сеть ведьм, противостоящих Альфару.

Она нахмурилась, качая головой. — Какая ж из э того будет помощь?

— Раньше или позже король Туан выступит в поход на север. И когда это произойдет, мы пошлем через нашу сеть ведьмам команду собраться там, где намечается битва, и оказать подмогу.

Подмогу в бою? — округлила глаза она. — Как?

— Об этом мы тоже известим. Просто будьте готовы это сделать.

Она медленно кивнула. — Я не вполне понимаю — и все же доверяю тебе. Сделаю все, как ты говоришь.

— Молодец! И не беспокойся, Ты многое поймешь, оно будет не очень сложным — просто собраться в определенном месте и атаковать ту часть армии колдуна, которую вам поручат.

— Как скажете, — она, казалось, все еще сомневалась. — Но как же я узнаю, что делать, и когда?

— Тебе кто-нибудь скажет. Отныне твое имя будет "Эсмеральда" для всех в антиальфаровской сети. Поэтому, если придет кто-нибудь и скажет, что у него есть известия для Эсмеральды от Керна... Род снова пожалел, что выбрал это имя..., — ты будешь знать, что послание это от меня.

— Но почему мне нельзя зваться Марианной?

— Чтобы тебя никто не мог выдать. Таким образом, если Альфару или его людям донесут, что их предала

некая особа по имени "Эсмеральда", они не узнают, кто это на самом деле.

— А "Керн" — твое ложное имя?

— Я надеюсь на это. Это имя не хуже любого другого. Помни, вся идея в том и состоит, что мы не знаем настоящих имен друг друга. Ты сделаешь это — будешь Эсмеральдой, будешь высматривать ведьм и не сообщать?

Она медленно кивнула. — Да, если ты действительно считаешь, что это самая большая помощь, которую я могу оказать.

— Молодчина! — Род с облегчением сжал ей руку. — Она была слишком мила, чтобы кончить свой путь в пыточных застенках Альфара. Лучше оставить ее там, где опасности нет. — А теперь, э... — будь так любезна, успокой своего друга Дольна. Я не могу избавиться от ощущения, что он просто умирает от желания всадить мне нож меж ребер.

— Разумеется, — она мило покраснела и встала. — Спасибо, любезный. — Она стала робкой и застенчивой с виду, когда приблизилась к своему обожателю.

— По-моему, она напрочь забыла о тебе, — улыбнулся своей легкой улыбкой Саймон.

— Да. Именно так и должно быть, не так ли? — Род следил за Дольном, взгляд которого был прикован к лицу Марианны. Он взял ее за руку, и Род снова со вздохом повернулся к Саймону и Фларану. — Юная любовь! Разве она не чудесна?

— Воистину. — Саймон следил за молодой парой через плечо Рода. Однако, я думаю, друг Оуэн, что в ее словах есть доля истины — нет, не то, что мысли о высокомерном величии принадлежали ей самой, а в том, что семена Альфара упали на плодородную почву?

— Ну, разумеется! Людей нельзя загипнотизировать, если они не хотят этого. Данная разновидность телепатического гипноза дальнего радиуса действия не могла бы хорошо сработать, если бы у этой девушки не было уже капельки такого обиженного настроения, который называется "комплексом неполноценности".

— Неполноценности? уставился на него Фларан. Но как же такое может быть? Ведовские силы делают нас более могучими, чем другие люди!

Род не упустил этого "нас". — Да, но они не ощущают этого. Они знают только, что отличаются от всех, что они иные, и если народ проведает о том, что они иные, то к ним никто не будет относиться

с симпатией. — Он пожал плечами. — Если ты никому не нравишься, то ты, должно быть, неполноценный. Знаю, на самом деле это не имеет смысла, но наш мозг работает именно так. А поскольку никто не может выдержать столь низкого мнения о самом себе, то скоро чародей начинает говорить себе что, в действительности он вовсе не неполноценный — просто все его травят, потому что завидуют ему. А народ, конечно, не травит ведьм — он сталкивался с ними сотни лет.

— Да! — ухватился за эту мысль Фларан. — Значит дело не только в том, что мы говорим себе, будто нас шпыняют — это правда!

— О, да, легко почувствовать себя преследуемым, когда тебя и в самом деле травят. Но это должно означать, что ты хуже, чем неполноценный. — Он поднял указательный палец.

— Если люди травят тебя, и люди эти симпатичные, такие, которые тебе обычно понравились бы, а они вдруг травят тебя — то ты должен быть второразрядным; ты должен быть злом! Но кто может вынести мысль, будто являешься злом?

— Злые люди, — быстро ответил Фларан.

— Вот и готово, — развел руками Род. — Вместо того, чтобы говорить себе “я второразрядный”, они говорят себе “Я-зло” — они предпочитают быть скорее перворазрядным злом, чем второразрядным добром.

Фларан уставился на него, потеряв суть рассуждений.

— Или! — Поднял кверху указательный палец Род. — Или ты решаешь, что ты ни зло, ни второразрядный, а травят тебя просто из зависти. Поэтому их травля доказывает, что ты лучше их. Они просто боятся конкуренции. Стремятся добраться до тебя потому, что ты представляешь собой угрозу для них.

Фларан медленно поднял голову, и Род увидел, что глаза у него прояснились от понимания.

Род пожал плечами. — Такая установка, вероятно, присуща в какой-то степени всему ведовскому племени. Она называется паранойей. Но они держат ее под контролем; они знают, что даже, если в этой идее и есть какая-то капля истины, то еще больше истины в мысли, что их ближние люди в основном хорошие, а так оно и есть. И если ведьме присуща хоть кроха смирения, то она сознает свои изъяны ничуть не хуже своих дарований и поэтому, ей удается держать под контролем свои ощущения преследуемой. Это своего

рода равновесие между паранойей и реальностью. Но это делает их легкими, даже рьяными жертвами для альфаровской разновидности промывания мозгов... — э, убеждения.

Фларан отвернулся, оперевшись взглядом в стол. Кровь отхлынула от его лица, а руки дрожали.

Род наблюдал за ним, качая с печальной улыбкой головой. — Бедный паренек, — подумал он, — бедный простачек. В некоторых отношениях Фларан вероятно, предпочел бы до конца жизни жить одним днем, как живется, чувствуя себя неполноценным и ранимым. И было, должно быть, унизительно обнаружить, что чувства его были, если не нормальными, то, по крайней мере, стандартными для человека его положения — родиться эспером плохо, но еще хуже выяснить что, ты даже не исключительная личность.

Он отвернулся, поймав взгляд Саймона. Старик сидел с сочувственным видом, и Род, подморгнув ему, улыбнулся в ответ. Они оба знали — тяжелое это дело, познавать реальности жизни.

Вернувшись на дорогу, Род с Саймоном попытались опять завести разговор на веселую семейную тему. Но настроение изменилось, и беседа шла очень туго.

Конечно, атмосферу не улучшало присутствие Фларана, погрузившегося в мрачное молчание и сердито глядевшего на дорогу.

Так они и ехали, молча. Беспокойство и напряжение все росли, пока Роду это не надоело. — Слушай Фларан, я знаю трудно принять мысль, что Альфар превращает все население в марионеток, но именно это он и делает. Поэтому мы должны просто признать это и постараться пойти дальше, придумать что мы можем в связи с этим предпринять. Понимаешь? От плохого настроения толку не будет никому.

Фларан поднял взгляд на Рода, стараясь справиться со своим состоянием. Глаза его постепенно сфокусировались. — Нет. Нет, я ошеломлен не из-за этого, друг Оуэн.

Род посмотрел на него, а затем произнес: И в самом деле?

Он выпрямился и откинул голову назад, глядя на Фларана чуть сверху вниз. — А что же тебя беспокоит?

— Те мысли, которые высказала служанка.

— Насчет природного превосходства ведьм? — Род покачал головой. — Это бессмыслица.

— Нет, в них есть большой смысл — или, если не большой, то, по крайней мере, смысл. — Фларан

глядел мимо плеча Рода на небо. — Ведьмы, и правда, должны править.

— Да, полноте! Так ты скоро скажешь мне, что Альфар на самом деле славный парень, и освобождает крестьян, а не покоряет их!

Фларан расширил глаза. — А ведь так оно и есть.

Он закивал головой чаще. — Воистину, то чистая правда. Он освобождает крестьян от власти лордов.

Род отвернулся, поджав губы. Он взглянул на Саймона. — Проверь его, ладно? Устрой ему беглый осмотр. Он говорил так, словно его начинают одолевать чары.

— О, нет! — презрительно бросил Фларан, но Саймон на мгновение нахмурился, глядя в пространство. А затем покачал головой. — Я не читаю, даже того, о чем он говорит, мастер Оуэн, — только мысли о том, как хороши с виду окружающие нас поля, и о лице, подававшей нам служанки. — Глаза его снова сфокусировались на Роде. — Эти мысли принадлежат не скованному чарами разуму.

— Скованному чарами? Поистине нет! — воскликнул Фларан. — Только потому, что я говорю правду, мастер Оуэн?

— Правду? — фыркнул Род. — Должно быть кто-то исковеркал тебе разум, если ты считаешь это правдой!

— Ладно, тогда разложим ее по порядку и рассмотрим!

Фларан развел руками. — Видимо, простой народ нуждается в хозяевах...

— С этим я мог бы и поспорить, — проворчал Род.

— Не отрицай этого! Судя по всему, что я видел, это правда!

Фларан вытянув шею, посмотрел через плечо Рода на Саймона. — Разве ты не согласен, мастер Саймон?

— Кто-то должен править, — нехотя признал Саймон.

А если кто-то должен править, то кто-то должен быть хозяином! — Фларан хлопнул себя по колену. — А разве для крестьян не лучше иметь хозяев, рожденных, как и они, крестьянами? Они знают муки нищеты и тяжелый труд простого народа? Разве это не лучше для них, чем власть рожденных среди серебряных блюд и рубиновых колец в замках, которые никогда не знали ни тяжкого труда, ни нужды? Нет, те лорды даже смотрят сверху вниз со своих высоких башен, и говорят о нас бедняках, так,

словно мы движимое имущество. Принадлежащие им вещи! Скот! Не мужчины и женщины!

Род в ужасе уставился на него. — Где ты наслушался этого вздора?

— Разве во здоре не может быть правды? — покраснел Фларан.

— Не знаю, с кем ты болтал, — сказал Род — Но, наверняка, не с лордом. Большинство из них не говорит ничего подобного — да и как тебе удалось услышать, как они говорят?

— У меня чуткие уши, мастер Оуэн. Говорю я, может, и глуповато, но слушаю мудро. Я разговаривал с людьми, прислуживавшими лордам, и таким образом, узнал как они говорят о нас. А также прислушивался к своим соседям, к их стенаниям и горестным крикам от власти лордов и не мог не думать, что служат они не самым лучшим хозяевам. — Фларан покачал головой. — Нет слова той служанки все-таки обладают глубоким, смыслом ибо кто может лучше знать чаяния народа, чем те, кто слышит его мысли? И кто может лучше охранять их труд?

— Предположения. — проворчал Род. Он отвернулся и увидел вдали подходящую к большаку по боковой дороге группу крестьян, одетых в грубую домотканную одежду, согнувшихся под тяжестью огромных узлов. — Вот! — Он ткнул пальцем в их сторону. — Вот твой глубокий смысл! Бедняки, скитающиеся по дорогам, заблудшие и одинокие, потому что их дома уничтожили в ходе боя! Люди, лишённые дома, чьи деревни по прежнему на месте, но которые упаковали все, что могли унести и бежали, потому что страшатся власти выскочки, которому они не доверяют!

— Но в ходе войн всегда сжигались дома крестьян, — закричал Фларан. — Всегда, когда лорды пытаются разрешить с помощью армий какую-то личную ссору! По крайней мере на сей раз война может принести им какую-то выгоду, так как тот, кто победит родится среди них!

— Предположения, — снова повторил Род. — Рационализация. — Он повернулся и посмотрел прямо на Фларана. — Позволь объяснить тебе, что это такое — рационализация. Это придание чему-то видимости рационального, разумного, когда этого на самом деле нет. Это нахождение возможности оправдать то, что тебе в любом случае хочется сделать. Это поиски объяснений для того, что ты уже сделал, стремление придать поступку вид хорошего, когда на самом деле он не таков. Ты здесь занимаешься именно этим — пытаешься найти способ придать вид правого тому

неправому делу, какое тебе хочется совершить. Все твои аргументы сводятся в действительности к результату: Я хочу иметь власть, и поэтому намерен захватить ее. А настоящие причины — зависть и месть!

Он заметил уголками глаза, что крестьяне остановились посмотреть на них по обе стороны телеги. Тем лучше — пусть слышат и свидетели!

— Но как ты можешь так говорить? — нахмурился, склонив голову на бок, Фларан. — Ты ведь сам обладаешь огромной властью и силой!

Род застыл. Как это он дал опуститься своему щиту? — Какой такой... властью... и силой?

— Да, способностью быть мысленно невидимым! Наш друг Саймон сказал, что для слышащего мысли, тебя вообще здесь нет! Я даже я это заметил, хоть мои силы и невелики!

Род пожал плечами — на данный момент этого объяснения было достаточно.

— Как велик твой талант! — воскликнул Фларан. — Какое великое преимущество должен давать он тебе, если кто-то ищет тебя со злыми намерениями! Если б ты был из отряда Альфара, тот, наверняка, сделал бы тебя герцогом шпионов! — он улыбнулся, сверкая глазами. — Разве это было бы не превосходно, мастер Оуэн? Разве тебе не доставило бы удовольствия быть герцогом?

— Я бы сказал, что это было ужасно, — процедил сквозь зубы Род. — Ты хоть понимаешь, что ты говоришь? Я буду помогать устанавливать одну из самых жестоких тираний, какие когда-либо знало человечество! Подумай! — Он поднял указательный палец. — Даже при самых жестких диктатурах, которых знала Старая Земля, люди все же были в состоянии иметь то, что принадлежало им и только им одним — свой разум. По крайней мере мысли их оставались свободными. Но Альфар пытается это изменить; он пытается установить такую тиранию, что никто не сможет назвать свои мысли своими собственными!

— Подумаешь, какая мелочь! — отмахнулся от возражения Фларан. — Мысли — ничто, мастер Оуэн, они прозрачные нити, всего лишь паутинки? Что такое свободные мысли по сравнению с полным брюхом и облегчением тяжелого труда? Что такое свобода мысли по сравнению со свободой от нужды? Чего стоит тайна дум, в противовес знанию, что король считает каждого низкого крестьянина равным себе? — Подумать только!

Он уставился в пространство, сверкая глазами. — Подумай, какой прелестной может стать наша страна, если править ею будут ведьмы! Какой рай земной мы могли бы постичь здесь для себя, если б люди доброй воли могли свободно трудиться от души, чтобы построить его! Род был поражен энтузиазмом младшего чародея.

А затем откинулся назад, давая рту скривиться для демонстрации своего скептицизма. — Ладно — скажи мне.

— Да ясно же! Чего они только не смогут сделать, если ведьмы открыто смогут пользоваться своей силой! Никогда не будет ни засухи, ни наводнения, ибо ведьмы смогут так перемещать грозы, чтобы полить всю страну! Скот или другую живность никогда не будет косить падеж, так как ведьмы смогут исцелять его! Да и простым людям, если уж на то пошло, незачем будет умирать от болезней, когда им смогут помочь ведьмы-знахарки! Крестьяне никогда не будут ходить голодными, отдав свои продукты лорду, чтобы тот мог облачиться в пышный наряд и играть ночь напролет! Народ никогда не будет роптать в несчастье своем, неслышанный властями, ибо чародей услышит его мысли и найдет средство покончить с тем, что тревожит его!

— Да, если эти крестьяне не будут роптать потому, что король чародей делает нечто, им не понравившееся! В ином случае он просто заткнет им рты с помощью гипноза!

— О, таких же будет мало! — с недовольством посмотрел на него Фларан. — Зачем волноваться из-за какой-то кучки недовольных? Всегда будет немного недовольных своим жребием! — Верно, и Альфар один из них!

— Лучше двигаться дальше, мальчики Мне тяжело вато держать в узде свою вспыльчивость; а когда дерутся чародеи зевак может задеть шальной магией.

— А, значит ты тоже чародей? — вскричал Фларан.

Род от досады скрипнул зубами; взбешенный на самого себя так как он все-таки проболтался; но сделал доблестную попытку прикрыть свой промах. Разве ты не сказал только — только, что мой невидимый рассудок — большой талант?

— Воистину сказал — и если ты чародей, то ты также и предатель! — Фларан вскочил на ноги, с потемневшим от гнева лицом, показавшись внезапно более рослым — почти настоящей угрозой.

Род и сам испытывал далеко не пацифистские чувства.

— Поосторожней в выражениях! Я слуга королю и предан до гробовой доски!

— Значит ты предал ведовское племя! — разбушевался Фларан. — Всего лишь наемное орудие, а король платит лучше всех! Да, таким образом ты лишь орудие лордишек, игрушка в их играх, а пешки их мы, и их передвигают по всей стране всего навсего для развлечения! И ты содействуешь им! Ты, по крови должен присоединиться к Альфару и противостоять им! Нет, ты хуже, чем предатель — ты бестыжий раб!

— Поосторожней в выражениях! — вскочил на ноги Род, и телега опасно закачалась. Но Фларан легко сохранил равновесие и от этого гнев Рода вспыхнул, как ацетиленовая горелка.

— Смотри, кого называешь рабом! Ты настолько глубоко попал под власть чар Альфара что его марионеткой!

— Нет, его приверженцем! — глаза Фларана внезапно вспыхнули рвением. — Дурак же ты, коль не видишь его величия! Ибо Альфар восторжествует, а с ним и все ведовское племя. Альфар будет править, а те продавшиеся ведьмы и чародеи, кои вздумают противостоять ему, умрут в муках на костре! Альфар есть будущее, и все кто встанет у него на пути будут стерты в пыль! На колени, дурак! — проревел он, вскакивая на сиденье телеги и тыча пальцем в Рода. — Преклони колени перед Альфаром и поклянись ему в своей преданности, а не то умрешь смертью предателя!

Тонкая ткань самоконтроля Рода порвалась, и ярость выплеснулась словно лава.

— Да кто ты такой, черт побери, что б указывать мне, в чем клясться! Ты идиот, болван, олух! Ты перемолол в порошок свое "Я", и от тебя не осталось ничего! Ты более не существуешь!

— Нет, я существую, но ты не будешь! — Фларан вырвал посох у стоящего около него крестьянина и отвесил Роду удар.

Род нырнул под опускавшуюся палку, выпрямляясь рядом с Флараном, держа в руке кинжал, но дюжина рук схватила его и рванула назад. Небо над ним перекувырнулось, обрамленное крестьянскими лицами с горящими глазами. Он увидел опускающуюся на него дубину — и, там где крестьянские холщовые рубахи открылись у ворота, кольчугу и отблеск коричнево-зеленой ливреи.

Затем во лбу у Рода взорвалась боль, и опустилась ночь.

ГЛАВА 13

Пламя ацетиленовой горелки, установленной на “слабое”, прожгло путь сквозь мозг Рода. Но это была очень плохая горелка, она, казалось, вновь и вновь проходила по тому же пути, в постоянном пульсирующем ритме. Он заставил глаза открыться, надеясь поймать улюбка державшего горелку.

Чернота.

Чернота везде, за исключением мерцающей оранжевым трапеции. Он нахмурился, приглядываясь к ней внимательней, щурясь от сильной боли в голове, и разобрал, что это было отражение пламени на каменной стене. По нему проходили вертикальные полосы — несомненно, тени от прутьев решетки. А также пара других полос, шедших зигзагами, следы потеков влаги. Затем Род заметил висевшие в вышине тоненькие оранжевые нити-паутинки селитры, освещенные светом огня.

Он сложил все увиденное и наступило просветление — он опять находился в темнице. Свет огня исходил от факела караульного, снаружи в коридоре, а трапеция была отражением зарешеченного окошечка в двери.

Род испустил вздох и улегся поудобнее. С ним это раз за разом продолжало случаться. Была тюрьма на Пандоре, “покой для гостей” у диктатора на карлите, темница под Домом Хлодвиг и камера в замке герцога в Тир-Хлисе, где отец Ал научил его применять свои таланты... и список этот продолжался и продолжался. Он нахмурился, пытаясь вспомнить первую свою тюрьму, но это было через чур большим требованием для его бедного возбужденного мозга.

Он отложил список подальше, и медленно, очень осторожно перекатился, опираясь на локоть. Горелка полыхнула огненным гейзером, который, казалось, поглотил всю его голову, до самой затылочной кости, но только на несколько мгновений. Потом он спал и целиком сделался в сплошной головной болью. Блеск,

— вынужден был признать Род. — Умения этим солдатам не хватало, но они компенсировали его энтузиазмом. Он прижал ладонь к пульсирующему болью лбу, вспоминая кольчугу под крестьянскими туниками. Он попал в точно расставленный капкан, но не мог вообразить менее аппетитной приманки чем, Фларан.

Правда, она, тем не менее все равно сработала.

Он медленно поднял голову, оглядываясь крутом.

По сравнению с другими темницами, где ему приходилось сидеть, эта определенно была второразрядной. Но, по крайней мере, у него имелась пара сокамерников, прикованных к стене напротив. Хотя один из них заметно сбросил вес за прошедшие годы, он сделался чистым скелетом. Ну, не "чистым" — то тут, то там на нем висели какие-то заплесневелые лоскутья. У другого виднелись кое-какие пятна, они были лиловые с каштановым оттенком. Синяки. Это был Саймон, он сидел, уткнувшись подбородком в грудь.

Род плотно зажмурил глаза, попробовал заблокировать боль, пытаясь думать. Почему Саймон здесь? Он же был шпионом. Род тщательно обдумал этот вопрос, пока не произошел мозговой штурм. Его осенило: он мог спросить.

Поэтому он прочистил горло и попробовал.

— Э... Саймон...

Заклоченный в удивлении поднял голову. Затем лицо его расслабилось в печальной улыбке.

— А, значит ты очнулся!

— Да, в некотором роде. — Род уперся в пол обеими ладонями и с трудом оттолкнулся. Головная боль возмущенно застучала, словно молотком, и он, охнув, снова привалился к стене. Но поборов боль, он все-таки сел. Род сделал долгий, неровный вдох.

— Что же... что случилось? Ты же не должен быть здесь — только я. Что Фларан имеет против тебя?

— Он узнал во мне того, кто я есть, — вздохнул Саймон. — Когда солдаты свалили тебя, юный Фларан, злобно накинулся на меня "Кто такой этот "Оуэн"? Ты мне скажешь, подлый предатель! Зачем этот подлый, немыслящий человек ехал на север в наше владение?"

— Наши? — нахмурился Род.

Саймон пожал плечами. — "По счастливой случайности, я не знал ответов, которые он искал. Я так и сказал. Он стремительно повернулся к солдатам и

завизжал показывая на меня "Пытать его! Сейчас же валите его, ломайте ему пальцы, сустав за суставом!"

— Нет, — закричал я, — мне нечего скрывать, — и отбросил все окутывавшие мой мозг притворные мысли, отшвырнув все щиты, не пытаясь ничего спрятать.

— Какой с того мог быть толк? По понятиям читающих мысли, он ведь почти неграмотный,

— О, нет! Он оказался настоящим ученым! — рот Саймона сжался. Я ничего не почувствовал, но увидел, что лицо у него сделалось спокойным. Потом глаза у него вспыхнули от возмущения, но вскоре наполнились разочарованием, и он в отвращении отвернулся к солдатам.

— Здесь ничего нет. Ничего кроме старика талантом разбивать чары. Он мог бы гулять на воле, но сдуру, отправился обратно на север попытаться свести на нет нашу работу.

Тут прапор сказал, — Значит он предатель. Брошенный на меня взгляд был злобным... и все же за ним стояла какая-то странная пустота.

— Зачарован, — кивнул Род.

— В самом деле. — Затем прапор сказал: — "Сдерем с него кожу?" — и живот мне пронзили, казалось, холодные гвозди. Но Фларан смерил меня взглядом и покачал головой.

— Нет. Он еще может оказаться полезным.

А затем навел на меня пристальный взгляд и глаза его, как будто разбухли, пылая, вжигаясь мне в мозг.

— Если ты попытаешься разбить чары у сих солдат, — поклялся он, — я убью тебя.

— Так, — поднял брови Род. — Наш юный недотепа оказался не таким дураком, каким выглядел, не так ли?

— Да. Во истину, он командовал. Он велел солдатам отправляться домой, и все тронулись в путь. Через несколько ярдов, мы подошли к привязанным лошадям. Солдаты отвязали их и уселись на коней. Нашлись также выючные мулы для меня и для тебя, а так же и большой гнедой скакун с украшенным серебром седлом для Фларана.

Род поглядел на Саймона и сказал, — Мы с ними столкнулись не случайно, не так ли?

— Воистину, — с иронией улыбнулся Саймон, — Все было хорошо подстроено.

— Вплоть до сбора толпы крестьян, преследовавших Фларана, как раз в то время, когда он столкнулся на дороге с нами. — Рот у Рода сжался. — Он знал,

что это самый верный способ заставить нас взять его с собой. И он оставался с нами ровно столько сколько требовалось, убедившись, что мы именно те, за кого он нас посчитал, прежде чем передать нас своим громилам.

— Он же давал нам возможность переметнуться к Альфару, — указал Саймон.

— Да. Очень щедро с его стороны, не правда ли?

— Род нахмурился. — Но как он нас засек?

Саймон вздохнул и покачал головой. — Могу лишь предположить, что нас, должно быть, заметил какой-то его шпион, и незаметно последовал за нами.

— Да. — это имеет смысл. — С внезапным уколom вины Род вдруг сообразил, что Альфар, вероятно, поручил шпионам следить за ним с той минуты, как он пересек границу. Он же определенно держал Рода в поле зрения. Род не рассчитывал, что колдун будет таким основательным.

Теперь уж с этим ничего не поделать. Род встряхнулся — и мгновенно пожалел об этом; снова вонзилась головная боль. Но он вытолкнул ее и спросил, — И далеко пришлось ехать?

— Весь остаток дня и далеко за полночь, — ответил Саймон.

— Но была же только середина утра, — нахмурился Род. — Это должно быть было... давай посмотрим... — Он прижал руку к разболевшейся голове, и лязг наручной цепи, казалось, прошел прямо сквозь голову от уха до уха. Но он проглотил боль и дал ей рассеяться по всему черепу, пытаясь думать. — Шестнадцать часов. И все это время я был без сознания? Саймон кивнул, — Всякий раз, когда ты приходил в себя, Фларан приказывал солдатам бить тебя вновь.

— Не удивительно, что голова у меня раскалывается! Сколько раз они меня стукнули?

— Почти дюжину.

— Род содрогнулся. — Мне просто повезло, что у меня нст трещины в черепе. С другой стороны... — Он нахмурился и поднял было руку пощупать череп, а затем подумал, что лучше не стоит. — Будем надеяться. Почему он не хотел, чтоб я очнулся?

— Он не сказал, но я б предположил, что он не хотел рисковать, выясняя пределы твоих сил.

Род почувствовал холодок. — Сил? О чем ты говоришь? Я просто по воле случая невидим для любых слушающих ведм. Вот и все.

— Может быть и так. Должен признать, что будь я на месте Фларана то поступил бы также, как и он. Случайно ли ты ограждаешь свой разум или намеренно, имеет значения. — Такое ограждение говорит о большой ведовской силе. Нет, ты истинный чародей, мастер Оуэн, независимо от того, знаешь ты это или нет. И самый могущественный, раз способен столь основательно скрыть свой рассудок. — Саймон привалился спиной к стене. — Но можно предполагать, что тебе это известно, и ты скрываешь свои мысли умышленно. А если бы все обстояло именно так, а я был твоим врагом, то не хотел бы рисковать, узнавая степень твоих сил. Я б тоже не посмел дать тебе очнуться.

Род лишь, молча, глазел на Саймона.

А затем со вздохом отвел взгляд. — Ну я не могу винить твою логику или твою мудрость. — Но зачем он привез и тебя?

— Кто может сказать? — пожал плечами Саймон. — Я не сомневаюсь, что он попытается заставить тебя ответить на некоторые вопросы, независимо от того, знаешь ли ты на них ответы или нет. И если твоей боли окажется недостаточно, чтобы вынудить тебя заговорить, то он полагает, что вынудит меня.

Род вздрогнул. — Этот парень настоящий очаровашка, не так ли?

— Точно. Он повернулся ко мне, тыча в меня пальцем. "Не пытайся спрятать свои мысли", — закричал он, или замаскировать их, а не то я им вслю убить тебя на месте". Я заверил его, что не видел смысла в такой маскировке. Ибо чего такого важного он мог узнать из моих мыслей?

— И чего он не узнал за время путешествия с нами обоими. — Род был рад, что свет тут слишком тусклый, и Саймону не видно его покрасневшего лица.

— Или чего он не мог бы выяснить, скажем так, более "ортодоксальными" средствами? Например, если он прислушивается к нашим мыслям, то знает, что я уже очнулся.

— Да, не сомневаюсь, что мы его скоро увидим.

— Уверен что нашим делом по-прежнему занимается он... Так значит, он отдавал приказы, да? Я имею в виду, солдатам.

— Да. В том не приходилось сомневаться.

Род кивнул. — Тогда, вероятно, именно он и устроил ту засаду.

Саймон с миг глазел на него, а затем медленно кивнул. — Скорей всего так.

— Значит он далеко не такой простой полутелепат, каким прикидывался.

Губы Саймона изогнулись в чуть заметной улыбке. — Да, мастер Оуэн. Он определенно не таков.

— Он случайно не выдал никаких намеков на свое настоящее "Я", а?

Саймон покачал головой. — На поверхности его мысли оставались, как всегда. Что мне удалось услышать у него, так это то, что его всегда звали Фларан; но его мысли все время превозносили Альфара, и то, сколь огромная польза вышла стране с тех пор, как он взял власть.

— И ничего о непосредственной задаче? — нахмурился Род.

— Он думал о том, сколь сильно порадует Альфара твое пленение.

— Надо думать. — Род закрыл глаза, прислонившись затылком к стене, надеясь, что холодный камень сможет охладить жжение.

— Чего б еще мы ни сказали о нашем мальчике Фларане, надо признать, что дело свое он знает прекрасно.

В замке заскрежетал ключ. Род поднял взгляд на здоровенную глыбу смотрителя тюрьмы с лицом, которое могло быть высечено из гранита. Он не сказал ни слова, а просто держал дверь распахнутой и посторонился, пропуская лорда, великолепно одетого в парчовый камзол и короткие штаны, красное трико и башмаки, тонкие кружевные рюши и мантию из золотой парчи, с золотой же диадемой на голове. Он двигался, надменно подняв подбородок, и держался исключительно властно. Роду пришлось посмотреть дважды прежде, чем он узнал Фларана.

— Встречают по одежке, — пробормотал он себе под нос.

Фларан улыбнулся, презрительно скривив губы. — Да по одежке — и по осознанию силы.

Последнее слово вызвало эхо в голове у Рода. Он не сводил взгляда с Фларана. — Так значит слух был верен. — Альфар бродил по сельской местности, переодетый крестьянином.

Фларан склонил голову, признавая справедливость его слов.

— О! Властелин Альфар, — Род снова прислонился спиной к стене. — Должен признать, что ты действовал отлично, маскируясь под крестьянина. Возможно ты черпал опыт прежних лет?

Глаза Альфара, вспыхнули гневом, а Саймон, казалось, съежился от ужаса. Колдун резко бросил, — Я и впрямь год назад числился среди угнетенных. — Но теперь, конечно, все это позади.

Произнес он это с невинным видом. Взгляд Альфара посуровел. — Не заблуждайся. Не думай, что я по-прежнему крестьянин — ибо теперь ты находишься в моей власти, и ты найдешь ее абсолютной.

— Ну, значит ты могущественный крестьянин, — пожал плечами Род. — Или ты искренне думаешь, что можешь быть чем-то большим?

— Намного большим, — процедил сквозь зубы Альфар. — Как ты сам скоро поймешь.

— О? — склонил голову на бок Род. — Можно спросить, чем же?

— Герцогом. — Герцог Альфар, с северного побережья! И ты, раб, будешь называть меня именно так!

— О. — Род держал губы поджатыми от этого слова. — Так я теперь раб, да?

— А что? — у Альфара загорелись глаза. — Кем еще ты б себя назвал?

Род секунду поглядел на него а потом улыбнулся. — Я тоже крестьянин, разве нет?

— Разумеется, — сухо обронил Альфар. — И все же, кем бы ты там ни был, ты также непревзойденнейший слушатель мыслей, раз сумел проникнуть под мои мысли и раскрыть, кто я такой на самом деле.

— Для этого не требовалось чтения мыслей. Вообще никакого. Просто подумай логически: кто во всей обширной северной округе будет бродить, переодевшись недотепой-крестьянином, поддерживая с огромным пылом и энтузиазмом политику Альфара, и кто наделен властью командовать солдатами?

— Возможно, один из моих помощников, — сказал сквозь истонченные губы Альфар.

Род покачал головой. — Ты ни разу не сказал о необходимости передоверить решение кому-то вышестоящему — по крайней мере, судя по рассказу Саймона о том, что происходило, пока я был без памяти. Но ты упомянул о "наших" владениях, и значит был либо одним из помощников, рассматривающим себя, как напарник вождя, а судя по всему, что я слышал об Альфаре, он, как мне думалось, был не из тех, кто делился властью...

— Тебе думалось верно, — проворчал Фларан.

— Вот видишь? И употребленное тобой слово "наши" было королевским "наши".

А это означало, что Фларан был на самом деле Альфаром. — Род развел руками. — Видишь? Просто обыкновенный здравый смысл.

— Едва ли “обыкновенный”. — нахмурился Альфар. — Воистину, это самый престранный способ мышления. — Вот люди постоянно и твердят мне об этом, — вздохнул Род. Он обнаружил, что цепочки рассуждений чужды средневековому уму. — Но ведь это было королевское “наши”, не так ли? И ты планируешь попытаться сесть на трон, не правда ли?

Ответом Альфара явилась язвительная улыбка. — Наконец-то, ты добрался до истины, хотя сильно сомневаюсь, что ты нашел ее на такой лад.

— Не беспокойся, на такой, — кисло улыбнулся Род.

— Даже и сейчас, когда ты совсем рядом со мной, я не могу прочесть твоих мыслей. Ни единого шепота. — Кончай свой обман! — вспыхнул Альфар. — Только очень могучий чародей может столь полно окутать покровом свои мысли, будто кажется, что он даже не существует!

Род пожал плечами. — Будь по-твоему. Но будет ли тот могучий чародей в состоянии читать в чужом разуме, когда его собственный закрыт на замок?

Альфар уставился на него. А затем медленно поднял голову, кивая.

— Ладно. Тогда, по крайней мере, ты не станешь отрицать, что ты шпион Туана?

— Согласен, уж это-то вполне очевидно.

Превосходно! Теперь ты сможешь сообщить Туану все мельчайшие подробности о моей темнице, если когда-нибудь увидишь его вновь.

При всей его браваде Рода пронзила дрожь мрачного предчувствия. Он проигнорировал ее. — Туан уже знает все, что ему надо.

— В самом деле? — сверкнул глазами Альфар. — И что же именно? — Что ты захватил власть над герцогством, наведя чары на весь народ, и что ты нападешь на него, если он не уничтожит тебя первым.

— Ах даже так! Интересно! И что еще ему известно?

Род пожал плечами. — Не твоя забота, но пусть тебя это беспокоит.

Альфар оцепенел, кровь отхлынула от его лица.

А затем резко развернулся и выхватил нож приставив его к горлу Саймона. — Еще раз спрашиваю тебя, какими сведениями располагает Туан?

Он сцепился взглядом с Родом. Саймон побледнел, но в глазах у него выразалось лишь спокойствие и понимание, без следов страха.

Род вздохнул и капитулировал. — Ему известна вся твоя карьера, от первого запуганного тобой крестьянина вплоть до битвы с Герцогом Романовым.

— А, — выдохнул Альфар. — Но исход ее ему неизвестен. Так ведь?

— Так, — признался Род, — но догадаться нетрудно.

— Она исходит от герцогини, не так ли? Она сбежала от моих охотников. На самом деле, мои лазутчики в графстве Тюдор и в Раннимиде нападали на нее, но их отразили с помощью мощной магии. — Взгляд его посуровел. — Магией, напущенной женщиной и четырьмя детьми.

Внутренне Род успокоился услышав подтверждение, что его семья находится в безопасности. Но внешне он разрешил себе лишь чуть улыбнуться.

— Но тебе о том известно, не так ли? — выдохнул Альфар. — Ведь ты-то и поручил им сие дело, не правда ли?

Род посмотрел на растущую на острие кинжала каплю крови, прикинул варианты выбора, и решил, что честность не повредит. — Да, план этот принадлежал мне. Альфар торжествующе выпустил воздух. — Так значит именно твоя жена и дети сопровождали герцогиню и ее отродье, пока были живы!

Внутри у Рода завывала сирена тревоги. Не подразумевал ли этот ублюдок, что его семья погибла? И поднялся, нарастая гнев.

Не замечая что м происходит с Родом, Альфар по-прежнему говорил. — И ты тот, кого зовут Род Гэллоутлас, не так ли?

— Да. Я — Верховный Чародей. — Глаза у Рода сузились, наливаясь кровью.

Саймон ошеломленно уставился на него во все глаза. Губы у Альфара раздвинулись, глаза засверкали. — Как тебе удалось это? Говори каким образом? Как ты перестал существовать, для мысли, в то время, как для глаза ты виден?

— Уж тебе-то следует знать, — процедил сквозь зубы Род. — Разве ты не подслушивал?

— Заверяю тебя, каждую минуту. Я держал тебя под мысленным наблюдением в то время, когда ты купил телегу и выехал на дорогу. А потом вдруг не стало никаких мыслей, кроме дум крестьянина.

— Неплохой у вас радиус действия.

— Свыше тридцати лиг. Как ты окутал покрывалом свои мысли?

— Я не окутывал, во всяком случае тогда. — Род сбросил ярость до медленного горения, держа свой дух в узде, плавая на поверхности этого чувства. — Я просто начал думать, как крестьянин.

Альфар уставился на него.

А затем нахмурился. — В таком случае, уподобился ты превосходно.

— Я получил кое-какие уроки актерской игры. — И они пригодились сейчас, помогая ему удерживать ярость под контролем. — Настоящий номер с исчезновением я разыграл лишь после того, как пересек границу. — Про себя, он находил небезынтересным, что Альфара удалось так основательно обмануть. Либо он не очень-то умел читать мысли в глубине сознания, либо Род умел считать себя кем-то вымышленным лучше, чем ему думалось.

— Значит это произошло тогда? Говори, каким образом? Но его рука с ножом дрожала.

Тем не менее Саймон глядел во все глаза на Рода, а не на Альфара. С благоговением, а не страхом.

Он отнесся к Роду по дружески, и был невинным прохожим...

Род пожал плечами. — Я ушел в себя. Вот и все. Закрылся в своей скорлупе. Решил, что никто не достоин моих забот.

Альфар уставился на него. А затем нахмурился. — Неужели ты не можешь сказать большего?

Род пожал плечами. — Детали. Техника. Вспомнил прошлые времена, когда мне хотелось убраться от людей подальше, и дал этому чувству разрастись. Это не научит тебя такое проделать. В первый раз это просто случается.

Альфар следил за ним, сузив глаза.

А затем выпрямился, сунув нож обратно в ножны, и Саймон чуть ли не рухнул со вздохом облегчения. Род тоже почувствовал себя спокойнее, но ему противостоял гнев.

— Все именно так, как я и думал, — произнес с мрачным удовлетворением Альфар. — Судя по всему услышанному мной о тебе, твое рыцарство превосходит твое здравомыслие.

— Не будешь ли любезен, объяснить это? — осведомился бархатным тоном Род.

— Это же очевидно! Разве будет любой здравомыслящий капитан рисковать своим здоровьем, а может даже жизнью, отправляясь на опасное задание?

Нет! Он пошлет лазутчика, и предоставит подчиненному идти на дыбу и под пыточные клещи! Но ты, гордящийся своей честью... — Он заставлял это слово показаться непристойным ругательством, — предпочитаешь понаблюдать за врагом сам!

Теперь Род понял, кто перед ним. И не потрудился скрыть свое презрение.

— Просто сидеть себе в Раннимиде и читать донесения разведки, да?

— Это было бы мудрым. — Альфар стоял, подбоченясь и ухмыляясь ему свысока. — Или ты истинно считаешь, что мог бы самолично достичь большего? Род изучил взглядом колдуна — самоуверенная поза, готовность к бою номер один, общий надменный вид (и не проглядел ни угрозы, ни садистского блеска в глубине глаз) и дивился, почему он больше не чувствует страха. Однако, он знал, что ему лучше не давать знать об этом Альфару.

Поэтому он выпятил подбородок чуть подальше и заговорил вызывающим тоном. — Я знаю только одно: к тому времени, когда я понял, что дело тут действительно опасное, было уже слишком рискованно разрешать идти вместо меня кому-нибудь другому.

— Ах, как доблестно, — бросил с испепеляющим презрением Альфар.

— И похоже, я оказался прав. — Род не отрывал взгляда от глаз Альфара. — Если ты смог поймать меня, то смог бы схватить и любого посланного мной. Как ты увидел меня насквозь, несмотря на маскировку?

По лицу Альфара расплылась медленная улыбка.

Он поднял голову, выпятил грудь и шагнул к Роду, неестественно важной походкой. — Я почувствовал опасность, когда мои лазутчики прислали известие, что Верховный Чародей отправился в путешествие на север.

Но поскольку ты отправился вместе с женой и детьми наводит на мысль, что это всего-навсего увеселительная прогулка. В то же время, ты совсем недавно разговаривал с Туаном и Катариной.

Род пожал плечами. — Я это делаю постоянно, — но слушал с интересом. — Так значит твой человек не смог подслушать моего разговора с Их Величеством, а?

Альфар покраснел, сердито глядя на него.

— Так. — Род прислонился спиной к стене. — Приятно сознавать, что шумовой щит моей жены действует так хорошо.

— Вот, как вам удалось это! — блеснул глазами Альфар. — Воистину, их мысли невозможно выделить из жужжащего гула мыслей, что окружают их. Он кивнул с расчетливым видом. — У твоей жены есть талант.

Род дрогнул от подразумеваемой его тоном угрозы — особенно из-за того, что Гвен вовсе не окружала щитом королевскую чету. — Хорошо, что я отправил ее обратно. Есть чему порадоваться.

— Возможно мне следует радоваться. Того, что не смогли добиться мои помощники, смогут достичь мои действия.

— “Помощники?” — недоверчиво уставился на него Род, а затем дал своей улыбке медленно разрастись. — Ты хочешь сказать, что тот паршивый снайпер был одним из твоих наилучших?

Взгляд Альфара потемнел. — Это было сделано намеренно. Я велел ему отбить охоту ехать дальше, а не убивать тебя или твоих.

— Мудро, — кивнул Род. — Сделай ты иначе, я бы тут же прервал эту разведывалку и рванул обратно в Раннимид предложить Туану собирать армию. Но ты отлично поработал предупреждая нас, что тут находишься ты.

— Да — и узнал твои намерения и способности, а так же способности твоей жены и детей. Я отправил своих помощников пугнуть тебя во второй, и третий раз, чтобы выяснить все плюсы и минусы твоего нападения. Да, если б твоя жена и дети поехали дальше на север, я бы прекрасно знал, как разделиться с ними.

По спине Рода прошел холодок.

— У меня возникло ощущение, что становиться через чур жарко. Поэтому, когда подвернулись герцогиня и ее мальчики, я воспользовался этим предложением и отправил семью обратно на юг в безопасные края.

Альфар кивнул. — А сам поехал дальше на север. Потом ты завернул на ферму, где купил себе телегу и крестьянскую одежду — и мой человек потерял твой след.

Очень интересно! Род стал невидимым лишь после того, как пересек границу. — Позволь мне угадать: вот тогда-то ты и решил, что тебе лучше самому лично принять участие в деле.

Альфар кивнул. — Так же, как и ты, я надел крестьянскую одежду и отправился по дороге на юг, пешком и без охраны. — он улыбнулся самодовольно,

словно говоря, Зачем бы Альфару понадобилась охрана?

Род твердо решил при первой же возможности продемонстрировать, зачем именно ему понадобится охрана. Вслух же он сказал, — Почему ты не поехал сперва к границе? Ты мог бы перехватить меня там.

— О, я был уверен, что обнаружу тебя по пути! — Тебе не было нужды пользоваться каким-либо иным путем, помимо большака. И нельзя было пользоваться поселками, где ездят одни селяне, ибо тогда ты был бы очень замечен на них. Задолго до того, как я повстречал тебя, я наткнулся на отряд стражников, и что-то в них привлекло мое внимание. — Я заглянул глубоко в глаза и мысли прапора и обнаружил в глубине, что он больше не зачарован! Хотя они и носили мои цвета! Улыбка его сделалась неприятной. — Я нашел повод отправиться вместе с ними, попросив у них защиты, и пока мы шли, поочередно оплел своими чарами каждого из них. Когда незачарованным остался только один прапор, я велел солдатам схватить его, что они и сделали. А потом задавал ему вопросы, слушая возникающие у него в голове невысказанные ответы.

Род решил, что ему лучше подыскать новую технику допроса. Эту было столь легко изобрести, что она вполне могла стать доступной всем.

— Из его разума, — продолжал Альфар — я извлек образ человека, разбившего его чары...

Он кивнул на Саймона. — И увидел, к своему удивлению, что его сопровождал некрасивый, угрюмый крестьянин.

Род негодуяюще выпрямился. — Эй, полегче!

Альфар улыбнулся довольный, что его стрела попала в цель. — Не трудно догадаться, что разбивший чары должен быть Верховный Чародеем. У него ж так здорово получалось выглядеть знатным лицом!

Пораженный Саймон поднял взгляд.

Глаза у Альфара блеснули. — А у его слуги был такой простонародный вид!

Но Род не собирался дважды клевать на одну и ту же приманку. — Не буду спорить, — пожал он плечами. — Когда речь идет о простонародье, ты должен знать, о чем говоришь.

Альфар покраснел и уронил руку на кинжал.

Род лениво откинулся назад. — Что же ты сделал с солдатами? — Он напрягся, боясь ответа.

— А чего мне следовало сделать? — пожал плечами Альфар. — Я зачаровал и прапора и направил их на север присоединиться к моей армии.

Род удивленно поднял голову. — Неужели ты их не наказал? Обошелся без всяких дыб, тисков для пальцев? Без всяких скоростных приемов?

Альфар выглядел тоже удивленным. — Кто ж наказывает упавшую на землю стрелу, если враг подобрал ее и вставил в свою тетиву? Нет ее ловят, когда он выпустил ее в тебя и возвращают в свой колчан. Я отправил их на север, так как не хотел рисковать тем, что они снова увидят тебя — или, точнее, твоего разбивателя чар. Но на следующем караульном посту я показал знак своей власти... — Он коснулся медальона у себя на груди. — ... и велел солдатам перседеться крестьянами и ждать в засаде там, где поселок соединился с большаком. Затем я вызвал меньшего чародея быть при них в ожидании приказ выступить, когда он получит мысль-шифровку — величие Альфара и почему всем ведьмам и чародеям следует присоединиться к нему. — Он мстительно улыбнулся.

Род знал, что лучше не скупиться с умасливанием чужого эго, когда тип с комплексом неполноценности держит нож в руке. — Так вот почему вдруг та обличительная речь, да?

— Действительно. — Глаза Альфара так и плясали. — Способ во всех моих делах. А потом я отправился на юг, устремляясь мыслью вперед себя, пока не услышал мысли Саймона. Тогда я нашел деревенского чародея и велел ему возглавить своих односельчан, преследуя меня...

— Того толстячка. Но ты конечно же был уверен, что все их камни пролетят мимо, и они не догонят тебя.

Ну разумеется, — усмехнулся Альфар, наслаждаясь рассказом о собственном хитроумии. — И как я знал заранее, вы не могли удержаться от помощи бедному слабaku, и не спасти гонимого волками.

— Да. — Рот у Рода скривился от кислого вкуса собственной доверчивости. — Мы тут же попались на эту удочку, не так ли? Попросту подобрали тебя и увезли с собой.

— Вы поступили, воистину, очень милосердно. — улыбнулся сахарной улыбкой Альфар. — Понадобился всего лишь день труда для выяснения, что твой спутник мало, что мог сделать, помимо снятия чар, и что Верховным Чародеем должен быть ты.

— Мое природное величие так и сверкало сквозь эти крестьянские лохмотья, да?

— О, несомненно. И все же о том больше свидетельствовало твое лицо.

— Благородное от природы, а?

— Нет, всего лишь знакомое. Мои лазутчики принесли в своих головах картины более верные, чем мог бы нарисовать любой живописец. О, ты несколько замаскировался крестьянской рубахой и грязью, но я и сам кое что смыслю в обмане и умею заглянуть под внешние черты на то, что спрятано за ними. Однако я узнал тебя, даже прежде, чем взглянул тебе в лицо, ибо для моих глаз ты был там, но для мыслей — не был, а столь основательно защитить себя мог только самый могущественный чародей.

— Такой навык у меня появился еще до того, как я начал проделывать что-либо называемое магией... — пожал плечами Род — Но продолжай.

— Обрати внимание! — поднял указательный палец Альфар. — Тогда я дал тебе возможность присоединиться ко мне и моим! — Когда ты отказался, да с такой силой, я понял — тебя не убедить. Я схватил тебя. — Взгляд его стал пристальным, вперившись в глаза Роду. — И даже сейчас, если ты пожелаешь присоединиться ко мне, я буду рад и приму тебя с распростертыми объятьями!

— При условии, конечно, что я смогу доказать искренность своего желания.

— Конечно. Какой от тебя толк, если я не смогу до конца полагаться на тебя? — Глаза его сверкнули, а губы задрожали, скрывая удовольствие. — В самом деле, у меня и сейчас есть средство обеспечить твою верность.

Рода пронзил страх и сразу же за ним гнев. Он подавил его и прорычал. — Какое средство?

— Тебе незачем знать. Ты же пока не желаешь соединить свой жребий с моим.

Поднялась ярость, и Род дал ей возрасти. — Я размозжу тебе пятой голову, если смогу найти достаточно большую рогатину, чтобы прижать тебя к земле за шею!

Альфар побелел и прыгнул на Рода, выхватывая нож. Рода пронзил страх, словно попавшая в порох искра, и гнев взорвался, разбежавшись по всем его жилам и нервам, вырываясь в ходе реакции наружу.

Альфар отлетел, врезавшись в противоположную стену, и съехал по ней на пол, оглушенный.

Цепи Рода звякнули, распавшись, и свалились на пол.

Он оттолкнулся от стены, подымаясь на ноги, ярость-сила наполняла каждую клеточку его тела. В голове его запульсировала боль, затемняя все видимое им, кроме овала света, где виднелся рухнувший навзничь Альфар. Род двинулся, с трудом волоча ноги к павшему, чувствуя, как его окутывает гнев, пропитывая его так, словно дух лорда Керна дотянулся через пустоту между вселенными, чтобы овладеть им. Палец его поднялся с тяжестью всех совершенных им смертоубийств, нацеливаясь взорвать колдуна.

Тут глаза у Альфара прояснились. Он увидел лицо Рода, и ужаснулся. Род протянул руку коснуться его, но камеру сотряс раскат грома, и колдун пропал.

Род стоял уставясь на пустое пространство, где раньше был колдун, все еще направляя бесцельно палец. — Телепортировался, — прохрипел он. — Смылся.

Он медленно выпрямился, мысленно выталкиваясь наружу, разбивая свой ментальный щит, открываясь всем, окрыляющим его чувствам и впечатлениям, сосредотачиваясь на человеческих мыслях. И нигде не попадалось следа Альфара.

Род кивнул, с злорадным удовольствием. Альфар не просто телепортировался из камеры — он улизнул из замка, да в такую даль, что его нельзя было “услышать”.

ГЛАВА 14

Род обмяк и бессильно опустил на пол, сидя у стены камеры. Пропала самая большая причина для его гнева, эмоции его начинали утихать, но внутри его по-прежнему сидела жажда насилия, жажда боя, что поддерживала его гнев и наращивала его, наполняя все его тело трепещущей яростью.

Это напугало Рода. Он попытался подавить эту бессмысленную ярость. И когда он это делал, к нему пробился голос Саймона — Оуэн! Оуэн! Лорд Гэллоуглас! Нет, я буду звать тебя тем именем, под которым знаю! Рука сжала ему запястье, пальцы так и впились в нее. — Мастер Оуэн! Или Род Гэллоуглас, кто бы ты ни был! Выходит ты потерял себя?

— Да, — процедил сквозь зубы Род, уставясь на стену невидящими глазами. Чертовски близко к истине.

— Ужель в тебе не осталось ничего от Верховного Чародея? — застонал Саймон.

— Которого? — прорычал Род. — Которого Верховного Чародея?

— Рода Гэллоугласа, Верховного Чародея Грамария! — ответил Саймон голосом, полным трепета. — Какой же есть еще Верховный Чародей?

— Лорд Керн, — невинно пробормотал Род. — Верховный Чародей страны Тир-Хлис. — Он поднялся на ноги и стоял, как столб, стоял противясь шуму в голове, бречанию в жилах. А затем выдавил из себя слова, — Каков он — этот Верховный Чародей?

— Который? — воскликнул Саймон.

— Да, — кивнул Род. — Вот в том то и вопрос. Но скажи мне об этом Роде Гэллоугласе.

— Но ты же и есть он!

— Скажи мне о нем! — скомандовал Род.

Саймон в растерянности уставился на него. Но чего бы он ни думал о странности или иррациональности вопроса Рода, Саймон проглотил это, усвоил и выдал то, что требовалось.

— Род Гэллоуглас — лорд Верховный Чародей.

— Это несколько не помогает, — проворчал Род, — Скажи мне о нем, что-нибудь иное.

Саймон на миг уставился на него, а затем начал вновь.

— Он несколько выше большинства людей, хотя и слишком...

— Нет, нет! Не то, как он выглядит! Это вообще не помогает! Каков он внутри?

Саймон в замешательстве смотрел на него.

— Быстро! — резко бросил Род. — Скажи мне! Сейчас же! Мне нужен якорь, нечто такое, за что можно уцепиться!

— Значит ты действительно потерял себя?

— Да!

Реальность чрезвычайной ситуации дошла, наконец, до Саймона. Он нагнулся вперед и сказал серьезным тоном. — Я знаю тебя не слишком долго, Род Гэллоуглас, да и то лишь в личине старины Оуэна. И все же, судя по всему, что я видел, ты... ну, да, ты угрюмый. И неразговорчив. И все-таки внутри ты добродушен. Да, в душе ты всегда добр к своим братьям, почти каждый раз. Он нахмурился. — Я слышал, как о тебе говорили, что у тебя своеобразное чувство юмора, и что в разговоре ты обычно остришь. Но в старине Оуэне я такого не видал, за исключением нескольких язвительных замечаний, которые были часто обращены к нему самому, а также и к другим..

— Хорошо, — кивнул Род. — Очень хорошо. — Он почувствовал, как гнев уменьшается, и как он успокаивается. Но под этим по-прежнему клубилась ярость, подстрекая его к любым действиям. Лорд Керн. — Скажи мне... — пробормотал Род и сглотнул. — Скажи мне что-нибудь обо мне самом такое, что не приложимо к лорду Керну, так как большая часть сказанного тобой может относиться к нему тоже. Я едва знаком с этим человеком. Но такое возможно. Скажи мне что-нибудь такое, что определено только мое, что не может быть его!

— Ну... — запнулся Саймон. — Есть вот твоя одежда. Стал бы он разгуливать переодевшись крестьянином?

— Возможно, попробуй еще раз.

— Есть еще твой конь...

— Да! — уцепился за эту мысль Род. — Скажи мне о нем!

— Это огромный вороной жеребец, — медленно проговорил Саймон — и прекрасный на вид. На самом

деле, он был единственным большим изъяном в твоей личности, так как всякому было видно, что это настоящий рыцарский скакун, а не обыкновенная упряжная лошадь. — Он нахмурился, глядя в пространство. — И теперь мне вспоминается, ты называл его "Векс".

— Векс, — улыбнулся Род. — Да, Векса я никогда не смогу забыть, несмотря ни на что. И у лорда Керна не может быть подобного ему. Он был со мной с рождения — нет дольше. Он служил моей семье много поколений, ты не знал этого?

— Безусловно, не знал, — Саймон глядел на него, широко раскрыв глаза.

— Он, знаешь ли, не то, чем кажется.

— Да, поистине, он не то!

— Нет, не только в этом смысле, — нахмурился Род. — Он, э... магический. Но магия тут не вашего рода — моего. На самом деле он, вообще, не конь. Он может быть, чем угодно.

— Муляж, — прошептал Саймон, не в состоянии оторвать взгляд.

— Нет, не в этом смысле! Он — холодное железо под конской шкурой, на самом деле, сплав. Плюс к тому у него есть мозг, который по существу отдельный предмет. — Род вспомнил, как легко он мог вынуть из лошадиного тела сферу размером с баскетбольный мяч, содержащую компьютерный мозг Векса, и вставить его в свой звездолет, чтобы заниматься астронавигацией и пилотированием. — Я имею в виду, его мозг действительно отдельный предмет. Но он всегда спокоен — ну, почти всегда. И в высшей степени логичен. И у него всегда есть для меня хороший совет. — Ядро гнева съеживалось, оно почти исчезло, и Род почувствовал, как последние щупальца ярости убираются в него. Если лорд Керн действительно дотянулся через пустоту между вселенными в ответ на гнев Рода, то он потерял свой захват. А если его толкала к насилию всего лишь его собственная жажда крови, то теперь она снова оказалась под контролем.

Губы Рода дернулись, раздвинувшись в сардонической улыбке.

— Благодарю вас, милорд. Я ценю вашу помощь и буду часто взывать к ней, когда понадобится. Но пока, став самим собой, должен выследить этого злого колдуна теми средствами, какие сочту наилучшими в этом мире, где могут быть лошади из металла, с машинами в качестве мозгов.

Саймон чуть склонил голову набок, пытаясь расслышать, но не совсем понимая смысл.

Род почувствовал, как присутствие лорда Керна (или масса его собственного гнева) убывает.

Был ли Керн реальностью или лишь проекцией его подсознания, теперь он исчез основательно. Род испустил вздох и повернулся к Саймону. — Спасибо. Ты вытащил меня из этого состояния.

— Рад помочь, — сказал Саймон, хотя я мало, что понимаю.

— Тут все очень просто. Понимаешь, есть и другой Верховный Чародей в другом королевстве, далеко-далеко, нет даже способа измерить эту дальность. Оно в другой вселенной, если ты способен в это поверить.

— Поверить в сие, да. Вот понять — другое дело.

Просто попробуй впитать в себя эту мысль, — посоветовал Род. — По этому курсу мы не будем устраивать экзамены. Так вот, этот другой Верховный Чародей — мой аналог. Это означает, что он соответствует мне во всех деталях: что он делает в своей вселенной, я делаю в своей. Я некоторое время погостил в его стране и имел случай позаимствовать у него силы; он конечно же, канализировал их через меня. Но теперь, похоже, что это входит в привычку. Он постоянно пытается дотянуться до этой вселенной и поселиться в моем теле.

— Наверное, он не может этого сделать! — поблел Саймон.

— Да и нет, — пожал плечами Род. — А может дело просто в моей собственной страсти к насилию, соблазну крошить всех подряд, а я вешаю на него ярлык "Лорд Керн", пытаюсь снять действия, которые считаю неправильными, со своей совести. Он сердито уставился в пространство.

— Конечно, попытался пояснить Саймон, — по-настоящему это не срабатывает. Ответственность лежит на мне, какие б я ни создавал иллюзии в качестве предлога. Даже если я говорю, что это сделал лорд Керн, деяния-то в действительности совершал я. Они все равно будут моими, даже если я попытаюсь замаскировать это. — Он повернулся с мрачной улыбкой к Саймону. — Но, похоже, мне удастся очень убедительно лгать себе. Я способен убедить самого себя, когда мне хочется, что я — не я, а кто-то другой.

— Так, — нахмурился Саймон, — значит я убедил тебя, что ты опять стал самим собой?

Род кивнул. — А еще важнее, ты показал мне, что я могу самовосстанавливаться до настоящей своей личности, а не воображаемой, снова сплавив свои

мысли и действия в единое целое. Надо лишь вспомнить, кто я такой. Ключом послужил Векс. Векс стал последним элементом, благодаря которому это удалось. Потому что, видишь ли... — Он дернул губами в улыбке. — ... во вселенной лорда Керна Векс существовать не мог.

— Не понимаю, почему бы и нет; — нахмурился Саймон. — но все же принимаю твое заверение. — Затем его глаза метнули искры и расширились. — А может быть, и понимаю. Твой конь означает тебя, не так ли? Ибо, если его не может быть в той стране лорда Керна, то не может быть и тебя!

— Да, без завоза не может. — Тут Род напрягся, отворачиваясь от Саймона, чувствуя себя так, словно через него проходил электрический ток. — Да... он означает меня во многих смыслах, не так ли?

Компьютерный мозг в теле с лошадиной шкурой довольно неплохо символизировал технологического Рода в средневековой культуре Грамария...

Но его самого..?

— По моему именно так, — говорил Саймон. — И так как твой конь-ключ к возвращению тебе власти над своими действиями, так и твой гнев — ключ к вызыванию "лорда Керна", кого, по твоим же словам, ты создал, чтобы брать ответственность за твои собственные ужасные деяния, чтобы ты мог солгать себе, что никакой твоей вины в них нет.

Мгновенье Род стоял, не двигаясь, а затем медленно кивнул. — Да и это ложь. Он бессильно присел на корточки. Саймон присел рядом с ним. — С тех пор, как я вернулся из вселенной лорда Керна я постоянно впадал в ярость, а это пугает, очень пугает.

— Так, — блеснул глазами Саймон, — Поэтому ты боялся прибегать к собственным силам из страха вызвать его.

Какое-то время Род молча глядел на него. А затем кивнул. — Да, это должно иметь смысл, не так ли? Ассоциация. Применение магии в первый раз, благодаря тому, что в черепе у меня гостил лорд Керн; поэтому новое применение ее, должно опять призвать его. Определенно тут налицо нелогичное рассуждение, не так ли?

— Похоже так, когда ты говоришь это.

— Да, но эти рассуждения заставляет меня понять, что это не имеет смысла, — усмехнулся Род. — Однако, я должен прибегать к своим силам. Бывали случаи, когда они здоровогодились. Например, как раз сейчас — Альфар нацелил кинжал мне в горло,

так что терять мне было нечего. — Он содрогнулся. — И на этот раз “Лорд Керн” почти полностью овладел мной.

— Да, — улыбнулся Саймон. — Ты опасался, не так ли? Опасался, использовать свои силы из страха вызвать “Лорда Керна”.

— Даже, если он всего лишь созданная мной иллюзия, — кивнул раздосадованный Род. — Да. Я до сих пор этого боюсь.

— И все же ты хочешь пользоваться своими силами, — поднял указательный палец Саймон. — Будь они хоть силами лорда Керна, хоть твоей собственной магией, вызываемой твоим гневом, ты боишься применять их, чтобы не поддаться искушению и не дать твоим рукам сделать то, что тебе отвратительно.

Род медленно кивнул. — Неплохо сказано. Отделение мысли от действия. Да. Я-таки всегда был немного шизоидным.

— Тогда сдерживай в себе, вызванную тобой силу, — призвал его Саймон. — Таким образом ты можешь воссоединить свои мысли со своими действиями, удерживая деятельную часть себя в загоне, создаваемом твоими мыслями. Сдерживай “Лорда Керна” точно так же, как свой гнев. Ты ведь, наверняка, не забыл нашего разговора, затрагивавшего сей предмет? То было прямо после того как ты...

— После того, как я избил тот бедный, ничего не подозревающий беззащитный камень. Да, — кивнул, плотно сжав губы от досады, Род. — Да, я помню. Но я по-прежнему не понимаю, как тебе удастся удерживать крышку на котле своего гнева.

— Нет, я не удерживаю! — нахмурился погрозил Роду пальцем Саймон. — Если поднимется гнев, не пытайся похоронить его, ни притворяйся, будто его нет. Дай ему быть в твоём сознании и не стремись задушить его, но сдерживай его.

— А как тебе это удастся? — нахмурился Род.

— Благодаря отстранению от разгневанного лица, — ответил Саймон. — Знаю сделать это нелегко — ибо, когда жители деревни потеплели ко мне, а священник стал моим другом, я прекратил свое отшельничество и стал жить среди них. Построил себе постоянный двор с их помощью. И со временем нашел себе жену. — Он поднял голову, снова глядя в далекое прошлое. — Она подарила мне прекрасных детей, и мы вместе трудились, воспитывая их.

— Совершенно верно — у тебя ведь есть дочь.

— Две — и сын, который по милости неба ушел в солдаты при последней войне, и остался на юге служить у лорда Борджиа. Черт меня подери, как я люблю его! И все же, пока он рос, то доставлял мне уйму огорчений!

— Не стану утверждать, будто все это мне отлично известно, — проворчал Род — но я набираюсь знаний. Как ты справлялся с этим?

— Постоянно помня и никогда не высказывая мысль, что гнев его направлен не на меня, а на то, что я означаю.

— Власть, — догадался Род — Пределы его действиям.

— Да — и дерево, от которого ему нужно отделиться, пустить побег, а не то ему не быть самостоятельным существом. И все же было тут и нечто большее — то, что сердился он не на меня, а на сказанное или сделанное мной.

— Это не имеет большого смысла, — нахмурился Род. — Ты пытаешься сказать нечто иное, как то, что это был гнев, а не ненависть.

Саймон уставился в пространство. — Возможно смысл именно в этом. И все же гнев ли то или ненависть, гнев на тебя или на сделанное тобой, всегда знай, если случится самое худшее, тебе надо только вспомнить, что это событие лишь часть твоей жизни, а не вся она — часть, с коей тебе проходиться иметь дело, но которую, когда дело сделано, можно выставить за ворота твоей жизни.

— А что, если ты не можешь? — взорвался Род. — Что, если ты к ним привязан? Что, если тебе приходится постоянно иметь с ними дело, каждый день? Что, если ты любишь их?

Саймон выпрямился, сидя, серьезный и внимательный.

— Да, — кивнул он. — Куда легче сдержать свою вспыльчивость с теми, кого ты видишь нечасто, ибо ты можешь уйти домой, закрыть за собой дверь и забыть о них.

Лицо его расплылось в мягкой улыбке. — Помни всегда, что те, кого ты любишь, тоже люди, и заслуживают такого-же уважения и заботы, как и те, с коими ты имеешь дело всего час — — другой. Если у тебя неважно складываются отношения с родными, притворись, что они друзья.

Эта мысль вызвала у Рода ледяной холодок. — Но это же не так! Они неотделимые части моей жизни — части меня самого!

— Нет! — глаза Саймона вспыхнули, и лицо его стало ликом строгого патриарха. — Никогда ты не должен считать их таковыми! Ибо никто другой не может быть частью тебя; они самостоятельны и отделимы от тебя!

Род просто глядел во все глаза, пораженный силой чувства Саймона.

Саймон медленно покачал головой. — Никогда не думай, если ты любишь женщину или она тебя, то она больше не сама по себе, отдельная, самостоятельная.

— Но... но... но ведь в том и состоит цель брака! — заикаясь, выговорил Род. — В том, чтобы двое стали одним!

— Сие грязная ложь! — отрезал Саймон. — Лишь предлог одному поработить другого, а потом заставить ее прекратить быть! Твоя жена тоже отдельная личность, содержащаяся в собственной коже, и она является единым целым существом, отдельным, независимым — той, кто любит тебя, и все же существует отдельно.

Он вдруг улыбнулся, и к нему вернулись теплота, — ибо понимаешь, не будь она отдельным человеком, тебя некому было бы любить.

— Но... но слово брак! Разве оно не означает именно это — двух людей, сплавленных друг с другом в единое целое?

Саймон нетерпеливо покачал головой. — Возможно это слово имеет такое значение. И все же не обманывайся: двое не могут быть одним. Такое невозможно. Признаю звучит красиво, но достаточно ли красоты, чтобы сделать это верным?

Род усталился на Саймона, пораженный словами старшего.

— А как насчет тебя? — потребовал ответа Саймон. — Правильно было бы кому-либо пытаться сделать тебя, кем-то другим, чем ты есть?

— Нет! Я это я, черт возьми! Если кто-то попробовал сделать меня кем-то другим, он бы ликвидировал меня!

— Значит и для тебя неправильно пытаться заставить другого стать частью тебя! — ткнул в него указательным пальцем Саймон.

Род нахмурился, обдумывая это.

— Если двое человек женятся, — тихо проговорил Саймон, — то они должны получать удовольствие от общества друг друга, а не стараться стать друг другом. — Он снова мягко улыбнулся. — Ибо как можно

стать частью кого-то иного, кроме как стерев либо возлюбленного, либо себя?

Род поднял голову, а затем медленно кивнул. — Твой довод ясен. И относится он, как к моей семье, так и к лорду Керну, не так ли? Он постоянно пытается стать лордом Гэллоугласом — и если б тот сдался, то Род Гэллоуглас перестал бы существовать.

— Ах вот как? — вспыхнул глазами Саймон. — Значит тебе не по нраву мысль о том, что вы с Лордом Керном сливаетесь друг с другом, сплавляясь, вырастая в нечто более крупное и великое?

— Я б убил того, кто попробовал бы стереть меня с лица земли таким способом! — в гневе вскочил на ноги Род. — Это не сдсает меня больше и лучше — это украдет у меня душу!

Саймон лишь улыбнулся гневу Рода, позволяя его силе пройти мимо него, не задевая. — И все же если сия мысль столь отталкивает тебя, когда речь идет о лорде Керне, который, как ты мне сказал, является твоим другом “Я” — то как же она может быть верной, если та “другая половина” твоя жена?

Род ошеломленно уставился на него, гнев его испарился.

— Дело в жене или детях — или страхе перестать быть?

Род снова опустился и сел, скрестив ноги, настойчиво качнувшись вперед. — Тогда почему же я прихожу в гнев, когда они соглашаются со мной?

— Потому что, когда они противоречат тебе, есть опасность, что переварят тебя самого; но когда они соглашаются с тобой, то именно они могут влиться в тебя.

Род обмозговывал сказанное. — Так значит дело в угрозе. Я прихожу в гнев, когда возникает угроза.

— Поистине, — согласился удивленный Саймон. — Какое ж еще назначение у гнева?

— Самосохранение, — медленно произнес Род. — Это порыв сражаться с целью избавиться от угрозы. Рот его дернулся в неожиданной улыбке, а плечи затряслись от беззвучного смеха. — боже мой! Это мне-то угрожает мой трехлетний сын?

— А разве нет? — мягко осведомился Саймон.

— Это смешно, — посерьезнел Род. — Он никак не может причинить мне вреда.

— О, он может, — выдохнул Саймон. — У тебя в сердце, у тебя в душе — и сильнее всех.

Род изучил взглядом его лицо. А затем сказал. — Но он же такой маленький, такой ранимый! — А

затем задумался. — Но черт побери, об этом забываешь, когда он иной раз выступает с таким проницательным замечанием, что чувствуешь себя глупцом!

Саймон сочувственно кивнул. — Следовательно, ты должен всегда помнить и говорить себе вновь и вновь — “Он не уменьшает меня”, так как на самом деле мы страшимся именно этого, не так ли? Того что наши “Я” убавят, а, если их слишком убавят, они перестанут существовать. Разве не этому мы противимся, разве не от этого охраняет гнев?

Но это же глупо, — выдохнул Род. — думать, что такой маленький может повредить такому большому — мне!

— Да, — и следовательно, ты должен помнить об этом постоянно всякий раз, когда ты испытываешь хоть маленький признак гнева, — улыбнулся Саймон. — И относится это, как к твоим детям, так и к лорду Керну.

Род сидел молча, зачарованный, а затем медленно кивнул, — так значит в этом и состоит ключ к сдерживанию моей вспыльчивости? Нужно лишь помнить, что я это я?

И что лорд Керн не Род Гэллоуглас. Именно так. — Саймон закрыл глаза и кивнул. — И все же сделать это не так легко, лорд Чародей. Чтобы помнить это, надо быть довольным своим “Я”. Ты должен прийти к убеждению, что быть Родом Гэллоугласом очень даже хорошо.

— Ну, это я смогу, — медленно проговорил Род. — Тем более я всегда считал, что быть Родом Гэллоугласом лучше всего, когда он со своей женой Гвен.

— Твоей женой? — нахмурился Саймон. Сие представляется крайне неверным. Нет, лорд Чародей, если ты полагаешься для ощущения собственной ценности на другое лицо, то ты на самом деле не веришь, будто обладаешь ей. Ты должен радоваться ее обществу потому, что она есть она, и это доставляет удовольствие тебе, что она приятное общество, а не потому, что она часть тебя и не потому что двое вас вместе делают тебя тем, кем хочется быть.

— Думаю это имеет смысл в некотором отношении, — нахмурился Род. — Если я буду полагаться для ощущения собственной ценности на Гвен, то всякий раз, когда она сочтет меня менее, чем идеальным, или вообще найдет во мне что-нибудь не то, я буду считать, что ничего не стою.

Саймон поощряюще кивнул, сверкая глазами.

— А это вызовет у меня ощущение будто она пытается уничтожить меня, сделать меня меньше, чем я есть. — Что вызовет у меня гнев, потому, что я почувствую, что мне надо отбиваться, ради собственного выживания.

Саймон по-прежнему кивал. — Именно такое случилось со мной. Пока я не понял, почему меня с женой каждая новая ссора была хуже предыдущей — ибо она, конечно же, ощущала то же что и я — что она должна нападать на меня, дабы выжить. — Он покачал головой, словно предостерегающий школьный учитель. — Неверно делать ее сторожем твоей ценности. Сие твое собственное бремя, и ты должен принять его.

Род кивнул — Научиться любить быть в собственной шкуре, да?

— Да, — улыбнулся позабавленный Саймон. — И не пытаться обременить такой ношей и своего коня.

— Да — Векса. — Это резко вернуло Рода к обсуждавшемуся вопросу. — Он был символом, притянувшим меня обратно к самоотождествлению. Означает ли это, что я ближе к своему коню, чем к жене?

— Не думаю, — подавил смехок Саймон. — Ибо если отбросить всю шелуху, конь все-таки вещь, а не личность. У него может быть собственный норов, и какие-то выверты и вывихи настроения, точно также, как у какой-то личности, и каждый конь может быть столь же своеобразен и неповторим, как любой человек. И все же у него нет бессмертной души, и следовательно, он не может бросить тебе вызов так, чтобы заставить тебя почувствовать себя сколь-нибудь меньше. Он не может уменьшить твоего ощущения себя ничуть не больше, чем башмак или лапти.

Род медленно кивнул. Это имело смысл больший, чем думал Саймон, так как Векс был не живым конем, а компьютером, в теле полном серво-механизмов.

Разумеется, посредством своего голоса компьютер проецировал личность — но личность эта была всего-навсего иллюзией, тщательно сработанным артефактом, хотя и неосязаемым. Векс был, в действительности, всего лишь металлической машиной, а его самоотождествление было такой же иллюзией, как и его способность мыслить. — Мой конь в некотором смысле подобен мечу, — задумчиво произнес он.

Саймон тихо рассмеялся. — Воистину, он кажется чем-то большим, чем башмак или лопата.

— Нет, я думаю об особом свойстве. Для рыцаря меч был символом его смелости, его силы и его чести. Каждый меч был отдельным, неповторимым, индивидуальным для средневекового ума, и его владелец считал его развитой личностью. Он даже давал ему имя. Иногда в легендах он даже обладал собственной волей. Нельзя подумать о знаменитом мече, не подумав и о его владельце. Экскалибур вызывает в памяти образ короля Артура, Дюрандаль вызывает в памяти изображения Роланда, Грам напоминает о Сигурде, убившем Фафнира. Меч был символом, носившего его рыцаря.

— Как твой конь символизирует тебя?

Род нахмурился — Это кажется почему-то не совсем верным, но достаточно близким к истине. Полагаю, что метафорически Векс — мой меч.

— Тогда воспользуйся им, — запыхав глазами Саймон. — Обнажи свой меч и иди убить чудовище, порабощающее нас.

Род сидел неподвижно, ошупывая ища в себе страх — да, он был там, но была также и смелость ответить на него. Но в данном случае от смелости в общем-то не будет большого проку, она лишь поощряет его лезть в ситуацию слишком опасную для его выживания. Однако, как насчет уверенности? Мог ли он призвать лорда Керна, что бы наполниться гневом и не дать ему овладеть им.

Он подумал о Вексе и обо всех своих качествах, представляемых Вексом, и почувствовал, как в ответ на этот мысленный образ поднимается спокойная уверенность. Он кивнул.

— Я — за. Но если я начну проваливаться, вытащи меня? Хорошо?

— С радостью, — ответил с теплой улыбкой Саймон.

— Тогда держись. — Род встал, взял Саймона за плечо и подумал об Альфаре, о его надменности, наглости, и представляемой им угрозе для Рода и его детей. В ответ нахлынул жаркий гнев, гнев перерастающий в ярость. Род почувствовал знакомое бешенство лорда Керна, но теперь он осознавал его, как нечто, бывшее частью его самого, а не пересаженное от кого-то иного. И будучи им самим, оно находилось под его управлением в такой же мере, как его пальцы или язык. Он открыл свой мозг, сосредотачиваясь на мире мыслей. Зримый мир померк, и в ушах у него застучала кровь. Реальными были только мысли — мечущиеся, коварные мысли ведьм и чародеев; туск-

лые, механические, медленные мысли солдат и слуг — и непрерывный фоновый гул, который должен был принадлежать проецирующему телепату, загипнотизировавшему целое герцогство. Чем еще он мог быть, раз испускал такой постоянный поток хвалы, такое непрекращающееся вдалбливание мысли в голову?

Чем бы там он ни был, Род вдруг почувствовал уверенность, что он служил ключом ко всей гордости и честолюбию, которые были завоеванием Альфара. Он просканировал замок, пока не нашел направление, в котором гул был сильнее всего, а затем пожелал себе перенестись к нему.

ГЛАВА 15

Это было небольшое круглое помещение, сложенное из серых каменных блоков с высокими узкими окнами. Но окна эти были зашнурованы каким-то прозрачным материалом, и воздух в покоях казался неестественно прохладным — кондиционированным. В голове у Рода так и завывали все сигнальные устройства.

Он взглянул на Саймона. Старший чародей пошатнулся, ошеломленный. Род поддержал его, проворчав, — Спокойно. Именно это и происходит, когда исчезает чародей.

— Мне... никогда раньше не представлялось такой возможности, — охнул Саймон. Он огляделся кругом. Затем повернулся к Роду, пораженный благоговейным ужасом. — Да, ты истинно Верховный Чародей.

— Он самый, — подтвердил Род. — Но тем не менее, твой ученик в искусстве быть отцом и мужем.

— Так же, как я твой в искусстве кудесничества. Саймон показал дрожащим пальцем на металлический ящик в центре помещения. Тот стоял на нешироком пьедестале высотой по грудь, а сверху у него располагался на одном конце серый переливчатый цилиндр. Из другого же вырастал кабель, который падал на пол и тянулся к стене и по ней к окну, где исчезал. Вероятно, уходя к передающей антенне, — решил Род.

— Что там за порождение алхимии? — спросил дрожащим голосом Саймон.

— Может быть, — согласился Род, — во всяком случае, это какая-то машина.

Он чувствовал настойчиво вдалбливаемое послание, вновь и вновь превозносящее достоинства Альфара. Тут оно ощущалось намного сильнее, чем в темнице. Оно било и трепало его, уговаривая и убеждая, благодаря чистой повторяемости. Альфар хозяин, Альфар велик, Альфар законный владыка всего человечества...

— По-моему, я знаю, что это такое, Саймон. — или, по крайней мере, что она делает. Если я прав, то когда я видел такую штуку в последний раз, она была живой.

— Как? — в ужасе устался Саймон. — Живое существо не может быть машиной.

— Не больше, чем машина может быть живым существом. Но эта безусловно, кажется таковой. Если б ты не знал иного, то разве ты не мог бы поклясться, что эта штука направляет на нас мысль?

— Ч-ч... эта? — показал на сооружения Саймон с кривящимся от отвращения лицом. — Разумеется нет!

— Вразуми меня вновь — мне это может понадобиться. — А себе под нос прошептал. — Векс. Ты где?

— Здесь, Род, на конюшне замка, — ответил у него из-за уха голос Векса.

— Закрой глаза, — проворчал Род — и не волнуйся из-за происходящего. — Он закрыл глаза, представляя Векса и конюшню, где он находился. Вероятно, та в отличном состоянии, поскольку всего неделю назад она принадлежала герцогу Романову, но теперь немного подзапущена. Солому, наверняка, нужно сменить, а навоз убрать. Но он нуждался в Вексе, нуждался в нем сильно, и именно здесь... Он сделал эту мысль настоящей, безмолвным призывом, резким, требовательным.

Небольшое помещение сотряс раскат грома, и в нем очутился Векс, дико оглядываясь по сторонам. Голос у робота стал невнятным. — Ччччддо... гдде... я... меня... теллепо... — Внезапно голова его взметнулась вверх, а затем рухнула вниз, все четыре ноги разъехались в стороны, став негнуцимися, с коленями на тормозе, шея тоже сделалась негнущейся, направив голову в пол, затем она расслабилась, и голова закачалась.

— Припадок, — объяснил Род. — Он всегда происходит, когда, Векс поневоле становится свидетелем магии.

Но Саймон не ответил. Он таращился на электронную штуковину, и глаза у него остекленели. Он, спотыкаясь, сделал шаг к ней. — Конечно, — подумал Род. — В такой близости от устройства... Он схватил Саймона за плечи и встряхнул его. — Саймон! Очнись! — Он резко хлопнул в ладоши в дюйме от носа Саймона. Саймон вздрогнул и глаза его снова сфокусировались.

— Что, лорд Чародей! На пол минуты мне подумалось... я почти поверил...

— Что фоновой гул прав, и Альфар славный парень, — кивнул Род, сжав губы в тонкую прямую строчку. — Не удивительно.

— Теперь я уверен в том, что это за странное устройство. — Но давай подтвердим это. — Он снова повернулся к Вексу, нащупал под лукой седла увеличенный позвонок и нажал на него. Тот чуть слышно щелкнул. Миг спустя, голова Векса медленно поднялась и повернулась к Роду, большие пластиковые глаза прояснились. — У меня... был... припадок, Рррод.

— Был, — подтвердил Род. — Но позволь мне показать тебе нечто, с чем ты можешь совладать. — Он сделал шаг к пьедесталу, показывая на машину. — Передается фоновое мысленное послание, Векс, постоянно повторяясь. Оно вновь и вновь до небес расхваливает Альфара, и здесь оно намного сильнее, чем в любом другом месте.

Голова робота повернулась в его сторону. Затем Векс подошел поближе к металлическому ящику. Большая лошадиная голова поднялась, глядя на ящик сверху, потом спереди, потом сзади. Наконец Векс высказал свое мнение. — Данных достаточно для значительного вывода, Род.

— О, шикарно! И что же в итоге получается?

— Что завоевания Альфара поддерживаются тоталитаристами из будущего.

— В самом деле, — сухо произнес Род. — Не желаешь подтвердить мою догадку по поводу того, что это такое?

— Разумеется. Это устройство, преобразующее электричество в псионическую энергию. Я бы предположил, что в большом прямоугольном основании содержится в питательном растворе мозг какого-то животного, с проводами передающими энергию из атомной батареи в продолговатый мозг, и проводами из головного мозга, передающими энергию на частотах человеческой мысли в модулятор. Эту функцию, кажется, выполняет цилиндр в задней части машины. Это отмодулированное послание выводится по кабелю, который, надо полагать, подымается к антенне на крыше этой башни.

— Спасибо. — Род сглотнул от внезапной тошноты в желудке.

— Приятно видеть свою догадку подтвержденной. Думаю их технология улучшилась с тех пор, как мы повстречались с Кобольдом, не так ли?

— Состояние искусства постоянно прогрессирует, Род.

— Можно сказать, безжалостно. — Род повернулся к Саймону. — Она проецирует мысли. Не живые мысли, как ты понимаешь — записанные, сделанные столь же тщательно, как люди делают стулья, корабли или замки. Потом эта мысль фиксируется, почти так же, как ты записываешь послание чернилами, и рассылается из этой машины по всему герцогству, регулярно вдалбливаясь в головы людей. Чародеи и ведьмы, по крайней мере, могут сообразить, что их бомбардируют, но средний крестьянин в поле понятия не имеет, что происходит. Но не имеет значения чародей ли ты, ведьма или простой человек — она обращает в свою веру всех подряд.

— Кто установил ее здесь? — голос Саймона дрожал.

— Люди из будущего. — Лицо Рода сделалось неподвижным, каменным. — Люди желающие, чтобы во всей вселенной правила одна единственная власть.

Он обвел пылающим взором глухие каменные стены. — Где ее создатели? Прячутся где-нибудь в безопасности в то время, как Альфар и его ковен делают за них всю грязную работу. Но должен признаться, я разочарован. Я надеялся найти некоторых из них здесь, несущих караул. — Он почувствовал, как негодование еще сильнее прищипоривает его гнев, и начал дрожать.

— Мир, мир. — схватил его за предплечье Саймон. — С чего бы им? Зачем караулить то, о чем никто не знает, и что не нуждается в уходе?

— Да — она автоматическая, не так ли? И если я ожидал застать их здесь, это еще не значит, что они из-за этого сочтут себя обязанными появиться тут. Но я ожидал, что, по крайней мере, думаньем будет заниматься ведьма или человек! Возможно, подсоединенные к псионическому усилителю подручные Альфара, работающие на нем посменно! Но... вот вам пожалуйста! — Он развел руками, показывая на машину. — Вот это и все, что тут есть! Вот вам импозантный колдун, вот вам архимаг! Вот вам мятежный чародей-полководец, фантастически могущественный, пока у него не сядет батарея!

— Хватит и сего, — молвил рядом с ним Саймон.

— Чертовски верно, хватит! — Род повернулся и стал рыться в седельной сумке Векса. — Где тут молоток, который я всегда возил?

— Не могу ли я предположить, что было бы эффективней и быстрее, выключить машину, Род?

— Почему бы и нет? — пожал плечами Род. — Я не привередлив, ламаю ее любым способом, каким смогу!

Он повернулся к машине, оглядывая ее сверху донизу. — Где у нее выключатель?

— Я вижу около цилиндра большую кнопку, — подсказал Векс. — Не будешь ли ты любезен нажать на нее, Род?

— Разумеется. — Род нажал покрытый перекрестными штрихами квадрат. Машина щелкнула, пожужжала секунду, а затем толкнула к Роду один конец цилиндра. Тот взял его, осторожно держа предмет на расстоянии вытянутой руки. — Что это?

— Судя по схеме, Род, я бы предположил, что цилиндр является преобразователем. Следовательно, этот диск будет записанным посланием.

— Ах вот как! — Род размахнулся, чтобы разбить его о стену.

— Нельзя ли мне также предположить, — поспешно сказал Векс, — что возможно мы найдем применение для самого диска?

Род нахмурился. — Это всегда можно, но без особой пользы. — Он бросил его в сумку на поясе. — Итак, мы прекратили массовую гипнотизацию населения. А теперь, как же мы разбудим его?

— Почему не попробовать телепатию? — предложил робот. — Послание — это записанная мысль, помещенная в контакт с преобразователем; видимо, он будет функционировать ничуть не хуже и при контакте с живой мыслью.

Род повернулся сверкая глазами к своему другу. — О, мастер Саймон...

Невольно старший чародей попятился назад. Но решительно промолвил. — Чем могу помочь, лорд Чародей?

— Направлением мысли на машину, — Род мотнул головой в сторону прибора. — Но тебе придется прижаться к ней лбом.

Саймон выпучил глаза, лицо его побледнело от ужаса.

— Она не повредит твоему мозгу. — поспешно заверил его Род. — В этом я уверен. Этот конец машины может только принимать мысли — передавать он ничего не может. — Он повернулся, нагнулся и приложился лбом к преобразователю. — Видишь! Опасности нет.

— В самом деле, — выдохнул пораженный благоговейным страхом Саймон. — Почему же ты не дашь ей собственные мысли?

— Потому, что я не умею разбивать чары Альфара, — Род отступил назад, и поклонился Саймону, показывая на машину. — Не будешь ли ты любезен попробовать? Просто прижмись лбом к той круглой тарелке и представь себе, что это зачарованный солдат.

Несколько секунд Саймон стоял, оцепенев. А затем сделал глубокий вдох и шагнул вперед. Род с восхищением следил, как он прикасается лбом к преобразователю. Скромный сельский трактирщик обладал ничуть не меньшей смелостью, чем настоящий рыцарь.

Саймон закрыл глаза. Лицо его напряглось, когда он завел свою разбивающую чары секвенцию мыслей. Род напряжился, когда "послание" поразило его со всей силой. В нем не содержалось никаких слов, было только ощущение, словно его слушал кто-то очень сочувствующий ему, готовый выслушать все его сокровенные мысли, а затем по доброму, мягко, но твердо, возразить. Если в этом была необходимость. Род покачал головой и прочистил горло.

— Ну! Он без сомнения, достигнет, не так ли? Он повернулся к Вексу. — Как мы узнаем получилось или нет?

— По реакции Альфара, Род. Он несомненно заметил, что мы прервали передачу его послания, но воздержался от нападения на нас, остерегаясь твоей силы.

Род поднял голову. — Я... как-то... не подумал об этом.

— Я считаю это вполне возможным, — задумчиво проговорил Векс. — Однако теперь, Альфар должен понять, что мы уничтожаем самую основу его власти. Он должен теперь напасть на нас или же потерять все завоеванное им.

Прогремел пятикратный гром, и возник во главе трех ведьм и чародея Альфар, рубя Рода с ходу ятаганом.

Род с воплем восторга отпрыгнул назад. Острие сабли со свистом пронеслось мимо него, и они с Вексом мгновенно прыгнули между Саймоном и бандой колдуна. Одна из ведьм ткнула в их сторону рукой, жестко вытянув все пять пальцев, на них устремилась дюжина вращающихся стальных осколков.

Векс шагнул влево, загоразивая Рода и Саймона. Дротики лязгнули о его лошадиную шкуру, и он шагнул обратно — как раз в то время, что бы наступить этой ведьме на ногу. Та завизжала и наклонилась, заковыляв прочь, в то время, как Альфар снова рубанул Рода ятаганом. Но на этот раз Род подпрыгнул вверх и вышиб из его руки саблю ударом ноги, а как Векс встал на дыбы, молотя передними копытами по другому чародею и ведьме.

Род отвесил Альфару удар ребром ладони по всем правым каратэ, и колдун отпрыгнул назад, но не так быстро — кончики пальцев Рода чиркнули ему по ключице, и Альфар взвыл от боли. Ведьма медленно пятясь, пристально глядела на Векса безумным взглядом, и Род почувствовал, как в него вломился бредовый набор эмоций — гнев, страх, замешательство, любовь. Она была телепаткой, проецирующей эмоции и лупила по Вексу всем, что имелось в ее арсенале, совершенно сбита с толку полным отсутствием у него всякой реакции. Это напомнило Роду, кто он такой, и что эти эмоции были иллюзиями. Он сумел игнорировать их, так как Альфар напряжился для удара. Вдруг из стены выскочил камень и врезался в Рода, тот шагнул в сторону, но блок все-таки задел ему плечо. Его пронзила боль, и в ответ в нем вспыхнуло бешенство. Он привалился спиной к стене, лихорадочно борясь за власть над своим гневом, пытаясь канализировать его, зная, что ярость замедлит его рефлексы: они пробьют его защиту и зарубят его.

К нему полетел стрелой еще один блок, и он резко присел на корточки, пригибая голову. Блок врезался в стену позади него. Еще один закрутился, кувыркаясь, и врезался в круп Вексу. Род наэлектризовался от тревоги — если б этот валун ударил Векса в живот, то мог бы пробить ему бронированный бок и повредить его компьютерный мозг!

Род немного замешкался. Он увидел надвигающийся камень, стремительно увернулся, но недостаточно проворно. Его угол врезал ему по бедру. В боку завизжала мучительная боль, превращая всю его ногу в пламя. Колено его подкосилось, и он упал.

И Альфар очутился над ним снова со своим ятаганом, нанося со злорадной усмешкой рубящий удар.

В последнюю секунду Род увернулся. Огромный клинок врезался в каменный пол и вывернулся из рук Альфара. Один из упавших камней взмыл с пола,

прямо ему в лицо. Альфар в шоке завопил, попятился и замер — что-то врезалось в него сзади.

Род поднялся на колено, с трудом пытаясь встать на ноги. Он уставился на препятствие, о которое споткнулся Альфар, и оно на долю секунды уставилось на него в ответ — Джеффри! Мальчик усмехнулся — Его восемнадцатидюймовая шпага молниеносно выскочила из ножен, коля упавшего колдуна, который еле-еле успевал уклоняться. Рука его замолотила по полу, нашла рукоять ятагана и обхватила ее.

На Джеффри обрушился каменный блок. Тот отпрыгнул в сторону, но Род взревел от ярости, когда увидел, как близко пролетел камень. Он ринулся на телекинетичку, но Альфар преградил ему путь, рубя ятаганом. Род подал назад, давая удару просвистеть мимо него, а затем рубанул ребром ладони. Альфар едва увернулся в сторону.

Телекинетичку окружили врезающиеся друг в друга каменные блоки. Она растянула губы в хищном оскале, и по лбу у нее градом покатился пот. Джеффри нырнул под эту каменную ограду и сдвинул выпад вверх. Телекинетичка завизжала и прыгнула назад, споткнулась о Грегори и упала. Дубинка Магнуса шмякнула ей по основанию черепа, и она обмякла.

Корнелия пригнулась, прожигая взглядом другую ведьму. Но между ними возникла ведьма, о которых рассказывается в сказках, в островерхом колпаке, с помелом, кривым носом, бородавками, и безумным старческим смехом, тянущая к девочке скрюченные, словно когти, пальцы. Рядом с ней материализовался стенающий дух, а с полу поднялось что-то огромное, мешковатое и влажное, с желтыми, налитыми кровью глазами, протягивая к девочке щупальца. Но Корнелия плюнула — Сгинь ведьма! Думаешь я младенец? — и запустила в иллюзионистку помелом. Оно, как копьём, пронзило насквозь сказочную ведьму и полетело стрелой к иллюзионистке, которая завизжала и вскинула руки загородиться от него — и дух, ведьма и чудовище исчезли. Но помело кружило и кружило, колотя женщину со всех сторон быстрее, чем та успевала парировать, шмякая ее по голове и плечам.

Она завопила и стремглав бросилась к двери покоев. С потолка опустилось неожиданно помело Гвен и трахнуло женщину по лбу. Глаза у нее закатились, и она рухнула как сноп.

Род опять уклонился от ятагана Альфара, и рукой уперся в стену, когда его пылающая нога подкосилась

под ним. Он оттолкнулся от камня, переместил вес, на здоровую ногу и выхватил свой меч, как раз вовремя, чтобы отразить еще один рубящий удар. Он сделал ответный выпад и укол побыстрее, чем Альфар успел оправиться. Колдун отскочил назад, на дюйм дальше досягаемости укола Рода и увидел на полу двух своих помощников. У него хватило времени, чтобы увидеть, как копыто Векса нанесло телепатке, проецирующей эмоции, удар в висок. Та упала на колени, потом, оглушенная, ничком рухнула на каменные плиты. Он завизжал, и Род прыгнул, хватаясь левой рукой для опоры за руку колдуна.

Альфар стремительно обернулся, увидел опускающийся меч Рода, снова завопил. Род уловил мысленно образ другого места. Закрыв глаза и велел себе не оказываться там, куда телепортировался Альфар. Род смутно услышал раскат грома и понял, что Альфар сумел исчезнуть из помещения в башне. Глаза его сразу раскрылись — и он обнаружил, что по-прежнему цепляется за руку колдуна посреди бесформенной серости, освещенной тусклым светом. Нигде и ничего не было — ничего, кроме его врага.

Альфар огляделся кругом и завопил. — Мы пропали. Род уловил порыв в какое-то, неузнанное им место. Он мрачно сопротивлялся. Тела их закачались, словно пораженные ударной волной, но остались на месте. — Ты в пустоте, — прорычал Род. — И ты не выберешься!

Альфар завопил, хрипя от ужаса и ярости, развернулся рубануть его ятаганом. Но Род рванул его ближе к себе, схватил за правую руку и ударил ею о свое здоровое колено. Его пронзила боль, чуть не заставившая обмякнуть. Альфар все еще вопил, издавая хриплое, задышающееся карканье, а ятаган, кружась, уносился в пустом пространстве. Род двинул колдуну апперкотом по лицу. Тот увернулся, но удар скользнул ему по челюсти. Голова у него откинулась, но он все-таки врезал Роду коленом в пах. От боли Род согнулся пополам, но изо всех сил вцепился в руку Альфара. Его правая рука выдернула из сапога кинжал, и он впрыснул последнюю унцию своей силы во внезапный выпад Альфару в живот. Клинок вонзился под грудную клетку, и Альфар перегнулся, молотя руками и выпучив в агонии глаза.

Жалея его, Род выдернул кинжал и снова вонзил милостиво в сердце. Он увидел, как у Альфара остекленели глаза, а затем тело в его руках обмякло. Какую-то секунду Род держал его, недоверчиво уста-

вась на труп. Затем навалилась горечь, и он почувствовал, как душа его затрепетала от реальности еще одного убийства. — Тут было так — или он или я, — проскрежетал Род. Но никто, кроме его самого, этих слов не слышал.

Он опустил убитого, оттолкнул, и тело уплыло от него, медленно переворачиваясь, оставляя за собой дугу крови. Вращаясь, оно унеслось прочь и растаяло в тумане, отмечая свое отбытие тонкой красной линией.

Род отвернулся, почувствовав тошноту. Долгое, безмерное время он плавал в пространстве, онемелый, с чувством вины, принимая духовную ответственность, сознавая, что поступок был оправданным, необходимым — и тем не менее, ужасным.

Наконец, чувство вины спало, и он открыл свой мозг для других мыслей — Гвен и дети! Все ли они вышли из той рукопашной живыми? И вообще, что они там делают, черт возьми? Неважно, что не будь их там, они лишились бы мужа и отца, но все-таки! Что они делали там, где было так опасно?

Очевидно помогали ему. А им придется помочь ему, или он никогда не сумеет отсюда выбраться. Он не боялся Пустоты. Он уже бывал здесь, между вселенными.

И конечно, теперь он попадет домой тем же путем. Он закрыл глаза и мысленно прислушался. Вот — мысль Грегори, невысказанная, испуганная тоска по отцу — тот же маяк, который привел его домой прежде. Род вздохнул и расслабился, давая мыслям мальчика наполнить свой мозг. А затем он пожелал себе вернуться к своему трехлетнему сыну.

— Они все тут? — Род скрипнул зубами от внезапного укола боли в предплечье.

— Крепись, милорд, — прожурчала Гвен. Она закончила прибинтовывать компресс к его бицепсу. — Да, они прибыли все до одного — все ведьмы и чародеи из Королевского ковена. Даже старая Агата и Гален явились из своей Темной Башни перелетать из деревушки в деревню, беседуя с бедными крестьянами, которые проснувшись, напугались и растерялись, ничего не понимая.

— Я их не виню, — крикнул Род. — Если б я вдруг внезапно пришел в чувство и сообразил, что в последние несколько недель я преданно служил какому-то выскочке в то время, как моего герцога бесцеремонно убрали, я б тоже был немного дезориентирован. Фактически, я был бы чертовски напу-

ган. — Он поморщился, когда Гвен прибинтовала ему руку к боку. — Это действительно необходимо?

— Нужно, — ответила она тоном, не допускающим возражения, только на день-другой, пока не начнет заживать.

— А я даже не заметил, что меня ранили там. — Род пустил взгляд на перевязку. — Но ранение поверхностное.

Гвен кивнула. — Хвала небесам, оно не коснулось кости!

— Лорд Чародей!

Род поднял взгляд.

Они находились в большом зале замка герцога Романова. Это было просторное каменное помещение в тридцать футов высотой, сорок шириной и восемьдесят длиной — и пустое, поскольку все столешницы и козлы сложили у стен по окончании последней трапезы для всернних представлений. Высокий стол по-прежнему стоял на своем возвышении, и Род сидел за ним на одном из стульев, а Гвен рядом с ним — но не на местах герцога и герцогини.

Из тайного хода к ним вышел широким шагом прапор, все еще носящий ливрею Альфара с горящими от возбуждения глазами.

— Вы посадили изменников под замок? — требовательно спросил Род.

— Да, милорд. — Прапор остановился прямо перед Родом. Хорошо, что когда мы проснулись, то мигом узнали, тех солдат, которые были преданы узурпатору по собственной воле.

Род кивнул — По какому-то странному совпадению, они оказались именно теми, кто отдавал приказы.

Было также и несколько рыцарей-авантюристов, преданных Альфару без всякого гипноза. Их Роду пришлось посадить в темницу самому, ввиду наличия сопротивление. Но после того, как другие увидели, что с ним случилось, они пошли в темницу покорно. Было просто стыдно потерпеть поражение от стайки детей... Пара предателей с более быстрой реакцией, правда, сбежали, как только вокруг них начали пробуждаться крестьяне. Рода это устраивало, у него было под рукой несколько тысяч солдат, нуждавшихся в каком-то деле для успокоения своей совести. Охота для этого отлично подойдет.

Но примкнувших к Альфару простых солдат можно было предоставить заботливому милосердию их бывших товарищей — коль скоро Род ясно дал

надежду, что они останутся в живых. — Так значит вы нашли самую глубокую и темницу, чтобы заточить их в нее?

— Да, милорд. — Глаза у прапора запылали. Мы освободили ее от единственного обитателя. — Он с поклоном обернулся к заставленному ширмами проходу, и в зал, прихрамывая вошел бывший заключенный. Камзол и рейтузы на нем были порваны и покрыты коркой запекшейся крови, лицо было вымазано грязью, а волосы сваялись. Вдоль правой стороны лица у него тянулся длинный синевато-багровый порез, который, наверняка, оставит после себя страшный шрам. Он тяжело хромал, руки и ноги у него ослабли от бездействия, но держался он, выпрямив спину и высоко подняв подбородок. С ним шли двое рыцарей, ошеломленных, не понимающих ничего, что с ними происходит, но прямых и гордых. За ним следовал с растерянным видом Саймон.

Род с усилием поднялся на ноги, не обращая внимание на глужий протест раненого бедра, а прапор провозгласил:

— Приветствую вас милорд, герцог Романов!

Род спустился с помоста и стиснул за плечи человека бывшего когда-то его врагом. — Хвала небесам, вы живы!

— И вам за это отличное спасение! — склонил голову герцог. — Рад встрече, лорд Чародей! Я, и род мой, всегда будем в долгу перед вами и вашими!

— Ну может быть больше перед “вашими”, чем перед “вами”. — Род оглянулся на детей, сидевших чинно и смирно на ступенях возвышения позади так и светившейся от гордости матери.

— Когда дело дошло до критического момента им пришлось вытаскивать мой бекон из огня.

— Тогда я от души благодарю вас, леди Гэллоутлас, и вас, храбрые дети! — герцог снова склонил голову.

Краснея, они вскочили на ноги и поклонились.

Когда герцог выпрямился, на лице его читалось беспокойство. — Лорд Чародей — моя жена и дети. Они... спаслись?

— Спаслись, и моя жена и дети позаботились чтобы они добрались до Раннимиды благополучно. — Род повернулся к Гвен — Не так ли?

— Истинно так, милорд. Мы не отступились от того, что обещали тебе сделать.

— Да — вы никогда не обещали мне оставаться в безопасном месте, не так ли? Но Альфар что-то упомянул об уготованной вам страшной участи...

— В самом деле! — еще шире раскрыла глаза Гвен.

— Значит дальше намерений дело так и не пошло. Интересно, был ли ты столь милостив разделяясь с ним.

— Я никогда не любил затяжных смертей. — Но Род почувствовал себя от всего этого лучше.

— Он также намекал, что герцогиня и ее мальчики не остались в безопасности...

— Снова ложь, — поспешно заверила Гвен, когда на лице у герцога вновь появилась тревога.

— Мы проводили их до Раннимиды, где они пребывают в безопасности под защитой их Королевских величеств.

— Да... для чего ж еще существуют монархи? — Но Род заметил промелькнувшую на лице Романова тень стыда, видимо при воспоминании о его участии в мятеже.

— Мы всего три часа назад играли с ними, папа, — добавил Джефри.

Герцог испустил вздох, успокаиваясь. А затем в нем проснулся отец и хозяин дома. — Три часа? И ваши дети еще время не обедали? — Он мигом повернулся к прапору. — Любезный прапор, отыщи-ка поваров! Пробуди их от дремоты и прикажи подать мяса и вина — и медовые коврижки.

Дети заметно оживились.

— Три часа назад. — Герцог, нахмутив лоб, снова повернулся к детям. — Это было в Раннимиде?

Дети кивнули.

Герцог опять повернулся к Роду. — Как же они смогли прийти к вам на помощь?

— Хороший вопрос. — Род снова повернулся к Гвен. — Здесь было довольно опасно, дорогая. Как близко вы все-таки находились, дожидаясь, когда вы мне понадобится?

— Мальчики находились в Раннимиде, милорд, как ты только что слышал, — ответила Гвен. — Они могли находиться там, поскольку способны одолеть сотню лиг, не успев и глазом моргнуть.

Роду было известно, что возможности у них намного больше, но говорить об этом, казалось, неблагоприятным.

— Вначале, — продолжала Гвен. — Мы с Корделией пребывали вместе с ними, ибо могли следить за твоими мыслями, даже с такого расстояния, и прилететь к тебе на помощь, если б ты оказался вблизи опасности. И потому меня сильно встревожило, когда твои мысли внезапно прекратились.

Корделия подтверждающе кивнула, глядя огромными глазами. — Она плакала, папа.

— О, нет, милая! — схватил Род за руки Гвен. — Я не хотел...

— Да, поистине. — Улыбнулась она. — И все же ты поймешь мою озабоченность.

Род медленно кивнул. — Конечно.

— Посему я оставила мальчиков под защитой Их Королевских Величеств и Брома О'Берина, и снова вылетела на север. Я приняла обличье скопы...

Род закатил глаза кверху. — Я знал, когда увидел того рыбастроба в такой дали от моря, что попал в беду! — Конечно, он знал, что в действительности Гвен могла уменьшаться до размеров птицы не больше, чем бабочка сыграть роль акушерки при жирафе. Это было просто спроецированной иллюзией, заставлявшей людей думать, будто они видят птицу вместо женщины. — Если б я не оградил щитом свои мысли, то, вероятно, увидел бы твои чары насквозь!

— Если б ты не оградил щитом свои мысли, мне не пришлось бы подлетать так близко, чтобы увидеть тебя, — отпаривала Гвен. — И хоть ты и замаскировался, я узнала тебя, Род Гэллоуглас. Это, по крайней мере, успокаивало.

— А потом, — закончила Гвен — Требовалось лишь прислушиваться к мыслям того доброго человека, ехавшего рядом с тобой. — Гвен повернулась к Саймону — Спасибо вам, мастер Саймон.

Старший Чародей все еще выглядел сконфуженным, но, тем не менее, поклонился, улыбаясь, — Для меня было большой честью послужить ему, миледи, хоть я и не знал всего.

— А когда вас схватили, — продолжала рассказ Гвен, — я вызвала к себе Корделию, сидеть, дожидаясь в заброшенной пастушьей хижине. Затем, когда ты вырвался из-за своего щита, я уже и сама могла услышать твои мысли.

— Правда, ты и не собиралась пропускать их, — пробормотал себе под нос Род.

— Ну, разумеется нет! — негодуя воскликнула Гвен. — Затем, когда ты явился в башенные покои, я поняла, что миг битвы близок и вызвала Корделию из хижины лететь к башне; а когда то таинственное устройство прекратило подчинять всех и вся и начало освобождать от чар, я поняла, что время битвы настало.

И тогда я вызвала твоих сыновей, чтобы семья снова могла быть вместе.

— Очень по-домашнему, — усмехнулся Род. — И, хотя я был очень рад всех вас видеть, не буду скрывать, я б радовался еще больше, зная, что дети в безопасности до самого последнего часа.

— Безусловно, милорд! Я б не стала подвергать их опасности.

Род с подозрением поглядел на нсе. — А как бы ты назвала последнюю стычку — домашним заданием?

— О, нет! Для этого она была через чур отличной! Сплошной восторг! — воскликнул Джефри.

— Домашнее задание — сплошной восторг, — пролепетал Грегори.

— Папа! — негодуяще воскликнула Корделия, а Магнус выпятил подбородок на дюйм дальше. — Это было не труднее, чем работать по дому.

— Мы уже сражались с каждым и каждой из них, — напомнил ему Джефри — и знали их силы, за исключением Альфара, а его мы предоставили тебе.

— Приятно знать, что вы так уверены во мне. Но могли произойти несчастные случаи...

Таковые всегда могут произойти с детьми, — вздохнула Гвен. — Здесь, по крайней мере, они были у меня на глазах. Сам подумай, муж, что могло б случиться, если б мне пришлось оставить их на кухне, без присмотра.

— Твой довод ясен, — содрогнулся Род — пожалуйста, не устраивай такого эксперимента. — Он повернулся к герцогу.

— Вам когда-нибудь доводилось чувствовать себя лишним?

— Нет, папа, — воскликнул Магнус. — Мы могли лишь помочь тебе закончить эту кампанию.

— Истинно, — поддакнул глядя крутыми глазами Грегори. — Мы мало знали, чтобы заставить колдуна принять бой.

Но Род уловил лукавый взгляд, которым обменялись Магнус и Джефри. Однако при данных обстоятельствах он счел более разумным не упоминать об этом.

— Итак, муж мой, — схватила его за руки Гвен — В том бою я все время слышала твои мысли. Гнев твой присутствовал там, но ты сдерживал его. Значит ты принял близко к сердцу совет этого доброго человека? — она кивнула на Саймона.

— Да, — подтвердил Род. — На этот раз он подействовал.

— Ты хочешь сказать, папа, что ты не будешь больше гневаться? — вскричала Корделия, а остальные дети обрадованно подняли головы.

— Не могу этого обещать, — уклончиво сказал Род. — но, думаю, мне удастся лучше сдерживать гнев. А в чем дело? Что вы там затеяли?

Их ответ опередило появление поваров, спотыкаясь, доставивших обед. Они расставили блюда по столу, и дети с радостными криками кинулись туда. Первым туда добрался Мангус, и открутив у курицы ножку сунул ее отцу. — Вот, папа! Эта твоя законная часть!

— Ну спасибо, — поблагодарил позабавленный Род. — Приятно знать, что я пользуюсь здесь некоторым рангом.

— А другую мне. — Корделия протянула руку за другой куриной ножкой.

— Нет, тебе птичьих ножки никогда не нравились!

Рука Джеффри молниеносно метнулась вперед и схватила кость раньше нее.

— Отдай! — закричала Корделия. — Я первая предъявила на нее права!

— А коснулась ее первой моя рука!

— Но я добрался до птицы раньше вас обоих! — положил руку Магнус на кость раздора. — Если я не забыл об отце, это еще не отстраняет меня от выбора!

— Э, дети, — кротко обратился к ним Род. — потише, пожалуйста.

— Она моя!

— Нет моя!

— Я самый старший! Мое право первое!

— Дети — Род чуть повысил голос. — Прекратите!

Гвен успокаивающе положила ладонь ему на руку. Это действовало, его гнев так и полыхнул.

Корделия повернулась к братьям. — Так вот, черт возьми, вы самые надменные, грубые мальчишки, каких когда-либо видел...

— А зачем черту брать тебя? Ты и так чертовка!

И спор перешел в дикие крики обвинений и контробвинений.

Род стоял, оцепенев, пытаясь сдержать нарастающий гнев. Затем он поймал взгляд Саймона. Род пристально посмотрел в спокойные, отвечающие ему ровным взглядом глаза Саймона и запас силы, которой за собой и не считал. Он сделал глубокий вдох и напомнил себе, что их ссоры могут придавать ребячий вид им (как оно и предполагается), но не ему. Если он не начнет кричать вместе с ними. Эта мысль обуздала его гнев и сдерживала его. Он был самим собой, Родом Гэллугласом — и был самим собой, ни менее важным, ни вообще меньшим, в каком-либо

смысле, просто потому, что его дети не обращали на него внимания.

Но он знал, как добиться их внимания. Протянув руку, он схватил последнюю куриную ножку и открутил ее.

Дети с удивлением резко развернулись к нему. — Папа! Нет! Тебе не нужна! У тебя уже есть одна, папа!

Так несправедливо! — заикнулся и маленький Грегори, агрессивно выставив подбородок поверх сложенных рук.

— Но это разрешает спор, — указал Род. Он повернулся к Гвен, и, рисуясь, с поклоном вручил ей куриную ножку. — Дорогая, сегодня ты спасла положение. Твоя слава ничуть не уступает моей.

— Но, папа! — уперла кулачки в бока Корделия, сердито глядя на него. — Тебе же полагается быть теперь любезным папочкой!

— Да ну, — промурлыкал Род, — с чего это ты взяла?

СОДЕРЖАНИЕ

Чародей раскованный	5
Чародей в ярости	299

Кристофер Сташефф

Чародей раскованный.

Чародей в ярости.

Главный редактор **О.В. Давыдов**
Технический редактор **А.Н. Игнатов**
Корректор **Р.И. Егорова**
Переводчик **В.А. Федоров**

ЛР № 061245 от 29 марта 1992 г. Подписано в печать 02.09.93 г.
Формат 84×108^{1/32}. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 27,56.
Усл.-кр.-отт. 26,10. Уч.-изд. л. 26,3. Тираж 50000. Зак. 514.
Цена договорная.

Компания ГРИФ-Ф Лтд.
127434, Москва, Ивановский пр., д. 18.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ИПО Профиздат,
109044, Москва, Крутицкий вал, 18.

ЧАРОДЕЙ РАСКРЕПОЩЕННЫЙ
ЧАРОДЕЙ РАЗГНЕВАННЫЙ

К. СТАШЕФФ